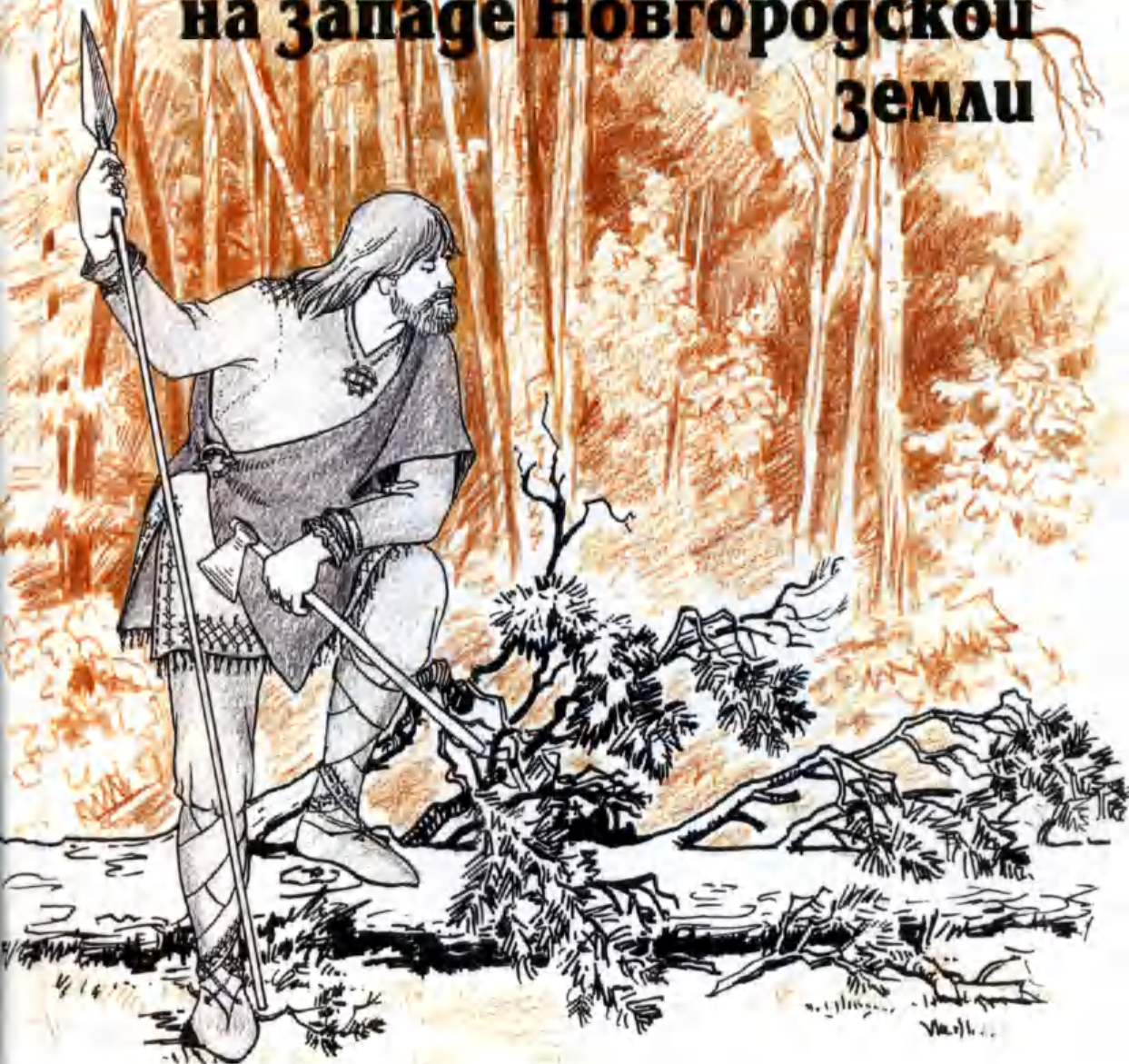

Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

**Финны
на западе Новгородской
земли**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Proceeding. Volume VI

N. V. KHVOSHCHINSKAYA

**FINNS IN THE WEST
OF THE NOVGOROD LAND**

**(on the basis of materials from the cemetery
of Zalakhtovie)**

St. Petersburg

2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Труды. Том VI

Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

**ФИННЫ НА ЗАПАДЕ
НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ**

(По материалам могильника Залахтовье)

ДБ

С.-Петербург

2004

Монография посвящена изучению крупнейшего могильника на восточном побережье Чудского озера у дер. Залахтовье, относящегося ко второй половине I тыс. — первым векам II тыс. н. э. На базе всестороннего анализа и систематизации материалов, в большей части полученных автором во время раскопок 1970—80-х годов, рассмотрены материальная культура, хронология и этнический состав группы населения, оставившей этот погребальный памятник. Особое внимание уделено изучению места залахтовского могильника среди древностей северо-запада Новгородской земли и Эстонии. Оцениваются общие закономерности развития материальной культуры и вклад финно-угорского и славянского населения в формирование древнерусской культуры.

Издание рассчитано на археологов и историков.

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 00-01-00219а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ
проект № 02-01-16183д*

© Н. В. Хвошинская, 2004
© ИИМК, 2004
© «Дмитрий Буладин», 2004

ISBN 5-86007-409-3

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
История изучения и топография могильника	11
Погребальный обряд	18
<i>Погребальные сооружения второй половины I тысячелетия н. э.</i>	18
<i>Погребальные сооружения XI в.</i>	27
<i>Курганы XI—XII вв.</i>	44
<i>Поздние грунтовые труположения</i>	58
Материальная культура	59
<i>Головные украшения</i>	60
<i>Шейные гривны</i>	61
<i>Бусы</i>	64
<i>Нагрудный комплекс украшений</i>	68
<i>Подвески</i>	71
<i>Фибулы</i>	79
<i>Браслеты</i>	83
<i>Перстни</i>	89
<i>Металлические детали пояса</i>	91
<i>Пуговицы</i>	93
<i>Оружие</i>	93
<i>Снаряжение всадника</i>	96
<i>Предметы домашнего обихода и орудия труда</i>	97
<i>Торговый и сельскохозяйственный инвентарь</i>	104
<i>Орудия рыбной ловли</i>	106
<i>Прочие металлические предметы</i>	107
<i>Керамика</i>	107
<i>Ткани и одежда</i>	110
Хронология могильника	132
Место Залахтовья среди древностей лесной зоны Восточной Европы	143
Вместо заключения	177

Каталог погребальных комплексов	181
<i>Часть I. Материалы раскопок 1973—1984 гг.</i>	181
<i>Часть II. Материалы раскопок С. Г. Попова 1988 г.</i>	230
<i>Часть III. Материалы раскопок К. В. Кудряшова 1911 года</i>	231
<i>Часть IV. Материалы раскопок А. А. Спицына 1911 года</i>	235
<i>Часть V. Материалы раскопок К. Д. Трофимова 1908—1909 гг.</i>	251
Литература	263
Список сокращений	279
Finns in the West of the Novgorod Land. Summary	280
Таблицы	291

ВВЕДЕНИЕ

В середине XI в. на всей территории складывающейся Новгородской земли проходило формирование единой древнерусской материальной культуры. На этот интеграционный процесс воздействовали три основных фактора: 1) распространение славянской культуры, отражавшей расселение славян в лесной зоне Восточной Европы; 2) развитие городского ремесла, которое определяло унификацию типов орудий труда, бытовых предметов, оружия и единую моду на ювелирные украшения на широких территориях; 3) христианизация населения. Однако эти явления проходили по-разному в отдельных областях и микрорайонах рассматриваемого региона, что было обусловлено степенью участия и ролью в отмеченном процессе славян и местного финно-угорского населения, характером их взаимоотношений, близостью городских центров и географическими особенностями различных областей.

На западной окраине Новгородской земли уникальным культурным феноменом является могильник Залахтовье, расположенный на побережье залива Лахта (или Тепло́го) Чудского озера (рис. 1). Сразу после первых раскопок в начале XX в. К. Д. Трофимовым памятник привлек к себе внимание исследователей яркостью представленной в нем материальной культуры и ее своеобразием по сравнению с древностями Ижорского плато и Северо-Восточного Причудья. Не случайно крупнейший знаток восточноевропейских древностей А. А. Спицын тут же организовал специальную поездку в эти места со студентами и раскопки курганов.

Основные споры в научных кругах развернулись в связи с этнической интерпретацией памятника. Дело в том, что материальная культура, представленная в залахтовских погребениях, своей самобытностью сильно отличается от культуры погребальных памятников близлежащих территорий. В связи с этим в литературе высказывались мнения, что курганы Залахтовья были оставлены либо местным финским населением, в частности водью, либо балтами, скорее всего, латгалами или близким к латгалам восточнобалтийским племенем. Многолетние исследования памятника, к которым подтолкнуло его варварское разрушение весной 1973 г., начались в том же году и продолжались до 1984 г. археологической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством автора. Они позволили получить новые материалы, в значительной степени уточняющие результаты дореволюционных раскопок, и выявить особенности как в характере погребального обряда этого могильника, так и в его материальной культуре.

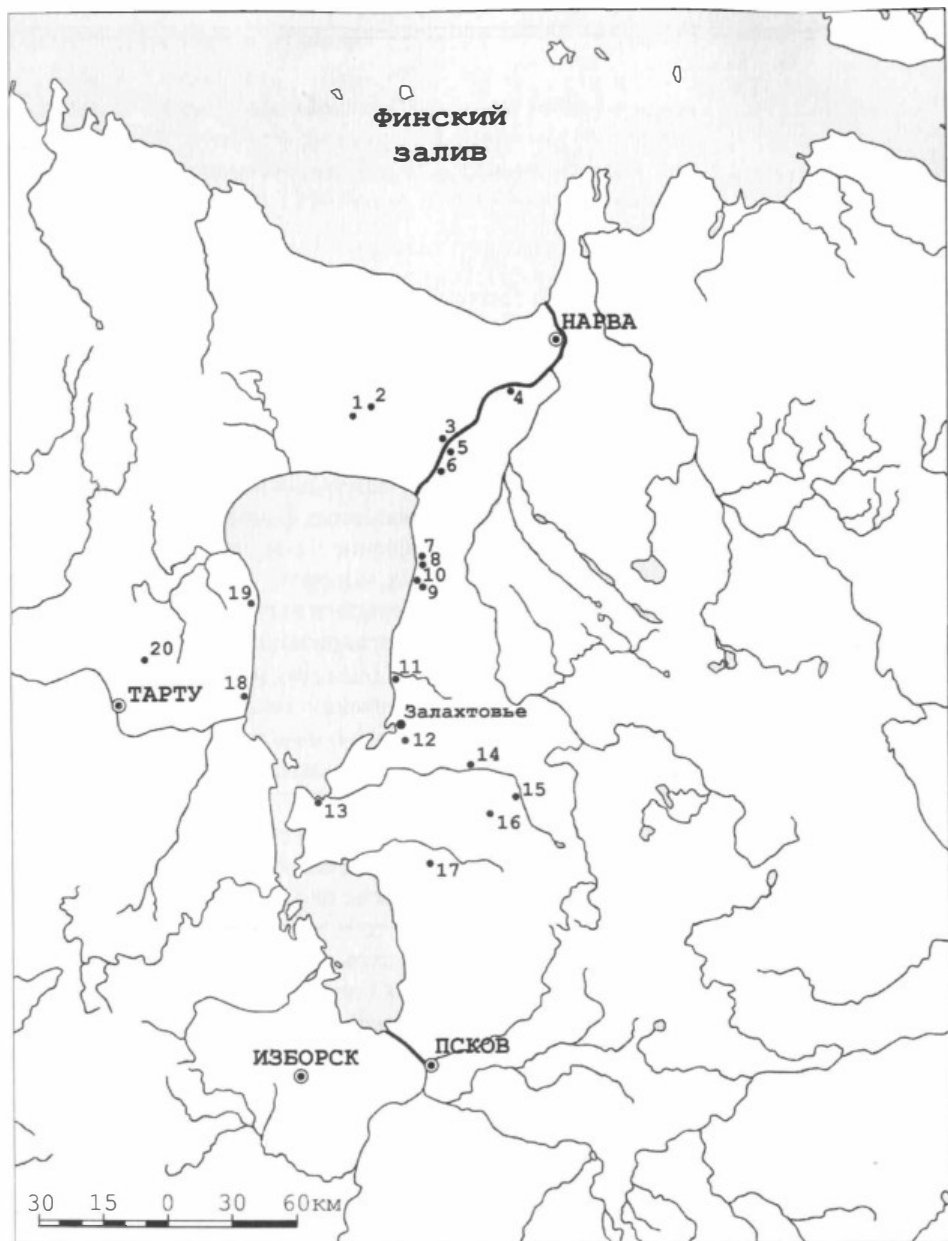

Рис. 1. Место расположения Залахтовья и основных погребальных памятников Причудья XI—XII вв.:

- 1 — Йыуга; 2 — Куремяэ (Пюхтица); 3 — Кунингаюля; 4 — Криуши; 5 — Ольгин Крест; 6 — Скарятин Гор; 7 — Павлов Погост; 8 — Малая Каменка; 9 — Верхояны; 10 — Калихновщина; 11 — Сторожинец; 12 — Кятцы; 13 — Самолва; 14 — Дубница; 15 — Безьва; 16 — Замежничье; 17 — Сельцо; 18 — Лахепера; 19 — Раатвер; 20 — Веду

Специфическими чертами Залахтовья являются присущий только этому могильнику характер эволюции погребального обряда, наличие особого типа трупосожжений и бескурганых труположений, господство восточной ориентировки погребенных, а материальная культура населения, оставившего Залахтовье, имеет ярко выраженный прибалтийско-финский характер. Интересные данные получены о соотношении погребального обряда и набора инвентаря с половозрастными характеристиками умерших. Общий облик материальной культуры залахтовцев свидетельствует о том, что на рубеже X—XI вв. в этом районе складывающейся Новгородской земли имела место миграция древнего эстонского населения с западного побережья Чудского озера. Небольшая группа переселенцев сохраняла свое своеобразие в материальной культуре в течение двух столетий, и на примере Залахтовья мы можем видеть, как постепенно культура финнов интегрируется и растворяется в древнерусской культуре. Под влиянием окружающего населения к XIII в. материальная культура Залахтовья постепенно теряет свои характерные особенности и уже ничем не отличается от древнерусской культуры западных районов Новгородской земли. Включенная в общий процесс сложения древнерусской народности, эта небольшая группа западных финнов постепенно утратила свои этнические черты.

В данном исследовании мы постарались наиболее полно опубликовать все сведения, полученные во время работ нашей экспедиции, а также включить уже увидевшие свет материалы К. Д. Трофимова. Впервые издаются в наиболее полном виде результаты исследований К. В. Кудряшова. Публикуются материалы раскопок А. А. Спицына, отчет о которых не был представлен в архив Археологической комиссии и о которых можно судить только по описи вещей и сохранившейся в фондах Государственного Эрмитажа коллекции находок.

Учитывая важность и уникальность памятника, мы решили издать результаты его исследования по отдельным комплексам, дав общую характеристику погребального обряда в его развитии, хронологию различных групп древностей, попытаться представить их этническую и социальную интерпретацию и место данного средневекового некрополя среди древностей лесной зоны Восточной Европы. Работа сопровождается каталогом захоронений и иллюстративным материалом.

Большое значение при изучении столь крупного погребального комплекса имеют данные антропологии. Мы глубоко благодарны кандидату биологических наук Нине Михайловне Ермоловой, возглавлявшей в 1970-е годы Лабораторию археологической технологии ЛОИА АН СССР, взявшей на себя непростой труд по анализу кальцинированных костей из погребений. Антропологические материалы из захоронений по обряду ингумации не очень многочисленны ввиду плохой сохранности органических остатков в песчаной почве. В большинстве глубоких погребальных ям, где к уровню захоронений близко подходили грунтовые воды, кости полностью истлели. Удалось собрать останки, прежде всего челюсти, приблизительно из двух десятков погребений. Рита Гравере, сотрудник Института истории Академии наук Латвии, смогла дать половозрастную характеристику 16 захоронений, за что мы ей искренне признательны.

Исследования Залахтовья экспедицией ЛОИА АН СССР продолжались восемь полевых сезонов. В течение этого времени свой вклад в раскопки памятника внесли многие школьники и студенты вузов Ленинграда и Москвы. Особая

моя благодарность тем, кто постоянно поддерживал и помогал мне в организации и проведении экспедиции: Л. Н. Кержковской, О. М. Прудько, Т. Н. Бороухиной, С. Г. Попову, Т. С. Дорофеевой, Н. В. Головачёвой.

Значительный вклад в подготовку иллюстративного материала к этой монографии внесли сотрудники Института истории материальной культуры РАН Г. А. Кузнецова и А. В. Плохов, которым я особенно признательна. Г. А. Кузнецова для данной публикации зарисовала большую часть вещевых находок как в полевых условиях, так и при работе над музейными коллекциями в Санкт-Петербурге, а А. В. Плохов осуществил компьютерную компоновку таблиц. Помощь в наборе текста каталога, в оформлении таблиц и карт мне оказали мои дети — Андрей и Катя.

Я также искренне благодарна за многие критические замечания, дружеские советы и поддержку своему мужу Е. Н. Носову, неоднократно непосредственно участвовавшему в работе экспедиции.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ТОПОГРАФИЯ МОГИЛЬНИКА

Залахтовский курганный могильник расположен на песчаной дюнной гряде, проходящей на протяжении 2 км вдоль восточного берега залива Чудского озера и возвышающейся на 3—4 м над уровнем воды. Древнее название залива Лахта, несомненно, имеет финское происхождение. Оно сохранилось и на ряде карт. Именно от него и происходит название современной деревни Залахтовье, то есть деревни, находящейся за заливом Лахта. Однако в начале XX в. залив иногда называли Теплым. Курганы вытянуты узкой полосой на расстоянии в 500 м от берега по самому гребню дюны, в наиболее высокой ее части. С южной, восточной и северной сторон к песчаной гряде подступают низкие, часто заболоченные участки. Севернее могильника гряда перерезается впадающим в озеро ручьем, на берегу которого находится синхронное курганам поселение (рис. 2, 3, 4).

Первые исследования могильника у деревни Залахтовье были проведены в 1908 г. К. Д. Трофимовым при участии А. И. Успенского, которые раскопали 70 курганов (Трофимов А-1908: 9—20; А-1908—1909: 233; 1909¹). В архивном деле, содержащем отчет об этих раскопках, имеются сведения не только о 70 курганах, опубликованные в 1909 году, но и данные еще о пяти насыпях, также изученных К. Д. Трофимовым (О раскопках 1909: 50—51; Учетный каталог 1931: 64—104). По всей видимости, пять курганов, имеющие нумерацию от 71 до 75, результаты исследования которых не вошли в публикацию, были раскопаны несколько позднее, чем основная группа насыпей, уже после подготовки к печати отчета. Скорее всего, они были исследованы в 1909 году. Общий топографический план могильника К. Д. Трофимовым снят не был. При публикации материала автор представил лишь схему расположения 70 раскопанных курганов (рис. 5), а описывая топографию могильника, отметил, что «залахтовское кладбище представляет собой группу невысоких расплывчатых курганов числом до ста, расположенных в виде двух треугольников, соединяющихся вершинами» (Трофимов 1909: 2).

В 1911 г. 7 насыпей в Залахтовье исследовал К. В. Кудряшов (Кудряшов 1913: 255—263; Учетный каталог 1931: 44—63; материалы хранятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа — кол-

¹ Ссылки в тексте даются в соответствии с сокращениями по спискам литературы и архивных материалов и с указанием номеров страниц, рисунков и таблиц.

Рис. 2. Ситуационный план расположения селища и могильника у дер. Залахтовье:
1 — селище; 2 — могильник

лекция № 878, опись вещей см.: О раскопках 1911: 62—63). Автор раскопок, как и К. Д. Трофимов, не указал, в какой части могильника находились эти курганы. Сопоставление материалов, полученных при работах К. Д. Трофимова и К. В. Кудряшова, показывает, что исследованные ими насыпи резко отличались по обряду ингумации: все курганы, раскопанные К. Д. Трофимовым, содержали погребения на горизонте земли, а насыпи, исследованные К. В. Кудряшовым — погребения в больших подкурганных ямах. Учитывая, что в могильнике имеются четкие различия в размещении отдельных групп захоронений, установленные при наших работах в Залахтовье, можно заключить, что курганы, изученные

Рис. 3. Общій вид на могильник с севера

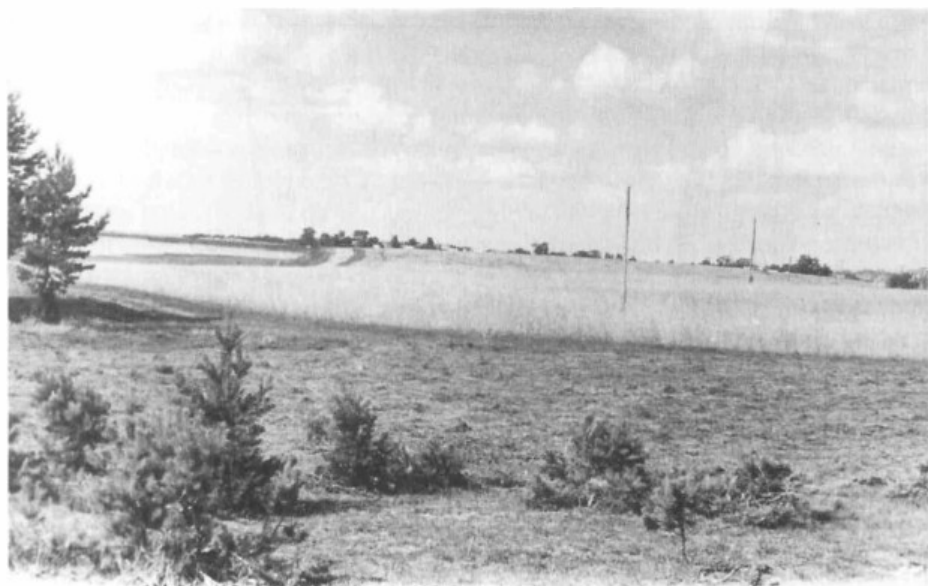

Рис. 4. Общій вид на селіще с юга

Планъ мочковата при деревни Злазатовое
 Кувшиново С. В. губ. Рыдовскаго уезда
 Ступинской волости.

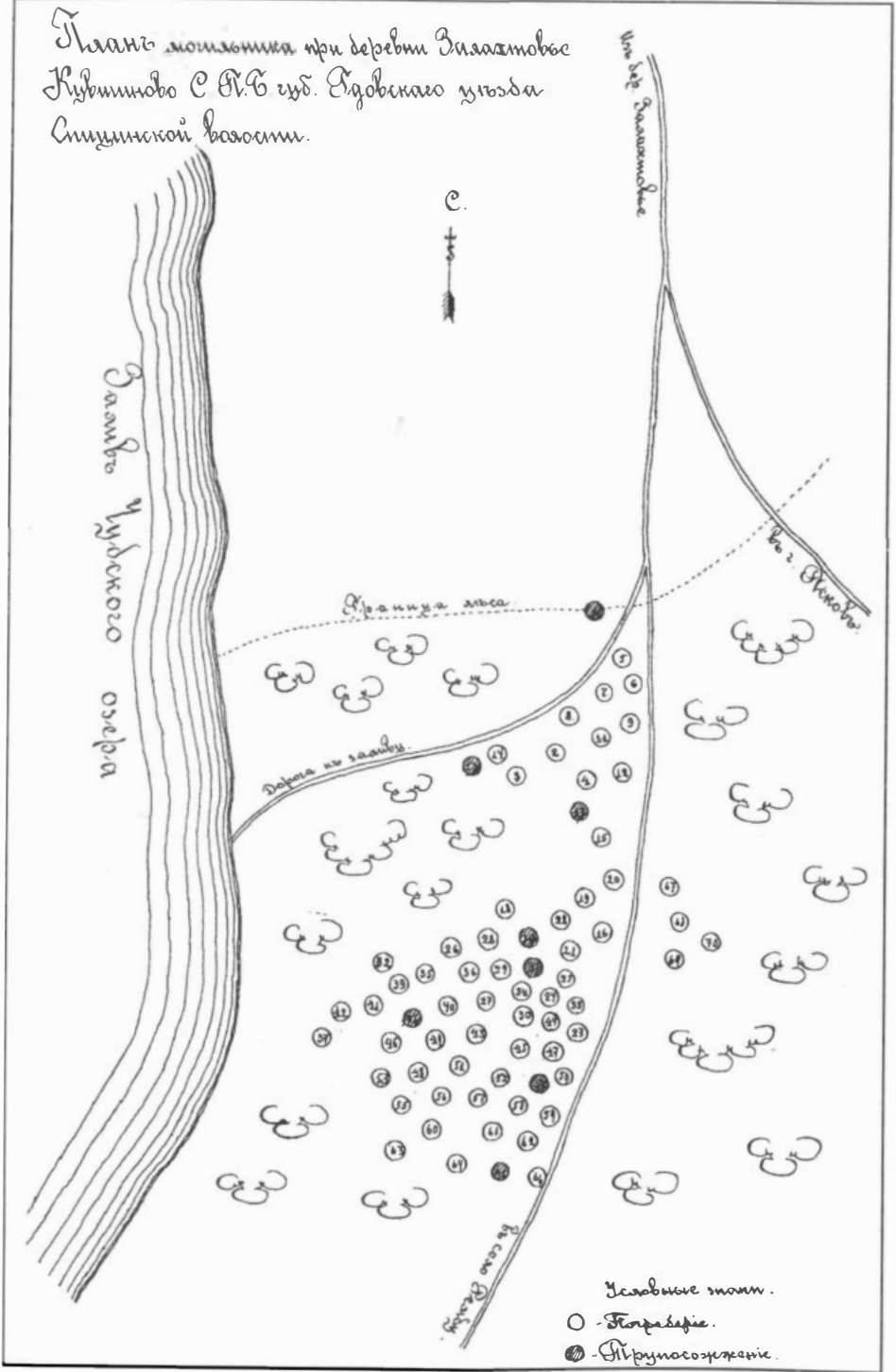

Рис. 5. План-схема К. Д. Трофимова (по публикации 1909 г.)

К. Д. Трофимовым, располагались в северной части могильника, а К. В. Кудряшовым — в центральной.

К. В. Кудряшов полностью издал описания раскопанных им курганов, однако в публикации воспроизвел лишь 12 предметов и шесть бусин, а при упоминании остальных вещей ссылаясь на таблицы уже изданных к тому времени томов «Материалов по археологии России». В данной монографии мы восполняем этот пробел и публикуем все вещевые комплексы, полученные при раскопках К. В. Кудряшова, зарисованные нами в фондах Эрмитажа.

В 1911 г. раскопки курганов в Залахтовье наряду с К. В. Кудряшовым предпринял А. А. Спицын, исследовавший 10 насыпей. К сожалению, отчета об этих раскопках в делах Археологической комиссии нет, и об их результатах и полученных материалах можно судить лишь по кратким сведениям в «Отчете Археологической комиссии» за 1911 г. (Спицын 1914: 67—68), описям вещей, имеющимся в архиве ИИМК (О раскопках 1911: 197—200), а также по коллекции вещей, хранящейся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (коллекция № 721). В каком месте могильника копал А. А. Спицын, не известно. Судя по составу вещевого материала эрмитажной коллекции, можно достаточно уверенно говорить, что это была центральная часть памятника. Три комплекса — № 1, 6 и 9 — явно представляют собой полный набор инвентаря, очевидно, грунтовых подкурганых труположений и аналогичны таким же комплексам, раскопанным нами в центральной части могильника. Другие «комплексы» по А. А. Спицыну включают в основном вещи, побывавшие в огне и по типу аналогичные предметам, полученным нами при исследовании грунтовых сожжений и деревоземляных сооружений. Однако определенная неясность в отношении их полного состава остается. Дело в том, что, в сравнении с теми комплексами, которые исследованы в последние годы, они производят впечатление наборов разрозненных вещей. Мы думаем, что А. А. Спицын раскопал насыпи в зоне расположения деревоземляных сооружений и грунтовых сожжений и не разобрался в полной мере в том, что исследовал. В результате отдельными комплексами он обозначил группы находок, возможно даже из одного захоронения. Сейчас мы прекрасно знаем, что вещи в деревоземляных сооружениях располагались не компактно, а были рассеяны. В полной мере понять соотношение отдельных сооружений в данной зоне могильника без раскопок широкой площадью невозможно, при том что все дореволюционные исследователи в соответствии с методикой того времени копали траншеями. К. В. Кудряшов непосредственно на чертежах отмечал, как проходили траншеи, а предваряя описание комплексов, отмечал, что чаще всего применялся способ «раскопки траншеями или секторами, с сохранением вертикальных стенок для более удобного изучения профиля» (Кудряшов 1913: 255). В свою очередь, при изучении насыпи длинного кургана № 154 нами были зафиксированы четыре траншеи, имеющие правильную прямоугольную форму. Ясно, что это были не случайные ямы. Также известно, что длинный курган значительных размеров до наших работ в Залахтовье исследовал только А. А. Спицын. Нет сомнения, что зафиксированные траншеи являются следами его раскопок.

В 1957—1960 гг. при обследовании памятников Псковской области отрядом комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища был снят общий глазомерный топографический план могильника, на котором зафиксировано

96 курганных насыпей (Раппопорт, Станкевич, Годунова 1966: 36—37). В отличие от схемы К. Д. Трофимова, где все курганы отмечены правильными небольшими кружками, на этом плане насыпи различались по своей форме на круглые, овальные и длинные. Кроме того, на нем также были показаны курганы, которые, по мнению авторов обследования, были изучены в предыдущие годы.

В 1972 г. залахтовский могильник подвергся грабительским раскопкам, которые нанесли памятнику значительный ущерб, более половины захоронений оказались варварски разграбленными или вовсе уничтоженными (рис. 6). Чтобы оценить урон, нанесенный грабителями, в 1973 г. в Залахтове выехала небольшая группа под руководством автора, тогда еще студентки 5 курса Ленинградского государственного университета. С этого времени начинаются исследования могильника Гдовским отрядом ЛОИА АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН). Раскопки с разной интенсивностью продолжались в течение 10 полевых сезонов (Хвошинская, Прудько 1974; Хвошинская, Прудько, Тюленев, Тюленева 1975; Хвошинская, Фридберг 1976; Хвошинская 1983, 1984, 1985-а, 1986; Хвошинская А-1973—1978, 1981—1984; материалы раскопок хранятся в Псковском историко-архитектурном музее-заповеднике, в Музее истории Санкт-Петербурга и Государственном Эрмитаже). В различных частях могильника были раскопаны отдельные насыпи, а в центре памятник исследовался сплошной площадью (вскрыто 1164 м²) (табл. I). Наши работы позволили обнаружить в Залахтове новые типы погребальных сооружений, которые предшествовавшими исследователями не фиксировались, а также выявить интересные детали погребальной обрядности. Всего за эти годы раскопано 63 кургана, 20 деревоземляных сооружений типа «домиков мертвых», 18 грунтовых трупосожжений (включая захоронения животных), восемь грунтовых трупоположений и пять поздних грунтовых могил. Впервые рядом с могильником открыто синхронное ему поселение.

В 1986 г. небольшие работы на памятнике проводил С. Г. Попов, которым была исследована одна насыпь культуры длинных курганов, описания которой с согласия автора введены в каталог.

Тщательное обследование могильника позволило установить, что число сохранившихся сейчас курганов почти в три раза превосходит число насыпей, отмеченных комплексной экспедицией, и достигает 251. Безусловно, что первоначальное количество насыпей в могильнике было еще больше, поскольку около 20 курганов в его северо-восточной части уничтожены карьером, а из 92 курганов, раскопанных в дореволюционное время траншеями, многие небольшие по размеру насыпи к настоящему времени не сохранились. Следует иметь в виду, что в 50—100 м к северу от основной группы курганов зафиксированы отдельные редко расположенные насыпи, производящие впечатление сильно разрушенной части могильника. Действительно, проведенные нами рядом с этими курганами раскопки неровной, изрытой поздними ямами и траншеями площади показали, что здесь имеются захоронения в небольших грунтовых ямах — по всей видимости, остатки разрушенных курганов и поздних грунтовых захоронений. Все это свидетельствует о том, что могильник тянулся еще на 100 м к северу от фиксируемого сейчас плотного скопления насыпей, вплоть до сохранившихся на краю гряды отдельных курганов. Первоначальное количество курганных

Рис. 6. Вид одной из насыпей, подвергшейся грабительским раскопкам

насыпей в могильнике определить, конечно, уже невозможно, но, видимо, их было не менее 300.

В 150 м южнее основной части могильника находится еще одна небольшая компактная группа из семи курганов, а в 400 м южнее ее — еще две полусферические насыпи.

Таким образом, Залахтовье по своим размерам является самым значительным из всех известных погребальных памятников восточного побережья Чудского озера и одним из наиболее исследованных.

На этой же дюнной гряде, в 300 м севернее погребального комплекса, расположено связанное с могильником древнее поселение. Селище занимало мыс, образованный берегом озера и впадающим в него ручьем (рис. 4). Проведенная зачистка обнажений культурного слоя поселения и его шурфовка позволили установить, что селище было вытянуто вдоль берега озера и примерно имело размеры 65×150 м. На селище собраны обломки лепной и древнерусской гончарной керамики, изучение которых показывает, что поселение было синхронно курганам. Можно отметить, что обломки лепных сосудов встречены в основном на самом мысу, в то время как гончарная посуда фиксировалась по всей площади поселения.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.

Насыпи культуры длинных курганов

Древнейшее ядро залахтовского могильника составляют насыпи культуры длинных курганов. К их числу относятся 11 валообразных и удлиненных насыпей длиной от 15 до 30 м и высотой от 0,6 до 0,9 м, а также часть полусферических курганов.¹ Валообразные насыпи в основном концентрируются в юго-восточной половине могильника. Здесь же по внешнему виду выделяется особая группа круглых в плане высоких крутобоких курганов диаметром 15—20 м, высотой 1,5—2,5 м, которые иногда сливаются с длинными насыпями, образуя так называемые комбинированные курганы. По внешнему облику и размерам насыпей, а также по частоте их расположения юго-восточная часть могильника полностью тождественна могильникам культуры длинных курганов, и в то же время по этим же признакам она резко отличается от северо-западной половины некрополя (табл. I). Именно поэтому мы полагаем, что все насыпи, расположенные в юго-восточной части залахтовского комплекса, независимо от их формы (и полусферические, и высокие круглые, и комбинированные) относятся к той же культуре, что и длинные курганы. Кроме того, как показали раскопки, отдельные насыпи культуры длинных курганов встречаются и в северо-западной половине памятника. Ко времени сооружения насыпей культуры длинных курганов можно отнести и расположенные южнее основной курганной группы семь отдельно стоящих насыпей, среди которых имеются один валообразный и шесть высоких круглых курганов.

Всего в могильнике исследовано 18 насыпей культуры длинных курганов: девять — К. Д. Трофимовым, по одному — К. В. Кудряшовым, А. А. Спицыным, С. Г. Поповым и шесть — нами. Кроме того, в первый год работы на памятнике нами был доследован курган, который был уже раскопан траншеями А. А. Спицыным.²

¹ К сожалению, определить только по внешнему виду, какие именно полусферические насыпи относятся к культуре длинных курганов, практически невозможно.

² Курганы № 1, 10, 13, 17, 31, 38, 54, 60, 65 — из раскопок К. Д. Трофимова, № 19 — из раскопок К. В. Кудряшова, № 3, 21, 81, 92, 209, 215 — из наших раскопок, курган, исследованный нами вслед за А. А. Спицыным, значится под № 154. При раскопках данного

В отчетах К. Д. Трофимова и К. В. Кудряшова дана чрезвычайно скудная информация о насыпях культуры длинных курганов. Ясно только то, что все раскопанные ими курганы имели круглую в плане форму, в основании насыпей проходил слой погребенной почвы, который исследователи определяли как «пепельную прослойку». Погребения совершены по обряду трупосожжения на стороне, и каждый курган обычно содержал по одному захоронению, лишь в насыпи, исследованной К. В. Кудряшовым, было обнаружено два погребения. В большинстве случаев кальцинированные кости располагались кучкой в центре курганной площадки на уровне погребенной почвы, и только в двух случаях исследователи указывают, что остатки кремации находились в насыпи, то есть захоронения, скорее всего, были впускными. Сопровождающего инвентаря в погребениях не обнаружено. Зато в двух курганах К. Д. Трофимов отмечал над захоронениями людей в насыпи погребения животных, по его мнению лошадей (№ 1 и 31). Однако, судя по описанию и изображению на рисунке (рис. 7), эти кости не были кремированы, что совершенно нехарактерно для культуры второй половины I тыс. н. э. На наш взгляд, это свидетельствует о позднем характере прихоронения животных.

Нами в могильнике раскопаны различные по внешнему виду курганы: один валообразный (№ 154), один высокий крутобокий (№ 209), один удлинённый (№ 215) и четыре небольшие круглые насыпи (№ 3, 21, 81, 92). Валообразный, удлинённый и высокий крутобокий курганы располагались в юго-восточной половине залахтовского комплекса, а круглые курганы — в северо-западной части, среди насыпей XI—XII вв. При раскопках во всех насыпях культуры длинных курганов встречены захоронения, совершенные по обряду трупосожжения на стороне. С точки зрения структурных особенностей исследованные нами курганы можно подразделить на две группы.³ К первой группе относятся курганы, которые были изначально сооружены как насыпи над погребениями, а ко второй — насыпи, которые вводились до совершения захоронений и куда погребения впускались позднее.

К первой группе можно отнести курганы № 3, 81 и 154. Курган № 3 был насыпан одноактно над захоронением, помещенным на горизонте земли. В свою очередь, в сооружении кургана № 81 прослеживаются три этапа (табл. II). В основе его лежал небольшой курганчик, перекрывавший остатки кремации, помещенные в грунтовую ямку. В дальнейшем рядом с этим первоначальным курганчиком было произведено еще два захоронения. В обоих случаях кальцинированные кости были сыпаны в урны, роль которых выполняли лепные сосуды баночной формы (табл. III — 5, 6). Одна из урн находилась непосредственно на уровне древнего горизонта земли (рис. 8), а вторая — в специально вырытой для нее

кургана в бровках были зафиксированы 4 траншеи правильной прямоугольной формы, из которых две наиболее значительные (1,5×4,4 м, 1,5×9,6 м) прорезали курган по его длинной оси. Судя по размерам и характеру расположения траншей, это были безусловно не случайные ямы, а следы целенаправленных раскопок насыпи. Поскольку до наших работ в Залахтовье длинный курган значительных размеров исследовал только А. А. Спицын в 1911 г., мы полагаем, что нами были зафиксированы следы именно его раскопок.

³ Структурные особенности кургана № 21 проследить не удалось из-за сильных нарушений центральной части насыпи.

Курганы № 1.

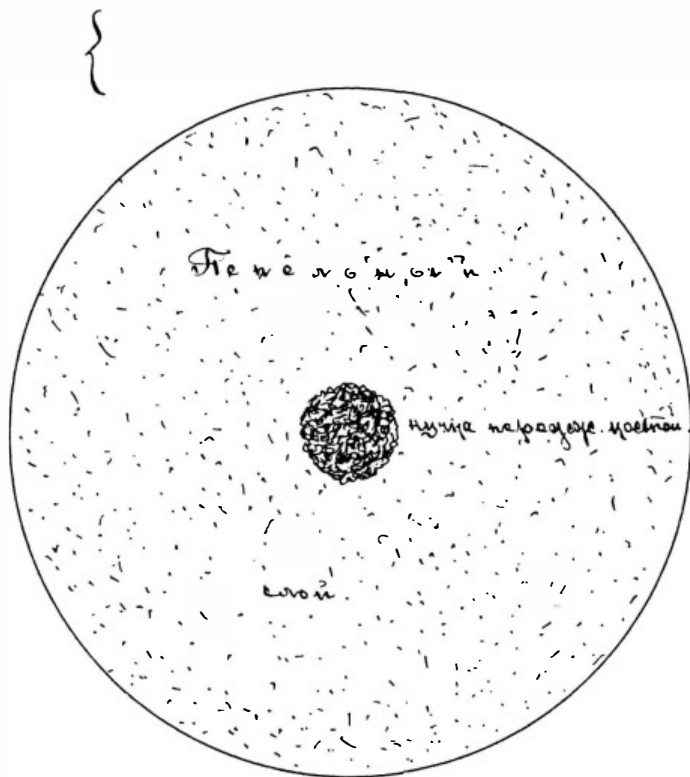
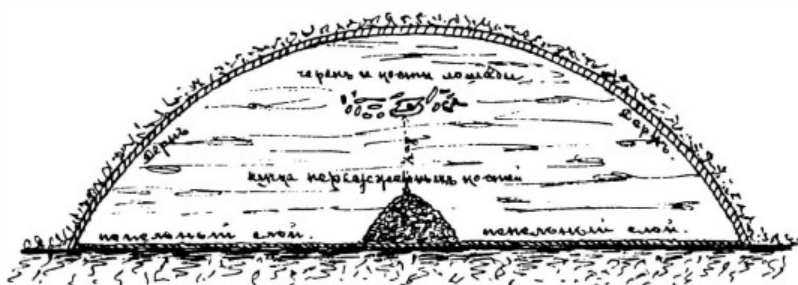

Рис. 7. Курган с остатками кремации из раскопок К. Д. Трофимова
(Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1908 г., л. 32, л. 25)

ямке (рис. 9). Первоначально урновые захоронения были присыпаны, а затем все три погребения были перекрыты единой насыпью.

Близким по структуре кургану № 81 являлся валообразный курган № 154 (рис. 10, табл. IV — А), который, как мы уже отмечали, был исследован в дореволюционное время траншеями (Хвошинская 1985-б: 31). В основе его также лежала небольшая насыпь, перекрывавшая три захоронения, помещенные на горизонте земли. Позднее в эту насыпь было впущено захоронение. Далее с двух

Рис. 8. Курган № 81. Погребение, помещенное в лещной сосуд

Рис. 9. Курган № 81. Погребение, помещенное в грунтовую ямку

Рис. 10. Раскопки длинного кургана № 154. Вид с юга

противоположных сторон, рядом с первоначальным курганом, было совершено два дополнительных захоронения: одно — на горизонте земли, другое — в грунтовой ямке. Затем эти захоронения вместе с первоначальным курганом были перекрыты общей насыпью, в которую сверху впустили еще четыре погребения. Таким образом, в данном кургане нами было выявлено 10 захоронений, а если учесть шесть погребений, зафиксированных А. А. Спицыным в траншеях, то всего длинная насыпь содержала 16 трупосожжений. В отличие от кургана № 81, здесь встречены как «основные» погребения, расположенные на уровне погребенной почвы или в ямках под насыпью, так и впускные, помещенные уже в готовую насыпь. Однако первоначальный принцип сооружения кургана позволяет отнести его к первой группе насыпей.

Вторая группа насыпей, содержащих только впускные захоронения, представлена курганами № 95, 209 и 215. Насыпь № 92 была сооружена в два приема, а насыпь № 215 — в три (табл. IV — Б). Погребения, по одному в каждом кургане, были впущены в первоначальные насыпи, а затем оба кургана были досыпаны: курган № 92 — вверх, а курган № 215 — в северо-западном направлении, в результате чего он приобрел удлиненную форму, причем подсыпка осуществлялась дважды (рис. 11).

Особо остановимся на принципах сооружения высокой конусовидной насыпи № 209 (табл. V). Внешне она представляла собой сооружение двухметровой высоты. Как показали раскопки, для возведения кургана изначально было выбрано возвышенное место, так что насыпная его часть составила лишь 1,36 м. Подобный прием широко использовался и при возведении длинных курганов, когда при минимальных затратах труда достигался эффект внушительного погребального сооружения.

Конусовидная насыпь была сооружена в четыре этапа путем присыпок вверх (рис. 12). В кургане обнаружено лишь одно захоронение, совершенное на поверхности насыпи третьего этапа, когда высота его равнялась 0,9 м. Все остальные присыпки кургана, имевшего хорошую сохранность, не были непосредственно связаны с совершением погребений. Из интересных деталей структуры насыпи

Рис. 11. Раскопки удлиненного кургана № 215. Вид с юга

Рис. 12. Разрез южной бровки конусовидной насыпи № 209 (видны ровики промежуточных этапов сооружения кургана)

можно отметить, что в основании кургана находился деревянный настил, а на втором этапе вершина кургана была уплощена и, возможно, задернована.

Вокруг всех насыпей культуры длинных курганов были зафиксированы ровики, как правило, промежуточные этапы возведения насыпей также сопровождалась сооружением ровиков. Это хорошо прослеживается на материалах курганов № 81, 209 и 215 (табл. II; IV — Б; V).

Обряд кремации проводился на стороне. Распределение исследованных нами погребений по характеру помещения остатков кремации в насыпь приведено в табл. А.

Таблица А

Характер помещения остатков кремации	Впускные захоронения	В грунтовой ямке	Кости рассыпаны на горизонте земли	Кости кучкой помещены на горизонте земли	На поверхности насыпи
Типы по классификации В. В. Седова	IX	III	I	II	X
Курган					
№ 3, круглый				1	
№ 81, круглый		2 (одно в урне)		1 (в урне)	
№ 92, круглый	1				
№ 154, длинный	4	1	2	2	1 (возм., в урне)
№ 209, конусовидный					1
№ 215	1				

Таким образом, примерно равным числом представлены захоронения в грунтовых ямках и на горизонте земли. Наименьшую группу составляют поверхностные захоронения. Как мы отмечали, в раскопках К. Д. Трофимова, судя по описаниям автора, преобладали захоронения на горизонте земли (детализировать их тип возможностей нет) и лишь в одном случае кости находились в насыпи (курган № 60), то есть погребение, скорее всего, было впускным. В свою очередь, в единственном кургане с трупосождениями, исследованном К. В. Кудряшовым, два погребения находились в ямках, впущенных в готовую насыпь на одну глыбину.

Что касается раскопок А. А. Спицына, то по его данным в исследовательских траншеях валообразной насыпи встречено «два кострища со следами пережженных костей и четыре ямки с пережженными человеческими костями» (Спицын 1914: 67). Термином «кострище» А. А. Спицын, видимо, обозначал россыпь кальцинированных костей и углей на уровне погребенной почвы, подобно захоронению 10 из наших раскопок этого же кургана, которое относится к типу I по классификации В. В. Седова (Седов 1974: 18—19).

Два захоронения, оба из кургана № 81, были помещены в урны. Роль урн выполняли большие слабопрофилированные лепные сосуды. В одном случае сосуд с кальцинированными костями находился на горизонте земли, а в другом был поставлен в ямку. С некоторой вероятностью к числу урновых захоронений можно отнести также еще два. Это погребение 9 в кургане № 154, в котором среди остатков сожжения встречена придонная часть грубого лепного сосуда. Учитывая поверхностный характер данного захоронения, естественно предположить, что верхняя часть урны не сохранилась. Кроме того, возможно, в сосуд была помещена часть остатков трупосожжения в кургане № 215, так как из разрушенной половины этого погребения происходит значительное количество мелких обломков лепного горшка.

Все половозрастные определения по кальцинированным костям из длинных курганов, кроме кургана № 154, выполнены Н. М. Ермоловой (см. табл. Б). Кости из кургана № 154 определены профессором Краковского университета А. Малиновским (см. табл. В).

Таблица Б

Типологические группы	№	Пол	Возраст	Кости животных
грунтовое погребение культуры длинных курганов	около полы насыпи № 211	женщина (?)	за 60 лет	
насыпи культуры длинных курганов	3	мужчина	взрослый	
	42	женщина (?)	преклонных лет	
	92	?	молодой	
	81/2	?	около 50 лет	
	81/3	женщина (?)	молодая	
	209	?	взрослый	лошадь
	215	?	подросток	

Как правило, каждое скопление кальцинированных костей в длинных курганах представляло собой захоронение одного человека — либо взрослого, либо ребенка. Исключения составляют лишь четыре погребения. Два из них (погребение 8 в кургане № 154 и погребение в кургане № 209) были совместными захоронениями взрослого человека и животного. Как определила Н. М. Ермолова, в кургане № 209 вместе с человеком была похоронена лошадь. А два погребения (1 и 10) из кургана № 154 вообще не содержали в своем составе костей человека и представляли собой захоронения крупных животных, скорее всего, тоже лошадей (речь идет о погребениях, которые прилегали с разных сторон к первоначальной насыпи кургана № 154; в одном из них, кстати, были найдены удила и пряжка от сбруи).

Скудный погребальный инвентарь встречен в шести погребениях. Пять из них находились в кургане № 154, включая захоронение, исследованное А. А. Спи-

№ погребения	Определения костей	Возраст
1	кости крупного животного	
2	кости человека	1—3 года
3	кости человека	старше 25 лет
4	кости человека	новорожденный
5	кости человека	23—35 лет
6	кости человека	23—35 лет
7	кости человека	старше 23 лет
8	мужчина (?), кости животного	45—60 лет
9	кости человека	23—35 лет
10	кости крупного животного	

цыным, и одно — в кургане № 81. Из раскопок А. А. Спицына происходит железная игла. При наших исследованиях встречены: инструмент типа долотца (табл. III — 2) — железный шестигранный в сечении стержень с уплощенными концами (погребение 6, курган № 154), трапециевидная накладка (погребение 3, курган № 154), железные удила, железная заклепка и маленькая бронзовая пряжка от сбруи (погребение лошади 10, курган № 154; табл. III — 1, 3), а также мелкие бронзовые спиральки (погребение животного 1, курган № 154 и погребение 3, курган № 81; табл. III — 4). Как видно из этого перечня, обнаруженный материал маловыразителен, что в целом характерно для культуры длинных курганов. Такие предметы, как бронзовые спиральки, относятся к украшениям различного рода и распространены достаточно широко в памятниках культуры длинных курганов (Седов 1974: 31). Двусоставные удила с неподвижными кольцами, подобные залахтовским, найдены в том же Гдовском районе в длинном кургане у деревни Жеребятино (Кудряшов 1913: 241), часть близких по типу удил происходит с селища Слобода Глушица третьей четверти I тыс. н. э. (Третьяков, Шмидт 1963: 113, рис. 59—5), а также подобные удила неоднократно встречались на памятниках раннего железного века, в частности на дьяковских городищах (Смирнов 1970: 176, табл. XIV—23). Наиболее близкая аналогия бронзовой пряжке от сбруи имеется в древностях позднеаланской культуры Южного Урала VIII—IX вв. (Ахмеров 1955: 173, табл. VIII).

Грунтовое погребение

В юго-восточной половине залахтовского могильника рядом с курганом № 211 нами найдено грунтовое захоронение (табл. IV — В), в котором остатки трупосожжения, проведенного на стороне, были ссыпаны в небольшую ямку округлой формы (диаметр 0,5 м, глубина 0,12 м). Вещей в погребении не найдено.

По заключению Н. М. Ермоловой, захоронение принадлежало пожилому человеку (возможно, женщине). Топографическое расположение этого грунтового захоронения среди насыпей культуры длинных курганов, в территориальном отрыве от открытых в Залахтовье более поздних грунтовых погребений по обряду кремации (см. далее), а также безынвентарность рассматриваемого погребения, что было совершенно не характерно для последующего периода, позволяет отнести его к древностям второй половины I тыс. н. э. и тем самым пополнить перечень грунтовых захоронений культуры длинных курганов.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ XI в.

Среди погребальных сооружений XI в. в могильнике выделяются три основных типа захоронений: 1 — *грунтовые трупосождения*, 2 — *деревоземляные сооружения с погребениями по обряду сожжения* и 3 — *грунтовые трупоположения*. Все они концентрировались в центральной возвышенной части памятника, причем грунтовые трупосождения и трупоположения никак не выделялись на местности и были открыты при раскопках сплошной площадью, что было непростой методической задачей в условиях сильно залесенной местности (табл. VI).

Грунтовые трупосождения

Всего исследовано 18 грунтовых ямок с кальцинированными костями. При определении костей выяснилось, что в двух ямках были помещены кости собак (определения Н. М. Ермоловой)⁴, а одна ямка (№ 12) оказалась простым углублением, в которое в 1972 г. грабителями были ссыпаны обломки вещей и разрозненные кости из разрушенных курганов (табл. VII — 10). Остальные 15 ямок содержали достоверно человеческие захоронения, и их можно подразделить на две группы.

В первую группу входят семь захоронений (№ 2, 3, 4, 7, 10, 22, 23; табл. VII — 2, 3, 6, 7, 16). Остатки кремации помещались в небольшие круглой в плане формы грунтовые ямки диаметром от 0,23 до 0,52 м, глубиной от 0,10 до 0,26 м (рис. 13). Характер расположения костей в погребении № 22 показывает, что они были положены в ямку в мешочке или в берестяном туеске. Судя по антропологическим определениям, три погребения принадлежали мужчинам, два — детям, в одном зафиксированы остатки мужчины и женщины, два захоронения не дали выразительного материала для анализа (табл. Г).

Ко второй группе грунтовых трупосождений относятся шесть погребений, находившихся в так называемых «двойных» ямках (№ 1, 5, 8, 11, 13, 16; табл. VII — 1, 4, 8, 9, 12, 14). Эти ямки состояли из двух частей. Первоначально сооружались широкие ямки, углубленные в материк на 0,05—0,12 м. Из них три были круглыми в плане диаметром от 0,82 до 1,30 м, одна — подпрямоугольная

⁴ По размерам эти ямки были много больше остальных: № 15 — 0,64×0,92 м, № 18 — диаметр 0,99 м, глубина 0,2 м (табл. VII — 11, 15).

Рис. 13. Ямка грунтового погребения № 22. Вид с севера

с овальными углами размерами 1,44×1,80 м и две — квадратные размерами 1,70×1,90 м и 1,28×1,36 м. Затем со дна этих мелких ямок в материк впускались небольшие круглые в плане ямки диаметром от 0,30 до 0,45 м и глубиной 0,1—0,21 м, в которые, собственно, и помещались остатки кремации, иногда предварительно сыпанные в берестяные коробки (рис. 14, 15). В одном случае ямка была накрыта глиняной лепной миской (погребение № 5). Вполне вероятно, что мелкие верхние углубления являлись основой легких наземных сооружений, так как вдоль стенок этих верхних ям прослеживались довольно крупные углистые плашки. В квадратных углублениях, наряду с погребальными ямками, встречены ямки диаметром 0,26—0,38 м и глубиной 0,10—0,18 м, заполненные гумусом без кальцинированных костей и вещей (рис. 16). Эти ямки можно интерпретировать как столбовые. Столб выделял захоронение на местности и одновременно мог являться частью деревянных надмогильных конструкций (рис. 17). Обнаруженные в заполнении мелких верхних ям угли, кальцинированные кости и мелкие кусочки пережженных вещей свидетельствуют, что часть пепла, принесенного с погребального костра, рассыпалась над совершенным захоронением.

Любопытно, что все погребения второй группы принадлежали детям разного возраста. В погребениях №№ 8 и 16 обнаружены кости новорожденных, в погребении № 11 — ребенка 7—8 лет, в погребении № 13 — ребенка 8—10 лет, в погребении № 1 — юноши не старше 16 лет (табл. Г). Кости из захоронения № 5 определить не удалось, однако, судя по составу инвентаря, оно вполне вписывается в категорию детских.

Среди грунтовых захоронений по своей конструкции выделялись два погребения (№ 6 и 17).

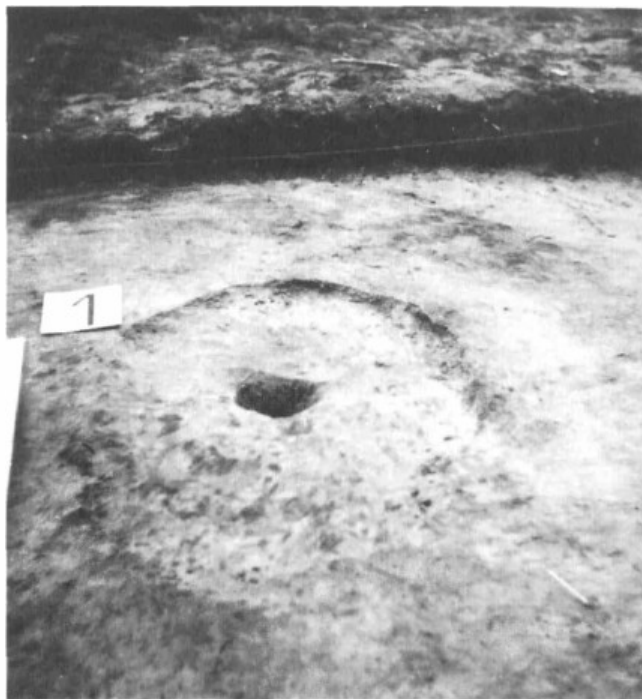

Рис. 14. Ямка грунтового погребения № 1. Вид с востока

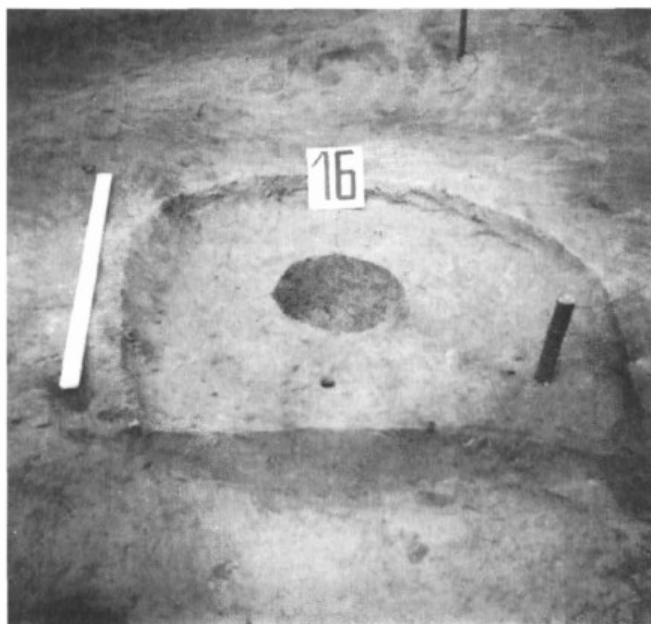

Рис. 15. Ямка грунтового погребения № 16. Вид с запада

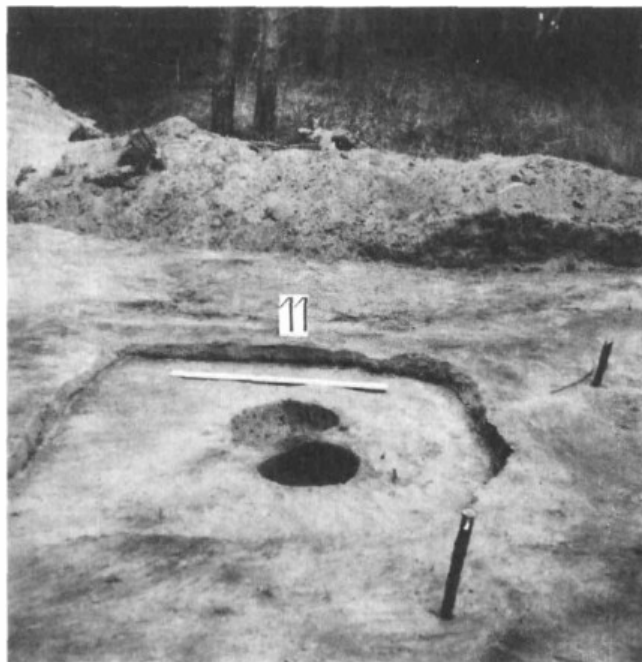

Рис. 16. Ямка грунтового погребения № 11. Вид с юго-востока

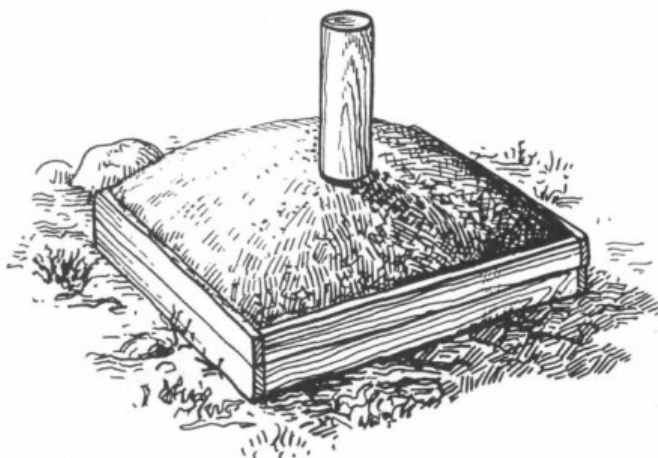

Рис. 17. Реконструкция внешнего вида погребения № 11

Погребение № 6 представляло собой вытянутую ямку неправильной формы размерами 0,44×0,82 м, состоящую из двух частей: мелкой (глубина 0,17 м), в которой и находились остатки кремации, и глубокой (0,35 м), от основания столба (табл. VII — 5).

От погребения № 17 сохранилось квадратное сооружение размерами 2×2 м, углубленное в материк на 0,06—0,09 м и ориентированное углами по сторонам света (табл. VII-13). В его заполнении встречались отдельные мелкие кости, угли и пережженные вещи. Сооружение было окружено комплексом ям различных форм и размеров. Две ямы находились в южном и северном углах сооружения (южная — 0,46×0,6 м, глубина 0,25 м; северная — диаметр 0,28 м, глубина 0,23 м). Две ямы были соединены перемычкой и оформляли юго-западную стенку (размеры ям: первой — 0,52×0,64 м, глубина 0,33 м; второй — диаметр 0,63 м, глубина 0,45 м; ширина перемычки 0,40 м, глубина 0,16 м), а одна с примыкавшим к ней ровиком оконтуривала северо-восточную сторону сооружения (размеры ямы 0,46×0,60 м, глубина 0,25 м; размеры ровика 0,56×3,10 м, глубина 0,17—0,21 м). Центр сооружения частично нарушен. По своим конструктивным особенностям данное погребение близко к деревоземляным сооружениям, которые рассматриваются далее, но в отличие от последних оно совершенно не выделялось на местности. Собранное в нем количество кальцинированных костей оказалось недостаточным для антропологического определения.

Таблица Г

Типологические группы	№	Пол	Возраст	Кости животных
грунтовые погребения 1 группы*	2	мужчина?	взрослый	
	3	мужчина	50—60 лет	
	4	мужчина	преклонных лет	
	22	мужчина и женщина	взрослые	
	23	ребенок	до 1 года	
грунтовые погребения 2 группы*	1	подросток	не старше 16 лет	
	8	ребенок	до 1 года	
	11	ребенок	старше 8 лет	череп овцы
	13	ребенок	8—10 лет	
	16	ребенок	до 1 года	

* Антропологические определения в погребениях № 5, 7 и 10 не проведены из-за отсутствия среди кальцинированных костей диагностических фрагментов.

Деревоземляные сооружения

В центральной части могильника грунтовые захоронения располагались вперемежку со своеобразными сооружениями, которые в предварительной публикации были названы нами «новым типом курганов с трупосожжениями» (Хвоцинская 1977: 62—68). Дело в том, что внешне они представляли собой небольшие расплывчатые всхолмления диаметром 4—6 м, высотой 0,2—0,3 м и были

приняты нами за курганные насыпи. Многие из них были изрыты грабительскими ямами, на поверхности валялись многочисленные оплавленные бронзовые предметы и кальцинированные кости. Очевидно было, что под этими незначительными всхолмлениями находятся погребения по обряду кремации. Впервые мы начали их исследовать в 1974 г., применяя обычную, принятую в современной археологии методику раскопок для изучения отдельных курганных насыпей. Однако вскоре стало ясно, что для того, чтобы понять характер этих погребальных комплексов, надо вскрывать территорию их расположения сплошной площадью. Подобный методический подход дал свои результаты. Всего исследовано 20 сооружений подобного рода, из которых 19 еле-еле возвышались над дневной поверхностью и только одно имело более внушительные размеры (№ 162а). К сожалению, 18 сооружений имели различного рода нарушения: в 11-ти случаях ямами в центре были полностью или частично разрушены погребения, в 4-х — сильно испорчены наземные части сооружений и в 3-х — зафиксированы незначительные перекопы. Все это, безусловно, затрудняло работу по реконструкции этих своеобразных погребальных памятников, хотя в своей совокупности имеющиеся материалы позволяют нарисовать достаточно определенную картину.

Характерной особенностью всех сооружений являлось то, что в центре погребальных площадок на участках различных размеров (от 0,76×0,95 м до 4,20×7,20 м) прослеживался черный углистый слой мощностью 0,06—0,10 м, насыщенный мелкими пережеванными косточками, отдельными фрагментами оплавленных предметов и прокаленных вещей, обломками лепных сосудов. У краев этого углистого слоя обычно фиксировались отдельные крупные угли или даже углистые плашки, в зависимости от сохранности. Эта концентрация крупных углистых скоплений несомненно являлась остатком каких-то деревянных ограждений, которыми предварительно оконтуривались площадки. В разных сооружениях они сохранились по-разному. В ряде случаев деревянные плашки или скопления крупных углей можно было проследить лишь в бровках. В восьми комплексах остатки, видимо более мощных, деревянных конструкций фиксировались в плане (№ 122, 130, 135, 158, 162а, 154, 166, 202; табл. XXII; XXVII; XXXII; XXXIV — А; XXXV). В шести из них достаточно отчетливо прослеживались форма и размеры сооружений. Это были квадратные, видимо срубные или дощатые, конструкции размерами 2×2 м (рис. 18, 19). Три из них были ориентированы углами по сторонам света, а другие три соответственно развернуты на 45 градусов углами на северо-восток, юго-восток, юго-запад и северо-запад.

Под этим углистым слоем в центре погребальной площадки обычно находилось захоронение. Кальцинированные кости вместе с оплавленным и фрагментированным погребальным инвентарем помещались в небольшие ямки круглой в плане формы, вырытые в материке. Часто кальцинированные кости предварительно сыпались в берестяной туесок или иную емкость, так что в разрезе погребальных ямок кости располагались плотным компактным скоплением, очищенным от углей. В разрезе погребальной ямки сооружения № 135 прослеживались два таких скопления друг под другом, видимо, остатки двух погребений.

Особое место среди деревянных сооружений занимает комплекс № 162а (табл. XXXV). Он даже внешне выделялся своей высотой и выглядел как обыч-

Рис. 18. Остатки квадратной деревянной конструкции сооружения № 166 на уровне погребенной почвы. Вид с юго-запада

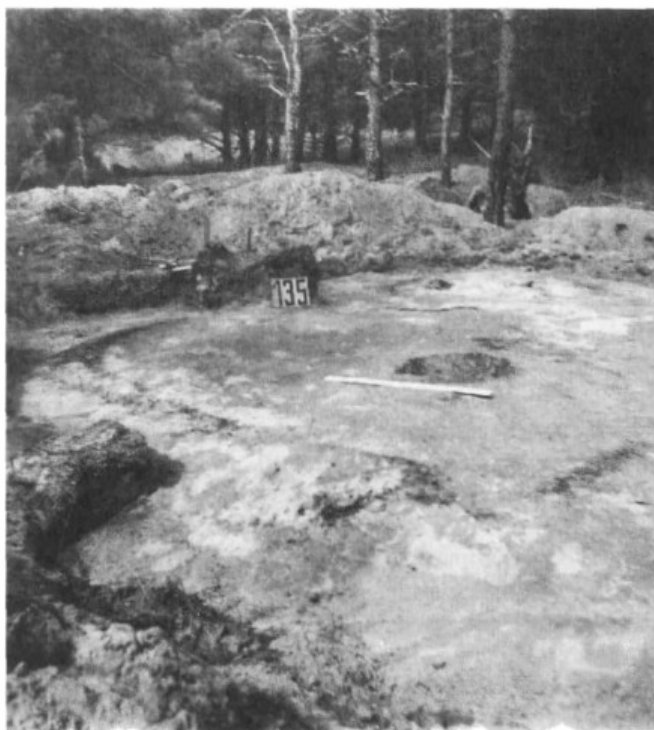

Рис. 19. Остатки квадратной деревянной конструкции сооружения № 135 на уровне погребенной почвы.
Вид с юго-запада

ный круглый курган. Исследование его позволило впервые в значительной степени уточнить некоторые детали конструкции этих сложных для интерпретации сооружений, поскольку из-за своих малых размеров они не имели, как правило, четкой и детальной стратиграфии. В комплексе № 162а для захоронения была расчищена и выровнена квадратная в плане площадка, окруженная с трех сторон ровиками, два из которых оконтуривали ее углы. По периметру площадки располагалось деревянное сооружение 3,1×3,2 м, видимо срубное, имевшее, судя по развалу дерева и стратиграфии, не менее 3—4-х венцов (рис. 20). В центре площадки находилась ямка с захоронением, перекрытая углистым слоем. Углистый слой занимал фактически все внутрисрубное пространство и четко очерчивал контуры сооружения (даже в тех местах, где дерево не сохранилось). Наибольшая интенсивность углистого слоя прослеживалась непосредственно над погребальной ямкой и в ней. Здесь же в основном и концентрировались вещи, сопровождавшие погребение. После совершения захоронения внутреннее пространство сруба было засыпано песком. Постепенно дерево сгнило и раскатилось, песок оплыл по краям, и сооружение внешне стало напоминать обычный курган.

Археологические материалы, полученные при раскопках деревоземляных сооружений, позволяют судить о некоторых ритуальных действиях, которые совершались во время проведения погребального обряда. В частности, углистый слой, перекрывавший захоронения, насыщенный обломками оплавленных предметов и в котором встречаются отдельные кальцинированные кости, прямым образом свидетельствует, что на площадку рассыпали часть погребального костра. Кроме того, у населения Залахтовья имело место преднамеренное разбивание сосудов здесь же на погребальной площадке, порча оружия и предметов домашнего обихода, предназначенных для захоронения, втыкание в погребальную ямку орудий или оружия. Так, согнутый пополам меч сопровождал погребение № 131 (рис. 22). Неоднократно встречаются погнутые ножи. Пружинные ножицы были воткнуты лезвиями в ямку сооружения № 162. Погребальная ямка в комплексе № 202 была накрыта деревянным щитом (сохранился железный умбон), который был пробит копьем и топором (табл. XL — А). Острие копья и лезвие топора, вошедшие при ударе в остатки захоронения, прокалились, то есть, когда совершался данный обряд, остатки праха еще не остыли от погребального костра.

Обычно погребальные площадки оконтуривались ровиками (13 комплексов), иногда к площадкам примыкали ямы (три комплекса). В двух случаях встречено сочетание ровиков и ям (№ 125, 135), а три площадки ничем не были окружены (№ 100, 162, 202). Строгой закономерности в расположении ровиков не прослеживается. В некоторых ровиках и ямах встречаются обломки лепной керамики (№ 122, 129) и отдельные предметы: часть железного замка и ленточный браслет (№ 129), наконечник стрелы (№ 122), а на дне ямы, примыкавшей с севера к сооружению № 135, найдено скопление железных заклепок.

Кроме того, в восточном ровике, окружавшем сооружение № 133, а также на дне северо-западной ямы комплекса № 130 обнаружены остатки погребений, совершенных по обряду кремации. В последнем захоронении среди костей встречен перстень. Остатки погребения также были впущены в юго-восточный край большой круглой в плане ямы, расположенной северо-западнее погребального

Рис. 20. Остатки развала бревен в южном углу сооружения № 162а

комплекса № 158 (табл. XXXIV — А). Погребение находилось прямо у деревянной стенки сооружения. Помимо ям, выявленных за пределами погребальных площадок, в нескольких сооружениях обнаружены ямы непосредственно на площадках. Такие ямы имелись в погребальных комплексах № 125, 134, 228 и за пределами деревянных конструкций в комплексах № 122, 158 и 162а. В комплексе № 228 яма, находившаяся восточнее погребения, содержала плотное скопление крупных кальцинированных костей, видимо принадлежащих животному (лошади или корове). В ямке, расположенной в восточной половине погребальной площадки № 123, зафиксированы обломки лепного сосуда, а в ямке с запада от деревянного сооружения № 122 найден обломок бронзового предмета. Характеристика ям без кальцинированных костей, обнаруженных при вскрытии могильника широкой площадью, приводится в соответствующем разделе каталога.

Итак, раскопки широкой площадью позволили выявить в Залахтовье оригинальный тип деревоземляных сооружений, различных по размеру и, видимо, по характеру конструкции. Степень их сохранности позволяет предполагать, что они могли быть плетеными, дощатыми, реже срубными. В тех случаях, где их удалось зафиксировать, в плане они имели квадратную форму. Эти конструкции огораживали площадки для погребения, на которых производились различные ритуальные действия. После совершения захоронений внутреннее пространство этих сооружений засыпалось песком (рис. 21). Со временем деревянные конструкции разрушились, а многие безвозвратно исчезли. Песчаные заполнения оплыли, и сооружения превратились в небольшие всхолмления, напоминающие курганную насыпь.

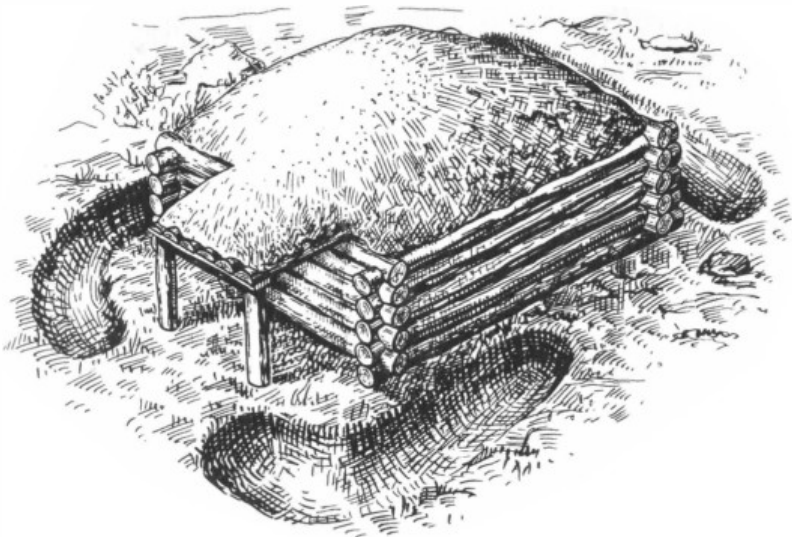

Рис. 21. Реконструкция погребального деревоземляного сооружения № 162а
(рисунок Г. А. Кузнецовой)

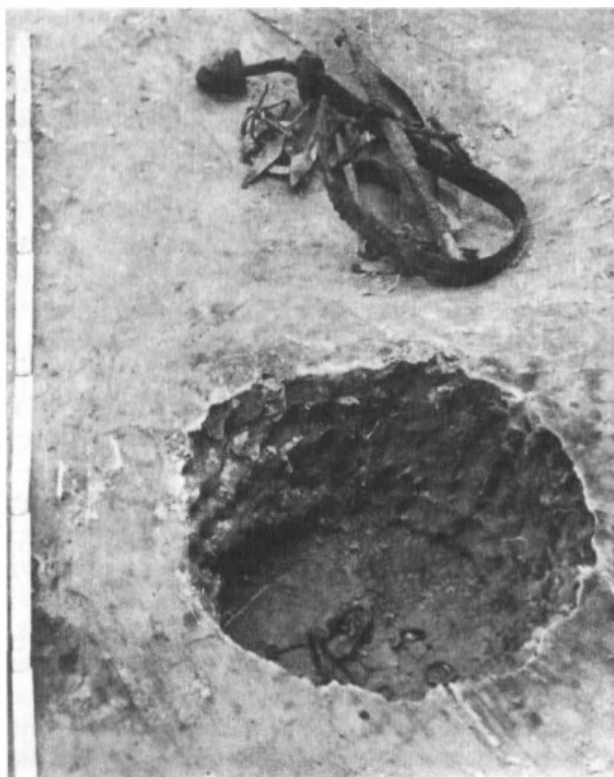

Рис. 22. Погребальная ямка сооружения № 131 и комплекс вещей рядом с ней. Вид с запада

Для 18 погребений из 17 сооружений удалось провести определения кальцинированных костей⁵ (табл. Д).

Таблица Д

№ сооружений	Пол	Возраст	Кости животных
100	мужчина женщина	взрослый молодая	фрагменты костей коровы
113	человек	взрослый	
120/1	ребенок	6—10 лет	
120/2	мужчина	средних лет	
125	человек	пожилой	
129	женщина	средних лет	
130	ребенок	7—8 лет	
131	мужчина	взрослый	
7/1 (основное) 7/2 (в поле)	человек	взрослый	кончик хвоста теленка собака
134	ребенок	3—5 лет	
135	два мужчины женщина	за 40 лет взрослая	
158 на краю ямы № 27	ребенок	новорожденный	кости птицы
162a	мужчина	средних лет	собака и овца (конечности и череп)
162	женщина	около 50 лет	
163	женщина	старая	
164	женщина	молодая ?	
202	мужчина	взрослый	старая крупная собака
228	ребенок	подросток	кости коровы

Установлено, что в четырех деревоземляных сооружениях были похоронены женщины. Две из них пожилые, одна средних лет и одна молодая (№ 129, 162, 163, 164). В других четырех комплексах находились захоронения мужчин средних лет (№ 120/2, 131, 162a, 202). Кроме того, в сооружении № 100 зафиксировано совместное погребение мужчины и молодой девушки, а в «домике мертвых» № 135, где в разрезе погребальной ямки прослеживались два плотных скопления костей, одно из них оказалось совместным захоронением мужчины и женщины, а второе — захоронением мужчины средних лет. В погребальных комплексах № 113, 125 и 133 похоронены взрослые люди, однако пол их установить не уда-

⁵ Из-за недостатка остеологического материала не сделаны определения для сильно нарушенных перекопами сооружений № 125, 128, 166.

лось. Три захоронения принадлежали подросткам в возрасте до 13—14 лет, а одно — ребенку 3—5 лет (№ 120/1, 130, 134, 228). Кроме того, за пределами деревянного сооружения № 158 у края ямы № 27 было обнаружено захоронение младенца.

Курган с трупосождениями

Среди погребальных комплексов с трупосождениями выделялось сооружение № 121, близкое по материальной культуре «домикам мертвых», но насыпанное, как обычный курган (табл. XX). Насыпь была сооружена в два приема. К первому этапу относится погребение в центре курганной площадки на специальной утрамбованной подсыпке из светло-желтого песка мощностью до 0,12 м, над которой прослеживался слой золы. Кальцинированные кости, вперемежку с углями и сопровождающим инвентарем, были рассыпаны на площади 1,8×2,75 м. Погребение было перекрыто небольшой насыпью диаметром 5—6 м, а затем курган был досыпан с северной стороны и в эту присыпку было впущено другое захоронение. Остатки погребения второго этапа находились в ямке, имевшей в плане форму дугообразной канавки шириной 0,5 м, впущенной на глубину 0,25 м. С южной и восточной сторон курган был окружен ровиками. Результаты антропологического анализа погребений приведены в табл. E.

Таблица E

№ погребений	Пол	Возраст	Кости животных
1	мужчина ребенок	за 40 лет 7 лет (?)	крупная собака и лисица
2	человек ребенок	взрослый подросток (?)	

Погребения по обряду трупосождения в свете антропологических и археологических материалов

Опираясь на полученные данные антропологического анализа кальцинированных костей, сравним между собой различные группы захоронений по обряду кремации. Вырисовывается интересная картина. Из 18 исследованных грунтовых захоронений половина принадлежала детям, причем четыре из них — грудным. Остальные девять погребений являлись мужскими. В одном случае мужчина был похоронен вместе с женщиной, однако данное женское захоронение можно рассматривать как сопутствующее мужскому, так как в сопровождающем инвентаре комплекс женских вещей полностью отсутствовал.

В свою очередь в деревоземляных погребальных сооружениях картина несколько иная. Из 19 захоронений только четыре являлись детскими и два совместными взрослых и детей. Причем в группу детских в данном случае входят в основном погребения подростков, инвентарь которых мало чем отличался от захоронений взрослых, и только в одном погребении реально находились останки 3—5-летнего ребенка. Показательно, что новорожденных среди этой

группы захоронений вообще не было.⁶ Женские и мужские погребения представлены примерно в равном количестве: четыре женских (по характеру погребального инвентаря к ним можно прибавить еще два в сооружениях № 128 и 166, не имеющих антропологических определений) и четыре мужских, то есть их соотношение составляет шесть к четырем. Кроме того, в двух сооружениях встречаются совместные захоронения мужчин и женщин.

Таким образом, несмотря на сравнительно небольшую серию погребений по обряду кремации XI в., намечается определенная тенденция в распространении захоронений по типам погребальных сооружений. Так, в «домиках мертвых» доминируют погребения взрослых людей и встречаются захоронения подростков. В грунтовом же могильнике много детских захоронений, в том числе младенцев, и представлены погребения мужчин, при полном отсутствии женщин. Отметим и то, что большинство детских захоронений находилось в так называемых «двойных ямках». В свою очередь, в курганной насыпи № 121 оба погребения являлись совместными захоронениями взрослых людей (в одном случае мужчины) с детьми отроческого возраста. Указанные отличия не случайны и свидетельствуют о том, что тип сооружения, видимо, зависел от положения умершего в залахтовском обществе, немалую роль при этом играли половозрастные характеристики.

Необходимой деталью погребальной обрядности являлось сопровождение умерших определенным набором погребального инвентаря, необходимого, по представлению древних людей, для иной жизни. В его состав входили бытовые и сельскохозяйственные орудия, оружие, предметы, связанные с торговлей. Богато представлены украшения и детали одежды, которая, видимо, находилась в момент сожжения на погребенном. Безусловно, многие предметы погибли в огне, многие дошли до нас фрагментарно, и все же имеющиеся материалы позволяют выявить основные характерные наборы вещей различных половозрастных групп населения.⁷

В мужских захоронениях к наиболее часто встречаемым вещам относятся ножи и кресала, следующее место занимают топоры и браслеты, затем фибулы и равным образом представлены копья, стрелы, перстни, поясные цепочки и гирьки. Следовательно, для мужских погребений характерны предметы вооружения, скромно представлены украшения и детали одежды и незначителен бытовой и торговый инвентарь.

По сравнению с грунтовыми захоронениями в «домиках мертвых» мужской инвентарь несколько богаче и разнообразнее. Так, только в погребениях «домиков мертвых» встречены поясные наборы, большее количество украшений, а также такие редкие предметы, как меч, щит, плеть, детали весов и костяной гребень в футляре. Особым богатством, в частности, выделялось сооружение № 131 (рис. 22; табл. XXIX; XXX).

Инвентарь женских погребений отличался от мужских тем, что в его составе полностью отсутствовало оружие, атрибуты торговли, поясные наборы, опреде-

⁶ Лишь в одном случае можно упомянуть подхоронение грудного ребенка, впущенное в край большой ямы, расположенной за пределами сооружения № 158, однако оно не было непосредственно связано с захоронением внутри деревянной конструкции.

⁷ При анализе учитываются только захоронения, не потревоженные поздними перекопами.

ленные категории бытовых предметов (например, кресала и оселки). Зато в женских комплексах шире и разнообразнее представлены различные типы украшений, появляются такие нехарактерные для мужских погребений украшения, как бусы, гривны, нагрудные цепочки и булавки, различные типы подвесок, роскошные ножны с бронзовыми накладками, специфические предметы домашнего обихода — шилья, ножницы и т. д.

Несомненно, в наборах мужского и женского инвентаря отражаются различия в особенностях одежды и в характере производственной деятельности мужской и женской части населения.

Детские захоронения мы разделили на три возрастные группы: грудные дети, дети до 7 лет и подростки. Погребения грудных детей сопровождалось, главным образом, различного рода украшениями. Большинство предметов имели миниатюрные размеры, однако встречались украшения, ничем не отличавшиеся от инвентаря взрослого человека. Последние могли класть как дар в могилу с расчетом на дальнейшую жизнь ребенка в загробном мире. Только в погребениях новорожденных встречаются украшения, не имеющие аналогий в наборах инвентаря иных возрастных групп населения. Мы имеем в виду своеобразные гривны, состоящие из проволоки с нанизанными на нее бусами.

В погребениях детей до 7 лет набор инвентаря мало чем отличался от инвентаря новорожденных. Отметим лишь, что в составе инвентаря захоронения ребенка 3—5 лет в сооружении № 134 наблюдается сочетание комплекса мужского и женского набора вещей (табл. XXXI-7—27). С одной стороны, здесь представлены гирька, кресало, поясная цепочка — атрибуты мужского захоронения, с другой стороны, бусы и шило — индикаторы женского погребения. Подобное явление, но в менее выраженной форме, имеет место и в следующей возрастной группе детей-подростков. Так, в грунтовом погребении № 11 бусы сочетались в одном наборе с оселком (табл. XI). Возможно, здесь мы имеем дело с дарами родителей, напутствовавших таким образом своих преждевременно умерших детей.

Состав инвентаря захоронений подростков в наибольшей степени приближен к «взрослому» набору инвентаря. В погребениях юношей появляется оружие (стрелы и копья), в одном захоронении встречена гирька. От взрослых мужских захоронений их отличает лишь наличие гривен — украшений, характерных для детских наборов погребального инвентаря. В погребениях девушек в основном представлены украшения. Возможно, некоторые представители данной половозрастной группы уже имели статус полноправных членов коллектива.

В восьми погребениях, наряду с костями человека, обнаружены фрагменты пережженных костей животных. Причины попадания костей животных в погребения были различны. Условно их можно подразделить на три группы. В первую группу входят захоронения домашних животных, в нашем случае собак, которые должны были сопровождать своего хозяина. Надо отметить, что кости собак встречены только в мужских захоронениях (№ 121/1, 162а, 202). Об обряде ритуального умерщвления собак имеются сведения у Ибн-Фадлана при описании похорон царя русов: «...и принесли собаку, и разрезали ее на две части, и бросили в корабль» (Путешествие 1938: 81). Кроме того, при раскопках нами были встречены и отдельно похороненные по обряду кремации собаки, как в специальных ямках (погребения 15, 18), так и в поле сооружения № 133.

Ко второй группе следует отнести кости животных, которые, очевидно, попали в захоронения в результате сопровождения погребенных пищей — кусками мяса. Таково происхождение фрагментов костей коровы в комплексах № 100 и 228, а также кости от птичьей ноги в погребении новорожденного за пределами сооружения № 158.

Третью группу составляют кости животных, появление которых представляет наибольшую сложность для трактовки. Сюда, в частности, относятся обнаруженные в двух захоронениях черепные кости и копыта овцы, а также хвост теленка в сооружении № 133 и когти лисицы в кургане № 121 (погребение 1). Хвост теленка и когти лисицы могли входить в состав определенного рода украшений и нести на себе одновременно культовую нагрузку — играя роль оберегов (таким могло быть, например, ожерелье из когтей лисицы). Что касается своеобразного набора костей овцы, то они могли попасть со шкурой, которая использовалась при погребальном обряде, но это лишь догадки, так как найти бесспорное объяснение этому явлению достаточно сложно.

Грунтовые труположения

В центральной возвышенной части могильника встречено также восемь грунтовых захоронений по обряду труположения, расположенных не компактной группой, а несколько разрозненно (табл. VI). Эти погребения характеризуют переход населения Залахтовья от кремации умерших к обряду ингумации. Основные данные по группе грунтовых труположений приведены в таблице Ж:

Таблица Ж

№	Размеры ям (м)	Глубина ям	Ориентировка ям (м)	Ориентировка погребений	Половозрастные определения
103	1,75×1,80	0,85	Круглая	С или СВ	
162	1,75×3,25	1,12	З—В	З	
9	1,61×2,42	0,97	ЗСЗ—ВЮВ		Ребенок 2—3 лет
14	2,25×2,85	1,17	З—В	В	
19	1,57×2,78	1,28	ЗСЗ—ВЮВ	ВЮВ	Подросток 14—15 лет
20	1,56×2,77	0,90	ЗЮЗ—ВСВ	ЗЮЗ	
21	1,66×2,12	0,70	СЗ—ЮВ	СЗ	
24	1,46×2,88	1,00	ЮЗ—СВ	ЮЗ	Мужчина 23—25 лет

Как видно из таблицы, в погребениях этого типа нет стабильности в ориентировке ям и самих погребенных, размеры ям также весьма разнообразны. Их отличает лишь значительная глубина (три ямы глубже 1 м) и большие размеры по сравнению с площадью, занимаемой самим погребением (рис. 23).

В семи ямах погребенные лежали на их дне. Судя по отдельным фрагментам коры, сохранившимся на вещах, погребенные, видимо, заворачивались в луб. В разрезе пяти грунтовых ям отчетливо прослеживались плавно спускавшиеся

Рис. 23. Погребальная яма с остатками захоронения № 14. Вид с запада

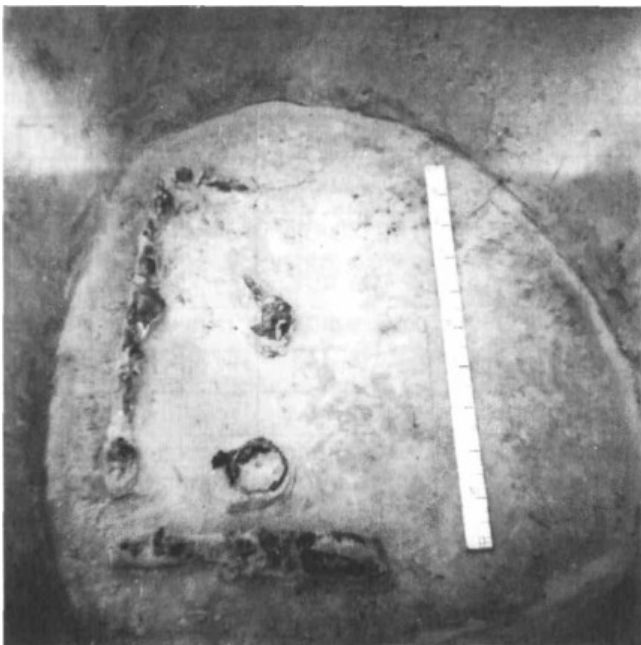

Рис. 24. Грунтовое погребение № 21 с остатками деревянного ящика.
Вид с запада — северо-запада

в яму гумусированные с вкраплениями углей прослойки, которые мы интерпретируем, как остатки прогнивших деревянных перекрытий. Над деревянными перекрытиями ям возводились, видимо, какие-то земляные или деревоземляные надмогильные сооружения. Когда перекрытия перегнили, эти сооружения постепенно заполнили пустое пространство погребальных ям. Только так можно объяснить, что при нивелировке площади грунтового могильника на местах столь значительных ям не наблюдалось никаких западин. В свою очередь, два захоронения не имели в разрезе прослоек от перекрытий (№ 21, 103) и, по всей видимости, изначально были засыпаны песком. В одном случае погребение находилось в гробовище — прямоугольном деревянном ящике 0,55×1,04 м, остатки которого были расчищены на глубине 0,6 м (рис. 24; табл. XLVI — А). Во второй яме дерево не сохранилось.

Особое место среди грунтовых захоронений занимает погребение № 9 (рис. 25; табл. XLII). В нем зафиксировано необычное положение погребенного ребенка. Кости скелета практически полностью истлели, под бронзовыми окислами сохранились лишь незначительные фрагменты черепа, отдельные кости кистей рук и грудной клетки. Наблюдения над характером залегания этих ничтожных остатков костяка, а также шейных и нагрудных украшений как бы по вертикали на глубине от 0,35 до 0,46 м ниже края ямы и браслетов на глубине 0,49—0,54 м, позволяют предполагать, что грудная клетка погребенного ребенка находилась не в горизонтальном, а в вертикальном положении. Поскольку фрагменты черепа встречены на глубине 0,34 м при общей глубине ямы 0,97 м, данное захоронение ребенка 2—3 лет (по определению Р. Гравере) можно рассматривать как «сидячее». Погребенная девочка была завернута в луб и засыпана песком.

Сохранность костей в грунтовых ямах плохая, поэтому антропологические определения возможно было провести только для трех погребений (табл. Ж). Однако состав инвентаря и размеры украшений позволяют легко интерпретировать и другие захоронения. Так, к числу детских, наряду с погребениями № 9 и 19, можно также отнести погребения № 14, 21 и 103, а к числу мужских, помимо захоронения № 24, еще захоронения № 20, 162. Женские комплексы среди грунтовых труположений отсутствовали.

Набор инвентаря детских захоронений достаточно единообразен и стабилен. Его основу составляли различные украшения: перстни, браслеты, гривны, подвески, иногда фибулы. Гривна являлась обязательным атрибутом детских захоронений. Она отсутствовала лишь в одной могиле (№ 19), где был похоронен подросток 14—15 лет. Вероятно, он уже перешел ту возрастную гра-

Рис. 25. Грунтовое погребение № 9. Вид с юго-востока

ницу, которая разделяла мальчика и мужчину, и его сопровождающий инвентарь больше напоминает лаконичный набор инвентаря мужских захоронений. Характерным элементом инвентаря детей являлись подвески — амулеты. В захоронениях мальчиков встречалось оружие, в основном наконечники стрел, в одном случае — наконечник дротика, а также отдельные предметы бытового инвентаря, прежде всего ножи. Все детские захоронения сопровождались сосу-дами.

Находки в мужских погребениях немногочисленны. В погребении № 24 весь инвентарь состоял из двух предметов — браслета и ножа. Общим для двух других захоронений (№ 20 и 162) являлся следующий набор — фибула, топор, нож, сосуд. Кроме того, в погребении № 20 в состав инвентаря входили также наконечник копья и бронзовые украшения (спиральки) от оных.

Ямы на площади грунтового могильника

Кроме погребений, на площади раскопа в центральной части могильника обнаружено 83 ямы различной формы и размеров (табл. VI). Некоторые из них, тяготеющие к определенным погребальным комплексам, были нами упомянуты. Ямы имели самые разные конфигурации и размеры, в частности, среди них были круглые, овальные, ровикообразные или вообще неправильной формы. Все они были заполнены серым гумусированным песком, в редких случаях в них встречались углистые прослойки (№ 17, 47) или прокаленный песок (№ 57).

В заполнении шести ям (три из них ровикообразные) обнаружены различные вещи: железное кольцо (№ 6), булава и фибула (№ 7), навершие от рукояти (№ 12), бусина (№ 32), браслет (№ 59), фибула (№ 66а), перстень (№ 67). Интересный комплекс предметов, состоящий из семи гирек, кремешка, сплавленных бусин, обломка перстня с волютами, наконечника стрелы, ножа и фрагментов венчиков лепной миски, зафиксирован в яме № 68. Все металлические предметы были обожжены на погребальном костре. В 4 ямах встречены развалы керамики (табл. L).

В настоящее время трудно сказать, остатками каких конструкций являлись все эти ямы, но ясно, что перед нами сложный погребальный комплекс, функционировавший как в период похоронных церемоний, так и в другие «поминальные» дни. Вполне вероятно, что на могильнике находились различные строения, стояли идолы, горели временные очажки и производились ритуальные действия.

КУРГАНЫ XI—XII вв.

Курганы с труположениями в грунтовых ямах

Нами исследовано 39 насыпей, содержащих захоронения в грунтовых ямах, а кроме того, шесть курганов подобного типа были раскопаны К. В. Кудряшовым и бесспорно три — А. А. Спицыным. Все они расположены в центральной части могильника, окружая с востока, севера и запада грунтовые захоронения и деревоземляные сооружения типа «домиков мертвых». Насыпи имели круг-

лую или овальную в плане форму. Размеры курганов, содержащих захоронения взрослых людей, имели диаметр от 4—5 до 7—8 м при высоте 0,3—0,9 м. Насыпи над детскими погребениями были несколько меньше — диаметр 3—5 м (лишь в отдельных случаях 6,5—7 м), высота 0,3—0,5 м. Две насыпи (№ 137 и 229) отличались незначительной высотой 0,2—0,25 м, так что они лишь слегка возвышались над современной дневной поверхностью.

Насыпи, как правило, оконтуривались ровиками. Из 39 раскопанных нами курганов ровики отсутствовали только в четырех случаях. В их расположении вокруг кургана строгой закономерности не прослеживается. Обычно ширина ровиков достигала 0,5—0,7 м, но иногда доходила до 1,7—1,9 м. Средняя глубина ровиков — 0,2—0,4 м, наибольшая — 0,64 м.

Под насыпью в центре курганной площадки, выделенной на местности ровиками, располагалась грунтовая яма (36 курганов содержали одну грунтовую яму, три насыпи — по две). Обычно ямы имели значительные размеры — от 2,60 до 3,60 м в длину и соответственно от 1,35 до 2,65 м в ширину. Глубина ям колебалась от 0,32 до 1,36 м (наиболее часто встречаемые отметки глубин 0,6—0,9 м). Размеры детских погребальных ям были несколько меньше: 1,60—2,25 м длиной, 0,88—0,50 м шириной и 0,36—0,8 м глубиной.

Наблюдения над различными курганами с погребальными ямами (их топографическим расположением, хронологией и т. д.) позволяют сделать определенный вывод о том, что размеры подкурганных грунтовых ям, и прежде всего их глубина, изменялись с течением времени. Так, в центральной и западной частях могильника в основном концентрируются курганы XI в. и здесь преобладают большие просторные ямы глубиной свыше 0,6—0,7 м (рис. 26, 27), в то же время вдоль дороги и в северо-западной части памятника, где исследованные нами курганы главным образом датируются XII в., преобладают грунтовые ямы глубиной 0,50 м и меньше (рис. 28, 29).⁸

Что касается ориентировки ям, то в 36 насыпях, содержащих одиночные захоронения, картина следующая: в 16 случаях ямы ориентированы с запада на восток, в 14 — с юго-запада на северо-восток, в трех — с запада-юго-запада на восток-северо-восток, в двух — с северо-запада на юго-восток и в одном — с севера на юг. А погребенные в них соответственно были ориентированы так: 12 лежали головой на восток, восемь — на северо-восток, два — на восток-северо-восток и два — на юго-восток; трое погребенных были положены головой на запад и столько же на юго-запад, а одно захоронение имело северную ориентировку. В пяти ямах положение костяков установить невозможно. Таким образом, в данной группе залахтовских захоронений преобладает восточная ориентировка погребенных с отклонениями к северу и югу (всего 24 погребения).

Серия курганов XI в., составляющая плотное скопление в западной части могильника, дает нам интересные данные для реконструкции характера погребального обряда, видимо, в период его расцвета. Материалы раскопок свидетельствуют, что вырытая в центре курганной площадки яма тщательно готовилась к захоронению. Изнутри она, судя по древесным прослойкам вдоль

⁸ Именно эта группа насыпей с неглубокими ямами, наряду с курганами, содержащими труположения на горизонте земли, особенно сильно подверглась разрушению в 1972 г., так как в данном случае грабители без особого труда с помощью шурфа могли добраться до захоронения.

Рис. 26. Погребальная яма под насыпью кургана № 195.
Вид с юго-запада

Рис. 27. Погребальная яма под насыпью кургана № 196.
Вид с северо-запада

Рис. 28. Мужское погребение в кургане № 197. Вид с юго-запада

Рис. 29. Погребение в кургане № 176. Вид с юго-запада

стен, обшивалась деревом (рис. 30). Дно ямы устилалось соломой, отпечатки которой сохранились на тканях. В трех случаях под погребенными была положена овчина.

Умершего одевали в парадный костюм, соответствующий его половозрастному и социальному статусу, и заворачивали, как правило, в кору (в курганах № 186 и 229 найдены железные заклепки, возможно от гробовища). В такой своеобразной колоде из коры умершего опускали на дно ямы (рис. 31). Рядом раскладывался сопровождающий погребение инвентарь. Затем яма перекрывалась деревянным настилом, после чего над перекрытой могилой возводился курган. Неизбежно через некоторое время деревянные перекрытия ямы перегнивали и рушились, так что центральная часть насыпи, проваливаясь, заполняла пустое пространство ямы. В результате чего многие вещи, и прежде всего поставленные в погребения глиняные сосуды, под силой давления земли сплющивались, поэтому в погребениях сосуды, как правило, сильно раздавлены, чего не могло быть, если бы яму постепенно засыпали. Во многих курганах стратиграфически отчетливо прослеживалось, что после провала центра кургана от первоначальной насыпи оставался валик вокруг ямы. Затем насыпь подсыпалась и курган оформлялся окончательно (рис. 32). Любопытно, что К. В. Кудряшов при раскопках кургана № 17 зафиксировал точно такую же стратиграфическую картину. На своем рисунке он отметил гумусированный слой от прогнивших перекрытий, а над ним выделил слой песка, спускающийся в яму и частично сохранившийся по краям, — то, что мы и интерпретируем как остаток первоначальной насыпи (Кудряшов 1913: 257, рис. 17).

Безусловно, не все курганы можно реконструировать подобным образом. Существовали и другие варианты обряда. Так, в семи случаях в разрезе погребальных ям не прослеживались следы перекрытий. Как правило, это ямы незначительной глубины, видимо, они засыпались сразу.

Обычное положение погребенного в могиле — лежачее на спине, руки на животе. Исключение представляло лишь одно захоронение девочки в кургане № 69. Без сомнения его можно рассматривать как сидячее, так как сохранившаяся в полном антропологическом порядке верхняя часть скелета была приплюснута по вертикали (череп располагался между бедренными костями около таза, а шейные украшения частично оказались внутри грудной клетки).

Под насыпью трех курганов № 187, 197 и К-18⁹ обнаружено по две погребальные ямы (рис. 33; табл. LXXXII; XCIII). Наши исследования показали, что курганы подобного типа сооружались в два приема. В курганах № 187 и 197 основные захоронения были мужскими, а подхороненными к ним в обоих случаях были дети. В кургане № 187 погребальные ямы располагались строго по одной линии (запад—восток), так что курганная насыпь имела удлинненную форму (7,40×9,80 м). В свою очередь в кургане № 197 ямы располагались параллельно друг другу. Взаимное расположение грунтовых ям в кургане № К-18 не ясно. Судя по инвентарю, первичным захоронением здесь, по-видимому, являлось женское погребение, а вторичным, так же как и в первых двух случаях, детское.

⁹ Здесь и далее перед номерами курганов, раскопанных К. В. Кудряшовым, ставится буква «К» (например, К-18), а раскопанных К. Д. Трофимовым и А. А. Спицыным — «Т» или «С» соответственно.

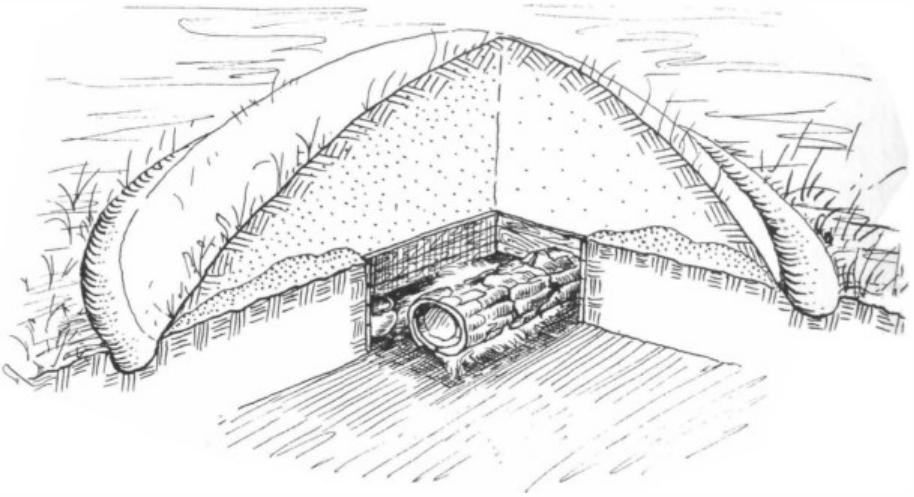

Рис. 30. Реконструкция устройства залахтовских захоронений в грунтовых ямах под насылью курганов

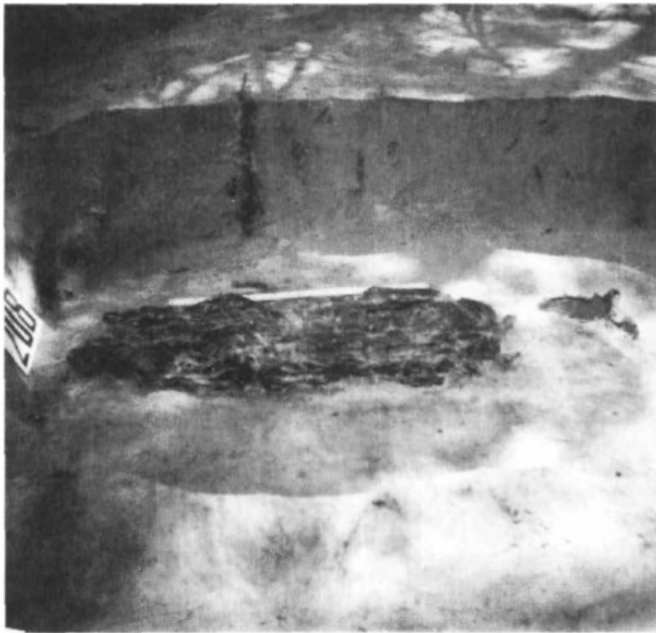

Рис. 31. Курган № 208. Вид погребения, завернутого в луб, до его расчистки

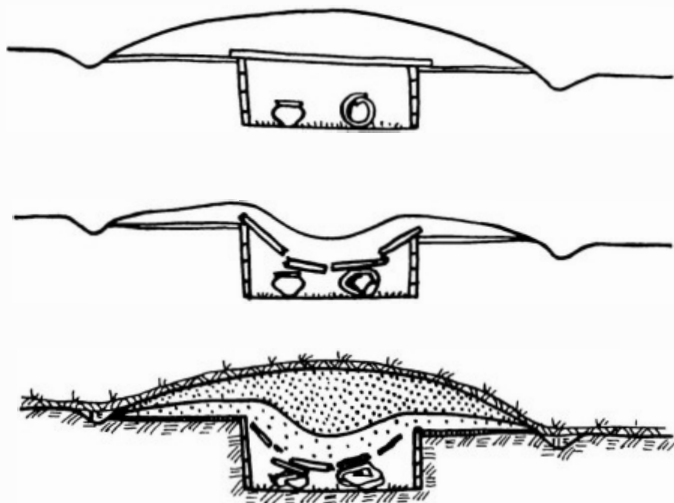

Рис. 32. Этапы сооружения насыпи кургана с грунтовыми захоронениями

Рис. 33. Насыпь № 187 с двумя подкурганными грунтовыми ямами. Вид с юго-запада

В одном из исследованных К. В. Кудряшовым кургане на дне грунтовой ямы находились два костяка; судя по составу инвентаря, это было парное захоронение мужчины и женщины.

Два кургана, № 165 и 194, содержали биритуальные захоронения (табл. LXVI; LXXXVIII). Наряду с центральными погребениями, совершенными по обряду труположения в грунтовых ямах (в обоих случаях это были мужские захоронения), на площадках курганов были встречены небольшие ямки с остатками захоронений по обряду кремации. В кургане № 165 это было погребение женщины, а в кургане № 194 — совместное погребение взрослого человека и ребенка до 5 лет.

Особое место среди рассматриваемой группы насыпей занимает курган № 136 (табл. LXII). Здесь под одной насыпью были сосредоточены погребения, отличающиеся друг от друга именно по способу захоронения. Исходя из стратиграфических наблюдений, последовательность захоронений представляется следующей. Основное погребение мужчины находилось в большой грунтовой яме и было ориентировано головой на восток; после того как это погребение было перекрыто курганной насыпью, в ее поле с юго-западной стороны были сделаны подхоронения еще двух мужчин. Один из них был погребен по обряду труположения на горизонте земли головой на юго-восток, а другой был кремирован, и его останки, в виде скопления кальцинированных костей, располагались справа от погребенного на горизонте земли (определения кальцинированных костей Н. М. Ермоловой, погребальный инвентарь отсутствовал). В результате присыпки этих двух захоронений первоначальный курган значительно расширился. Затем в юго-восточную часть готовой насыпи была впущена яма, прорезавшая курган и углубившаяся в материк на 0,45 м. Яма располагалась строго параллельно грунтовой яме первоначального захоронения. На ее дне находились два захоронения, взрослого человека и ребенка.

По половозрастным признакам исследованные курганы можно подразделить на следующие группы: курганы с захоронениями мужчин (21), курганы с погребениями женщин (14) и курганы с детскими захоронениями (9). В трех разрушенных курганах пол и возраст погребенных не ясен (№ 47, 58, 97).

Антропологические определения проведены только для 16 захоронений. Мы уже отмечали, что погребения в ямах имеют очень плохую сохранность костного материала. В большинстве случаев зафиксирован лишь тлен от костяков. В ряде случаев вообще нет никаких следов костей (это, прежде всего, касается захоронений в глубоких ямах). Поэтому при делении захоронений на мужские, женские и детские, помимо имеющихся антропологических определений, мы учитывали также состав погребального инвентаря и размеры украшений. Следует отметить достаточно четкое разграничение в составе мужских и женских комплексов как в характере украшений, так и в предметах домашнего обихода. Свои особенности имеет и инвентарь детских захоронений.

Анализ 19 полных, не поврежденных грабительскими раскопками, комплексов показывает, что к числу наиболее часто встречаемых вещей в мужских захоронениях относятся: фибулы, браслеты, перстни, топоры, наконечники копий, ножи и сосуды. В 11 случаях топоры сочетаются в одних комплексах с наконечниками копий, и только в семи погребениях эти разновидности оружия встре-

Рис. 34. Женское захоронение из кургана № 208. Вид с северо-запада

чаются порознь (в трех погребениях — только топоры, в четырех — только копья). Характерную для мужских погребений, но не столь многочисленную группу предметов, составляют металлические элементы поясов. В четырех захоронениях (включая в данном случае материалы разграбленного комплекса № 182) были найдены полные поясные наборы (пряжки, разделители, бляшки и наконечники) и в четырех — отдельные элементы (пряжки и разделительные кольца). Изредка в составе инвентаря встречаются кресала, оселки, тесла, скобели, ложки и косы. В этой связи интересно отметить, что набор деревообрабатывающих орудий труда, таких как тесла, скобели и ложки, входили в состав четырех курганов (№ 178, 180, 181 и 186), расположенных рядом друг с другом компактно в западном крыле могильника. Несомненно, это были захоронения одного временного периода, и, с одной стороны, в составе их инвентаря могли отразиться погребальные традиции этого времени, а с другой стороны, в них просто могли быть похоронены люди, близкие по роду своей деятельности.

Инвентарь женских захоронений, в отличие от мужских, выделялся значительным количеством украшений (рис. 34). Для анализа состава женского инвентаря привлечены 14 комплексов (девять из раскопок К. В. Кудряшова и пять непо потревоженных погребений из наших раскопок). Наряду с общими для мужских захоронений типов украшений (фибулы, браслеты, перстни), к сугубо женским категориям украшений в Залахтовье относятся: гривны, ожерелья из бус (часто в сочетании с различными подвесками), головные булавки, нагрудные украшения, состоящие из булавок, цепедержателей и цепочек или только булавок. В женских погребениях представлены иные, чем в мужских захоронениях,

орудия производства и предметы сельскохозяйственного инвентаря, соответствующие производственной деятельности женской части общества Залахтовья. Они немногочисленны, и к ним относятся ножницы, серпы, лопаточки, в редких случаях пряслица и мотыги.

Набор вещей детских погребений состоит в целом из тех же предметов, что и комплексы инвентаря взрослых захоронений. Это, прежде всего, гривны, фибулы, браслеты и перстни. В погребениях девочек встречаются бусы (ожерелья из бус, либо отдельные бусины). Характерной чертой именно детского комплекса вещей являлись специальные подвески. Так, в захоронении младенца (№ 176а) найдена подвеска-амулет из клыков хищников, а в других погребениях — поясные или нагрудные подвески, в состав которых обязательно входили бубенчики. Если в захоронении не было специальной бубенчиковой подвески (№ 69, 197/2), то бубенчики входили в состав ожерелий. По всей видимости, бубенчики выполняли роль оберегов, их звон должен был отпугивать злых духов от души ребенка. Особенностью комплекса детского инвентаря является также отсутствие в нем каких-либо предметов производственного назначения. Лишь в одном погребении семилетней девочки (№ 197/2), которое являлось подхоронением к мужчине и выделялось среди прочих детских захоронений особым богатством сопровождающего инвентаря, было обнаружено пряслице, то есть, вероятно, было положено веретено. Практически все погребения данной группы независимо от пола и возраста сопровождались сосудами.

Курганы с труположениями на горизонте земли

Курганы с труположениями на горизонте земли концентрировались в северо-западной половине основного массива залахтовских насыпей. Всего в могильнике исследовано 76 курганов данного типа (60 из них раскопаны К. Д. Трофимовым и 16 — нами). Эта группа курганов наиболее пострадала во время широких кладоискательских раскопок 1972 г., так что из 16 исследованных нами насыпей 11 были либо в значительной степени нарушены, либо уничтожены полностью. В силу этого, материалы раскопок К. Д. Трофимова при анализе курганов с погребениями по обряду труположения на горизонте земли приобретают первостепенное значение (рис. 35).

Курганы имели округлую в плане форму (диаметр насыпей 5—7 м, высота 0,3—0,5 м; размеры наименьшего кургана из наших раскопок — 3,69×4,66 м, наибольшего — 7,10×9,94 м).¹⁰ Вокруг 12 раскопанных нами насыпей зафиксированы ровики, в четырех случаях они отсутствовали. К. Д. Трофимов вообще не отмечал наличия или отсутствия ровиков вокруг насыпей. В то же время К. Д. Трофимов писал, что, «по рассказам крестьян, в сравнительно недавнее время часть курганов по окружности у их основания была обставлена большими булыжными камнями» (Трофимов 1909: 3). Сам К. Д. Трофимов при обследо-

¹⁰ Незначительная высота некоторых раскопанных нами насыпей (например, высоты курганов № 10 и 11 соответственно 0,16 м и 0,20 м) связана с тем, что они были сильно распаханы при поздних лесопосадках.

Курганы № 2.

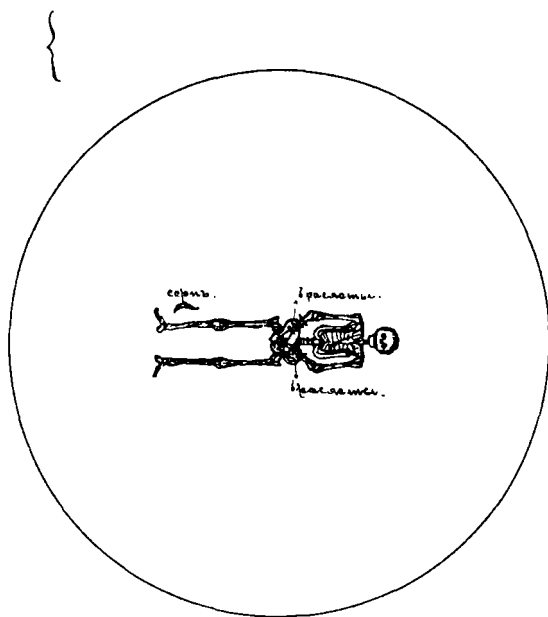
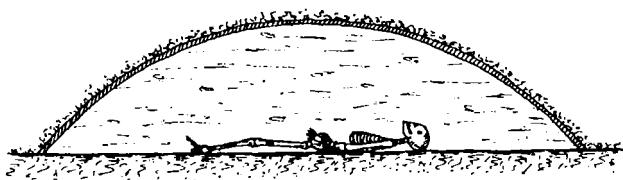

Рис. 35. Курган № 2 с погребением на горизонте земли
из раскопок К. Д. Трофимова
(Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1908 г., д. 32, л. 27)

довании могильника никаких камней уже не нашел, а отмечал, что «по сохранившимся кое-где следам от этих камней можно видеть, что обложенные ими курганы находились в северо-западной части могильника и что число таких курганов незначительно» (Трофимов 1909: 3). При конкретном описании курганов он лишь однажды упомянул о следах каменной обкладки, правда не ясно, что они из себя представляли. Тем не менее, давая реконструкцию «типичного» кургана с погребением на горизонте земли, К. Д. Трофимов счел возможным показать сплошную каменную обкладку вокруг насыпи (Трофимов 1909: рис. 2). При наших работах никаких каменных конструкций в залахтовских курганах не было обнаружено, и нет никаких оснований реконструировать их для насыпей данной группы.

Во всех исследованных курганах находилось по одному захоронению. Погребенные лежали на спине, руки сложены на животе или на груди. В 60 курганах устанавливается ориентировка погребенных: в 53 — захоронение было ориентировано головой на восток, в четырех — на северо-восток, в одном —

Курганы № 37.

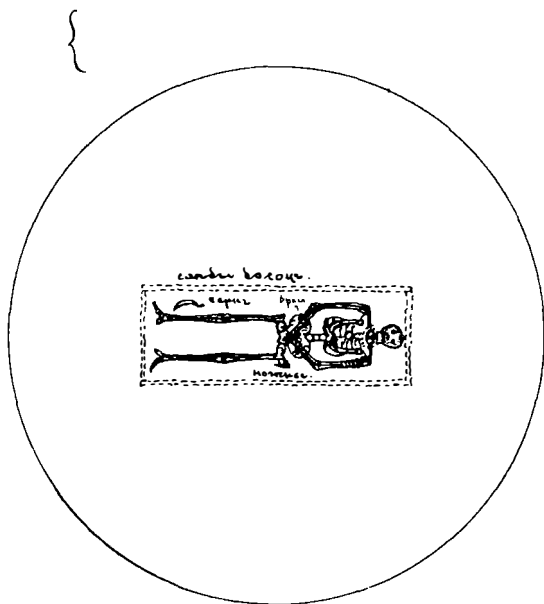
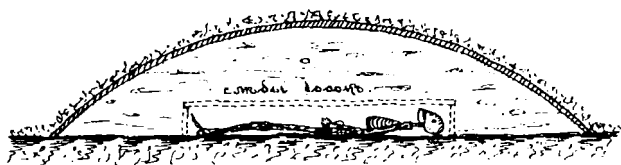

Рис. 36. Курганы № 37 с погребением на горизонте земли из раскопок К. Д. Трофимова (Архив ИИМК РАН, ф. 1, 1908 г., д. 32, л. 45)

на северо-запад и в одном — на запад.¹¹ Таким образом, в целом в залахтовских курганных захоронениях на горизонте земли доминировала восточная ориентировка погребенных.

К. Д. Трофимов отмечал, что захоронения сверху и с боков часто покрывались лубом или берестой, а иногда и досками (Трофимов 1909: 3; рис. 36). Остатки коры встречены и при наших исследованиях. По-видимому, традиция помещать умершего в своеобразную колоду из коры сохранялась и в период курганов с погребениями на горизонте земли. В двух случаях погребенные находились на специальных песчаных подсыпках (№ 179 и 183).

Среди раскопанных нами курганов выделялась насыпь № 17. Здесь на курганной площадке справа от погребенного было зафиксировано мощное углистое пятно. Кроме того, выявлено девять грунтовых ямок, пять из которых располагались двумя параллельными линиями по обе стороны от захоронения, а четы-

¹¹ Здесь следует учесть, что К. Д. Трофимов, указывая на восточную ориентировку погребенных, не фиксировал детально ее отклонение к северу или к югу.

ре — на границах курганной площадки, обозначая как бы квадрат, в котором и находилась вся погребальная конструкция (рис. 37). Несомненно, грунтовые ямки являлись следами какого-то деревянного столбового сооружения. Возможно, часть столбов поддерживала навес над уже готовой курганной насыпью, только этим можно объяснить незначительную глубину большинства грунтовых ямок. По заключению Р. Гравере, в кургане был похоронен мужчина около 60 лет.

Учитывая отдельные антропологические определения,¹² а также характер погребального инвентаря, выделяются 12 женских и 17 мужских комплексов. В 47 случаях пол погребенных установить невозможно. К сожалению, совершенно не вычлняются детские захоронения.

При рассмотрении особенностей характера мужского и женского инвентаря можно опираться только на 20 погребений. Остальные захоронения либо были потревожены грабительскими раскопками, либо не полностью исследованы (последнее касается курганов № 46, 48, 50, 51 из раскопок К. Д. Трофимова).

В целом, по сравнению с погребальными сооружениями Залахтовья, описанными в предшествующих разделах, данная группа курганов отличалась скудостью сопровождающего инвентаря. Впервые в Залахтовье появляется значительное число безынвентарных захоронений (в 20 насыпях). В шести курганах, как отмечал К. Д. Трофимов, имелись нарушения,¹³ но в остальных случаях погребения не были потревожены.

Комплекс вещей, характерный для мужских захоронений, чрезвычайно лаконичен. Это, прежде всего, оружие (топоры и наконечники копий) и сосуды. Из украшений чаще всего встречаются перстни. Все остальные вещи, в число которых можно включить браслеты, пряжки, кресала, оселки и ножи, представлены единичными находками. Женские комплексы выглядят несколько богаче за счет различных украшений и элементов одежды. К ним относятся ожерелья из бус и монет, фибулы, браслеты, комплексы нагрудных украшений (состоящие из булавок, цепедержателей и цепочек), реже в состав женских украшений входили перстни и головные булавоочки. К единичным находкам можно отнести гривну, ножны, игольник, сельскохозяйственный инвентарь (косы, серпы и мотыги). В отличие от курганов с грунтовыми ямами, в насыпях с захоронениями на горизонте земли сосуды встречены далеко не во всех погребениях.

Интересно отметить характер размещения предметов погребального инвентаря в кургане № 18. Насыпь была сильно нарушена, и от погребения сохранились только части ног и соответственно комплекс вещей, расположенных около этих костей. Тем не менее, эти скудные остатки захоронения обращают на себя внимание, прежде всего, парностью вещевого материала, сопровождающего погребение, что само по себе необычно для залахтовских захоронений (рис. 38). Найдено две косы, два наконечника копья и два сосуда (один из них лепной

¹² В ряде случаев К. Д. Трофимов в своей публикации указывает пол погребенного даже в безынвентарных захоронениях. Черепа из курганов № 11, 17 и 46, исследованных нами, определены Р. Гравере.

¹³ Обычно К. Д. Трофимов писал, что «все кости перевернуты корнями» (см. курган № 8). Практика наших раскопок показывает, что реальные нарушения костяка могли происходить лишь в результате поздних перекопов.

Рис. 37. Курган № 17 с погребением на горизонте земли.
Вид с юга — юго-запада

Рис. 38. Курган № 18 с остатками погребения
на горизонте земли. Вид с запада

целый, а второй — гончарный в обломках). Размещение их было симметрично. От лепного сосуда, расположенного как бы в центре, в разные стороны расходились две косы. На них, в свою очередь, острями вниз параллельно друг другу располагались наконечники копий.

Поздние грунтовые труположения

На северной окраине могильника в 45 м севернее основного скопления курганов нами в 1975 г. были заложены два раскопа (вскрыто 112 кв. м), на площади которых выявлено пять захоронений (в раскопе I — четыре: № 1, 3, 4, 5; в раскопе II — одно № 2; табл. СХIV; СХV; СХVI). Все погребения находились в грунтовых прямоугольных ямах (длиной от 0,9 м до 2,60 м, шириной от 0,70 до 1,30 м и глубиной от 0,2 м до 0,5 м). Погребенные лежали на дне ям в вытянутом положении на спине и были ориентированы головой на запад, в одном случае — на юго-запад. Погребальный инвентарь встречен только в трех захоронениях № 1, 2 и 4 (табл. СХVI — В). В первом случае он состоял из монетовидной подвески-дирхема, ножа и горшка, во втором — из поясного кольца и витого перстня, а в третьем — из простого пластиночного браслета. Сохранность костей плохая, но, судя по размеру ямы и величине браслета, погребение № 4 являлось детским. Если в раскопе I открытые захоронения, скорее всего, относились к позднему древнерусскому грунтовому могильнику, то погребение в раскопе II можно интерпретировать как курганное, так как при нивелировке места раскопа зафиксирована незначительная возвышенность, возможно насыпь, нарушенная при лесопосадках. В настоящее время эта часть могильника выглядит топографически обособленной, но не исключено, что между ней и сохранившимися в бору курганами ранее также находились захоронения, ныне разрушенные. Именно в этой части могильника, скорее всего, производил раскопки К. Д. Трофимов, насколько можно судить по опубликованной им схеме исследованных насыпей (рис. 5).

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

При рассмотрении материальной культуры на основе анализа древних захоронений источником информации является сопровождающий погребения инвентарь. Специфика такого анализа состоит в том, что в поле зрения исследователя попадают лишь те предметы, которые, по представлению древних людей, должны были сопровождать умершего соплеменника в иной мир. К этим категориям предметов, прежде всего, относятся различные элементы одежды и украшения, которые в момент захоронения находились на погребенном. По ним можно реконструировать покрой одежды и элементы ее убора. Для каждой половозрастной группы был характерен свой строго определенный набор. В этом плане материалы могильника полностью подтверждают наблюдения М. А. Сабуровой, сделанные на основе анализа древнерусской погребальной одежды (Сабурова 1988: 266—271). Так, детские погребения часто сопровождались не серийными украшениями, а украшениями, сделанными, возможно, специально для погребения, или предметами, переделанными из вещей взрослых членов общины. Иногда в детских захоронениях встречаются перстни и браслеты явно больших размеров, не соответствующих возрасту умершего. Наиболее роскошный погребальный убор встречается в захоронениях людей среднего возраста. В свою очередь элементы украшений в могилах пожилых людей зафиксированы редко. Кроме деталей убора и декора одежды, в залахтовских захоронениях были широко представлены предметы быта, сельскохозяйственный инвентарь, оружие и глиняные сосуды. В определенной степени они позволяют нам судить о различных занятиях населения. В то же время необходимо учитывать, что часть вещей, характерных для повседневной жизни, могла не попадать в захоронения и выпадает из нашего поля изучения. Кроме того, материалы комплексов из погребений, совершенных по обряду кремации, дошли до нас не полностью, так как многие предметы, прежде всего стеклянные бусы и бронзовые украшения, оплавившись и предстают перед нами в виде аморфных кусков стекловидной или бронзовой массы. Несмотря на сделанные замечания, яркий и богатый погребальный инвентарь могильника позволяет рассмотреть особенности материальной культуры залахтовцев, характер их одежды, изменения в наборе и типах украшений на протяжении двух веков, социальное положение отдельных членов данного коллектива и их этническую принадлежность.

Здесь еще раз нам приходится повторить, что глава о материальной культуре Залахтовья полностью посвящена характеристике материальной культуры

населения прибалтийско-финского облика XI—XII вв. Скучный погребальный инвентарь захоронений культуры длинных курганов и аналогии ему рассмотрены нами при описании погребального обряда этих насыпей, и для его анализа в специальном разделе работы нет никаких оснований.

Головные украшения

Металлические элементы головных украшений встречаются исключительно в женских захоронениях среднего возраста. К числу таких украшений относятся небольшие булавочки с двуспиральными или односпиральными плоскими головками, являющиеся характерными украшениями древнеэстонских женщин (типа табл. ХСІХ — 30, 31; СІ — 6; СХVІІ — 19).¹ Судя по эстонским параллелям, как правило, две такие булавочки, соединенные между собой цепочкой, скалывали на затылке головное покрывало замужней женщины (Selirand 1966: 150—155). В Залахтовье они встречены в 11 комплексах (как в трупосождениях, так и в трупоположениях), включая так называемое «погребение № 12». Наши раскопки ненарушенных погребений по обряду ингумации, как и комплекс, исследованный К. В. Кудряшовым (№ 208, 229 и К-17), показывают, что они всегда располагались около черепа погребенных, а следовательно, выполняли роль заколок головных покрывал. В захоронениях № 208 и 229 зафиксирована парность украшений, причем в первом погребении сохранились остатки самого шерстяного покрывала. Кроме указанных комплексов, аналогичные заколки были встречены еще в семи погребениях. В двух случаях они происходили из разграбленных захоронений (№ 68, 245), а в пяти — из курганов с погребениями на горизонте земли, исследованных К. Д. Трофимовым (№ Т-32, Т-37, Т-57, Т-46, Т-70), который не всегда точно указывал места расположения находок.

Кроме булавочек, к головным украшениям также относятся зафиксированные в четырех женских захоронениях височные кольца (№ 11, 46, 71С-2). Если булавочки являлись типично эстонским элементом одежды, то височные кольца — характерным украшением славян. В этой связи интересно отметить, что погребения с височными кольцами имели западную и юго-западную ориентировку в отличие от доминировавшей в могильнике восточной ориентировки погребенных. Из восьми височных колец семь относились к типу проволочных перстнеобразных (два — с заходящими концами типа табл. LІІІ — В: 1, одно — с одним концом, загнутым в спиральку типа табл. LІІІ — В: 2, одно — с завязанными концами табл. СХІ — 12; тип остальных не ясен), а одно было сделано из обломка ромбоштиткового височного кольца (типа табл. СVІІІ — Б: 2). Все эти височные кольца широко представлены как в древнерусских памятниках Северной Руси, так и более широких территорий (Спицын 1896: табл. ІІ, 2; 1903: табл. ХХ, 2, 3, 4, 8; Таутавичюс 1959: 131, рис. 1; Левашова 1967: 15—16, 24; Павлова 1969: 120—121).

¹ В данной главе мы даем ссылки не на все вещи, а лишь на типы отдельных предметов, представленных на таблицах.

Шейные гривны

Шейные гривны зафиксированы в 36 погребениях в количестве 38 экз. только в захоронениях детей и женщин, а еще одна гривна была найдена вне комплекса. Отметим, что в детских погребениях гривны входили в состав инвентаря как девочек, так и мальчиков. В одном из детских захоронений (№ 11), совершенном по обряду кремации, в составе инвентаря обнаружены обломки трех гривен разных типов большого размера и преднамеренно погнутые. Кроме того, две гривны находились в двойном захоронении кургана № 20 (раскопки К. В. Кудряшова). Непонятно, что это было за погребение — возможно двух подростков, так как один из них явно сопровождался мужским инвентарем. Однако, как показывают наши раскопки, ни в одном мужском захоронении гривны не были зафиксированы, а в погребениях мальчиков с частичным набором инвентаря характерным для мужчин эти шейные украшения встречаются.

Гривны из залахтовских захоронений можно разделить на семь типов: дровяные (6 экз.), витые (7 экз.), крученые (6 экз.), серповидные (10 экз.), проволочные (4 экз.), проволочная с расплюснутым концом (1 экз.), с пластинчатыми заходящими друг на друга концами (1 экз.) и из железного дрота, обвитого тонкой бронзовой пластинкой (1 экз.). Последние две происходят из раскопок К. В. Кудряшова. Шейные обручи в два раза чаще встречались в детских захоронениях, чем в женских.

Дротовые гривны

В пяти случаях дровяные гривны представлены классическими экземплярами так называемых гривен с «рыльцами» (№ 164, 188, 194 — вне комплекса, 197/2, К-18/1). Это обручи, имеющие массивные шестиугольные в сечении заходящие концы, которые завершались круглыми головками «рыльцами» и с внешней стороны были украшены чеканным орнаментом (типа табл. LXXXIV — В: 1, ХСV — 16, СХIХ — 28). С помощьюковки затылочной части гривны придавалась форма круглого проволочного дрота. На территории Северной Руси находки подобных гривен главным образом концентрируются в Северо-Восточном Причудье (Спицын 1903: 21, табл. XXIII — 9, 10; Фехнер 1967: 60—62, рис. 8 — 4). За пределами древнерусских земель они встречены в Финляндии и Эстонии (Kivikoski 1973: Abb. 729; Selirand 1974: 137, tahv. XXV — 3, 4). Большинство исследователей полагают, что гривны с «рыльцами» имеют финское происхождение, поскольку именно на территории Финляндии известны более ранние их прототипы (Moora 1929: 160—162).

Близкая по облику гривна найдена в комплексе № 208. В отличие от описанных экземпляров, один конец этой гривны завершался пирамидальной головкой (табл. ХСIХ — 29). Х. Моора вполне справедливо рассматривает эти шейные обручи как разновидность той же группы гривен с «рыльцами» (Moora 1929: 160—162; Selirand 1974: 137—138, tahv. XXV — 2). Совпадают они и по территории распространения. Как один из элементов эстонской культуры эти гривны были специально рассмотрены и картографированы Ю. Селирандом (Selirand 1980: 184—187, Abb. 3).

Из разрушенного комплекса кургана № 247 происходит кусок гривны, представлявшей собой круглую в сечении проволоку. По-видимому, это затылочная часть той же гривны с «рыльцем». Гладкие шейные обручи из бронзового дрота, расширяющегося к середине, найдены в грунтовом погребении № 11 (табл. XI — 12) и в кургане № 69 (табл. LII — 23). По каталогу М. В. Фехнер, подобный тип гривен в основном был распространен в центральных и северо-восточных районах Древней Руси (Фехнер 1967: 80—81, рис. 8 — 2). Аналогии таким гривнам встречаются на Готланде (Thunmark-Nylèn 1998: Taf. 147).

Витые гривны

В четырех женских и в трех детских захоронениях обнаружены витые гривны, причем две гривны найдены с трупосождениями (№ 11 и 129; табл. XI — 11; XXVI — 20, 21), четыре — в курганах с ингумациями в ямах (№ 207, 245, К-18/2) и одна — в кургане с труположением на горизонте земли (№ Т-37; табл. СXXXI). Шесть из них сделаны из трех проволок, перевитых в жгут. Гривны из трупосождений отличались особой массивностью (табл. XI — 11; XXVI — 20, 21). Обручи из женских погребений № 207 и 245 были дополнительно перевиты сканной нитью (табл. XCVI — 24; CV — 15). К числу витых гривен можно отнести украшение из детского захоронения № 101 (табл. LVII — В: 7), которое было свито из двух тонких бронзовых проволок. Изделие явно сделано не профессиональными ремесленниками. В двух случаях у витых гривен сохранились концы — заканчивающиеся крючками, у одной они были раскованы в пластинки. Витые гривны являются наиболее распространенной группой шейных украшений как на территории Руси, так и в странах Северной Европы, но по происхождению они считаются южнорусскими (Фехнер 1967: 70—73). В то же время, гривны с раскованными концами, завершенные крючками, как полагает В. М. Горюнова, восходят к финским и скандинавским образцам (Горюнова, Овсянников 2002: 216—217).

Крученые гривны

В детских погребениях № 5, 9, 21, 185, К-22² и женском захоронении № 195 были зафиксированы бронзовые крученые гривны (типа табл. XLII — Б: 27; LXXIX — 25; СXXI — 4). В четырех случаях сохранились замки в виде крючков на концах. Шейные украшения, изготовленные из тордированного железного или бронзового стержня, характерны для Скандинавии и Финляндии. Как отмечает М. В. Фехнер, «крученые гривны северо-восточной и северо-западной Руси являлись предметом импорта из Финляндии и Прибалтики» (Katalog 1896: taf. XV — 10, 15; Нукшинский могильник 1957: табл. 1 — 3; Фехнер 1967: 59).

Серповидные гривны

Самым популярным типом шейных обручей у залахтовских жителей были серповидные гривны. Они встречены в 9 захоронениях, причем только два раза

² В кургане № 22 (из раскопок К. В. Кудряшова), судя по характеру погребального инвентаря, видимо, был похоронен подросток.

входили в состав женского костюма (№ 128, 228) и в восьми случаях являлись детскими украшениями (№ 6, 11, 13, 14, 103, 134, 158, 187/2). Гривны этого типа имели широкую пластинчатую среднюю часть, суживающуюся к бокам и переходящую в круглую (или овальную) в сечении проволоку, завершающуюся замком из двух крючков, согнутых в разных плоскостях (типа табл. XIII — 5; XXV — 14; XXXIV — Б: 5; XLIII — 9 и др.). Лицевая сторона пластин обычно украшалась чеканным орнаментом. Пять экземпляров вдоль нижнего края были пробиты отверстиями для привешивания подвесок, как правило бубенчиков. Как отмечал Х. Моора, гривны данного типа, которые он называл воротничкообразными, имеют эстонское происхождение (Moora 1929: 166—168, taf. IV — 1). По его мнению, прототипом этим гривнам могли служить шейные обручи с тордированными концами и несколько уплощенной серединой (Moora 1929: 167, taf. I — 2).

Гривны индивидуальных форм

Близок по приемам изготовления серповидным гривнам несерийный экземпляр, украшавший шею ребенка в кургане № 136. Один конец бронзовой проволоки был раскован в пластину, декорированную чеканным орнаментом (табл. LXIII — Б: 16). Гривна является индивидуальным изделием. К таким же непрофессиональным, индивидуальным поделкам можно отнести детскую проволочную гривну из курганов № 189 (табл. LXXXV — В: 2) и С-9, а также украшения из грунтовых детских трупосожжений № 8 и 23. В погребении № 23 сохранились куски тонкой бронзовой проволоки с нанизанными на нее крупными глазчатыми бусами (табл. XVI — 4, 6). Помимо бус к проволоке, видимо, прикреплялись подвески, по крайней мере сохранилось ушко от бубенчика, подвешенного на колечках. Концы проволоки загнуты и сцеплены между собой. Поскольку погребение № 23 является захоронением новорожденного, то данное изделие определенно можно рассматривать как самодельную гривну. Аналогичная гривна происходит из кургана № С-9 (табл. CXXIV — 6), где на тонкую бронзовую проволоку, свернутую на концах, была нанизана крупная янтарная бусина. К этому же типу украшений относится гривна, сопровождавшая детское погребение № 8. От нее сохранились куски железной проволоки с каплями стеклянистой накипи от оплавленных бус. Один конец был оформлен в виде ушка, а другой — в виде крючка (табл. X — 10).

К редким находкам относится украшение из круглого дрота с расплюснутыми пластинчатыми, заходящими друг на друга концами из кургана № К-20/2. Лицевая пластина орнаментирована елочкообразными насечками, а также рядом циркульных кружков и завершается фигурным крючком (табл. CXX — 16). По краю этой пластины имеются небольшие отверстия. К двум из них прикреплены круглые бронзовые бляхи, а к одному — бронзовый грушевидный бубенчик. Наиболее близкие аналогии этой гривне имеются на территории Эстонии в памятниках XI—XII вв. (Selirand 1974: 138—139, 310—311, tahv. XXVI — 2). В целом гривны из проволоки с уплощенными, далеко заходящими один на другой концами характерны для большинства племен, особенно для латгалов. В латгальских могильниках это наиболее популярный тип украшений (Нукшинский могильник 1957: 35). Территория распространения двупластинчатых

шейных обручей, очевидно, свидетельствует об их восточнобалтийском происхождении (Kagnups 1929: 136, Abb. 10). Однако значительное их число встречено и в Эстонии. В то же время, как отмечал еще Х. Моора, эстонские экземпляры отличались от латвийских соотношением круглой проволочной и плоской пластинчатой частей. У эстонских украшений плоские части короче, а средняя проволочная длиннее (Моора 1929: 144—145). Залахтовская гривна по этим признакам принадлежит к группе эстонских изделий.

Из этого же погребения (№ К-20/1) происходит еще одна оригинальная гривна, в основе которой находился железный дрот, сверху аккуратно перевитый тонкой чуть выпуклой бронзовой лентой, сочетающейся с плетеной перевитью (табл. СХХ — 19). Безусловно, это несерийная вещь и найти ей аналогии сложно. Можно только отметить, что у ливов существовала традиция дополнительно напизывать на гривну спирали (LA 1974: 50, tab. 50 — 1; Zariņa 1988: 44—45, 31 att.).

Бусы³

Вторым типом шейных украшений являлись ожерелья из бус. В ненарушенных трупоположениях число бус в ожерельях варьировало от 4—5 штук до 35—38, причем в погребениях иногда было не по одному ожерелью. Так, в кургане № 208 бусы (73 экз.) были собраны в четыре низки. Два ожерелья находились на погребенной в кургане № К-16. Основу одного из них составлял бусинный бисер (38 экз.), а в другое — входило девять бусин различного типа. В погребении № 197/2 шею девочки украшало семь ожерелий, в которые входило более 100 бусин, из них четыре низки — из бусинного бисера, а остальные — из шаровидных и подтреугольных глазчатых бус.

Круглые бусы

Зонные бусы (39 экз.). В женских и детских захоронениях встречено 31 одна-частная бусина из синего стекла (типа табл. XLII — 1, 2, 6, 7, 10, 11; LII — 15; XC — 6, 7 и др.) и 8 пронизок (6 двухчастных, одна — трехчастная и одна — четырехчастная; типа табл. XVI — 5; XXV — 2; LII — 13; LXXXIII — 4; XC — 4; СХХ — 8 и др.) из синего и желтого стекла. Размеры одинарных бусин: высота 3—4 мм, диаметр — 6—8 мм. Зонные бусы имеют самое широкое распространение, как на территории Древней Руси, так и в странах Северной Европы (Щапова 1956: 166—169, тип 2; 1961: 185—187; Callmer 1977).

Битрапециоидные бусы (42 экз.). Ю. Л. Щапова выделяет два варианта битрапециоидных бус в зависимости от соотношения размеров диаметра и высоты бусины (Щапова 1956: 169). В Залахтове к первому варианту относится 8 крупных упрощенных бус синего и грязно-зеленого цвета (высота 6—8 мм, диаметр 10—14 мм; табл. ХСVI — 11; СХVII — 28, 30; СХХIV — 2), а ко второму — 34 синих и зеленых бус более мелких, но высоких (высота и диаметр

³ В работе дается самый общий анализ бус, характеризующий состав комплексов, поскольку изучение данной категории материала является весьма специальной темой, требующей особого подхода.

по 10 мм; типа табл. LII — 6, 10; LXXIX — 1—3; XCVI — 18; XCIX — 26; CXI — 1, 3, 5, 7 и др.).

Бочковидные бусы (около 60 экз.). Эта группа представлена пастовыми бусами желтого цвета. Все они имеют рыхлую структуру и практически обесцвечены временем (типа табл. XCIX — 28; CV — 7; CXII — 3). Несмотря на их плохую сохранность, ясно, что никакого отношения к группе бочковидных золото- или серебростеклянных бус они не имеют. Сходство наблюдается лишь в форме бусины, следов же серебряной и золотой прокладки ни на одной из них не зафиксировано. Бочонкообразные желтые бусы встречаются в средневековых могильниках Верхнего Прикамья (Голдина, Королева 1983: 61, тип 151).

Шарообразные бусы (более 90 экз.) (Щапова 1956: 165—166; Lehtosalo-Hilander 1982: 136, plate IV — 2). К этой группе можно отнести сферические пастовые бусины неопределенного цвета, пастовые зеленые бусины с желтыми пятнами на поверхности и аналогичную серую бусину, также имеющую желтые вкрапления (типа табл. LXXXIV — В: 11; XCV — 14; XCVI — 14 и др.). Последняя бусина имеет полные аналогии в могильнике Луистари.

Цилиндрические бусы (3 экз.). Бусы небольшого размера (диаметр 6—7 мм, высота 7 мм), из темно-синего стекла (типа табл. XLII — 3). В продольном сечении имеют прямоугольный разрез. По размерам они отличаются от классических длинных новгородских цилиндрических бус (Щапова 1956: 171, табл. I — 18). Бусы, аналогичные залахтовским, широко представлены в финских могильниках (Lehtosalo-Hilander 1982: 132—133, plate I — 1, 2, 5, 6, II — 1, 8, 11).

Эллипсоидные бусы (2 экз.). Две небольшие бусины из коричневой пасты с эллипсическим сечением (табл. CXX — 2). Незначительное количество узких и длинных эллипсоидных бусин встречается в Новгороде и, как отмечает Ю. Л. Щапова, каждая из них имела свои неповторимые оттенки стекла (Щапова 1956: 170).

Бусинный бисер (более 160 экз.). Эта группа представляет собой мелкие зонные бусы диаметром около 3—4 мм. От времени структура бусин сильно изменилась. Предположительно бусы имели желтый, иногда коричневый цвет (табл. LXXXIV — В: 6; XCV — 12; CXVII — 1). Бусинный бисер встречался в древнерусских памятниках различных территорий. Широко он использовался и в украшениях прибалтийских народов (Щапова 1961: 189).

Лимонные бусы (4 экз.). Все бусины относятся к типу полосатых лимонок. Три из них двойные, одна — одинарная. От классических лимонок они отличаются отсутствием сосковидных бугорков у отверстий (табл. XVI — 3; XXV — 3; XLIX — 9; CVI — 1). Полосатые лимонки в небольшом количестве встречаются в Приладожских курганах, Пскове и в Прикамье (Бранденбург 1895: табл. XIV — 7; Сизов 1902: табл. IV — 24; Голдина, Королева 1983: 64, тип 55, 56).

Ребристые бусы

Ребристые цилиндрические (около 60 экз.). Это одна из наиболее многочисленных групп бус в залахтовских захоронениях. Бусы имели различные размеры — от крупных (12—13 мм диаметром и 11—13 мм высотой; типа табл. XI — 4; XXV — 1; LII — 9; LXIX — Б: 3 и др.) до более мелких (10—11 мм диаметром

и 5 мм высотой; типа табл. LII — 7, 8, 14; LXXIX — 7; XCVI — 4, 8; CI — 1, 2 и др.). Большинство бус были изготовлены из темно-синего или светло-синего стекла, иногда попадались бусины грязно-зеленого цвета и фиолетовые. Обычно на поверхности крупных бусин было сделано 8—10 глубоких насечек, часто они не доходили до края. В то же время встречались бусины, поверхность которых была изрезана множеством мелких бороздок. Цилиндрические ребристые бусы были распространены на всей территории Руси, а также широко встречались в памятниках Прибалтики (Щапова 1956: 175—176; 1961: 190—191; Львова 1968: 79, рис. 2 — 63; Zagina 1987: 28, att. 17 — 2).

Цилиндрические бусы с сетчатой нарезкой (3 экз.). К этой группе следует отнести синюю бусину из кургана № К-18, поверхность которой была рассечена один раз поперек и дважды вдоль (табл. CXIX — 16), а также две бусины, покрытые сеткой неглубоких насечек (табл. LXXIX — 6; CXI — 6). Подобные бусины встречаются в курганах Северо-Запада и в Прибалтике (Спицын 1896-а: табл. XI — 10, XIII — 12; Щапова 1961: 190, табл. I — 35, 36; LA 1974: tabl. 75 — 13).

Ребристые битрапециоидные бусы (7 экз.). Все бусы темно-синего цвета, в поперечном разрезе имеют битрапециоидную форму. Поверхность полностью иссечена неглубокими бороздками (табл. XCVI — 7, 9; CX — 14; CXIX — 11, 12). Аналогичные ребристые бусы зафиксированы в памятниках Прибалтики (Щапова 1961: 191, рис. 1 — 30).

Глазчатые бусы

Рельефные глазчатые бусы (29 экз.). Глазчатые бусы достаточно многообразны. Они имели различные размеры и расцветку (типа табл. XC — 5; XCVI — 12, 16, 17; CXVII — 22—26, 29; CXX — 9 и др.). Среди залахтовских бус выделяются несколько светлых, со слабо выпуклыми желтыми глазами.

Также в эту группу входят крупные черные бусины (4 экз.), имеющие по три рельефных цветных глазка, заключенных в белые или голубые петельки (трехчастная восьмерка; табл. XVI — 4, 6, 12). Бусы данного типа имеют самое широкое распространение как на территории Древней Руси, так и в странах Северной Европы (Бранденбург 1895: табл. XIV — 30; Щапова 1956: 178).

Кроме того, к рельефным глазчатым бусам можно отнести небольшие цилиндрические желтые непрозрачные бусы с грубыми рельефными вставками неправильной подчетыреугольной формы из голубой и зеленой пасты (типа табл. LXXIX — 5). Аналогичные бусы зафиксированы в погребении № 77 могильника Луистари (Lehtosalo-Nilander 1982: colour pl. III — 10, IV — 9). В отличие от Залахтовья в Луистари бусы печеночно-красного цвета имели голубые вставки.

Гладкие глазчатые бусы (19 экз.). Это широко бытовавшие на территории лесной зоны Восточной Европы бусы, у которых полихромные глазки вставлялись в выемку в корпусе бусины и заполировывались (Щапова 1956: 177—178; Lehtosalo-Nilander 1982: colour pl. III — 6 (1007), 10, 11, IV — 9, 10). В Залахтовье преобладают бусы желтого цвета (15 экз.), но имеются две зеленые бусины, одна белая и одна коричневая (типа табл. XC — 5; CXVII — 3, 4, 7, 22—25, 26, 29; CXIX — 14 и др.).

Подтреугольные глазчатые бусы (более 70 экз.). Бусы имели подтреугольную несколько приплюснутую форму (типа табл. LII — 1—4; LXXIX — 8, 9; XCV — 15; XCVI — 5, 6; XCIX — 20 и др.). Основная часть бус была изготовлена из печеночно-красного непрозрачного стекла и инкрустирована желтыми выпуклыми глазками, которые и придавали бусине подтреугольную форму. Восемь бусин имели контрастную окраску: основа — желтая, глазки — печеночно-красные, а одна бусина выполнена в зелено-желтых тонах. Бусы аналогичной формы в небольшом количестве были встречены на Асотском городище, а также в Румульском могильнике икшкильских ливов (Щапова 1961: 191, рис. I — 40, 41; Graudonis 1987: att. 15 — 2, 4 (цветная табл.)). Отметим, что по структуре стекла приплюснутые подтреугольные глазчатые бусы полностью аналогичны бусам, имеющим в продольном разрезе каплевидную форму (3 экз. в комплексе № 208), суживающуюся с одной стороны и несколько расширяющуюся, плавно закругленную с другой. Примерно посередине бусину опоясывал рельефный валик (табл. XCIX — 25). Сама бусина изготовлена из печеночно-красной пасты, а валик — из желтой пасты. Близкая по характеру бусина была обнаружена на Городке под Великими Луками. Она также была сделана из печеночно-красного заглушенного стекла и имела желтый валик. Однако бусина с Городка была более правильной битрапециоидной формы (Горюнова А-1988: 149, рис. 72 — 15).

Золотостеклянные и серебростеклянные бусы

Цилиндрические и бочонковидные (33 экз.). Все они изготовлены из бесцветного стекла и имеют размеры от 7—8 мм в диаметре и 7 мм в высоту до 13 мм в диаметре и 13—14 мм в высоту (типа табл. LIII — 3, 4; CVIII — 4; CXI — 8; CXII — 9 и др.). Данный тип бус является одним из наиболее популярных и широко распространенных типов украшений в Древней Руси и за ее пределами (Щапова 1956: 171—172; 1961: 188—189; Кочкуркина 1973: 25, табл. 3 — 7).

Ребристые бусы (28 экз.). Эта группа золото- и серебростеклянных бус представлена цилиндрическими ребристыми бусами, изготовленными также из неокрашенного стекла (типа табл. XCIX — 27). На двух бусинах, наряду с продольными бороздками, имелись рельефные глазки (табл. XCIX — 23; CXXII — 2). Подобные бусы, главным образом, характерны для древнерусских памятников, но встречаются и на территории Прибалтики (Арциховский 1930: 32; Рыбаков 1932: 94; Щапова 1961: 189; Лаул 1978-а: 347, табл. IX — 11; Tõnisson 1974: taf. XXI — 7).

Отдельные группы бус и единичные находки

Бусы в форме параллелепипеда (11 экз.). Значительная часть бус в форме правильного параллелепипеда была изготовлена из зеленой пасты и имела на поверхности желтую полосу, идущую по спирали (типа табл. XCVI — 15; XCIX — 21). По характеру структуры материала и цвету бусы данной группы близки залахтовским шарообразным желто-зеленым пастовым бусам. Одна из параллелепипедных бусин сделана из плотного заглушенного печеночно-красного стекла. Бусы в форме параллелепипеда широко встречаются в памятниках

Финляндии (Lehtosalo-Hilander 1982: colour plate III — 9). В то же время М. В. Фехнер считает, что бусы такой формы из глухого стекла красновато-коричневого тона являются изделиями русского производства (Фехнер 1959: 171).

Четыре бусины из синего стекла подпрямоугольной формы со скошенными углами по форме и по технике изготовления напоминают каменные бусы (табл. ХСVI — 3; ХСIX — 22; СХVII — 27). Огранка проводилась по холодному стеклу. К этой же группе бус относится одна многогранная бусина округлой формы (Львова 1968: 81—82, рис. 4 — 10, 11).

Из редких находок следует отметить овальную черную бусину, поверхность которой покрыта белой многорядной волной (курган № Т-2; табл. СХХVI); трапециевидную большую черную бусину, инкрустированную белой волной (№ 207; табл. ХСVI — 10) и мозаичную восьмигранную призматическую бусину (№ С-1; табл. СХХII — 4).

Каменные бусы

Каменные бусы немногочисленны. Встречены они только в курганах с погребениями на горизонте земли, исследованных К. Д. Трофимовым. Автор раскопок отмечал в своем дневнике, что «попадались бусы сердоликовые, хрустальные, каменные». Судя же по фотографиям, к бесспорно каменным бусам можно отнести всего лишь три бусины: две в кургане № Т-2 и одну в кургане № Т-20 (табл. СХХVI). Две из них — граненые, были изготовлены из хрусталя, одна имела округлую форму, а вторая овальную. Третья бусина — сердоликовая призматическая. Хрустальные и сердоликовые бусы являлись привозным товаром, но были широко распространены на территории Руси (Фехнер 1959: 152—156).

Металлические бусы

В двух захоронениях (№ 229 и К-17) встречены три так называемые флаконообразные бронзовые бусины (табл. CI — 3; СХVII — 21). В кургане № К-16 среди стеклянных бус находились две серебряные бусины (табл. СХVII — 2, 8). Одна из них была украшена припаянными проволочными колечками, а вторая — зерненым орнаментом.

Нагрудный комплекс украшений

Характерной чертой женского погребального костюма являлся набор нагрудных украшений, который в той или иной степени был представлен в 15 захоронениях. В наиболее полном виде он состоял из двух булавок с прикрепленными к ним цепедержателями, которые, в свою очередь, были соединены между собою длинными цепочками. К цепочкам, как правило, привешивались различные подвески. Такой полный комплект нагрудных украшений был зафиксирован только в пяти случаях (комплексы № 208, К-17, Т-2, Т-37, Т-53; табл. ХСIX — 13—16; СХVII — 18, 20, 36, 37, 39; СХХVI; СХХXI; СХХХIII). В двух захоронениях (№ 195 и 229; табл. ХС — 9, 10; CI — 14, 15) нагрудные украшения были представлены лишь булавками и в одном (№ Т-57) — цепочкой. В семи погребениях, четыре из которых являлись остатками трупосождения, а три — сильно

нарушенными грабительскими раскопками труположениями, до нас дошли лишь отдельные элементы набора нагрудных украшений.

Наблюдения над характером развития комплекса нагрудных украшений позволяют сделать вывод, что их наиболее роскошный тип бытовал в XII в. В более ранний период нагрудные украшения отличались скромностью. В частности, в группе трупосожжений и ранних труположений обычно были представлены только булавки. Булавки могли быть соединены однорядной цепочкой или к ним могли прикрепляться отдельные подвески на короткой цепочке. Безусловно, первоначально булавки рассматривались как, прежде всего, важный элемент костюма. Ими застегивалась верхняя женская одежда, то есть утилитарная функция булавок превалировала над декоративной. Постепенно с развитием женского костюма конструкция нагрудных украшений усложняется. Появляются цепедержатели, цеперазделители, многорядные цепочки с подвесками, то есть нагрудные украшения, наряду с утилитарным значением, начинают выполнять важную роль элемента декора.

Кроме того, нельзя не отметить, что, видимо, не все возрастные группы женского населения носили нагрудные украшения. Судя по этнографическим материалам, наиболее богатым убранством отличалась одежда замужних женщин средних лет. Девушки и старые женщины, как правило, носили более скромный костюм. В Залахтовье данная традиция в полной мере сохраняется. Погребенные с нагрудными украшениями по антропологическим определениям попадают в возрастную группу от 30 до 40 лет.

Булавки

В женских захоронениях представлены массивные литые булавки с крестообразным навершием трех вариантов. Наиболее распространенными среди них являются булавки с плоскими головками, состоящими из трех круглых лопастей, ниже которых имелась небольшая перекладинка из двух подчетырёхугольных отростков, расходящихся в разные стороны от основного стержня (типа табл. LXVII — 1, 2; CI — 14, 15; CXVII — 18). С лицевой стороны под навершием на стержне булавок имелся выступ с отверстием для подвешивания цепочки. Большинство наверший булавок было украшено рельефным орнаментом в виде концентрических окружностей с выпуклым полушарием посередине. Однако в нескольких случаях аналогичный тип орнамента с помощью гравировки наносился на плоскую поверхность булавки, на которую сверху накатывался тонкий лист серебряной фольги.

Второй и третий варианты булавок отличались от первого конфигурацией навершия. У второго варианта между круглыми боковыми лопастями и нижними подчетырёхугольными отростками имелись дополнительные перекладинки (типа табл. XCIX — 15; CXVII — 20; CXXXI). В свою очередь, у третьего варианта фигурными перекладинками были соединены все лопасти навершия булавок, включая подчетырёхугольные отростки (типа табл. CXXVI). Таким образом, крестовидная булавка превращается в булавку с ажурным навершием. Характер орнаментации остается без изменений.

В данном случае на материалах Залахтовья отчетливо прослеживается тенденция развития этого типа украшений. Так, булавки первого варианта

встречаются в трупосожжениях (курганы № 162, 165) и в курганах с погребениями в ямах (№ 195, 208, 229, 245, 247, К-17), то есть в погребениях XI — первой половины XII вв., и ни разу не были обнаружены в курганах с погребениями на горизонте земли. Булавки второго варианта впервые появляются в курганах с труположениями в ямах (кстати, в одном комплексе с булавкой первого варианта в кургане № 208) и продолжают существовать в курганах на горизонте земли (№ Т-39, Т-53). Именно в этой последней группе захоронений в одном случае зафиксированы булавки третьего варианта (№ Т-2).

Булавки для застегивания одежды достаточно широко были распространены у прибалтийских народов. Различные типы нагрудных булавок как элементы одежды впервые появились в среде балтских племен и потом уже были заимствованы финнами (Tallgren 1925: 79; Moora 1932: 31—45; Zariņa 1970: 129; LA 1974: 159—160, tab. 41; Atlasas 1978: 69—88, žemēl. 40—50). Однако для каждой этнографической группы были характерны собственные типы украшений. И тот вид булавок, который был представлен в залахтовских захоронениях, является отличительной этнографической чертой древних эстов (Selirand 1974: 146—147, tahv. XXIX — 6, 8). Отдельные находки подобных плоских крестообразных булавок встречаются в курганах Новгородской земли и в памятниках Финляндии (Kivikoski 1973: Abb. 719), но по происхождению их следует считать эстонскими.

В грунтовом погребении № 16 найдено небольшое плоское крестовидное навершие с отверстиями на лопастях, возможно, от булавоочки (табл. XIV — 1).

Бляхи-цепедержатели

Цепедержатели входят в состав пяти комплексов нагрудных украшений (№ 208, К-17, Т-53, Т-2, Т-37), кроме того, обломок бляхи-цепедержателя происходит из разрушенного погребения № 207. По форме цепедержатели можно разделить на две группы: ажурные и арочнообразные.

Пятиугольные ажурные цепедержатели обнаружены в двух захоронениях (№ 208 и Т-37; табл. ХСІХ — 13, 16; СХХХІ). По общему внешнему виду они чрезвычайно близки друг другу. Однако при детальном анализе цепедержатели из погребения № 208 несколько отличаются от цепедержателей из погребения № Т-37 (по орнаменту; по наличию в нижней части рельефного валика; по конфигурации отверстий и их количеству; кроме того, цепедержатели из погребения № 208 были покрыты серебряной фольгой). Полные аналогии бляхам-цепедержателям из кургана № 208 известны на территории Прибалтики (Katalog 1896: taf. 28 — 8; Selirand 1974: tahv. XXX — 5). В свою очередь, цепедержатели из кургана № Т-37 близки экземплярам с территории Северо-Запада Новгородской земли (Спицын 1903: табл. ХХІ — 6). Возможно, они и изготовлялись здесь на месте по прибалтийским образцам. Б. А. Рыбаков при рассмотрении языческой символики обратил внимание на данный тип нагрудных украшений. По его мнению, бляхи-цепедержатели представляют собой изображение двух оленьих голов, «рога которых переплелись, образуя четыре квадрата и тем самым соединяя идею неба с идеей земли <...> Из земли, между мордами оленей, вырастает нечто вроде мирового „древа жизни“, достигающего неба...» (Рыбаков 1987: 543).

К типу ажурных цепедержателей также можно отнести бляху из кургана № 207 (табл. ХСVI — 21). Нижняя часть бляхи несколько обломана. Верхнюю ажурную половину бляхи можно интерпретировать как стилизованное изображение двух водоплавающих птиц с изогнутыми длинными шеями, симметрично развернутыми в разные стороны. По общему облику данное украшение больше всего напоминает цепедержатели из ливских могильников. Они чрезвычайно разнообразны и индивидуальны по своим формам, однако если рассматривать их с точки зрения сюжетного изображения (двух водоплавающих птиц), то залахтовский цепедержатель наиболее близок к цепедержателю из захоронения № 13 могильника Лауксколы (Tönnisson 1974: taf. XXX — 1).

Арочкообразные цепедержатели зафиксированы в трех погребениях (№ К-17, Т-2, Т-53). Основа формы таких цепедержателей достаточно стабильна — это полукруглая арка, которая внизу завершается тремя-пятью полукруглыми выступами, а наверху над ней расположена круглая головка (табл. СХVII — 36, 37; СХХVI; СХХХIII). С помощью орнамента нижние выступы оформлялись в виде кружков, равных по размеру и сходных по орнаменту с головкой. Остатки орнамента были зафиксированы К. Д. Трофимовым на цепедержателях из кургана № 53. Если арочкообразные цепедержатели из курганов № Т-2 и Т-53 монолитны, то в кургане № К-17 в нижней части обоих цепедержателей имелись полукруглые выемки, которые как бы более рельефно подчеркивали разделение нижних выступов. Подобные арочные цепедержатели достаточно широко распространены среди прибалтийских финнов, прежде всего ливов и эстов (Bähr 1850: taf. VI — 23; Katalog 1896: taf. 14 — 1, 3; Tönnisson 1974: 121, taf. XIII: 2; Selirand 1974: 149—150, tahv. XXX — 2). Встречаются они и на других территориях (Спицын 1903: табл. XXI — 7; Kivikoski 1973: 105, Abb. 769).

Цепочки

Нагрудные цепочки, спускающиеся полукругом от цепедержателей (или булавок), были сделаны из двойных кольчатых звеньев (типа табл. LХVII — 8). Звенья таких цепочек чрезвычайно подвижны, поэтому цепочки эластичны и достаточно красивы. Не случайно именно этот тип цепочек был одним из наиболее популярных украшений у всех народов стран Балтийского региона.

В Залахтовье были распространены как однорядные, так и многорядные цепочки. В кургане № Т-2 спускающиеся вниз от цепедержателей три цепочки были разделены подпрямоугольной пластинкой с вогнутыми боковыми сторонами и шестью ушками вдоль длинных сторон, с каждой по три, по числу цепочек (табл. СХХVI). Цеперазделители подобной формы встречаются в захоронениях прибалтийских финнов (Висковатов 1894: 242—243, рис. 1; Katalog 1896: taf. 12 — 3; Selirand 1974: tahv. XXVIII; LA 1974: 200—201, att. 123 — 3).

Подвески

Различного рода подвески входили в состав либо шейных ожерелий и нагрудных украшений, либо подвешивались к поясу. Подчеркнем, что подвески были элементом украшения только женщин и детей.

Одним из важнейших индикаторов финской культуры, в частности, являются бронзовые подвески-амулеты. В залахтовских погребениях встречены редкие образцы зооморфных подвесок и гребешков-амулетов. Подобные украшения найдены в семи погребениях.

Четыре подвески представляли собой плоские зооморфные фигурки. Одна из них была зафиксирована в детском захоронении (№ 23), и три — в женских погребениях (№128, 245, Т-2). Подвески из погребений № 23, 128 и 245 представляли собой плоские изображения водоплавающих птиц. Реконструировать их местоположение в погребениях не представляется возможным, так как две из них происходят из сожжений, а одна найдена в разграбленном погребении в переотложенном состоянии. По классификации Е. А. Рябинына, подвеска из грунтового погребения № 23 относится к типу I, причем к наиболее раннему классическому его варианту (Рябинин 1981: 12—15). Это прорезное изображение водоплавающей птицы со сложными крыльями, выпяченной грудью, заостренным клювом и расширяющимся на конце хвостом (табл. XVI — 21). По данным Е. А. Рябинына, из общего числа найденных на территории Руси подвесок данного типа 81% сосредоточен в курганах юго-восточного Приладожья, поэтому не случайно этот тип называют приладожским. Однако, в отличие от приладожских экземпляров, ноги залахтовского изображения соединены перемычкой, в то время как у приладожских фигурок они оформлены в виде отдельных пластинчатых лапок. Тулово, ноги и хвост залахтовской подвески были украшены циркульным орнаментом, а голова пуансонным. Любопытно, что шесть птицевидных подвесок, декорированные циркульным орнаментом из Приладожья, были найдены исключительно в ранней группе погребений на р. Ояти, поэтому С. И. Кочкуркина предлагает считать, что эти изображения первоначально появились в культуре населения Ояти, а затем распространились по всей территории Приладожья (Кочкуркина 1973: 36). Время появления данного типа зооморфных подвесок в Приладожье Н. В. Тухтина определяет концом X в. (Тухтина 1971: 180). В свою очередь, Л. А. Голубева считает, что общие хронологические рамки бытования этих украшений охватывают период от второй половины X в. до начала XII в. (Голубева 1973: 44).

Зооморфные подвески из залахтовских погребений № 128 и 245 в общем облике композиции близки к рассмотренному классическому образцу. Здесь также изображены водоплавающие птицы как бы в момент ходьбы (табл. XXV — 12; CV — 9). По классификации Е. А. Рябинына, подвеска из погребального сооружения № 128 в единственном экземпляре представляет в его каталоге тип II (Рябинин 1981: 16—17). К одному из несколько более поздних вариантов этого же типа можно отнести и подвеску из кургана № 245. От типа I они отличались тем, что на туловище этих изображений имелась только одна удлиненная прорезь, напоминающая по форме крыло птицы. Клюв фигурок представлял собой широкую прямо срезанную трапециевидную пластину, а петля для подвешивания имела ромбовидное очертание. Ноги одной птицевидной подвески были соединены перемычкой, а у другой оформлены в виде двух пластинчатых лапок. Головка подвески из кургана № 245 увенчана круглой петелькой, а внизу имелся загнутый внутрь выступ-бородка. Оба изображения были украшены

пуансонным орнаментом. В отличие от подвески из погребения № 23, зооморфные украшения типа II в основном локализируются в памятниках ливов и эстов, и их прибалтийско-финское происхождение не вызывает сомнения (Лиги 1982: 386, табл. XIV — 2; Тыниссон 1984: 184, рис. 2—7; Mandel 1986: 358—360, табл. IX — 4; Bähr 1850: taf. IX — 1; LA 1974: tab. 53—24). При этом, как справедливо отмечает Е. А. Рябинин, птицевидные подвески данной группы «не отличаются полным единообразием деталей» (Рябинин 1981: 17). Действительно, среди серии этих подвесок нет двух абсолютно одинаковых изделий, каждая имеет специфические особенности. По всей видимости, они изготовлялись индивидуально, способом литья по восковой модели.

К числу зооморфных подвесок также относится плоская коньковая подвеска из кургана № Т-2 (табл. СХХVI), прикрепленная с правой стороны к нагрудным цепям (по классификации Е. А. Рябиной — тип 13, вариант 1). Е. А. Рябинин интерпретирует подобные подвески как изображения коньков с раскрытой пастью и свисающей уздечкой (Рябинин 1981: 17, 27, табл. XI — 1). А. Э. Зарина называет их ажурными коньками (по ее типологии они относятся к группе 1). Основная концентрация находок этого типа коньков фиксируется в памятниках прибалтийских финнов — ливов и эстов (Zariņa 1974: 242—245, att. 1: 3; 2: 1—3), хотя отдельные редкие изделия встречаются и вдали от Прибалтики.

В сооружении № 162 найдены два фрагмента бронзовой плоской ажурной подвески, которая, судя по всему, относится к кругу зооморфных, но определить ее форму не представляется возможным (табл. XLIX — 10).

Подвески-гребешки

К следующей группе нагрудных подвесок относятся привески-амулеты в виде бронзовых моделей маленьких гребешков. Всего в Залахтове зафиксированы четыре целые подвески такого типа и один обломок. Три гребешка происходят из женских захоронений (№ К-17, 195, 208), и один — из детского захоронения (№ 103). К сожалению, от гребешка в кургане № 194 при раскопках были зафиксированы только окислы бронзы, причем находящиеся во влажном состоянии (табл. LXXXVII — 13). Однако, судя по широкому контуру спинки и петле, этот гребешок был полностью идентичен бронзовой подвеске с городища Рыуге, датируемой X—XI вв. (Шмидехельм 1959: 173, табл. IX — 8). Гребень-подвеска из кургана № 208 (табл. ХСIX — 16) и погребения № 103 (табл. XLVII — 7) близки по форме. Общими признаками для этих изделий являлись вытянутые вверх и загнутые внутрь боковые края гребня, а также крестообразное навершие. В то же время, по размерам и пропорциям украшение из захоронения № 103 было значительно больше. Основную часть этой подвески составлял собственно сам гребень, увенчанный лишь небольшим навершием. В составе древнего детского костюма он играл роль самостоятельного украшения, подвешенного к поясу. Гребешок входил в состав амулета в комплекте с тремя кабаньими клыками и бронзовым грушевидным бубенчиком.

В свою очередь, гребень-подвеска из кургана № 208 имеет вытянутые пропорции. Ее крестообразное навершие, украшенное циркульным орнаментом, по размерам значительно превосходило собственно нижнюю гребешковую часть. Подвеска была прикреплена к ажурному цепедержателю, являясь, таким

образом, частью комплекса нагрудных украшений. По общему облику и пропорциям последняя подвеска напоминает подвеску из ливского захоронения могильника Саласпилс-Вейстури (Zariņa 1987: 27—28, att. 16 — 11). Вообще следует отметить, что в ливских захоронениях встречена целая серия миниатюрных подвесок, которые можно рассматривать как стилизацию подвесок-гребней с крестообразным навершием (Bähr 1850: taf. X — 1, XXI — 16; LA 1974: tab. 50 — 7, 53 — 11).

Достаточно редкая подвеска-гребень была обнаружена в Залахтове К. В. Кудряшовым. Бронзовый гребень достаточно значительных размеров был увенчан интересной композицией, состоящей из изображений двух коньков, смотрящих друг на друга. Между ними располагался небольшой ромбический столбик, а за ними по краям морды каких-то животных (табл. СХVII — 41). В литературе высказывались различные мнения относительно интерпретации данной композиции (Шноре 1961: 123). Наиболее развернутое объяснение всей композиции дал в своих работах Б. А. Рыбаков. В статье 1948 г. он в изображениях коньков и ромба, украшенного солярными знаками, усматривает сильную стилизацию языческого сюжета, связанного с изображением богини и животных (чаще коней). Со временем, как считает автор, женское божество стали заменять столбиком с ромбическим навершием (Рыбаков 1948: 102—103). Впоследствии Б. А. Рыбаков вновь обратился к сюжету залахтовской подвески. Характер орнамента подвески, по его мнению, делит ее на две зоны: нижнюю — водяную, которая завершается с боков двумя головами ящеров, и верхнюю — надводную, где коньки в солярных знаках символизируют небо с дневным солнцем, а небольшой ромбический знак между ними — уже не богиню плодородия, как автор думал прежде, а саму землю. По мнению Б. А. Рыбакова, на данной подвеске «изображена картина мира, характерная для северных племен» (Рыбаков 1987: 544—545).

В результате исследований прибалтийско-финских памятников на территории Латвии и Эстонии в настоящее время выявлена целая серия подвесок, близких залахтовской по сюжету изображения и композиционному исполнению. Однако каждая из этих подвесок — своего рода уникальное изделие. Кстати, залахтовская подвеска отличается от прочих своим изяществом в пропорциях и тщательностью в изготовлении. Наиболее близкая аналогия ей найдена в могильнике Лаукскола (LA 1974: 53, tab. 19). В то же время, бронзовые массивные подвески-гребни с изображением двух смотрящих друг на друга животных встречены на Асотском городище, в эстонских могильниках Саваствере и Майдла, а также на территории Финляндии (Шноре 1961: 37—38, 123, рис. 52; Мандель 1986: 369, табл. IX — 8, 9; Kivikoski 1973: Abb. 789).

Рассмотрение бронзовых зооморфных подвесок и амулетов-гребешков показывает, что основной круг их аналогий восходит к украшениям прибалтийских финнов — древних эстов и ливов.

Круглые подвески

В состав женского ожерелья из кургана № 208 входили три редкие литые подвески диаметром около 2 см, на лицевой стороне которых были изображены рельефные головки быка с закругленными вверх рогами и треугольными вали-

ками на лбу (табл. ХСІХ — 7). По краю украшений проходил ложнозернистый орнамент, отделенный от основного сюжета рельефными валиками, которые сверху соединялись с рогами животных. Пустое пространство вокруг головок заполнено треугольными фигурками, выполненными в технике ложной зерни. По бокам морд имеются по две пары фигур, повернутых основаниями друг к другу, а между рогов — три фигуры, расположенные в шахматном порядке, боковые — вершинами вверх, а средняя — вершиной вниз. Б. А. Рыбаков усматривал в семантике данных подвесок связи с обрядом славянской языческой туйры (поклонение быку) (Рыбаков 1987: 537—538, 665—666). А. А. Спицын причислил эти украшения к подвескам «радимического типа». Действительно, первые находки подвесок были обнаружены при раскопках П. М. Еременко в курганах бассейна Верхнего Поднепровья (в частности, на р. Ипути), которые в дальнейшем стали связываться исследователями с погребальными памятниками радимичей (Спицын 1986: 95—103; Рыбакоў 1932). В настоящее время ареал этих украшений значительно расширился. Сейчас имеются данные о находках более чем 19 подвесок из 11 пунктов (Хвошинская 2000: 246—253). К этому следует добавить сведения о литейной формочке с Даугмальского городища (Radiņš 1994: 92—95) и еще об одной подвеске, несколько упрощенной формы, встреченной на Щербинском городище (Дубынин 1974: 233, 265, табл. ХІ — 17). Все подвески отличаются универсальностью в характере композиции и стилизации головы животного. Некоторые из них настолько похожи друг на друга (например, залахтовские и из могильников Нефедьева — погребение 31 и Никольское III — курган № 8; Макаров 1990: 71, табл. ХVІ — 9; 1997: 178, табл. 134 — 10, 11), что создается впечатление, что они вышли из одной мастерской. Несомненно, мы имеем дело с четко отработанной законченной сюжетной композицией, которая несла на себе определенную семантическую нагрузку.

Большинство известных находок подвесок ХІ—ХІІ вв. с изображениями головок быка имеет достаточно выраженный балто-финский контекст. Пока известно одно место изготовления подвесок — Даугмальское городище в низовьях Даугавы — крупный центр латгальского населения. Один из авторов раскопок посвятил ей специальную работу, где высказал предположение, что данная формочка служила не для изготовления собственно металлического украшения, а была эталоном при изготовлении форм для отливки этих подвесок. По мнению А. Радиньша, сама композиция находит себе многочисленные аналогии в зооморфных подвесках так называемых «рогатых коньков» (Radiņš 1994: 92—95). Кстати, подобные подвески встречены в погребальных памятниках ХІ — начала ХІІ вв. Причудья, бассейнов рр. Мологи и Верхней Волги (Рябинин 1981: 31).

К числу индивидуальных находок относится (в том же комплексе № 208, где были найдены украшения с головами бычков) подвеска, сделанная из лопасти крестовидной нагрудной булавки (табл. ХСІХ — 2).

В кургане № 245 был найден обломок крупной бляхи (до 47 мм диаметром), изготовленной из тонкого листа серебра. Подвеска имела ушко и была орнаментирована тисненым орнаментом (табл. СV — 10). В центре располагалась крупная выпуклость, от которой в разные стороны расходились восемь коротких лучей из мелких выпуклых кружков. Серебряные бляхи, как с тисненым, так

и с гравированным орнаментом, достаточно частая находка в могильниках ливов, карел и финнов (Кочкуркина 1981: 127, 151, 154—155, табл. 3 — 2, 5, 22 — 10, 25 — 1, 26 — 3, 5, 6; Kivikoski 1973: Abb. 803, 804; Tõnisson 1974: 87, 142, Abb. 21 — 3, 4, 26 — 6). Орнаменты на них как правило, не повторяются.

Две более мелкие круглые серебряные подвески были найдены К. Д. Трофимовым при раскопках кургана № 23. На их лицевой стороне был выдавлен крест, состоящий из пяти квадратов (табл. СХХIX).

К числу литых украшений относится круглая подвеска с изображением фантастического животного (№ Т-2; табл. СХХVI). Литые прорезные подвески со стилизованным изображением фантастического зверя в нашей литературе получили название подвесок «гнездовского типа» (Сизов 1902: табл. IV — 2; Шмидт 1957: 211, табл. VI — 6).

К серии круглых подвесок можно также отнести литое украшение из трупосожжения № 163. Оно имело несколько неправильную форму, а лицевая сторона была декорирована сплетающимися пучками рельефных линий (табл. ХХХVII — 3).

В качестве шейных подвесок, как правило, в составе ожерелий широко использовались серебряные монеты (арабские дирхемы и западноевропейские денарии). Монеты имели либо специальные отверстия, либо к ним приклепывались бронзовые ушки из плоской пластиночки, за которые они и подвешивались между бус в ожерельях. Иногда на подвесках было и ушко, и отверстие или два отверстия. Использование монет в качестве подвесок зафиксировано в 13 погребениях. В табл. 3 приведены данные определения обнаруженных монет (монеты из наших раскопок определены сотрудниками Государственного Эрмитажа И. Г. Добровольским и В. М. Потиним).

Что касается монет, встреченных в курганах, раскопанных К. Д. Трофимовым, то, как отмечает сам автор раскопок, большинство из них «представляют собою монеты или довольно грубую подделку их, главным образом, под арабские дирхемы» (Трофимов 1909: 7). Одна монета оказалась редким Саманидским дирхемом X века (Самарканд, 301 г. хиджры, эмир Исак Ахмед), а две другие — гольберштадскими монетами XI в.

Лунницы

В состав ожерелий двух захоронений № 197/2 и 208 входили литые подвески-лунницы (табл. ХСV — 14; ХСIX — 1). По своему типу они относятся к группе ширококорых лунниц, украшенных на лицевой стороне в одном случае только рельефными линиями, а в другом — линиями и выпуклинами. Это наиболее распространенный тип подвесок в сельских могильниках на территории Древней Руси в XI — первой половине XII вв. (Успенская 1967: 103, рис. 16 — 4). Они являлись подражанием ранним восточным серебряным образцам.

Трапецевидные подвески

Плоские трапецевидные подвески зафиксированы в трех погребениях. В захоронениях № 23 и 134 украшения состояли из трех таких привесок, соединенных между собой колечками (табл. XVI — 17—19; XXXI — 10—11). В свою

Таблица 3

№	Арабские монеты	Западноевропейские монеты
68		денарий — Англия, Кнут (1017—1023)
101		денарий — Англия, Этельред II (997—1003)
207	дирхем — Саманиды (?), начало X в. дирхем — Саманиды Мансур ибн Нух (961—976 гг.)	денарий
208	дирхем — Саманиды, Мансур ибн Нух (961—976 гг.) дирхем (неопределим)	денарий — Германия, Майку Конрад II, император (1027—1036)
245	дирхем — Саманиды, Мансур ибн Нух аш Шаш (961—976 гг.) дирхем — Саманиды Абд ал-Малиак ибн Нух (954—961 гг.)	денарий (неопределим) денарий (неопределим)
K-17	дирхем — Бухара, Мансур ибн Нух (971 г.) дирхем — Саманиды Наср ибн Ахмад (997 г.)	
K-18	дирхем — Самарканд, Нух ибн Наср (сер. X в.)	
C-1	дирхем — Волжская Булгария, Сувар Мумин ибн Ахмад (976—977 гг.) дирхем — Саманиды, Мансур ибн Нух (961—976 гг.) дирхем — Бухара, Нух ибн Наср (953 г.)	
погр. I в сев. части могильника	дирхем — Саманиды, Наср ибн Ахмад (915—916 гг.)	

очередь, в кургане № 207 была найдена трапециевидная подвеска, орнаментированная циркульным орнаментом (табл. ХСVI — 28). Подобные украшения были широко распространены в лесной зоне Восточной Европы с середины I тыс. н. э. (Седов 1974: табл. 23 — 27—29, 32—34; 26 — 13). В древнерусских курганах они, как правило, использовались в качестве многорядных шумящих украшений, крепившихся к височным кольцам (Спицын 1896: 20, табл. VI — 1, 2; 1903: табл. XXV — 40; Журжалина 1961: 134, рис. 1 — 14). В Новгороде трапециевидные подвески встречены в культурных напластованиях рубежа X—XI вв. и начала XII — середины XIII вв. (Седова 1981: 35).

Крестовидная подвеска

В кургане № 46 встречена единственная в данном могильнике крестовидная подвеска. Она относится к группе литых подвесок с трехлепестковыми клиновидными концами (табл. СХI — 9). Лицевая сторона украшена рельефным орна-

ментом: ромбом на средокрестии и лилиевидными изображениями на лопастях. Подобное украшение находит себе многочисленные аналогии в русских древностях XIII—XV вв. (Спицын 1903: табл. XXIV — 2; Беленькая 1976: 92; Седова 1981: 54, рис. 16 — 8, 13; Макаров 1997: табл. 131 — 18). Встречаются крестовидные подвески данного типа и за пределами Древней Руси, на территории Прибалтики (Selirand 1974: tahv. XXXIII — 6; Mугurēvičs 1974: 221, att. 1 — 10). Как правило, крестовидные подвески связываются исследователями с христианскими символами.

Бубенчики

Большинство бубенчиков из залахтовских погребений относится к типу грушевидных крестопрорезных (типа табл. XLII — 22—26; СХІХ — 21—27). Они зафиксированы в 23 захоронениях, совершенных как по обряду кремации, так и по обряду ингумации. Это наиболее распространенный тип подвесок на территории Древней Руси, датируемый концом X — началом XII вв. (Мальм, Фехнер 1967: 136). Кроме того, в четырех погребениях (№ 14, 23, 122, 126) были встречены шаровидные бубенчики с крестовидной прорезью. Три из них имели средние размеры, а один маленький бубенчик был украшен циркульным орнаментом (табл. XVI — 16; XXIII — 1, 2; XLIII — 10; LXI — 2). По данным В. А. Мальм и М. В. Фехнер, этот тип украшений в основном локализуется в районе Приладожья и датируется X—XI вв., тем же временем они датируются и на территории Северной Европы (Мальм, Фехнер 1967: 133—134). Обломки крупного литого бубенчика найдены среди погребального инвентаря сооружения № 129 (табл. XXVI — 9, 10). Следует отметить, что находки бубенчиков полностью отсутствуют в погребениях на горизонте земли.

Другие типы подвесок

Кроме того, среди женских нагрудных подвесок имеются единичные находки. Так, в кургане № Т-53 к цепочке был подвешен игольник (табл. СХХХІІІ). Подобные игольники широко известны у финно-угорских народов различных территорий (Третьяков 1931: табл. I — 13, II — 29; Голубева 1973: 34, 41, рис. 4 — 16; Кочкуркина 1973: 44; Седова 1981: 34, рис. 7 — 6; Katalog 1896: taf. 18 — 26). А в кургане № Т-2 в комплекс нагрудных украшений входила аркообразная бляха с расходящимися в разные стороны удлиненными прорезями и серией небольших круглых отверстий (табл. СХХVІ).

В кургане № К-20 среди бус обнаружена раковина каури. Эти раковины широко использовались в ожерельях у прибалтийских народов, особенно у ливов и латгалов (Нукшинский могильник 1957: 36, табл. XIV — 1, XV — 1—3; Zariņa 1988: tab. XV).

В качестве подвесок-амулетов жители Залахтовья также использовали клыки и когти животных, просверливая в них отверстия. В основном такие подвески были характерны для детских погребений, но иногда встречались и в женских. Подобного рода украшения-амулеты встречены в пяти захоронениях (№ 103, 176а, 185, 208, К-18/2; табл. XLVII — 7; LXIX — Б: 2, 4, 5; LXXIX — 21; XCIX — 16; СХІХ — 34).

Фибулы

Подковообразные

К характерным элементам металлического убора костюма народов Балтийского региона относятся подковообразные фибулы. Эти простые по своей конструкции застёжки надёжно скрепляли как верхнюю одежду из толстой шерстяной ткани, так и ворот нижних рубах. Отличались они лишь по размерам и массивности. Для верхней одежды использовались большие тяжёлые литые застёжки, а для нижней — более лёгкие фибулы меньших размеров. На территории Восточной Европы находки подковообразных фибул, главным образом, сосредоточены в странах Балтийского региона, на Северо-Западе Новгородской земли, в Приладожье и Поволжье, то есть в тех регионах, где проживали финно-угорские, балтские и скандинавские народы. В Залахтовье они встречаются на протяжении всего периода существования данного погребального комплекса и зафиксированы в погребениях всех половозрастных групп.

Первая классификация этих изделий была проведена по материалам древностей Финляндии Х. Сальмо (Salmo 1956), фибулы с территории России были собраны и проанализированы В. А. Мальм (Мальм 1967: 149—190). В настоящее время разработаны типологические схемы для подковообразных фибул Готланд и Эстонии (Carlsson 1988; Mägi-Lõugas 1994: 465—484), а также имеются специальные исследования по отдельным средневековым памятникам лесной зоны Восточной Европы (Brīvkalne 1974: 121—140; Вайткусене 1980: 461—469; Хвошинская 1999: 39—50; Авдусина, Ениосова 2001: 93—101). Традиционно, начиная с работы Х. Сальмо, большинство авторов строят свою типологию фибул на основании формы их головок, что вполне правомерно. В свою очередь эстонская исследовательница М. Мяги-Лыугас, учитывая характер головок подковообразных фибул, разделяет их на типы, главным образом базируясь на особенностях орнаментации данной группы украшений. По характеру декора подковообразных фибул, встречающихся на территории Эстонии в эпоху викингов, она выделяет шесть типов. Наряду с классификацией ею дана и новая хронология изделий (Mägi-Lõugas 1994: 465—484). Мы рассматриваем залахтовские подковообразные фибулы в соответствии с общепринятыми классификационными схемами, в основу которых положены головки изделий. Но в тех случаях, когда изделия были декорированы, по возможности постараемся соотнести их с типологическими группами, выявленными на территории Эстонии М. Мяги-Лыугас.

Одна из самых многочисленных групп подковообразных фибул в Залахтовье — это фибулы со спиральными головками. Они встречены в 42 погребениях, как правило, имели средние размеры, а застёжки из детских захоронений (№ 9, 101, 136/3, 197/2) были совсем миниатюрными. По сечению дуги фибулы делятся на пять групп. Большинство фибул имели либо округлое, либо подтреугольное сечение (типа табл. XXXI — 7; XLIII — 1). В четырех комплексах (№ 3, 5, курган № 195, яма 66а) встречены фибулы с шестиугольным сечением дуги (табл. VIII — 12; IX — 1; L — 10; XC — 1), в трех (№ 120, 228 и 176) — с ромбовидным (табл. XIX — 1; XLI — 5; LXX — Б:1), а в одном (№ 236) — сегментовидным (табл. СIII — 1). Фибулы этого типа существовали на протяжении всего

времени функционирования могильника. В целом фибулы со спиральными концами относятся к числу наиболее распространенных застежек на территории Древней Руси, а также в районах, занятых финскими, балтскими и скандинавскими народами (Мальм 1967: 152—153). Однако следует отметить, что фибулы с ромбовидным и шестиугольным сечением (последние близки фибулам с трапециевидным сечением, если их нижние грани сглажены) относятся к числу украшений, особенно характерных для народов Балтийского региона (Нукшинский могильник 1957: табл. XII — 8; Mägi-Lõugas 1994: Tahv. II — 1—3, 5—6; Thunmark-Nylèn 1998: Taf. 77 — 5—9, 78), а также районов Древней Руси, расположенных на торговых путях, либо занятых издревле финно-угорским населением (Мальм 1967: 155—156; Леонтьев 1996: 72 — 8, 14; Авдусина, Ениосова 2001: 96). Судя по материалам залахтовских погребений, они не выходят за пределы XI в. В целом, мы согласимся с мнением В. А. Мальм, что подобные образцы фибул уже в X в. широко бытовали в Финляндии, Прибалтике и Скандинавии, откуда они и распространяются на более восточные территории (Мальм 1967: 155—156).

Большинство фибул со спиральными головками не имели никаких орнаментов. Исключение представляла застежка из кургана № 207, треугольная в сечении, орнаментированная с внешней стороны вдоль верхней грани чеканным орнаментом в виде мелких треугольников (табл. ХСVI — 2). Согласно классификации М. Мяги-Льугас, данный орнамент относится к группе А. Фибулы на территории Эстонии с таким декором, по мнению исследовательницы, датируются не позднее конца X в. (Mägi-Lõugas 1994: 478—481). Судя про набору бус, гривне, цепедержателю и ножнам, находящимся в залахтовском погребении вместе с фибулой, оно не может датироваться временем ранее XII в.

У двух экземпляров залахтовских фибул со спиральными головками дуга была тордирована (№ 11, 187/1; табл. XI — 6; LXXXIII — 8). Подковообразные застежки с тордированными дугами были особенно характерны для балтов, хотя встречаются и на памятниках более широких территорий (Мальм 1967: 156—157). Районы, заселенные балтскими племенами, являются местом концентрации подковообразных фибул с тордированными дугами, причем в различных типологических группах (со спиральными, звериными, многогранными и другими видами головок) (Нукшинский могильник 1957: VII — 2, 5, 7, 13; Вайткусене 1980: 462, рис.1 — 2, 6; Brīvkalne 1974: 2, 3, 4 att.; Mugurēvičs 1977: XXXVI — 8, 9, XXXIX — 17, XLV — 1, XLVII — 8, XLVIII — 6, 7). Застежки из залахтовских погребений особенно близки фибулам из грунтовых могильников балтов (LA 1974: tab. 63 — 7, 9; Mugurēvičs 1977: XLV — 1, XLVII — 8, XLVIII — 6, 7).

К поздней группе фибул со спиральными головками относятся застежки, отличительными особенностями которых являются: 1) оформление головок в виде трубочек; 2) плоское подтреугольное сечение дуги с выступающими по краям рубчиками; 3) широкое расплющенное основание иглы, как правило орнаментированное (табл. СXXX, СXXXII; СXXXIII). Фибулы данного типа в XII—XIII вв. были характерны для курганов Новгородской земли и памятников Прибалтики (Мальм 1967: 153—155, рис. 22 — 3). Все они найдены исключительно в курганах с погребениями на горизонте земли (№ Т-26, Т-32, Т-53, Т-57), что само по себе свидетельствует о более поздней датировке этих курганов.

Ко второй, достаточно представительной группе подковообразных фибул, характерных именно для Залахтовского могильника, относятся массивные литые застёжки, подтрапещиевидные в сечении, с призматическими концами (типа табл. XLI — 2; LVI — 7; LXIX — Б: 7; LXXV — 2; XCII — 1). Они были довольно тяжелыми и использовались исключительно для скрепления мужской одежды. Подобные фибулы встречены в 11 погребениях, как по обряду сожжения, так и по обряду труположения, а также одна застёжка находилась на дне одной из ям, расположенных на площади грунтового могильника. У нескольких изделий верхние грани дуги и головок были покрыты серебряной плакировкой. В шести случаях основание иглы украшено плоским гребнем (типа табл. XV — 1; XXIX — 1; LXXVII — 2). Отдельные экземпляры подобных украшений встречены в курганах Приладожья, Северо-Запада Новгородской земли и в могильниках латгалов (Бранденбург 1895: табл. II — 2; Люцинский могильник 1893: табл. VI — 8; Нукшинский могильник 1957: табл. VIII — 8), однако основным районом их распространения была территория Эстонии (Tallgren 1925: tahv III — 2; Selirand 1974: 156, tahv. XXXV — 9, XXXVI — 1; Ligi 1993: tahv. XXXVIII — 1, 2; Mägi-Lõugas 1994: 470). Мы полагаем, что их можно относить к эстонскому типу подковообразных фибул, возникших на основе переработки балтийских вариантов массивных фибул, например, с головками в виде усеченной пирамидки или других более ранних образцов. Большинство залахтовских фибул было недекорировано, а в тех случаях, когда орнамент был все же зафиксирован, он, скорее всего, относился к группе D (ряд мелких кружочков по краю граней) согласно классификации М. Мяги-Льугас. Фибулы с таким типом украшений она датирует концом X — началом XI вв. (Mägi-Lõugas 1994: 481). Данный отрезок времени, несомненно, является временем появления данной группы застёжек, но, судя по материалам залахтовского могильника, просуществовали они, по крайней мере, вплоть до конца XI в. Отметим лишь, что ранние образцы, представленные в погребениях по обряду кремации, отличались особой массивностью и громоздкостью, а более поздние, уже из захоронений по обряду ингумации, были несколько облегчены и элегантны, и на них, как правило, орнамент отсутствовал.

Остальные группы подковообразных фибул в могильнике были представлены практически единичными экземплярами. В четырех курганах (№ 88, 197/2, 208, С-9; табл. LIII — В: 8; XCV — 1; XCIX — 6; CXXIV — 8) встречены фибулы с маковидными головками, дуга одной из них была богато декорирована. Причем в женском захоронении № 208 это была вторая фибула и располагалась она под локтем правой руки. Менее массивная фибула со спиральными головками лежала прямо под гривной и, скорее всего, скрепляла ворот нижней рубахи. На территории Восточной Европы немногочисленные находки подобных фибул в основном концентрируются в древностях Северо-Запада (Мальм 1967: 163). В целом данный тип застёжек считается характерным для Прибалтики, хотя встречается и в других странах Балтийского региона (Salmo 1956: 54 — 57 abb. 25; Katalog 1896: taf. 29 — 14; LA 1974: tab. 63 — 14; Brīvkalne 1974: 129—130; Selirand 1974: 156—157, tahv. XXXV — 5; Thunmark-Nylèn 1998: Taf. 100, 101). Э. С. Мугуревич полагает, что фибулы с маковидными головками в определенное время стали одним из элементов этнографических особенностей селов (Mugurēvičs 1977: 116, 137). По данным Л. Вайткунскене, на территории Литвы

собрана самая большая коллекция различных подковообразных фибул (более 2500 экз. на 1980 г.), во много раз превышающая общее число подобных изделий, найденных, например, в Эстонии, и среди них почти 25% украшений завершались маковидными головками (Вайткускене 1980: 463). В литовском могильнике Гинталишке в могиле мужчины было найдено 19 фибул, 18 из которых имели маковидные концы. В Новгороде данный тип украшений встречен в слоях, датируемых от середины XI до середины XII вв. (Седова 1981: 88).

В двух курганных мужских захоронениях встречены массивные литые фибулы с так называемыми воронкообразными головками, имеющие трапециевидное сечение дуги. Застежка из кургана № 186 представляла собой роскошный экземпляр, дуга которого была украшена двумя парами декоративных валиков и чеканным орнаментом в центре верхней грани. Стороны верхней ромбовидной плоскости вогнутые, а сама ее поверхность покрыта серебряной плакировкой (табл. LXXXI — 1). Второй экземпляр фибулы с воронкообразными головками из кургана № 178 был более простым вариантом без орнамента (табл. LXXXIII — 6). Круг аналогий тот же, что и у фибул с маковидными головками. В. А. Мальм обращает внимание на широкое распространение фибул с воронкообразными головками на территории стран Восточной Балтики, делая при этом заключение о прибалтийском происхождении данного вида застежек (Мальм 1967: 162). Мы полностью согласны с этим. Хотелось бы только уточнить, что если фибулы с призматическими головками, как мы уже отмечали, появились, видимо, в финской среде Балтийского региона, то застежки с воронковидными головками были изобретением балтов. Не случайно на территории Литвы они составляли 22% от общего огромного числа найденных здесь фибул (Вайткускене 1980: 463). Роскошная фибула из погребения № 186 по характеру орнаментации находит себе ближайšie аналогии среди украшений о. Готланда (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 99 — 2).

Достаточно редкий экземпляр фибулы встречен среди погребального инвентаря трупосожжения в сооружении № 162. Это массивная бронзовая фибула с девятигранными головками. Дуга фибулы имела шестигранное сечение, но нижние ее грани были сглажены. Узкая верхняя грань дуги орнаментирована чеканным орнаментом в виде миниатюрных четырехугольников (табл. XLIX — 16).

На территории Древней Руси фибулы с многогранными головками известны в Приладожье, в Ярославском Поволжье, в Гнездове, на Сарском и Рюриковом городищах, в Черниговской, Псковской и Тверской областях (Бранденбург 1895: табл. II — 3; Raudonikas 1930: 60—73, 78, Abb. 69, 91; Фехнер 1963: 79—84, рис. 46: 24—25; Мальм 1967: 159—162; Авдусина, Ениосова 2001: 96—98; Леонтьев 1996: 170—172; Хвошинская 1999: 39—44). По наблюдениям В. А. Мальм подобные фибулы на территории Руси встречаются только в трупосожжениях, как мужских, так и женских, начиная с X в. (Мальм 1967: 159). В это же время они получают распространение в Финляндии, Прибалтике, Швеции, Норвегии и на острове Готланд (Salmo 1956: 30—36; Нукшинский могильник 1957: табл. VIII — 2, 7; Mägi-Lõugas 1994: Tahv. I — 3—5, joon. 3; Thunmark-Nylén 1998: Taf. 81—84). Данная фибула, безусловно, является образцом североευропейских изделий. На территории Эстонии находки фибул с многогранными головками встречены в 16 пунктах (Mägi-Lõugas 1994: 479, joon. 3). По особенностям декора украшение относится к группе А по классификации М. Мяги-Льугас

и, соответственно, датируется ею периодом от конца IX до конца X вв. Мы же, в свою очередь, относим залахтовское погребение с фибулой ко второй четверти — середине XI в.

Еще одна фибула с гранеными головками происходит из кургана № 136 (табл. LXIII — Б: 9). Однако она значительно отличается от классического образца, охарактеризованного нами выше, и является, видимо, местным более поздним подражанием литым застежкам с многогранными концами.

В единичном экземпляре в мужском погребении кургана № 102 встречена фибула с плоскими квадратными головками, имеющая овальное сечение дуги и железную иглу (табл. LIX — 3). По форме головок она напоминает более поздние застежки с различными типами дуг, которые были широко представлены в древностях Северной Руси, Прибалтики, а также найдены в Финляндии и Швеции (Седова 1981: 86, 88; Selirand 1974: 159—160, tahv. XXXV — 7; Kivikoski 1973: Abb. 702, 705, 1035—1037; Arbman 1940: Taf. 56 — 4).

К поздней группе изделий относится застежка с уплощенным подтреугольным сечением дуги из кургана № Т-20, которая завершалась подчетыреугольными гранчатыми головками (табл. СХХIX).

Круглая фибула финского типа

В кургане № Т-37 была встречена выпуклая фибула, которая может быть отнесена к группе финских фибул с так называемым стилизованным изображением четырех змееподобных существ (табл. СХХXI). Еще в конце XIX в. Х. Аппельгрэн-Кивало разделил эти фибулы на шесть типов (А—F) (Appelgren-Kivalo 1897: 1—13). Согласно его классификации, залахтовская фибула относится к типу D. У этого типа, как, впрочем, и у некоторых других типов, помимо основного змеевидного орнамента от центрального круглого отверстия в разные стороны под прямым углом расходятся бороздки, делящие поверхность фибулы на четыре равных сектора. По мнению финских исследователей, отличительной особенностью фибул типа D является наличие на концах этих разделительных линий круглых выпуклых шишечек, а также небольших круглых сквозных отверстий, сделанных по всей поверхности фибулы с лицевой стороны при литье изделия, а затем подправленных частично сверлом (Lehtosalo-Hilander 1982: 93). П.-Л. Лехтосало-Хиландер в свою очередь подразделяет круглые фибулы на два варианта, несколько различающихся хронологически: фибулы с узким краем и фибулы с широким краем (Lehtosalo-Hilander 1982: 100). Залахтовская фибула относится ко второму варианту. На территории Восточной Европы круглые фибулы типа D встречаются у ливов (Tõnisson 1974: taf. XXXVIII — 12).

Браслеты

Браслеты являлись одним из наиболее характерных типов украшений, представленных во всех захоронениях независимо от пола и возраста. В отдельных богатых женских погребениях находилось до восьми экземпляров. Большинство типов браслетов было одинаково популярно у всех половозрастных групп населения. К ним относятся широкие ленточные браслеты с расширяющимися концами, узкомассивные и пластинчатые. В то же время, группа спиральных

браслетов найдена исключительно только в женских и детских погребениях, а узкомассивные явно доминируют в мужских захоронениях и значительно реже встречаются в женских. В основном браслеты представлены устоявшимися серийными типами, но некоторые находки относятся к числу редких индивидуальных изделий. Чаще такие браслеты сопровождали детские захоронения.

Широкие ленточные браслеты с расширяющимися концами

Широкие ленточные браслеты обнаружены в 25 погребениях. В некоторых захоронениях найдено по несколько подобных браслетов. Так, в погребальном сооружении № 164 зафиксировано пять целых браслетов и несколько обломков (табл. XXXIX — 9, 11, 16, 18), пять браслетов найдено в грунтовом труположении № 229 (табл. CI — 11—13). В начале II тыс. н. э. ленточные браслеты с расширяющимися концами были характерным типом украшений населения Эстонии (Selirand 1974: 162—164). На территории Древней Руси они локализируются, главным образом, в северо-западных районах Новгородской земли (Спицын 1896: табл. III — 2; 1903: 32, 40). В Новгороде найдено два подобных браслета (Седова 1981: 110). Кроме того, аналогичные браслеты встречаются в Приладожских курганах, в древностях Финляндии и Латвии (Кочкуркина 1973: 41; Люцинский могильник 1893: табл. IX — 5, 7, 8; Kivikoski 1973: 102, taf. 34, Abb. 742).

Первая попытка разделить широкие ленточные литые браслеты на отдельные группы была предпринята Х. А. Моора, который выделил три стадии в развитии этого типа украшений (Моора 1929: 25—37).

По мнению Х. А. Моора, прототипами данной категории украшений явились прусско-литовские браслеты. К первому этапу Х. А. Моора отнес появление браслетов, датируемых до 1000 г. (IX—X вв.), которые встречаются только на территории Эстонии и отличаются особой массивностью. Браслеты второго этапа датируются X — первой половиной XI вв. Они получили распространение не только в Эстонии, но и за ее пределами. Браслеты третьего этапа относятся к XI—XII вв. и встречаются также в более позднее время. Находки таких браслетов сделаны в Финляндии, Латвии и в Новгородской земле.

Таким образом, Х. А. Моора совершенно справедливо отметил общую тенденцию изменения этого типа украшений во времени. Однако среди множества элементов, характеризующих формы и декор на каждом этапе, он не выделил ведущие и устойчивые признаки, определяющие типологию развития. Точно так же, как, подробно описывая различные варианты конкретных орнаментальных мотивов в декоре браслетов на каждой стадии, исследователь не проследил основную линию эволюции орнамента.

В 1994 г., основываясь на представительной коллекции браслетов из залахтовского могильника, мы попытались уточнить типологию, разработанную Х. А. Моора, проследив их эволюцию по форме и орнаментации (Хвошинская 1994: 250—256). Нами было выделено три варианта широких ленточных браслетов. Первый вариант соответствовал второй стадии по Х. А. Моору, а второй и третий — его третьей стадии. Основными признаками ранних залахтовских ленточных браслетов были утолщенные концы, характерная выпуклость самого изделия и рельефность орнаментации. Все эти признаки отсутствовали у позд-

них вариантов: толщина концов почти не превышала общую толщину изделия, сама бронзовая лента была утончена, орнамент из штриховых линий, наносимых с помощью зубчатого чекана-колесика, носил поверхностный характер и легко затирался при длительном использовании.

В 1995 г. подробную классификацию браслетов, наиболее популярных для территории Эстонии, провела М. Мяги-Льугас. Более 600 находок с учетом их формы и орнаментации она разделила на 11 групп (Mägi-Lõugas 1995: 271—325). В ее типологическую схему вошли и ленточные браслеты с расширяющимися концами, которые вполне сравнимы с браслетами из Залахтовья.

По характеру орнамента на широких ленточных браслетах общей для всех них являлась композиция, украшавшая концы изделий. Она состояла из ряда поперечных нарезок на краю и различных вариантов плетенок. В Залахтовье встречаются экземпляры, чрезвычайно близкие между собой по типу орнамента. Однако большинство изделий отличалось индивидуальными особенностями в характере украшений. Поэтому можно наметить лишь общую тенденцию развития орнаментов на залахтовских браслетах, учитывая изменения в композиции, в принципах нанесения орнамента и в отдельных элементах декора.

Так, орнаменты на ранних браслетах отличались особой рельефностью, некоторой грубостью и упрощенностью. Основными элементами декора были прочерченные линии, углубленные бороздки и мелкие чеканные кружочки (типа табл. XXXIX — 9, 11, 18; LXVII — 9, 12 и др.). Как правило, концы браслетов украшались узкой поперечной плетенкой (погребения № 2/3, «12», 20, 23, 120, 122, 164, 165, 185), иногда более широкой (погребения № 24, «12»). Ленты плетенки заполнялись кружочками. В целом плетенка как бы состояла из серии ромбических ячеек. В центре каждой ячейки было выбито круглое или квадратное углубление. От плетенки к середине браслета тянутся линии из мелких кружочков, перемежающиеся глубокими острорезерными бороздками (погребения № 2, 3, «12», 20, 23, 120, 122, 164, 185, 195, К-20). Подобные браслеты сопоставимы с группой II—3 по М. Мяги-Льугас (Mägi-Lõugas 1995: 288, joon. 7). Средняя часть браслетов оставалась неорнаментированной. На отдельных экземплярах (погребение № 1) плетеная композиция на концах отсутствовала, как и в группе II—4 по М. Мяги-Льугас (Mägi-Lõugas 1995: 290, joon. 9). Подобные браслеты были представлены в основном в погребениях, совершенных по обряду трупосожжения, и в ранних трупоположениях.

В дальнейшем кружковый орнамент, заполняющий ленты плетенки, становится менее четким и рельефным и заменяется штрихованными линиями. Кружки сохраняются лишь при орнаментации полосок, тянущихся от плетенки к средней части браслета, однако и тут они постепенно уступают место штрихам. Одновременно исчезают из узора глубокие бороздки. Отдельные кружки с точкой внутри или композиции из трех кружков продолжают использоваться только при завершении или оформлении орнаментальных линий и углов. Видоизменяется и сама плетенка. Из ее узора исчезают прочерченные линии, которые придавали четкость общей композиции и к которым как бы примыкали штришки. В результате основным компонентом орнамента остается штрихованная линия (погребения № 21, 178, 208, 229). Они сопоставимы с группой IV по М. Мяги-Льугас (Mägi-Lõugas 1995: 297, 298, joon. 13, 14). Плетеный орнамент у поздних образцов украшал не только концы браслетов, но и их среднюю часть

(типа табл. LXXVII — 8; XCIX — 10, 11; CI — 11—13; CXVII — 12; CXVIII — 10, 13, 14).

В то же время, существует значительная серия изделий, декор которых можно рассматривать в рамках переходных вариантов. Именно они отражают характер развития декора на данной группе украшений, а значит и сам процесс эволюции этих изделий в целом. Основным признаком переходных вариантов орнамента является сочетание на узорах изделий элементов раннего и позднего характера, с последующим преобладанием последних (типа табл. XXIV — 6; LXVII — 10).

К группе ширококонечных браслетов относятся также украшения (погребения № 12, 23, 229, 121, 162а, К-17, К-16) с характерным глубоким продольным желобком, проходящим по центру от концов изделия и выклинивающимся к середине. По краям и вдоль желобка эти браслеты были украшены штрихованными линиями и орнаментом типа «волчий зуб» (типа табл. CI — 10; CXVIII — 11). В одном случае (К-16) более массивный браслет был без орнамента (табл. CXVII — 10). Подобные украшения также были широко представлены в средневековых древностях Эстонии, где для них имеются и более ранние прототипы (Mägi-Lõugas 1995: 294, 295, joon. 11 — 4, группа III).

Массивные ленточные браслеты с сужающимися концами

Первая группа. В десяти погребениях (№ 96, 136, 181, 186, 197/1, 197/2, 207, 208, С-1, К-18) встречены литые браслеты с сужающимися концами. Внешняя сторона браслетов была выпуклой, а внутренняя — вогнутой. Концы их обычно украшены рядами поперечных параллельных линий, перемежающихся косыми крестами. В центральной части фиксируются различные типы орнаментов: плетенка, «волчий зуб», различные композиции из зигзагообразных и параллельных штриховых линий (табл. LVI — 3, 5, 6; LXIII — 8; LXXVII — 3; LXXXI — 7; XCIV — 9, 10; XCV — 13; XCVI — 19, 20; XCIX — 9, 12; CXIX — 36; CXXII — 13). Подобные браслеты были характерны для восточных районов Эстонии (Mägi-Lõugas 1995: 302—304, joon. 18, группа VI). Известны они и в древностях Новгородской земли (Седова 1981: 105, рис. 38 — 7).

Вторая группа. Зафиксировано пять экземпляров в трех захоронениях (№ 228, К-17, С-1). Характерной особенностью этой группы браслетов является рельефность узора, состоящего из рядов поперечных валиков, перемежающихся змеевидным орнаментом (табл. XLI — 3; CXVIII — 7, 9; CXXII — 8, 10). Тип украшений хорошо известен на территории Эстонии. М. Мяги-Лыугас выделяет их в особую группу V (Mägi-Lõugas 1995: 300—302, joon. 16, группа V). В отличие от большинства образцов у браслета из комплекса № 228 зигзагообразный орнамент имеет острые углы (тип V-2 по М. Мяги-Лыугас). Подобные браслеты в единичных экземплярах встречаются на территории Приладожья, восточной и западной Карелии (Кочкуркина 1973: 40—41; Кочкуркина 1982: 25, рис. 6 — 3; Kivikoski 1973: Abb. 740), а также в слоях древнего Новгорода (Седова 1981: 103, 105, рис. 38 — 4). Ю. Селиранд придерживается мнения, что эти украшения проникли в земли эстов от карел во второй половине XI в. (Selirand 1974: 166, tahv. XXXIX — 4). В то же время, на основании характерного зигзагообразного орнамента все исследователи единодушно считают, что прототи-

пами этих браслетов были скандинавские ладьевидные браслеты. Однако следует подчеркнуть, что в переработанном виде у финнов они развились в собственный тип, отличный от скандинавских образцов. В частности, к особенностям финских браслетов относятся косо срезанные трапециевидные концы (так называемые концы в виде «рыбьих хвостиков»). М. Мяги-Лыугас указывает, что подобное оформление концов браслетов особенно широко было распространено в районах южной Балтики (Mägi-Lõugas 1995: 320).

Узкомассивные браслеты

Узкие массивные браслеты изготовлены путем литья в жесткой форме с последующей проковкой. По характеру сечения изделий их можно разделить на две группы. К первой относятся браслеты, шестиугольные в сечении. Они представлены в погребениях № 2 (2 экз.), 137 (2 экз.), 162а, 175 (2 экз.), 229, К-17 (типа табл. IX — 3; XXXVI — 18; LXV — 1; LXIX — Б: 6). У браслетов концы были украшены поперечными нарезками, вдоль края одного изделия фиксировался орнамент из миниатюрных треугольников (типа «волчий зуб»), а браслет из погребения № 229 был орнаментирован штрихованными линиями по краям и зигзагообразной — по центру (табл. С1 — 7). В свою очередь, браслет из кургана № К-17 (табл. СХVIII — 6) был покрыт сплошным сетчатым орнаментом. Подобный тип браслетов встречается на территории Эстонии (Selirand 1974: tahv. XXXIX — 3), а также в Новгороде (Седова 1981: 103, рис. 38 — 2).

Ко второй группе относятся браслеты с сегментовидным сечением. Они встречаются в 19 захоронениях. Как правило, этот тип изделий был украшен чеканным орнаментом, основу которого составляли ромбы из штрихованных линий, соединенные между собой различными вариантами пунктирных линий или чередующиеся с композицией из трех кружков. Концы декорировались поперечными и пересекающимися насечками (№ 121, 96, 178, 180, 186, 208, С-9, К-17; типа табл. LVI — 2, 4; LXXIII — 7, 8; LXXV — 3, 4; LXXXI — 9 и др.). Некоторые из них были посеребрены. М. Мяги-Лыугас относит их к группе VIII (Mägi-Lõugas 1995: 307, 308, joon. 23).

Девять браслетов с сегментовидным сечением (№ 131, 194 (2 экз.), 229, К-22) были украшены рельефным орнаментом в виде сплошной косой плетенки (табл. XXX — 12; LXXXVII — 10; С1 — 8, 9; СХХ1 — 3). Подобный браслет был найден в Новгороде в слое XI в. (Седова 1981: 103, рис. 35 — 3, 38 — 1). Среди узкомассивных браслетов также встречены простые неорнаментированные изделия (№ 12, 165, 178, 180; табл. XII — 11; LXIII — 15; LXVII — 3; LXXIII — 9; LXXV — 1). К последней группе, судя по фотографиям, относятся браслеты из погребений, исследованных К. Д. Трофимовым (№ Т-17, Т-29, Т-32, Т-70).

Спиральные браслеты

Особую группу браслетов составляют спиральные наручи, обнаруженные в 16 захоронениях (типа табл. XLII — Б: 28; ХСV — 4, 5; ХСVI — 1 и др.). Данные украшения были характерны только для женских и детских погребений. Длина некоторых целых экземпляров достигала 15 см, так что, наряду с браслетами других типов, они закрывали руки погребенных женщин почти до локтя.

Причем, как показывают материалы погребений, браслеты надевались прямо на верхнюю шерстяную рубаху. Спиральные браслеты имели подтреугольное сечение, реже сегментовидное. На некоторых экземплярах фиксируются орнаменты в виде поперечных косых насечек (типа табл. СХІХ — 31; СХХ — 18; СХХІV — 14), мелких чеканных елочкообразных штришков и треугольничков вдоль краев и внешней грани спирали (типа табл. ХСІХ — 19), встречается декор из зигзагообразных штрихованных линий, создающий ромбовидную композицию посередине ленты (типа табл. СVІ — 6, 8), а часто различные типы орнаментов сочетались (типа табл. ХХV — 13; СХVІІІ — 1). Иногда концы были уплощены и на них выбивались циркульные кружочки. Сама форма браслетов была широко известна у различных этнических групп Балтийского региона (L.A. 1974: tab. 28 — 22, 43 — 11, 50 — 18, 62 — 9, 66 — 31; Selirand 1974: tahv. ХХХVІІІ — 1).

К редкому типу украшений относится спиральный браслет из детского погребения № 14 (табл. ХLІІІ — 3). Он был изготовлен из тонкой ленты, ромбовидной в сечении, и имел эсовиднозагнутые концы. Один из браслетов с подобным оформлением концов происходит с территории Финляндии (Kivikoski 1973: Abb. 744). В этой связи интересно отметить, что многочисленная группа спиральных серебряных браслетов с эсовидными концами известна вкладах Готланда. Правда, там они служили не украшениями, а весовым эквивалентом определенного количества серебра, предназначенного для торговли (Stenberger 1947: 54—55, 57, 58, 213—214).

Пластинчатые браслеты

Пластинчатые браслеты зафиксированы в 12 комплексах. Они были согнуты из пластинок бронзы, суживающихся к концам (типа табл. LІІ — 16, 18; LXXXІІІ — 21; LXXXV — 6 и др.). Лицевая сторона большинства браслетов орнаментирована. Основными элементами декора являлись миниатюрные треугольнички и кружки, нанесенные пуансоном (типа табл. ХХV — 10; LXXІ — 3; LXXXVІІ — 3; СІІІ — 2, 3), а также пунктирные линии, выполненные специальным зубчатым чеканом-колесиком (типа табл. ХСІХ — 17). Края нередко украшались поперечными и косо скрещенными нарезками. Поверхность изделия из кургана № 236 была посеребрена. Пластинчатые браслеты с узкими концами — одна из наиболее массовых категорий украшений на территории лесной зоны Восточной Европы у разных народов (Левашова 1967: 233—235; Кочуркина 1973: 41; Selirand 1974: tahv. ХХХІХ — 6).

К группе пластинчатых браслетов можно отнести несерийное украшение из детского погребения № 8. Браслет был изготовлен из тонкой пластины сегментовидного сечения. Посередине пластина была украшена бороздкой (табл. X — 9).

Дротовые браслеты

К этой группе относятся браслеты, сделанные из обычной толстой неорнаментированной проволоки — круглой, овальной или подтреугольной в сечении (типа табл. ХСV — 6; СХХІV — 11). Подобные браслеты зафиксированы в погребениях № 103, 185, 197/2 и С-9 и, судя по фотографиям, в четырех захоронениях, исследованных К. Д. Трофимовым.

Витые браслеты

Витые браслеты встречены в шести курганах. В основном они зафиксированы в погребениях на горизонте земли (№ Т-2, Т-44, Т-53, Т-57, Т-64). Это несомкнутые браслеты с обрубленными концами, свитые из трех проволок. Для придания им окончательной формы у некоторых экземпляров стороны уплощены напильником (табл. СХХVI; СХХХII; СХХХIII). По данным В. П. Левашовой, находки браслетов данного типа концентрируются в древнерусских памятниках Северо-Запада Новгородской земли, таким образом являясь признаком этнической принадлежности их носителей к новгородским словенам (Левашова 1967: 220). Кроме этих браслетов, относящихся к серийному типу, в курганах были найдены нестандартные витые браслеты небольшого размера, концы которых были плотно сомкнуты (табл. СХХI — 7; СХХIV — 10).

Ложновитые браслеты

В кургане № 181 найден литой замкнутый ложновитой браслет (табл. LXXVII — 6). Три четверти внешней его поверхности выполнено в виде подражания витью, а остальная, наиболее тонкая, часть имеет гладкую поверхность и три призматических утолщения, украшенных циркульным орнаментом. Внутренняя часть браслета гладкая. В районе Причудья, кроме Залахтовья, имеются сведения еще о двух браслетах, полностью повторяющих форму залахтовского, как будто они вышли из рук одного мастера. Это браслет из каменного могильника Риума на западном побережье Чудского озера (Katalog 1896: 27—27; Selirand 1974: tahv. XL — 13) и браслет из могильника Калихновщина, расположенного в 30 км севернее Залахтовья.

Второй ложновитой браслет встречен в кургане № 186 (табл. LXXXI — 8). Он был выполнен в технике перекручивания бронзовой проволоки, концы его были уплощены и украшены зигзагообразными пунктирными линиями.

Перстни

Ассортимент перстней в могильнике немногочислен. Наибольшей популярностью среди жителей Залахтовья пользовались спиральные, усатые и перстни с волютами. Они встречаются в погребениях всех половозрастных групп. Часто на погребенных было несколько перстней (до четырех-пяти экземпляров), иногда одного типа, иногда в сочетании с другими видами.

Спиральные перстни считаются характерным украшением для балтских и финно-угорских народов (LA 1974: tab. 49 — 14, 50 — 5; Selirand 1974: tahv. XI — 8). В среде финских народов они фиксируются уже в I тыс. н. э. (Дубынин 1974: 237, 265, табл. XI — 3, 12; Моора 1956: 112, рис. 12 — 4). Известны они и в курганных древностях Новгородской земли (Спицын 1896: табл. IV — 8; 1903: табл. XXII — 37). В самом Новгороде они обнаружены в культурных напластованиях конца XI — конца XIV вв. (Седова 1981: 124). В Залахтовье они встречены в 29 погребениях. Практически все они были изготовлены из округлой в сечении проволоки (типа табл. XI — 1, 3; XVII — 8, 9; XIX — 3—6; ХСIХ — 4 и др.), исключение представляли только два перстня из кургана

№ 207, сделанные из тонкой бронзовой пластинки (табл. ХСVI — 23). Поверхность некоторых изделий была посеребрена.

Большой популярностью среди залахтовских жителей пользовались пластинчатые перстни, оканчивающиеся четырьмя волютами (типа табл. XIX — 11; LXV — 2; ХСIV — 7, 8 и др.). Они встречаются в 35 захоронениях, причем в некоторых случаях по два, три и даже по четыре экземпляра. Обычно перстни украшались по краю пластинчатой части пунктирным орнаментом, в одном случае перстень имел циркульный орнамент (табл. LVI — 1). Некоторые изделия имели насечки на волютах (табл. СХХIV — 9), отдельные экземпляры посеребрены. Интересно, что в детском погребении № 103 перстень, явно по размеру соответствующий изделию для взрослого человека, был надет на замок гривны (табл. XLVII — Б: 1). Сама форма перстней восходит к украшениям периода Латена. Подобные перстни встречаются в погребениях Пеньковской культуры (Аксенов, Бабенко 1998: 114). В Прибалтике они фиксируются уже в памятниках первой половины I тыс. н. э. (Selirand 1974: 174, tahv. XL — 4). В эпоху средневековья этот тип украшений известен у финно-угорских и балтских народов (Kivikoski 1973: Abb. 757; LA: tab. 50 — 6), но наибольшее распространение перстни с волютами получили в древностях эстов XI—XII вв. (Selirand 1974: 174, 352—353, tahv. XL — 4).

Среди погребального инвентаря кургана № 120 (погребение 2) найдено два фрагмента украшения, типологически близкого к охарактеризованной группе перстней с волютами. По размерам оно представляло нечто среднее между перстнем и браслетом, было изготовлено из более широкой пластины, чем обычные перстни, и конец пластины был разделен не пополам, а на четыре ленты, которые соответственно были закручены в волюты. Таким образом, изделие завершалось восемью волютами (табл. XIX — 9, 10).

Несколько в меньшем количестве в залахтовских погребениях представлены «усатые» перстни (11 экз.). Щитки их были украшены, в основном, тремя вариантами орнамента: циркульным в сочетании со штрихованными линиями, «волчьим зубом» и просто штрихованным орнаментом (типа табл. XXXVII — 14; LXIII — 5; LXXIX — 13; LXXXVII — 2; CI — 5; СХVII — 17; СХХI — 6; СХХII — 7, 9, 12). Два перстня были посеребрены. «Усатые» перстни имеют тот же круг аналогий, что и спиральные перстни. В основном эти украшения были характерны для балто-финно-угорского мира. Широко они представлены на тех территориях Древней Руси, где славяне соприкасались с финнами и балтами (Недошивина 1967: 257—259).

Кроме многочисленных типов перстней, в Залахтовье встречены и отдельные редкие экземпляры такого рода украшений. Так, в детском погребении № 13 перстень был сделан из обломка крученого браслета (табл. XIII — 6). Четыре индивидуальные находки происходят из раскопок К. Д. Трофимова. Судя по сохранившимся фотографиям, в кургане № Т-25 перстень был изготовлен из простой бронзовой пластины (табл. СХХХ), в кургане № Т-20 — был свит из трех бронзовых проволок (табл. СХХIX). В свою очередь, в кургане № Т-8 найден витой, расширяющийся к середине перстень со сканой перевитью (табл. СХХVIII). Это хорошо известный тип перстней на территории Руси и за ее пределами (Недошивина 1967: 263; Selirand 1974: tahv. XL — 1; Kivikoski 1973: Abb. 1094). В Новгороде подобные украшения встречены в слоях третьей чет-

верти XI и третьей четверти XII вв. (Седова 1981: 125). Литой массивный перстень, украшенный орнаментом в виде косички, был обнаружен в кургане № Т-16 (табл. СХХVIII). Аналогии этому перстню имеются в курганных древностях Северо-Запада, а также в памятниках финских племен Поволжья (Горюнова 1954: рис. 71 — 11).

Металлические детали пояса

Пояс являлся важным элементом любого древнего костюма. Судя по этнографическим данным, пояс играл особую магическую роль в одежде наших предков. Одежду подпоясывали как мужчины, так и женщины. Однако металлические детали поясов встречаются только в захоронениях мужчин. Дело в том, что обычно использовался тканый пояс. Остатки таких поясов, выполненных в технике плетения на дощечках, неоднократно встречались в залахтовских погребениях. Металлические детали поясов (пряжки, бляшки, разделительные кольца, наконечники, пластины-накладки), прежде всего, связаны с кожаным ремнем. В Залахтовье бронзовые детали поясов встречаются в 16 погребениях. В 10 случаях зафиксированы либо только пряжки, иногда в сочетании с разделительными кольцами, либо одни кольца. В пяти погребениях найдены поясные наборы.

Чаще всего встречаются пряжки лировидной формы (№ 136/2, 182, 186, 187/1, 197/1, 17, Т-30), достаточно широко распространенные от Прибалтики и Скандинавии до Средней Азии. В Новгороде они найдены в слоях XI—XII вв. (Седова 1981: 144). Кроме того, в состав поясного набора из кургана № 165 входила цельнолитая небольшая овальнорамчатая пряжка, украшенная типичным для этого вида изделий орнаментом в виде трилистника (табл. LXVII — 15). А другой поясной набор, из кургана № 124, украшала необычная литая плоская рамчатая пряжка, ажурность которой придавали боковые широкие угловые выступы с отверстиями (табл. LX — 3). Единственная полная аналогия этой пряжки имеется в могильнике Ире на острове Готланд (Thunmark-Nylèn 1995: Abb. 210). Обломок чуть заостренной рамчатой пряжки из сооружения № 133 (табл. XXXI — 6), также имеет аналогии на острове Готланд (Thunmark-Nylèn 1995: Abb. 16 — 2, 105 — 36, 206a).

Поясная гарнитура (бляшки, наконечники и разделительные кольца) из захоронений с ингумациями № 165, 236, К-22 входит в круг древностей, характерных для Новгородской земли и стран Балтийского региона (табл. LXVII — 14—23; СIII — 4; СХХI — 8—10). Подробно элементы этих наборных поясов были рассмотрены в статье К. А. Михайлова и В. Ю. Соболева, где и приведена соответствующая литература (Михайлов, Соболев 2000: 222—228). В залахтовских погребениях к числу деталей, типичных для новгородских комплексов, относятся пятиугольные бляшки с растительным орнаментом, «геральдические» и «усатые» бляшки, а также миндалевидные с изображением стилизованного цветка (терминология К. А. Михайлова и В. Ю. Соболева). Кроме того, в эту группу украшений входят четырехугольные наконечники: один со скругленным нижним краем (табл. LXVII — 22) и четыре с заостренным (табл. LXVII — 18, 21; СIII — 4; СХХI — 8, 10), у последних верхний край раздвоен. Все они украшены

различными вариантами растительного орнамента. В кургане № 165, наряду с упомянутыми бляшками, в наборе была одна бляшка сердцевидной формы (табл. LXVII — 17). Подобные накладки были более характерны для территорий Поволжья и Прикамья (Спицын 1902: табл. XVII — 37; Arne 1914: fig. 203; Казаков 2000: рис. 2 — 8—13, 3 — 38—43, 5 и 6), но встречались и у народов Балтийского региона.

Особый интерес представляют плоские подчетыреугольные бляшки, у которых с одного бока имелся полукруглый выступ, а с другого — вогнутость, соответствующая по размеру этому выступу (табл. XVII — 1; XXXVI — 9—12). Благодаря такой форме они могли вплотную присоединяться одна к другой, составляя единую металлическую ленту. У некоторых бляшек низ был оформлен двумя полукруглыми вырезами. Внешняя поверхность декорирована геометрическим орнаментом из квадратов разного размера. Подобные накладки встречены в двух погребениях, совершенных по обряду кремации (№ 100, 162а). В одном случае в наборе находился наконечник стрелообразной формы, украшенный стилизованным растительным орнаментом (табл. XXXVI — 8). Подобные бляшки немногочисленны. Такие же по форме были встречены в могильнике на р. Кумбите в Юго-Восточном Приладожье (Бранденбург 1895: табл. VI — 13), в Люцинском могильнике (Люцинский могильник: табл. XIII — 13) и в Миино на севере Европейской России (Зайцева 2001: 23, рис. 13 — 14—15). Бляшки аналогичной формы известны на болгарских поселениях (Казаков 2000: рис. 3 — 81—83). К подобной серии изделий можно отнести также гарнитурные наборы из Бирки и Готланда (Arbman 1940: Taf. 89, 91 — 2; Thunmark-Nylén 1995: Abb. 53 — 3; 1998: Taf. 140 — 12, a—c). В отличие от залаховских бляшек у скандинавских образцов в ряде случаев выступы были заострены, но общая идея декора пояса оставалась та же. Аналогия стрелообразному наконечнику имеется в памятниках Финляндии и Эстонии (Kivikoski 1973: Abb. 915; Аун 1992: 70, рис. 21 — 1).

К редким типам относится гарнитура поясного набора из кургана № 124 (табл. LX — 3) с ажурной литой пряжкой, уже охарактеризованной нами. Кроме того, в поясной комплект входили тонкие прямоугольные пластинки⁴ и ажурные решетчатые пластины, в качестве наконечника ремня использовалась двойная сужающаяся к концу пластина, а разделителем служило кольцо, разделенное на три сектора. Пояса, декорированные прямоугольными пластинками, близко прилегающими друг к другу, известны у латгалов (Люцинский могильник: табл. XII — 6—8), ливов (Tönnisson 1974: taf. XXIX — 8; Zariņa 1988: att. 36) и на Готланде (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 139 — 1—4, 6—8). В более раннее время они встречаются в древностях Прикамья, например, в погребальных памятниках Поломско-чепецкой культуры (Иванов 1998: рис. 4 — 11). Ажурные решетчатые разделительные пластины полностью соответствуют пластинам, найденным на территории Финляндии (Kivikoski 1973: 885, 892; Lehtosalo-Hilander 1982: 150, fig. 40 — 6, 7), Готланде (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 124 — 9) и Латвии (LA 1974: Pl. 59 — 25).

Обычно в качестве разделителей ремней использовались простые бронзовые кольца, широко представленные в памятниках всего Балтийского региона и Се-

⁴ Подобная поясная бляшка встречена в сооружении № 133.

веро-Запада России. Иногда наряду с этими кольцами (№ 165, 236, К-22) были найдены бронзовые овальные обоймицы, которыми дополнительно фиксировался перегиб кожаного ремня. Подобный способ крепления реконструируется на материалах погребений из могильников Гнездово и Минино II (Мурашева 1998: 253—254; Зайцева 1999: 278—279).

К металлическим деталям пояса также относятся двойные узкие пластины трапециевидной формы, своеобразные петли, прикрепленные к поясу (№ 13, 22, 163; табл. XII — 7; XV — 4; XXXVII — 5). Часто они были украшены чеканным орнаментом. Подобные пластины были особенно характерны для поясной гарнитуры народов Прибалтики, Финляндии и острова Готланд (LA 1974: 59 — 19, 64 — 3, 4; Kivikoski 1973: Abb. 894; Arbman 1940: Taf. 87 — 1—4; Thunmark-Nylèn 1998: Taf. 130, 131; Zariņa 1988: att. 36).

В целом металлическая гарнитура залахтовских поясов позволяет отнести их к характерному типу наборных поясов, распространенных в XI—XII вв. на территории Северо-Запада Древней Руси, в Прибалтике, Швеции и Финляндии. По мнению И. Е. Зайцевой, именно Балтийский регион может рассматриваться в качестве места происхождения этих поясов, а особая концентрация находок на о. Готланде выдвигает его на роль такого центра (Зайцева 1999: 283—286).

Пуговицы

К элементам одежды также надо отнести две пуговицы, зафиксированные среди инвентаря комплекса № 135. Одна из них была украшена рельефным пояском и насечками (табл. XXXIII — 5, 9).

Оружие

Меч

Только в одном залахтовском погребении (№ 131) был найден меч. Там же обнаружены другие компоненты всаднического набора (рукоять плети, удила, подпружная пряжка). Все вещи были сложены рядом с погребальной ямкой. Клинок меча был согнут пополам (табл. XXIX — 9). Расчистка меча, проведенная А. Н. Кирпичниковым в 1974 г., позволила выявить на обеих сторонах клинка знаки франкской мастерской: круг с одной стороны и симметрично ему костьльный крест с другой стороны. Р. Волкайте-Куликаускене вслед за А. Антейном считает, что клинки мечей из Западной Европы попадали в Прибалтику при посредничестве скандинавских купцов. На рубеже I и II тыс. н. э. крупнейшим торговым центром на Балтике становится о. Готланд (Волкайте-Куликаускене 1966: 222). По форме и украшению навершия и перекладины рукояти меча крупными продолговатыми ячейками залахтовский экземпляр близок по типологии А. Н. Кирпичникова к мечам группы Е (Кирпичников 1966: 30—31), которые на Руси в целом датируются X в. Он отличается от мечей классического типа отсутствием серебряной проволоки, украшавшей навершие. Возможно, рукоять была сделана не европейскими, а местными мастерами. Вещи, входящие в данный комплекс не позволяют датировать его ранее начала XI в.

Втульчатые топоры

В своеобразном комплексе, открытом при исследовании кургана № 46, найдены редкие для залахтовской культуры втульчатые топоры (кельты, 3 экз.; табл. СХI — 18—20). В целом тип этих топоров восходит к изделиям эпохи раннего железного века. М. Ф. Жигановым была предложена классификация топоров-кельтов с учетом массы, соотношения размеров втулки и бойка, а также угла между их осями (Жиганов 1963: 9—11). Судя по этим параметрам, залахтовские топоры относятся к группе наиболее поздних изделий (IX — XI вв.), так как угол между осями лезвия и бойка колеблется от 7 до 12°, хотя общая длина изделий не превышает 18 см и втулка составляет больше одной трети общей длины.

Проушные топоры

Топоры зафиксированы в 33 захоронениях. Характеризуя их, мы будем опираться на классификацию А. Н. Кирпичникова. Большинство находок относится к группе универсальных, то есть их можно было использовать и как оружие, и как орудие. Наиболее популярными у залахтовских жителей были топоры с прямой верхней гранью и боковыми шековицами (19 экз.) — тип V по А. Н. Кирпичникову (типа табл. IX — 16, 17; XV — 5; XXIX — 8; XL — 21; XLIX — 18; LIII — B:7; LVI — 9 и др.). На территории Древней Руси они бытуют с середины X до середины XII вв. Их происхождение А. Н. Кирпичников связывает с Северной Европой (Кирпичников 1966-а: 37—38).

Два топора из раскопок К. Д. Трофимова (№ Т-29, Т-73; табл. СXXX), согласно классификации А. Н. Кирпичникова, относятся к типу VI и датируются им XI в. Это бородовидные топоры с оттянутым книзу лезвием и двумя парами шековиц (Кирпичников 1966-а: 38—39, каталог № 400, 401). В свою очередь пять топоров (табл. СXXIII — 2, 6; СXXVII; СXXVIII) из курганов № Т-8, Т-11, Т-16 и С-6 (2 экз.) отличались удлинённым вырезанным обухом, оттянутым вниз лезвием и двумя парами шековиц (тип IV: Кирпичников 1966-а: табл. XXIII — 2, 7). На Руси они появились в X в. и продолжали использоваться в XI—XII вв. (Кирпичников 1966-а: 36).

В кургане № 196 встречен секирообразный топор (табл. ХСII — 14), отличающийся от типа VII по А. Н. Кирпичникову тем, что имеет одну пару шековиц (Кирпичников 1966-а: 39). Два топора имели колуновидную форму без шековиц, один с широким (№ 236), а другой с узким (№ 87) лезвием (табл. СIII — 5; СХII — 19). Соответственно соотношение длины изделия к ширине лезвия у первого составляло 1,3:1, а у второго 2,6:1. Топор с широким лезвием относится к типу универсальных изделий, а второй бесспорно был хозяйственным орудием. По мнению А. Н. Кирпичникова, подобные топоры были характерны для финского населения и некоторых прибалтийских племен. На Руси они встречаются исключительно на окраинах, в зонах контакта с финским миром (Кирпичников 1966-а: 39—40).

Из всей коллекции залахтовских топоров лишь два образца можно рассматривать как только боевое оружие (№ 186, 197/1). Их отличали небольшие

размеры (табл. LXXXI — 14; XCIV — 12). Один из них представлял собой чекан (тип I по А. Н. Кирпичникову), который, судя по квадратному сечению молотковидной приставки, может быть датирован XII—XIII вв. (Кирпичников 1966-а: 33—34). Ближайшей аналогией залахтовскому чекану по каталогу А. Н. Кирпичникова является топорик из могильника Васильевское Тверской губернии (Кирпичников 1966-а: 124, № 452). Второй боевой топорик относится к типу секирообразных с двумя парами шековиц (тип VII по А. Н. Кирпичникову), но миниатюрных размеров (длина 12,6 см, ширина лезвия 9,3 см). Для рабочего топора он слишком легок и мал, но на длинной рукояти он вполне эффективен как боевое оружие.

Втульчатые наконечники копий

Наконечники копий находились в составе сопровождающего инвентаря 31 мужского погребения. Все наконечники копий, происходящие из захоронений, совершенных по обряду кремации, а также из ранних погребений по обряду ингумации (8 экз.), относились к типу ланцетовидных (тип I по А. Н. Кирпичникову). Лезвия имели ромбические сечения (типа табл. XV — 7; XXIII — 17; XXIX — 3; XL — Б: 20 и др.). Судя по соотношению длины втулки к длине пера, большинство залахтовских образцов следует отнести к первой половине XI в. (Кирпичников 1966-а: 9—10). Наконечник копья из погребального сооружения № 122 на тулье был украшен врезным «готическим» орнаментом (табл. XXIII — 17), который считается характерным признаком западноевропейских мастерских (Кирпичников 1966-а: 9). Данный экземпляр относится к группе изделий XI в. и пополняет список уже известных на территории Древней Руси копий с врезным орнаментом X—XI вв. (Кирпичников 1966: каталог № 18, 47 и 243).

Самую многочисленную группу (18 экз.) составляют наконечники копий с достаточно широким пером удлинненно-треугольной формы (тип III по классификации А. Н. Кирпичникова). У них, как правило, хорошо выражены плечики, а перо имеет ромбическое сечение, то есть на лезвии заметна грань (типа табл. LVI — 8; LIX — 4; LX — 6; LXIX — Б: 9; LXXIII — 14 и др.). Этот тип копья получил наибольшую популярность у сельского населения центральных и северных районов Руси в XI в. Этот факт А. Н. Кирпичников объясняет тем, что широкое лезвие данной разновидности наконечников копий позволяло эффективно использовать их не только в качестве боевого, но и охотничьего оружия, нанося зверю опасную рану (Кирпичников 1966-а: 12—14).

К типу IV, согласно классификации А. Н. Кирпичникова, относятся четыре копья (№ Т-15, Т-25, К-20, 18). Их характерной особенностью были скругленные плечики и уплощенное перо, так что грань на лезвии едва заметна или вообще отсутствует (табл. CX — 7; CXX — 24; CXXVII; CXXX). А. Н. Кирпичников датирует их в основном XI в. с выходом в XII в. Первые образцы этого вида оружия распространяются в Восточной Прибалтике, а затем появляются на сопредельных территориях Новгородской земли (Кирпичников 1966-а: 14—15). В кургане № 15 из раскопок К. Д. Трофимова встречен редкий экземпляр наконечника копья с посеребренной тульей и орнаментом, напоминающим орнамент на викингских камнях.

Наконечники стрел

Наконечники стрел встречены в 11 комплексах (№ 13, 14, 19, 20, 122, 131, 137, 158, 202, 228, яма 68) в количестве 15 экземпляров. Отметим, что в курганах с ямами среди неопознанных сильно окислившихся предметов также могли быть наконечники стрел. Почти все сохранившиеся изделия относятся к группе ромбовидных стрел «новгородского типа» (Медведев 1966: тип 6, рис. 40 — 12, 13; 42 — 7, 8). Их особенностью является отсутствие упора для древка стрелы (типа табл. XIII — 22; XXIII — 16; XXXIV — 6; XL — Б: 19 и др). Подобные наконечники стрел были широко распространены на севере Восточной Европы, начиная с рубежа нашей эры и до конца XIII в. В свою очередь, три наконечника из погребального сооружения № 131 и ямы 68, также ромбовидной формы, имели упоры для древка и напоминали тип 40 по классификации А. Ф. Медведева (табл. XXIX — 4, 5; L — 25). Они встречаются повсеместно на протяжении довольно длительного времени с X по XIV вв. (Медведев 1966: 59 — 165). Несколько стрел оригинальной для Залахтовья формы найдены в кургане № К-22 (табл. СХХI — 15).

Умбон

Погребальная ямка № 202 была накрыта сверху щитом, от которого сохранился железный умбон. Изделие имеет круглую сферическую форму с навершием в центре. На бортике сохранились заклепки (табл. XL — 16). Судя по форме умбона, он относится к круглому щиту. На территории Древней Руси А. Н. Кирпичников выделяет два типа умбонов: полушаровидные (тип I) и сферо-конические (тип II) (Кирпичников 1971: 35—36). Залахтовский экземпляр по-своему индивидуален: напоминая умбоны первого типа, он имеет большую высоту. По имеющемуся в центре шпилью он близок умбону из Белой Вежи или сферо-коническим умбонам Финляндии (Kivikoski 1973: 296, 297).

Снаряжение всадника

Металлическое кнутовище плети

Среди редких находок следует отметить железное кнутовище от плети. Оно представляло собой квадратный в сечении стержень, расширяющийся к середине. С одной стороны конец был раскован и в середине его высверлено отверстие, через которое пропущено кольцо с прикрепленными к нему тремя лировидными кручеными подвесками и пластиной-зажимом для кожаного кнута (табл. XXIX — 10). Плеть имела деревянную рукоять, от насадки которой сохранилась железная пружина и заклепка на конце. Данная находка пополняет немногочисленный список изделий, найденных на территории Древней Руси от Юго-Восточного Приладожья до Смоленщины. По классификации А. Н. Кирпичникова, она относится к I типу (Кирпичников 1973: 71—73). По мнению большинства исследователей, это шумящее приспособление для управления конем было изобретено «где-то на севере Европы еще в поздний период великого переселения народов (VII—VIII вв.)» и просуществовало там вплоть до эпохи викингов (Кирпичников 1973: 73).

Удила

В состав снаряжения коня входят удила, которые были встречены в погребальном сооружении № 131 (табл. XXIX — 12). По своему типу они относятся к кольчатым удилам с тремя подвижными звеньями (тип V по классификации А. Н. Кирпичникова). Своеобразие нашего экземпляра заключалось в том, что грызло удил состояло из трех одинаковых звеньев винтообразно перекрученной железной проволоки. В этом плане оно больше всего напоминает удила из курганного могильника Б. Брембола Владимирской области и эстонского могильника Кехра (Кирпичников 1973: 17, табл. II — 4; Selirand 1974: tahv. XV — 5). А. Н. Кирпичников признает широкое североевропейское распространение этого типа изделий и отмечает, что, получив популярность в странах Восточной Прибалтики, трехзвенные удила просуществовали там вплоть до XIV в. (Кирпичников 1973: 17).

Подпружная пряжка

В комплексе № 131 с плетью и удилами была обнаружена железная подпружная пряжка, относящаяся к типу прямоугольных с волнообразно изогнутыми боками (табл. XXIX — 11). Это широко распространенное изделие было известно у муромы, тюрок, венгров, скандинавов, финнов, у населения Юго-Восточной Прибалтики и Древней Руси (Кирпичников 1973: 76—77). В некоторых случаях оно просуществовало вплоть до середины XIII в.

Предметы домашнего обихода и орудия труда

Начиная рассматривать предметы быта и повседневной жизни, обратим внимание, что мелкие вещи, такие как кресала, ключи, булавки, оселки, ножи, ложки и т. д., судя по их расположению в погребениях по обряду трупоположения, как правило, подвешивались к поясу либо непосредственно на цепочке, либо в специальном мешочке. Об этом же прямо свидетельствуют и многочисленные находки этих изделий, непосредственно привешенные к цепочкам и кольцам из захоронений по обряду кремации. Для крепления различных мелких орудий труда и бытовых предметов использовались так называемые коленчатые цепочки (из железных четырехугольных в сечении стержней, раскованных и загнутых в петлю на концах; типа табл. IX — 8—12; XIV — 16—18; XXIX — 2; XXXVI — 27; XLI — 12 и др.), цепочки из перевитых проволочек (табл. XV — 3; XXIX — 2) и цепочки, составленные из проволочных восьмеркообразных звеньев, разделенных между собой колечками (162а, 186 и из подъемного материала; табл. XXXVI — 25, 26; LXXVII — 5; LXXXI — 13). Последние, как правило, были изготовлены из бронзы.

Гребень

Гребень относится к числу уникальных находок в могильнике (табл. XXX — 13). Он был найден на дне погребальной ямки сооружения № 131, куда были помещены остатки кремации. Сам гребень имел прекрасную сохранность и явно

не входил в группу предметов, побывавших в огне. Односторонний наборный гребень с футляром предназначался для подвешивания к поясу, так как с одной стороны футляра была вставлена полукруглая пластина с отверстием. Накладки футляра в середине были украшены ромбовидными насечками из двойных линий, а по краям — вертикальными нарезками. Такими же боковыми нарезками декорированы накладки спинки самого гребня. В целом же орнамент на пластинках спинки сохранился плохо. Гребень относится ко второй группе по классификации О. И. Давидан (1962: 100—101). Судя по европейским аналогиям, гребни в футлярах появляются с середины X в. (Фехнер 1963-а: 40).

Кресала

Кресала встречаются только в мужских захоронениях и в двух случаях находились в составе сопровождающего инвентаря мальчиков. Вместе с огнивом, видимо, в мешочек в ряде случаев помещали кусочек кремня. Следует отметить, что большее количество кресал, к тому же хорошей сохранности, происходит из погребений по обряду трупосожжения. Это связано с тем, что, как мы уже отмечали, в захоронениях по обряду ингумации мелкие железные предметы сохранились очень плохо или представлены в виде аморфных окислов. Большинство залахтовских кресал относится к типу «калачевидных с язычком», согласно типологии Б. А. Колчина (типа табл. IX — 13, 14; XIV — 16; XXX — 11; XL — 17; XLVI — 7; LXV — 17; LXXXVII — 4; XCII — 8). В Новгороде они бытовали с начала X в. до последней четверти XII в. (Колчин 1982: 163, рис. 4). На территории Восточной Европы этот тип огнив появляется примерно в третьей четверти I тыс. н. э. (Леонтьев 1996: 142). По данным Я. Петерсена, в Норвегии 12 находок подобных огнив относится к эпохе Меровингов (Petersen 1951: 73). Вопрос об их происхождении пока остается открытым, однако в начале II тыс. н. э. калачевидные кресала были распространены у многих народов Европы.

Наряду с калачевидными кресалами в двух детских погребениях (№ 13 и 103) встречается пластинчатые кресала. Одно из них лишь предположительно может быть отнесено к данной группе бытовых изделий, так как представляло собой просто прямоугольную пластину, имевшую просверленное отверстие для подвешивания (табл. XIII — 8). Однако, поскольку в детские погребения достаточно часто клали самодельные подобию настоящих вещей, вполне возможно, что данная пластина должна была выполнять роль огнива. Другое кресало (№ 107) по форме входит в группу классических трапиевидных пластинчатых огнив с плечиками (табл. XLVII — 15), узкая сторона которых сгибалась в петлю. А. А. Спицын относил их к числу наиболее характерных предметов культуры Приладожских курганов (Бранденбург 1895: 154, примечание). Как отмечает В. В. Седов, пластинчатые кресала первоначально получают широкое распространение среди населения позднеримских провинций, в частности они представлены в пшеворской археологической культуре. В V в. кресала такого же типа в целом выходят из употребления у европейских народов и «тогда же появляются в лесной полосе Восточноевропейской равнины, являясь одним из маркеров миграции в эти земли среднеевропейского населения» (Седов 2002: 51—54). В конце I — начале II тыс. н. э. пластинчатые кресала, несколько видоизме-

нившись, сохраняются лишь у финно-угорских племен Восточной Европы, как полагала Л. А. Голубева, став устойчивым этническим признаком их материальной культуры (Голубева 1965: 257—260). В качестве доказательства исследовательница отмечает, что все трупоположения Приладожья, с которыми были найдены пластинчатые кресала, имели южную, северную или юго-восточную ориентировку, а при некоторых были очаги (Голубева 1973: 47). В свою очередь, несколько иначе смотрит на материалы Приладожских курганов в связи с этнической интерпретацией пластинчатых кресал С. И. Кочкуркина. С ее точки зрения, пластинчатые кресала здесь ни разу не сочетались в одних комплексах с вещами финно-угорского облика, а большая часть находок зафиксирована в памятниках рек Паши, Сяси и Тихвинки, то есть вне зоны исконной финской территории (Кочкуркина 1973: 45—46). Мы не беремся судить об этнической принадлежности данной группы изделий, отметим лишь, что подобные огнива, датируемые X—XI вв., кроме Приладожья, встречены в восточном Прионежье, в Белозерье на р. Суде, в Ивановской области (Голубева 1973: 47), в погребении при сопке в урочище Победище около Старой Ладogi (Петренко 1994: 79, рис. 40 — 9), на Сарском городище (Леонтьев 1996: 142).

К числу редких находок относятся три овальных ажурных решетчатых кресала (№ 3, 134, 162а). Внутреннее пространство этих кресал заполнено зигзагообразно бегущей расплющенной железной проволокой, причем, в двух случаях — двумя проволоками (табл. IX — 15; XXXI — 25; XXXVI — 24). Такого типа кресало встречается в Бирке (погребение 750 — Arbmán 1940: Taf. 144 — 3, a—b) и еще одно в Финляндии (Kivikoski 1973: Abb. 1009). Сам мотив «зигзагообразно бегущей проволоки» использовался и при изготовлении бронзовых украшений у финского населения (Kivikoski 1973: Abb. 1139).

Ножи

Ножи относятся к числу наиболее часто встречаемых предметов в составе сопровождающего инвентаря различных половозрастных групп захоронений. В погребениях по обряду ингумации нож обычно находился с левой стороны в районе пояса вместе с другими мелкими бытовыми предметами. В основном прекрасную сохранность имеют ножи из трупосожжений, в противоположность им ножи из захоронений по обряду трупоположения часто представляют собой аморфные железистые окислы, по которым сложно судить о типологических особенностях изделия. В целом большинство ножей относится к группе IV по типологии Р. С. Минасяна (Минасян 1980: 72—73). Это ножи с узким клиновидным лезвием, имеющим прямую спинку и уступ при переходе к черенку (типа табл. VIII — 4, 9; XIV — 8; XV — 6; XIX — 25, 29 и др.). В некоторых случаях лезвие было сильно сточено. В погребениях № 103, 71, 197/1 рукояти ножей были обмотаны бронзовой проволокой (табл. XLVII — 14; LIII — B: 5; XCIV — 11).

В свою очередь, в кургане № 46 в яме, расположенной в западной части курганный площадки, вместе со сброшенными туда костями были обнаружены топоры-кельты и два ножа необычной для начала II тыс. н. э. формы (табл. CXI — 16, 17). Это ножи с дугообразной спинкой, плавно переходящей в черенок (длиной 19 и 29 см). Их прототипами являются ножи эпохи раннего железного века. Аналогии им можно найти в прибалтийских и позднедьяковских памят-

никах круга Тушемли, а также в материальной культуре длинных курганов. В то же время, по данным Р. С. Минасяна, они доживают до XI в., но уже совместно с ножами других форм (Минасян 1980: 69).

В одной из ровикообразных ям, оконтуривающих погребальный комплекс № 17, было найдено ножевидное орудие (43 см длиной). Оно имело прямую спинку и клинок, плавно переходящий в черенок. Орудие было преднамеренно погнуто, а черенок закручен (табл. XIV — 20). Подобные изделия неоднократно зафиксированы в памятниках Балтийского региона в Финляндии, Швеции, Латвии и Эстонии. Некоторые из них имели уступ при переходе к черенку, но встречаются экземпляры, подобные залахтовскому оудию. С одной стороны, ряд исследователей все эти изделия склонны относить к разряду боевых ножей — скрамасаксов. С другой стороны, в литературе существует более взвешенный подход к интерпретации подобного рода ножевидных орудий. Скрамасаксы, по мнению А. Н. Кирпичникова, были редким видом оружия. На Руси они встречались только в богатых захоронениях, почти всегда вместе с мечом, и их не следует путать с бытовыми или жертвенными ножами (Кирпичников 1966: 72). Судя по самому расположению данного изделия вне погребения и учитывая общий облик материальной культуры залахтовцев, на наш взгляд, перед нами обычное бытовое однолезвийное орудие.

Ножины

Ножи в мужских захоронениях, как правило, располагаются сбоку у пояса. В ряде погребений зафиксировано, что они находились в кожаных чехлах. От некоторых сохранились боковые бронзовые пластинки, а в захоронении № 102 — обшивка бронзовыми колечками вдоль края (табл. LIX — 6). Вполне очевидно, что и в остальных случаях, когда ножи располагались у пояса, они были подвешены к нему в специальных чехлах, возможно, не только кожаных, но и тканых или берестяных. В детском погребении № 126 сохранилась двойная орнаментированная пластина, которой скреплялся край кожаных ножен (табл. LXI — В: 10). Видимо оковкой ножен являются и согнутые пластины из курганов № 123 и 163 (табл. XXI — 8; XXXVII — 4, 6, 7).

Ножи у пояса встречаются и в женских захоронениях, особенно интересны находки целых ножен в пяти погребениях (№ 197/2, 208, К-17, Т-37, Т-53), где они, несомненно, являлись важной этнографической чертой парадного костюма женщин. Это были массивные кожаные ножны, украшенные тонкими бронзовыми пластинками с тисненым орнаментом в виде рельефных полосок или жемчужин. По краю они были окованы длинными бронзовыми двойными обоймочками, к которым с помощью трапециевидных пластинчатых ушек крепились кольца (табл. XCIV — 13; XCVIII — В; CXVIII — 15; CXXXII; CXXXIII). Совместное нахождение фрагмента пояса и ножен в погребении № 208 показывает, что тканый пояс непосредственно продевался через кольца ножен. Отдельные детали подобных же ножен зафиксированы еще в семи погребениях (№ 12, 128, 129, 164, 207, 245, 247).

Ножны как элемент женского костюма являются этноопределяющим признаком прежде всего западнофинской культуры. Само их наличие в погребениях отличает западных финнов от балтов. Однако форма ножен у каждой группы

западных финнов имела свои специфические особенности. По принципу и технике изготовления их можно разделить на две основные группы. К первой группе относятся ножны, которые изготовлялись из двух кожаных полос, украшенных бронзовыми пластинами. Края их со всех сторон были закреплены тонкими продольными обоймочками. Такие ножны были характерны для эстов и собственно финнов на территории западной Финляндии ((Selirand 1970: 172—175; 1974: 133, 306—307, tahv. XXII — 5; Lehtosalo-Hilander 1982: 378, 388). Ко второй группе относятся ножны, которые состояли из одного куска кожи, свернутого пополам. Эти ножны перехватывались орнаментированными пластинами, которые вместе с бронзовым наконечником скреплялись двойной пластиной со стороны шва. Подобные ножны были известны у карел, ливов и финнов Ижорского плато. Боковая пластина у ливских ножен расширялась кверху (Tönnissson 1974: taf. XIX — 1, 2; Zariņa 1988: 45). Ножны карельских женщин были меньше по размеру, с тонкой боковой пластиной. Сами же ножи имели бронзовую рукоять (Кочуркина 1982: 120—122). Более упрощенный вариант ножен второй группы встречен в погребальных памятниках Ижорского плато (Рябинин 2001: табл. XLIII — 1—4). Сравнивая залахтовские ножны с прибалтийско-финским кругом древностей, следует подчеркнуть, что по форме, особенностям орнаментации и принципу изготовления они полностью соответствуют ножам с материковой части Эстонии (Selirand 1970: 172—175; 1974: 133, 306—307, tahv. XXII — 5).

Железные пружины от рукоятей

В семи захоронениях (№ 4, 13, 122, 131, 135, 202, К-22) встречены спиральные железные пружины (табл. VIII — 8; XIII — 10; XXIII — 15; XXX — 7; XXXIII — 1; XL — 2, 3). Судя по тому, что в погребальном комплексе № 131 такая пружина находилась на рукояти плети (табл. XXIX — 10), они служили для плотного стягивания деревянных рукоятей. В кургане № К-22 подобная пружина была надета на замок гривны (табл. СXXI — 4).

Ключи и замки

В шести комплексах (№ 103, 131, 135, 137, 158 и 228) найдены ключи (табл. XXX — 14; XXXIII — 25; XXXIV — 10; XLI — 15; XLVII — Б: 8; LXV — 15). Все они относились к навесным замкам типа А по классификации Б. А. Колчина (Колчин 1959: 78—79), имели квадратную бородку с Т-образной прорезью. На территории Древней Руси подобный тип ключей известен уже в IX—X вв. (Колчин 1982: 160). В деревоземляном сооружении № 162а обнаружена и часть замка, соответствующего этим ключам (табл. XXXVI — 20). Класть в погребения ключи являлось широко распространенной традицией у народов Балтийского региона в IX—XI вв.

Ложжари

Своеобразные крючковидные резцы, которые использовались для внутренних выемов при изготовлении деревянной посуды, так называемые ложжари, зафиксированы в трех мужских погребениях (№ 7, 181, 186; табл. LXXVII — 9, 13; LXXXI — 15; CVII — 5). Резцы-ложжари имели универсальную форму

и достаточно часто встречаются в культурных напластованиях древнерусских городов (Колчин 1985: 258). В то же время, это чрезвычайно необычная находка в погребениях. Обычай класть в качестве сопровождающего инвентаря ложки и ложки наблюдается в редких случаях у финского населения окраин Новгородской земли (Макаров 1996: 122).

Скобели

В трех мужских захоронениях (курганы № 180, 181, 186) найдены орудия, которые можно интерпретировать как скобели средних размеров. Они представляли собой инструменты с дугообразными ножевидными лезвиями и с двумя поперечными ручками на концах (табл. LXXV — 5; LXXVII — 16; LXXXI — 18). Скобели применялись для обдиранья коры и строгания бревен. Сама конструкция, по данным Б. А. Колчина, появилась в IX в. и почти без изменений дожила до современности (Колчин 1959: 39; 1985: 257, табл. 98 — 14—16).

Тесла

К группе деревообрабатывающих инструментов, представленных в четырех мужских захоронениях Залахтовья (№ 17, 181, 186, Т-21), относятся тесла.⁵ Они предназначались для выдалбливания в дереве разнообразных выемов и внутренних объемов. Б. А. Колчин выделяет на территории Древней Руси три типа тесел (Колчин 1985: 256), два из них встречены среди погребального инвентаря залахтовских захоронений. Два инструмента (№ 17, Т-21) относятся к типу проушных с горизонтальной втулкой (табл. СІХ — 10; СХХІХ). По сути, они являлись специализированной формой топора, насаживались на длинные прямые рукояти и использовались для тяжелых работ. Второй тип втульчатых тесел представлен в Залахтовье двумя экземплярами (№ 181, 186). Эти более легкие инструменты, рассчитанные для работы одной рукой, насаживались на коленчатую рукоять и служили для изготовления долбленой и резной посуды (табл. LXXVII — 20; LXXXI — 19). Б. А. Колчин отмечал, что «подобная конструкция тесла появилась на Востоке еще в конце II тыс. до н. э. и совершенно в тех же формах втульчатые тесла дожили до XX в.» (Колчин 1985: 256).

Посоховидные булавки

К группе характерных для мужских погребений вещей из числа тех, которые обычно подвешивались вместе с другим мелким инвентарем к поясу, относятся посоховидные булавки. Они были зафиксированы в трех погребениях (№ 2, 17, 181; табл. ІХ — 6; XIV — 19; LXXVII — 10). Сама форма булавки в виде пастушеского посоха на территории Восточной Европы восходит к изделиям эпохи бронзового века. Основная литература по этому вопросу рассмотрена и приведена в работах В. В. Седова (Седов 1962: 129—145; 1970: 16, 55). В период раннежелезного века, как полагает В. В. Седов, территория распрост-

⁵ Более детальное рассмотрение интерпретации орудий типа тесел или мотыг смотри далее, в разделе «Сельскохозяйственный инвентарь».

ранения этих булавок связана с ареалом балтской гидронимии, а поэтому он считает их элементом восточнобалтийской культуры. В начале I тыс. н. э. за пределами балтских территорий посоховидные булавки были популярны у древних эстов (Laul 2001: 122—128, 269). Как у балтов, так и у эстов использовались они в качестве застежек одежды. В отдельных случаях сохранились булавки, соединенные между собой цепочкой (Laul 2001: 125). Однако железные булавки, найденные в залахтовских погребениях, функционально никак не связаны с этими более ранними элементами украшения. Общей для них является лишь форма, которая, кстати, присуща широкому кругу изделий разного назначения. Напомним, в частности, что новгородские спицы для ручных прялок имели ту же посоховидную форму (Колчин 1959: 105—106). Все хорошо сохранившиеся экземпляры несколько изогнуты, что совершенно исключено, если булавку использовать для закалывания одежды, а некоторые экземпляры имеют подчетыреугольную форму сечения. Все это позволяет сделать вывод, что перед нами инструмент (проколка или кочедык). По функциям и расположению в погребении залахтовские посоховидные булавки сравнимы с железными иглами с кольцом X—XI вв., которые Л. А. Голубева на первоначальном этапе распространения связывает с дружинной культурой (Голубева 1971: 114—126). Практически копия вогнутых залахтовских булавок найдена в слоях X в. древнего Новгорода (Колчин 1959: 110, рис. 95 — 5).

Оселки

Точильные камни обнаружены в 13 погребениях, как правило, в мужских захоронениях, иногда в детских. Семь из них имели правильную форму с отверстием для подвешивания и были изготовлены из мелкозернистых минералов (табл. XV — 2; XIX — 22; XXXIX — 14; LX — 8; LXXI — 4; CXX — 23; CXXII — 28). Остальные представляли собой бруски (целые или обломки), вырезанные из грубых песчаниковых пород (типа табл. XI — 9; XL — 14; LXXVII — 14 и др.). Не у всех народов Восточной Европы существовала традиция класть оселки в погребения (Леонтьев 1996: 134). Однако оселки встречаются в курганах Приладожья и Ярославского Поволжья, в некрополях Киева, в Гнездовском могильнике, Бирке и др. А. Е. Леонтьев полагает, что «точильные камни правильной формы с отверстиями, предназначенные для постоянного употребления, связаны с появлением трехслойных ножей» (Леонтьев 1996: 134, 138).

Ножницы, шилья и пряслица

Ножницы зафиксированы в пяти погребениях — в трех, совершенных по обряду сожжения (№ 129, 162, 166), и в двух — по обряду труположения (№ 208, К-16). Все они относятся к типу пружинных (табл. XXVI — 24; XXXVII — 20; XLIX — 19; XCVII — 3). В Восточной Европе подобные ножницы фиксируются еще в период Латена (Kostrewski 1970: 147, рис. 98). Однако на территории лесной зоны Восточной Европы они появляются не ранее X в. В Новгороде находки пружинных ножниц равномерно распределены во всех горизонтах культурного слоя. Это дало основание Б. А. Колчину сделать вывод, что они одинаково применялись во все века (Колчин 1959: 58—59). Надо отметить, что, не претер-

пев особых конструктивных изменений, подобный тип ножиц дожил до сих пор и применяется при стрижке овец.

К группе женских инструментов можно отнести найденные в захоронениях шилья (№ 133, 134, 162, 166; табл. XXXI — 5, 26; XXXVII — 19; XLIX — 17) и пряслица (№ 42, 46, 197/2, 208, С-8 и Т-46; табл. XCV — 17; XCVII — Б: 5; CX — 15; CXI — 13; CXXV — 3; CXXXIV).

Ледоходный шип

В составе инвентаря разрушенного погребения из кургана № 68 был найден железный шип (табл. CXII — 18). По принятой типологии он относится к группе пластинчатых с подножкой (Недошивина 1963-а: 53—54). Большинство исследователей склонно считать, что эти шипы использовали при хождении как людей, так и лошадей по скользкой поверхности (Розенфельт 1960: 276—278; Недошивина 1963-а: 54). Подобные железные шипы являются общеевропейским изобретением начала I тыс. н. э. Встречаются они и в погребениях, в частности в могильниках Бирка, Гнездово, Шестовицы, Тимерево и других (Недошивина 1963-а: 54).

Торговый и сельскохозяйственный инвентарь

В коллекцию торгового инвентаря входят гирьки для мелких взвешиваний и обломки весов. Всего в Залахтовье найдена 21 гирька. Из них 14 экземпляров встречены в восьми погребениях (№ 120, 125, 131, 134, 135, 162а, К-22),⁶ а еще 7 экземпляров происходят из грунтовой ямки № 68 на площади грунтового могильника, не содержащей остатков захоронения. По форме они делятся на сферические (14 экз.; табл. XIX — 23; XXIV — Б: 4; XXX — 9, 10; XXXIII — 11, 12, 14; XXXVI — 4; L — 1—3, 19, 20; CXXI — 13), уплощенно цилиндрические (2 экз.; табл. XXXI — 23; L — 4), четырнадцатигранные (4 экз.; табл. XXXIII — 6, 7, 8; XXXVI — 6), и в одном случае гирька имела усеченноконическую форму, напоминающую головку многогранной фибулы (табл. L — 17). Сферические гирьки сделаны из железа и покрыты сверху медной оболочкой, четырнадцатигранные — из медного сплава. На плоских поверхностях сферических гирек и на квадратных гранях четырнадцатигранных выбиты знаки (кружочки и фигурные линии), иногда по краю проходит кружковый бордюр. На двух сферических гирьках имелись «зарубки» (табл. XXXIII — 11, 14). Возможно, эти гирьки превышали необходимый вес, и таким образом он был уменьшен. В погребальном комплексе № 131 наряду с гирьками встречены остатки бронзового складного коромысла от весов и фрагменты края их чашечек (табл. XXX — 1, 2, 8). На территории Руси и Северной Европы гирьки и весы в захоронениях появляются с середины X в. (Янин 1956: 140; Недошивина 1963: 71; Кочкуркина 1973: 50).

⁶ Все гирьки найдены в погребениях, совершенных по обряду кремации. Исключение представляет лишь курган № 22 из раскопок К. В. Кудряшова, однако не понятно, относилась ли гирька в данном случае к основному погребению.

Весы и гири в целом широко представлены в погребальных памятниках Балтийского региона (Волкайте-Куликаускене 1966: 216—222; Мугуревич 1965: 31). Р. Волкайте-Куликаускене считает, что «погребения, в инвентарь которых входят весы или гири, следует считать погребениями торговцев». По ее наблюдениям, в Литве гири и весы находятся только в очень богатых захоронениях, а поэтому она полагает, что торговля находилась в руках местной знати (Волкайте-Куликаускене 1966: 217 — 218). В свою очередь Э. Шноре отмечала, что «в некоторых латгальских могильниках обнаружены погребения торговцев. Самым характерным признаком этих погребений являются денежные весы с гирями» (Асотское городище 1961: 125). Достаточно полная сводка находок гирек и весов по территории Восточной Европы, приведенная в работе О. И. Давидан (1987: 119—126), показывает, что торговый инвентарь в основном встречается в дружинных захоронениях вместе с предметами вооружения или скандинавскими вещами, а также в культурных напластованиях торгово-ремесленных центров IX—X вв. В связи с этим О. И. Давидан полагает, что «в появлении весовых гирек на территории нашей страны определенную роль сыграли скандинавы, принимавшие активное участие в торговле с Востоком» (Давидан 1987: 123). Из залахтовских погребений, где были найдены гири, по особенностям состава сопровождающего инвентаря выделяется лишь захоронение № 131 с мечом и всадническим набором. Не случайно, видимо, здесь найдены и остатки весов — прибора, несомненно, ценного и дорогого. Остальные погребения по характеру и составу инвентаря были достаточно обычны для данного памятника. Залахтове отнюдь не дружинный некрополь, однако само наличие гирек и весов в отдельных захоронениях свидетельствует, что ряд членов этой сельской общины занимался торговлей. И хотя Залахтове географически расположено вдали от магистральных торговых путей Восточной Европы, тем не менее Чудское озеро и вытекающая из него р. Нарва непосредственно соединяли жителей Залахтовы с Финским заливом, а следовательно, и в целом с Балтийским регионом.

Косы, серпы, мотыги

Косы входили, как правило, в состав мужского погребального инвентаря, но редко и женского (№ 247, К-16). Они зафиксированы как в погребениях по обряду сожжения (№ 131), так и в захоронениях по обряду труположения (№ 6, 18, 42, 88, 178, 180, 181, К-16, С-6). Обычно погребение сопровождала одна коса, но в кургане № 18 находились две косы, расположенные в ногах умершего симметрично друг другу. Все залахтовские косы относятся к типу так называемых новгородских кос-горбуш (типа табл. XXIX — 13; LIII — В:10; LXXIII — 15; LXXV — 6 и др.), распространенных у разных групп населения в лесной зоне Восточной Европы (Левашева 1956: 89—90; Чернецов, Куза, Кирьянова 1985: 225, табл. 86 — 1, 7—15).

В свою очередь, серпы входили в состав инвентаря только женских захоронений (№ 208, К-17; табл. ХСVII — Б: 2; СХVIII — 17). По характеру изгиба они могут быть отнесены к северной новгородской группе изделий (Левашева 1956: 70, рис. 15; Чернецов, Куза, Кирьянова 1985: 224—225, табл. 87 — 1—6).

В составе инвентаря погребения по обряду кремации зафиксирован серповидный нож, по форме напоминающий серпы раннего железного века, у которых черешок прямо продолжал направление прилежащей части лезвия (Смирнов 1974: 40). Однако в отличие от более ранних образцов серповидный нож из Залахтовья на конце черешка имел пятку (табл. XXXIX — 17). Часть серповидного ножа сохранилась еще в одном женском погребении — № 229 (табл. CI — 22).

Наряду с серпом в погребении № 208 была найдена мотыга (табл. ХСVII — Б:1). В литературе отмечалось, что древние мотыги по своей форме мало чем отличались от проушных тесел (Чернецов, Куза, Кирьянова 1985: 224). Поскольку тесла ни разу не были найдены в женских захоронениях, так как обработка дерева была сферой деятельности мужчин, мы в праве интерпретировать данное орудие, лежащее в погребении на серпе, как мотыгу. К группе мотыг, видимо, следует отнести орудия из курганов № Т-20 и Т-23 (табл. СХХIX).

Сельскохозяйственный инвентарь, в частности серпы и косы, встречаются в погребальных памятниках Эстонии (Selirand 1974: 94—96, tahv. V — 9, 10). На территории Северо-Запада Новгородской земли они были наиболее характерны для курганов Ижорского плато и только в редких случаях фиксировались в могильниках Северо-Восточного Причудья (Рябинин 1974 : 23—24; Хвошинская 1981: 37).

Орудия рыбной ловли

Гарпуны

В погребениях № 2, 19 и 137 встречены железные одношипные орудия (длиной 12 и 14 см) с округлым сечением черенка (табл. IX — 7; XLIV — 5; LXV — 10). В литературе они обычно рассматриваются вместе с так называемыми одношипными орудиями с ножевидным острием и относительно их функционального назначения существует два мнения. Одни исследователи традиционно рассматривают эти орудия как гарпуны или части составных острог (Мальм 1956: 118, 120; Колчин 1959: 77—78; Розенфельд 1960: 276—277), другие — в качестве наконечников копий (Кустин 1967: 180; Lehtosalo-Hilander 1982: 36; Артемьев 1991: 184—187; Рябинин 2001: 45—46). А. Р. Артемьевым была проведена первичная классификация одношипных орудий, но ни к одной из групп, выделенных им, наши маленькие орудия прямым образом не относятся. Очевидно, эти небольшие одношипные орудия являлись гарпунами или частями составной остроги, реконструкция которых представлена в работе Р. Л. Розенфельда. В кургане № Т-35 зафиксировано втульчатое одношипное орудие (табл. СХХХ).

Блесна

Среди погребального инвентаря домика мертвых (№ 162а) найдена блесна — овальная из металлического сплава пластина, переходящая с одной стороны в загнутый крючок (табл. XXXVI — 21). Подобное приспособление использовалось для ловли хищной рыбы (Мальм 1956: 118, рис. 4 — 8; Чернецов, Куза, Кирьянова 1985: 228).

Прочие металлические предметы

К предметам неясного назначения относится согнутая узкая железная пластина (№ К-18/2; табл. СХІХ — 40), железная ложка с деревянной рукоятью (№ 245; табл. СV — 28), острие в древке (№ К-17; табл. СХVІІІ — 12), железные крюки (№ 121, С-1; табл. ХХІ — 14; СХХІІ — 11). Особо остановимся на железных лопаточках с изогнутой ручкой, зафиксированных в двух женских погребениях (№ 208, К-16; табл. ХСVІІ — 6; СХVІІ — 13). По мнению Б. А. Колчина, такие орудия являлись стругом для строгания и выравнивания кости (Колчин 1959: 68, рис. 54). В свою очередь О. А. Макушников интерпретирует их как медо-резки, ссылаясь на этнографические параллели и находки в радимических курганах X—XII вв. (Макушников 2002: 167, рис. 4 — 4, 5).

Во многих погребениях, как по обряду сожжения, так и по обряду трупоположения, были найдены железные гвозди и заклепки (типа табл. ХІХ — 26—28; ХХІ — 4, 18; ХХХІІІ — 15—24 и др.). В трех случаях (№ 178, 181, 229) они располагались по краям погребений, и можно предполагать, что здесь они относились к ящикам-гробовищам. Кроме того, в двух захоронениях (№ 103, 166) зафиксированы многочисленные скопления заклепок разной величины. Причем в погребении № 103, наряду с обычными прямыми заклепками, встречены заклепки дугообразной формы, которые, с одной стороны, могли использоваться как ушки, а с другой стороны, в качестве угловых крепежей деревянного короба (табл. ХLVІІ — 13). По всей видимости, перед нами остатки ларцов, поставленных в погребения. В сооружении № 166 все заклепки были прокалены, то есть ларец был сожжен вместе с умершим на погребальном костре.

Керамика

Из залахтовских погребений происходит значительная коллекция керамического материала, которая, несомненно, требует специального анализа. Мы дадим лишь общую характеристику данного керамического комплекса.

Лепная керамика

В захоронениях по обряду кремации керамика была представлена исключительно в обломках лепными сосудами различных форм. Только в погребении № 5 был зафиксирован целый горшок, покрывавший сверху остатки кремации. В то же время, имеется еще 11 целых форм лепных сосудов, которые сопровождали захоронения по обряду ингумации (№ 9, 14, 19, 20, 101, 103, 137, 189, 195, 229 и 18 — с погребением на горизонте земли). Всю коллекцию лепной посуды Залахтовья можно разделить на четыре основные группы: *миски, мисковидные сосуды, слабопрофилированные сосуды, миниатюрные сосуды.*

Округлобokie миски сделаны из плотного теста с примесью песка. Поверхность заглажена или подлощена, дно округлое. По характеру изгиба венчика делятся на два варианта. К первому варианту относятся чаши с прямым слабо изогнутым венчиком, невыраженными или слабо выраженными плечиками, то есть миски открытого типа (табл. ХІV — 9; ХVІ — 26; ХХVІІ — Б; L — 28 и др.). В свою очередь, второй вариант представлен мисками, у которых венчик

несколько вогнут внутрь, соответственно круглые плечи более выражены. Их можно охарактеризовать как миски закрытого типа (табл. X — 13; XVII — 10; XXXI — 1; XXXVIII — Б: 3 и др.). У миски из погребального сооружения № 130 при переходе от венчика к тулову намечается ребро (табл. XXVII — Б). Лишь в двух случаях миски были орнаментированы прочерченными прямыми линиями (№ 120 и 133). Среди лепных мисок особо выделяется сосуд, сопровождавший вместе с гончарным сосудом захоронение на горизонте земли в кургане № 18 (табл. СІХ — 15). Судя по форме наконечника копья (тип IV-а по А. Н. Кирпичникову) и облику гончарного сосуда, данное погребение может быть датировано не ранее второй половины XII в., то есть временем, когда лепная керамика уже вышла из употребления у жителей Залахтовья. Миска, видимо, была специально сделана для погребения и отличалась от ранних мисок резким переходом от венчика к тулову, особой выпуклостью плечиков и тулова, а также уплощенностью дна.

В целом округлобокие миски широко представлены в памятниках Юго-Восточной Эстонии и на некоторых поселениях района Пскова (Аун 1992: 48, 49, рис. 16 — 4, 9, 10; Белецкий 1977: 92, 1983: 52; Седов 1978: 66). Согласно типологии М. Э. Аун, это вторая группа сосудов, тип 4 (Аун 1992: 49).

Мисковидные сосуды зафиксированы в двух погребениях (№ 5 и 103). Они отличались от мисок более грубым тестом с примесью дресвы, имели расширяющуюся от днища кверху приземистую форму. Высота их составляет около 2/3 ширины (табл. VIII — 13; XLVII — Б: 16). Туловище сосудов выпуклое, наибольший диаметр приходится на плечевую часть. Венчик сосудов прямой, несколько вогнут внутрь. Переход от стенок к днищу плавный. Поверхность сосудов заглажена. Подобные горшки также были широко представлены в керамической коллекции Юго-Восточной Эстонии (Аун 1992: 48—49).

Среди керамики Залахтовья значительную группу сосудов составляют *слабопрофилированные приземистые сосуды*. Они представлены как многочисленными обломками из погребений по обряду трупосожжения (№ 5, 6, 17, 125 и др.), так и целыми формами из грунтовых ингумаций (№ 14, 19, 20) и отдельных курганов (№ 101, 124, 137, 189, 195, 229). Они были изготовлены из грубого теста с примесью дресвы. На плоском дне наблюдается подсыпка из песка. Верхняя часть имела слабовыраженную шейку. Венчик прямой, несколько отогнут наружу. Ширина сосудов всегда превышает высоту (типа табл. VIII — 14, 23, 24; XXIV — Б: 1; XLIII — 13; XLIV — 7 и др.). Большинство сосудов имело практически прямые стенки и форму, близкую к банкообразной, так как диаметр днища у них приближается к диаметру венчика. В то же время, у некоторых сосудов тулово более выражено и сужается ко дну, то есть диаметр дна значительно меньше диаметра венчика (например, № 101 и 189; табл. LVII — В: 9; LXXXV — В: 7). У отдельных горшков при переходе от днища к тулову имеется уступчик (№ 14, 20, 125; табл. XXIV — Б: 1; XLIII — 13; XLV — 10). По форме и технологии изготовления они находят себе аналогии с баночными сосудами, широко представленными в районах Юго-Восточной Эстонии и на сопредельных территориях, прилегающих с юга к Псковскому озеру (Седов 2002: 40—42).

Практически вся лепная керамика неорнаментирована. Исключение представляют лишь три сосуда. Один из них в месте перехода шейки к тулову был орнаментирован редкими насечками (№ 20), другой — под венчиком вдавленными

(№ 189), а у третьего вся поверхность была украшена ногтевыми зашипами (№ 228; табл. ХLI — 16). По форме он также может быть отнесен к слабо профилированной приземистой посуде, но был изготовлен из более качественного плотного теста. Этот тип так называемой зашипной керамики встречается в каменных могильниках и на поселениях Юго-Восточной Эстонии (Аун 1992: 47—48), известен на позднедьядковских городищах (Розенфельд 1974: 149—150) и в курганах гауявских ливов (Tõnisson 1974: tab. XXXI). В свою очередь И. Р. Цимермане считает, что «зашипную керамику можно считать характерной для областей, заселенных балтами» (Цимермане 1980: 73). Одним словом, она была распространена во второй половине I тыс. н. э. у балтских и финских народов лесной зоны Восточной Европы и сохранялась в отдельных случаях вплоть до начала II тыс. н. э. (LA 1974: tab. 74 — 2; Tõnisson 1974: Tab. XXXI).

К последней группе относятся миниатюрные сосудики из погребений № 17 и 122 (табл. XIV — 11; XXIII — 20). Один из них сохранился полностью, а от другого осталась только придонная часть. Целый сосудик представлял собой толстостенную стопочку с прямыми стенками, чуть сужающимися к венчику, и был изготовлен из одного куска глины.

В целом, оценивая комплекс лепной керамики из могильника Залахтовья, можно отметить, что ближайшей аналогией ему является керамический комплекс, представленный на памятниках второй половины I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Эстонии. В литературу он вошел под названием керамики «рыугеского типа» (Аун 1976: 343—361; 1992: 41—51). Залахтовская керамика похожа на керамику Юго-Восточной Эстонии не только по формам горшков и мисок, но и по составу глиняного теста и обработке поверхности (заглаживание, лощение). Единственным отличием является отсутствие на лепной керамике Залахтовья маленьких отверстий на шейке сосудов, так характерных для рыугеских горшков.

Гончарная керамика

Если грунтовые захоронения с погребениями по обряду труположения сопровождалась исключительно лепными сосудами, то в период распространения курганного обряда происходит смена керамического комплекса. Лепная керамика уступает место гончарной. Гончарная посуда представлена в погребениях исключительно кухонными горшками, на многих из них фиксировались следы нагара. Судя по гумусированному заполнению некоторых сосудов, видимо, в них была помещена пища. Так, например, на дне одного из сосудов были найдены мелкие птичьи кости. Горшки были изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью песка. Практически все сосуды имели средние размеры и приземистую форму. Ширина их значительно превышала высоту. Только в двух случаях (№ 88, 175) встречены горшки более вытянутой формы и стройных пропорций (их высота была почти равна ширине; табл. LIV — В; LXVIII — В).

Среди залахтовской посуды преобладали горшки эсовидной профилировки с плавными очертаниями плечиков. По характеру оформления венчиков эти сосуды можно разделить на две основные группы. К первой группе относятся сосуды с плавно отогнутым наружу венчиком, край которого был ровно срезан под косым углом (№ 46, 47, 50, 69, 181, К-18/2, К-20; типа табл. LXXVI — В; СХII — 1; СХIII — 1; СХIX — 37 и др.). В отдельных случаях край венчика

утолщается (№ 69; табл. LI — В) или утоньшается (№ 46; табл. CXI — 14). Шейка сосудов плавно переходит в плечо с разной степенью выпуклости. К этой же группе керамики близок сосуд из кургана № 175 (табл. LXVIII — В), у которого слабо отогнутый короткий венчик имел гранчатую форму. Вторая группа представлена многочисленной серией сосудов, у которых в оформлении края венчика прослеживались различного рода оттяжки вверх и желобок на внутренней стороне (№ 88, 96, 102, 136/2—3, 176, 183—186, 197/1, 207, 236, 247, 46, 17, К-18/1, К-21, С-2; типа табл. LV — В; LVIII — В; LXX — В; LXXVIII — В; LXXIX — 14 и др.).

Помимо сосудов с эвидным профилем, в Залахтове зафиксирована небольшая серия горшков с практически вертикальным венчиком, короткой шейкой, резко переходящей в тулово, и ярко выраженными плечиками (№ 6, 7, 10, 18, 136/1, 196, 208; типа табл. CVII — 1, 9, 13; CIX — 14 и др.). По краю венчиков имеются оттяжки и желобки по срезу, направленному косо внутрь. К этой же группе можно отнести сосуды из курганов № 188 и С-9, отличающиеся некоторой индивидуальностью (табл. LXXXIII — 27; CXXIV — 16).

На дне четырех горшков имелись клейма (№ 47, 136/3, 197/2, К-18/2) в виде двух концентрических кругов, соединенных лучами (табл. LXIII — Б: 20; XCIII — Г: 1; CXIX — 37), или креста, вписанного в круг (табл. CXIII — 1). Все гончарные сосуды, кроме одного (№ 18), были украшены различными вариантами линейно-волнистого орнамента. Сосуд из кургана № 188 (табл. LXXXIII — 27) выделялся более пышным декором. Многорядной волной была украшена не только верхняя часть тулова, но и венчик, а при переходе шейки к тулову проходила линия наколов. Наколами также был орнаментирован один из сосудов из кургана № К-20 (табл. CXX — 27).

Ткани и одежда

В залахтовских погребениях сохранилось значительное число кусочков тканей от различных частей одежды. Этому способствовало большое количество бронзовых украшений в некоторых погребениях, а также то, что сами ткани были расшиты бронзовыми узорами. Окислы бронзы предохранили ткани от полного исчезновения. Фрагменты тканей, встреченные в дореволюционных раскопках, были частично рассмотрены в работе М. Н. Левинсон-Нечаевой (Левинсон-Нечаева 1959: 16). Среди коллекции залахтовских тканей, насчитывающей более 100 фрагментов, можно выделить несколько разновидностей по их технологическим характеристикам:

1. Шерстяная ткань, выполненная в технике полотняного плетения (1/1), основа и уток из двух нитей, каждая из которых выпрядена вправо, а затем вместе скручены влево (ZwS), плотность на 1 кв. см: 4 нити основы на 4 нити утка (подъемный материал, 1 экз., рис. 39 — 1).⁷

⁷ Я благодарна А. Э. Зарине, которая на первых порах помогла мне и научила квалифицированному техническому анализу древних тканей. При определении пряжи я пользуюсь общепринятыми обозначениями: Z — правое направление крутки нити, S — левое направление крутки нити, ZwS — означает, что нить скручена влево из двух отдельных нитей, в свою очередь скрученных вправо, SwZ — наоборот.

2. Шерстяная ткань полотняного плетения (2/2), нити основы и утка состояли из двойных нитей, выпряденных влево, а затем скрученных вместе вправо (SwZ), плотность на 1 кв. см: 5 нитей основы на 5 нитей утка (подъемный материал, 1 экз., рис. 39 — 2).

3. Толстые грубые шерстяные ткани саржевого плетения (2/2) с диагональным рубчиком (рис. 39 — 3), сотканые в четыре ремизки с мешкообразной кромкой, в 1 кв. см ткани 10 нитей основы и 7—8 нитей утка, то есть нити основы несколько толще нитей утка, что обычно для тканей такого рода; нити основы выпрядены из двух нитей ZwS, уток состоял из одной нити, выпряденной в направлении S. Подобная ткань использовалась для мужских верхних рубаш и накидок, часто сильно сваленная (более 40 фрагментов, в частности куски из курганов № 186, 187, 208).

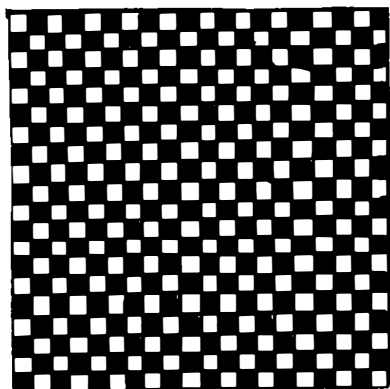
4. Толстые шерстяные ткани саржевого плетения (2/2) с диагональным рубчиком (рис. 39 — 3), сотканые в четыре ремизки с мешкообразной кромкой, в 1 кв. см 6 нитей основы на 5 нитей утка; нити основы выпрядены в направлении S, нити утка — Z. Эта техническая характеристика, прежде всего, относится к многочисленным фрагментам от верхней мужской рубашки из кургана № 186.

5. Тонкие шерстяные ткани саржевого плетения (2/2) в «елочку» (так называемая ломаная саржа) (рис. 39 — 4), сотканые в четыре ремизки с мешкообразной округлой кромкой и с кромкой в рубчик; нити основы — ZwS, нити утка — Z. Плотность тканей несколько различная: на 1 кв. см 10 нитей основы на 7—8 нитей утка (куски наплечной накладки из подъемного материала), 11—12 нитей основы на 9—10 нитей утка (фрагменты обмоток ног из курганов № 96, 207), и совсем тонкая ткань, где 14 нитей основы приходилось на 10 нитей утка (фрагменты головного покрывала из кургана № 208). Всего свыше 60 фрагментов.

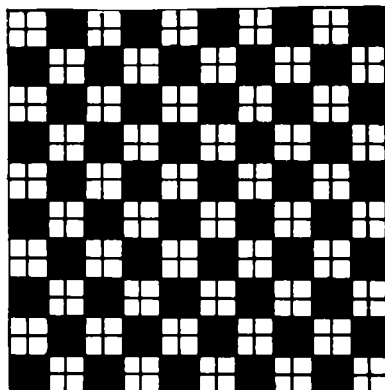
6. Обрывки отдельных тесемок и поясов, сотканых с помощью дощечек (рис. 40 — 1). При тканье дощечки устанавливались так, чтобы нити при закручивании были направлены в противоположные стороны и получался рисунок в виде двойной елочки, через крайние дощечки пропускали по четыре нити, а через центральные — по две. Тесемки, закрепляющие на ноге онучи, имели обычно ширину 0,8 см. Иногда к их краю пришивался шнурок с бронзовыми спиральками. В той же технике сотканы пояса. Особенно хорошо сохранился кусок тканого пояса в женском погребении № 208 шириной 2,7 см, на который был подвешен нож в ножнах.

7. Бронзовые спиральки нанизывались на круглые шнурки, сплетенные из 10 нитей ZwS, кроме того встречаются обычные шнурочки из шести нитей, также скрученные из двойных нитей ZwS.

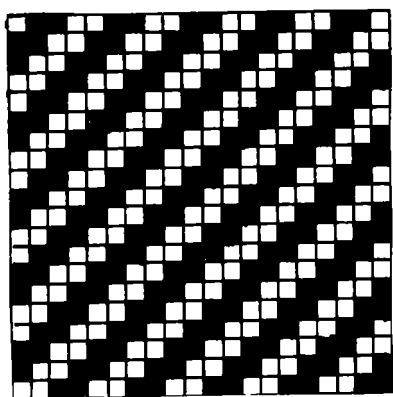
Подробнее остановимся на оформлении краев некоторых изделий. Так, из подъемного материала происходит полностью сохранившаяся часть обмоток ног: общая ширина полотнища 16,5 см, боковые кромки округлые мешковидные, начальная кромка-рубчик пришита к кайме. Кайма шириной 8 мм соткана на шести дощечках. Крайние ряды каймы (два с одной стороны и один с другой) были сотканы из четырех нитей красного цвета, а внутренние три ряда — из двух синих (?) нитей, пропущенных через два диагональных отверстия в дощечках. В кургане № 207 обмотки имели бескромочное окончание, к которому была пришита кайма, сотканная на восьми дощечках (крайние из четырех нитей). Иногда к краям обмоток ног пришивались косички, сплетенные из пяти нитей

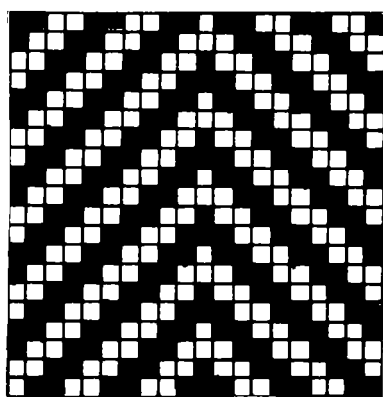
1

2

3

4

Рис. 39. Типы полотняного и саржевого плетения тканей

с направлением крутки Z (рис. 40 — 2). У края накидки из подъемного материала пяти основы были собраны в пряди по восемь нитей, сплетены в косички и затканы каймой. Подобным образом был оформлен край мужской рубахи из кургана № 186 (рис. 41).

В целом по технологическим особенностям и приемам изготовления ткани из Залахтовья относятся к широкому кругу европейских текстильных изделий (Нахлик 1963: 228—312; Ефимова 1966: 127—134; Geijer 1938; Hald 1980; Zariņa 1970; 1988 и др.). В то же время у разных народов были свои особенности в украшениях одежды. Это в полной мере касается прибалтийско-финских народов. Так, крупнейший специалист в области изучения древней одежды и тканей А. Э. Зарина отмечала, что «одежда, а также и украшения латгалок отличаются своеобразием, не позволяющим смешивать их с одеждой и украшениями родственных латышских племен, тем более племен ливских, эстонских или восточнославянских» (Нукшинский могильник 1957: 36).

Как мы отмечали, большинство сохранившихся фрагментов тканей из залахтовских захоронений были расшиты бронзовыми орнаментами (рис. 42). Сами бронзовые элементы этого декора, орнаментальные геометрические мотивы, а также способ крепления бронзовых полос достаточно определенно характеризуют этническую принадлежность обитателей Залахтовья XI—XII вв. Бронзо-

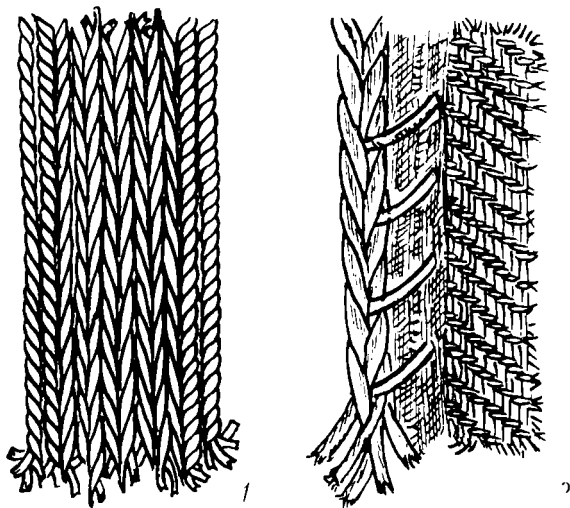

Рис. 40. Виды плетения:

1 — тесьма, плетенная на дощечках; 2 — косичка из пяти нитей, сплетенная вручную и пришитая к мешковидной кромке

выми аппликациями в основном украшались края одежды. В целом традиция украшать одежду мелкими бронзовыми элементами была распространена у многих народов Балтийского региона. Однако техника, в которой были выполнены залахтовские узоры, четко указывает на ее западнофинское происхождение и не имеет ничего общего с техникой орнаментации, характерной для балтских племен. А мотивы этих украшений находят себе прямые аналогии на территории древних эстов и в некоторых случаях в землях ливов.

Подробнее коснемся данного вопроса. У балтских народов на территории Латвии и Литвы формируется определенный принцип в технике украшения одежды мелкими бронзовыми элементами. Наиболее ранняя находка была сделана в области восточной Литвы и датируется IV—V вв. (Lietuviu 1958: 16). В VII—VIII вв. ткани, украшенные бронзой, появляются у латгалов и селов (Zariņa 1970: 66, 67). Чрезвычайно важно, что в среде балтских народов вырабатывается единообразный прием в креплении украшений на одежду. Это либо втыкание мелких бронзовых украшений (колечек, трапециевидных или ромбовидных подвесок), которые составляли единые композиции, непосредственно в ткань или использование бронзовых трубочек и крупных спиралей для окантовки одежды — в этом случае через них проходили нити основы изделия, которые закреплялись каймой, сотканной на дощечках (Зариня 1959: 510—522; 1960: 203—216; Zariņa 1970: 67—98; Volkaite-Kulikauskiene 1970: 130; Urbanavičius 1978: 130—131; Хвошинская 1993: 158—160).

У залахтовцев ткани украшены в совершенно иной традиции, которая была характерна для финских народов: ливов, карел, западных финнов. Мелкие бронзовые спиральки набирались на толстый шерстяной шнурок, образуя геометрические узоры (рис. 42, 43). Оригинальные плетения из шерстяного шнурка позволяли создавать орнаменты самых различных конфигураций (в виде лент, квадратов, крестов, кругов и т. д.) (рис. 44). Подобные украшения иногда использовались как самостоятельные элементы одежды (каттеры — у эстонцев,

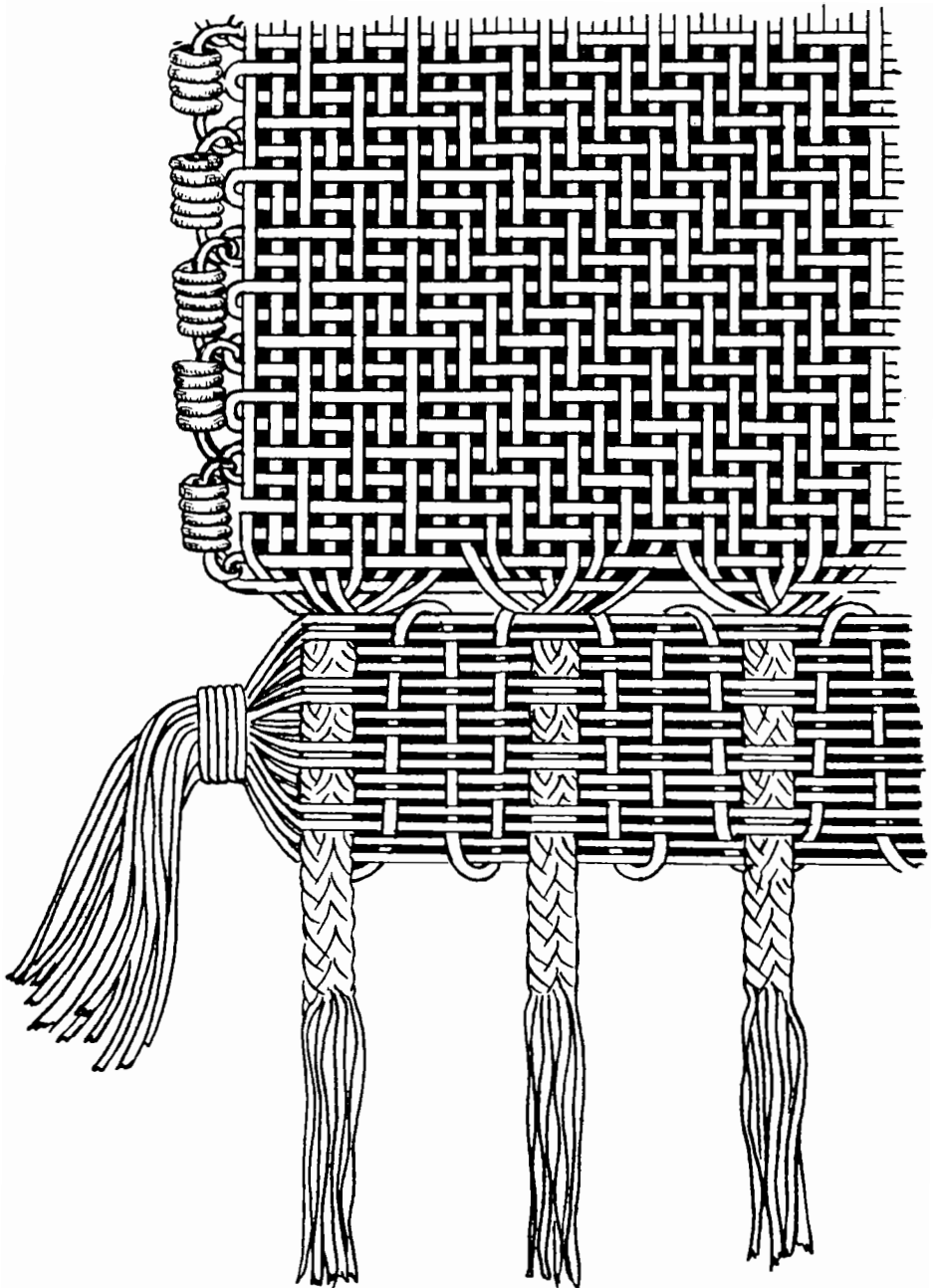

Рис. 41. Схема оформления края мужской рубахи из погребения в кургане № 186

диадемы — у западных финнов), но чаще всего они накладывались на ткань сверху в качестве аппликаций. В этом случае при плетении шнура по краю орнаментальной фигуры оставались петельки, за которые узоры прикреплялись на ткань (или к краю ткани) с помощью маленьких бронзовых колечек. Такая техника узора была характерна для всех западно-финских народов средневековья (Appelgren-Kivalo 1907: kuva II—6, V—VII, X—XII; Schvindt 1893: 40—42; Vahter 1945: 214—216; Hirviluoto 1973: 60—67). В то же время каждая этнографическая группа западно-финского населения имела свою специфику в характере бронзовой орнаментации.

Так, по мнению финских исследователей на территории Финляндии существовали, по крайней мере, три области, несколько отличающиеся в украшении одежды — район Эура (западная Финляндия), район Миккели (восточная Финляндия) и район Карелии (Vahter 1928: 61—70; Lehtosalo-Hilander 1984: 61—62). На карельских находках орнаментальная полоса формировалась путем взаимного чередования спиралек с непокрытым шнуром, обычно из конского волоса, вдвоенного с шерстяной пряжей. В восточной Финляндии узор нанизывался на нити из растительного волокна и, в отличие от карельских орнаментов, спиральки полностью покрывали шнурок, так что даже в местах его пересечения находилась маленькая спиралька. В материалах западной Финляндии, с одной стороны, в технике исполнения орнамента сочетались черты обоих отмеченных районов, с другой стороны, в композиционном решении узоров прослеживались местные особенности — орнамент как бы состоял из ряда отдельных узоров (так называемая клеточная композиция), а по углам изделий располагались веерообразные фигуры.

Особое место среди финских племен Балтийского региона занимают ливы. Их орнаменты на одежде отличались наибольшим разнообразием и богатством (Зариня 1980: 125—131; Загіца 1988: 31—38). Само географическое положение ливов по соседству с балтами предопределило два направления в развитии техники орнаментации тканей: с одной стороны, традиционно финскую, а с другой — заимствованную от балтов (Загіца 1988: 86). К традициям балтских племен восходит использование в ливских украшениях широких профилированных бронзовых колечек, которые втыкались в ткань или нанизывались на нить. Однако ливы не повторяли украшения балтов, а включали колечки, наряду с ливыми оловянными розетками и мелким бисером, для оформления собственных своеобразных композиций. Многообразны и типы узоров, выполненных в традиционной финской технике. Некоторые из них идентичны характеру орнаментов на тканях эстов, а некоторые мотивы узоров на тканях ливов (например, «ветвящаяся свастика») напоминают украшения из карельских могильников.

Следующей группой финнов, декорировавших одежду бронзовыми спиральками, были эсты. Археологически подобная традиция украшения одежды у эстов фиксируется с XI в. Бронзовыми узорами расширялись края накидок, передников, онучей и др. (Laul 1990: 29—43). Основная часть эстонских узоров представляет собой полосы, выполненные из мелких спиралек в виде сетки ромбиков, которые в свою очередь часто используются в сочетании со спиральками больших размеров. Именно эта характерная особенность эстонских орнаментов роднит их с залахтовскими узорами. Так, типы залахтовских орнаментальных композиций находят себе полные аналогии в таких памятниках Эстонии,

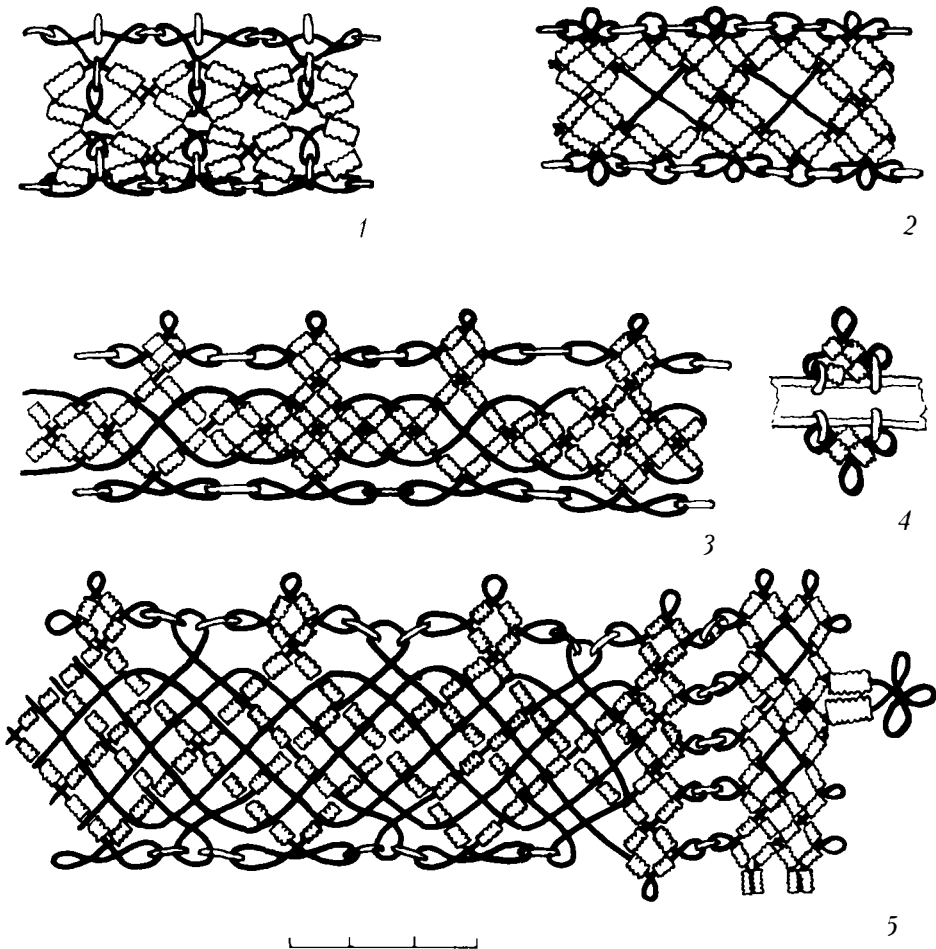

Рис. 42. Типы узоров на тканях:

1, 2 — подъемный материал; 3 — погребение № 197/2 (украшение обмоток ног); 4, 5 — погребение № 197/1 (тесьма и украшение от обмоток ног)

как Каберла, Карья, Лоона, Виира, Кюти и других (Kustin 1958: 51—53, tahv. IV, VI; Selirand 1974: 126—129, tahv. XVIII — 1; Laul 1996: Abb. 4, 7, 8; Mägi 2002: pl. 115 — 7, 120, 137). Отметим, что некоторые орнаменты, обнаруженные на эстонских тканях, до мельчайших деталей повторяют узоры на тканях из могильника Залахтовья. Это мы считаем важным аргументом в определении этнической принадлежности жителей Залахтовья, рассматривая их как переселенцев с западного побережья Чудского озера. В общем же контексте финских культур в той мере, в какой отдельные орнаменты на тканях даугавских ливов (Zariņa 1988: 35—37, 52, tab. VI — 2, 4) схожи с эстонскими находками (в частности, в использовании общих композиций в технике чередования спиралек с непокрытым шнурком подобно карелам — Laul 1990: 34), они близки и залахтовским узорам на тканях. Однако важно замечание А. Э. Зарини, что подобная техника орнаментации у ливов появилась позже, чем у эстов и населения Залахтовья

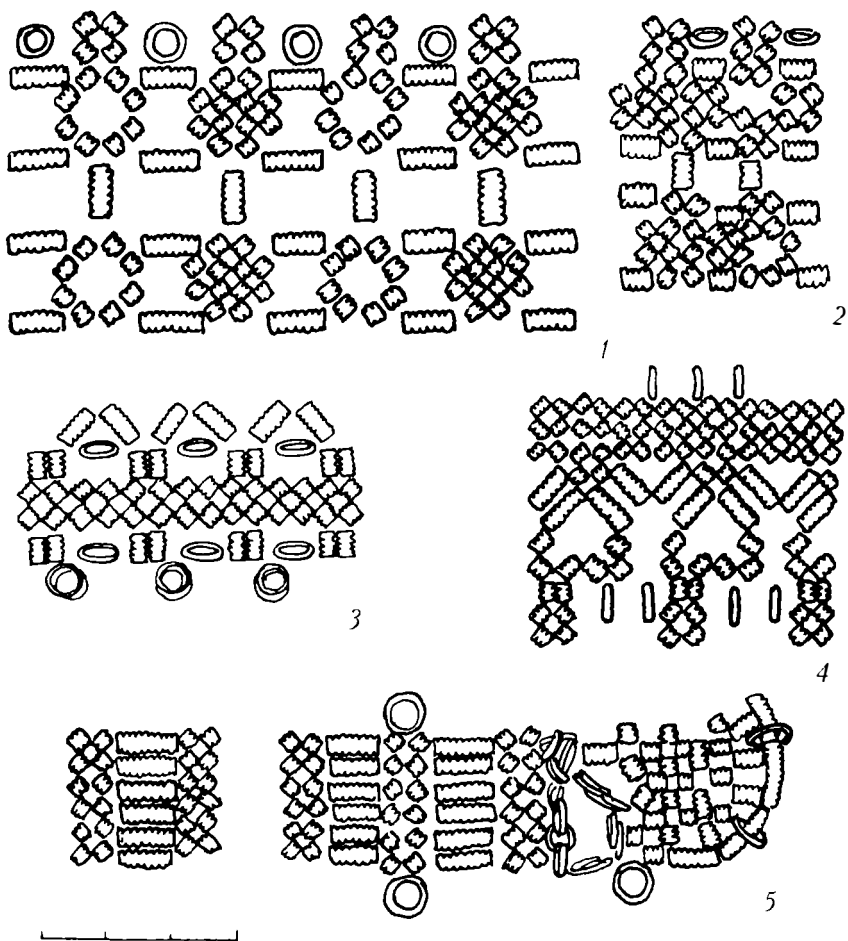

Рис. 43. Типы бронзовых узоров на тканях Залахтовья

1, 2 — погребение № 88; 3 — подъемный материал; 4 — погребение № 178; 5 — погребение № 175

(Зарина 1980: 127). Редкие находки тканей с бронзовыми украшениями в нескольких курганных могильниках Ижорского плато и Северо-Восточного Причудья по характеру, технике и стилю орнаментации восходят к тем же традициям древних эстов, что и залахтовские находки (Спицын 1896: 32, табл. XVI — 15, 16; 1903: 64, 91).

Наряду с небольшими фрагментами тканей, при раскопках отдельных залахтовских захоронений был получен значительный материал, который позволяет подробно рассмотреть и реконструировать детали целого костюма. Наибольший интерес здесь представляет погребение № 186. При расчистке погребения было выявлено два слоя толстых шерстяных тканей, причем нижняя ткань была орнаментирована большим количеством мелких бронзовых спиралек. Именно окислы от этих украшений законсервировали и ткань, на которую они были нашиты, и ткань, которой они были покрыты. Нижний слой шерстяных тканей с украшениями относился к верхней парадной рубаше, а верхний — к накидке.

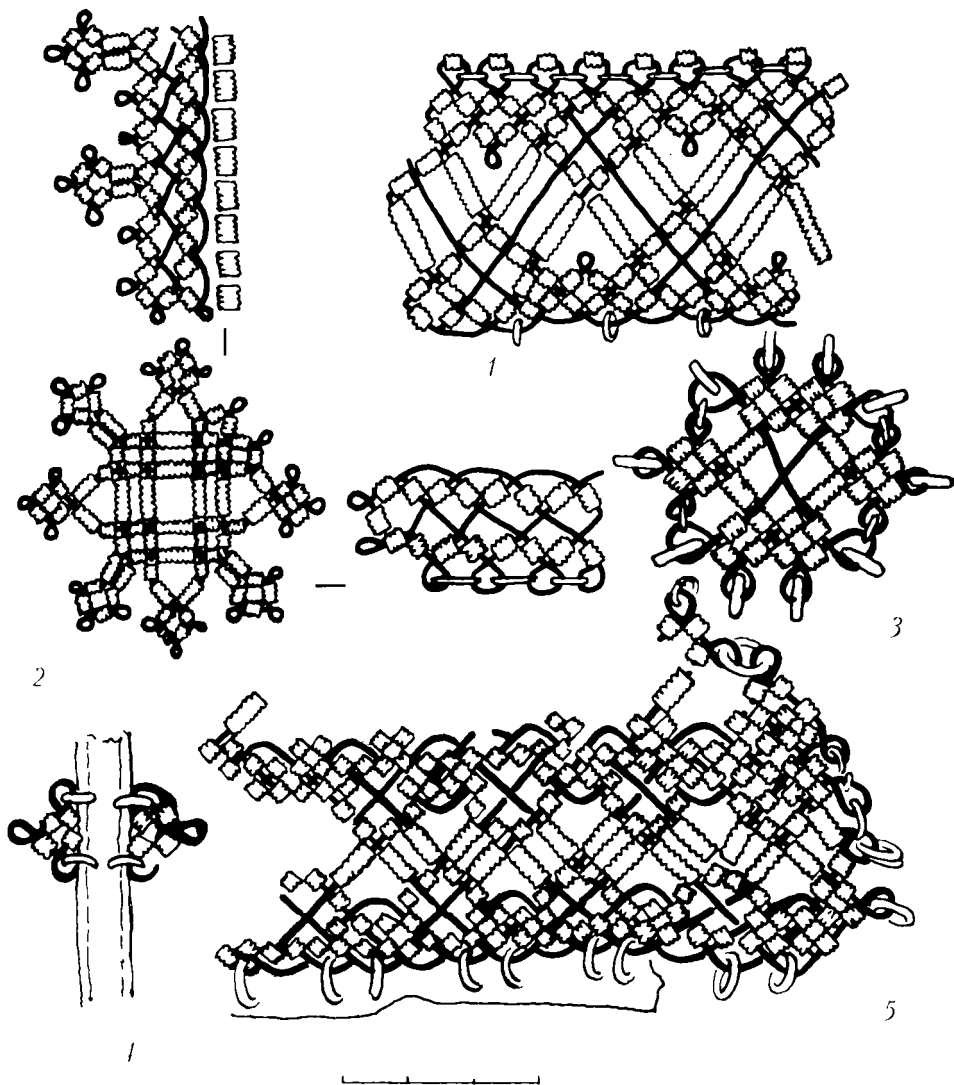

Рис. 44. Типы узоров на тканях

1 - погребение № 208 (украшение обмоток ног); 2 — погребение № 208 (угол передника); 3 — погребение № К-17;
4, 5 — погребение № 96 (тесьма и украшение от обмоток ног)

Обе ткани саржевого плетения в диагональный рубчик. Судя по отдельным сохранившимся деталям, рубаха имела туникообразный покрой. Она была сшита из цельного полотнища, перегнутого по утку пополам, ворот и пазуха вырезаны на сгибе, рукава сшиты из отдельных полотнищ. Ширина рубахи равна ширине полотнища — 75 см, длина — около 85 см, нижний край рубахи находился на 20 см выше колен погребенного. Боковые швы не были зашиты до конца, а поэтому рубаха имела два разреза внизу, по 23 см длиной (рис. 45). Низ рубахи заканчивался каймой, выполненной в технике плетения на дощечках. Утком для каймы служили нити основы ткани, разделенные на связки по восемь нитей

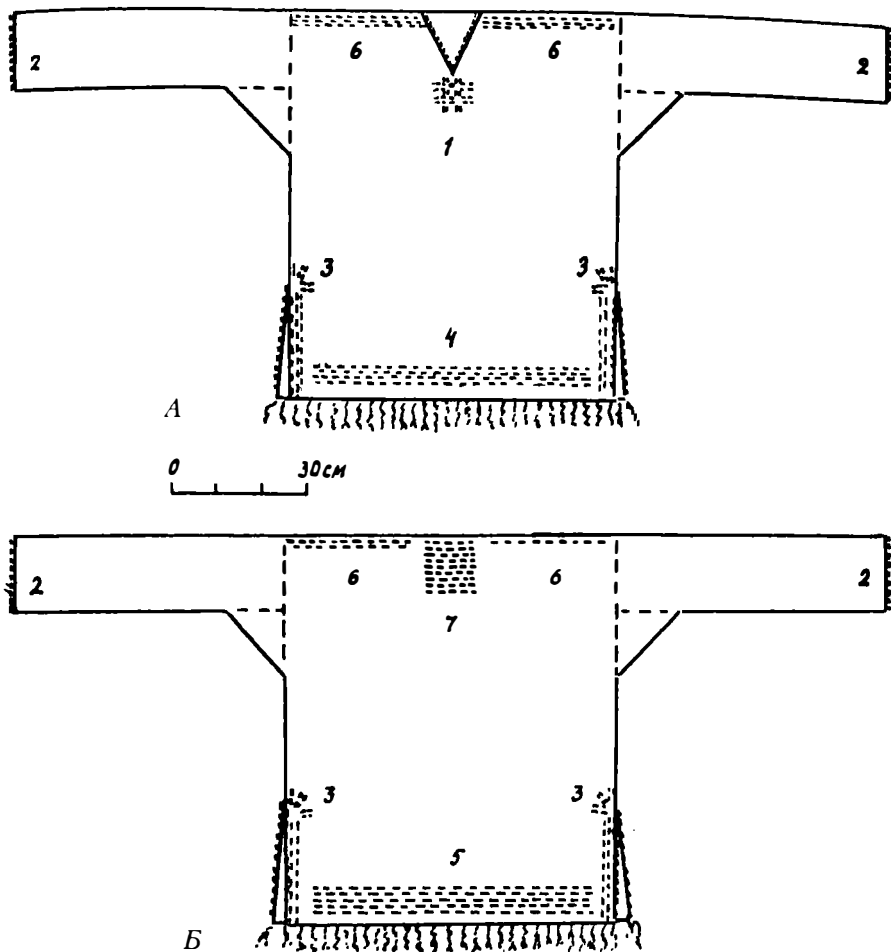

Рис. 45. Покрой мужской рубахи из погребения № 186 и схема расположения на ней орнаментов (цифры на схеме соответствуют цифрам под узорами на рис. 46):

А — вид спереди; *Б* — вид сзади

и сплетенные в косички, которые спускались ниже каймы, образуя бахрому длиной 11 см, а концы их были распущены. Нити основы каймы по краям также были связаны в кисти по 8 см длиной (рис. 41).

Рубаха была богато орнаментирована целым комплексом украшений из бронзовых спиралек (рис. 46). Сплошной полосой в виде ряда ромбов был украшен низ рубахи вдоль каймы, причем полоса на заднем полотнище была несколько шире, чем на переднем, вследствие увеличения числа рядов ромбов. Аналогичные по характеру орнаментации полосы длиной 28 см украшали плечи рубахи. На спине сразу под воротом располагалось квадратное украшение, представлявшее собой также правильную, но более редкую, за счет использования больших по размеру спиралек, сетку ромбов. Под пазухой на груди было прикреплено крестообразное украшение из спиралек, а над боковыми разрезами — округлые по общей конфигурации украшения с двумя ответвлениями вниз вдоль разрезов.

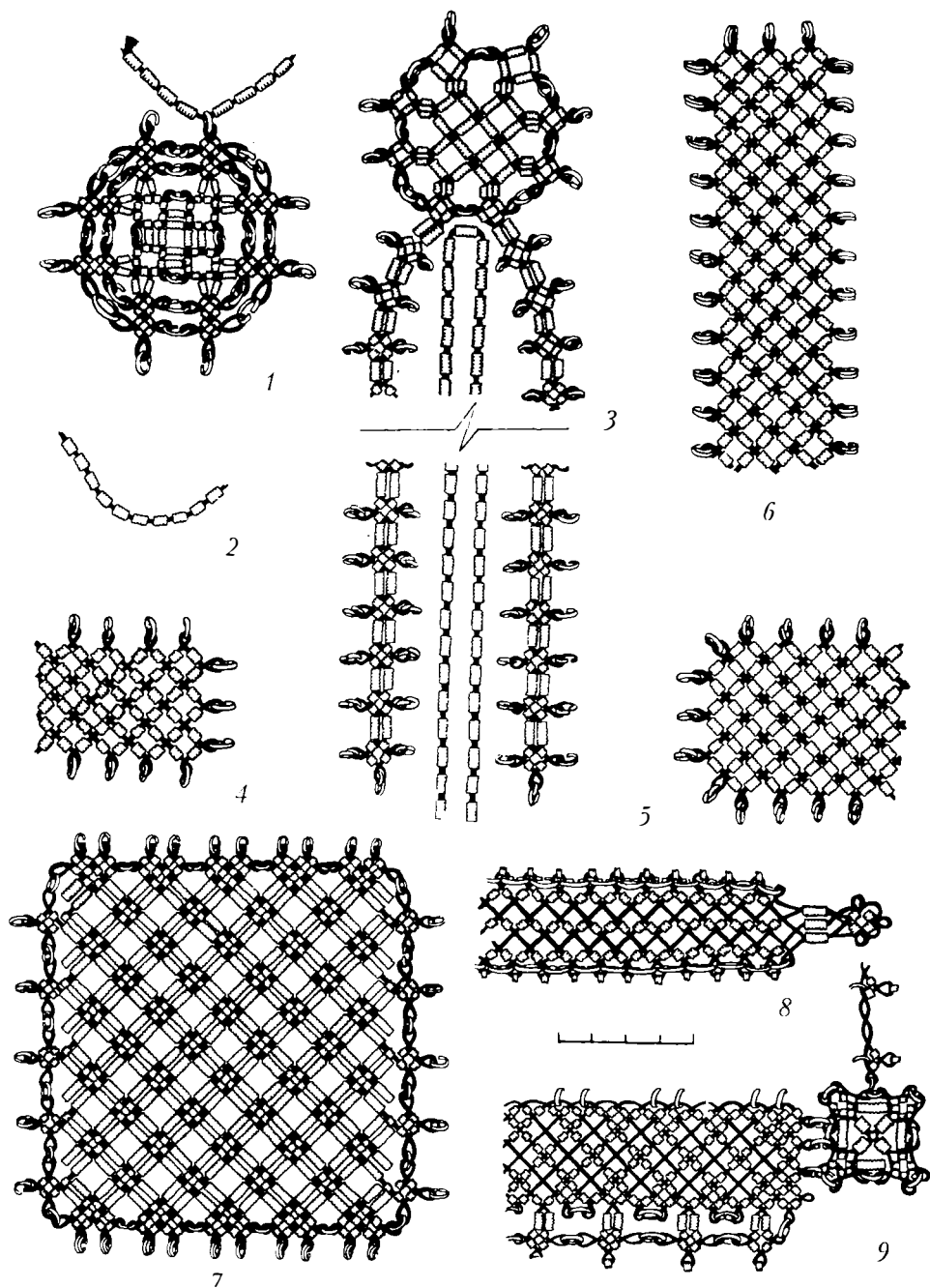

Рис. 46. Типы узоров на тканях из погребения № 186:

1 - 7 — украшения на рубахе (место расположения отдельных узоров на рис. 45 обозначено теми же цифрами); 8, 9 — украшения обмоток ног

Сами разрезы, а также края рукавов и ворот с пазухой были обшиты крупными спиральками. Левый рукав рубахи был сверху стянут бронзовым браслетом. Рубаху носили с поясом, от которого сохранились металлические детали. Это единственный случай в Залахтовье, когда мужская одежда была столь роскошно орнаментирована. Исходя из исследований ткани под микроскопом, рубаха была выкрашена в синий цвет. Несомненно, эффектно на этом фоне выглядели использованные для ее украшения мелкие бронзовые элементы (около 4 тыс. спиралек и колечек), искрившихся золотистым блеском. У других народов Балтийского региона мужская одежда крайне редко расшивалась бронзой. Можно лишь упомянуть погребение мальчика в могильнике Карья на острове Саарема, где глухая суконная одежда, доходившая до колен, по подолу была украшена композицией из наборных спиралек, полностью идентичной некоторым орнаментальным полосам из Залахтовья (Моора 1960: 18).

Поверх рубахи на погребенном находилась накидка. Она сохранилась фрагментарно, однако, судя по расположению кусков тканей, а также по месту нахождения массивной подковообразной фибулы, скреплявшей края накидки на правом боку около таза, можно предполагать, что она покрывала только левое плечо погребенного, а затем по диагонали спускалась вниз и застегивалась на боку под правой рукой, которая оставалась неприкрытой. В залахтовских погребениях это не единственный случай, когда массивная фибула располагалась в районе тазовых костей (рис. 47), но только в данном захоронении документально зафиксировано, что фибула застегивала накидку. Способ же ношения накидки через одно плечо реконструируется у древних викингов. Исследователи полагают, что это было наиболее удобное положение накидки при верховой езде. В иных ситуациях ее можно было носить и по-другому (Viking 1966: 204—205).

Кроме верхней рубахи и накидки, в этом же захоронении были зафиксированы кусочки тканей от обмоток ног, которые имели ширину 14 см и были изготовлены из тонкой шерстяной ткани саржевого плетения зигзагообразным рубчиком. Поперечные края обмоток были орнаментированы геометрическими узорами из спиралек, а к продольным краям с помощью колечек был прикреплен толстый двойной шнурок, загнутый через равные интервалы в петельки с нанизанными на него спиральными пронизками (рис. 46 — 8, 9). На ноге онучи закреплялись тесьмой, сотканной на дощечках. Украшения от обмоток ног — наиболее часто встречаемое украшение в мужских захоронениях залахтовского могильника. Таким образом, на основании погребения № 186 восстанавливается покррой верхней шерстяной рубахи, накидки и онучей (рис. 48). К сожалению, нет никаких данных о покрое нижней нательной рубахи и штанов, а также о характере головного убора, если он был. В других мужских захоронениях могильника ткани встречаются крайне редко. Чаще всего это были ткани от обмоток ног, поскольку они, как правило, орнаментировались украшениями из бронзы, что способствовало их консервации. Обычно же от одежды сохранялись только металлические элементы. Можно лишь упомянуть, что в погребении № 165 вместе с бронзовыми частями поясного набора сохранились фрагменты кожаных штанов, покррой которых реконструировать невозможно.

Среди раскопанных нами женских погребений ни разу не было встречено захоронения со столь значительными кусками тканей от одежды, как в мужском

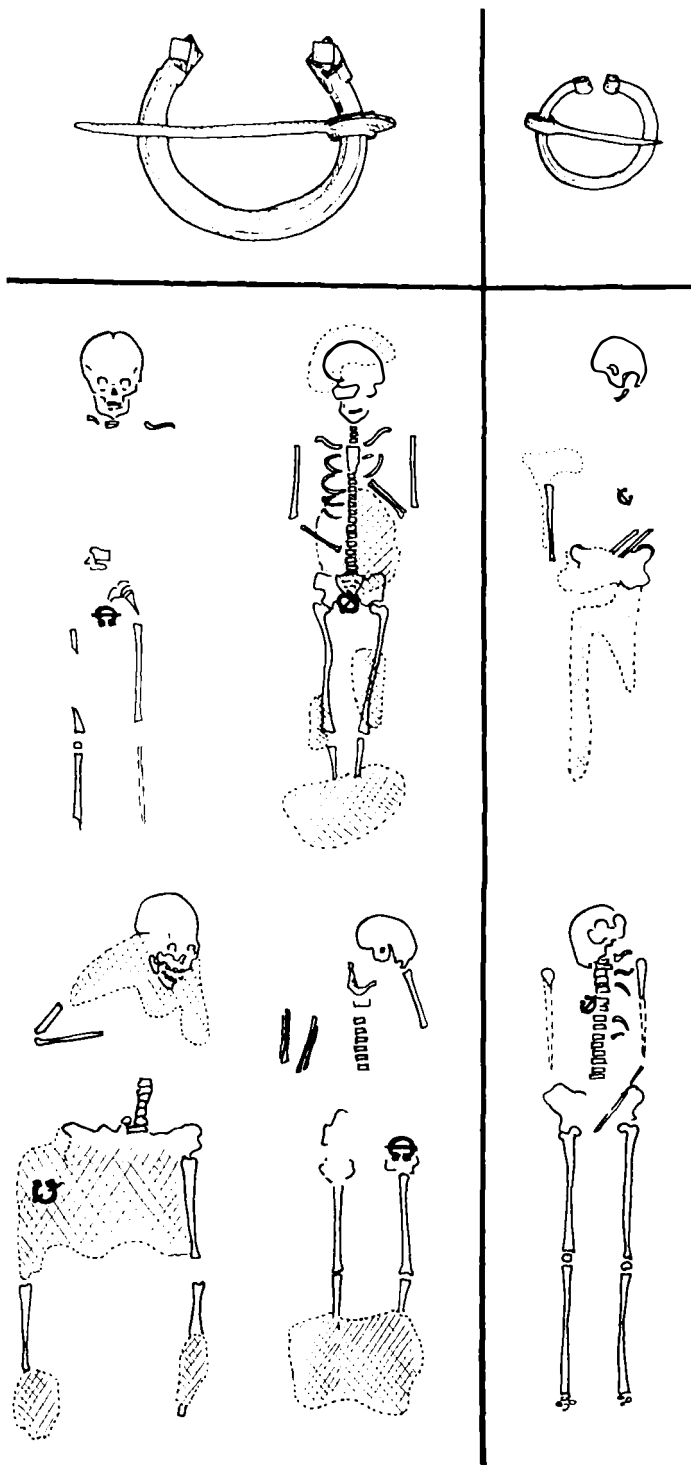

Рис. 47. Характер расположения в мужских погребениях фибул различного типа

захоронении № 186. Однако мы можем охарактеризовать некоторые особенности женского погребального костюма, исходя из металлических элементов убора и отдельных обрывков тканей. К металлическим элементам женской одежды, прежде всего, относятся фибулы и массивные булавки. Последние всегда были представлены парой, иногда к ним прикреплялись бляхи-цепедержатели, соединенные рядами цепочек. Фибулы встречены в 18 погребениях, а булавки в девяти. Сочетание парных булавок и фибул в одних комплексах, с чем мы сталкиваемся в пяти захоронениях Залахтовья, позволяет предположить, что они относились к различным частям верхней одежды. Если фибулами скальвались накидки, то булавками — другая верхняя одежда. Достаточно большие фрагменты от женских наплечных накидок были обнаружены нами при разборе отвалов грабительских ям. Это были шерстяные ткани саржевого плетения с диагональным рубчиком, края которых были затканы каймой, выполненной в технике плетения на дощечках. Через кайму проходили собранные в связки нити основы, образующие бахрому. Судя по отпечаткам бронзовых украшений, вдоль каймы наплечные покрывала были орнаментированы сплошными полосами из бронзовых спиралек. Сложнее восстанавливается верхняя женская одежда, которая скальвалась булавками. По своему виду булавки полностью соответствуют древнеэстонским украшениям, поэтому обратимся к материалам по средневековой одежде эстов. Х. А. Моора не без основания предполагал, что эстонская женская глухая сарафанообразная одежда («умб-кууб») сшивалась из двух полотнищ, так что «верх спинки покрывал также плечи и заходил по обе стороны от ворота на грудь, где закалывался двумя булавками или пряжками». Одновременно к ней могли прикрепляться концы наплечной накидки «сыба» (Моора 1960: 15,16). С. К. Лаул, подробно рассматривая отдельные детали эстонского женского костюма XI—XIII вв., аналогичным образом характеризует особенности их верхней туникообразной одежды, которая на территории материковой Эстонии закалывалась булавками с крестообразными головками, как в Залахтовье, а на островах Сааремаа и Муху — булавками с треугольными головками или фибулами (Лаул 1986: 194, 198—199).

Кстати, Х. Аппельгрэн-Кивало также реконструировал одежду карельской женщины. Несмотря на то что в Залахтовье не было найдено достаточного количества тканей для полной реконструкции женской верхней одежды, тем не менее некоторые косвенные свидетельства, на наш взгляд подтверждающие точку зрения Х. А. Моора, все же имеются. Дело в том, что в захоронении № 208 сразу под булавками были зафиксированы узкие полоски из спиралек явно от обшивки края одежды. Вполне вероятно, что это и были края заднего полотнища, перекинутого вперед, как и предполагал Х. А. Моора. В таком случае булавки крепились на двойную ткань, скалывая оба полотнища туникообразной одежды (рис. 49, табл. ХСVIII — Б). В последние годы П.-Л. Лехтосало-Хиландер, основываясь на серии раскопанных ею женских погребений могильников Эура (Сарамяки, Маску, Луистари и др.), предложила иную реконструкцию женской финской одежды. Она считает, что два полотнища, из которых изготавливалась женская одежда, в верхней части были перегнуты наружу и соединялись встык на плечах фибулами (Lehtosalo-Hilander, Sarkki, Tomanterä 1982: 14, 26, kuva 13-c; Lehtosalo-Hilander 2000: 217, fig. 75; 2001: fig. 42, 47, 48, 52, 55). Такая реконструкция возможна, если одежда скальвалась фибулами, но совершенно не приемлема,

Рис. 48. Реконструкция мужского костюма по материалам погребения № 186
(рисунок Г. А. Кузнецовой)

Рис. 49. Реконструкция женского костюма по материалам погребения № Т-37
(рисунок Г. А. Кузнецовой)

если скрепляющими элементами были булавки. Массивными булавками с несколькими килограммами подвешенных к ним украшений (имеются в виду цепедержатели и цепи) нереально закрепить полотнища на плече встык. Да и само их расположение все же не на плечах, а на груди, позволяет нам согласиться с реконструкцией, предложенной Х. А. Моора (табл. ХСVIII — Б).

Женская одежда подпоясывалась. Прекрасный образец части тканного на дощечках разноцветного пояса был зафиксирован в том же погребении № 208. Непосредственно к поясу подвешивались кожаные ножны (табл. ХСVIII — В). Наличие тонкой нательной рубахи можно только предполагать по находкам маленьких фибул, которые, скорее всего, скалывали ее ворот. Замужние женщины носили на голове покрывало — линик, который скреплялся на затылке небольшими бронзовыми булавочками. Фрагменты тканей от головного покрывала встречены вместе с булавочками. Это были тонкие шерстяные ткани саржевого плетения. Следует подчеркнуть, что тип головной накладки полностью повторяет головной убор эстонских женщин. Во многих женских захоронениях встречены остатки тканей от обмоток ног.

* * *

Итак, обобщая результаты рассмотрения погребального инвентаря, представленного в Залахтове, мы можем констатировать, что с рубежа X—XI вв. здесь наблюдается развитие единой материальной культуры. Это подтверждается тем, что многие элементы, характерные для данной культуры и придающие ей особый колорит, фиксируются во всех типах залахтовских захоронений — от ранних грунтовых трупосожжений вплоть до наиболее поздних курганных погребений на горизонте земли. Длительное время у залахтовцев бытовали такие типы украшений, как нагрудные и головные булавки с цепочками, витые гривны, различные типы подковообразных фибул, спиральные, узкомассивные, ленточные и пластинчатые браслеты, усатые, спиральные перстни и перстни с волютами, зооморфные подвески-амулеты, грушевидные бубенчики и др. В различных по обряду погребениях встречались массивные ножны единой формы, калачевидные кресала, всевозможные бронзовые и железные цепочки. К устойчивой традиции следует отнести украшение тканей мелкими бронзовыми элементами. То, что такие ткани присутствовали не только в погребениях по обряду ингумации, но и в более ранних сожжениях, подтверждается наличием в последних многочисленных россыпей спиралек и колечек.

Наряду с этим на материалах Залахтове мы можем проследить изменения, происходившие в инвентаре, которые, прежде всего, связаны с хронологией отдельных групп древностей. Главным образом это наблюдается в процессе смены одних категорий вещей другими. Так, только в трупосожжениях и грунтовых ингумациях встречаются исключительно лепные сосуды. В период формирования курганного обряда лепная керамика полностью сменилась довольно однотипной гончарной посудой, и только в редких случаях мы фиксируем лепные горшки, сопровождающие, возможно, более ранние погребения (№ 101, 124, 137, 162/2, 189, 195). Лепная миска (курган № 18) в захоронении на горизонте земли является единственным исключением для насыпей этого типа. По форме она отличается от ранних мисок и встречена вместе с гончарным сосудом. Может быть, она по какой-то причине специально была сделана для захоронения.

В грунтовых трупосождениях и деревоземляных сооружениях найдены ажурные овальные кресала, фигурные подчетыреугольные наборные бляшки от пояса, весовые гири и обломки самих весов, а также редкие находки: меч, плеть, костяной гребень в футляре. Все перечисленные вещи не обнаружены в погребениях других типов. Ланцетовидные наконечники копий зафиксированы только в погребениях по обряду кремации и в группе грунтовых трупоположений. В дальнейшем они сменяются наконечниками копий типа III и IV по классификации А. Н. Кирпичникова. В отличие от сожжений в курганных погребениях более широкое распространение получила традиция помещать в могилу различные орудия труда.

Особенно значительные перемены в количественном и качественном составе инвентаря происходят при переходе от захоронений в подкурганых ямах к погребениям на горизонте земли. О последних, к сожалению, мы можем судить только по раскопкам К. Д. Трофимова, так как все захоронения, исследованные нами, оказались разграбленными. Во-первых, обращает на себя внимание количественное уменьшение сопровождающего инвентаря в погребениях. Многие курганы, раскопанные К. Д. Трофимовым, оказались вообще безынвентарными. Во-вторых, изменяется сам набор сопровождающего инвентаря. На смену разнообразным типам подковообразных фибул приходят застёжки с уплощенной дугой и трубчатыми концами. Входят в употребление витые и ложновитые браслеты, витые перстни, которые сменили богатый комплекс наручных украшений, традиционных для Залахтовья в предшествующие периоды. Резко уменьшилось количество бус, подвесок, фибул, практически исчезли гривны. Редкостью стало наличие в захоронениях оружия, бытовых предметов, орудий труда и сельскохозяйственного инвентаря. Большинство вещей приобрели общерусский характер. Это, конечно, объясняется потерей залахтовцами их самобытности под влиянием окружающего древнерусского населения.

На материалах Залахтовья прослеживаются типологические изменения отдельных видов украшений. Мы специально уже останавливались на развитии ленточных браслетов с расширяющимися концами. К ранним образцам относятся массивные изделия с утолщенными концами и глубоким рельефным орнаментом, поздние экземпляры представляют собой тонкие пластины с орнаментом, нанесенным зубчатым колесиком. Со временем претерпевают изменения и нагрудные массивные булавки. Более ранняя форма крестовидных булавок зафиксирована в обломках в сожжениях и отдельных трупоположениях (№ 162, 165, 195, 208, 229, 247, К-17). Для них были характерны три круглые лопасти с концентрическим, часто рельефным орнаментом, ниже которых располагалось перекрестие с округлыми или гранчатыми отростками. На следующем этапе развития данной формы женских украшений боковые лопасти соединялись с перекрестием перемычками (№ 208, К-17, Т-37). В двух захоронениях XII в. наблюдается сочетание обоих типов булавок в одном костюме (№ К-17, 208). Судя по памятникам на территории Эстонии, на следующем этапе своего развития перемычки появились между всеми лопастями и намершая приобрели ажурную форму. Такие булавки в Залахтовье отсутствуют, что соответствует более ранней датировке памятника. Изменения коснулись и развития форм фибул. Массивные подковообразные застёжки с призматическими головками со временем уменьшаются в размерах.

Как мы уже отмечали, к концу XI в. у жителей Залахтовья погребальный обряд становится универсальным для всех половозрастных групп населения. Умерших начинают хоронить в ямах с перекрытиями, над которыми возводятся насыпи. В это же время стабилизируется и состав сопровождающего инвентаря. Рассмотрим подробнее материалы раскопанных нами 39 погребений данного типа, из которых 56% составляли мужские погребения, 22% — женские и 22% детские.⁸

Основными признаками мужских захоронений являлось наличие оружия (топора или наконечника копья, а чаще того и другого) и фибулы.⁹ Во всех мужских захоронениях присутствовали сосуды. Из общего контекста несколько выбивается лишь одно захоронение в кургане № 176, где инвентарь состоял только из фибулы и сосуда, но не было ни топора, ни наконечника копья. По антропологическим определениям это был мужчина 50—60 лет.¹⁰ Однако скудность инвентаря трудно объяснить только преклонным возрастом погребенного, так как, например, в кургане № 124 мужчина 50—55 лет сопровождался топором, копьем, фибулой, наручными украшениями, поясным набором и сосудом.

В целом же все раскопанные мужские погребения по набору представленных в них предметов можно разделить на три группы. По нашим наблюдениям, определяющим признаком был количественный и качественный состав оружия. В первой группе захоронений (№ 88, 162) из предметов вооружения были представлены только топоры универсальных типов, во второй группе (№ 102, 137, 180) — только наконечники копий, а в третьей — и топоры и копья (№ 96, 124, 165, 175, 178, 181, 186, 236). В последнюю, наиболее представительную группу, входит и погребение I из кургана № 197, где в составе инвентаря был найден боевой топорик-чекан.

Первая группа отличалась минимальным количеством инвентаря. Кроме топора, в его состав входили фибула и горшок, а в одном случае еще коса. Полностью отсутствовали наручные украшения и предметы быта. Хотя нельзя не отметить, что при малочисленности инвентаря в кургане № 162 встречена редкая фибула с многогранными головками. Во второй группе, где в качестве оружия были представлены только наконечники копий, наряду со стандартным набором вещей (фибула и горшок) во всех погребениях присутствуют немногочисленные наручные украшения и в разном количестве предметы быта и орудия труда. Последняя, самая многочисленная группа мужских захоронений отличалась особым разнообразием в характере сопровождающего инвентаря, в состав которого, вместе с предметами вооружения, фибулами и сосудами, входили не менее двух-трех браслетов (иногда больше), перстни (от одного до четырех), наборы орудий труда и предметов домашнего быта. В двух погребениях встречены поясные наборы, а в двух — пряжки и поясные кольца. В составе инвентаря курганов №№ 186 и 197/1 присутствовали боевые топоры. Из этой серии

⁸ Мы опираемся на материалы наших исследований, так как документация дореволюционных раскопок не всегда дает возможность правильно разделить захоронения по половозрастным группам.

⁹ При анализе инвентаря мы не учитываем погребение в кургане № 182, которое было нарушено грабительскими раскопками.

¹⁰ В данном случае мы ориентируемся на устные определения Р. Гравере.

погребений имеются антропологические данные о двух. В кургане № 197/1 был похоронен мужчина 35—40 лет, и, как мы уже упоминали, в кургане № 124 — мужчина 50—55 лет.

При анализе материалов мужских захоронений обращает на себя внимание, что в могильнике преобладают богатые захоронения, сопровождающиеся и топором, и копьем. Вторая группа погребений, где оружие было представлено только копьями, оказалась несколько беднее, но инвентарь здесь тоже достаточно представительен. В целом перед нами предстает достаточно равное в социальном плане общество, где каждый мужчина был вооружен. Несомненно выделяются только два захоронения с боевыми топориками — символами власти. Вероятно, здесь мы имеем дело с захоронениями лидеров местного общества — старейшинами или главами родовых групп. Костюм одного из них выделялся особым богатством. Он был полностью расшит бронзовыми спиральками, что даже для Залахтовья является фактом необычным и единственныи.

Среди исследованных нами восьми женских погребений в подкурганых грунтовых ямах четыре были повреждены грабительскими раскопками (№ 184, 207, 245, 247), однако материалы трех из них вполне можно привлекать к анализу. Основу сопровождающего набора вещей в женских захоронениях составляли элементы одежды и украшения. Именно материалы этих погребений позволяют нам судить о характере этнографического костюма залахтовцев. Во всех женских погребениях были встречены нагрудные массивные булавки, расположенные на груди с двух сторон.¹¹ Иногда они соединялись цепочками. Второй важной деталью женского костюма, зафиксированной практически во всех погребениях, были булавочки от головного покрывала. В состав женского убора также входили бусы, гривны (гривны не было лишь в кургане № 195), по нескольку браслетов и перстней, различные подвески. Фибулы были не столь обязательным элементом одежды, как у мужчин. В четырех случаях к поясу подвешивались массивные ножны. Из орудий труда чаще всего в погребение клали серп. В захоронении обязательно присутствовал сосуд. Таким образом, в инвентаре женских погребений прослеживается та же стабильность основного набора сопровождающего инвентаря, что и в мужских захоронениях. Редкие женские погребения выделялись из общей массы лишь большим разнообразием нагрудных украшений и насыщенностью их отдельными элементами при сохранении общего облика костюма (погребения № К-17, 208).

Однако следует подчеркнуть, что из культурного контекста серии женских погребений, исследованных в курганах с грунтовыми ямами, полностью выбивается захоронение № 71. В нем отсутствовал традиционный для залахтовцев набор украшений. Скромный погребальный инвентарь состоял лишь из двух проволочных височных колец, четырех золотостеклянных цилиндрических бусин, ножа с деревянной рукоятью, перевитой проволокой, и остатков берестяного туеска. Важным этническим признаком убора, представленного в этом погребении, были височные кольца — элемент, совершенно чуждый залахтовской материальной культуре, но при этом характерный для древнерусского населения. Погребение, в отличие от большинства захоронений в могильнике, имело

¹¹ Нагрудные булавки отсутствовали лишь в сильно разграбленных погребениях № 184 и 207, но, судя по общему сохранившемуся составу вещей, они там должны были быть.

западную ориентировку с небольшим отклонением к югу. Несомненно, здесь мы встречаемся с погребением женщины из славянской общины. По антропологическим данным умершей было 30—45 лет. Само появление такого погребения на родовом кладбище предполагает вероятность появления славянок в составе залахтовского общества и многообразии контактов населения.

Определенный устойчивый набор инвентаря был характерен и для детских погребений. В группе курганов с грунтовыми ямами нами исследовано семь детских захоронений (№ 69, 101, 176а, 185, 188, 189, 197/2). Обязательными элементами детского набора погребального инвентаря являлись гривна, фибула, подвески (обычно бубенчики, иногда с клыками-амулетами), сосуд, часто браслеты и перстни, у девочек — бусы. От стандартного набора инвентаря несколько отличалось захоронение в кургане № 176а, где были найдены только две бусины и клыки-амулеты. Судя по размеру погребальной ямы, это было захоронение совсем маленького ребенка (1—2 года). Мы уже отмечали, что в различных типах детских захоронений достаточно часто встречаются вещи неремесленного производства, изготовленные кустарным образом. Подобные предметы имеются и в данной группе погребений. Например, свернутый из обломка взрослого спирального браслета маленький браслетик (№ 69) или две гривны: одна свитая из двух тонких бронзовых проволок (№ 101), а другая — просто в виде изогнутой проволоки (№ 189). Из последнего погребения происходит также пластинчатый браслет, сделанный из тонкой неровной бронзовой ленты с небрежно нанесенным на нее орнаментом.

Гривна являлась важным элементом костюма и мальчиков и девочек определенного возраста. Если к анализу курганных детских погребений добавить материалы грунтовых труположений (так как из шести таких погребений четыре были детские), то вырисовывается интересная картина. Гривна отсутствовала только в двух погребениях. Это уже упомянутый нами курган № 176а, видимо, с захоронением очень маленького ребенка, а с другой стороны, это грунтовое погребение № 19, которое представляло собой захоронение подростка 14—15 лет. Один, видимо, еще не дорос до права ношения гривны, а другой уже вышел из этого возраста и как мужчина не должен был сопровождаться этим элементом убора. То, что гривна была обязательной частью детского инвентаря, дополнительно подтверждается тем фактом, что в ряде захоронений найдены очень массивные и тяжелые взрослые гривны. На шею девочки 5—6 лет из кургана № 69 была надета дротовая гривна с обломанным замком. Громоздкие дротовые гривны с «рыльцами» входили в состав погребального костюма девочек из курганов № 188 и 197/2. Несомненно, при жизни ребенок просто не мог носить столь тяжелые украшения. В данном случае они являлись элементом погребальной традиции.

Из всех детских захоронений особым богатством выделялось погребение девочки в кургане № 197. Напомним, что в нем был похоронен мужчина (35—40 лет), в составе инвентаря которого был найден боевой топорик-чекан — символ особого его социального статуса. Позднее в поле насыпи была вырыта отдельная яма, параллельная первой, где и поместили умершую девочку семи лет, при этом курган был досыпан. По характеру и составу сопровождающего инвентаря погребение девочки приближалось к группе женских захоронений. Комплекс украшений здесь состоял из семи низок бус, в двух из которых наряду

с бусами присутствовали бронзовые подвески лунницы и бубенчики, массивной гривны, двух разного размера фибул (одна, маленькая, застегивала ворот нижней рубахи, а другая — верхнюю одежду на груди) нескольких браслетов и перстней. Погребение сопровождалось ножом в широких кожаных ножнах, украшенных бронзовыми оковками, и сосудом. От взрослых женских погребений оно отличалось лишь отсутствием нагрудного комплекса украшений и, в частности, массивных бронзовых булавок. Несомненно, необычное богатство этого детского захоронения прямым образом связано с особым характером и основного мужского погребения.

Хронологический анализ комплексов, которому посвящена следующая глава работы, показывает, что охарактеризованная яркая материальная культура Залахтовья имеет четкие рамки своего существования, ограниченные лишь двумя столетиями — XI—XII вв. Тем важнее отмеченные нами выше изменения в ее развитии.

ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА

Разработка хронологии залахтовского могильника связана с решением ряда сложных вопросов датировки отдельных категорий предметов и их комплексов. Дело в том, что в Залахтовье представлены вещи, характерные как для населения Прибалтики, прежде всего Эстонии, так и для населения Новгородской земли. В то же время для датировки этих групп древностей применяются хронологические схемы, базирующиеся на различных принципах. Датировка древностей Новгородской земли опирается на хронологическую схему самого Новгорода. В ее основу положена стратиграфическое распределение находок по городским ярусам, для которых имеется дендрохронологическая шкала абсолютных дат (Колчин 1963: 5—103; Колчин, Черных 1977: 29—40). Благодаря ей с точностью до нескольких десятилетий можно определить время попадания в землю той или иной вещи, хотя и здесь есть свои сложности, вызванные различными нарушениями городского слоя. В свою очередь, прибалтийская хронологическая шкала основана исключительно на типологии отдельных категорий предметов (Moora 1929: 141—170; 1931: 25—44; Selirand 1974: 87—175). Механическое сопоставление новгородской и прибалтийской хронологических схем порой приводит к расхождению в датировке некоторых типов предметов иногда до полустолетия. Такое несоответствие связано, на наш взгляд, с тем, что часто излишне абсолютизируются хронологические системы для широких территорий. Датировки, верные для центров (в данном случае для Новгорода и основных памятников Эстонии), далеко не всегда справедливы для периферийных районов, что могло быть связано со скоростью распространения вещей из центров их производства, модой на те или иные украшения или иными факторами, а поэтому датировка каждого отдельного памятника должна рассматриваться максимально конкретно. Именно из этого мы исходили при разработке хронологии залахтовского погребального комплекса, который имеет достаточно четкую относительную хронологию. В своей работе мы, используя абсолютные даты, установленные методом дендрохронологии по Новгороду, старались сопоставить их с материалами прибалтийских, финских и шведских памятников, чтобы определить общие хронологические параметры бытования отдельных предметов и таким образом избежать односторонних ошибок.

При рассмотрении хронологии Залахтовья мы стремились установить, как соотносятся между собой различные типы погребальных сооружений, какие из них существовали одновременно, когда и как происходила смена одного обря-

да другим и в течение какого времени в целом функционировал могильник. Следует отметить, что, к сожалению, далеко не все исследованные комплексы могут быть использованы при разработке хронологии из-за малочисленности и маловыразительности представленного в них инвентаря.

Материалы из длинных курганов Залахтовья соответствуют общей датировке принятой для этой культуры, а именно — второй половине I тыс. н. э. Подобные насыпи в лесной зоне Восточной Европы начали сооружаться в конце V—VI вв. и возводились вплоть до X в. Никаких более конкретных данных для уточнения этого вопроса раскопки в Залахтовье не дали, и мы при общей оценке опираемся на эту дату. Именно поэтому при установлении хронологии могильника детально рассматриваются прежде всего захоронения с прибалтийско-финским инвентарем, как сожжения, так и трупоположения, то есть берет-ся в расчет хронология тех древностей, которые сменили длинные курганы.

Новых типов сожжений в могильнике существовало два вида. В первом случае остатки кремаций помещались в грунтовые ямки, а во втором — в различные деревоземляные сооружения. Хронологически эти типы захоронений одно-временны, что подтверждается единообразием облика их погребального инвентаря. Судя по 20 комплексам, которые могут быть привлечены для датировок, трупосожжения появляются в Залахтовье в начале XI в. и существуют вплоть до начала XII в.

Представленные в погребениях с трупосожжениями вещи в основном имеют достаточно широкие рамки бытования. К периоду X—XI вв., в частности, относятся дровяные гривны с «рыльцами» (Moora 1929: 144; Selirand 1974: 137, tahv. XXV — 3, 4), массивные подковообразные фибулы с многогранными головками (Salmo 1956: 33—34; Аун 1975: 81—83, табл. IX — 11; Нукшинский могильник 1957: табл. VIII — 1), узкомассивные браслеты с ромбовидным сечением (Седова 1981: 103, рис. 37 — 20, 38 — 2; Нукшинский могильник 1957: табл. V — 3), наконечники стрел новгородского типа (Медведев 1959: 165), многогранные и бочонковидные гирьки (Arbman 1940: Taf. 126 — 1-4, 127 — 1-13; Lehtosalo-Hilander 1982: 68—72; Недошивина 1963: 71—74; Волкайте-Куликаускене 1966: 216—222; Давидан 1987: 119—126).

Встреченные в трупосожжениях ключи с четырехугольной плоской головкой в виде лопаточки (тип А по Б. А. Колчину), калачевидные кресала с язычком и подковообразные фибулы, треугольные в сечении, со спиральными головками получили массовое распространение в X—XI вв., но встречались и в XII в. (Selirand 1974: 98, 99, tahv. VII — 2; Колчин 1982: 62, 63; Седова 1981: 86).

Ряд предметов, характерных для захоронений по обряду кремации, датируются временем XI—XII вв. В эту группу древностей входят перстни с волютами (Selirand 1974: 174, 353, tahv. XL — 4), ленточные массивные браслеты, орнаментированные сложной геометрической плеткой (Седова 1981: 103, 110, рис. 38 — 5, 9 — 11; Moora 1931: 35; Selirand 1974: 164, 340—341, tahv. XXXVIII — 4, 5), подковообразные тордированные фибулы со спиральными головками (Salmo 1956: 26, 27; Нукшинский могильник 1957: табл. VII — 7, 13; Асотское городище 1961: табл. III — 12).

Как можно заметить, одновременное бытование всех перечисленных вещей наблюдается в XI в. Таким образом, именно в рамках XI в. в целом и следует рассматривать залахтовские трупосожжения. Анализ же инвентаря отдельных

погребений позволяет лишь уточнить общую хронологию данной группы древностей и сузить датировку некоторых комплексов. Так, в частности, к началу XI в. относится погребальное сооружение № 131. В составе его инвентаря встречаются ланцетовидный наконечник копья, кольчатые удила с тремя подвижными звеньями и плетъ с лировидными подвесками. Все эти вещи имеют северо-европейское происхождение, а на территории Руси получили распространение в X — первой половине XI в. (Кирпичников 1966: 2, 9, 12; 1973: 17, 72, 73). Обнаруженный в захоронении меч по характеру орнамента рукояти относится к типу Е. В Скандинавии подобные мечи датируются Я. Петерсеном в основном IX в. (Petersen 1919: 75—80). Русскую группу мечей типа Е А. Н. Кирпичников считает весьма поздней и своеобразной. Из 10 учтенных им в каталоге мечей семь восходят к X в. и три датируются широко X—XI вв. (Кирпичников 1966: 30—31, 78, № 81). Наш меч может быть отнесен ко второй половине X — началу XI в. Достаточно узкий временной промежуток появления комплекса определяет наборный костяной гребень в футляре. В целом складные гребни появились в Европе в середине X в. Однако залахтовский гребень относится к позднему их варианту и датируется концом X — началом XI в. (Ярославское Поволжье 1963: 40). Лишь наличие в комплексе узкомассивного браслета с плетеным орнаментом не позволяет датировать погребение концом X — началом XI в. Полная аналогия данному браслету имеется в Новгороде в слоях начала XI в. (Седова 1981: рис. 38 — 1), а поэтому справедливо ограничить дату данного трупосожжения началом XI в.

В свою очередь, к первой половине — середине XI в. можно отнести следующую группу мужских захоронений — № 22, 100, 122, 162а и 202. В погребальном инвентаре комплексов № 22, 122 и 202 присутствовали ланцетовидные наконечники копий (причем втулка одного из них была украшена резным псевдогоthicким орнаментом), шарообразный бубенчик с крестовидной прорезью (№ 122), датируемый временем до середины XI в., а по материалам Новгорода и Юго-Восточного Приладожья X — началом XI в. (Мальм, Фехнер 1967: 133, 134; Лесман 1981-а: 99—100), и железный умбон с шишковидным выступом в центре (№ 202), близкий финским умбонам эпохи викингов (IX — середины XI вв., Kivikoski 1973: 114, Abb. 851). В трупосожжениях № 100 и 162а встречаются своеобразные подчетыреугольные поясные наборные бляшки, имеющие с одной стороны полукруглый выступ, а с противоположной стороны точно такую же полукруглую выемку. Аналогичные по форме бляшки известны в Юго-Восточном Приладожье на р. Кумбите в насыпях, датируемых С. И. Кочкуркиной X — началом XI в. (Бранденбург 1895: табл. VI — 13; Кочкуркина 1973: 103, Кумбита 8). В погребальном сооружении № 162а наряду с бляшками найден наконечник пояса, полностью аналогичный наконечникам из погребений финских могильников Пахнаймяки и Эссари (Финляндия) и Хеннонмяки (Россия) X—XI вв. (Kivikoski 1973: 121, Abb. 851).

Временем до середины XI в. также можно датировать захоронения № 23, 128 и 162. Основанием для этого служат найденные в данных погребениях желтые полосатые бусы «лимонки», время бытования которых по материалам Новгорода и Старой Ладого определяется X — серединой XI в. (Щапова 1956: 173—174; Львова 1968: 85—86; Колчин 1982: 169). Датировка комплекса № 23 подкрепляется наличием в нем черных бус с рельефными глазками, которые

были распространены в X — начале XI в. (Шапова 1956: 178; Колчин 1982: 169) и шаровидного бубенчика с крестообразной прорезью (Лесман 1981-а: 99—100).

Ко второй половине XI в., видимо, относятся трупосожжения в деревоземляных сооружениях № 129, 164, 228, грунтовое сожжение на площадке кургана № 165 и погребение 1 в кургане № 121. В последнем захоронении среди скудного инвентаря зафиксирован обломок дротового браслета, а в сооружении № 228 — фрагмент массивного браслета с зигзагообразным орнаментом, являющегося поздним финским подражанием скандинавским ладьевидным браслетам. Оба этих типа украшений получили распространение на территории Эстонии, начиная со второй половины XI в. (Selirand 1974: 166—167, 342—345, *tahv.* XXXIX — 4, 7; Лиги 1982: 386—387, табл. XIV — 7).

В остальных погребениях встречены характерные детали убора эстонских женщин — массивные булавки с крестообразными навершиями и окованные бронзовыми пластинками большие кожаные ножны. Ю. Я. Селиранд оба этих элемента женского костюма относит к XII—XIII вв. (Selirand 1970: 172—175; 1974: 133, 146—147, 306—307, 314—315, *tahv.* XXII — 5, XXIX — 8). Это, безусловно, так, если рассматривать период наивысшего расцвета моды на данные украшения, но появились они все же несколько раньше, по крайней мере во второй половине XI в. (Moora 1931: 30; Lehtosalo-Hilander 1982: 49; Лиги 1982: 386, табл. XIII — 8). Кстати, в Новгороде, по данным М. В. Седовой, булавки с крестообразными навершиями подобного типа встречены в слоях XI в. от его начала до его конца (Седова 1981: 73, рис. 25 — 2, 4).¹ Рассмотренные материалы показывают, что обряд трупосожжения существовал у населения Залахтовья на протяжении всего XI в.

Также XI в. датируется и немногочисленная группа грунтовых трупоположений. Инвентарь этих погребений чрезвычайно близок к инвентарю захоронений, совершенных по обряду кремации. Здесь встречены те же типы предметов вооружения: ромбовидные наконечники стрел новгородского типа, ланцетовидный наконечник копья, топор с прямой верхней гранью и с опущенным лезвием (тип А по А. Н. Кирпичникову) — и тот же комплекс украшений: грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью, серповидные и крученые гривны и т. д. Большинство вещей хорошо определяют время существования данной группы захоронений в пределах XI в. В двух случаях можно говорить не только о XI в. в целом, но и о его начале. Так, в захоронении подростка № 14 найдены шаровидный бубенчик с крестообразной прорезью, как мы уже отмечали, датируемый второй половиной X — первой половиной XI в., и бронзовый спиральный браслет с эсовидными концами. Подобные браслеты, — правда, главным образом, серебряные, — широко представлены на острове Готланд вкладах середины — второй половины X в. (Stenberger 1947: 54—55, 57, 58, 213, 214). Кроме того,

¹ Пока еще недостаточно разработаны вопросы хронологического развития отдельных типов предметов. В связи с этим отметим, что в погребении сооружения № 162, датируемом нами первой половиной XI в., также был встречен обломок навершия крестовидной булавки, но по характеру орнаментации она отличалась от более поздних экземпляров и была идентична булавке периода викингов, данные о которой опубликованы Е. Кивикоски (Kivikoski 1973: 99, Abb. 719). Таким образом, мы считаем, что противоречия в датировке этого комплекса нет.

полная аналогия залахтовскому браслету с ромбическим сечением и с эсвидными концами, только, как и готландские экземпляры, выполненная в серебре, встречена на территории Латвии в кладе Кушку, хорошо датируемом по монетам второй половиной X в. (Urtāns 1977: 171, att. 79). В. Уртанс указывает еще несколько местонахождений близких по типу браслетов в Латвии (Гаилу, Лаукскола) и в Эстонии (клад под Таллином). Все они относятся к X — рубежу X—XI вв. (около 1000 г.) (Urtāns 1977: 36—37). В свою очередь, среди погребального инвентаря другого детского погребения № 9 найдена плоская зооморфная подвеска — «олень». Подобные подвески были характерным украшением населения Приладожья второй половины X — первой половины XI в. (Кочкуркина 1973: 35; Рябинин 1981-а: 27). Наибольшая концентрация этих подвесок встречена в погребальных памятниках бассейна р. Ояти.

В целом материалы убедительно показывают, что трупосожжения и трупоположения существовали на протяжении значительной части XI в. Однако, несомненно, прослеживается тенденция постепенной смены обряда кремации обрядом ингумации. Так, в частности, при совершении двух грунтовых трупоположений XI в. были нарушены предшествующие им по времени захоронения по обряду кремации (сооружение № 162 и захоронение № 20).

В конце XI в. над грунтовыми трупоположениями начинают возводиться насыпи, и в XII в. курганный обряд захоронения становится единственным типом обряда в могильнике. Первые курганы отличались незначительной высотой, расплывчатостью формы и достаточно глубокими погребальными ямами. Ко второй половине XI в. достоверно можно отнести два курганных захоронения № 137 и 229 (первое — мужское, второе — женское). Именно в этих погребениях встречен комплекс вещей, характерный для захоронений предшествующей поры. В погребении № 229 на руках у погребенной обнаружены узкомассивные браслеты, подобные браслету из сооружения № 131, и ширококонечный массивный браслет с продольной бороздкой посередине концов. Бытование браслетов данного типа, судя по новгородским материалам, не выходит за пределы XI в. (Седова 1981: 103, рис. 38 — 1). Браслет с бороздкой является одним из наиболее характерных элементов украшений эстонского населения и датируется на территории Эстонии X—XI вв. (Selirand 1974: 165, tahv. XXXIX — 2). В материалах Новгорода найден только один такой браслет в слоях рубежа XI—XII вв. (Седова 1981: 110, рис. 38 — 11). Остальной инвентарь комплекса имеет более широкую датировку.

Комплекс инвентаря из захоронения № 137 в целом близок по своему составу комплексам вещей из трупосожжений и характерен для XI в. Так, в его состав входили ключ с квадратной плоской головкой (тип А по Б. А. Колчину), ромбовидные наконечники стрел, подковообразная фибула, треугольная в сечении, со спиральными головками, наконечник копья (тип III по А. Н. Кирпичникову), калачевидное кресало, массивные узкие браслеты, гранчатые в сечении, спиральный перстень и пластинчатый перстень с волютами. В значительной степени дата комплекса опирается на датировку браслетов. Аналогичные браслеты встречаются в Залахтове в грунтовом трупосожжении № 2. В Эстонии подобные браслеты происходят из погребений второй половины XI в. (Лиги 1982: 386—387, табл. XIV — 5), а в Новгороде такой же браслет был найден в слое XI в. (Седова 1981: 103, рис. 37 — 20, 38 — 2). Таким образом, мы полагаем, что курганные

захоронения № 137 и 229 являются наиболее древними и относятся к периоду становления у населения Залахтовья этого типа погребального обряда. Скорее всего, эти погребения можно датировать тем же временем, что и грунтовые труположения. От последних они фактически отличаются только наличием небольшой расплывчатой насыпи, а по погребальному инвентарю и керамическому комплексу (в частности, по присутствию лепных сосудов) все эти захоронения составляют единое целое.

Несмотря на то что инвентарь курганов с ямами чрезвычайно близок инвентарю захоронений по обряду сожжения и грунтовых труположений за счет вещей, имеющих широкие хронологические рамки бытования или датирующихся XI—XII вв., тем не менее в характере инвентаря все же наблюдаются определенные изменения. Так, в курганных захоронениях отсутствуют ажурные кресала, гирьки и весы, за небольшим исключением практически исчезли ширококонечные браслеты с продольной бороздкой, бусы «лимонки», лепная керамика и т. д., то есть вещи, выходящие из употребления в XI в. В то же время появилась целая категория предметов, характерных для XII—XIII вв. К последним, в частности, относятся витые гривны с перевитью, фибулы с маковыми головками, цепедержатели, различные типы подвесок, разнообразные стеклянные и пастовые бусы, узкомассивные и дровотные браслеты, узкие ленточные браслеты с симметричным плетеным орнаментом. Таким образом, даже самое общее рассмотрение изменений, произошедших в инвентаре курганов, показывает, что основная их группа может быть датирована временем не ранее рубежа XI—XII вв.

Большинство вещей, составляющих погребальный инвентарь мужских захоронений: оружие, браслеты, бытовой или сельскохозяйственный инвентарь — датируются либо достаточно широко, либо в пределах XI—XII вв. К наиболее ранним мужским погребениям относятся захоронения в курганах № 96, 175, 178, 180, 181 и 196. Среди украшений в них найдены узкомассивные браслеты и узкие ленточные браслеты с симметричным плетеным орнаментом, характерные для памятников второй половины XI—XII вв. (Седова 1981: 103, 110, рис. 38 — 7), а также массивные фибулы с призматическими головками и трапезиевидной в сечении дугой, широко распространенные в могильниках Эстонии и Латвии начиная с рубежа X—XI вв. и в течение всего XI в. Наиболее вероятная датировка этих комплексов — конец XI — рубеж XI—XII вв.

Рубежом XI—XII вв. также можно датировать богатое мужское захоронение из кургана № 186. В состав инвентаря этого погребения входят вещи, характерные для второй половины XI—XII вв. Это узкомассивные кованые посеребренные браслеты, ленточные браслеты с симметричным плетеным орнаментом, лировидная пряжка, спиральные и пластинчатые перстни с волотами. Кроме того, при погребенном находился небольшой боевой топорик (тип VII по А. Н. Кирпичникову; Кирпичников 1966: 30, 39) и наконечник копья (тип III по А. Н. Кирпичникову; Кирпичников 1966: 7, 12—13) XI—XII вв. Сужают датировку комплекса две вещи: массивная подковообразная фибула с воронковидными головками и дугой подтрапезиевидного сечения, на которой имеются рельефные поперечные валики, и крученый браслет с раскованными концами. Фибулы с воронкообразными головками в целом характерны для памятников Прибалтики, Финляндии и Скандинавии IX—XI вв. (Salmo 1956: 46—54). Фибула того же варианта, что и залахтовская, имела в составе Цеплиньшского клада, дати-

руемого концом XI в. По сведениям В. Уртанса, фибулы подобного облика были распространены в западной Латвии в X—XI вв., а на территории Эстонии они появились на век раньше (Urtans 1977: 29, 196, 198; Att. 101 — 10). Следовательно, нижняя дата комплекса определяется XI в. В свою очередь, крученный браслет с раскованными суживающимися концами датируется не ранее начала XII в., поскольку наиболее ранние находки подобных браслетов обнаружены в Новгороде в слоях начала XII в. (Седова 1981: 98—99, рис. 35 — 1). Следовательно, дата данного мужского захоронения — рубеж XI—XII вв.

Таким образом, ряд мужских захоронений попадает в достаточно узкий хронологический период конца XI — начала XII в., хотя, несомненно, в курганах с грунтовыми ямами были мужские погребения и первой половины XII в. Примером этому являются курганы № 165 и 236. В составе найденного в них погребального инвентаря были поясные наборы, состоящие из пряжек, бляшек, наконечников и различных колец-разделителей. Некоторые бляшки находят себе полные аналогии в древностях Ижорского плато (Спицын 1896: 27, табл. XVI — 2, 4, 5). Небольшая оригинальной формы пряжка с орнаментом в виде трилистника близка пряжкам из Гратреска (Agne 1914: 150, Fig. 248). С точки зрения хронологии несомненный интерес представляют удлиненные поясные наконечники, украшенные стилизованным растительным орнаментом в виде различных вариантов сдвоенных волют. Близкие по форме и по стилю декора наременные наконечники встречены в Новгороде в слоях середины XII в. (Седова 1981: 143, рис. 58 — 7—9).

Женские погребения в подкурганых грунтовых ямах датируются тем же временем, что и мужские захоронения. В них представлен достаточно стабильный набор украшений, характерных для конца XI — первой половины XII в. В тенденции к более ранней группе захоронений можно отнести погребения в кургане № 195, судя по характеру представленной в нем фибулы с шестигранным сечением.

В свою очередь, в женских погребениях курганов № К-17, К-20 и 207 зафиксировано такое сочетание различных типов бус, которое позволяет датировать эти захоронения рубежом XI—XII вв. С одной стороны, в указанных комплексах представлены бусы, характерные для X—XI вв.: черные глазчатые рельефные бусы, битрапециоидные синие и зеленые бусы первого варианта, бусы синие прямоугольные со скошенными углами (Щапова 1956: 169, 170, 178; Callmer 1977: 80, colour plate I — A), а с другой стороны, бусы, датируемые XII—XIII вв.: ярко-синие зонные двойные, эллипсоидные, шарообразные желтые пастовые, битрапециоидные второго варианта и эллипсоидные подтреугольные печеночно-красные или непрозрачные желтые с тремя глазками (Щапова 1956: 167, 169—171; Щапова, Дайга 1961: 191, рис. 1 — 40, 41). Остальной материал в этих захоронениях не противоречит данной датировке.

К началу XII в., видимо, относится курган № К-16, где были встречены ширококонечный ленточный браслет с продольной бороздкой и бусинный бисер. Браслеты подобного типа, как мы уже отмечали, у эстов бытовали в X—XI вв., а наиболее поздняя находка была обнаружена в Новгороде в слоях рубежа XI—XII вв. (Седова 1981: рис. 38 — 11). Бусинный бисер по новгородской шкале датируется началом XII — началом XIV в. (Колчин 1982: 167, 168). Таким образом, наиболее обоснованной датой этого комплекса является начало XII в.

Первой половиной XII в. можно датировать погребение № 208. Во-первых, все бусы, найденные в захоронении, характерны для XII в. и более позднего времени: ребристые цилиндрические бусы с серебряной фольгой, серебряные рубчатые бусы с глазками на каждом ребре, бусы печеночно-красные эллипсоидные подтреугольные с желтыми глазками, темно-синяя битрапециодная бусина второго варианта (Щапова 1956: 169—170; Щапова, Дайга 1961: 188). Кроме того, в составе ожерелий находились своеобразные круглые литые подвески с изображением головы бычка. Подобные подвески достаточно редки. Основной территорией их распространения является Белоруссия (курганы радимичей, Рыбаков 1932: 92, табл. VI — 4). Они также встречены в Латвии. находка литейной формочки на Даугмальском городище свидетельствует, что по крайней мере часть подвесок изготовлялась на территории Латвии (Rādiņš, Zemītis 1988: 119—120, att. 20 — 3). По данным А. Радиныша, подвески с изображением головы быка появляются в Латвии не ранее XII в. Датировка комплекса № 208 временем не ранее XII в. подтверждается также находкой дрововой гривны, один конец которой имел округлую головку, так называемое «рыльце», а второй представлял собой литой граненый конус. Гривны такого типа известны в Эстонии и датируются там XII в. (Selirand 1974: 137—138, 308, tahv. XXV — 2). Верхняя граница комплекса устанавливается по находкам грушевидных бубенчиков с крестообразной прорезью и подковообразной фибулы с маковыми головками, относящихся ко времени не позднее середины XII в. (Седова 1981: 88, 156).

Женское погребение в кургане № 245 можно датировать периодом не позже середины XII в. ввиду наличия в нем грушевидных бубенчиков, а захоронение в кургане № 71 датируется в целом в пределах XI — второй половины XII в. (найжены перстнеобразные височные кольца, нож, золотостеклянная бочонкообразная бусина). Верхнюю границу последнего погребения определяют бусы (Колчин 1982: 167—168).

Во всех детских захоронениях (№ 69, 187/2, 188, 189 и 197/2), за исключением погребения малыша в кургане № 176а, были найдены грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью. Следовательно, верхняя дата детских захоронений устанавливается достаточно определенно — середина XII в. В погребении 2 кургана № 197 при погребенной находилась также фибула с маковыми головками, что дополнительно подтверждает верхнюю дату данного комплекса. В свою очередь, в погребениях девочек № 188 и 197/2 среди шейных украшений обнаружены шарообразные пастовые бусы и бусинный бисер, а в кургане № 69 имелась битрапециодная бусина второго варианта, то есть все эти три захоронения совершены не ранее начала XII в.² Установить нижнюю границу остальных детских захоронений не представляется возможным.

² В связи с хронологией отдельных категорий предметов небезынтересно отметить, что в погребениях № 188 и 197/2, датированных нами первой половиной XII в., найдены дрововые гривны с «рыльцами». Ю. Я. Селиранд по материалам эстонских памятников относит их к концу X — началу XI в. (Selirand 1974: 137, tahv. XXV — 3, 4). М. В. Фехнер также отмечает, что гривны подобного типа найдены «в сочетании с вещевым материалом X — начала XI в., что дает право их датировать тем же временем» (Фехнер 1967: 61, рис. 8 — 4). Однако, как показывают материалы Залахтовья, дрововые гривны использовались жителями Новгородской земли еще и в начале XII в., причем это не единственный могильник в Северо-Восточном Причудье, где наблюдается подобное явление.

Таким образом, как мы показали, основная масса курганов с грунтовыми ямами укладывается в достаточно компактный отрезок времени — конец XI — середина XII в. Безусловно, это не исключает, что отдельные захоронения могли быть совершены и позже.

К следующему хронологическому периоду в Залахтовье относятся курганы с погребениями на горизонте земли. С одной стороны, по материалам этих курганов прослеживается единство с культурой предшествующего времени. Прежде всего это проявляется в составе женского погребального наряда, для которого характерно наличие массивных кожаных ножен, головных булавок, набора нагрудных украшений, состоящих из булавок, цепедержателей, цепочек, цепе-разделителей. Кроме того, к характерным типам залахтовских украшений относятся узкомаассивные и ленточные браслеты, пластинчатые перстни с волютами, усатые и спиральные перстни, а также подковообразные фибулы со спиральными головками. Однако подчеркнем, что многие из указанных украшений представлены более поздними вариантами вещей, чем в курганах с погребениями в ямах. В частности, типы нагрудных булавок с ажурными навершиями и цепедержателей характерны для XII в. (Selirand 1974: 314, 315, 318, 319, таһв. XXIX — 6, XXX — 2). Некоторые браслеты отличались полным отсутствием на них орнамента, а подковообразные фибулы со спиральными головками — более грубой манерой изготовления в сравнении с ранними «классическими» формами данных застежек. С другой стороны, именно в курганах на горизонте земли появляются вещи, характерные для древнерусской культуры Новгородской земли XII—XIII вв. Так, основную группу браслетов стали составлять витые трехпроволочные обрубленноконечные браслеты, общая датировка которых определяется концом XI — началом XIV в., а время наибольшего употребления — 70-ми годами XII — 60—70-ми годами XIII в. (Седова 1981: 96, рис. 34 — 7). Только в курганах с погребениями на горизонте земли представлены серебряные подковообразные фибулы с плоской дугой и валиком посередине, имеющие концы в виде трубочек, а в одном случае — в виде многогранника. Подобные фибулы были широко распространены на территории Эстонии и Новгородской земли в XII—XIII вв. (Мальм 1967: 153—155, рис. 22 — 3; Selirand 1974: 338, 339, таһв. XXXVI — 2). Следует также упомянуть в составе инвентаря этой группы захоронений следующие находки: витой двойной перстень со сканной перевитью, утолщенный с наружной стороны (курган № Т-8) и датированный по новгородской хронологии 60—70-ми годами XII в. (Седова 1981: 125), гладкий пластинчатый перстень (курган № Т-25), имеющий также аналогии в Новгороде в слоях конца XI в. и середины XII в. (Седова 1981: 130, рис. 45 — 15) и игольник с фигурным навершием (курган № Т-53). Игольники подобной формы хорошо известны в Юго-Восточном Приладожье, Белозерье и Финляндии. По данным Л. А. Голубевой, они впервые появились в XI в. и бытовали весь XII в. (Голубева 1973: 34, 41, рис. 4 — 16).

Поскольку погребальный инвентарь курганов с погребениями на горизонте земли, в отличие от других групп залахтовских захоронений беден, то достаточно сложно установить хронологические границы отдельных комплексов. Однако на некоторые моменты, связанные с их датировкой, мы хотели бы обратить внимание.

Во-первых, рассмотрим погребальный инвентарь кургана № Т-20, который состоял из плоской подковообразной фибулы с гранеными головками, мотыги, витого трехпроволочного перстня с обрубленными концами и ожерелья из бус. В составе ожерелья были бочонкообразные золото- или серебростеклянные бусы (по фотографии точно определить нельзя), которые появляются во второй половине X в. и исчезают в начале XIII в. (Колчин 1982: 168), а также сердликовая бипирамидальная бусина, характерная для древнерусских памятников XI—XII вв. (Фехнер 1959: приложение). Учитывая наличие в комплексе плоской подковообразной фибулы, комплекс, видимо, следует датировать не позднее второй половины XII в.

Кроме того, не позднее рубежа XII—XIII вв. датируется захоронение в кургане № Т-2. Здесь среди достаточно богатого набора женских украшений встречена плоская зооморфная подвеска-конек, относимая Е. А. Рябининым к типу XIII (вариант 1) и датируемая многими исследователями XII в. (Журжалина 1961: 124, 125, 136, 137; Успенская 1967: 90, 94, рис. 14 — 16; Рябинин 1981-а: 27, 28). Рассматривая такие, характерные для эстонских племен, типы украшений, как пластинчатые перстни с волютами и узкомассивные браслеты, следует отметить, что в XIII в. они уже не встречаются. На этом основании целая серия курганов (№ Т-15, Т-16, Т-29, Т-50, Т-57) может быть датирована временем не позднее рубежа XII—XIII вв.

Основная часть курганов с захоронениями на горизонте земли относится ко второй половине XII в., возможно, частично и к началу XIII в. Когда появились первые погребения на горизонте земли, определить достаточно сложно, но, видимо, это случилось еще в период захоронений в грунтовых ямах. В этой связи представляет интерес курган № Т-37. По характеру и типу представленных в нем украшений он практически ничем не отличался от курганов с погребениями в грунтовых ямах (в частности, от кургана № 208). В нем представлены те же типы булавок, цепедержателей, браслетов, перстней, ножен и бус. Кроме того, в этом комплексе встречена единственная в Залахтове круглая выпуклая финская фибула типа Д, датируемая согласно классификации финских исследователей позднее середины XI в. (Lehtosalo-Hilander 1982: 97, 98, 100).³ Безусловно, данное захоронение никак не может быть отнесено к XI в. Однако само по себе наличие подобной фибулы в погребении свидетельствует о его древности в сравнении с другими захоронениями этой группы. На наш взгляд, курган № Т-37 вполне может быть датирован тем же временем, что и курганы с грунтовыми ямами, — не позднее середины XII в.

Подводя итоги рассмотрения хронологии залахтовского погребального комплекса, отметим, что группа населения, оставившая яркую материальную культуру, жила здесь в течение двух веков — XI—XII вв., причем в XI в. обряд погребений отличался особым разнообразием, а в XII в. он унифицировался.

³ Круглые выпуклые фибулы типа Д большинство финских исследователей относит к концу X — началу XI вв., однако Х. Салмо не исключал, что подобные наплечные фибулы могли использоваться в течение всего XI в. Детальный анализ этой категории украшений, проведенный П.-Л. Лехтосало-Хиландер по материалам могильника Луистари, показал, что в Финляндии существует два варианта фибул типа Д. Первый вариант имеет узкий край и датируется второй половиной X в., а второй с широким краем относится к первой половине XI в. (Lehtosalo-Hilander 1982: 97, 98, 100).

Выявленная нами обособленная группа грунтовых погребений к северу от основного могильника не может быть определено датирована ввиду почти полного отсутствия в них инвентаря. Подвеска-дирхем в данном случае не является надежным хронологическим показателем, а пластинчатый браслет и витой перстень имеют широкие рамки бытования с XI в. вплоть до XIII в. (Левашева 1967: 233—235; Недошивина 1967: 264). Ясно одно, что эти погребения наиболее поздние в могильнике. Однако вопрос о том, был ли между ними и курганами с погребениями на горизонте земли какой-либо хронологический разрыв или нет, остается открытым.

МЕСТО ЗАЛАХТОВЬЯ СРЕДИ ДРЕВНОСТЕЙ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Наиболее ранний пласт древностей представлен в залахтовском погребальном комплексе насыпями культуры длинных курганов, которые относятся к их псковско-новгородской группе. Население, соорудившее подобные курганы, занимало обширные пространства лесной зоны Восточной Европы от юго-западного побережья Псковского озера на западе до верхнего течения реки Чагодоши на востоке и от бассейна верховьев Западной Двины на юге до верхнего Полужья, бассейнов рек Мсты и Чагодоши на севере. В бассейне реки Великой и вблизи побережья Псковского озера наблюдается наибольшая концентрация погребальных памятников рассматриваемого типа (Седов 1995: 211—217, 1999: 117—128). Залахтовье является одним из наиболее северных могильников культуры длинных курганов, а среди курганных групп побережья Чудского озера — наиболее крупным памятником, насчитывающим не менее 60 насыпей. Выбранная для захоронений местность типична для размещения могильников культуры длинных курганов: песчаная дюнная гряда, тянущаяся вдоль берега озера и поросшая соснами. В 300 м севернее могильника на противоположном берегу ручья располагалось поселение.

В состав могильников культуры псковско-новгородских длинных курганов входят, как правило, различные по форме насыпи. Залахтовская группа в этом отношении вполне типична и состоит из длинных валообразных курганов (длина некоторых более 30 м), овальных (иногда блинообразной формы), круглых, среди последних выделяются крутобокие высокие насыпи, часто составляющие вместе с валообразными так называемые комбинированные курганы. В могильнике представлены все известные варианты форм насыпей, характерные для культуры длинных курганов. По структуре сооружения и погребальному обряду они ничем не отличались от типичных памятников этой культуры. Здесь имеются как курганы, насыпанные в один прием (№ 3 и, видимо, все насыпи из раскопок К. Д. Трофимова), так и курганы, соорудившиеся в несколько приемов путем подсыпок (№ 81, 92, 154, 209, 215). Основываясь на материалах наших раскопок, мы установили, что три кургана (№ 3, 81, 154) возводились изначально для перекрытия захоронений, помещенных на уровень погребенной почвы или в грунтовую ямку. Другие три насыпи (№ 95, 209 и 215) были сооружены в качестве платформ для совершения в них или на них захоронений. Рассмотренные подробно в главе о погребальном обряде могильника способы помещения

остатков кремации в насыпь также вписываются в то многообразие типов расположения остатков трупосожжений, которое было характерно для культуры длинных курганов различных территорий. Среди них преобладали безурновые и безынвентарные захоронения. Анализ кальцинированных костей из залахтовских погребений позволяет констатировать, что в длинных курганах наряду с погребениями людей имеются совместные погребения человека и животного (№ 209) и даже отдельные сожжения животных — погребения 1 и 10 в кургане № 154 (до специального анализа кальцинированных костей мы все их скопления фиксировали в полевых отчетах как погребения).

Особо остановимся на грунтовом захоронении около насыпи № 211. Здесь была расчищена неглубокая ямка круглой формы (диаметр 0,50 м, глубина 0,12 м), заполненная кальцинированными костями (погребение женщины (?) старше 60 лет). Оно значительно отличалось от грунтовых захоронений с сожжениями, исследованных в центральной части могильника и относящихся к более позднему периоду существования памятника. К этим различиям можно отнести безынвентарность захоронения, что было исключено в упомянутых грунтовых погребениях, и характер помещения остатков сожжения не плотным скоплением, а россыпью. Топографическое расположение данного захоронения среди насыпей длинных курганов позволяет нам отнести его к грунтовым погребениям культуры длинных курганов.

В настоящее время является установленным фактом то, что сооружению длинных курганов предшествовали грунтовые могильники. Грунтовые захоронения, относящиеся непосредственно к культуре длинных курганов, были исследованы в Лезгах под Изборском (Гроздилов 1965: 81), в урочище Кобылья Голова на реке Мсте (Орлов 1968: 166—167), на озере Съезжем в Хвойнинском районе Новгородской области (Носов 1981: 66—68) и в Юрьевской Горке в Удомельском поозерье (Исланова 1997: 49—50). На озере Съезжем Е. Н. Носовым были найдены не просто отдельные грунтовые захоронения, а открыта целая погребальная площадка, окруженная ровиком. Аналогичные площадки были выявлены М. Э. Аун в основаниях некоторых курганов Юго-Восточной Эстонии (Аун 1980: 99). В связи с этим вполне аргументированно выглядит схема становления погребального обряда длинных курганов от грунтовых захоронений, совершавшихся первоначально на естественных всхолмлениях через сооружение специальных площадок, окруженных ровиками, к курганам, возведенным в качестве специальных платформ для захоронений (Носов 1984: 11—17). В пользу этой схемы говорят, с одной стороны, находки грунтовых захоронений культуры длинных курганов на естественных возвышенностях (Башенькин 1992: 11—15; Седов 1999: 122), а с другой стороны, сами курганы, сооруженные специально только для впускных захоронений. Таких насыпей в Залахтовье оказалось четыре (три из наших раскопок и одна из раскопок К. В. Кудряшова). Что касается обнаруженного в могильнике грунтового захоронения, то здесь может быть два объяснения. Во-первых, оно вполне могло являться частью грунтового могильника, расположенного рядом с курганами, а во-вторых, подхоронением к близстоящей насыпи. Подобные подхоронения выявлены нами в курганах № 81 и 154.

Особое место среди исследованных залахтовских курганов занимает высокая круглая насыпь № 209. По своим размерам она не подходит к выделяемой

исследователями в могильниках культуры длинных курганов группе высоких «сопкообразных» насыпей, так называемых «сопок в борах» (Носов 1981а: 51—52; Конецкий, Носов 1995: 43—44). Тем не менее, это был достаточно большой курган около 2 м высотой, хотя при раскопках выяснилось, что его насыпная часть достигала лишь 1,36 м. Для придания визуальной внушительности памятнику был искусно использован рельеф местности. Интересно, что первые два этапа сооружения кургана явно были связаны с какими-то ритуальными действиями, поскольку погребения на этих стадиях возведения насыпи отсутствовали. В то же время обращают на себя внимание остатки деревянного настила, зафиксированные в основании насыпи, а также выровненная и задернованная площадка, обнаруженная на поверхности второго этапа подсыпки. Подобная выровненная площадка была открыта на вершине «недосыпанной» высокой насыпи в могильнике Избище I на р. Мологе (Башенькин 1995: 27). Можно предполагать, что настил в основании кургана и специальная площадка на уровне второго этапа использовались для определенных погребальных ритуалов. Любопытно и захоронение, совершенное на третьем этапе. Оно было поверхностным, то есть не присыпанным некоторое время землей, часть его сползла по склону этой промежуточной насыпи. По составу кальцинированных костей это было захоронение человека с лошадьёю. Возможно, погребение специально оставалось открытым для совершения каких-то поминальных действий. На каждом этапе курганная площадка оформлялась ровиками. Таким образом, в могильнике помимо курганов, которые явно использовались только для захоронений, могли существовать насыпи, мало отличающиеся сейчас по внешнему виду от обычных курганов, но которые являлись сооружениями, предназначенными не только для захоронений, а и для каких-то иных ритуальных действий.

Для датировок длинных курганов немногочисленный инвентарь залахтовских захоронений не дает никаких принципиально новых материалов, способных уточнить или изменить принятую в настоящее время хронологию этих памятников. В результате исследований последних десятилетий в погребальном инвентаре культуры длинных курганов выявлен целый пласт предметов, которые связываются со средневропейскими древностями поздне римского времени (Бажан, Каргопольцев 1986: 129—135; 1989: 28—35; Казанский 1999: 404—496), и именно они позволяют датировать сейчас культуру длинных курганов V—X вв. (Седов 1995: 215—216). Ранняя археологическая дата V в. в нескольких случаях подтверждается и по радиоуглеродным датам (Башенькин 1995: 25).

Поскольку длинные курганы являются составной частью могильника, имеющего явно западнофинский характер материальной культуры в XI—XII вв., то, безусловно, встает вопрос о преемственности в нем раннего и более позднего пластов древностей. Исходя из общей хронологии длинных курганов, следует предположить, что отдельные насыпи могли сооружаться еще и в X в., но уже на рубеже X—XI вв. в могильнике появляются первые грунтовые погребения с характерным прибалтийско-финским инвентарем.

Э. Ю. Тыниссон в своей рецензии на монографию В. В. Седова, рассматривая этническую принадлежность населения, оставившего длинные курганы, отмечал, что наряду с длинными курганами в древнерусских землях имеются круглые курганы с трупосожжениями IX—X вв., которые, как правило, содержат одно захоронение и нередко отличаются богатством погребального инвентаря.

таря. В качестве примера он приводит материалы Гнездовского могильника, а также Залахтовья (Тыниссон 1976: 303). Э. Ю. Тыниссон полагал, что в Залахтовье именно население, оставившее длинные курганы, стало основой для формирования своеобразной финской культуры, а поэтому он ставил под сомнение его славянскую принадлежность. Подобная постановка проблемы не нова. В литературе неоднократно рассматривался вопрос о неславянской принадлежности длинных курганов. Не раз высказывались взгляды, что длинные курганы смоленско-полоцкого региона относятся к памятникам смешанного балто-славянского населения (Ляпушкин 1968: 117—118; Шмидт 1971: 106—107), а псковско-новгородского района — к памятникам прибалтийских финнов (Лаул 1971: 319—329; Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 65; Аун 1980: 99—100; Конечкий 1989: 18).

Вопрос об этническом составе населения, оставившего длинные курганы, должен решаться в рамках его рассмотрения для всей территории распространения, где известны эти древности. Их ареал простирается от Юго-Восточной Эстонии на западе до бассейна Мологи на востоке и от бассейнов рек Луги и Мологи на севере до бассейна Западной Двины на юге. На основной территории своего распространения длинные курганы псковско-новгородского типа предшествуют могильникам древнерусской культуры. В некоторых микрорегионах намечается определенная преемственность между насыпями культуры длинных курганов и древнерусским пластом древностей. В частности, такими примерами могут служить в Восточном Причудье материалы комплекса погребальных памятников у д. Безьва (Хвошинская 1997: 137) и ряд курганных могильников в бассейне р. Мологи (Левоча, Кобожа, Володи, Новинка и др. — Башенькин 1995:28).

О том, что длинные курганы во многом не связаны с местным финно-угорским населением, свидетельствует их соотношение с более ранними древностями, особенно на окраинах ареала их распространения. Так, для восточных районов Новгородской земли, занятых в первой половине I тыс. н. э. различными группами финно-угорского населения, установлено, что появление здесь в середине I тыс. н. э. культуры длинных курганов никак не связано с развитием местных финских традиций. Население, оставившее культуру длинных курганов, по мнению А. Н. Башенькина, является пришлым и продвинулось сюда из района Верхней Волги (Башенькин 1995: 19, 29). Близкая картина наблюдается в Юго-Восточной Эстонии. Здесь на территории, занятой с I тыс. до н. э. каменными могильниками эстов, в середине I тыс. н. э. появляются длинные курганы. Новое население по характеру материальной культуры принципиально отличалось от населения, оставившего каменные могильники. Появление этой культуры было связано с продвижением населения с юго-востока, из бассейна р. Великой.

Раскопанные в Залахтовье различные по форме насыпи культуры длинных курганов не являются подосновой последующей курганной культуры XI—XII вв. — ни по погребальному обряду, ни по вещевому инвентарю, ни по характеру лепной керамики. Это надо подчеркнуть специально. Насыпи XI—XII вв. в данном могильнике оставлены иной группой населения. Оно появилось в Залахтовье на рубеже X—XI вв. Именно материальная культура данного населения определила особенности залахтовского погребального комплекса. Длин-

ные курганы известны на огромной территории, но только в Залахтове их сменяла столь специфическая для Новгородской земли культура. Очевидно, существовали свои особые причины и исторические обстоятельства для этого.

Новое население первоначально хоронило своих умерших по обряду кремации, либо в грунтовых ямах, либо в специальных деревоземляных сооружениях. В течение первой половины XI в. наблюдается переход жителей Залахтовы к обряду ингумации в грунтовых ямах, который затем сменяется курганным обрядом захоронения: сначала в подкурганых грунтовых ямах, а затем погребениями на горизонте земли. Таким образом, на протяжении двух веков (XI—XII вв.) происходит полная смена и постепенное развитие погребального обряда залахтовцев, которое свидетельствует о постоянных изменениях в мировоззренческих представлениях на уход в загробный мир членов данного древнего коллектива. Как показывают наши исследования, изменение в обряде погребения было сложным процессом и одновременно у залахтовских жителей могло существовать не менее трех различных видов погребального ритуала. Выбор обряда, прежде всего, зависел от статуса умершего в данном обществе и от его принадлежности к той или иной половозрастной группе. Не случайно среди грунтовых трупосожжений в основном доминируют детские захоронения, встречаются отдельные мужские, но полностью отсутствуют женские. С другой стороны, в сооружениях типа «домиков мертвых» представлены исключительно захоронения полноправных членов общества, включая подростков, сопровождающий погребальный инвентарь которых уже не отличался от инвентаря взрослой части населения. В этой связи чрезвычайно интересен переход от обряда кремации к обряду ингумации. Среди ранней группы погребений по обряду труположения в глубоких грунтовых ямах не встречено ни одного женского захоронения. Все захороненные в грунтовых ямах были либо мужчинами, либо детьми: женщин, видимо, продолжали сжигать. Только при переходе к курганному обряду границы между половозрастными группами стали стираться. Этот обряд стал универсальным для всех. Различия остались лишь в наборе сопровождающего погребения инвентаря. Подобная динамика развития погребального обряда, как, собственно говоря, и отдельные его типы, не находит аналогий среди погребальных древностей близлежащих территорий.

Особое внимание среди погребальных сооружений начала XI в. заслуживают разного типа деревоземляные конструкции вокруг захоронений. Их можно реконструировать как легкие дощатые или плетеные квадратные сооружения, заполненные внутри песком. В тех случаях, когда рядом с погребальной ямкой находилась глубокая столбовая ямка (как мы их называем, «захоронения с двойной ямкой»), по-видимому, деревянный столб или, может быть, идол возвышались в центре всей конструкции, отмечая ее на местности. Более внушительные сооружения представляли собой срубы в три—четыре венца, в центре которых находилось погребение, а внутренняя их часть сверху засыпалась песком. Иногда выделялся утопанный «вход» в домик. Несомненно, здесь мы встречаемся с представлением древнего населения о доме, который сооружали для умершего соплеменника.

Среди ближайших аналогий залахтовским конструкциям можно указать погребальные сооружения финно-угорского населения Приладожья (Назаренко 1987: 181; Nazarenko 1990: 137—140; Богуславский 1995: 22—23) и Молого-

Шекснинского междуречья (Башенькин 1985: 77—81; 1988: 11; 1995: 8—12; 1996: 27). Они несколько отличались по деталям погребальных конструкций и характеру помещения кальцинированных костей. Это были срубные сооружения, расположенные углами по сторонам света, как и у населения Залахтовья, однако при совершении погребального обряда ритуал был несколько иным. В. А. Назаренко, рассматривая погребальный обряд финского населения Приладожья, пришел к выводу, что «у древних коллективов, здесь обитавших, погребальными памятниками докурганной культуры были „домики мертвых“ — наземные, квадратные в плане деревоземляные сооружения» (Назаренко 1979: 155). Использование деревянных конструкций на погребальных кострищах зафиксировано и у населения Ярославского Поволжья (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 209, 212). Идея сооружения «домиков мертвых» у финно-угорского населения начала II тыс. н. э. восходит к более ранним традициям, которые на археологическом материале зафиксированы в дьяковской культуре (Краснов Ю., Краснов Н. 1978: 140—152) и в культурах Волго-Окского междуречья (Третьяков 1941: 51; 1941-а: 20; Горюнова 1961: 78—81). Однако если истоки этой традиции прослеживаются уже в раннем железном веке, то ее пережитки доживают до современности. П. А. Висковатов, обследуя окрестности С.-Петербурга, отмечал, что в 50-х годах XIX в. у некоторых финнов был известен «обычай общего погребения». Так, например, «в селе Мартышкине близ Ораниенбаума, среди чухонского лютеранского кладбища, существовало, а может быть и теперь существует, старое продолговатое, низенькое строение, или, вернее крыша над низкими стенами врытого в песок строения. Внутри оно было разделено деревянными же перегородками; каждое помещение принадлежало определенной деревне. Сюда свозили гробы с покойниками обыкновенно по воскресеньям» (Висковатов 1891: 207). П. И. Мельников-Печерский, рассматривая культурные традиции мордвы, упоминал, что в XIX в. над своими могилами мордва возводит срубы с тесовой крышей, над которой ставился крест (Мельников-Печерский 1876: 92). Опираясь на данные русской этнографии, Б. А. Рыбаков отмечал, что имеется «много примеров сооружения домовин-столпов на кладбищах от архангельского Севера до казачьего Дона» (Рыбаков 1987: 90—92).

В целом идея создания специального погребального «дома» для умерших членов древнего коллектива далеко выходит за рамки финно-угорского мира. Деревоземляные сооружения, иногда с применением каменных конструкций, широко известны и у индоевропейских народов, в частности у славян и германцев. Типология деревянных конструкций в курганных могильниках славян конца I — начала II тыс. н.э. на территории Польши была разработана Х. Цолль-Адамиковой (Zoll-Adamikowa 1968: 141—155; 1975: 120, 123, 130, 131, рис. 49, 56; 1979: 85—103; 1979-а: 73—119). Чрезвычайно интересна приводимая ею реконструкция северной части могильника в Гахро по Г. Ветцелю (рис. 50). Оформление деревянными срубами в три венца земляных насыпей и столбы в их центре и по краям поразительно напоминают конструкции, которые мы реконструируем по материалам Залахтовья. Основное отличие заключается в том, что все захоронения в Гахро, по мнению Х. Цолль-Адамиковой, находились на поверхности деревоземляных сооружений или на столбах, в то время как в нашем случае очевидно, что они были внутри конструкций (рис. 21).

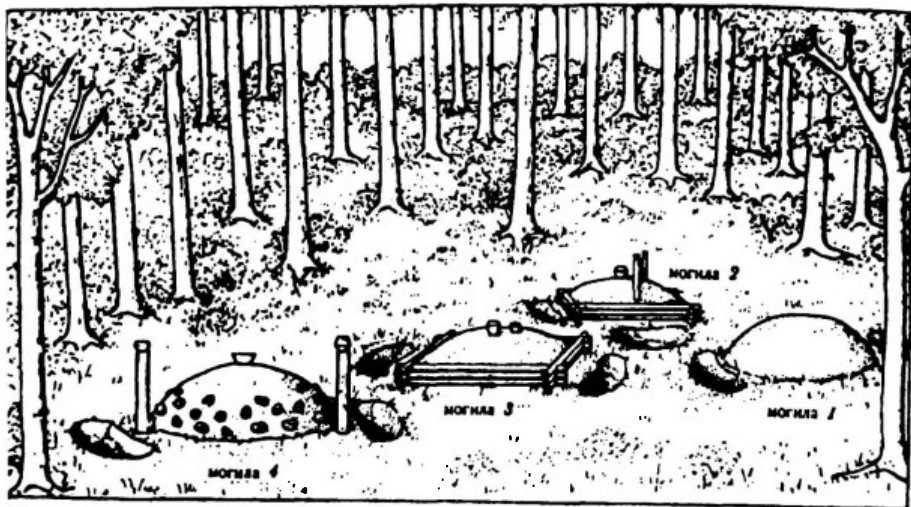

Рис. 50. Реконструкция северной части могильника в Гахро по Г. Ветцелю
(из работы Х. Цолль-Адамиковой)

Свод славянских курганов второй половины I тыс. н. э. с трупосожжениями и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы составлен З. Д. Бессарабовой (Бессарабова 1973: 65—82). Деревянные домовины встречались в древнерусских курганах близ Новогрудка (Павлова 1974: 61—62). Квадратное деревянное сооружение было открыто в своеобразных курганах на территории латгалов в могильнике Куцини (Радиньш 1987: 80—81). Многочисленные и разнообразные погребальные конструкции, которые вполне могут интерпретироваться как «дома мертвых», исследованы на территории Северной Европы, причем хронологические рамки бытования этих сооружений достаточно широки (Andersen 1951: 126—128; Liversage 1983: 5—16). Подобные археологические примеры несомненно можно продолжить. Мы хотим подчеркнуть лишь то, что сооружения типа «домиков мертвых» не являются индикатором финно-угорской культуры и ее специфической чертой. Их сооружение отражает единую систему мировоззрения древних народов на переход человека из «дома живых» в «дом мертвых», где он может продолжить свою жизнь в ином мире. В дальнейшем в этнографическом и фольклорном материале фиксируется замена дома могилкой и гробом — в русском языке «домовина, домок», в белорусском «домовье», в украинском «гарна хата» и т. д. (Седакова 1990: 57). Не случайно среди археологических культур даже одной этнической группы населения на широкой территории трудно найти полностью идентичные погребальные деревянные сооружения, так как у каждой общины имелись свои представления о том, как должно выглядеть место для помещения праха усопших родственников. По мнению некоторых исследователей, такие конструкции были «входом в страну мертвых», «местом постоянного обитания предков» (Назаренко В., Назаренко Ю. 1988: 41). «Домики мертвых» отличались от домов живых прежде всего отсутствием в них такого важного признака, как очаг. Исключением в этом плане являются погребальные сооружения (как деревоземляные конструкции, так и курганы) Юго-Восточного Приладожья, где присутствует очаг со всеми

его атрибутами, а внутреннее пространство погребального сооружения разделено на женскую и мужскую половины (Кочуркина 1973: 11—15). В Приладожье «попытки придать погребальным сооружениям вид жилищ обретают устойчивость в процессе перехода от кремации к ингумации» (Назаренко В., Назаренко Ю. 1988: 41).

Именно в эту эпоху перехода от обряда кремации к обряду ингумации мы застаем и залахтовское общество. Причем, как мы уже показали, такой переход был явлением достаточно сложным. Если одних членов древнего коллектива залахтовцы еще продолжали сжигать, то других уже начали хоронить по обряду трупоположения. В конце I— начале II тыс. н. э. практически у всех народов, живущих в лесной зоне Восточной Европы, происходит такая смена обряда. В настоящее время нет определенного объяснения данному факту, но несомненно, что это связано с изменениями в мировоззренческих представлениях внутри самих древних коллективов.

Проблема перехода от обряда кремации к обряду ингумации широко дискутировалась и до сих пор дискутируется в археологической литературе. Материалы древнерусских памятников позволили исследователям сформировать три основные точки зрения по поводу смены одного обряда другим: 1) переход к ингумации свидетельствует о христианизации населения (Спицын 1899: 319; Успенская 1953: 119; Соловьева 1956: 148—149); 2) появление обряда ингумации не связано с христианством, а объясняется различными причинами: социальными, экономическими, влиянием иранской мифологии на славянское язычество и т. д. (Моця 1987: 39, 45—47; Седов 1988: 48—50; 1993: 5—10); 3) мнение, синтезирующее оба этих взгляда на проблему, когда частично признается появление ингумации под влиянием христианства, но не исключаются при этом в конкретных случаях и другие причины (Конечкий 1990: 76—78 и др.; Рябинин 2001: 136—141). Безусловно, в основном эта дискуссия касается изменения обряда у славянских племен, и литература по данному вопросу в полной мере рассматривается в работах А. П. Моця и А. Е. Мусина (Моця 1987: 35—36; Мусин 1997: 5—6; 2001: 47—150).

Наряду с основными точками зрения по данной проблеме существуют разработки, касающиеся рассмотрения конкретных христианских символов в погребениях XI—XIII вв. у населения Новгородской земли и на смежных с ней территориях. Так, в частности, Н. А. Макаров полагает, что появление в курганах Белозерья и Каргополья крестов и образков при сохранении многих языческих черт в погребальном обряде все же свидетельствует о первой волне христианизации населения этих районов (Макаров 1991: 18—20).

Залахтовье на западной границе Новгородской земли относится к памятникам финского населения. У финнов обряд кремации заменяется обрядом ингумации примерно в то же время, что и у славян, и поэтому проблема смены обрядности актуальна и для археологов, занимающихся древностями финно-угорских племен. На территории Финляндии погребения по обряду ингумации появляются около 1000 г., хотя отдельные захоронения датируются уже концом VIII в. Такие ранние трупоположения были зафиксированы в могильниках в области Эура, а поэтому финские археологи считают, что новый обряд распространяется по территории Финляндии именно оттуда. Первые погребения по обряду ингумации часто находились на окраинах старых могильников

с погребениями по обряду кремации (Лехтосало-Хиландер 1992: 97). У исследователей Финляндии также нет единого мнения относительно взаимосвязи смены обряда и проникновения христианства. Например, Э. Кивикоски полагала, с одной стороны, что появление в могильниках захоронений по обряду ингумации можно рассматривать как импульс христианизации, с другой стороны, она в той же статье ставила под сомнение предположение, что грунтовые могильники Миккели-Тууккала и Висулахти с инвентарем и с захоронением бычка (в Висулахти) были прицерковными и соответственно христианскими (Kivikoski 1961: 231, 271—272). В свою очередь С. Пяльси в качестве признака в разграничении могил на христианские и языческие предлагает рассматривать ориентировку погребенных (меридиональная — языческая, западная — христианская, — Pääsi 1938: 30). П.-Л. Лехтосало-Хиландер, указывая на богатый инвентарь в ранних грунтовых могилах, содержащих украшения и детали костюма, считает, что «ингумация не может прямо связываться с влиянием христианского обряда погребения» (Лехтосало-Хиландер 1992: 97). В целом к очевидным христианским кладбищам финские исследователи относят прицерковные могильники с положением умерших головой на запад без сопровождающего инвентаря.

Близкая картина прослеживается и на территории Эстонии. Первые ингумации на территории Эстонии появились в начале II тыс. н. э. в составе более ранних каменных могильников с трупосожжением. В дальнейшем новый обряд стал вытеснять обряд сожжения. Как полагает Ю. Селиранд, «все больше внедрявшийся обычай трупоположения в каменных могильниках привел в конце концов к замене последних грунтовыми могильниками с трупоположениями» (Selirand 1974: 219). Распространение среди древнеэстонского населения обряда ингумации он напрямую связывает с влиянием христианства, причем импульс христианизации шел из русских земель, так как наиболее ранние грунтовые захоронения зафиксированы в восточной части Эстонии. Автор полагает, что первоначально христианизация затронула высшие социальные слои эстонского общества (Selirand 1974: 226). В последние годы среди эстонских археологов существует тенденция датировать наиболее ранние трупоположения временем не позднее второй половины X в., хотя пересмотр прежних датировок неоднозначен. В связи с этим ставится вопрос о том, что ингумации могли появиться не только под влиянием с востока, но и под западным влиянием из Швеции, в частности Готланда, или из более южных районов Восточной Прибалтики. Тем не менее, обращает на себя внимание тот факт, что девять из 11 известных ранних могильников с ингумацией сосредоточены в восточной и северо-восточной Эстонии (а из шести, относимых к X в. по «новой» датировке, пять расположены в этих же районах) (Mägi 1999: 34—35, fig 2).

Не вдаваясь в подробности данной дискуссии, отметим, что материалы залахтовского могильника дают нам полное основание считать, что переход к обряду ингумации у данной группы населения никак не связан с влиянием христианства. Во-первых, после перехода к ингумации большинство погребений в могильнике имели восточную ориентировку, а ранние захоронения — северную, что никак не согласуется с христианской ориентировкой умерших — головой на запад. Во-вторых, погребения залахтовцев продолжают сопровождаться богатым инвентарем, включая многочисленные языческие символы, в частности всевозможные подвески-амулеты. В-третьих, трудно представить

христианское общество, в котором по половозрастному признаку одних хоронят по новому обряду ингумации, а других сжигают по старым языческим традициям. Несомненно, в течение XI—XII вв. залахтовцы оставались еще «добропорядочными язычниками». В этой связи заметим, что А. Е. Мусин, утверждая, что на территории Новгородской земли «христианские древности появляются вместе с обрядом ингумации в первой половине — третьей четверти XI в.», делает исключение для трупоположений Юго-Восточного Приладожья, а культура населения, их соорудившего, связана, по его мнению, с дружинными походами на Византию, и как результат они являются «имитацией христианского обряда» (Мусин 1997: 27). Трудно согласиться, что в языческой среде возникла «имитация» христианского обряда. Кроме того, не надо забывать, что население Приладожья является частью финно-угорского мира, постепенно интегрировавшегося в культуру Древней Руси. Залахтовский погребальный комплекс является ярким примером того, что переход к иному обряду, несомненно, был осознанным шагом, связанным с изменениями в мировоззрении общины.

В данном случае мы согласны с мнением В. Я. Конецкого, который считает, что переход от обряда кремации к обряду ингумации следует рассматривать как более сложный процесс, нежели просто уступку язычества христианству, ведь за этими двумя обрядами проступают различные представления о переходе умершего в загробный мир: «...за трупосожжением стоит идея перемещения души к предкам на небо, а за трупоположением — о загробной жизни в могиле и могиле как жилище умершего». По мнению В. Я. Конецкого, обряд трупоположения никак не противоречит языческим представлениям (Конецкий 1990: 76). Судя по всему, это было действительно так, хотя у жителей Залахтовья оба обряда были тесно связаны с идеей возведения некоего жилища.

Выше мы уже охарактеризовали дереvozемляные конструкции, содержащие погребения по обряду кремации. В свою очередь, ранние захоронения по обряду ингумации совершались в глубоких больших ямах, стенки которых укреплялись деревом, а над ямами сооружались перекрытия (рис. 30). Яма оставалась пустой, не засыпанной песком. Погребенного заворачивали в луб — подобие гробовища, а изредка помещали, видимо, в дощатый ящик. По существу, это были те же «домики мертвых», только впущенные в грунт. Во второй половине XI в. над ямами стали возводиться курганные насыпи, однако конструкции самих ям продолжали оставаться прежними. Со временем перекрытия прогнивали и обрушивались вместе с центральной частью насыпи в яму. Такое проседание грунта приводило к тому, что большинство черепов погребенных были сильно сплюснуты, а сосуды, стоящие, как правило, в ногах, раздавлены. В разрезе ям от перекрытий сохранились прослойки тлена. Надо отметить, что подобные прослойки впервые были зафиксированы и на чертежах К. В. Кудряшова. После того как грунт с перегнившими перекрытиями обрушивался в яму, насыпь досоypалась и ей придавалась полусферическая форма.

Вообще традиция захоронений в не заполненных грунтом ямах имеет древние корни, уходящие еще в бронзовый век, и сохранялась у разных народов вплоть до позднего средневековья (Киселев 1949: 20, 42; Смирнов 1964: 85; Генинг 1977: 57; Ильинская, Тереножкин 1983: 232, 236; Археология 1985: 333, 336; Рафалович: 1986: 63—64, 76—77; Розенфельд 1987: 145; Косарев 1987: 278, 291). Однако на территории Древней Руси получили наибольшую известность так

называемые «срубные», или «камерные», гробницы (Моця 1987: 84—85; 1993: 57—61; Шаскольский 1965: 179). Обычно полагают, что в них похоронены либо выходцы из Скандинавии (Arne 1931: 16—17; Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 12), либо представители социальной верхушки Древней Руси (Моця 1987: 85—86, 128). Среди погребальных памятников, включающих в свой состав камерные захоронения с деревянными конструкциями, можно назвать курганы в Шестовицах, Седневе, Чернигове, Киеве и его окрестностях (Моця 1987: рис. 7), Гнездове (Авдусин, Пушкина 1989: 193, 198), Ладогe (Корзухина, Давидан 1969: 16—17; Назаренко 1985: 156, 162, 168; Михайлов 1996: 52—53) и т. д. Аналогичные по конструкции погребальные памятники встречаются и на территории собственно Скандинавии (Arne 1931: 294—301; Arbman 1955: 94; 1961: 100—101; Randsborg 1980: 123—126; Eisenschmidt 1994).

Все упомянутые погребения входят в группу элитных богатых захоронений, которые, как правило, располагались рядом с крупными торгово-ремесленными и административными центрами. Это, несомненно, особая группа памятников, которая не может быть сопоставима с сельским могильником Залахтовья. Общим для них является лишь идея перекрытия ямы и сохранения ее не заполненной грунтом. Однако при рассмотрении материалов Залахтовья отдельные исследователи используют для залахтовских захоронений, как, впрочем, и для некоторых других погребений на Северо-Западе Руси, термин «камерные гробницы» (Михайлов, Соболев 2000: 225), чем вносится путаница в общую типологию погребальных памятников древнерусского времени. Мы, в свою очередь, учитывая все сказанное, будем называть их «полями» погребальными ямами, которые имеют определенные аналогии на территории Северной Руси. Прежде всего, это грунтовый могильник на р. Варзуге Мурманской обл. (Овсянников 1985: 84—88), где финское население края хоронило своих умерших в незасыпанных ямах. Срубы, оборудованные для погребений, были исследованы и в курганах Юго-Восточного Приладожья (Кочкуркина 1973: 18, 61), и в бассейне р. Ваги на территории Заволочской чуди (Назаренко, Овсянников, Рябинин 1990: 95, Рябинин 1997: 141), и в районе Белозерья (Макаров 1997: 112). Необычный обряд, при котором внутриямные легкие деревянные конструкции впоследствии сжигались, был зафиксирован при раскопках жальничных могил В. В. Мильковым в бассейне р. Мсты (Мильков 1995: 83—84). Деревянные конструкции внутри грунтовых могил встречались у карел (Schwindt 1893: 203—204; Кочкуркина 1982: 43—44; Седов 1987: 46; Сакса, Тюленев 1990: 72), причем сооружение подобных срубов внутри ям сохранялось у них вплоть до XX в. (Равдоникас 1934: 5, 20, рис. 25). Таким образом, традиция устраивать подземные «домики мертвых» была широко распространена у финского населения северного региона. По характеру наземных конструкций над ямами залахтовские захоронения особенно близки этнографическим сооружениям на могилах хантов (рис. 51). У них над погребальной ямой возводили надгробные постройки, напоминающие дом, на одной из торцовых сторон которого оставляли отверстие, закрытое дощечкой, через которое в дни поминок усопшему клали различные предметы первой необходимости (Zolk 1982: 156—158).

К устойчивой черте погребального обряда залахтовцев относится традиция заворачивания погребенных в луб или бересту. Только в двух случаях прослеживаются остатки какого-то дощатого гробовища (в погребении № 21 —

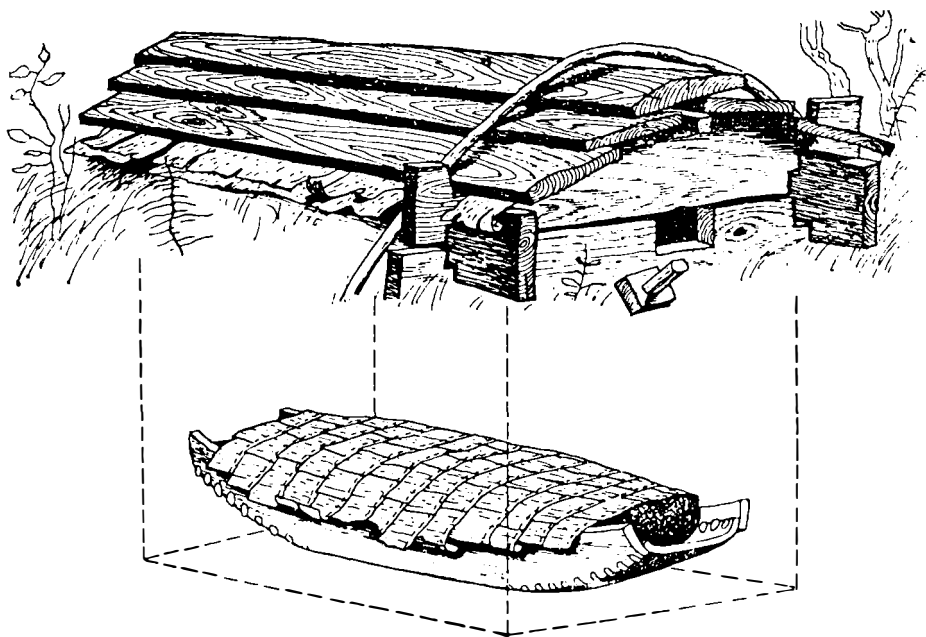

Рис. 51. Погребальное сооружение хантов (по М. Цольк)

фрагменты досок, а в погребении № 229 — заклепки, которыми скреплялось гробовище). Употребление в погребениях бересты или луба зафиксировано у различных народов Евразии. В период средневековья использование бересты известно в славянских курганах (Мельник 1901: 488—489; Арциховский 1930: 108; Моця 1987: 19—20), а также у различных финно-угорских и балтских народов (Никольская 1949: 34; Кравченко 1974: 125; Кочкуркина 1973: 61; 1982: 44; Овсянников 1985: 84, 87). В редких случаях в могилах Залахтовья сохранились остатки меха, на который был положен погребенный (курганы № 175, 186, 245).

Как правило, умерших клали в вытянутом положении на спине с руками, сложенными на животе или на груди. Однако нами было раскопано два захоронения, по расположению костей в которых можно говорить о сидячем положении умерших. Одно из них выявлено в группе грунтовых погребений (№ 9). Кости скелета располагались в западной части ямы как бы по вертикали на глубине от 0,35 до 0,54 м. Антропологический порядок костей был сильно нарушен. По всей видимости, погребенная была на что-то посажена лицом на восток и плотно завернута в луб. Второе захоронение с необычным расположением костей зафиксировано в группе курганных захоронений с грунтовыми ямами (№ 69). Здесь скелет находился в полном антропологическом порядке, однако сверху лежали сильно раздавленные кости черепа, под которыми позвонки располагались вертикально один над другим и только несколько предтазовых позвонков лежали в обычном горизонтальном положении. Так же вертикально были ориентированы и кости грудной клетки. Нет сомнения, что в данном случае мы имеем дело с достоверным сидячим погребением. Умершая была поса-

жена на дно ямы на овчину лицом на юго-запад и также завернута в луб. Важно, что оба сидячих захоронения являются погребениями девочек.

Кроме залахтовского могильника, отдельные сидячие захоронения на территории Причудья встречаются в могильниках Летепаз, Куремяз (северное Причудье), Калихновщина и Дубницы (восточное Причудье) (Лесман 1981: карта 1, Лиги А-1987: 41). Большинство материалов, привлекаемых исследователями для анализа сидячих погребений, получены при дореволюционных раскопках, и к их достоверности надо относиться довольно осторожно, учитывая несовершенство методики полевых работ конца XIX — начала XX в. На это неоднократно обращал внимание Е. А. Рябинин, проводивший многолетние полевые исследования погребальных памятников Новгородской земли (Рябинин 2001: 108). Именно поэтому сведения, приводимые в работах Ю. М. Лесмана (630 сидячих погребений в 71 пункте) и В. В. Седова, несомненно несколько завышены (Седов 1970: 117, рис. 33; Лесман 1981: 52). По данным Е. А. Рябининой, среди раскопанных им захоронений на Ижорском плато только 25% погребений можно достоверно считать сидячими, причем наибольшее их количество приходится на ранние курганы с погребениями на горизонте земли (конец XII — середина XIII в.), а затем в процессе эволюции обряда число их уменьшается. Наиболее поздние захоронения данного типа могут быть отнесены к последней трети XIII — началу XIV в. (Рябинин 2001: 108 — 109).

В. В. Седов считает, что погребения в столь необычной позе оставлены водским населением (Седов 1984: 157—161; 1987: 39—40). Его вывод основан на двух положениях, которые заключаются в том, что, во-первых, подобный тип захоронений преимущественно распространен на территории Ижорской возвышенности, в местах проживания этнографической воды, а во-вторых, что этот своеобразный обряд коррелирует с украшениями, которые В. В. Седов выделяет в качестве комплекса вещей финно-угорского происхождения. Е. А. Рябининой, специально рассматривая сидячие захоронения из собственных раскопок, не высказал определенного мнения о происхождении этого обряда, а лишь осторожно заметил, что этот похоронный обычай связан «с притоком в формирующуюся среду населения Ижорского плато носителей новых погребальных традиций» (Рябинин 2001: 109—110). В некоторых случаях, как например, в группе II Теглицы, по сообщению Е. А. Рябининой, почти все умершие были похоронены в сидячей позе. В связи с этим автор раскопок полагает, что данный памятник «принадлежит малой популяции, обитавшей по соседству с крупным поселком» (Рябинин 2001: 109). Как показывают материалы исследования разных могильников, в сидячем положении хоронили как взрослых, так и детей независимо от их половой принадлежности.

Мы не беремся интерпретировать многочисленные сидячие захоронения на Ижорском плато и выяснять достоверность сведений дореволюционных раскопок, а хотим только высказать некоторые предположения относительно двух сидячих погребений Залахтовья. По сравнению с сидячими захоронениями Ижорской возвышенности залахтовские погребения хронологически предшествуют им. Так, грунтовое сидячее погребение № 9 датируется концом XI — первой четвертью XII в., а курганное захоронение № 69 — первой половиной XII в., то есть ни о каком влиянии со стороны Водской земли говорить не приходится. Кроме того, для хорошо изученного залахтовского погребального комплекса

такой необычный способ захоронения является исключением из правила, в отличие от могильников Ижорского плато, где, если даже ориентироваться на подсчеты Е. А. Рябины, четверть исследованных погребений представляют захоронения в сидячем положении. Обращает на себя также внимание тот факт, что залахтовские погребения не однотипны по позам, то есть нет стандартности в этом обряде. Одна похороненная девочка сидела на какой-то подставке, подобно захоронениям в Даймище (Лебедев 1977: 140) и Теглицах (Рябинин 1981: 28), а другая — на дне ямы. Все это наводит на мысль, что объяснение наличия в Залахтовье сидячих погребений прямым образом не связано с решением проблемы формирования во второй половине XII в. на территории Водской земли Великого Новгорода особого типа погребального обряда. Появление подобных захоронений в Залахтовье вызвано, по-видимому, какими-то местными особенностями. Возможно, объяснение кроется в причинах смерти. Оба погребения принадлежат детям, умершим очень рано и, возможно, неестественной смертью. По русским этнографическим материалам хорошо известно, что людей, умерших неестественной смертью (так называемых заложных покойников), часто хоронили несколько иным способом, таким образом оберегая живущих от посещения их духов (отсюда легенды о домовых, русалках, упырях, вампирах и т. д.) (Зеленин 1991: 352—354, 413, 416 и др). Мы, конечно, ничего не можем доказать в этом случае, но в качестве варианта объяснения вполне возможно предположить, что сидячее положение покойного связано с причиной его смерти.

Вообще надо отметить, что сидячие захоронения в регионе Балтики — это отнюдь не специфика территории Ижорского плато и примыкающих к нему районов. Данный вопрос гораздо сложнее и связан с многообразием представлений древних народов о загробном мире. Мы ограничимся здесь указанием лишь на последнюю работу шведского исследователя Н. Прайса, который в книге 2002 г. коротко затронул проблему сидячих погребений у северных народов (Price 2002: 134—141). Н. Прайс приводит примеры упоминания сидячих захоронений в исландских сагах. Он обращает внимание на то, что Х. Стоппе при раскопках Бирки установил, что умершие были помещены в погребальные камеры в сидячем положении. В начале 80-х годов XIX в. Х. Стоппе посчитал сидячими захоронения в ряде погребений в кораблях в Венделе (в частности, захоронение IX, где был похоронен мужчина на стуле). Выводы Х. Стоппе в отношении интерпретации погребений в Бирке поддержал Х. Арбман. Н. Прайс высказывает удивление, что только А.-С. Граслунд в исследовании 1980 года обратил внимание на эти важнейшие наблюдения Х. Стоппе и Х. Арбмана. Н. Прайс в своей книге приводит графические реконструкции двух камерных захоронений из Бирки. В первом из них (№ 834) мужчина сидит на стуле и держит на коленях женщину, во втором (№ 845) перед нами сидячее женское захоронение. По мнению автора, оно являлось погребением шаманки.

Среди погребальных памятников северо-западной окраины Новгородской земли Залахтовье выделяется и характером ориентировки погребенных. Умершие независимо от пола и возраста в большинстве случаев были похоронены головой на восток, часто с отклонениями к югу и северу. В ранних грунтовых ямах наблюдается северная ориентировка, а в незначительном числе курганов XI—XII вв. зафиксирована западная ориентировка.

Меридиональную ориентировку умерших, и прежде всего северную, принято считать характерной для финно-угорских народов (Седов: 1966: 246—248; 1982: 245—248; Sedov 1990: 141—147). Как полагает В. В. Седов, это прямым образом связано с древней финской мифологией, по которой земля умерших называлась «Северным домом» и располагалась далеко на севере (Sedov 1990: 148). Вопрос об интерпретации восточной ориентировки долгое время дискутировался в археологической литературе. До того времени, пока не были получены новые материалы по погребальным памятникам финно-угорского населения северного региона, существовало мнение о том, что восточная ориентировка является, прежде всего, восточнобалтской традицией (Седов 1970: 164—171). Действительно, в грунтовых могильниках балтских племен фиксируется положение костяков головой на восток (Нукшинский могильник 1957: 20; LA 1974: 222—223), причем балты дифференцированно подходили к ориентировке умерших (головой на восток они хоронили только мужчин, а женщин — головой на запад). На территориях, соприкасающихся с восточнобалтийским регионом, безусловно, восточную ориентировку можно рассматривать как результат балтского влияния. В могильнике Сиксали начала II тыс. н. э. в южной Эстонии С. К. Лаул были исследованы грунтовые захоронения, в которых несомненно ощущалось сильное латгальское влияние, однако ориентировка была совершенно иной. Мужчины были ориентированы головой на юго-запад, а женщины — на северо-восток (Лаул 1983: 330—333).

В последнее время в результате новых археологических исследований получены убедительные материалы о том, что восточная ориентировка была свойственна в древности и финно-угорским племенам. По мнению П. Лиги, «подобная ориентация была характерна для захоронений води, эстонцев и других прибалтийско-финских народов» (Лиги 1987: 12—13). В своих работах Е. А. Рябинин рассматривает восточную ориентировку также в качестве элементов финской погребальной обрядности (Рябинин 1990: 24—25; 1997: 54—55; 2001: 105). Если обратиться к погребальным памятникам, территориально близким к Залахтовью, то восточная ориентировка встречается в могильниках Ольгин Крест, Калихновщина, Скарятин Гора, Криуши (Спицын 1903: 59—63). Ранние комплексы с выраженным прибалтийско-финским инвентарем в могильнике Бегуницы имели также восточную ориентировку (Рябинин 1990: 24; 1997: 54—55; 2001: 35—38.). Ориентация погребенных головой на восток встречается и в погребальных памятниках восточных районов Новгородской земли (Ширинский-Шихматов 1906: 53—62; Макаров 1997: 111—112)¹ и у карел (Кочкуркина 1982: 43). В залахтовском погребальном комплексе традиция ориентировать умерших головой на восток существовала на протяжении двух столетий и, несомненно, связана с финской культурой. Судя по отдаленным параллелям, подобная традиция известна у финно-угорского населения и в предшествующие исторические периоды, например в Шатрищенском могильнике

¹ И. В. Исланова связывает восточную ориентировку в Федовском могильнике с балтским субстратом (Исланова 1989: 88). В. Я. Конецкий объясняет все гораздо более просто, а именно тем, что погребенных у сопки помещали головами к центру насыпи, то есть ориентировка по сторонам света в данном случае не имела определяющего значения (Конецкий 1982: 74—77).

V—начала VIII в. (Кравченко 1974: 121), в ряде грунтовых могильниках муромы V—XI вв. (Голубева 1997: 84—85, табл. 6) и у прикамских финнов (Розенфельд 1997: 145).

Рассматривая особенности погребального обряда залахтовцев, следует отметить еще одну устойчивую черту, которая проявляется только в захоронениях, совершенных по обряду кремации, а именно порчу и втыкание в остатки сожжения оружия и орудий труда, а также преднамеренное разбивание сосудов. При раскопках были найдены воткнутые в погребение большие пружинные ножницы (№ 162), топор и наконечник копья, которыми был пробит щит, покрывавший ямку с кальцинированными костями (№ 202). В кургане № 131 среди инвентаря, сопровождающего захоронение, был обнаружен согнутый пополам меч. Неоднократно находились погнутые ножи. В ровике деревоземляного сооружения № 17 встречено однолезвийное орудие со свернутым черенком. Ни в одном погребении по обряду кремации не найдено целых сосудов, а лишь фрагменты одного или нескольких горшков и мисок.

Подобная традиция порчи оружия хорошо известна у разных народов Северной Европы в эпоху железного века. Из ближайших аналогий можно указать памятники Эстонии. Такая черта погребальной обрядности была зафиксирована как в каменных могильниках Эстонии V—VI вв. (Седов 1987: 17), так и в немногочисленных трупосожжениях X—XI вв. на территории северо-восточной Эстонии (Лиги 1987: 8). Преднамеренная порча орудий труда на западе Ижорского плато, по данным Е. А. Рябинина, дожила вплоть до позднего средневековья (Рябинин 1990: 21; 2001: 110).

Е. В. Спиридонова, рассматривая традицию порчи оружия и различных бытовых предметов в финно-угорских могильниках Верхнего Поволжья, считает, что здесь мы сталкиваемся с обрядом «запираания», хорошо известным по материалам этнографии (Спиридонова 2001: 120—124). Автор полагает, что «запирали» не всех погребенных, а лишь тех, кто умер «плохой» смертью и которых приходилось опасаться.

В Залахтовье в захоронениях с сожжениями не найдено целых сосудов, кроме одного случая, когда погребение было накрыто миской (№ 5). Согнутые, сломанные и воткнутые железные предметы встречены в 15 захоронениях из 36 трупосожжений. Таким образом, в данном могильнике мы встречаемся с устойчивой традицией, которая исчезает при переходе населения к захоронениям по обряду ингумации. Видимо, сам обряд сожжения, когда от человека оставалась горсть кальцинированных костей, в мировоззренческом плане согласовывался с обрядом порчи оружия, орудий труда и битьем посуды. Судя по всему, обряд сожжения предполагал мгновенный переход человека из одного состояния в другое. Часть вещей, прежде всего украшения, переплавлялась на костре и следовала за их владельцем. С остальными предметами, которые огонь не мог нарушить, возможно, проводили какие-то ритуальные действия, при которых они ломались и гнулись, тем самым им как бы обесценивался быстрый переход в загробный мир. В этом отношении интересно упомянуть, что в широком плане «представление о потустороннем мире как с противоположными (перевернутыми) связями особенно отчетливо проявляется в славянских похоронных обрядах, которые находят при этом широкие типологические параллели». Противопоставление мира живых и мира «мертвых» проявляется в плане оппозиции

«целое — не целое». Это «типологически обычное» явление, как отмечает Б. А. Успенский, в частности находит пример в этнографии телеутов (алтайских тюрков). Они, «хороня вместе с покойником вещи, необходимые ему в загробном мире, специально ломают их (причем портят и новые вещи!), имея в виду именно то, что вещи, которые здесь имеют обратный вид (сломаны), получают там прямой настоящий вид» (Успенский 1994: 322—323).

Рассмотрев различные особенности погребального обряда жителей Залахтовья и динамику его развития с рубежа X—XI вв. до рубежа XII—XIII вв., следует отметить, что в этом отношении данный археологический комплекс полностью отличается от памятников соседних территорий. Близость улавливается лишь на уровне сходства отдельных элементов погребального обряда, которые, впрочем, как мы старались показать, были широко распространены на территории всей лесной зоны Восточной Европы. Однако вся в совокупности картина динамики развития погребального обряда с характерными деталями для каждой группы погребальных сооружений, выявленных нами в Залахтовье, прямых аналогий себе не находит.

Ближайшим могильником древнерусского времени, расположенным в 6 км юго-восточнее Залахтовья, является курганный комплекс у д. Кятицы. В начале XX в. 13 насыпей в нем были исследованы К. Д. Трофимовым (Трофимов А-1909: 43—46). Мы специально обратили внимание на этот памятник и предприняли, одновременно с работами в Залахтовье, дополнительные раскопки в нем двух курганов, чтобы сопоставить материалы Кятицы с Залахтовьем (Хвошинская 1983: 42—43). Обобщая все имеющиеся данные, отметим, что, как и Залахтовье, могильник Кятицы состоит из двух различных хронологических пластов древностей: насыпей культуры длинных курганов и курганов древнерусского времени. Датировка курганов древнерусского времени усложнена из-за невыразительности или полного отсутствия погребального инвентаря. Сопровождающие захоронения вещи встречены лишь в шести погребениях. В их число входят бусы, монеты-подвески, подковообразные фибулы со спиральными головками, топор, нож, гончарные сосуды. Суммарно они позволяют датировать данную часть могильника концом XI — XIII в. Таким образом, между длинными курганами и насыпями древнерусского времени существовала хронологическая лакуна.

Погребения древнерусского времени либо находились на горизонте земли, либо в небольших грунтовых ямах. Захоронения были ориентированы головой на запад. Ямы не имели никаких внутренних деревянных конструкций, подобно залахтовским, а просто засыпались песком и сверху перекрывались невысокими курганными насыпями.

В целом по характеру немногочисленного погребального инвентаря данная группа типична для древнерусских курганов Псковской земли и входит в микрорегиональную группу памятников, расположенных в бассейнах рек Желчи и Черной. Этот район непосредственно с юго-востока примыкает к месту нахождения Залахтовья (рис. 1). Всего в нем известно 14 могильников, в 10 из которых в разное время было раскопано более 50 курганов, причем Кятицы — ближайший пункт к Залахтовью. Подчеркнем особую бедность в количестве и составе инвентаря исследованных здесь погребений. Больше половины захоронений оказались вообще безынвентарными, причем подобная картина наблюдается

на разных этапах существования курганных групп. С некоторой определенностью только пять насыпей можно отнести к XI—XII вв. (в могильниках Самолва, Безьва, Замежничье и Сельцо) и три — к XII—XIII вв. (в могильниках Самолва, Дубница и Безьва).

К XI — началу XII в. определенно относятся курганы № 3 у д. Безьва (группа III) и № 1 у д. Самолва на основании обнаруженных в них пластинчатых широкосрединных перстней с завязанными концами, которые не встречаются позднее XII в. (Седова 1981: 129—130; Недошивина 1967: 256—257). В курганах № 2 у д. Замежничье и № 3 у д. Сельцо наряду с аналогичными перстнями были обнаружены грушевидные бубенчики с крестообразной прорезью и ленточные узкомассивные браслеты, датирующиеся концом X — началом XII в. (Седова 1959: 237, 250; Мальм, Фехнер 1967: 136). Кроме того, в кургане у д. Сельцо находилась дротовая гривна с гранеными головками конца X—XI в. (Фехнер 1967: 59—62). Курган № 1 у д. Безьва II датируется XI в. на основании широкоуголой лунницы конца X — начала XII в. (Успенская 1967: 103).

К XII—XIII вв. относятся курган № 3 у д. Самолва на основании найденного в нем рубчатого перстня, характерного для этого времени (Седова 1959: 255), курган № 4 у д. Дубница по обнаруженному в нем шаровидному бубенчику со шелевидной прорезью, датируемому тем же периодом (Седова 1959: 237). Также ко времени не ранее XII в., можно отнести два захоронения в кургане № 14 у д. Безьва (группа II) по сочетанию различных типов бус в женском захоронении и характеру поясного набора в мужском погребении (Хвошинская 1997: 132—135).

Скорее всего, ингумации на горизонте земли в этом микрорегионе предшествовали ингумациям в грунтовых ямах, как, собственно, это прослеживается и на других северных территориях Древней Руси, но утверждать это без дополнительных исследований нельзя. Особо отметим, что в могильнике Безьва Н. Н. Чернягиным и нами была зафиксирована необычная традиция впускных погребений в более ранние насыпи. В целом захоронения этого микрорегиона были ориентированы исключительно головами на запад. Никаких следов деревянных конструкций в курганах не наблюдалось, только вокруг двух из них зафиксированы венцы из валунов. Все это принципиально отличает данный пласт древностей от Залахтовья.

В бассейнах рек Желчи и Черной курганная культура конца XI—XII в. представлена набором вещей, характерным в целом для древнерусской культуры Новгородской земли. Несмотря на общую бедность погребального инвентаря, можно констатировать, что для женского убора в данном регионе были характерны различные типы височных колец (ромбошитковые, проволочные перстнеобразные с завязанными концами, с завитком на одном конце, иногда с напущенными на них металлическими бусами или трапециевидными подвесками и т. д.). В качестве шейных украшений в основном использовались ожерелья из бус, к которым подвешивались монеты, а в редких случаях другие типы подвесок. Шейные гривны были обнаружены только в двух случаях (Сельцо № 3; Безьва III, № 1/3). В отдельных погребениях встречены браслеты (узкомассивные, пластинчатые, витые), фибулы со спиральными головками, горшки и ножи. К редким предметам относится булабочка с парноспиральной головкой (Безьва II, курган № 1/2), а также набор из 40 мелких серебряных бляшек

от головного убора (Безьва II, курган № 3/1). Мужские захоронения XI—XII вв. отличались от женских присутствием в них металлических элементов поясов: пряжек (в семи погребениях), главным образом лировидной формы, и простых бронзовых колец (в восьми погребениях), в одном случае пояс был украшен круглыми и пятиугольными бляшками, а также бронзовым наконечником с растительным орнаментом (Безьва III, погребение № 1). Кроме того, в мужских погребениях встречались ножи, в единичных случаях калачевидные кресала, кусочки кремня, гончарные сосуды, топор (Кятицы). Из редких находок можно упомянуть подковообразную фибулу с гранеными головками (Самолва, курган № 2), витой браслет (Безьва III, курган № 3), широкосрединные перстни с завязанными концами (Безьва III, курганы № 3, 14/1) (Хвошинская А-1978: 105—110; 1997: 130—134). По составу и характеру погребального инвентаря рассмотренные курганы сопоставимы с древнерусскими памятниками центральных районов Новгородской земли и кардинально отличаются от залахтовского погребального комплекса. В количественном отношении в отдельных залахтовских погребениях обнаружено предметов больше, чем во всех вместе взятых курганах XI—XII вв. бассейнов рек Желчи и Черной.

Для каждого женского погребения в Залахтовье обязательен определенный набор украшений — ножи, серпы, сосуды и другие предметы домашнего обихода. При этом среди женских украшений отсутствуют височные кольца (кроме двух случаев), являющиеся важным показателем этнической принадлежности, зато в изобилии встречены различные нагрудные, шейные и наручные украшения, которые ни разу не были обнаружены в древнерусских курганах более южного региона. В набор мужских залахтовских захоронений обязательно входило оружие (топор и копье), а во всех курганах бассейнов рек Желчи и Черной зафиксирован только топор. Большинство мужских погребений в Залахтовье сопровождалось определенным комплексом предметов и украшений, видимо, традиционным для обряда захоронения у этой группы населения. К характерным его элементам относятся: массивные подковообразные фибулы, металлические элементы поясов; инструменты и предметы домашнего обихода (ложкари, скобели, косы, кресала, ножи, сосуды и др.); различные типы наручных украшений (перстни, браслеты). В целом столь богатый по составу материал, представленный в курганах Залахтовья, ни в какое сравнение не идет с бедной и, в основном, безынвентарной культурой древнерусского населения бассейнов рек Желчи и Черной. Причем различия наблюдаются не только в количественном, но и в качественном его составе. Основу материальной культуры Залахтовья составляли вещи прибалтийско-финского характера, в то время как в курганах более южного района можно найти лишь редкие предметы, связанные с древностями народов Балтийского региона. Среди них, прежде всего, следует назвать дротовую гривну (Сельцо, курган № 3) и фибулу с многогранными концами (Самолва, курган № 2), а также булавочку с парноспиральным навершием (Безьва II, курган № 1/2).

Второе ближайшее к Залахтовью скопление погребальных древностей находится в Северо-Восточном Причудье в бассейнах рек Кунести, Чермы и верхнего течения Нарвы (рис. 1). Самым южным памятником этого скопления является могильник Сторожинец, расположенный в 14 км к северу от Залахтовья. Археологически данный район хорошо изучен. Всего здесь зафиксировано

23 курганные группы XI—XIII вв., в 15 из них производились раскопки, в результате которых было исследовано более 250 комплексов (Хвошинская 1985: 168—171). Согласно Ю. М. Лесману, основной массив курганных древностей в этом районе появляется не ранее третьей четверти XI в. (Лесман 1984: 132—133), то есть тогда, когда залахтовцы тоже начали сооружать курганы, но по характеру погребального обряда памятники Северо-Восточного Причудья отличаются от Залахтовья. Во-первых, в курганах этой территории доминирует западная ориентировка и только как исключение встречается восточная или северо-восточная. Во-вторых, первоначальным обрядом захоронения были ингумации на горизонте земли, которые затем сменились погребениями в грунтовых ямах. В Залахтовье картина обратная. В-третьих, при сооружении курганных насыпей в Северо-Восточном Причудье широко использовали камень (половина насыпей окружена венцами, в редких случаях найдены ящики и своды). В-четвертых, в погребальных ямах отсутствовали перекрытия, а соответственно и размеры ям были меньше. В-пятых, курганная культура Северо-Восточного Причудья имеет продолжение в своем развитии и перерастает в жальничные сооружения.

У населения Северо-Восточного Причудья переход к курганам с грунтовыми захоронениями проходил в течение XII в., то есть в то время, когда у залахтовцев, наоборот, наблюдалось уменьшение глубины подкурганных ям и происходила постепенная смена их захоронениями на горизонте земли. Таким образом, развитие погребальной обрядности в Залахтовье и в Северо-Восточном Причудье не связано между собой, а шло различными путями.

К важнейшим особенностям погребального ритуала населения Северо-Восточного Причудья следует отнести использование в курганах различных каменных конструкций. Почти половина насыпей была окружена каменными венцами, а кроме того, в единичных насыпях фиксируются каменные своды (Верхоляны, Калихновщина, Ольгин Крест (раскопки Н. Н. Гуриной) и ящики, выложенные из валунов. Эта черта, с одной стороны, отличала их от залахтовских насыпей и курганов, расположенных в бассейнах рек Желчи и Черной, а с другой стороны, сближала с различными каменными конструкциями, распространенными на территории Эстонии. В частности, в Алутагузе имеется необычная группа курганов у д. Палази. При сооружении насыпей здесь широко использовался камень. П. Лиги считал, что «курганное» население в Палази обитало уже в начале XII в., «когда эстонские коллективы еще сооружали каменные могильники», что невольно могло способствовать появлению оригинальных каменносводчатых насыпей. Сам же погребальный обряд и инвентарь, как особо подчеркивал П. Лиги, полностью идентичен курганным древностям Северного и Северо-Восточного Причудья. Погребенные были помещены в подкурганные ямы головой на запад или на восток. Восточная ориентировка, по мнению П. Лиги, непосредственно сближала палазиские курганы с ранними курганными захоронениями Гдовского региона (Лиги, Тамла 1986: 364—366; Лиги А-1987: раздел 2.3.8). Действительно, на территории Северо-Восточного Причудья в раннем пласту курганных древностей встречались погребения, ориентированные головой на восток и северо-восток, хотя в целом в отличие от Залахтовья доминировала западная ориентировка.

Специально остановимся на немногочисленных захоронениях по обряду кремации, встреченных в Северо-Восточном и Северном Причудье. Как мы пока-

зали, в Залахтовье основу могильника древнерусского времени составляли различные типы захоронений, совершенные по обряду кремации. В свою очередь, в более северном регионе не выявлено ни одного могильника, где бы значительное количество погребений по обряду трупосожжения предшествовало трупоположениям. Возможно, это связано с тем, что здесь не проводились раскопки широкой площадью, а отдельные кремации были обнаружены лишь при исследовании курганов и при случайных земляных работах.

В бассейне реки Чермы погребения по обряду кремации были встречены в могильниках Верхоляны и Калихновщина. По деталям погребального обряда они отличались от залахтовских. Это были подкурганые захоронения, помещенные на горизонт земли в слое угля и золы, так что А. А. Спицын считал их сожжениями на месте (Спицын 1903: 10—12). Ю. М. Лесман датирует погребения из Калихновщины не ранее XII в., а следовательно, по его мнению, они не предшествовали трупоположениям (Лесман 1984: 133).

Несколько иная картина наблюдается в бассейне р. Нарвы и в Северном Причудье (Алутагузе, рис. 1). Специальным анализом этих захоронений занимался П. Лиги (Лиги 1982: 362—363; Ligi 1983: 334—336; 1988: 269—272). В настоящее время имеются сведения о четырех местонахождениях остатков трупосожжений на этой территории (Йыуга, Кунингаюля I, Ольгин Крест и случайные находки на восточном берегу р. Нарвы). По мнению П. Лиги, они характеризуют особый обряд поверхностных и грунтовых захоронений, бытовавших у водского населения края в X—XI вв. С залахтовскими погребениями их сближает общий облик прибалтийско-финской материальной культуры, а также устойчивая традиция преднамеренной порчи погребального инвентаря — втыкания орудий труда и оружия и разбивание сосудов. П. Лиги рассматривает их в одном контексте с известными на разных территориях Эстонии грунтовыми, а отчасти поверхностными трупосожжениями, лишенными каких-либо каменных вымоستков (Лиги А-1987: раздел 3.3). В качестве примера он приводит трупосожжения X—XIII вв., обнаруженные в Кехра (северо-западная Эстония), Майдла-Лийва (северо-восточная Эстония), Раатвере (восточная Эстония), Лоотвина (юго-восточная Эстония) и Сиксали (южная Эстония) (Лиги 1987: 9). Несомненно, определенные параллели намечаются и при сопоставлении этих захоронений с ранними залахтовскими трупосожжениями.

В то же время, курганые трупоположения XII—XIII вв. на территории Северной Эстонии (Йыуга, Куремая) по характеру погребального обряда (захоронение в подкурганых грунтовых ямах с западной ориентировкой) и инвентаря даже эстонскими исследователями рассматриваются в рамках единой культурно-исторической зоны вместе с курганными древностями, распространенными восточнее р. Нарвы (Ligi 1988: 280—281), отличными, как мы показали, от залахтовского комплекса.

Материальная культура Северо-Восточного Причудья по сравнению с культурой населения бассейнов рек Желчи и Черной значительно богаче, а в наиболее ранних курганах конца XI — начала XII в. имеет ярко выраженный смешанный облик. Ее характеризует сочетание финно-угорских и славянских элементов. Особенно отчетливо это нашло свое отражение в сложившихся этнографических чертах женского праздничного этнографического наряда. В это время обитатели Чудского бассейна наряду с украшениями, характерными

для древнерусского населения Новгородской земли (височными кольцами, бусами, витыми и пластинчатыми браслетами, щитковыми перстнями с завязанными концами), широко использовали в одежде вещи финно-угорского облика (цепи, цепедержатели, подвески, дрововые гривны, ленточные и дрововые браслеты). Предметы различного этнического происхождения органически сочетались в одном костюме. Однако мы неоднократно отмечали, что использование финских по происхождению украшений было несколько иным, чем у собственно прибалтийско-финского населения (Конецкий, Носов, Хвошинская 1984: 164—166; Хвошинская 1985: 171—172). В целом это был древнерусский по своему характеру костюм, в котором несколько в переработанном виде использовались полюбившиеся славянкам финно-угорские украшения. Это полностью соответствует точке зрения Л. Нидерле, что у различных групп славян «роскошные одежды и украшения развивались лишь там, где славяне непосредственно соприкасались с соседними им финскими, тюрко-татарскими, прусско-литовскими и скандинавскими народами» (Нидерле 1956: 244). Редким исключением среди женских захоронений конца XII в. Северного и Северо-Восточного Причудья является курган № 2 в Куремяз (Пюхтица), в котором был найден комплекс металлических украшений, полностью соответствующий наряду эстонских женщин (Висковатов 1894: 242—243; коллекции хранятся в ГИМ: Р. 8/40-а, опись 932, инв. № 28974, 28975). По сравнению с женскими захоронениями в мужских погребениях конца XI — XII в. представлен более скромный набор металлических деталей одежды и украшений. Чаще всего встречались браслеты и перстни. Примерно половина погребений сопровождалось оружием (топорами, копьями, в редких случаях наконечниками стрел) и сосудами.

По своему облику материальная культура населения Северного и Северо-Восточного Причудья отличается от материальной культуры, представленной в курганах района бассейнов рек Желчи и Черной. Это, видимо, объясняется тем, что культуры обоих регионов формировались на разной основе. Однако, несмотря на то что ранняя древнерусская культура Северо-Восточного Причудья была богаче за счет включения в нее украшений, характерных для прибалтийско-финских древностей Балтийского региона, следует подчеркнуть, что основу комплекса одежды населения обоих регионов составляют украшения, в целом соответствующие древнерусским курганным древностям Новгородской земли. И именно этот факт отличает культуры обоих регионов от Залахтовья и ставит этот своеобразный погребальный комплекс в иной круг археологических памятников.

Проведенный анализ погребальных памятников, расположенных севернее и южнее Залахтовья, показывает, что группа населения, обитавшая на восточном берегу Теплового залива Чудского озера в XI—XII вв., жила в слабозаселенной зоне, между регионами распространения древнерусского населения бассейнов рек Желчи и Черной, с одной стороны, и Северо-Восточного Причудья — с другой. Залахтовцы обосновываются на берегу озера раньше, чем происходит широкое расселение в Северо-Восточном Причудье, исходя из современной хронологии древностей (согласно Ю. М. Лесману, курганы в Северо-Восточном Причудье появляются не ранее третьей четверти XI в.).

Одним словом, погребальный обряд и материальная культура Залахтовья не имеют ничего общего с культурой древнерусского населения, обитавшего

в близлежащих районах восточного побережья Чудского озера. Ясно и то, что длиннокурганная кудьтура не является подосновой для залахтовских древностей, как это наблюдается на некоторых памятниках бассейнов рек Желчи и Черной, в частности, в могильнике Безьва в 40 км от Залахтовья. Таким образом, истоки материальной культуры Залахтовья следует искать в совершенно ином районе.

Обратимся к памятникам на территории Эстонии, расположенным непосредственно напротив Залахтовья в Западном Причудье (район Кодавере). Традиционно считается, что основными погребальными памятниками древнеэстонского населения являются каменные могильники. Для конца I — начала II тыс. н. э. были характерны каменные могильники без особой внутренней структуры с погребениями по обряду трупосожжения. Кальцинированные кости и инвентарь помещались между камней, так что выделить отдельные погребения нет возможности (Селиранд 1966: 10; Selirand 1974: 37—64). На позднем этапе существования каменных могильников наряду с трупосожжениями в них фиксируются захоронения по обряду трупоположения. Однако картина не везде одинакова. В районе Кодавере все более отчетливо начинает проступать еще один значительный пласт древностей, а именно грунтовые трупосожжения в ямках X—XI вв. и грунтовые трупоположения XI—XII вв. Часть из них расположена рядом с каменными могильниками, часть обособлена. Именно среди этих древностей мы находим прямые аналогии ранним захоронениям Залахтовья. Ближайшими к Залахтовью погребальными памятниками этого региона, в частности, являются каменные могильники Лахепера, Кобрату и Сассуквере и грунтовые могильники Лахепера, Раатвере, Саваствере и Паламыйса (Selirand 1974: tahv. XLII; Lõugas, Selirand 1977: 285—286; Sitzung 1895: 157—158; Boehm, Goerz 1897: 53—57; Hausmann 1898: 144—151; Lavi 1978: 334—336; Лави 1978: 458—459; 1984: 406).

Рассмотрим подробнее материалы грунтовых могильников Лахепера и Раатвере. Могильник Лахепера находится на северной окраине древней долины Алатскиви в нескольких километрах от побережья озера (рис. 1). Он был открыт при случайных обстоятельствах местными жителями в 1894 г., и на следующий год его исследование провели Р. Хаусман, М. Бём и Л. Гёрц (Boehm, Goerz 1897: 53—57; Hausmann 1898: 144—151) В 1977—78 гг. А. Лави продолжил изучение этого интереснейшего памятника (Lavi 1978: 334—336; Лави 1978: 458—459). К сожалению, материалы могильника в полной мере не введены в научный оборот, но некоторые вещи из комплексов опубликованы в обобщающей работе Ю. Селиранда (Selirand 1974).

Особенностью Лахепера является то, что рядом с обычным для эстов каменным могильником, датируемым в данном случае первой половиной I тыс. н. э. — началом II тыс. н.э., здесь находились грунтовые захоронения с ингумациями. М. Бём и Л. Гёрц на площади, примыкающей к каменному могильнику, обнаружили 12 трупоположений на глубине около 0,5 м (два скелета женщины и ребенка были найдены в 1894 г.). Одни погребения были ориентированы головой на север, другие — на запад. Напомним, что в Залахтовье в грунтовых захоронениях нет стабильности в ориентировке погребенных, но преобладают направления на запад и север с различными отклонениями. Ранние погребения в Лахепера относятся к XI в., то есть они были синхронны залахтовским грунтовым ямам с трупоположениями.

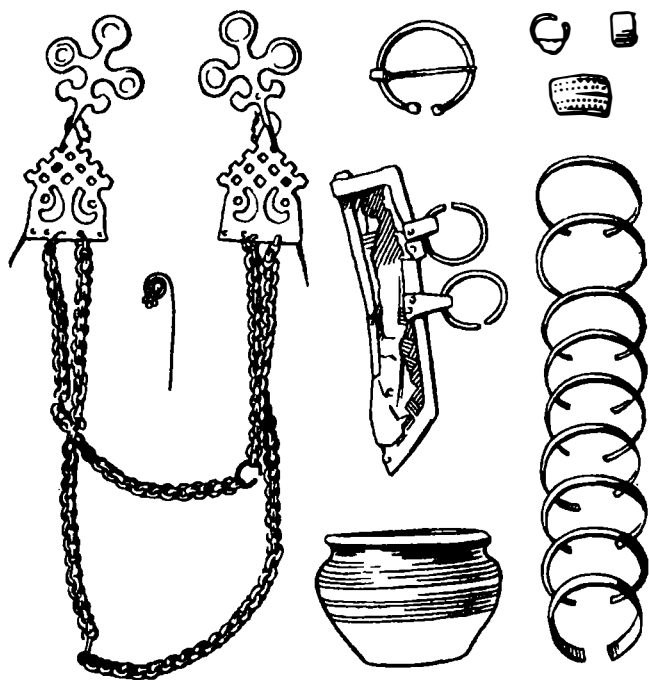

Рис. 52. Комплекс вещей из женского захоронения могильника Лахепера (по Ю. Селиранду и Э. Тыниссону)

Обращает на себя внимание не только близость в погребальном обряде этих двух памятников в период перехода от кремации к ингумации, но и поразительное сходство в их материальной культуре. Одно из богатых женских погребений Лахепера практически полностью по составу инвентаря, а также набору и типам украшений повторяло комплекс залахтовского захоронения в кургане № 208: тот же тип нагрудных украшений, состоящих из массивных крестовидных булавок с прикрепленными к ним пятиугольными ажурными цепедержателями и цепями; характерные для залахтовских женщин ножны и головные булавоочки; многочисленные узкомассивные и ленточные браслеты, перстни, подковообразная фибула, сосуд (рис. 52). В мужских погребениях также был обнаружен обычный для залахтовских захоронений инвентарь: наконечники копий, топоры, массивные фибулы, сосуды, встречались браслеты, перстни, поясные наборы, орудия труда, косы (Selirand, Tõnisson 1984: 128—129). Зарисовывая материалы могильника Лахепера в фондах Института истории АН Эстонии, я не раз удивлялась полной идентичности многих украшений из Лахепера и Залахтовья. Иногда мне даже казалось, что они были сделаны в одной форме и одним мастером.

Севернее Лахепера, также в западном Причудье, около д. Раатвере на гряде Калмемяги был обнаружен могильник, аналогичный грунтовому могильнику Лахепера (рис. 1). Памятник разрушался в результате распашки гряды, и спасательные работы здесь в начале 1980-х годов возглавили А. Лави и Ю. Пётс

(Lavi 1980: 361—368; Лави 1983: 392; 1984: 406; Lavi, Peets 1985: 361—363). Погребенные в основном были ориентированы головой на запад. Всего было раскопано 25 могил. Среди захоронений исследованы погребения XI—XII вв, отличающиеся богатым сопровождающим инвентарем, сопоставимым с вещами из Лахепера и Залахтовья. По сообщению авторов раскопок, для мужских захоронений были характерны наконечники копий, топоры, массивные подковообразные фибулы, иногда плакированные серебряной фольгой, бронзовые детали поясов, узкомассивные браслеты с чеканным ромбовидным орнаментом, сосуды, косы. Среди редких находок можно отметить меч (тип М по Я. Петерсену), рукоять которого была обвита бронзовой проволокой, и боевой топор, кузнечные инструменты, железный котел (погребение № 8). Среди женских захоронений выделялось погребение № 14, в котором находился набор нагрудных украшений, уже хорошо известный нам по материалам Залахтовья, Лахепера и других могильников Эстонии (нагрудная цепь с булавками крестовидной формы), 10 браслетов и сосудов.

Нет сомнения, что Залахтовье, Лахепера и Раатвере имеют единую культурную принадлежность на момент перехода от обряда кремации к обряду ингумации. Крайне любопытно, что в этот период в Западном Причудье появились и грунтовые трупосожжения вне каменных могильников. Несколько таких сожжений было найдено в раатвереском могильнике (Lavi, Peets 1985: 361—363, Abb. 4, Taf. XV — 1, XVI — 7—10). Лучше остатки трупосожжений сохранились в северо-восточной части погребального поля. Здесь, несмотря на многолетнюю распашку, удалось исследовать одно практически не нарушенное погребение. Кальцинированные кости вместе с углями были ссыпаны в небольшую ямку, углубленную в материк на 10—20 см. Ямка имела овальную форму (35×70 см). При разборке погребения найдены фрагменты лепного сосуда, листовидный черешковый наконечник копья, наконечник стрелы с ножевидным лезвием, небольшая подковообразная фибула со спиральными головками. Все вещи были обожжены. Судя по опубликованным материалам, из погребений, совершенных по обряду кремации, также происходят браслет со змеевидным орнаментом, нож и оселок с отверстием. По мнению авторов исследований, грунтовые трупосожжения в Раатвере относятся к X—XI вв.

Еще один грунтовый могильник с трупосожжениями был обнаружен и исследован А. Лави в Веду в 18 км севернее Тарту (Lavi 1988: 360—364; рис. 1). На вскрытой площади обнаружено пять углубленных на 40—60 см в материк ямок продолговатой формы, вытянутых с северо-востока на юго-запад. В захоронениях встречен разнообразный погребальный инвентарь: браслеты, перстни, фрагменты цепочек, нож, обломок бронзовой рукояти. Все вещи прокалены, и многие из них сильно оплавлены. А. Лави, на основании погребального инвентаря и радиоуглеродных анализов, датирует трупосожжения достаточно широко — от XI вплоть до XIV—XV вв. Подчеркнем, что материалы из погребений, относимых им к XI—XII вв. (№ 2, 4), вполне сопоставимы с инвентарем из могильника Раатвере.

Итак, важнейшие специфические черты погребального обряда на ранней стадии развития могильника Залахтовья, а именно грунтовые кремации в ямках и грунтовые ингумации с различной ориентировкой находят себе прямые аналогии на противоположном берегу Чудского озера в Кодавере. В этой связи особое

значение приобретает анализ этноопределяющих элементов материальной культуры залахтовцев.

Еще до наших многолетних раскопок исследователи отмечали необычность и яркость материальной культуры Залахтовья по сравнению с другими могильниками западных окраин Новгородской земли. В литературе высказывалось мнение сначала о водской принадлежности памятника (Седов 1953: 211, 224—225), а затем Залахтовье рассматривалось как некрополь, оставленный латгалами или близким им другим восточнобалтийским племенем (Седов 1961: 108).

В настоящее время накопленные данные позволяют со всей определенностью говорить, что материальная культура XI—XII вв. Залахтовья имеет не балтский, а финский характер. Прежде всего, это проявляется в характере украшений и элементах одежды погребенных. Во многих залахтовских захоронениях были встречены фрагменты тканей, украшенных бронзовыми спиральками и колечками. Из деталей одежды по погребальным комплексам восстанавливаются шерстяные накидки, онучи, верхние шерстяные рубахи с боковыми разрезами у мужчин, головные покрывала и передники у женщин. Большинство сохранившихся кусков тканей были декорированы бронзовыми украшениями. Подробно рассмотрев технику изготовления и характер узоров на тканях, мы подчеркивали, что каждая этнографическая группа в районе Балтики, использовавшая в декоре одежды мелкие металлические элементы, создавала свои неповторимые оригинальные украшения, отличающие их друг от друга. На это же обращала свое внимание и П.-Л. Лехтосало-Хиландер, которая полагала, что, несмотря на общеевропейский характер в использовании спиралек для орнамента женской одежды, у каждого народа были свои специфические особенности, так как женский костюм развивался на основе этнических традиций (Lehtosalo-Hilander 1980: 256). Мы согласны с Н. И. Гаген-Торн, что «украшения» одежды у древних народов, прежде всего, рассматривались ими «как знаки, помогающие определить положение человека и его принадлежность к определенной родовой группе». «Если бы украшения создавались из стремления к красоте, — подчеркивала Н. И. Гаген-Торн, — то в них с самого начала допускались бы индивидуальные различия, но нам твердо известно, что индивидуальные узоры — очень поздняя вещь: вначале все члены группы обязаны были носить в орнаменте знаки своей группы». Эта устойчивая традиция сохраняла особенности украшений в течение многих столетий. «Украшения, то есть отметка одежды, — по мнению Н. И. Гаген-Торн, — понимались как связь человека с его родовой группой: с ее видимой, живущей на земле частью, так как по этим знакам можно узнать сородича и защитить его в случае нужды, и невидимой частью рода, предками, так как эти знаки позовут их и послужат защитой от враждебных, чужих, невидимых сил» (Гаген-Торн 1960: 3—4).

Рассматривая с этой точки зрения узоры на залахтовских тканях и сравнивая их с узорами на тканях других прибалтийских народов, мы можем однозначно утверждать, что группа, обитавшая в начале II тыс. н. э. на восточном берегу Чудского озера, была родственна эстам, поскольку украшения на тканях древних эстов полностью соответствуют по технике исполнения (плетения на шнур спиралек) и по знаковому характеру орнаментов украшениям на тканях жителей Залахтовья. Балтские племена использовали совершенно иные технические приемы при украшении своей одежды (втыкание бронзовых элементов

в ткань, панизирование спиралей на нити основы, собранные в пучки, и закрепление каймой).

К числу этнических индикаторов несомненно относятся головные застежки. Как мы отмечали, у каждого финского племени существовали свои типы заколок головных покрывал. Только для эстонцев были характерны небольшие булавочки с односпиральной или двуспиральной головкой, скреплявшие женские головные повязки (Selirand 1974: 134, tahv. XXIII, XXIV — 5). Именно они встречаются в женских захоронениях залахтовского могильника.

Другим ярким этноопределяющим элементом материальной культуры являлись женские массивные ножны, украшенные бронзовыми накладками. Ножны были характерной особенностью всех западно-финских народов, но отличались по форме и принципам изготовления. Залахтовские находки по всем деталям соответствуют ножнам, распространенным только среди жителей материковой части Эстонии (Selirand 1970: 172—175).

Особо коснемся характера женских нагрудных украшений залахтовцев. Неотъемлемой деталью западно-финского женского костюма являлся набор нагрудных украшений, представленный, видимо, только в захоронениях замужних женщин средних лет. Это был парадный, возможно свадебный, наряд. Подобный комплекс нагрудных украшений состоял из пары застежек, которые прикреплялись к верхней одежде, а между собой соединялись рядами цепочек. Несомненно, парность украшений свидетельствует об определенном характере покроя одежды. Происхождение такого набора у финнов, видимо, следует связывать со скандинавской, а в широком смысле вообще с германской культурой.²

У каждого народа были свои особенности в деталях, составляющих этот убор. Одни из них использовали булавки, другие — фибулы. Массивные булавки широко вошли в обиход у различных групп балтского населения, причем каждое племя выработало свои формы этих украшений (Atlasas IV 1978: žemėl. 40—50; LA 1974: tab. 40 — 9—15; 41 — 1—3, 5, 6, 8, 9, 17—20; 50 — 13—15; 52 — 1—6). Однако среди финских народов только эсты и курземские ливы использовали булавки для скрепления одежды (Selirand 1974: 142—154, tahv. XXVI — 6—8; XXX — 1,3,4; LA 1974: tab. 48 — 52). Остальные финны для этой цели употребляли фибулы: карелы, даугавские и гауявские ливы — фибулы овальной формы, подражающие скандинавским образцам (Кочкуркина 1982:

² У скандинавов подобные украшения появляются значительно раньше, чем подобная парность застежек появляется у финнов. В связи с формированием женского костюма, украшенного на плечах массивными парными застежками, отметим, что в последние годы на территории юго-западного Крыма была открыта серия захоронений второй половины VI—VII в. Характерной особенностью этих захоронений было наличие в женских погребениях двух массивных пластинчатых или пальчатых фибул, скреплявших, по мнению авторов раскопок, накидку с платьем (в данном случае реконструкция одежды основывается на погребении мервингской королевы Арегонды, умершей в конце VI — начале VII в.) (Хайрединава 1999: 334—347; 2000: 95—96, 108—111, рис. 1 — 4 и др.). По всей видимости, эти погребения можно связать с германским этническим компонентом, в частности готами, тем более что по способу ношения фибул данный костюм близок этнографической одежде остготов и вестготов (Айбабин 1998: 16—17). Характерный для раннесредневековых германских племен набор нагрудных украшений в Северной Европе опосредованно через скандинавов был воспринят другими этническими группировками (балтами и финнами).

103—108; Zariņa 1988: 44—46); западнофинские племена — фибулы круглой формы (Appelgren-Kivalo 1897: 1—3; Lehtosalo-Hilander 1982: 92—100; 2000: 210, 215). Залахтовские женщины использовали для скальвания одежды булавки крестовидной формы, причем, как мы показали, можно проследить развитие этого типа украшений от простой формы навершия к ажурному. Сравнивая залахтовские булавки с крестовидными булавками балтов и курземских ливов, необходимо подчеркнуть, что навершия их были принципиально различны. Если у балтов и ливов они состояли из четырех круглых лопастей, то в Залахтове имели только три лопасти, зато внизу было характерное перекрестие, отсутствующее в украшениях балтов и ливов. Отличались они и в характере орнаментации (Atlasas 1978: žemēl. 49; LA 1974: tab. 48 — 5, 57 — 1, 2). Единственным прибалтийским народом, у которого наряду с другими формами булавок распространяются булавки с перекрестиями, опять же являются эсты. Таким образом, этнографический наряд залахтовских женщин в своих металлических элементах непосредственно восходит к культуре древних эстов материковой части Эстонии.

На территории Балтийского региона встречается серия украшений, которые на первый взгляд кажутся одинаковыми для всех обитающих здесь народов. В свое время Х. А. Моора, пытаясь объяснить это явление, указывал, что «в результате многовекового непрерывного взаимного общения с балтийскими соседями материальная культура эстонских племен, несмотря на свои особенности, образовала с культурой балтийских племен одну большую область» (Моора 1956: 115). Однако детальное изучение отдельных типов украшений показывает, что ряд из них имеет локальные особенности и конкретные районы наибольшей концентрации. В частности, к этому мнению пришла М. Мяги, рассматривая ряд категорий украшений (Mägi 1995: 318—322). Только на территории Эстонии мы можем проследить эволюцию как в форме, так и в орнаментации некоторых браслетов, которые пользовались особой популярностью у жителей Залахтовыя. К кругу древностей, имеющих более ранние прототипы на территории древних эстов, в частности, относятся браслеты с расширяющимися концами (ленточные с плетеным орнаментом, а также с продольными желобками) и узкомассивные браслеты с чеканным орнаментом в виде ромбов. Ю. Селиранд называл их типично эстонскими украшениями, отличая от привозных браслетов латгальского облика (Selirand 1974: 225). Именно на территории Эстонии в X—XI вв. получают широкое распространение массивные подковообразные фибулы с призматическими головками, скальвавшие мужской костюм (Selirand 1974: 156, tahv. XXXV — 9). Мы уже подчеркивали, что их следует рассматривать в качестве эстонского варианта украшений, сформировавшегося на основе переработки более ранних массивных фибул, бытовавших в районе Балтики. За пределами Эстонии подобные фибулы встречаются в единичных экземплярах (Бранденбург 1895: II — 2; Люцинский могильник 1893: табл. VI — 8; Нукшинский могильник 1957: табл. VIII — 8)

Важным аргументом в пользу эстонской принадлежности культуры жителей Залахтовыя является комплекс лепной керамики. Подробно рассматривая лепную посуду из залахтовских захоронений, мы особо отмечали, что все типы представленных здесь горшков и мисок восходят к так называемой керамике «рыугеского типа», распространенной именно на территории Эстонии.

Таким образом, материальная культура Залахтовья однозначно находит себе параллели на территории Эстонии. А выявленные в Кодавере грунтовые захоронения вне каменных могильников укрепляют нас в этом мнении. Мы полагаем, что населением, сменившим на рубеже X—XI вв. в Залахтовье обитателей, оставивших длинные курганы, были эсты. Пересекать Чудское озеро было легко не только на лодках, но и зимой на санях. Само название Залахтовье, имеющее в основе финский корень (*lahta* — залив), с русской приставкой «за» свидетельствует о том, что здесь в определенный отрезок времени жили финны и от них русское население переняло данный топоним. Любопытно вспомнить, что уже после первых раскопок Залахтовья К. Д. Трофимов, никак не аргументируя свою точку зрения, мимоходом обронил в отчете фразу, что могильник принадлежит «эстам финского племени» (Трофимов А-1908—1909, листы не пронумерованы). Он оказался прав, хотя тогда это была не более чем догадка.

В погребальном обряде с течением времени залахтовцы не смогли сохранить своей этнической чистоты и переняли от древнерусских соседей обычай сооружать курганные насыпи. К XIII в. под влиянием окружавшего населения материальная культура обитателей Залахтовья постепенно теряет свои характерные особенности, и на смену курганам с ярким инвентарем финно-угорского характера приходят грунтовые захоронения с западной ориентировкой практически без сопровождающего инвентаря, ничем не отличающиеся от древнерусских погребений западных районов Новгородской земли. Развитие погребальной обрядности в Кодавере пошло другим путем. Курганных могильников здесь не появилось. Жители региона продолжали хоронить своих умерших в грунтовых ямах без каменных конструкций вплоть до позднего средневековья (такие захоронения были исследованы, в том числе, и в упоминавшихся нами могильниках Лахепера, Раатвере и Веду).

Анализируя Залахтовский могильник, чрезвычайно важно рассмотреть вопрос о том, какое же общество оставило этот погребальный комплекс и, прежде всего, каков был количественный состав данной древней группы. В настоящее время нам сложно оценить численность длиннокурганного населения и коллектива людей, оставивших поздние грунтовые захоронения. Из-за недостаточной исследованности этих погребальных памятников слишком велик должен быть допуск при подсчетах. Но что касается основной массы захоронений, отличных по характеру обряда, однако составляющих единое культурное ядро могильника, то их вполне можно использовать для составления таблиц дожития и расчета численности группы, обитавшей здесь с рубежа X—XI вв. до XIII в.

Все подсчеты численности популяции произведены аналогично схеме, использованной Н. А. Макаровым для Нефедьевского могильника к северу от Кубенского озера в Белозерье (Макаров 1997: 131, 132). Для этого, на наш взгляд, имеются веские основания. Во-первых, Нефедьево и Залахтовье синхронны, сходны по социальной структуре представленного в них общества и оба расположены в лесной зоне Восточной Европы, то есть в близких природных условиях. Во-вторых, Нефедьево является редким примером прекрасно распанного могильника, к которому была в полной мере применена современная методика расчета численности населения, опирающаяся на данные антропологии. Для подобного демографического анализа важным моментом является правильная оценка общего количества погребений в могильнике. В этой связи

ход наших рассуждений был следующий: всего в могильнике исследовано 155 курганов и деревоземляных сооружений, содержащих примерно 175 отдельных захоронений, в грунтовом могильнике без учета захоронений животных исследовано 21 погребение. Исходя из размеров могильника, где раскопана примерно половина курганных захоронений, общее число погребений в курганах и деревоземляных сооружениях примерно составляло около 350. В свою очередь, имея в виду площадь, на которой располагался грунтовый могильник и возможное выпадение из учета некоторых захоронений, мы предполагаем, что нами была исследована примерно треть грунтовых погребений. Следовательно, среднее число захоронений в могильнике достигало приблизительно 410. При составлении таблицы мы опирались на цифры от 400 до 450, делая допуск в большую сторону. Согласно относительной хронологии, Залахтовье примерно существовало в течение двух веков. При подсчетах продолжительность функционирования могильника мы определили разбросом лет от 180 до 240.

К сожалению, состояние антропологического материала (сожженные кости или отсутствие вообще в погребениях костей) не позволяют нам проанализировать показатели смертности и ожидаемой продолжительности жизни новорожденных. Как и в случае с Нефедьевом, мы будем проводить расчеты численности популяции, беря в качестве вариантов ежегодной смертности цифры 3,5%, 4,0% и 4,5%, что соответствует общепринятым нормам для Северной и Восточной Европы в средневековье. Этот вопрос был детально рассмотрен Н. А. Макаровым и им же приведены сноски на соответствующую литературу (Макаров 1997: 131). Итак, с учетом различных вариантов общего количества погребений, времени функционирования могильника и процента ежегодной смертности расчеты численности коллектива приведены в табл. И.

Таблица И

Продолжительность функционирования могильника	Смертность 3,5 %			Смертность 4 %			Смертность 4,5 %		
	Общее число погребений								
	400	425	450	400	425	450	400	425	450
240 лет	48	51	54	42	45	47	37	40	42
200 лет	57	60	62	50	52	55	44	47	49
180 лет	63	68	71	55	60	63	49	53	56

Следовательно, данный древний коллектив состоял из 37—71 человека. Исходя из этих цифр, можно предполагать, что наиболее вероятная численность была 50—60 человек.

Теперь сделаем такой же анализ, применив формулу Г. Ачади и И. Немешкери, использованную Н. А. Макаровым. Основным показателем при данном расчете является ожидаемая продолжительность жизни новорожденных. По подсчетам Т. И. Алексеевой и В. Н. Федосовой, в Нефедьеве-Шуйгине она составляла 31,2 года. Поскольку из-за состояния залахтовского антропологического материала такую цифру высчитать невозможно, мы приняли за основу тот же показатель, что и в Нефедьеве. Так как наши подсчеты коррелируются вариативностью общего числа погребений и времени функционирования могильника,

поправочный коэффициент не использован. Расчет численности залахтовского коллектива при ожидаемой продолжительности жизни новорожденных 31,2 года представлен в табл. К.

Таблица К

Продолжительность функционирования могильника	Общее число погребений в могильнике		
	400	425	450
240 лет	52	55	59
200 лет	62	66	70
180 лет	69	74	78

Как видно из таблицы, при данном подсчете размеры коллектива варьируются от 52 до 78 человек. Это несколько больше по сравнению с приведенными ранее подсчетами другим способом, но они вполне сопоставимы. Для нас это принципиально важно, поскольку в силу плохой сохранности материала мы были вынуждены основываться на ряде допущений. Итак, если принять во внимание результаты обоих демографических подсчетов, то можно заключить, что численность залахтовского коллектива, жившего одновременно на поселении, скорее всего не могла быть менее 50 и более 70 человек. Если принять, что в каждой семье было 3—4 ребенка, то, вероятно, на берегу Чудского озера обитало 7—9 семей, а соответственно на поселении стояло столько же домов. Учитывая возможности ведения и специфику хозяйственной деятельности в лесной зоне, это довольно значительный коллектив. Несомненно, его жизнь основывалась не только на сельском хозяйстве, но в значительной степени определялась выгодным расположением у столь огромного озера. Именно по озеру осуществлялись торговые контакты населения, озеро своими богатыми рыбными ресурсами и массой водоплавающих птиц, на которых легко было охотиться, поддерживало жизнь поселка, сплошные камышовые и тростниковые заросли по мелководьям были неоценимым подспорьем как корм скоту в голодное зимнее время. Сопровождающий инвентарь в погребениях (гирьки, весы, привозные вещи, остроги, блесна, косы, серпы, стрелы) в полной мере подтверждают такой характер хозяйственной деятельности населения.

Переселенцы из Эстонии прибыли в микрорегион, уже освоенный в предшествующее время во второй половине I тыс. н. э. длиннокурганным населением. Несомненно, здесь были сведены леса и существовали участки, используемые под пашню, проложены дороги, то есть мы сталкиваемся с той же ситуацией преэместности культурного ландшафта, которая была характерна и для многих других территорий лесной зоны Восточной Европы.

Так, Н. А. Макаров, рассматривая характер заселения районов, прилегающих к Белому озеру, отмечал, что «средневековые насельники, во-первых, использовали ландшафты, в какой-то мере окультуренные в древности», а, «во-вторых, использовали приемы освоения этих ландшафтов и ведения хозяйства, выработанные в древности и сохранявшиеся в лесной полосе Восточной Европы, несмотря на смены культур и физического состава населения. Устойчивость основных традиций освоения ландшафта, сохранявшаяся вплоть до второй

половины XIII в. при расселении новых групп колонистов в лесной полосе Европейской России, — одна из существенных особенностей культурно-исторического процесса на этих территориях» (Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 224). По своим природным особенностям участок местности на берегу Теплового залива полностью соответствовал привычному природному окружению района на западном берегу Чудского озера, откуда прибыли залахтовцы. Был ли в момент переселения данный участок пуст, или им пришлось оттеснить потомков длиннокурганного населения, сказать трудно. Однако, судя по близлежащим погребальным памятникам, в XI в. территория восточного побережья Чудского озера была крайне редко заселена древнерусским населением, в этом, видимо, и состоит разгадка того, что залахтовцы столь длительное время могли сохранять самобытность своей культуры. Кроме того, поселившаяся на восточном берегу озера финская община, несомненно, сохраняла связь с родственными ей группами на территории Эстонии и могла иметь определенную «подпитку», по крайней мере, в результате брачных связей. Община, несомненно, пополнялась и древнерусским населением. Об этом свидетельствуют погребения женщин на родовом кладбище, похороненных в традиционном славянском уборе с височными кольцами. Одно из них, не нарушенное грабительскими раскопками, отличалось и по характеру погребального обряда: небольшие размеры ямы и западная ориентировка.

Нарисованная нами картина позволяет объяснить то социальное равенство древнего коллектива, которое наблюдается в погребальном инвентаре умерших. Все различия в наборе сопровождающего инвентаря отдельных захоронений, главным образом, связаны с полом и возрастом погребенных, а следовательно, именно это в основном и определяло их место в древнем коллективе. В целом по составу и характеру инвентаря невозможно проследить какую-либо социальную дифференциацию этого финского общества. Для каждой половозрастной группы имелся свой строго определенный набор инвентаря. Лишь в нескольких мужских захоронениях в его составе можно отметить некие редкие вещи, которые, скорее всего, следует рассматривать как определенные символы власти, а не как показатели богатства. В качестве примеров назовем погребальное сооружение № 131, где в составе инвентаря имелся меч и элементы всаднического набора; курган № 186, в котором костюм погребенного был роскошно украшен бронзовыми орнаментами, а в состав инвентаря входил не обычный универсальный топор, а маленький боевой топорик; боевой топорик типа кельта сопровождал мужское захоронение и в кургане № 197. К этой же группе погребений можно причислить и немногочисленные мужские погребения с поясными наборами. В данном случае мы, видимо, встречаемся с захоронениями глав семейств или старейшин этого общества.

Существование эстонского поселения в Залахтове и прослеженное нами развитие его материальной культуры приходится на два достаточно сложных века в отношении между Новгородом и эстами (Носов 1992: 27—28). Напомним, что Новгород во второй половине XII в. пытался заставить платить дань сосолов, которые обычно отождествляются в литературе с сакальцами — жителями эстонской земли Сакала, расположенной к западу от озера Выртсьярв (Насонов 1951: 83; Пашуто 1965: 94—95; Куза 1968: 300; Попов 1973: 70). Еще до регулярных походов на сосолов в 1030 г. Ярослав Владимирович захватил

эстонское укрепление Тарту и основал на его месте русскую крепость Юрьев. Под этим годом древнейшие русские летописные своды сообщают, что «иде Ярослав на Чюдъ, и победи я, и постави градъ Юрьев» (ПСРЛ, т. 1: стб. 149; ПСРЛ, т. 2: стб. 137). Проводившая археологические раскопки в Тарту В. К. Труммал со временем Ярослава связывает третий строительный горизонт городища (Труммал 1971: 268—269). Юрьев стал опорным пунктом новгородцев в земле эстов. Здесь размещается русский гарнизон, а близлежащие села входят в княжескую вотчину (История Эстонской ССР 1961: 106; Труммал 1971: 270; Пашуто 1972: 265; Свердлов 1982: 120). Как полагают исследователи, с этого времени походы на эстов за данью должны были осуществляться ежегодно, и «далеко не всегда проходили спокойно» (Назарова 2001: 284).

По сообщению летописей, в середине XI в. в походе на чюдь погиб известный новгородский посадник Остромир (ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1: 118; т. 4, ч. 2, вып. 1: 122; т. 5, вып. 1: 131; т. 7: 333). В конце 1060 г. сосолы воспротивились уплате дани и выгнали ее сборщиков, а на следующий год предприняли ответный поход — «пришедше, поваеваша села о Юрьеве, и город и хоромы пожгоша, и много зло створиша». Затем эсты двинулись на Псков, где их встретило объединенное псковско-новгородское войско («и паде Руси 1000, а Сосоль бещисла») (НПЛ: 183).

В первой половине XII в. военные конфликты между новгородцами и эстами в основном происходили в Восточной Эстонии. В 1111 г. Мстислав предпринял поход на Очелу (НПЛ: 20, 203). В 1113 г. «победи Мъстиславъ на Бору Чюдъ» (НПЛ: 20, 204). В 1116 г. «Мъстиславъ Володимеричъ ходи на Чюдъ с Новгородчи и со Пъсковичи и взя городъ ихъ именем Медвежа глава и погость бещисла взяша и възратишася въ свояси съ многомъ полономъ» (ПСРЛ, т. 2: стб. 283; НПЛ: 20, 204). Под 1130, 1131 и 1133 гг. летописи сообщают о походах на эстов князя Всеволода с новгородцами, причем в последнем походе он «възя городъ Гюргевъ» (НПЛ: 22, 23, 206, 207), то есть Юрьев к тому времени уже утратил значение новгородского форпоста.

Во второй половине XII в. влияние Новгорода распространяется вглубь эстонских территорий. Походы 1179, 1190—1192 гг., видимо, ставили цель оказать давление на эстонское население, не желавшее платить регулярную дань Новгородскому государству. В 1191 г. новгородцы и псковичи с князем Ярославом снова берут Юрьев «и пожгоша землю их, и полона бещисла приведоша» (НПЛ: 40, 230, 231). В начале XIII в. новгородские войска дошли до крупнейшей крепости Варбола, расположенной на северо-западе Эстонии, в результате обложив данью жителей земли Хартюмаа (Назарова 2001: 287—288).

На этом фоне бурных исторических и военных событий на новгородско-эстонском пограничье существование эстонской общины на восточном побережье Чудского озера весьма примечательно. Совершенно очевидно, что жизнь на залахтовском поселении в период постоянных конфликтов между Новгородом и эстами продолжалась непрерывно и шла в обычном русле без особых потрясений. Признать их пленниками, выведенными в полон, нет никаких оснований. Судя по предметам, сопровождавшим захоронения, залахтовцы занимались сельским хозяйством, охотой, рыболовством, промыслами, торговлей. Все мужское население было вооружено. По характеру погребального инвентаря (боевые топоры, меч, украшения одежды) определяются захоронения лидеров

или старейшин этой общины. Как эта небольшая группа появилась на восточном берегу Чудского озера, объяснить сложно, но то, что она нашла здесь определенную жизненную нишу во взаимоотношениях с Новгородским государством, является бесспорным фактом. Однако, вспоминая летописный рассказ о том, как эсты сожгли Юрьев с окрестными селами, мы позволим себе высказать некоторые предположения. Мало вероятно, что села вокруг Юрьева были заселены только русскими. Несомненно, значительный процент населения здесь оставался эстонским. По крайней мере, об этом ярко свидетельствуют собственно памятники археологии. В таком случае, встает вопрос, а все ли эстонские коллективы одинаково относились к сложившейся политической ситуации. Возможно, были противоречия в среде самого местного населения касательно уплаты дани и в отношении к новгородским властям. В силу этого одна из групп для своей же безопасности пересекла Чудское озеро и обосновалась на слабо заселенном в то время участке берега, где и продолжала жить, сохраняя свою этническую самобытность в течение двух столетий, не вступая в военные конфликты и исправно платя дань новгородским тиунам.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Судьба связала меня с Залахтовьем в результате ряда случайных обстоятельств. Первая встреча с этим замечательным памятником произошла в Отделе первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Будучи студенткой и собирая материалы к курсовой работе по культуре длинных курганов, я с усердием рисовала горшки из раскопок П. А. Садикова. Курируя мои занятия в Эрмитаже, всеми нами любимая и обожаемая Ольга Ивановна Давидан неожиданно выдвинула нижние полки шкафа с хранящейся в нем коллекцией, и передо мной открылась необыкновенная россыпь бронзовых изделий: перстни, браслеты, массивные цепи и булавки, различные подвески, монеты, орнаментированные бронзой древние ткани. Это так контрастировало с бедной культурой длинных курганов и даже не шло ни в какое сравнение с массовыми материалами курганных могильников древнерусского времени Северо-Запада. Коллекция создавала впечатление некоего феномена на территории Новгородской земли. По словам Ольги Ивановны, этим уникальным памятником хотел специально заняться Г. П. Гроздилов, много внимания уделявший псковским древностям, но так и не собрался. Трудно было удержаться от соблазна, и я начала зарисовывать хранящиеся в фондах Эрмитажа комплексы вещей из раскопок А. А. Спицына и К. В. Кудряшова, изучать отчетные материалы в рукописном архиве ЛОИА, подбирать необходимые данные по литературе. Это был 1972 год, а весной в 1973 году в Эрмитаж неожиданно поступили вещи из грабительских раскопок с восточного берега Чудского озера. Никакой сложности в атрибуции столь своеобразных бронзовых изделий не было — Залахтовье! Примерно в то же время в «Комсомольской правде» появилась большая статья о варварском разрушении памятника археологии в Псковской области у деревни Залахтовье. Тогда это был редкий случай. Торговля северными древностями на антикварных рынках еще только начинала разворачиваться. О. И. Давидан позвонила на кафедру археологии ЛГУ, и меня направили оценить размеры реального ущерба. Так в мае 1973 года я со своими сокурсниками О. М. Прудько, С. И. Ельниковым и К. С. Лагоцким впервые оказалась в Залахтовье.

Живописное место, напоминающее курорты Прибалтики: тихий Теплый залив Чудского озера с его густо заросшими камышом берегами, выдутые ветром песчаные дюны, обнажающие причудливо сплетенные корни огромных низкорослых сосен, растущих по краю берега, и тянувшийся на многие километры

великолепный сосновый бор. С идиллической картиной первозданной природы резко контрастировало открывшееся перед нами ужасное зрелище... Многочисленные разноцветные бусы сверкали на желтых песчаных отвалах грабительских ям, здесь же валялись большие куски древних тканей, расшитых бронзой, обломки железных и бронзовых предметов. На сучьях деревьев были развешены человеческие кости. Варварство и кощунство! Мы тщательно просеяли все отвалы, собрали и, как могли, зафиксировали по условным комплексам все, что осталось после набега. Эти вещи и поныне хранятся в Музее истории Санкт-Петербурга в Петропавловской крепости.

Через два месяца я впервые выехала на раскопки могильника. Вернее, мысленно не столько раскопки, сколько исследование этого уникального, в значительной степени разрушенного некрополя. К счастью, в археологическом плане удалось сделать даже больше, чем я ожидала. Несомненно, многое было утрачено и погребено, но даже там, где курганы были полностью разграблены, мы смогли собрать ценную информацию. Грабительские ямы редко опускались ниже древней дневной поверхности. Естественно, что все погребения на уровне горизонта земли были выбраны полностью. Оставалось только фиксировать стратиграфию насыпей, отдельные детали и находки, ускользнувшие от глаз грабителей. В то же время там, где захоронения находились в глубоких подкурганых ямах, вырытые шурфы часто не достигали собственно захоронения, и мы могли полностью реконструировать древние погребальные сооружения.

За плечами у меня были архитектурно-археологическая экспедиция М. К. Каргера, исследования поселений на Десне (П. Н. Третьяков), в Крыму (А. Н. Щеглов) и в Гнездово (В. А. Булкин и Д. А. Авдусин), но только на Смоленщине (Е. А. Шмидт) и в Ладозе на Плакуне (В. А. Назаренко) я участвовала в раскопках нескольких курганов. После сданного отчета о самостоятельных разведках в Псковской области я впервые получила открытый лист на раскопки столь непростого по структуре памятника, где даже А. А. Спицын в полной мере не разобрался, что же за погребения по обряду сожжения он раскопал. Нарушенность многих курганов еще более смазывала картину. Здесь мне хочется сказать слова благодарности в адрес моего однокурсника Кирилла Лагоцкого. Он был великолепным полевым исследователем, тонко «чувствующим землю» и уже тогда имевшим огромный опыт работы на раскопках степных курганов в экспедиции В. П. Шилова, где Кирилл был «правой рукой» начальника. В ситуации разрушенных комплексов он смог сразу уловить многие детали конструкции курганов, в частности деревянные перекрытия над погребальными ямами. Его наблюдения дали настрой для последующих работ многих лет.

Мы начали копать могильник, исследуя отдельные насыпи, как нас учили и как было принято в отечественной археологии. Постепенно ряд наблюдений привел нас к мысли, что могильник следует вскрывать сплошной широкой площадью. Это было непростой методической задачей на участке, занятом сосновым бором, но результат оказался ошеломляющим. Были открыты различные типы грунтовых захоронений и перевоземляных конструкций, а также целый комплекс сопутствующих им сооружений. Это перевернуло наши представления о памятнике в целом.

Многие сотрудники тогда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР побывали в Залахтове. Приезжали на два дня или на неделю —

отдохнуть от городской суеты и поработать. Помогали и словом, и делом. Их дружеские советы всегда были очень кстати. Совместные обсуждения и споры приводили к уверенности в правильной трактовке открытых объектов. Сидячее захоронение я расчищала вместе с В. А. Назаренко и А. Н. Песковой. Т. А. Шаровская и Е. Ю. Медникова своей ювелирной зачисткой смогли выявить остатки практически уничтоженных временем нескольких деревянных сооружений. Вместе с В. А. Завьяловым разбирались в конструкциях грунтовых захоронений. В августе, после завершения работ в Новгородской области и на Рюриковом городище, неизменно приезжал мой муж Е. Н. Носов со своим комадным составом, в который входили М. Ю. Данков, С. Н. Арамович и Т. С. Дорофеева.

Залахтовье стало частью моей жизни, от которой сохранились самые светлые воспоминания. Мы все были молоды, полны энтузиазма и идей. Это создавало особую дружеско-творческую атмосферу в экспедиции. Здесь, в палатках на берегу озера, сидя со студентами у костра и копаясь в песке на отвалах курганов, выросли многие дети наших друзей, и в том числе мой сын Андрей.

Трудно перечислить всех, кто в те годы работал в Залахтовье, но не могу не упомянуть ныне известного московского историка Е. Л. Назарову, маститого исследователя новгородских древностей В. Я. Конецкого, создателя современной хронологии древнерусских курганов Северо-Запада Ю. М. Лесмана, совсем тогда еще юных археологов О. И. Богуславского и А. Д. Мачинскую, а также будущего антрополога С. Л. Санкину. Залахтовье резко изменило судьбу студента Ленинградского электротехнического института С. Г. Попова, который даже сменил специальность.

Хочу с теплотой вспомнить участие в раскопках эстонских коллег, прежде всего Сильвию Лаул и Айна Лави, с которыми я много путешествовала, осматривая археологические памятники по обеим сторонам Чудского озера, их неподдельный интерес к материалу и восторг, с которым они воспринимали очередную залахтовскую находку эстонского облика.

Особое значение мы придавали приезду Изборской экспедиции во главе с Валентином Васильевичем Седовым. Проводя очередную археологическую экскурсию, которые были приняты в его экспедиции, он неоднократно заезжал в Залахтовье посмотреть на новые раскопки. Ленинградские археологи нашего поколения с особым пиететом и уважением относятся к В. В. Седову — крупнейшему ученому-археологу. В Залахтовье он предстал перед нами простым человеком, который первым прыгивал с машины, легкой деловой походкой быстро направлялся к местам раскопок, задавал вопросы, иногда ставившие меня в тупик, смотрел материалы, а затем энергично участвовал в установке огромной шатровой палатки, вбивая колы и давая указания. Вставал В. В. Седов рано, еще до подъема лагеря, и мне неоднократно приходилось видеть, как уже в шесть утра, удобно пристроившись около машины, он читает или записывает что-то в блокнот. Скромный и молчаливый по природе, в Залахтовье у костра, слушая песни студенческой молодежи, Валентин Васильевич ощущал себя достаточно свободно.

Залахтовье раскопано не полностью. Такая цель никогда и не ставилась. Исследования начались и продолжались, прежде всего, для спасения древностей. О залахтовских курганах мною был написан целый ряд статей, и материалы могильника послужили основой кандидатской диссертации, защищенной в 1978 го-

ду. Завершая эту монографию, я в 2002 году, после длительного перерыва, снова посетила Залахтовые. Меня встретил тот же ласковый залив, поросший камышом, вдали в дымке виднелся тот же загадочный остров с исполинскими соснами, всегда так манивший нас к себе, там же проходили лесные дороги, проложенные несомненно в глубокой древности, но поднялся лес, заросли отвалы, и я с трудом нашла место нашего лагеря. Изменилось многое, но древний памятник остался. И, наверно, наступит время, когда новые исследователи продолжат его археологическое изучение. Надеюсь, эта книга будет для них определенным подспорьем.

КАТАЛОГ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Часть I

Материалы раскопок 1973—1984 гг.

НАСЫПИ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Курган № 3

Круглый в плане диаметром 8 м, высотой 0,60 м. С северной стороны к кургану примыкал ровик шириной 0,80 м, глубиной 0,20 м. Насыпь сооружена в один прием. Погребение представляло собой скопление кальцинированных костей без углей на площади 0,32×0,35 м, расположено в северо-восточном секторе на уровне горизонта земли. Среди кальцинированных костей никаких вещей не найдено. Погребенная почва была частично срыта с курганной площадки, так что ее остатки были зафиксированы только с запада и востока по краю площадки.

Курган № 21

Овальный в плане 4,50×5,80 м, высотой 0,40 м. С запада, севера и востока к насыпи примыкал ровик шириной 0,60 м, глубиной 0,35 м. Курган сооружен в один прием. Большая грабительская яма разрушила имеющееся в кургане захоронение. В перекопе встречены кальцинированные кости и обломки лепного сосуда баночной формы. Характер расположения захоронения установить не удалось.

Курган № 81 (табл. II; III — 5, 6)

Овальный в плане 5,80×7,10 м, высотой 0,86 м. Вокруг кургана прослеживается ровик шириной 1—1,20 м, глубиной 0,15—0,44 м, имеющий перемычку с северо-западной стороны. Насыпь сооружена в три приема. *Первый этап.* К нему относится погребение № 2: кальцинированные кости и угли были ссыпаны в погребальную ямку 0,48×0,52 м, глубиной 0,45 м, вырытую в материке. Среди кальцинированных костей никаких вещей не обнаружено. Сверху над погребальной ямкой зафиксирован углистый слой с включениями прокаленного песка мощностью до 0,10 м. Захоронение перекрыли присыпкой, имеющей диаметр

3,10 м. *Второй этап.* К нему относятся погребения № 1 и 3, совершенные с юго-восточной стороны около полы первоначальной присыпки. Погребение № 1: кальцинированные кости были ссыпаны в лепной сосуд баночной формы, который был поставлен на уровень погребенной почвы. Вокруг сосуда встречались мелкие кальцинированные кости и угольки. Среди кальцинированных костей никаких вещей не обнаружено. Погребение № 3: остатки сожжения также находились в большом лепном сосуде баночной формы, который в свою очередь был помещен в грунтовую ямку диаметром 0,50 м, глубиной 0,22 м. Среди кальцинированных костей в сосуде были обнаружены обломки оплавленной бронзовой спиральки. Оба погребения были присыпаны к насыпи, перекрывшей погребение № 2. К этому этапу сооружения кургана относятся ровики шириной 0,82 м, глубиной 0,30—0,44 м, зафиксированные в юго-западном, северо-восточном и юго-восточном секторах курганной площадки. *Третий этап.* Курган досыпан до окончательных размеров.

Курган № 92

Диаметр 6 м, высота 0,70 м. В центре курган нарушен большой грабительской ямой. Насыпь сооружена в два приема. *Первый этап.* Первоначальный курган имел размеры 5×5,50 м, высоту 0,45 м и с запада был окружен ровиком шириной 1,10 м, глубиной 0,60 м. В юго-западную полу этого кургана на глубину 0,20 м было впущено погребение — очищенные от угля кальцинированные кости. Впускная ямка имела диаметр 0,30 м. Никаких вещей среди костей не обнаружено. Вокруг первоначального кургана площадка была выровнена и погребенная почва содрана. *Второй этап.* Курган досыпан до окончательных размеров. К этому этапу относится примыкавший с востока к насыпи ровик шириной до 1,20 м, глубиной 0,60 м.

Курган №154 (табл. III — 1, 2, 3, 4; IV — А)

Валообразной формы, длиной 31 м, шириной 7—8,50 м, высотой 0,90 м. Вытянут с северо-запада на юго-восток. С юго-запада и северо-востока около кургана прослеживались ровики шириной до 1 м, глубиной 0,30—0,40 м. Насыпь нарушена четырьмя траншеями правильной прямоугольной формы (по всей видимости, это следы раскопок А. А. Спицына). Кроме того, в северо-западной части курган нарушен грабительской ямой. Насыпь сооружена в два этапа. *Первый этап.* Первоначальный курган длиной около 13 м, шириной 3,50—5,50 м, высотой 0,40—0,50 м с юго-запада и северо-востока окружен ровиком шириной 0,50 м, глубиной 0,20 м, перекрывал три захоронения. Погребение № 3: кальцинированные кости и угольки рассыпаны слоем толщиной до 10 см на площади 1,10×1,90 м. Среди них найдена бронзовая трапезиевидная накладка, видимо, от пояса, а также несколько фрагментов лепного слабопрофилированного баночного сосуда. Погребения № 4 и 5 располагались под центральной частью насыпи. Погребение № 4: небольшая россыпь очень мелких кальцинированных костей, занимающих площадь 0,15×0,20 м. Кости были очищены от угля. Никаких вещей среди них не найдено. Погребение № 5: кальцинированные кости вместе с угольками занимали площадь 0,20×0,30 м слоем толщиной в 10 см. Вещей никаких не найдено. Поскольку остатки всех трех погребений располагались

на уровне погребенной почвы, то нельзя исключать существование временных присыпок, которые стратиграфически могли и не проследиваться. Погребение № 8: остатки кремации впушены в центр первоначального кургана на глубину 0,20 м. Среди кальцинированных костей никаких вещей не найдено. Затем рядом с первоначальной насыпью, с юго-восточной и северо-западной сторон, были совершены захоронения № 1 и 10. Погребение № 1 (с юго-востока): кальцинированные кости вместе с углями помещены в большую грунтовую ямку диаметром 0,75 м, глубиной 0,55 м, а небольшое количество костей рассыпано тонким слоем к востоку от края ямы на площади 1,35×1,50 м. В ямке среди кальцинированных костей обнаружена оплавленная бронзовая спиралька. Погребение № 10 (северо-западное): пережженные кости и угли рассыпаны на площади 1,85×2,10 м. В центре этого значительного скопления остатки сожжения (0,80×1,20 м) располагались плотным слоем толщиной до 30 см, а к краям мощность слоя уменьшалась до 10—15 см. Среди кальцинированных костей найдены железные удила, железная заклепочка и небольшая бронзовая пряжка. *Второй этап.* Первоначальный курган вместе с двумя прилегающими к нему с разных сторон погребениями перекрыла общая насыпь. В этот окончательно оформленный курган было впушено еще четыре погребения — № 2, 6, 7 и 9. Погребение № 2 (частично нарушено траншеей) впушено в юго-восточную часть насыпи на глубину 0,80 м. Никаких вещей не найдено. Погребения № 6 и 7: остатки сожжения впушены в центр насыпи на глубину 0,25 м. Впускные ямки имели диаметр около 0,30 м. В погребении № 6 среди кальцинированных костей и угольков встречен железный шестигранный в сечении стержень, несколько уплощенный с обоих концов и похожий на долотце. А в погребении № 7 на дне ямки находился диск обожженной глины — своеобразная подкладка для кальцинированных костей. Погребение № 9: кальцинированные кости встречены в центре кургана сразу под дерном на площади 0,40×0,50 м. Возможно, это было поверхностное урновое захоронение, так как среди остатков сожжения обнаружены обломки (в основном придонной части) грубого лепного сосуда.

Курган № 209 (табл. V)

Крутобокая насыпь 11,80×12 м, высотой 1,36 м (визуально казался значительно выше за счет искусственной подрезки материка в ровиках). В центре насыпь была нарушена большой грабительской ямой. Курган был сооружен в четыре приема. *Первый этап.* Первоначальный курганчик имел размеры 3,48—3,88 м, высоту 0,45 м и был окружен двумя ровиками шириной 0,70—0,94 м, глубиной 0,12—0,22 м, между которыми с северо-северо-востока и юго-востока прослеживались перемычки. Насыпь перекрывала деревянный настил, расположенный в центре курганной площадки на уровне погребенной почвы, на площади 0,90×1,80 м. Остатков захоронения в данной первоначальной насыпи не обнаружено. *Второй этап.* Первоначальный курган был перекрыт насыпью диаметром 5,80 м, высотой 0,72 м, имеющей специально выровненную плоскую вершину (возможно, следы несколько более поздней подрезки). Данная насыпь была окружена кольцевым ровиком шириной 0,84—1,44 м, глубиной 0,22—0,25 м. Погребения под насыпью второго этапа не обнаружено. *Третий этап.* Курган был еще раз досыпан вверх и стал иметь размеры 10—12 м, высоту 0,90 м. Рови-

ки второго этапа были предварительно присыпаны, а вокруг новой насыпи был сооружен кольцевой ровик шириной 1,10—1,45 м, глубиной 0,40—0,58 м, имеющий небольшую перемычку с северо-запада. По восточному склону насыпи третьего этапа встречено значительное количество кальцинированных костей, очищенных от углей, на площади 2,90×5,70 м: по-видимому, остатки оползшего поверхностного захоронения на вершине насыпи. Никаких вещей не обнаружено. *Четвертый этап.* Курган третьего этапа вместе с остатками трупосожжения был перекрыт слоем песка, в результате чего насыпь приобрела окончательные размеры.

Курган № 215 (табл. IV — Б)

Удлиненной формы, длина 12,88 м, ширина 6,48—8,71 м, высота 0,45 м. В центре курган нарушен большой грабительской ямой. Насыпь сооружена в три приема. *Первый этап.* Первоначальный курган имел округлую в плане форму 7,76×8,71 м и был окружен кольцевым ровиком шириной 0,64—1,25 м, глубиной 0,25—0,38 м. В центр этого небольшого курганчика было впущено захоронение. Кальцинированные кости, очищенные от углей, были помещены в круглую в плане ямку диаметром 0,80 м, глубиной 0,20 м, вырытую в готовой насыпи. Вся северная часть ямки уничтожена грабительским перекопом. В отвале грабительского перекопа встречено значительное количество кальцинированных костей вместе с мелкими обломками грубой лепной керамики. *Второй этап.* Первоначальный курган был досыпан с северо-западной стороны, в результате чего насыпь приобрела удлиненную форму (длина ее стала 9,86 м, высота присыпки 0,40 м). Присыпка была окружена полукруглым ровиком шириной до 1,17 м, глубиной 0,40 м, который слился с ровиком первоначальной насыпи. Погребение, связанное с этим этапом сооружения насыпи, не обнаружено. *Третий этап.* Курган еще раз был досыпан в том же северо-западном направлении. Вторая присыпка, как и первая, не содержала захоронения и была оконтурена полукруглым ровиком шириной 0,72—0,90 м, глубиной 0,36—0,40 м, соединенным с ровиками предшествующих этапов.

ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ

(табл. VI)

Погребение № 1 (табл. VII — 1; VIII — 1—7)

При зачистке материка зафиксировано пятно, при разборке которого выявлено широкое углубление диаметром 0,82 м, глубиной всего лишь 0,05 м. В центре данного углубления находилась ямка диаметром 0,32 м и глубиной 0,20 м с немного вогнутым дном. В ямку было помещено плотное скопление кальцинированных костей, видимо, в каком-то мешочке, очищенное от углей. Погребальный инвентарь был расположен вокруг ямки с остатками захоронения на дне широкого углубления и состоял из железного сильно прокаленного ножа, оплавленных фрагментов ленточных браслетов (5 экз. от трех браслетов), кусочка цепочки из двойных кольчатых звеньев, бронзовой спиральки, ушка бронзовой подвески, прикрепленного к небольшому колечку и нескольких невыразительных фрагментов лепной керамики.

Погребение № 2 (табл. VII — 2; IX — 3, 5, 7, 8, 10—14, 17)

Ямка круглая в плане, со слабо вогнутым дном, диаметром 0,42 м, глубиной 0,26 м. Кальцинированные кости помещены в ямку вместе с отдельными углями. Сопровождающий инвентарь: два дровяных браслета, два калачевидных кресала, семь звеньев железной коленчатой цепочки, лезвие ножа, одношипное орудие, топор.

Погребение № 3 (табл. VII — 6; IX — 1, 2, 4, 6, 9, 15, 16)

Ямка круглая в плане, с плоским дном, диаметром 0,50 м, глубиной 0,20 м. Кальцинированные кости сыпаны в ямку вместе с мелкими угольками. Сопровождающий инвентарь: обломок массивного ленточного браслета с плетеным орнаментом, овальное ажурное кресало, обломок подковообразной фибулы, ромбовидной в сечении, со спиральными концами, две маленькие спиральки, звено коленчатой цепочки, изогнутая посоховидная булавка на проволочном кольце с завязанными концами, топор.

Погребение № 4 (табл. VII — 3; VIII — 8, 9)

Ямка круглая в плане, с уплощенным дном, диаметром 0,30 м, глубиной 0,15 м. Кальцинированные кости помещены в ямку вместе с угольками. Сопровождающий инвентарь: нож и железная спираль от рукояти.

Погребение № 5 (табл. VII — 4; VIII — 10—14)

По характеру расположения остатков кремации аналогично погребению № 1. Здесь также на уровне материка обнаружено пятно значительных размеров (0,9×1,05 м), которое в результате расчистки оказалось небольшим углублением (до 0,10 м), в центре которого находилась небольшая ямка диаметром 0,30 м, глубиной 0,10 м. Именно в нее и были сыпаны остатки трупосожжения. Кальцинированные кости были очищены от угля. Среди кальцинированных костей найдены обломок бронзовой дровяной крученой гривны, фрагмент спирального браслета и подковообразная фибула со спиральными головками, шестигранная в сечении. Сверху остатки кремации были покрыты перевернутым вверх дном лепным мисковидным сосудом. На дне широкого углубления встречались угольки и обломки еще одного лепного сосуда.

Погребение № 6 (табл. VII — 5; VIII — 15—24)

Ямка овальной формы (0,44×0,82 м) вытянута по линии север-юг. С северной стороны ямка углублена на 0,17 м, а с южной — на 0,35 м. Более глубокая часть ямки была заполнена серым гумусированным песком, и никаких находок в ней не было сделано. Более мелкая северная часть была заполнена черным гумусом с примесью угольков. В нем находились и остатки трупосожжения. Плотное скопление кальцинированных костей, видимо, помещенное предварительно в мешочек, располагалось около северной стенки. Погребение сопровождалось частично оплавленной пластинчатой гривной, обломками перстня с волотами, железным гвоздиком и мелкими фрагментами оплавленных бронзовых вещей. Над погребением при зачистке материка встречены отдельные черепки от лепного сосуда и сильно оплавленные фрагменты какого-то бронзового предмета.

Погребение № 7 (табл. VII — 7; X — 1)

Ямка круглая в плане, с уплощенным дном, диаметром 0,35 м, глубиной 0,15 м. Заполнение ямки неоднородно. Основная нижняя часть ямки заполнена серым гумусированным песком с отдельными включениями угольков, сверху прослеживается углистый слой толщиной до 0,05 м. На дне встречено несколько мелких кальцинированных косточек, при которых находился обломок деформированной обоймочки (?).

Погребение № 8 (табл. VII — 8; X — 4—13)

При зачистке материка прослеживалось достаточно большое углистое пятно. При его разборке выявлено углубление диаметром 1,30 м, глубиной 0,14 м, в котором были зафиксированы два развала лепной керамики и отдельные кальцинированные кости. В центре этого углубления находилась погребальная ямка диаметром 0,30 м и глубиной 0,08 м. В ямку были помещены очищенные от углей кальцинированные кости и вещи. В состав погребального инвентаря входили целый спиральный браслет и обломки, видимо, второго спирального браслета, пластинчатый браслет с бороздкой посередине, фрагмент бронзовой пластинки, простая железная проволоочная гривна с прикипевшими к ней стеклянными каплями (видимо, бусы). На многих предметах прослеживались остатки бересты, а поскольку дно погребальной ямки было уплощено, есть все основания предполагать, что остатки захоронения были помещены в берестяной туесок.

Погребение № 10 (табл. X — 2, 3)

Ямка круглая в плане, с плавно вогнутым дном, диаметром 0,34 м, глубиной 0,16 м. Небольшое количество кальцинированных костей помещено в ямку вместе с угольками. Сопровождающий инвентарь: четыре кусочка бронзовой проволоки от какого-то украшения и небольшой фрагмент бронзового грушевидного бубенчика.

Погребение № 11 (табл. VII — 9; XI)

При разборке гумусированного пятна выявлена подквадратная в плане ямка (1,70×1,90 м, глубина 0,09 м), ориентированная с небольшими отклонениями углами по сторонам света. В центральной части она была заполнена черным углистым гумусом, к краям прослойки черного гумуса фиксируются лишь по самому дну углубления, и в самой верхней части между ними находились линзы гумусированного песка. Вдоль стенок ямки встречались углистые плашки значительных размеров. В углистом слое обнаружены мелкие кальцинированные кости, кусочки сильно оплавленных бронзовых предметов и бус, обломок пластинчатого перстня, нож, шило, игла от фибулы, обломки лепной миски, оселок.

После зачистки дна подквадратного углубления было выявлено два темных гумусированных пятна, расположенных рядом друг с другом. При разборке северо-западного пятна обнаружена округлая в плане погребальная ямка размером 0,45×0,50 м, глубиной 0,19 м, содержащая остатки кремации, помещенные в берестяной короб. Наряду с кальцинированными костями в ямке находился следующий погребальный инвентарь: обломки пластинчатой, витой и дротовой гривен, крученая подковообразная фибула со спиральными головками, два целых спиральных браслета и четыре обломка от подобного же браслета, перстень

с волютами, два спиральных проволочных перстенька, сплавившиеся кусочки стекла от бус и одна целая ребристая бусина, звено коленчатой цепочки, нож, обломки свинцового предмета, неопределенные фрагменты оплавленных бронзовых предметов.

Юго-восточнее погребальной ямки в 0,12 м от ее края была расположена столбовая ямка. Ямка имела округлую в плане форму размером 0,32×0,38 м и глубину 0,18 м. Заполнение ямки — серый гумусированный песок. Никаких находок в ней не обнаружено.

Ямка № 12¹ (табл. VII — 10; XII)

На уровне материка при зачистке обнаружено пятно серого гумусированного песка овальной формы. При его разборке выявлена ямка неправильной формы 0,86×0,50 м, глубиной 0,12—0,23 м. Заполнение погребальной ямки — серый гумусированный песок. В заполнении ямки встречены отдельные не составляющие скопления кальцинированные кости, а также обломки ленточных браслетов, фрагменты головной и нагрудной булавок, части дровяного браслета, оплавленные звенья кольчатой цепочки, обломок иглы подковообразной фибулы, мелкие спиральки и колечки, фрагменты непонятных бронзовых украшений.

Погребение № 13 (табл. VII — 12; XIII)

Верхняя ямка подпрямоугольной формы 1,44×1,80 м, глубиной 0,06 м вытянута по линии юго-запад — северо-восток. Заполнение ямки — черный углистый песок, при его разборке встречены отдельные кальцинированные косточки, два фрагмента лепной керамики, обломки пластинчатого перстня с волютами, обломок пластинчатого браслета, согнутый в кольцо обломок браслета и черенок ножа.

Нижняя ямка — круглая в плане, диаметром 0,30 м, глубиной 0,10 м — содержала очищенные от углей кальцинированные кости и сопровождающий инвентарь: обломки пластинчатой гривны, подковообразную фибулу овального сечения со спиральными концами, спиральный перстень, железное кольцо с двойной бронзовой накладкой трапецевидной формы, железную спираль от рукояти, железную пластину на кольце (кресало?). При зачистке раскопа на уровне материка рядом с погребением № 13 были найдены три маленькие бронзовые пластинки с заклепочками, нож, обломки наконечника стрелы, а также часть пластинчатой гривны, которая вместе с обломком гривны из погребения составила целое украшение. Последнее обстоятельство позволяет предполагать, что все вещи, найденные поблизости от погребения № 13, входят в состав его инвентаря.

Погребение № 16 (табл. VII — 14; XIV — 1—9)

При разборке большого гумусированного пятна интенсивно черного цвета обнаружено округлое в плане углубление 1,28×1,36 м, глубиной 0,12 м. В верхней части заполнения ямки прослеживается слой углистого песка толщиной

¹ При раскопках данная ямка с пережженными обломками вещей была зафиксирована нами как погребение, однако впоследствии выяснилось, что сюда грабителями ссыпались отдельные фрагменты предметов из разрушенных захоронений.

0,08 м, а в нижней — слой желтого песка с отдельными углистыми включениями толщиной 0,04 м (у западной стенки до 0,08 м). На дне верхней ямки встречены отдельные кальцинированные косточки, сильно оплавленные обломки бронзовых предметов, железный нож, два спиральных перстня и обломки лепной керамики.

При зачистке дна углубления зафиксировано два гумусированных пятна. В процессе разборки центрального была выявлена погребальная ямка, круглая в плане, диаметром 0,40 м, глубиной 0,21 м, с немного уплощенным дном. Кальцинированные кости вместе с угольками были помещены в берестяной туесок или мешочек. В верхней части ямки находились оплавленные стеклянные бусы, крестообразное навершие маленькой булавошки, обломок витого железного костылька.

В 0,17 м юго-западнее погребальной ямки располагалась круглая в плане ямка диаметром 0,26 м, глубиной 0,10 м. Заполнение ямки — серый гумусированный песок, около юго-западной стенки встречены крупные угли от перегнившего деревянного столба. Восточнее и юго-восточнее погребения № 16 выявлено два ровикообразных углубления. Восточное имело длину 0,92 м, ширину 0,28 м и глубину 0,14 м; юго-восточное — длину 1,03 м, ширину 0,35 м и глубину 0,04—0,10 м. Оба углубления были заполнены серым гумусированным песком, никаких находок в них не обнаружено. По-видимому, они относились к каким-то конструкциям, окружавшим погребение.

Погребение № 17 (табл. VII — 13; XIV — 10—20)

Вся центральная часть данного сооружения, включая погребальную ямку, была полностью уничтожена грабительским перекопом. В отвалах грабительской ямы встречены кальцинированные кости, угли, две бронзовые пластиночки от какого-то украшения, неопределенный обломок бронзового предмета и небольшая бронзовая спиралька. Раскопками удалось установить, что разрушенная погребальная ямка находилась в центре подквадратного (2×2 м), углубленного на 0,06—0,09 м в материк сооружения. Данное погребальное сооружение в середине было заполнено черным углистым песком, а к краям — розовым песком уже только с отдельными углистыми включениями. Вдоль стен сооружения прослеживались крупные угли и небольшие углистые плашки. Кроме мелких кальцинированных костей на дне погребального сооружения встречены фрагменты двух лепных сосудов, калачевидное кресало и изогнутая посоховидная булава, подвешенные к коленчатой цепочке. Погребальное сооружение было окружено целым комплексом ям и ровиков (№ 34—38 в соответствии с общей нумерацией ям на площади грунтового могильника). Так, с юго-запада к нему примыкали ямы № 34 и 35, соединенные между собой неглубокой перемычкой. Яма № 34 овальной в плане формы 0,52×0,64 м, глубиной 0,33 м вытянута с северо-запада на юго-восток, заполнена серым гумусированным песком с включениями угольков. Яма № 35 круглая в плане, диаметром 0,63 м, глубиной 0,45 м заполнена серым гумусированным песком, на самом дне зафиксирован темно-серый углистый слой толщиной 0,05 м. Судя по характеру расположения найденных в ямке крупных углей, можно предполагать, что в ней стоял столб диаметром около 0,20 м. Среди углей встречена кальцинированная косточка.

Ровикообразная перемычка между ямами имела ширину 0,40 м, глубину 0,16 м, заполнена серым песком, около ее северо-восточной стенки встречены крупные угли. В перемычке найден крупный железный предмет, напоминающий боевой однолезвийный нож, согнутый с завернутым в кольцо черенком. Ровик № 37 примыкал с северо-восточной стороны к погребальному сооружению, имел длину 3,10 м, ширину 0,56 м и глубину 0,17—0,21 м. Заполнение ровика — серый песок с вкраплениями угольков. В юго-восточной части ровика над его заполнением прослеживались углистые плашки вытянутые с северо-запада на юго-восток. В заполнении ровика сразу под плашками встречены вертикально расположенные крупные угли — возможно, остатки деревянного столба. Яма № 36 примыкала к северо-западному краю ровика, имела овальную форму 0,46×0,60 м, глубину 0,25 м, заполнена серым гумусированным песком. Яма № 38 расположена в северном углу погребального сооружения, круглая в плане, диаметром 0,28 м, глубиной 0,23 м, заполнена темно-серым гумусированным песком с примесью углей.

Погребение № 22 (табл. VII — 16; XV)

Ямка круглая в плане, с уплощенным дном, диаметром 0,52—0,54 м, глубиной 0,10 м. Кальцинированные кости были помещены в ямку в мешочке или в берестяном тусеке, так как в настоящее время представляют собой плотное компактное скопление. Сопровождающий инвентарь, в основном положенный на дно ямы, состоял из обломков массивной подковообразной фибулы, трапециевидной в сечении, с девятигранными головками, калачевидного кресала на цепочке, сланцевого оселка на маленьком колечке, двойной железной пластины на коленчатой цепочке для крепления ремня, ножа, топора и наконечника копья.

Погребение № 23 (табл. XVI)

Частично нарушено более поздней подкурганной ямой. Ямка круглая в плане, диаметром 0,23 м, глубиной 0,09 м. На дне ямки незначительное количество мелких кальцинированных костей. Сопровождающий инвентарь: спиральный браслет, зооморфная подвеска-уточка, шаровидный бубенчик, подвеска, состоящая из трех трапециевидных пластинок и двух грушевидных бубенчиков, две бронзовые тонкие проволоочки с нанизанными на них стеклянными бусами, нож, обломки перстня с волютами, фрагменты ленточных браслетов, звенья цепочек, обломок оплавленного предмета (гривна или браслет?).

Погребения собак

Погребение № 15 (табл. VII — 11)

На уровне материка встречено темное гумусированное пятно, при расчистке которого выявлена ямка овальной формы (0,64×0,92 м), глубиной 0,38 м, вытянутая по линии юго-запад — северо-восток. Яма заполнена серым гумусированным песком, в котором прослеживалась линза черного углистого гумуса. Именно в этой линзе обнаружены пережженные кости и обломки лепной миски. По определению Н. М. Ермоловой, кости принадлежали собаке.

Погребение № 18 (табл. VII — 15)

В северной части раскопа западнее погребения 17 на уровне материка было обнаружено серое гумусированное пятно, при разборке которого выявлена круглая в плане яма диаметром 0,99 м, глубиной 0,20 м. Заполнение ямы — серый гумус с примесями угольков. На дне ямы в ее северной части было обнаружено компактное скопление кальцинированных костей, принадлежавших собаке.

ДЕРЕВОЗЕМЛЯНЫЕ СООРУЖЕНИЯ²

Курган № 100 (табл. XVII — 1—6)

Курган круглый в плане, диаметром 4 м, высотой 0,30 м. Небольшая насыпь сооружена из песка с вкраплениями мелких угольков. В юго-восточном секторе и в центральной части насыпь кургана нарушена двумя грабительскими ямами (диаметром 0,70 м, глубиной 0,35 м и диаметром 0,50 — 0,60 м, глубиной 0,30 м). Следов ровиков вокруг кургана не обнаружено. Погребение совершено по обряду трупосожжения на стороне. Остатки кремации находились в круглой ямке диаметром 0,40 м, глубиной 0,24 м, вырытой в материке в центре курганной площадки. С северо-восточной стороны погребальная ямка нарушена грабительскими раскопками. Сверху погребальная ямка перекрыта слоем угля и золы толщиной до 0,06 м, занимающего площадь 1,20—1,40 м. При разборке углистого слоя встречены кальцинированные косточки, бронзовые бляшки от поясного набора, обломки усатого перстня и перстня с волютами, игла от фибулы и железная заклепка, а также фрагменты лепной миски. Вещи носят на себе следы пребывания в огне.

Курган № 113 (табл. XVII — 7—11)

Курган расположен в центральной части могильника. С востока на краю кургана росла сосна. Насыпь имела округлую в плане форму размерами 4,60 м с запада на восток и 4,50 м с севера на юг. В центральной части курган нарушен грабительской ямой (0,40×1,10 м). Выбросы из грабительской ямы зафиксированы в юго-западном и юго-восточном секторах.

Насыпь кургана сооружена из песка с отдельными гумусными включениями. Высота кургана 0,25 м. Первоначально, до грабительских раскопок, он был, безусловно, несколько выше. С северо-запада, юго-запада и юго-востока вокруг подошвы кургана фиксировались ровики шириной до 0,80 м и глубиной 0,16 — 0,34 м от поверхности погребенной почвы.

Погребение было полностью разрушено поздними грабительскими перекопами. Остатки погребения, обнаруженные в перекопе и выбросе грабительской ямы, свидетельствуют, что захоронение совершено по обряду трупосожжения на стороне. Наряду с мелкими кальцинированными косточками при расчистке заполнения грабительской ямы были встречены фрагменты двух лепных сосу-

² Поскольку деревоземляные сооружения внешне выглядели как небольшие возвышенности над современным горизонтом дневной поверхности, при их описании мы используем термин курган.

дов, бронзовая обкладка с железным кольцом, два обломка железной проволочной спирали. На уровне материка грабительская яма имела неправильную форму глубиной от 0,18 до 0,24 м.

Курган № 120 (табл. XVIII; XIX)

Курган овальный в плане размерами 4,20×7,20 м, высотой до 0,4 м вытянут с северо-востока на юго-запад. Насыпь сооружена из песка с вкраплениями отдельных угольков. С юго-запада и востока вокруг кургана зафиксирован ровик шириной 0,4 — 0,6 м, глубиной — 0,2 м. В кургане обнаружено два погребения, совершенных по обряду трупосожжения на стороне.

Погребение 1 находилось в северо-восточной части кургана. Кальцинированные кости вместе с сопровождающим инвентарем находились в ямке круглой формы диаметром 0,25 м, глубиной 0,24 м, вырытой в материке. Среди кальцинированных костей обнаружен перстень с волютами, железный инструмент (типа зубильца), обломки по крайней мере двух ленточных широких браслетов с чеканным орнаментом, фрагменты бронзовой подковообразной фибулы со спиральными концами, три спиральных перстня, железная пружина, многочисленные аморфные куски оплавленной бронзы.

Сверху погребение было перекрыто слоем угля и золы толщиной до 0,07 м, площадью 1,40×2 м. При разборке этого слоя встречены мелкие кальцинированные косточки, оплавленные фрагменты бронзовых предметов и обломки лепной подлощенной миски. Над первым погребением была сооружена небольшая песчаная насыпь (диаметром до 4 м).

Погребение 2 находилось в юго-западной части кургана. Кальцинированные кости вместе с мелкими угольками были помещены в ямку округлой формы диаметром 0,30 м, глубиной 0,20 м, с северной стороны ямка имела небольшой уступчик глубиной 0,06 м. Среди кальцинированных костей обнаружены: железные заклепки, два железных ножа, оселок с отверстием, загнутый гвоздь, весовая гирька, целый ленточный браслет с расширенными концами и обломки еще двух браслетов этого же типа.

Сверху погребение было перекрыто слоем золы и угля площадью 1,10×1,40 м, толщиной до 0,10 м. При разборке этой углистой площадки встречались мелкие кальцинированные косточки, фрагменты оплавленных бронзовых предметов, мелкие обломки лепной керамики.

Над погребением 2 была сооружена небольшая насыпь, которая, в свою очередь, перекрыла полу кургана, насыпанного над погребением 1. Это позволило предположить, что первое погребение совершено раньше второго.

Курган № 122 (табл. XXII; XXIII)

Курган имел круглую в плане форму (размеры 4,92×5,32 м, высота 0,45 м). Насыпь сооружена из песка, хорошо задернована, северо-восточная пола кургана поросла соснами. В центре курган был нарушен большой грабительской ямой (размеры 1,0×1,19 м, глубина 0,78 м от поверхности насыпи, а местами до 1,05 м). На уровне погребенной почвы в центре курганной площадки зафиксировано интенсивно черное углистое пятно (размеры 1,49×1,78 м, толщина 0,10 м). При его разборке встречены кальцинированные кости, кусочки оплавленных стеклянных бус, бронзовые бубенчики. Ряд вещей обнаружен на уровне погре-

бенной почвы за пределами углистого пятна. К ним относятся еще один бронзовый бубенчик, оплавленная бусина, мелкие обломки бронзовых и железных предметов, железный нож и наконечник копья. При зачистке курганной площадки зафиксированы отдельные значительные угли и плашки от деревянной конструкции. Однако в целом форму этого деревянного сооружения проследить не удалось. Погребение, расположенное в центре кургана, было полностью разрушено грабительским перекопом. В отвале грабительской ямы встречено значительное количество кальцинированных костей, обломки перстня с волютами и ленточного браслета, железная спираль от деревянной рукояти, обломок ножа и фрагменты лепных сосудов.

В юго-западном секторе кургана обнаружена небольшая круглая в плане яма (№ 44) диаметром 0,35 м, глубиной 0,30 м. Яма была заполнена черным углистым гумусом. С юго-востока и северо-запада к кургану примыкали ровики (№ 41 и 42), а с юго-запада — яма неправильной удлинённой формы (№ 43). Ровик (№ 41), окружавший курган с юго-востока, частично уходил в стенку раскопа (этот участок не был вскрыт из-за больших деревьев, растущих на поле насыпи). Длина расчищенной части ровика по дуге около 3 м, ширина 0,7—0,9 м, глубина 0,31 м. Ровик был заполнен серым золистым гумусом, сверху прослеживались железистые затеки. В южном конце ровика встречены обломки миниатюрного лепного сосудика баночной формы. Северо-западный ровик (№ 42) имел длину 2,71 м, ширину 1,2 м и глубину 0,65 м. Он был заполнен серым гумусированным песком. По стенкам ровика встречались крупные угли. Яма № 43 примыкала к кургану с юго-западной стороны и была вытянута по линии запад-восток (ее длина 3 м). Западная часть ямы была более широкая (1,51 м) и более глубокая (0,75 м), а восточная — более узкая (0,56 м) и более мелкая (от 0,40 до 0,50 м). Яма была заполнена достаточно однородным серым гумусированным песком с примесью угольков. При разборке ямы обнаружен наконечник стрелы и бронзовый слиток.

Курган № 125 (табл. XXIV)

Курган находился в центральной части раскопа 2. Насыпь была сооружена из песка, имела овальную в плане форму размерами 3,32 м с севера на юг и 4,70 м с запада на восток и незначительно возвышалась над уровнем дневной поверхности (0,24 м). В центре и юго-западном секторе насыпь была нарушена поздними перекопами. Перекоп в центре имел неправильную форму размером 0,82×0,84 м, глубиной до 0,18 м, юго-западный перекоп несколько овальный, размером 0,60×1 м, глубиной 0,20 м, местами до 0,26 — 0,28 м. Перекопы частично нарушили погребение, так как при их разборке были найдены кальцинированные кости, бочонковидная гирька, фрагмент бронзового колечка, обломок широкого ленточного браслета и оплавленные кусочки бронзы.

В центре на уровне погребальной площадки было зафиксировано черное углистое гумусированное пятно, округлое в плане. С северо-востока и юга оно было нарушено грабительскими перекопами. При его разборке было выявлено круглое в плане чашеобразное углубление размером 1,34×1,36 м, глубиной 0,05—0,06 м, заполненное черным гумусом. В нем были встречены мелкие кальцинированные кости, угольки, фрагменты сильно оплавленных бронзовых предметов, обломки лепной миски. При зачистке дна углубления в центре была выяв-

лена небольшая ямка диаметром 0,34 м, глубиной 0,12 м (от дна чашеобразного углубления). В ней находилось скопление кальцинированных костей.

В восточной половине кургана, на уровне погребенной почвы, обнаружена небольшая ямка диаметром 0,30 м, глубиной 0,26 м (по общей нумерации ям на раскопе — № 21). Заполнение ямы — серый гумусированный песок. При ее разборке встречено значительное количество обломков лепного слабопрофилированного сосуда.

Кроме того, с севера и с юго-запада к кургану примыкали ямы (№ 22 и 19 соответственно), а с юга — ровик.

Ровик шириной 0,80 м, глубиной 0,30 м заполнен серым золистым песком с примесью угольков.

Северная яма (№ 22) — круглая в плане, диаметром 0,54 м, глубиной 0,23 м — заполнена темно-серым гумусированным песком.

Юго-западная яма (№ 19) — круглая в плане, диаметром 1,38 м, глубиной 0,54 м — заполнена серым гумусированным песком. Дно ямы уплощено. В верхней части заполнения ямы около северо-восточной стенки обнаружен обломок бронзового ленточного браслета.

Курган № 128 (табл. XXV)

Курган овальный в плане (5,25×6 м, высота 0,40 м), насыпан из песка, плохо задернован, в центральной части нарушен грабительской ямой. С юго-запада курган окружен небольшим ровиком шириной 0,25 — 0,40 м, глубиной 0,15 м. В отвалах грабительской ямы были найдены кальцинированные кости, оплавленные фрагменты бронзовых вещей, две стеклянные бусины-двойчатки, пастовая бусина с рифлениями, пластинчатый браслет, серповидная гривна, спиралька, обломки бронзовых колечек, фрагмент накладки ножен, обломок булавки и железный гвоздь. Погребение, совершенное по обряду трупосожжения на стороне, находилось в небольшой круглой ямке, вырытой в материке. Стенки ямки были нарушены поздними перекопами, так что ее истинные размеры установить трудно (диаметр дна около 0,20 м, глубина 0,15 м от уровня погребальной почвы). На дне ямки находился спиральный браслет и плоская зооморфная подвеска.

Рядом с ямкой на уровне погребенной почвы, в центре курганной площадки прослеживается угольный слой толщиной до 0,07 м, диаметром 1,70 м.

Курган № 129 (табл. XXVI)

Курган имел удлиненную в плане форму (2,40×3,60 м, высота 0,26 м), вытянутую по линии запад-восток. На уровне погребенной почвы в центре курганной площадки зафиксировано углистое пятно (1,89×2 м, толщина 0,18 м), при разборке которого обнаружены кальцинированные кости, обугленные плашки и значительное количество мелких оплавленных бронзовых обломков. Из определенных предметов можно отметить фрагменты ножен, обломки витой гривны, пружинные ножницы, нож, обломки браслетов и части массивного бубенчика. Все предметы несут на себе следы пребывания в огне. После расчистки углистого пятна на уровне материка была выявлена погребальная ямка круглой формы (диаметр 0,46 м, глубина 0,24 м). В заполнении ямки встречались отдельные кальцинированные кости, угольки и оплавленные мелкие обломки бронзовых предметов. С востока к кургану примыкал ровик шириной 0,73 м, глубиной

0,39 м и длиной по дуге 3,70 м. Заполнение ровика — серый гумусированный песок с вкраплениями угольков. При разборке заполнения ровика встречен обломок замка и скопление керамики.

Курган № 130 (табл. XXVII)

Курган располагался в восточной части раскопа (юго-восточнее кургана № 129). Насыпь имела круглую в плане форму (диаметр 3,92 м и высота 0,32 м). В центре курган был нарушен грабительской ямой. При разборке выброса из грабительской ямы обнаружены кальцинированные кости, обломки оплавленных мелких бронзовых предметов и фрагменты лепной керамики.

После снятия насыпи при зачистке площадки кургана зафиксировано зольно-угольное черное пятно, которое было ограничено углистыми плашками, образующими квадрат 2×2 м. Особенно отчетливо прослеживались северо-западная и северо-восточная границы этого сооружения. Рядом с угольными плашками фиксировались пятна прокаленного песка. Погребение, располагавшееся в центре кургана, было полностью разрушено грабительской ямой, которая имела неправильную форму, вытянутую с северо-запада на юго-восток (размеры 0,79×1,72 м, глубина от 0,12 до 0,26 м). В заполнении грабительской ямы встречены многочисленные мелкие кальцинированные кости — остатки погребения по обряду трупосожжения, а также мелкие сильно оплавленные обломки неопределимых бронзовых предметов и фрагменты подлощенной лепной миски.

С востока к курганной площадке примыкало черное углистое пятно, при разборке которого обнаружена большая яма овальной формы, вытянутая по линии северо-запад — юго-восток (размеры 1,18×1,66 м, глубина 0,39 м). Заполнение ямы — однородный черный углистый гумусированный песок.

С северо-запада к кургану примыкала другая яма. Яма имела неправильную овальную форму (длина 1,84 м, ширина с юго-западной стороны 1,14 м, а с северо-восточной — 0,62 м). В разрезе ямы прослеживались два слоя заполнения. По дну ямы и по северной стенке шел углистый интенсивно-черный слой толщиной до 0,14 м, над которым находился серый гумусированный песок, заполнявший остальную часть ямы. При разборке нижнего углистого слоя были встречены мелкие кальцинированные кости и спиральный бронзовый перстень — возможно, остатки погребения по обряду трупосожжения на стороне.

Курган № 131 (табл. XXVIII; XXIX; XXX)

Курган круглый в плане (диаметр 5 м, высота 0,40 м) из песка с вкраплениями угольков, сильно оплыл, плохо задернован, в центре кургана насыпь испорчена тремя небольшими ямками диаметром 0,30 м, глубиной 0,15 м. С северной и юго-восточной стороны к кургану прилегал ровик шириной 0,40—0,60 м, глубиной 0,10—0,20 м. Погребение было совершено по обряду трупосожжения на стороне. Кальцинированные кости вместе с оплавленным погребальным инвентарем были ссыпаны в небольшую ямку круглой формы диаметром 0,40, глубиной 0,30 м, вырытую в материке в северо-восточном секторе.

В погребальной ямке среди кальцинированных костей были найдены: бронзовый спиральный перстень, калачевидное кресало, ключ, железное кольцо с подвешенной к нему костыльковой цепочкой. Кроме того, здесь были встре-

чены: костяной гребень в футляре, сильно оплавленные фрагменты весов с двумя железными гирьками бочонкообразной формы и железная пружина от рукояти. Рядом с погребальной ямкой в небольшом углублении в материке был обнаружен полный набор снаряжения вооруженного всадника, состоящий из согнутого пополам меча, наконечника копья, двух наконечников стрел, топора, кольчатых удил, плети, двух ножей, косы, подпружной пряжки и массивной подковообразной фибулы. На клинке меча имелись знаки франкской мастерской: круг с одной стороны и симметрично ему с другой стороны костыльный крест.

Над погребальной ямкой прослеживалось угольное пятно (толщиной до 0,07 м). При разборке угольного слоя встречались мелкие кальцинированные кости, а также был найден литой браслет с плетеным орнаментом.

Курган № 133 (табл. XXXI — 1—6)

Курган расположен в центральной части могильника. Он имел круглую в плане форму (диаметр 4 м, высота 0,38 м). В центральной части курган был нарушен грабительской ямой (0,50×0,90 м). Насыпь сооружена из песка с гумусными включениями. С запада, юго-запада и востока курган окружен ровиком (ширина от 0,70 до 1,20 м, глубина 0,20 м). В юго-восточном секторе в заполнении ровика на уровне погребенной почвы было обнаружено скопление кальцинированных костей и угольков. Среди кальцинированных костей были найдены две бронзовые прямоугольные поясные накладочки, бронзовая спиралька и обломок бронзовой пряжки. Основное погребение, располагавшееся в центре кургана, было полностью уничтожено грабительской ямой, об этом свидетельствуют обнаруженные в отвале и перекопе грабительской ямы многочисленные кальцинированные косточки, обломок лепной керамики (в частности, фрагмент лепной миски), железное шило, обломок железного предмета.

Курган № 134 (табл. XXXI — 7—27)

Курган расположен в центральной части могильника. Насыпь сооружена из песка, имела округлую в плане форму (размеры 4,54×6,20 м, высота 0,30 м) и была хорошо задернована. В центре курган нарушен грабительской ямой размером 0,95×1,57 м.

Погребение совершено по обряду трупосожжения на стороне. Кальцинированные кости, очищенные от угля, были ссыпаны в грунтовую ямку. Верхняя часть погребальной ямки была нарушена перекопом, а нижняя сохранилась (диаметр 0,25—0,27 м, глубина 0,10 м). Наряду с кальцинированными костями в ямке находились сопровождающие погребение вещи: ажурное кресло, нож, шило, браслет, фибула, обрывок железной цепочки на кольце, фрагмент пластинчатой гривны и трапециевидные подвески. Многие из этих вещей сильно оплавлены. Отдельные предметы были встречены рядом с погребальной ямкой (на расстоянии 0,20—0,40 м) на уровне погребенной почвы. К ним, в частности, относятся: железная гирька, два спиральных бронзовых перстня, обломки дровяного браслета, фрагмент спирального браслета, фрагменты коленчатой цепочки, кусочки сплавившихся стеклянных бус и аморфные сильно оплавленные обломки каких-то бронзовых предметов. Кроме того, три предмета встречены в перекопе грабительской ямы (железное кольцо, спиральный бронзовый перстень и обломок пластинчатого браслета).

С восточной и южной стороны около полу кургана были зафиксированы ямы, видимо, имевшие то же назначение, что и курганные ровики. Восточная яма (диаметр 1,40 м, глубина 0,50 м) была заполнена интенсивным черным углистым гумусом. Южная яма — овальной формы размером 1,11×1,89 м, глубиной 0,75 м, в ее разрезе фиксировалось трехслойное заполнение: по стенкам и по дну ямы шел углистый слой (толщина 0,05 м), над которым прослеживался слой золотистого песка (толщина 0,25 м), выше золотистого песка находился слой песка с железистыми затеками (толщина 0,45 м).

С северо-востока и юго-востока, на краю курганной площадки, обнаружены две столбовые ямы, заполненные гумусированным песком. Северо-восточная яма — диаметр 0,44 м, глубина 0,30 м, юго-восточная — диаметр 0,52 м, глубина 0,42 м.

Курган № 135 (табл. XXXII; XXXIII)

Курган расположен в центральной части могильника рядом с курганом № 134. Небольшая сильно оплывшая насыпь сооружена из песка и имела округлую в плане форму (5,45×5,90 м, высота 0,34 м). В центре курган был нарушен грабительской ямой (1,25×1,45 м, глубина 0,41 м), которая, однако, не потревожила погребение.

Остатки захоронения, совершенного по обряду трупосожжения на стороне, находились в небольшой грунтовой ямке (диаметр 0,60 м, глубина 0,20 м). В разрезе ямки отчетливо фиксируются два плотных скопления костей, видимо помещенных в мешочках или в берестяных туесках. На северном краю ямки был обнаружен железный ключ. В верхней части самой погребальной ямки найдены также обломок железной заклепки и фрагменты пластинчатого перстня с волютами. Вокруг погребальной ямки на площади 1,77×1,95 м было зафиксировано углистое пятно толщиной от 0,15 м до 0,20 м. При разборке этого пятна постоянно встречались отдельные кальцинированные косточки, а также различные предметы, сопровождающие погребение: обломки перстня с волютами, две бронзовые подвески, спиральки от тканей, железное спиральное кольцо, железное кольцо с завязанными концами, кусочки оплавленных стеклянных бус, девять фрагментов железных заклепок и одна целая заклепка, шляпка гвоздя, три бочонкообразные гирьки и три 14-гранные железные гирьки. С севера к углистому пятну примыкало большое золистое пятно с примесью угольков (1,30×3 м, толщина 0,10×0,14 м).

С трех сторон (западной, южной и восточной) курганная площадка была обнесена каким-то деревянным сооружением, имеющим подквадратную форму (стороны 2,30, 3,50, 3,50 м). Остатки этого сооружения прослеживались в виде довольно значительных угольных плах шириной 0,75 м, глубиной до 0,20 м. С западной стороны деревянная конструкция имела выступ на 0,5 м в форме полукруга.

С севера около кургана обнаружена яма овальной формы (1,15×2,05 м, глубина 0,58 м). Яма была заполнена гумусированным песком с примесями угольков. На дне ямы были встречены железные заклепки.

Курган № 158 (табл. XXXIV)

Курган расположен в южной части раскопа. Насыпь была сооружена из песка (ее размеры: 3,73 м по линии север — юг, 4,15 м по линии запад — восток,

высота около 0,23 м, т. е. она едва возвышалась над дневной поверхностью). В юго-восточной части насыпь была нарушена большим грабительским перекопом (1,38×2 м, глубина до 0,37 м), который уничтожил основное захоронение. В заполнении перекопа встречались кальцинированные кости и был найден наконечник стрелы.

На уровне погребенной почвы в северной половине кургана были зафиксированы остатки деревянной конструкции (примерно 2×2 м), которая имела подпрямоугольную форму. Наиболее отчетливо прослеживается северный угол этого сооружения. Стенки его были расположены под прямым углом, одна ориентирована с северо-запада на юго-восток, вторая соответственно с северо-востока на юго-запад. Внутри деревянной конструкции на курганной площадке встречались мелкие кальцинированные кости, кусочки сильно оплавленных бронзовых предметов, перстень с волютами, язычок от пряжки, бронзовая спиралька, мелкие обломки керамики. Все находки сделаны в слое черного углистого гумуса мощностью до 0,10 м.

В северо-восточном секторе кургана за пределами деревянной конструкции обнаружена яма (согласно общей нумерации ям, № 26). Яма имела круглую в плане форму (диаметр 0,72 м, глубина до 0,50 м). Яма имеет уступ (на глубине 0,20 м). Заполнение ямы — серый гумусированный песок с включением иногда довольно значительных углей.

С северо-запада к кургану примыкала еще одна яма — № 27. Яма имела округлую в плане форму (1,17×1,24 м, глубина 0,46 м) и была заполнена серым гумусом с примесью углей. При разборке ямы в юго-восточной стенке был выявлен уступчик (на глубине 0,20 м), на котором было обнаружено погребение, совершенное по обряду трупосожжения на стороне. Остатки трупосожжения (пережженные кости и сопровождающий инвентарь), возможно, находились в деревянном сосуде или в другой емкости. Среди кальцинированных костей обнаружены: пластинчатая гривна, фибула и обломок браслета.

Курган № 162 (табл. XLVIII; XLIX)

Курган расположен в центральной части могильника, был насыпан из песка и имел размеры 4,61×4 м, высоту 0,4 м. В южной половине насыпь была нарушена поздней ямой диаметром 0,9 м, глубиной 0,38 м, заполненной гумусом с углем. После снятия песчаной насыпи на уровне материка в центре курганной площадки была обнаружена небольшая ямка (диаметр 0,33 м, глубина 0,30 м), по дну которой проходила углистая прослойка. В целом же ямка была заполнена прокаленным песком красного цвета со значительным включением кусочков обожженной глины и кальцинированных костей. Слой прокаленного песка с кусочками обожженной глины мощностью до 0,09 м был также зафиксирован и вокруг ямки на площади 1,25×1,35 м прямо на материке. Погребенная почва здесь не прослеживается, ее следы обнаружены лишь по краям курганной площадки. Часть слоя прокаленного песка с юго-востока перекрывалась углистым слоем толщиной от 0,05 до 0,07 м, занимающим площадь 0,76×0,95 м в центре курганной площадки непосредственно над погребальной ямкой. Именно в этом слое была обнаружена наибольшая концентрация кальцинированных костей. В северо-западном секторе погребальной площадки обнаружены углистые плахи, видимо, от деревянной конструкции.

Вещи и обломки предметов, принесенные с погребального костра вместе с остатками трупосожжения, встречались и в углистом слое, и в слое прокаленного песка, и в самой погребальной ямке, а иногда и прямо на площадке кургана. Погребальный инвентарь, сопровождавший погребение, представлен многочисленными мелкими обломками оплавленных предметов, среди которых можно опознать лишь фрагменты некоторых предметов, в частности: обломки нагрудной булавки с крестообразной головкой, части ажурной бронзовой подвески, трапециевидную подвеску, конец иглы фибулы, фрагменты звеньев кольчатой цепочки, значительное количество мелких спиралек и колечек от украшения тканей, оплавленные обломки перстней или браслетов. Кроме того, среди погребального инвентаря было встречено значительное количество кусочков стекловидного шлака, свидетельствующих о том, что погребение сопровождалось бусами. В одном случае найдена несильно оплавленная двухчастная бусина. В состав инвентаря также входили железные предметы: шило и большие пружинные ножницы. Последние были воткнуты лезвиями в погребальную ямку, и их пружина была зафиксирована на уровне углистого слоя. Судя по составу инвентаря, захоронение было женское.

Несколько позже южная пола сооружения, содержавшего погребение по обряду кремации, была прорезана грунтовой ямой, в которую поместили захоронение мужчины, совершенное по обряду ингумации (см. № 162 в разделе грунтовых погребений), вследствие чего часть углистого слоя, перекрывавшего сожжение оползла с севера в грунтовую яму с трупоположением.

Курган № 162-а (табл. XXXV; XXXVI)

Курган расположен в центральной части могильника, был сооружен из песка и представлял собой круглую в плане насыпь (диаметр около 5 м, высота до 0,70 м). В центре насыпи зафиксированы незначительные нарушения. Одна яма, свежая, располагалась к востоку от центрального кола (диаметр 0,40 м, глубина 0,47 м), вторая, уже заплывшая, выявлена в процессе раскопок к югу от центра кургана (диаметр 0,90 м, глубина 0,52 м).

При исследовании насыпи на уровне погребенной почвы была зафиксирована прямоугольная в плане площадка (3×3,20 м), расположенная углами по сторонам света и выделявшаяся на фоне желтого песка темным пятном. С трех сторон (северо-западной, восточной и юго-западной) площадка была окружена ровиками шириной 0,84—1,63 м, глубиной 0,18—0,56 м, причем юго-западный и восточный ровики оконтуривали углы площадки. Заполнение ровиков — серый гумусированный песок с вкраплениями золы и угольков. Ровики имели разную крутизну стенок: стенка со стороны площади — более пологая, а стенка с внешней стороны — более крутая.

Практически всю курганную площадку огораживало деревянное сооружение (размером примерно 3,10×3,20 м). По расчищенным остаткам дерева трудно определить, был ли это сруб или более легкое дощатое сооружение. От него достаточно хорошо сохранились отдельные плахи в южном углу и от юго-восточной стенки. Именно рядом с древесными остатками на краю площадки встречены небольшие ямки. Около южного угла сооружения находилась ямка (0,31×0,48 м, глубина 0,16 м), вытянутая по линии юг — юго-запад — север — северо-восток, а около юго-восточной стенки — подчетыреугольная в плане

ямка (0,50×0,64 м, глубина 0,19 м), вытянутая по линии юго-запад — северо-восток. Обе ямки были заполнены серым гумусированным песком с примесью угольков. Отдельные деревянные плашки зафиксированы в ровиках. Видимо, они туда попали, когда деревянное сооружение стало перегнивать и разваливаться.

В центре курганной площадки (внутри конструкции) была выкопана небольшая ямка (0,52×0,57 м, глубина 0,38 м). На уплощенное дно ямы, скорей всего в берестяном коробе, были помещены очищенные от угля кальцинированные кости. В верхней части ямы встречались отдельные более крупные пережженные кости — видимо, животного. В разрезе ямы прослеживались многочисленные углистые прослойки. Наряду с кальцинированными костями в самой погребальной ямке находились: подковообразная массивная фибула с пирамидальными головками, железная блесна, перстень с волутами, спиральный перстень, обломки ленточных браслетов и две бляшки от поясного набора. Над погребальной ямкой был ссыпан принесенный с погребального костра уголь с мелкими косточками и с оплавленными и прокаленными предметами. Скопление вещей было зафиксировано, в основном, непосредственно над ямкой и к северу от нее (в радиусе 0,50 м) и лишь в редких случаях — в отдалении от погребальной ямы, в частности, ажурное железное кресало было обнаружено в 1,20 м юго-восточнее погребения. В углистом слое над погребальной ямкой среди значительного количества мелких обломков вещей были встречены: бляшки от поясного набора, причем из 13 штук две сильно оплавлены, а также наконечник ремня, три гиришки (две бочонкообразные и одна граненая), бубенчики, звенья железной коленчатой цепочки, обломки бронзовой цепочки, часть ножа, оплавленная подковообразная фибула, игла от пряжки, железная петля (возможно, от замка), часть дровяного браслета, многочисленные бронзовые мелкие спиральки от украшения тканей и фрагменты лепного сосуда. После завершения захоронения внутреннее пространство деревянного сооружения было заполнено песком. В таком виде конструкция и стояла, пока ее деревянные части не сгнили и не раскатылись. Песок оплыл, и деревоземляное сооружение приобрело вид обычного кургана.

Курган № 163 (табл. XXXVII — 1—11)

Курган круглой в плане формы (диаметр 5,25 м, высота 0,35 м). Насыпь сооружена из песка и плохо задернована. Вокруг кургана зафиксированы ровики. Один из них примыкал с запада (яма № 58), другой с севера (яма № 59). Западный ровик (длина 4,51 м, ширина 1,36 м и глубина 0,33—0,36 м) был заполнен серым гумусированным песком, и при его разборке обнаружены отдельные фрагменты лепной керамики и мелкие кальцинированные косточки, которые концентрировались в его южной части. Северный ровик имел неправильную овальную форму (длина 4,18 м, ширина западной части 1,20 м, восточной — 2 м, глубина от 0,28 до 0,53 м) и был заполнен серым песком с примесью углей. Около юго-восточной стенки ровика в верхней части заполнения найден ленточный браслет (табл. L — 14).

Погребение, совершенное по обряду трупосожжения на стороне, было полностью разрушено грабительской ямой, находящейся в центральной части курганной насыпи (диаметр около 1 м, глубина 0,40 м). При разборке отвалов

грабительской ямы помимо кальцинированных костей обнаружены: железный нож и железное долотце (или клин), кусочки стекловидного шлака, оплавленные фрагменты бронзовых предметов, среди которых различимы обломки проводочного кольца с завязанными концами, и бронзовые обжимочки и петля от ножен, спиральки и колечки, бронзовая округлая подвеска с растительным орнаментом. На уровне погребенной почвы местами сохранился углистый слой толщиной 0,07 м, в котором встречались мелкие кальцинированные косточки, оплавленные бронзовые кусочки и обломки лепной керамики.

Курган № 164 (табл. XXXVIII; XXXIX)

Курган круглый в плане (диаметр 44,20×4,64 м, высота 0,20 м), насыпан из песка с отдельными вкраплениями угольков и хорошо задернован. Вокруг насыпи прослеживается ровик (ширина 0,60—1,20 м, глубина 0,20—0,40 м). Погребение совершено по обряду трупосожжения на стороне. Кальцинированные кости вместе с сопровождающим погребальным инвентарем находились в круглой ямке (диаметр 0,72 м, глубина 0,32 м), вырытой в материке в центре курганной площадки. Погребальный инвентарь состоял из обломка дробовой гривны, оканчивающейся небольшой округлой головкой — «рыльцем», ленточных браслетов с плетеным орнаментом, фрагментов бронзовых цепочек, спиралек, оковок от ножей, обломка оплавленной подковообразной фибулы. О присутствии бус можно судить по кусочкам стекловидного шлака, прикипевшего к кальцинированным костям. В погребении также найден серповидный нож, а в углистом слое собраны фрагменты лепной округлодонной лощеной миски. Помимо перечисленных, хорошо определимых вещей, в погребении обнаружено большое количество оплавленных слитков бронзы. Все это свидетельствует о чрезвычайном богатстве данного погребального комплекса. Сверху погребальная ямка была перекрыта углистым слоем толщиной до 0,07 м, занимающим площадь 0,76×0,84 м. При его разборке собраны фрагменты еще двух лепных сосудов. На уровне погребенной почвы в южной части кургана встречено скопление углей, а в северо-западном и юго-западном секторах отдельные углистые плахи.

Курган № 166 (табл. XXXVII — 12—20)

Курган округлый в плане (3,8×4,8 м, высота 0,26 м). Насыпь сооружена из песка и плохо задернована. В центре кургана имеется две оплывшие грабительские ямы: одна размером 0,60×0,50 м, глубиной 0,46 м, а местами 0,56 м; вторая — диаметром 0,30 м, глубиной 0,40 м находилась западнее первой.

С северо-западной, восточной и южной сторон вокруг кургана зафиксирован ровик шириной 0,50 м, глубиной 0,20 м. В заполнении ровика встречаются скопления углей и обломки лепной подлощенной миски. На уровне погребенной почвы во всех секторах кургана обнаружены горелые плахи, которые составляют в плане прямоугольник со сторонами 2,20×2,40 м. В северо-западном секторе под углистыми плахами песок был прокален. В северо-восточном секторе среди углей обнаружены хорошо обожженные пружинные ножицы, шило и обломок гвоздя. Внутри горелой деревянной конструкции по всей поверхности погребенной почвы постоянно встречались мелкие угольки и кальцинированные косточки. В центре кургана на уровне погребенной почвы было обнаружено золистое пятно около 1 м диаметром, толщиной 0,10 м. При его разборке попада-

лись мелкие кальцинированные косточки и оплавленные кусочки бронзы и бус. Золистое пятно перекрывало само погребение. Погребение, совершенное по обряду трупосожжения на стороне, находилось в ямке круглой формы (диаметр 0,40 м, глубина 0,18 м от уровня погребенной почвы). С северо-западной стороны стенка погребальной ямки нарушена грабительскими раскопками. Погребальная ямка была заполнена кальцинированными косточками и мелкими угольками. Среди кальцинированных костей найден бронзовый усатый перстень. В юго-восточном секторе на уровне погребенной почвы обнаружено скопление обломков лепной керамики, а в юго-западном секторе на том же уровне встречено скопление железных заклепок (30 шт.), причем в расположении заклепок не наблюдается строгого порядка. Многие заклепки прокалены на огне. Оба скопления (и керамики, и заклепок) находятся вне прямоугольной горелой конструкции.

Курган № 202 (табл. XL)

В западной части раскопа нами было зафиксировано округлое в плане (3,34×3,60 м), еле заметное над дневной поверхностью всхолмление (высота 0,20 м), восточная часть которого была полностью уничтожена большой грабительской ямой (диаметр 2,30 м, глубина 0,82 м). В центре курганной площадки на уровне погребенной почвы было расчищено темное углистое пятно диаметром 1,17×1,20 м, толщиной 0,10—0,12 м, при разборке которого найдены мелкие кальцинированные косточки. Под углистым слоем была выявлена небольшая грунтовая ямка (диаметр 0,40 м, глубина 0,12 м). На дне ямки находилось скопление кальцинированных костей. Сверху остатки кремации были накрыты боевым щитом, от которого сохранился железный умбон, щит был пробит топором и пронзен копьем. Копье прошло прямо через умбон, и его конец сильно погнулся. Топор и копье были воткнуты в погребение, когда кальцинированные кости, принесенные с погребального костра, еще не остыли, поскольку конец копья и лезвие топора, находящиеся под щитом, прокалились. Кроме того, в состав инвентаря данного захоронения входили: калачевидное кресало, наколечник стрелы, оселок, обоймице с железным кольцом, сильно оплавленный, видимо спиральный, перстень, спиральки от тканей.

Погребальная ямка была окружена легкой деревянной конструкцией, имеющей квадратную в плане форму (со стороной около 2 м). Сохранились отдельные плашки от южной и западной стенки и редкие угольки — от северной. Восточная часть деревянной конструкции была разрушена грабительской ямой. В пределах данного деревянного сооружения на уровне погребенной почвы встречены разрозненные обломки керамики. Ровиков вокруг насыпи не наблюдалось.

Курган № 228 (табл. XLI)

Курган круглый в плане (диаметр 5 м, высота 0,30 м) насыпан из песка, сильно оплыл, плохо задернован. В центре курган нарушен грабительской ямой (1,30×1,70 м, глубина 0,25 м). С северной, восточной и юго-западной сторон зафиксированы следы ровика шириной 0,40—0,60 м, глубиной 0,15—0,20 м. Грабительская яма нарушила центральное захоронение, которое было совершено по обряду трупосожжения на стороне и находилось в небольшой круглой

ямке (диаметр 0,30 м, глубина 0,15 м от уровня погребальной почвы), вырытой в материке. На дне ямки сохранились только пластинчатая гривна, перстень с волотами, наконечники стрелы и копья, железная цепочка. Остальные вещи найдены в перекопе и отвалах грабительской ямы. К ним относятся: еще один наконечник стрелы, две подковообразные фибулы (одна с призматическими головками, а другая со спиральными концами), два ножа, гирька от весов, узко-массивный и два пластинчатых браслета. Кроме того, в кургане были обнаружены обломки одной ошлакованной лепной миски с округлыми плечиками и прямым венчиком, а также фрагменты лепного приземистого сосуда баночной формы, поверхность которого почти сплошь украшена рядами ногтевых зашпоров. На уровне погребенной почвы в местах, не поврежденных грабительской ямой, сохранились остатки угольного слоя мощностью до 0,06 м. В одном метре к востоку от основного погребения обнаружена вторая яма (диаметр 0,65 м, глубина 0,40 м) с большим количеством кальцинированных костей и угля, без сопровождающего инвентаря. По определению Н. М. Ермоловой, это было захоронение молодой коровы.

КУРГАН С ПОГРЕБЕНИЯМИ ПО ОБРЯДУ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ

Курган № 121 (табл. XX; XXI)

Курган округлый в плане (5,25×6,5 м, высота 0,60 м). Насыпь сооружена в два приема из песка с вкраплениями мелких угольков. С южной, северной и восточной сторон вокруг кургана прослеживается ровик шириной 0,75 м, глубиной от 0,25 до 0,60 м. Курган нарушен двумя грабительскими ямами: в центре — старой заплывшей ямой (1×1,25 м, глубина 0,6 м), в южной половине — свежей ямой (0,75—1 м, глубина 0,30 м). В кургане обнаружено два погребения по обряду трупосожжения на стороне (№ 1 — впускное и № 2 — основное).

Погребение № 1 обнаружено сразу под дерном в северной половине кургана. Кальцинированные кости вместе с сопровождающим инвентарем находились в ямке, имеющей в плане форму дугообразной канавки шириной 0,50 м. Ямка была впущена в готовую насыпь на глубину 0,25 м. Среди кальцинированных костей были встречены обломки бронзового браслета, две поясные бляшки, скобочка, железный гвоздь, заклепка, звено железной коленчатой цепочки и мелкие обломки венчика лощеной миски. Все вещи были сильно прокалены и оплавлены.

Погребение № 2 (основное). Кальцинированные кости вперемешку с углями и сопровождающим инвентарем располагались (кучкой) на зольно-пепельном слое толщиной до 0,10 м. Между зольно-пепельным слоем и погребенной почвой находилась подсыпка из плотного материкового светло-желтого песка толщиной до 0,12 м. Погребение занимало площадь 1,80×2,75 м. При разборке погребения обнаружены: обломки перстня с волотами, фрагменты широкого ленточного и пластинчатого браслетов, накладки на ножны, тонкая пластина, нож, железный крюк, два гвоздя (один согнутый, без шляпки), втулка от железного предмета, множество бронзовых спиралек и колечек от украшения тканей, фрагменты сильно оплавленных бронзовых предметов, дно лепного сосуда. Погребение было перекрыто песчаной насыпью с вкраплениями отдельных

мелких угольков (диаметром 5×6 м). Затем курган, сооруженный над основным захоронением, был досыпан с северной стороны, и в эту присыпку было и впущено погребение (№ 1).

ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПО ОБРЯДУ ИНГУМАЦИИ

Погребение № 9 (табл. XLII)

Погребальная яма размерами 1,61×2,42 м, глубиной 0,97 м ориентирована по линии запад — северо-запад — восток — юго-восток. На уровне материка около юго-западного края ямы найдены пять перстней (два широкосрединных и три спиральных) и спиральный браслет. Остатки захоронения находились в западной части ямы. Кости и вещи располагались по вертикали на глубине 0,35—0,54 м. Видимо, погребенная была на что-то посажена. Сопровождающий инвентарь: крученая гривна с прикрепленными к ней бубенчиками и плоской зооморфной подвеской-оленем, ожерелье из стеклянных бус, подковообразная фибула со спиральными головками с остатками шерстяной ткани, два спиральных браслета, два спиральных перстня, фрагменты кожаного мешочка с орехами. На дне ямы около ее восточной стенки обнаружен развал лепной миски. Вещи и кости были покрыты слоем луба.

Погребение № 14 (табл. XLIII)

Погребальная яма овальной формы 2,25×2,85 м, глубиной 1,17 м вытянута с запада на восток. Сохранились следы перекрытий и внутренней обшивки ямы. Погребение ориентировано головой на восток. Сопровождающий инвентарь: юго-восточнее черепа — два наконечника стрелы и обломок железного ножа, на шее — пластинчатая гривна с двумя бубенчиками, под гривной — подковообразная фибула со спиральными концами, ниже фибулы — спиральный браслет с «эсовидными» концами, в районе пояса — шаровидный бубенчик на переви-той проволоке, между бубенчиком и браслетом — спиральный перстень, в ногах — лепной сосуд.

Погребение № 19 (табл. XLIV — А, В)

Погребальная яма прямоугольной формы 1,57×2,78 м, глубиной 1,28 м вытянута с востока-юго-востока на запад-северо-запад. Сохранились следы перекрытий. Погребение ориентировано головой на восток-юго-восток. Сопровождающий инвентарь: в районе пояса — пластинчатый перстень с волотами, рядом с ним нож; в ногах — два спиральных проволочных кольца от онучей, наконечник стрелы, острога и лепной сосуд.

Погребение № 20 (табл. XLIV — Б; XLV)

Погребальная яма прямоугольной формы 1,56×2,7 м, глубиной 0,90 м вытянута с востока-северо-востока на запад-юго-запад. Сохранились следы перекрытий ямы — темные углистые прослойки, при разборке которых встречены остатки разрушенного погребения по обряду трупосожжения: кальцинированные кости, обломки подковообразной фибулы со спиральными головками, фрагменты ленточного браслета с плетеным орнаментом, обломки перстня

с волютами, бронзовая спиралька, пож, наконечник стрелы и несколько черепков лепного сосуда. Основное погребение на дне ямы по обряду ингумации ориентировано головой на запад-юго-запад. Сопровождающий инвентарь: на груди — подковообразная фибула со спиральными концами; в районе пояса справа от погребенного — нож, топор, наконечник копья; в ногах — два спиральных кольца от онучей и лепной сосуд.

Погребение № 21 (табл. XLVI — А)

Погребальная яма овальной формы 1,66×2,12 м, глубиной 0,70 м вытянута с северо-запада на юго-восток. Погребение находилось в гробовище прямоугольной формы 0,55×1,04 м и было ориентировано головой на северо-запад. Сопровождающий инвентарь: на шее — крученая гривна; в районе пояса — бронзовое спиральное кольцо, грушевидный бубенчик, клык кабана. Рядом с этими предметами находились плохо сохранившиеся железные вещи, среди которых можно было идентифицировать нож и калачевидное кресало. У северо-восточной стенки гробовища встречен наконечник дротика и мелкие бронзовые спиральки и колечки на шерстяном шнурке.

Погребение № 24 (табл. XLVI — Б)

Погребальная яма овальной формы 1,46×2,88 м, глубиной 1 м вытянута с северо-востока на юго-запад. Сохранились следы перекрытий ямы. Погребение ориентировано головой на юго-запад. Сопровождающий инвентарь: на правой руке — ленточный браслет с плетеным орнаментом, а рядом — нож.

Погребение № 103 (табл. XLVII)

Погребальная яма круглая в плане диаметром 1,75—1,80 м, глубиной 0,85 м. Погребение было ориентировано головой на север или север-северо-восток. Кости скелета не сохранились. Сопровождающий инвентарь: на шее — пластинчатая гривна с тремя подвешенными к ней бубенчиками и с пластинчатым перстнем с волютами, надетым на затылочную часть гривны; на руках — три спиральных перстня и простой дротовый браслет; в районе пояса — подвеска-амулет, состоящая из бронзового «гребешка», бубенчика и клыков хищников, связанных между собой перевитой проволочной цепочкой, рядом с подвеской ключ, пластинчатое кресало, маленький нож с деревянной рукоятью, перевитой у лезвия бронзовой проволокой; в ногах — около 30 железных заклепок, возможно, от деревянного «ларца»; у головы — лежащий на боку лепной мисковидный сосуд.

Погребение № 162 (табл. XLVIII; XLIX — 16, 18)

Погребальная яма прямоугольной формы 1,75×3,25 м, глубиной 1,25 м прорезала южную полу сооружения типа «домика мертвых» и была вытянута с запада на восток. Сохранились следы перекрытий ямы. Сопровождающий инвентарь: на груди — подковообразная фибула с многогранными головками, около левой руки — топор, между ног в районе колен — нож, в ногах — лепной сосуд, а около сосуда — маленькая спиралька из бронзы. Погребенный был положен головой на запад. Сохранность костей плохая.

Курган № 47 (табл. СХIII — 1)

Диаметр 5,8 м, высота 0,5 м. С востока и юго-востока насыпь окружена ровиком шириной 0,96 м и глубиной 0,15—0,8 м. Длина погребальной ямы, вытянутой с северо-востока на юго-запад, 3,56 м, ширина 1,74 м, глубина 0,55 м. Основная часть захоронения нарушена грабительским перекопом. На дне ямы в неповрежденном виде сохранились кости ног и фрагменты гончарного сосуда. Погребенный был ориентирован головой на северо-восток. В перекопе встречены разрозненные кости человека, причем на некоторых из них зафиксированы окислы бронзы — следы бронзовых украшений.

Курган № 58

Диаметр 6,24—6,94 м, высота 0,5 м. Насыпь окружена ровиком шириной 0,82—0,90 м, глубиной 0,35—0,50 м, имеющим перемычки с северо-запада и юга. Длина погребальной ямы, вытянутой с северо-востока на юго-запад, 3,36 м, ширина 2,40 м, глубина 0,54 м. Имеются следы деревянных перекрытий ямы. Захоронение полностью уничтожено грабительским перекопом. На дне ямы встречены лишь фрагменты шерстяных тканей и аморфные кусочки железа. В перекопе обнаружены разрозненные кости скелета, обломки косы, куски шерстяных тканей, мелкие бронзовые спиральки, фрагменты гончарного сосуда, железные гвозди. На курганной площадке зафиксированы две ямы: одна — в восточной ее части (диаметр 0,35 м, глубина 0,42 м), вторая — в северо-западном секторе (диаметр 1,20 м, глубина 0,35—0,50 м), заполненные серым гумусом.

Курган № 69 (табл. LI; LII)

Диаметр 3,15—3,70 м, высота 0,35 м. С северо-запада, востока и запада насыпь была окружена тремя ровиками шириной 0,62—0,88 м, глубиной 0,22—0,30 м. Погребальная яма имела размеры 0,93×1,80 м и была вытянута с северо-востока на юго-запад. Глубина ямы 0,57 м. Погребенная девочка была ориентирована головой на северо-восток. Верхняя часть скелета находилась в полном антропологическом порядке, однако в довольно необычном положении. Сверху лежали сильно раздавленные кости черепа, под ними располагались позвонки вертикально один на другом, только несколько предтазовых позвонков лежали в обычном горизонтальном положении. В вертикальном положении зафиксированы и кости грудной клетки. Без сомнения, погребенная была посажена, а не положена. Сопровождающий инвентарь: под костями черепа — гладкая дротовая гривна и ожерелье из 58 бусин и семи бубенчиков (часть бусин оказалась внутри грудной клетки); на руках — три пластинчатых браслета и три спиральных перстня; над одним из перстней — небольшая подковообразная фибула со спиральными головками, на которой сохранился кусочек шерстяной ткани; в ногах — гончарный горшок и маленькое колючее от украшения тканей. Погребенная была посажена на овчину и покрыта корой.

Курган № 71 (табл. LIII — А, Б, В: 1—6)

Диаметр 5 м, высота 0,50 м. Обычных ровиков не прослежено, однако на краю курганной площадки в северо-западном, северо-восточном и юго-восточ-

ном секторах зафиксированы ямы с соответствующими размерами: 0,82×1,35 м, глубиной 0,30 м; диаметром 0,82 м, глубиной 0,68 м и 0,72×1,26 м, глубиной 0,45 м. Погребальная яма имела размеры 0,89×2 м, глубину 0,32 м. Была вытянута с северо-востока на юго-запад. Погребенная женщина лежала головой на юго-запад. Сопровождающий инвентарь: около черепа и под ним встречены два бронзовых проволочных височных кольца (одно с небольшими завитками на одном конце), в районе шеи — четыре золотостеклянные цилиндрические бусины, слева от погребенной — нож с деревянной рукоятью, перевитой бронзовой проволокой, а слева чуть выше черепа — остатки берестяного тусека. На курганной площадке в северо-западном секторе рядом с погребальной ямой зафиксирована ямка диаметром 0,23 м, глубиной 0,12 м, заполненная гумусированным песком.

Курган № 88 (табл. LIII — В: 7—11; LIV)

Диаметр 6 м, высота 0,50 м. Вокруг кургана прослеживается ровик, имеющий перемычку с востока, шириной до 1 м, глубиной 0,20 м. Погребальная яма размерами 1,65×2,00 м, глубиной 0,30 м была вытянута с северо-востока на юго-запад. Погребенный, видимо мужчина, был ориентирован головой на северо-восток. При погребенном обнаружены: с правого бока — бронзовая подковообразная фибула с маковыми головками; поперек бедренных костей лежала коса; около правой ноги — нож; около левой — топор; в ногах — гончарный сосуд (в обломках); здесь же — кусочки шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками.

Курган № 96 (табл. LV; LVI)

Овальный 7×8 м, высота 0,90 м. Вокруг кургана прослеживается ровик, имеющий перемычку с юга и юго-востока, шириной 0,50—0,60 м, глубиной 0,25 м. Погребальная яма имела размеры 2,00×3,25 м, глубиной 0,85 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе фиксируются следы деревянных перекрытий. Погребенный, видимо мужчина, был ориентирован головой на восток. При погребенном обнаружены: на правой руке — два ленточных браслета с суживающимися концами и один узкомассивный, а также пластинчатый перстень с воллютами; на левой руке — два узкомассивных браслета и один ленточный; слева на тазовых костях — большая массивная подковообразная фибула с призматическими концами, рядом — нож; около колена правой ноги — топор; на бедренных костях — куски шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками и колечками; в ногах — гончарный сосуд (в обломках); справа от черепа — наконечник копья.

Курган № 97

Размеры 3,00×5,50 м, высота 0,40 м. С севера и с юга к кургану примыкали ровики шириной до 1,50 м, глубиной до 0,50 м. Выяснено, что насыпь была ранее раскопана двумя траншеями (по-видимому, в 1911 году), погребение вынута. Погребальная яма, часть стенок которой остались непотревоженными, имела размеры 0,85×1,90 м, глубину 0,70 м и была вытянута с запада-юго-запада на восток-северо-восток.

Курган № 101 (табл. LVII)

Размеры 4,30×6,50 м, высота 0,50 м. С северной стороны к кургану примыкал небольшой ровик шириной 0,50 м, глубиной 0,25 м. Грабительской ямой нарушен восточный угол погребальной ямы, захоронение не потревожено. Погребальная яма имела размеры 1,50×2,15 м, глубину 0,60 м и была вытянута с северо-востока на юго-запад. Погребенная, видимо девочка, ориентирована головой на юго-запад. При погребенной обнаружены: на шее — витая гривна из трех бронзовых тонких проволок с подвешенными к ней двумя грушевидными бубенчиками и западноевропейской монетой; около гривны — две бочонкообразные золотостеклянные бусины; под шейными украшениями — маленькая подковообразная фибула со спиральными головками, спиральный перстень и браслет из двух перевитых бронзовых проволочек; в районе пояса — два грушевидных бубенчика, подвешенные к перевитой проволочке; в ногах — лепной сосуд (в обломках). Среди вещей зафиксированы кусочки шерстяных тканей. Погребение было завернуто в бересту.

Курган № 102 (табл. LVIII; LIX)

Диаметр 5,50 м, высота 0,30 м. С севера, северо-востока и востока к кургану примыкал ровик шириной 0,50 м, глубиной 0,20 м. Грабительской ямой нарушена часть южной стенки погребальной ямы, захоронение не потревожено. Погребальная яма имела размеры 1,35×2,60 м, глубину 0,55 м и была вытянута с запада на восток. Погребенный мужчина был ориентирован головой на запад. При погребенном обнаружены: на руках — широкий ленточный браслет и пластинчатый перстень с волютами; на тазовых костях — подковообразная фибула с четырехугольными плоскими головками; в районе пояса справа от погребенного — нож в кожаных ножнах на железном кольце (края кожаных ножен скреплены мелкими бронзовыми колечками); вдоль бедренной кости левой ноги лежал наконечник копья острием вниз; у правой ноги находился гончарный сосуд (в обломках). В разрезе погребальной ямы зафиксированы следы деревянных перекрытий.

Курган № 124 (табл. LX)

Диаметр 7,10 м, высота 0,50 м. С северной стороны кургана прослеживался ровик шириной 0,50 м, глубиной 0,20 м. Погребальная яма имела размеры 2,0×3,2 м, глубину 0,92 м и была вытянута с запада на восток, в ее разрезе зафиксированы следы от деревянных перекрытий и внутренней обшивки ямы. Погребенный мужчина ориентирован головой на запад. При захоронении обнаружены: справа около черепа — лепной сосуд (в обломках); здесь же несколько выше черепа — наконечник копья; на руках — ленточный браслет с плетеным орнаментом и пластинчатый перстень с волютами; в области груди — подковообразная фибула со спиральными головками; на тазовых костях и под ними — поясной набор, состоящий из тонких бронзовых прямоугольных пластинок, плотно прилегающих друг к другу и прикрепленных к ремню, бронзовой пряжки и бронзового орнаментированного пластинчатого наконечника пояса; слева от пояса — небольшой сланцевый оселок с отверстием, нож и бронзовая накладка; около левой ноги — топор; в ногах — лепной сосуд (в обломках). Местами

на погребенном сохранились кусочки шерстяных тканей, расшитых мелкими бронзовыми спиральками и колечками. Над одним из таких кусочков в области ног встречены фрагменты бересты.

Курган № 126 (табл. LXI)

Диаметр 4,50—5,25 м, высота 0,40 м. Вокруг насыпи прослежен ровик шириной 0,50 м, глубиной 0,25 м. Погребальная яма имела размеры 1,15×1,80 м, глубину 0,57 м и была вытянута с северо-востока на юго-запад. Погребенный ребенок был ориентирован головой на северо-восток. В разрезе погребальной ямы встречены следы от деревянных перекрытий. При погребенном обнаружены: справа около черепа — обломки железных неопределенных предметов; на правой руке — пластинчатый браслет, спиральный перстень и пластинчатый перстень с волютами; на левой руке — пластинчатый браслет; около украшений правой руки — бронзовая подковообразная фибула со спиральными концами; на поясе — два бронзовых бубенчика на железной костыльковой цепочке; под подвеской — нож и бронзовая оковка от ножен; в ногах — гончарный сосуд. Местами на погребенном встречены куски тканей, расшитых мелкими бронзовыми спиральками и колечками.

Курган № 136 (табл. LXII; LXIII)

Овальный в плане 6,15×9,25 м, высота 1,10 м. Вокруг кургана прослеживается ровик шириной 0,60—0,95 м, глубиной 0,25 м, имеющий перемычку с севера. В кургане обнаружены пять захоронений: одно в грунтовой яме, два во впускной яме и два на уровне погребенной почвы. Основное погребение (№ 2) находилось в подкурганной яме размером 1,50×3,00 м, глубиной 0,70 м, вытянутой с запада на восток. Погребенный мужчина был ориентирован головой на восток. В разрезе ямы прослежены следы деревянных перекрытий. При погребенном обнаружены: слева от черепа — тлен от бересты (возможно, от тусеска); на левой руке — узкий ленточный браслет и пластинчатый перстень с волютами; на поясе — лировидная пряжка; в ногах — топор и гончарный сосуд (в обломках); рядом с левой голенью — нож; в районе пояса — подковообразная фибула с гранеными головками. Данное погребение было перекрыто насыпью, затем с юго-западной стороны к первоначальному кургану было сделано подхоронение. Погребенный по обряду ингумации мужчина (№ 1) лежал на уровне погребенной почвы головой на юго-восток. При погребенном обнаружены: на левой руке — простое бронзовое кольцо; на правой — усатый перстень и пластинчатый перстень с волютами; здесь же рядом — бронзовая подковообразная фибула со спиральными головками; под фибулой — кусочек шерстяной ткани; в районе пояса справа от погребенного — топор; рядом — неопределенный железный предмет; ниже — нож; в ногах — гончарный сосуд. Справа от описанного захоронения по обряду ингумации располагалось скопление кальцинированных костей на площади диаметром 0,35 м. Среди кальцинированных костей вещей не найдено. В результате присыпки этого погребения первоначальный курган значительно расширился. В юго-восточную часть готового кургана была впущена яма 1,80×2,75 м, прорезав насыпь, она углубилась в материк на 0,45 м. Эта яма располагалась строго параллельно подкурганной яме погребения № 2. На дне впускной ямы находилось два захоронения: взрослого и ребенка, ориен-

тированные головой на восток (№ 3). По расположению вещей в погребении трудно определить, какие из них относятся к детскому, а какие к взрослому захоронению. Однако размеры украшений свидетельствуют, что ребенок сопровождался пластинчатой гривной, бронзовым браслетом, спиральным перстеньком, фибулой (все эти предметы имели маленькие размеры) и гончарным сосудом (в обломках). В свою очередь к захоронению взрослого относятся два спиральных перстня, подковообразная фибула, гончарный сосуд и, видимо, спиральное кольцо от олучей. Среди обломков сосудов встречены отдельные мелкие кальцинированные кости. Несколько выше черепов прослеживается глен от бересты.

Курган № 137 (табл. LXIV; LXV)

Диаметр 5,50×5,60 м, высота 0,20 м. С северо-запада и юго-востока к насыпи примыкали ровики шириной 0,70—0,30 м, глубиной 0,24—0,32 м, в заполнении одного из них встречены мелкие кальцинированные кости. Погребальная яма имела размеры 2,10×3,20 м, глубину 1,16 м, была вытянута с запада на восток, в ее разрезе прослеживались следы деревянных перекрытий. Погребение мужчины было ориентировано головой на восток. При погребенном обнаружены: справа, несколько выше черепа — наконечник копья; под черепом — фибула со спиральными головками; справа от фибулы — острога; на руках — два узко-массивных браслета и пластинчатый перстень с волютами; под браслетами — железное калачевидное кресало, кусочек кремня, железный ключ и обломок неопределенного железного предмета (по-видимому, все эти четыре предмета находились в мешочке, который был подвешен к поясу); справа от костяка в районе пояса — два наконечника стрелы и нож (все железные предметы очень плохой сохранности); в ногах — лепной сосуд (в обломках). Кроме того, в районе груди и ног зафиксированы куски шерстяных тканей, расшитых спиральками. К украшениям обмоток ног также относятся два бронзовых спиральных колечка. В южной половине курганной площадки зафиксировано три ямки. Одна из них диаметром 0,30 м, глубиной 0,40 м расположена около юго-западного угла погребальной ямы. В 1,55 м восточнее ее, ближе к юго-восточному углу погребальной ямы, находилась овальная в плане ямка (0,30×0,44 м, глубина 0,43 м). Третья ямка (диаметром 0,27 м, глубиной 0,42 м) располагалась в 0,88 м от края погребальной ямы и соответственно на расстоянии 1,60 м от первой ямки и 0,96 м от второй. Все ямки были заполнены серым гумусированным песком и, видимо, относились к деревянным конструкциям перекрытий ямы.

Курган № 165 (табл. LXVI; LXVII)

Овальный в плане 6×3 м, высота 0,40 м. Вокруг кургана прослежен ровик шириной 0,60 м, глубиной 0,40 м, имеющий перемычку с юга. Погребальная яма имела размеры 1,76×3,40 м, глубину 0,86 м, была вытянута с запада на восток. В разрезе ямы фиксируются следы деревянных перекрытий. Погребенный мужчина был ориентирован головой на запад. При захоронении обнаружены: на груди — подковообразная фибула со спиральными головками; около левого локтя — нож; на тазовых костях — следы кожаной верхней одежды; здесь же — поясной набор, состоящий из 18 бронзовых бляшек, наконечника пояса, пяти поясных колец и пряжки; на правой бедренной кости находился топор; в ногах —

гончарный сосуд (в обломках). В северо-западном секторе на краю курганной площадки находилось второе захоронение, совершенное по обряду трупосожжения. Кальцинированные кости (по определению Н. М. Ермоловой принадлежавшие немолодой женщине и подростку 3—7 лет) были помещены в небольшую ямку диаметром 0,30 м, глубиной 0,15 м. Сопровождающий инвентарь: нагрудные булавки с крестообразными головками, цепочки из двойных кольчатых звеньев, три целых и семь фрагментов оплавленных бронзовых широких ленточных браслетов, два узкомассивных браслета, обломки бронзовых оковок от кожаных ножен, часть фибулы со спиральными головками и множество обломков сильно оплавившихся бронзовых вещей. Сверху ямка была перекрыта углистым слоем толщиной до 0,08 м. Отметим, что в прослойках перекрытий грунтовой ямы с мужским захоронением встречены мелкие кальцинированные косточки и небольшие обломки бронзовых вещей из захоронения по обряду кремации.

Курган № 175 (табл. LXVIII; LXIX — Б: 6—9)

Диаметр 8 м, высота 0,40 м. Вокруг кургана прослеживается ровик шириной 0,70—0,90 м, глубиной 0,64 м. Погребальная яма имела размеры 1,02×3,00 м, глубину 0,83 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе прослеживались следы деревянных перекрытий. Погребенный, судя по инвентарю — мужчина, был ориентирован головой на восток. Кости скелета полностью истлели, так что о местоположении вещей можно только догадываться. При погребенном обнаружены: около головы — обломки неопределенных железных предметов; на руке — два узкомассивных браслета; под браслетами — массивная подковообразная фибула с призматическими концами и серебряной плакировкой; в районе пояса — топор; в ногах — гончарный сосуд (в обломках) и наконечник копья (справа от погребенного). Около сосуда — куски шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками и колечками.

Курган № 176 (табл. LXX)

Диаметр 5,00—5,20 м, высота 0,40 м. С севера к кургану примыкал ровик шириной 0,50 м, глубиной 0,20 м. Погребальная яма имела размеры 1,60×2,90 м, глубину 0,32 м и была вытянута с юго-запада на северо-восток. Погребенный, видимо мужчина, был ориентирован головой на юго-запад. При захоронении обнаружена на поясе бронзовая подковообразная фибула со спиральными головками, а в ногах — гончарный сосуд.

Курган № 176^А (табл. LXIX — А)

Диаметр 4 м, высота 0,30 м. С западной, юго-западной и южной сторон к кургану примыкал ровик шириной до 0,50 м, глубиной 0,20—0,24 м. Погребальная яма имела размеры 0,88×1,60 м, глубину 0,36 м и была вытянута с северо-востока на юго-запад. Детское захоронение было ориентировано головой на северо-восток. Около черепа найдены: две стеклянные бусины; спиральки из бронзы и три клыка хищника с просверленными дырочками для подвешивания.

Курган № 177 (табл. LXXI)

Диаметр 5,50—6,50 м, высота 0,60 м. Вокруг кургана прослеживается ровик шириной 0,24—0,90 м, глубиной 0,25 м, имеющий перемычку с запада.

Погребальная яма имела размеры 1,70×3,30 м, глубину 0,60 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе прослеживались следы деревянных перекрытий. Погребенный, судя по инвентарю — мужчина, был ориентирован головой на восток. Кости скелета полностью истлели, так что о местоположении вещей можно только догадываться. Справа от погребенного, видимо на уровне плеч, находился наконечник копья и топор; на руке — бронзовый узкий пластинчатый браслет; ниже — подковообразная фибула со спиральными головками. Слева от погребенного обнаружена серия предметов: калачевидное кресало, нож, сланцевый оселок и два неопределенных железных предмета (железо плохой сохранности). В ногах — гончарный сосуд (в обломках).

Курган № 178 (табл. LXXII; LXXIII)

Диаметр 7 м, высота 0,40 м. Вокруг кургана прослеживается ровик шириной 0,75—0,90 м, глубиной 0,30 м, имеющий перемычку с запада. Погребальная яма имела размеры 1,50×3,17 м, глубину 0,50 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе прослеживались следы деревянных перекрытий. Погребенный, судя по инвентарю — мужчина, был ориентирован головой на восток. Кости скелета практически полностью истлели, так что о местоположении вещей можно только догадываться. В голове у погребенного лежала коса, выше которой зафиксирован гвоздик. Справа от головы находился наконечник копья; чуть ниже, около правой руки — топор и какой-то неопределенный маленький предмет; на правой руке — два узкомассивных браслета и один широкий ленточный браслет, а также пластинчатый перстень с волютами, рядом — железный гвоздик; на левой руке — два узкомассивных браслета и еще один перстень с волютами; около них — подковообразная фибула с воронковидными головками; несколько выше украшений левой руки — скопление вишневых косточек с двумя железными предметами (возможно, гирьками); в районе таза было расположено скопление обломков гончарного сосуда; в ногах встречено бронзовое спиральное колечко от украшений онучей. В захоронении также обнаружены куски шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками и колечками, а около левой руки зафиксированы куски меха, по-видимому остатки овчины, на которой лежал погребенный. Местами на вещах и тканях сохранились куски коры, в которую было завернуто захоронение.

Курган № 180 (табл. LXXIV; LXXV — 1—9)

Овальный 5,70×6,60 м, высота 0,90 м. Вокруг насыпи прослеживается ровик шириной 0,50 м, глубиной 0,15 м, имеющий перемычку с северо-востока. Погребальная яма имела размеры 1,30×3,50 м, глубину 0,70 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе фиксируются следы деревянных перекрытий. Погребенный, судя по составу инвентаря — мужчина, был ориентирован головой на восток. Кости скелета полностью истлели, так что о местоположении вещей можно только догадываться. При погребенном обнаружены: на правой руке — узкомассивный браслет с чеканным орнаментом; на левой — два точно таких же браслета, но один без орнамента, и пластинчатый перстень с волютами; здесь же около украшений левой руки — массивная подковообразная фибула с призматическими головками, несколько левее — два сильно окислившихся неопределенных предмета из железа (один можно идентифицировать как нож);

ниже, на уровне пояса — железный скобель; в ногах — развал гончарного сосуда, коса и наконечник копья. Местами на погребенном сохранились куски шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками и колечками, а также кора, в которую погребенный был завернут.

Курган № 181 (табл. LXXVI; LXXVII — 1—4, 6, 8—20)

Диаметр 6,20 м, высота 0,30 м. Вокруг кургана прослеживается ровик шириной 0,60—1 м, глубиной 0,20 м. Погребальная яма имела размеры 2×3,10 м, глубину 0,60 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе фиксируются следы деревянных перекрытий. Погребенный мужчина был ориентирован головой на восток. При захоронении обнаружен сопровождающий инвентарь: у правого плеча — железная посоховидная булава; на левой руке — ленточный и ложновитой браслеты, а также два спиральных перстня; на правой руке — два узких ленточных браслета и пластинчатый перстень с волютами; на тазовых костях — массивная подковообразная фибула с призматическими головками; слева от погребенного, в районе пояса — ложжарь; ниже — нож; в ногах — коса, гончарный горшок (в обломках), сложенные в берестяной чехол (или короб) скобель, тесло и оселок, а так же около ступней — топор, наконечник копья и гвоздик.

Курган № 182 (табл. LXXV — 9—11)

Диаметр 4 м, высота 0,35 м. Ровиков не прослежено. Старая грабительская яма разрушила часть погребения. Погребальная яма имела размеры 1,15×2,25 м, глубину 0,60 м и была вытянута с северо-востока на юго-запад. Погребенный, видимо мужчина, был ориентирован головой на северо-восток. От захоронения сохранились только кости ног. На поясе найдены лировидная пряжка и два поясных кольца, около левой ноги лежал нож, а в ногах стоял гончарный сосуд.

Курган № 184 (табл. LXXIX — 1—17)

Овальный 6,70×7,40 м, высота 0,55 м. Вокруг кургана прослежен ровик шириной 0,50 м, глубиной 0,20 м, имеющий перемычку с севера. Погребальная яма имела размеры 1,90×3,10 м, глубину 0,90 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе фиксировались следы деревянных перекрытий. Погребение, судя по инвентарю — женское, было полностью уничтожено старой грабительской ямой. В перекопе встречены разрозненные кости скелета, 12 стеклянных бусин, серебряный усатый перстень, два бронзовых спиральных перстня, обломки бронзового кольца (возможно, фрагмент фибулы), множество мелких бронзовых спиралек и колечек от украшения тканей, обломки гончарного сосуда.

Курган № 185 (табл. LXXVIII; LXXIX — 18—26)

Диаметр 7 м, высота 0,40 м. Вокруг насыпи прослежен ровик шириной 0,90 м, глубиной 0,50 м, имеющий перемычку с севера. Погребальная яма размерами 1,60×2,25 м, глубиной 0,30 м была вытянута с запада на восток. В ее разрезе фиксировались следы деревянных перекрытий. Погребенный ребенок был ориентирован головой на восток. Кости скелета полностью истлели. При захоронении обнаружены: на шее — ложновитая бронзовая гривна; на правой руке — простой гладкий браслет и спиральный перстень; здесь же — подковообразная

фибула со спиральными концами; под фибулой, видимо на поясе, — подвеска-амулет, состоящая из клыка кабана с просверленной дырочкой и двух грушевидных бубенчиков (все три предмета соединены бронзовой цепочкой); на левой руке — спиральный перстень; в ногах — развал гончарного сосуда. Среди черепков найдены обломки железного стержня, фрагмент неопределенного железного предмета и бронзовое кольцо. Здесь же зафиксированы несколько кальцинированных косточек. В захоронении местами встречались куски тканей, расшитых бронзовыми спиральками и колечками, поверх которых часто фиксировались фрагменты бересты. Погребение было завернуто в бересту.

Курган № 186 (табл. LXXX; LXXXI)

Диаметр 6 м, высота 0,60 м. С западной стороны к кургану примыкал ровик шириной 0,70 м, глубиной 0,40 м. Погребальная яма имела размеры 1,35×3,07 м, глубину 0,55 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе прослеживались следы перекрытий и внутренней обшивки ямы. Погребенный мужчина был ориентирован головой на восток. Под захоронением зафиксирована трехслойная подстилка, состоящая из досок, соломы и меха (овчины). При погребенном обнаружен богатый погребальный инвентарь. С правой стороны от погребенного лежал железный наконечник копья, на правой руке находились два узких ленточных браслета, а на левой — два узкомассивных посеребренных браслета и один крученый. Последний был надет на рукав верхней рубахи. Кроме браслетов, на каждой руке имелось по одному пластинчатому перстню с волютами. На поясе обнаружена лировидная пряжка и два железных поясных кольца. С левой стороны к поясу было прикреплено бронзовое кольцо с цепочками, на которые, в частности, были подвешены кожаные ножны с ножом. Чуть выше данного набора находился маленький боевой топор. С правой стороны ниже пояса обнаружена массивная подковообразная фибула с воронкообразными головками. В ногах встречены фрагменты большого берестяного короба, в который были положены еще два пластинчатых перстня с волютами, здесь же в ногах находился гончарный сосуд (в обломках), скобель, ложкарь и тесло. По краю захоронения встречались гвозди. На погребенном местами сохранились значительные куски шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками и колечками, по которым прекрасно восстанавливается характер верхнего мужского костюма.

Курган № 187 (табл. LXXXII; LXXXIII — 1—26)

Овальный в плане 7,40×9,30 м, высота 0,50 м. Насыпь сооружена в два приема. *Первый этап.* Первоначальный курган — 5,58×7,40 м. Погребальная яма имела размеры 2,04×3 м, глубину 0,77 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе прослеживались следы деревянных перекрытий и внутренней обшивки. К конструкциям перекрытий относятся две ямки, находящиеся в юго-восточном и северо-восточном углах погребальной ямы. Юго-восточная ямка — круглая в плане, диаметром 0,46 м, глубиной 0,40 м; северо-восточная ямка — вытянутой формы, длиной 0,76 м, глубиной у стенки погребальной ямы 0,80 м, шириной 0,10—0,50 м. Погребенный мужчина был ориентирован головой на восток. При погребенном обнаружены: справа около черепа — подковообразная фибула со спиральными концами; на левой руке — пластинчатый браслет;

справа у тазовых костей — большая ложновитая фибула со спиральными концами; между голенями ног — фрагменты берестяного короба; рядом с левой ногой — железный накопечник копья; справа у ног — гончарный сосуд; слева от костяка около тазовых костей — нож, а также целое скопление мелких предметов (бубенчик, две бусины, обломок монеты, оселок). Судя по находящимся под ними кусочкам дерева и железным петелькам, все эти предметы были помещены в небольшое деревянное ведерочко. Местами на погребенном зафиксированы фрагменты шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками и колечками (от верхней рубахи и онучей). *Второй этап.* Погребальная яма № 2 была вырыта около восточной полы первоначального кургана строго по одной линии с погребальной ямой № 1, то есть также вытянута с запада на восток и имела размеры 1,24×3,66 м, глубину 0,58 м. В ее разрезе прослеживались следы деревянных перекрытий и внутренней обшивки стенок. К конструкциям перекрытий относятся, видимо, три столбовые ямки по краю погребальной ямы. Одна из них располагалась в юго-западном углу погребальной ямы (диаметр 0,38 м, глубина 0,20 м), вторая — в юго-восточном углу (диаметр 0,42 м, глубина 0,22 м), а третья — в северной стенке погребальной ямы (диаметр 0,46 м, глубина 0,33 м). К последней с востока примыкало небольшое углубление в материке. Погребение, судя по инвентарю — детское, было ориентировано головой на восток. Кости скелета полностью истлели, так что о местоположения вещей можно только догадываться. На шее находилась пластинчатая гривна, видимо, к поясу были подвешены два бубенчика, рядом встречен нож и неопределенный железный предмет, в ногах — гончарный сосуд. Данное погребение было перекрыто насыпью размером 4,22×6 м, высотой 0,38 м, дополнившей первоначальный курган, который к моменту досыпки успел уже задерноваться. С северной, восточной и южной сторон присыпки зафиксированы ровики шириной от 0,56 м до 1,32 м и глубиной от 0,15 м до 0,80 м.

Курган № 188 (табл. LXXXIII — 27; LXXXIV)

Диаметр 5,24×5,30 м, высота 0,40 м. С северо-востока и юго-запада к кургану примыкали ровики шириной 0,60—0,70 м, глубиной 0,20 м. Погребальная яма имела размеры 1,43×0,34 м, глубину 0,80 м и была вытянута с северо-запада на юго-восток. Погребенная, судя по инвентарю — девочка, была ориентирована головой на юго-восток. Кости скелета полностью истлели, так что о местоположении вещей можно только догадываться. На шее — дротовая гривна с рыльцами и ожерелье из 27 стеклянных бусин и двух бубенчиков; на руках — два спиральных браслета (по одному на каждой); около браслета левой руки — подковообразная фибула со спиральными концами; вниз от фибулы находился развал гончарного сосуда. В северо-западном секторе, рядом с краем погребальной ямы, зафиксирована небольшая ямка диаметром 0,24 м, глубиной 0,35 м, заполненная гумусированным песком.

Курган № 189 (табл. LXXXV)

Диаметр 3,53—4,12 м, высота 0,28—0,30 м. Ровиком была окружена вся западная половина кургана и небольшой участок с юго-востока. Ширина ровика 0,60—0,65 м, глубина 0,25—0,50 м. Погребальная яма имела размеры 1,32×1,97 м, глубину 0,67 м и была ориентирована с запада на восток. В ее разрезе просле-

живались следы деревянных перекрытий и внутренней обшивки ямы. Погребенный, судя по инвентарю — ребенок, был ориентирован головой на восток. Кости скелета полностью истлели. При погребении обнаружен следующий инвентарь: на шее — гривна из простой тонкой проволоки; несколько выше гривны — маленькое биконическое пластинчатое колечко на шерстяном шнурке; видимо, на правой руке — маленький пластинчатый браслет и такое же маленькое спиральное колечко; рядом с наручными украшениями — миниатюрная подковообразная фибула со спиральными головками; на том же уровне, но несколько в стороне — грушевидный бубенчик; в ногах у погребенного — лепной сосуд (в обломках). Около северо-восточного угла погребальной ямы обнаружена небольшая ямка диаметром 0,25 м, глубиной 0,12 м, заполненная серым гумусированным песком.

Курган № 190 (табл. LXXXVI; LXXXVII — 1—3, 6, 12)

Овальный 6,90×7,33 м, высота 0,65 м. Ровиков не прослежено. Погребальная яма имела размеры 2,65×4,34 м, глубину 0,94 м, была вытянута с запада-юго-запада на восток-северо-восток. В ее разрезе фиксируются следы от деревянных перекрытий и внутренней обшивки стен ямы. Погребенный, судя по инвентарю — мужчина, был ориентирован головой на восток-северо-восток. Кости скелета полностью истлели, так что о расположении вещей в погребении можно только догадываться. Слева от погребенного находился наконечник копья; ниже копья — нож и аморфные обломки неопределенного железного предмета; на руке (видимо, левой) пластинчатый браслет с посеребрением и усатый перстень, также посеребренный; около браслета — подковообразная фибула со спиральными концами; в ногах — гончарный сосуд.

Курган № 194 (табл. LXXXVII — 4, 5, 7—11, 14; LXXXVIII)

Овальный 6,40×7,50 м, высота 0,40 м. С восточной стороны к насыпи примыкал ровик шириной 0,60—0,80 м, глубиной 0,20 м. Погребальная яма имела размеры 2,14×3,06 м, глубину 0,60 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе фиксировались следы деревянных перекрытий и внутренней обшивки стен ямы. Погребенный, судя по инвентарю — мальчик, был ориентирован головой на восток. Кости скелета полностью истлели, так что о местоположении вещей можно только догадываться. При погребенном обнаружены: на руках — пластинчатый браслет и два спиральных перстня; на поясе — поясное железное кольцо; к поясу был подвешен бронзовый гребень-амулет; рядом находился нож, кресало и обломки неопределенного железного предмета; в районе тазовых костей — сильно раздавленный гончарный сосуд; в ногах — топор и фрагменты шерстяных тканей. В северо-западном секторе зафиксированы две ямки. Одна из них имела диаметр 0,30 м, глубину 0,30 м и была заполнена серым гумусированным песком. Вторая ямка, имеющая диаметр 0,60 м и глубину 0,34 м, была заполнена кальцинированными костями и углями. По определению Н. М. Ерголовой кальцинированные кости принадлежали взрослому человеку и ребенку (до 5 лет), никаких вещей среди кальцинированных костей не обнаружено.

Курган № 195 (табл. LXXXIX; XC)

Овальный 5,10×6,40 м, высота 0,32 м. С северо-запада и юго-востока к насыпи примыкали ровики шириной 0,70—0,80 м, глубиной 0,20 м. Погребальная яма

имела размеры 1,47×2,89 м, глубину 0,93 м и была вытянута с запада-юго-запада на восток-северо-восток. В ее разрезах прослеживались следы деревянных перекрытий и внутренней обшивки стен ямы. Погребенная, судя по инвентарю — женщина, была ориентирована головой на восток-северо-восток. Кости скелета полностью истлели, так что о местоположении вещей можно только догадываться. При погребенной обнаружены: на шее — крученая бронзовая гривна и пять стеклянных бусин; у головы — небольшая бронзовая булавочка с волютообразной головкой; на груди — две булавки с крестообразными навершиями (на правой стороне меньшего размера, а на левой — большего размера с посеребрением); на каждой руке — по одному широкому ленточному браслету; на правой руке — усатый перстень. Местами встречены кусочки тканей, расшитых бронзовыми спиральками и колечками. Справа, около головы погребенной, находился лепной сосуд (в сильно раздавленном виде). Погребение было покрыто слоем коры. В юго-восточном секторе рядом с погребальной ямой зафиксирована маленькая ямка диаметром 0,20 м, глубиной 0,18 м, заполненная серым гумусированным песком.

Курган № 196 (табл. ХСІ; ХСІІ)

Диаметр 6,20—6,74 м, высота 0,40 м. С западной, северо-восточной и юго-восточной сторон к кургану примыкали ровики шириной 0,80—1,25 м, глубиной 0,23—0,47 м. Погребальная яма имела размеры 2,25×3,40 м, глубину 0,82 м и была вытянута с северо-запада на юго-восток. В ее разрезе прослеживались следы от деревянных перекрытий. Погребенный, судя по инвентарю — мужчина, был ориентирован головой на юго-восток. Кости скелета полностью истлели, так что о месторасположении вещей можно только догадываться. При погребенном обнаружены: на правой руке — широкий ленточный браслет; на левой руке — два пластинчатых браслета, спиральный перстень и пластинчатый перстень с волютами; чуть ниже браслетов — массивная подковообразная фибула с призматическими головками; в районе пояса — обломок железного кольца; слева от погребенного в районе тазовых костей — нож, калачевидное кресало; несколько в стороне от этих предметов — железная спираль (от рукояти); в ногах — топор-секира, гончарный сосуд (в обломках); левее сосуда — железный предмет плохой сохранности (возможно, наконечник стрелы); ниже — наконечник копья. Кроме того, в захоронении встречены два гвоздя, местами зафиксированы кусочки шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками и колечками, а также на остатках погребения сохранился слой коры. В юго-западном секторе в полуметре от погребальной ямы находилась небольшая ямка диаметром 0,40 м, глубиной 0,20 м, заполненная гумусированным песком с примесями мелких угольков.

Курган № 197 (табл. ХСІІІ; ХСІV; ХСV)

Овальный в плане 5,78×7,30 м, высота 0,55 м, вытянут с северо-запада на юго-восток. С северо-западной стороны к насыпи примыкал ровик шириной 0,60 м, глубиной 0,23—0,30 м. Курган сооружен в два этапа. *Первый этап.* Первоначальный курган диаметром 4—4,50 м. Погребальная яма имела размеры 1,96×3,27 м, глубину 0,40 м и была вытянута с юго-запада на северо-восток. В ее разрезе прослеживались следы от деревянных перекрытий. Погребенный

мужчина был ориентирован головой на северо-восток. При погребенном обнаружены: на правом плече — подковообразная фибула со спиральными головками; на правой руке — узкий ленточный браслет с чеканным орнаментом и пластинчатый перстень с волутами; на левой руке — такой же перстень и два аналогичных браслета; в районе пояса — три поясных бронзовых кольца и лировидная пряжка; рядом с одним из поясных колец встречена бронзовая трубочка неизвестного назначения; около левой бедренной кости — нож с деревянной рукоятью, перевитой внизу бронзовой проволокой; около левой ноги — боевой топорик-чекан; в ногах — гончарный сосуд (в обломках). На берцовых костях сохранились значительные куски шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками, от онучей. Здесь спиральные колечки. Кроме того, обнаружен кусок тканого пояса и незначительные фрагменты верхней одежды. Местами на вещах зафиксированы куски коры, а поверх тканей от онучей — часть донца берестяного тусека. *Второй этап.* Вторая погребальная яма была вырыта около юго-восточной полы кургана и расположена строго параллельно первой погребальной яме. Ее размеры — 1,80×2,30 м, глубина 0,40 м. В разрезе ямы прослеживались следы от деревянных перекрытий. Погребенная девочка была ориентирована головой на северо-восток. Погребение сопровождалось богатым инвентарем: на шее — дротовая гривна с «рыльцами» и семь ожерелий из бус (четыре низки мелких круглых пастовых бус, две низки стеклянных бус с бронзовыми бубенчиками и одна низка стеклянных бус с лунницами); под бусами у ворота — маленькая подковообразная фибула со спиральными головками; на правой руке — спиральный и пластинчатый бронзовые браслеты; на левой руке — такой же спиральный и дротовый браслеты. Кроме того, на пальцах рук встречено четыре спиральных проволочных перстня и один спиральный пластинчатый перстень. В левую руку погребенной было положено два ореха. На груди находилась крупная подковообразная фибула с маковыми головками; около левого бока — нож в массивных кожаных ножнах, украшенных бронзовыми пластинками; рядом с ножнами — обломки неопределенного железного предмета и кусочки бересты. В ногах встречены фрагменты берестяного тусека, шиферное пряслице с остатками деревянного предмета (видимо, веретена), а также гончарный сосуд (в обломках). На берцовых костях сохранились ткани от онучей. Сверху над погребением фиксировался слой коры. Погребенная была положена на специальную меховую подстилку, остатки которой встречены под ножнами в районе таза справа от погребенной, а также под черепом. Рядом с северным углом погребальной ямы выявлена небольшая ямка диаметром 0,34 м, глубиной 0,12 м, заполненная серым гумусированным песком.

Курган № 207 (табл. ХСVI)

Овальный 5,40×6,10 м, высота 0,42 м. С востока к кургану примыкал ровик шириной до 1 м, глубиной 0,24—0,28 м. Погребальная яма имела размеры 2,10×3,26 м, глубину 0,40 м и была вытянута с северо-востока на юго-запад. Погребение было полностью разрушено. При разборке грабительского перекопа встречены: разрозненные кости скелета; несколько стеклянных и пастовых бус; три монеты — два дирхема (Саманиды, Мансур ибн Нух 961—976 гг.; Саманиды, начало X в.) и один денарий (Базель, Конрад, король Бургундии, ок. 937—993 гг.), входившие в состав ожерелья; многочисленные мелкие брон-

зовые спиральки и колечки от украшения тканей; бронзовая плоская подвеска-цепедержатель; бронзовый грушевидный бубенчик; трапециевидная бронзовая подвеска с циркульным орнаментом, проволочная петельчатая подвеска; два спиральных перстня и обломки гончарного сосуда; два узких ленточных браслета; обломки трехпроводной витой гривны с перевитью, подковообразная фибула со спиральными головками, обломки спиральных браслетов, фрагменты массивных ножен, перстень с волютами. Судя по инвентарю, погребение было женским.

Курган № 208 (табл. ХСVII; ХСVIII; ХСIX)

Диаметр 4,50 м, высота 0,30 м, восточная пола срезана дорогой. Ровики отсутствуют. Погребальная яма имела размеры 2,08×3,50 м, глубину 0,60 м и была вытянута с северо-востока на юго-запад. В ее разрезе фиксировались следы деревянных перекрытий. Погребенная женщина была ориентирована головой на северо-восток. Кости скелета практически полностью истлели. При погребенной обнаружен богатый инвентарь: на голове — остатки головного убора в виде кусков шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками и сколотых двумя булавочками с волютообразными головками, соединенными между собой тонкой цепочкой из двойных кольчатых звеньев; на шее — бронзовая дротовая гривна и четыре ожерелья, состоящие из пастовых и стеклянных бус, бронзовых лунниц, монетовидных подвесок и двух монет — дирхема (Саманиды, Мансур ибн Нух, 961—976 гг.) и денария (Германия, Майнц, Конрад II, император, 1027—1039 гг.); сразу под гривной — бронзовая подковообразная фибула со спиральными головками. Верхняя одежда погребенной была украшена массивным набором нагрудных украшений, в состав которого входили две булавки с крестообразными головками, два пятиугольных ажурных цепедержателя, подвеска-амулет в виде гребешка с крестообразным навершием и клык хищника, прикрепленные к левому цепедержателю, а также три бубенчика, подвешенные к правому цепедержателю. Цепедержатели были соединены цепочкой из двойных кольчатых звеньев. На обеих руках имелись спиральные браслеты, по два узких ленточных и по одному широкому ленточному; на левой руке, кроме того, находился еще один узкомассивный браслет, а на правой — пластинчатый. Наручные украшения также представлены четырьмя спиральными перстнями и двумя пластинчатыми перстнями с волютами. Под правой рукой на боку найдена массивная подковообразная фибула с маковыми головками. Одежда погребенной была подпоясана тканым поясом, на котором висели кожаные ножны, украшенные бронзовыми оковками. В ногах у погребенной встречены: пряслице, гончарный сосуд (в обломках), ножницы, железная лопаточка, мотыга и серп. Сохранились значительные куски тканей, расшитых бронзовыми украшениями, видимо, от края передника. Захоронение было завернуто в кору.

Курган № 229 (табл. С; CI)

Овальный 5,50×7 м, высота 0,25 м. С южной стороны к насыпи примыкал ровик шириной 0,75 м, глубиной 0,25 м. Погребальная яма имела размеры 1,60×2,60 м, глубину 0,85 м и была вытянута с юга на север. Погребенная женщина была ориентирована головой на север. При ней обнаружен следующий

сопровождающий инвентарь: около затылка — две маленькие булабочки с односпиральными головками, соединенные тонкой бронзовой цепочкой; на груди — две массивные бронзовые булавки с крестообразными навершиями, около правой булавки — бронзовый бубенчик на цепочке; на правой руке — три широких ленточных и два узкомассивных браслета; на левой руке — два широких ленточных и два узкомассивных браслета. В районе пояса найдено два бронзовых кольца и фрагменты бронзовой петельки; рядом — усатый перстень (вероятно, скатился с руки); ниже поясных колец справа от погребенной — серп и нож; в ногах стоял лепной сосуд. В разных местах в захоронении встречены четыре бусины (две бронзовые и две стеклянные). По краю погребения найдены четыре заклепки.

Курган № 236 (табл. СII; СIII)

Диаметр 6,50 м, высота 0,60 м. С западной и восточной сторон к кургану примыкали ровики шириной 0,62—1,90 м, глубиной 0,27—0,67 м. По дну западного ровика прослеживался слой красного прокаленного песка. Погребальная яма имела размеры 2,36×4,40 м, глубину 1,10—1,20 м и была вытянута с запада на восток. В ее разрезе фиксировались следы от деревянных перекрытий и внутренней обшивки стен ямы. Погребенный, судя по инвентарю — мужчина, был ориентирован головой на восток. Кости скелета полностью истлели, так что о месте расположения вещей можно только догадываться. На правой руке — два пластинчатых браслета; на поясе — кожаный ремень, украшенный пятиугольными бляшками, продолговатым наконечником и разделенными кольцами; слева у пояса — два сильно окислившись железных предмета (один из них, видимо, нож); справа около ног — топор; ниже — наконечник копья; слева от погребенного на одном уровне с топором — гончарный сосуд (в обломках); здесь же — два небольших железных стерженька. На краю погребальной ямы зафиксированы две ямки. Одна из них в центре южной стены (диаметр 0,52 м, глубина 0,50 м); вторая — в юго-восточном углу (диаметр 0,52 м, глубина 0,58 м). Обе заполнены серым гумусированным песком.

Курган № 245 (табл. CIV; CV)

Овальный 4,64×5,60 м, высота 0,30 м. Ровиков не прослежено. Погребальная яма имела размеры 1,79×3,20 м, глубину 0,68—0,70 м и была вытянута с северо-востока на юго-запад. В ее разрезе фиксировались следы от деревянных перекрытий. Основная часть погребения нарушена грабительским перекопом. В непо потревоженном виде на дне грунтовой ямы встречены: у восточного угла ямы — бронзовый бубенчик; справа от погребенного в районе плеч — фрагменты шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками; здесь же — синяя стеклянная бусина и обломок бронзового предмета. В районе ног сохранились: обломок монетки; ниже — часть косы и железная лопатка; рядом — небольшой обрывок шерстяной ткани, в котором находились два спиральных перстня и обломок железного предмета; здесь же стоял целый гончарный сосуд. В свою очередь, в грабительском перекопе встречены: разрозненные кости скелета, 10 грушевидных бубенчиков, 60 стеклянных и пастовых бусин, обломки витой гривны с перевитью, плоская зооморфная подвеска, фрагменты тонкой круглой подвески с тисненым орнаментом, подковообразная фибула со спиральными

головками, головная булавочка с волютообразной головкой и прикрепленной к ней цепочкой, обломок иглы нагрудной булавки, обломки двух широких ленточных браслетов, обломки спиральных браслетов (в том числе один целый браслет), спиральный перстень, два пластинчатых перстня с волютами и часть усатого перстня, фрагменты бронзовых оковок от кожаных ножен, многочисленные спиральки и колечки от украшения тканей. Погребение, по-видимому, было женским и ориентировано головой на северо-восток.

Курган № 247 (табл. CVI)

Овальный 4,75×5,60 м, высота 0,46 м. Вокруг кургана прослеживались ровики, имеющие перемычки с северо-запада и востока (ширина ровиков 0,66—1 м, глубина 0,23—0,30 м). Погребальная яма имела размеры 1,64×3,20 м, глубину 0,49 м и была вытянута с востока-северо-востока на запад-юго-запад. Погребение было полностью уничтожено грабительским перекопом. В перекопе обнаружены: 13 стеклянных и пастовых бусин, фрагмент дробовой гривны, обломки двух массивных нагрудных булавок, обрывок цепочки из двойных кольчатых звеньев, спиральный перстень, обломки спиральных браслетов, накладки и кольца от кожаных ножен, железная коса, фрагменты гончарного сосуда, многочисленные спиральки и колечки от украшения тканей. Судя по сохранившемуся инвентарю, погребение было женским.

КУРГАНЫ С ПОГРЕБЕНИЯМИ НА ГОРИЗОНТЕ ЗЕМЛИ

Курган № 6 (табл. CVII — 1—3)

Диаметр 6,5 м, высота 0,7 м. Ровиков не прослежено. Основная часть погребения разрушена грабительской ямой. В неповрежденном виде сохранились лишь кости ног, рядом с которыми найдены коса, железный стержень и обломки гончарного сосуда. Погребенный, видимо, был ориентирован головой на северо-восток.

Курган № 7 (табл. CVII — 4—9)

Диаметр 7—7,6 м, высота 0,8 м. С северо-западной стороны вокруг насыпи прослеживаются ровики шириной до 1 м, глубиной 0,25 м. Основная часть погребения разрушена грабительской ямой. В неповрежденном виде сохранилась лишь берцовая кость правой ноги, рядом с которой находились остатки берестяного короба. В короб были помещены две бронзовые спиральки, орех, железная игла, железный гвоздь и фрагмент шерстяной ткани, украшенный бронзовыми спиральками. Рядом с коробом встречены обломки гончарного сосуда с линейным орнаментом. Погребенный, видимо, был ориентирован головой на северо-запад. Из грабительского перекопа происходят две стеклянные бусины, множество бронзовых спиралек и колечек от украшения тканей, четыре обломка небольших железных предметов (один из них, скорее всего, часть ложка).

Курган № 10 (табл. CVII — 10—13)

Овальной в плане формы, размерами 3,69×4,66 м. Насыпь сnivelирована лесопосадками, поэтому высота ее всего лишь 0,16 м. Ровиков не прослежено.

Грабительский перекоп погребения не нарушил. Погребенный ориентирован головой на восток. Сопровождающий инвентарь: восточнее черепа — три звена бронзовой кольчатой цепочки и железный предмет, на шее — обломок бронзового проволочного колечка, в ногах — фрагменты гончарного сосуда. В восточной половине курганной площадки округлая в плане ямка 0,24×0,33 м, глубиной 0,22 м, заполненная черным гумусом.

Курган № 11 (табл. CVIII)

Диаметр 4,10×4,32 м. Насыпь снивелирована лесопосадками, поэтому ее высота не превышает 0,20 м. С юго-востока к кургану примыкал ровик шириной 0,60 м, глубиной 0,22 м. Погребение частично нарушено грабительской ямой и ориентировано головой на запад. Сопровождающий инвентарь: с двух сторон черепа около висков — два бронзовых височных кольца (одно проволочное, второе проволочное со щитком), под черепом — золотостеклянная бузина, в районе пояса — две согнутые бронзовые пластинки с заклепочками.

Курган № 17 (табл. СІХ — 1—13)

Диаметр 6 м, высота 0,40 м. Ровиков не прослежено. Погребенный ориентирован головой на северо-восток. Сопровождающий инвентарь: в районе пояса — лировидная пряжка, слева от тазовых костей — нож, около левой ноги — наконечник копья и топор, у правой ноги — раздавленный гончарный сосуд, рядом — железное шило (?), в 0,45 м северо-западнее сосуда — тесло и остатки берестяного туеска, в который были положены завернутые в ткань обломок монетовидной подвески и спиральный перстень, несколько в стороне от погребения — мелкие бронзовые спиральки и согнутая пластинка. К северо-западу от захоронения на уровне погребенной почвы на площади 2×3,60 м зафиксировано углистое пятно мощностью до 0,15 м сегментовидной формы. В центре курганной площадки выявлено пять грунтовых ямок, расположенных двумя параллельными линиями по обе стороны погребения — справа три ямки (диаметрами 0,50, 0,24, 0,28 м и глубиной 0,27, 0,07, 0,12 м соответственно), а слева — две (диаметрами 0,44 и 0,38 м, глубиной 0,20 и 0,08 м). Кроме того, зафиксированы две ямки на краю западной половины курганной площадки (диаметрами 0,28 и 0,30 м, глубиной 0,20 и 0,30 м) и две ямки с противоположной стороны, уже за пределами курганной площадки (диаметрами 0,20 и 0,40 м, глубиной 0,25 и 0,30 м). Вместе они как бы очерчивали квадрат, в котором и располагалось захоронение.

Курган № 18 (табл. СІХ — 14, 15; СХ — 1—8)

Диаметр 6,30 м, высота 0,30 м. С северо-западной и северо-восточной сторон вокруг насыпи проложены ровики. Западная пола кургана сливалась с восточной полкой кургана № 17. Основная часть погребения разрушена грабительской ямой. В неповрежденном виде сохранились лишь кости ног и расположенный в ногах комплекс предметов. Погребение, по-видимому, было ориентировано головой на восток с небольшим отклонением к северу. Необычен состав погребального инвентаря и его расположение. Так, в ногах стояла лепная подлощенная миска, от которой в разные стороны веером расходились две косы. На них, в свою очередь, были положены острия наконечников копий.

Кроме того, на косе, расположенной к северу от миски, находился оселок из песчаника, а под втулкой положенного на нее копья — раздавленный гончарный сосуд. В ногах между копьями встречено два небольших гвоздика. В 0,30 м восточнее описанного комплекса вещей на обломках костей ног зафиксированы фрагменты тканей, расшитые бронзовыми спиральками, видимо, от края верхней рубахи. В отвале грабительской ямы встречены спиральный перстень, поясное кольцо и маленький обломок западноевропейской монеты.

Курган № 34

Диаметр 5,79×5,94 м, высота 0,44 м. Ровики не прослежены. Погребение полностью уничтожено грабительскими раскопками. Рядом с курганом встречены незначительные фрагменты костей скелета. В северной половине курганной площадки имелась ямка диаметром 0,30 м, глубиной 0,15 м, заполненная серым песком с примесью угольков.

Курган № 42 (табл. СХ — 9—15; СХI — 15)

Округлый в плане, размерами 7,10×9,94 м, высотой 0,52 м. Основная часть погребения разрушена грабительской ямой. В неповрежденном виде на уровне погребенной почвы сохранились отдельные бронзовые спиральки, кусочек шерстяной ткани, расшитый мелкими спиральками, гончарный сосуд и глиняный грузик. Погребение было ориентировано, видимо, головой на северо-восток. В позднем перекопе встречено пять стеклянных бусин и обломки железных предметов, среди которых был фрагмент косы. На северном краю курганной площадки обнаружена ямка диаметром 0,50 м, глубиной 0,25 м, заполненная углистым гумусом и кальцинированными костями. С запада и с северо-запада к кургану примыкали два небольших ровика шириной 0,50—0,90 м, глубиной 0,48 м.

Курган № 46 (табл. СХI — 1—14, 16—20)

Диаметр 5,60—5,90 м, высота 0,40 м. С западной стороны к кургану примыкал ровик шириной 0,58 м, глубиной 0,26 м. Основная часть погребения нарушена грабительской ямой. В неповрежденном виде на уровне погребенной почвы обнаружены: бронзовая крестовидная подвеска, серебростеклянная бусина, шиферное пряслице и обломки гончарного сосуда. Погребение было, видимо, ориентировано головой на север-северо-восток. В грабительском перекопе встречены кости скелета, семь стеклянных бусин, два бронзовых проволочных колечка. В западной части курганной площадки зафиксирована яма диаметром 0,70 м, глубиной 0,28 м, заполненная серо-коричневым гумусированным песком. Кроме того, видимо, в недавнее время в северо-восточную полу кургана была впущена яма размером 0,80×1,10 м, глубиной 0,18 м, на дне которой находились отдельные разрозненные кости скелетов (три черепа, кости рук и ног), а также несколько предметов (три тесла, два ножа с горбатой спинкой и поясное кольцо).

Курган № 50 (табл. СХII — 1, 2)

Округлый в плане, размерами 4,15×4,94 м, высотой 0,30 м. С запада, северо-запада, северо-востока и юго-востока курган был окружен тремя ровиками

шириной 0,65—0,80 м, глубиной 0,18—0,27 м. Погребение было полностью уничтожено большой грабительской ямой. В непотревоженном виде на уровне погребенной почвы сохранились лишь несколько бронзовых спиралек и колечек. В свою очередь, в перекопе грабительской ямы встречены отдельные кости скелета, множество мелких бронзовых спиралек и колечек от украшения тканей, усатый перстень, а также верхняя часть гончарного сосуда.

Курган № 51

Овальный 5,50×6,75 м, высота 0,40 м. С северной стороны к кургану примыкает ровик шириной 0,75 м, глубиной 0,45 м. Погребение полностью уничтожено грабительской ямой. В перекопе обнаружены отдельные кости скелета. Никаких вещей не найдено.

Курган № 68 (табл. СХII — 3—18; СХIII — 4)

Овальный 6×7 м, высота 0,55 м. Ровики вокруг кургана не прослеживаются. Погребение полностью уничтожено грабительской ямой. В перекопе обнаружены отдельные кости скелета, а также 18 пастовых и стеклянных бусин, западноевропейская монета (Англия, Кнут, 1017—1023 гг.) с обломанным ушком, головная булабочка с цепочкой из двойных кольчатых звеньев, пластинчатый браслет, фрагмент витого браслета, обломок бронзовой накладочки, фрагмент перстня с волотами, бронзовые спиральки и ледоходный шип.

Курган № 82

Диаметр 6,40—7,10 м, высота 0,40 м. Вокруг кургана имеется ровик шириной 0,40 м, глубиной 0,10 м. Основная часть погребения нарушена грабительской ямой. Непотревоженными на уровне погребенной почвы находились фрагменты шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками и колечками, видимо, от обмоток ног, так как около них встречена сильно истлевшая берцовая кость. Можно предполагать, что погребенный лежал головой на северо-восток. В западной половине курганной площадки зафиксированы две углистые полосы, сходящиеся под прямым углом, видимо, следы деревянной конструкции.

Курган № 87 (табл. СХII — 19; СХIII — 1)

Округлый в плане, размерами 4,90×6,10 м, высотой 0,25 м. С запада, севера и востока курган был окружен ровиком шириной от 0,94 м до 1,30 м, глубиной 0,28—0,70 м. Погребение полностью разрушено грабительской ямой. На уровне погребенной почвы в непотревоженном виде найден только железный топор. В перекопе встречены отдельные кости скелета и фрагменты гончарного сосуда.

Курган № 179 (табл. СХIII — 2)

Диаметр 6 м, высота 0,30 м. Вокруг кургана прослеживается ровик шириной до 1,70 м, глубиной 0,30 м, имеющий перемычки с северо-востока и юго-запада. Погребение было совершено на специальной песчаной подсыпке. От погребения сохранился слой тлена, вытянутый с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Обнаружены куски шерстяных тканей, расшитых бронзовыми спиральками, обломки гончарного сосуда и два неопределенных железных предмета.

Курган № 183 (табл. СХІІІ — 3)

Диаметр 5—5,50 м, высота 0,50 м. С северной, восточной и южной сторон прослеживались ровики шириной 0,50 м, глубиной 0,20 м. Погребение было совершено на специальной песчаной подсыпке. Полностью уничтожено старой грабительской ямой. На уровне погребенной почвы в непотревоженном виде найден только гончарный сосуд. В перекопе зафиксированы разрозненные кости человека.

ГРУНТОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ НА СЕВЕРНОЙ ОКРАИНЕ МОГИЛЬНИКА

На северной окраине могильника, представляющей собой неровную, плохо задернованную площадку, изрытую ямами различного времени, с редкими выделяющимися над поверхностью курганными насыпями, было заложено два раскопа общей площадью 112 кв. м.

Раскоп I (68 кв. м). После снятия рыхлого гумусированного песчаного слоя мощностью 0,32—0,60 м на уровне материка было обнаружено восемь ям, четыре из которых оказались погребальными (табл. СХІV).

Погребение № 1. Погребение находилось в грунтовой прямоугольной формы яме размерами 1,35×2,60 м, глубиной 0,30 м. Северо-восточный угол погребальной ямы и часть южной стенки были нарушены поздними перекопами. Погребенный лежал на дне ямы на спине головой на запад с незначительным отклонением к югу. Сохранность костей плохая. Правая бедренная кость перевернута головкой вниз. При костяке между ног найдена подвеска-дирхем с прикреплённым к ней серебряным ушком. Под правой бедренной костью обнаружены обломки ножа (возможно, серповидного). В ногах стоял гончарный сосуд. В северо-западном и северо-восточном углах ямы зафиксированы два железных гвоздя с большими круглыми шляпками (табл. СХV — 1; СХVІ — В: 1, 2, 5).

Погребение № 3. Погребение находилось в грунтовой яме прямоугольной формы размерами 2,5×0,95 м, глубиной 0,54 м. Погребальная яма вытянута по линии запад — восток, причем вся ее восточная часть была нарушена поздней ямой (диаметр 1,50 м, глубина 0,65 м). Погребенный лежал на спине головой на запад (лицом к югу). Никаких вещей не обнаружено (табл. СХV — 3).

Погребение № 4. Остатки погребения находились на дне небольшой грунтовой ямы прямоугольной формы размерами 0,72×1,52 м, глубиной 0,25 м, ориентированной по линии запад — восток. Кости почти не сохранились, лишь в западной половине ямы встречено несколько фрагментов черепа, что свидетельствует о западной ориентировке погребенного. В захоронении обнаружен простой пластинчатый браслет. Судя по его величине, а также по незначительным размерам самой погребальной ямы, погребение было детским (табл. СХV — 2).

Погребение № 5. Погребение находилось на дне грунтовой ямы прямоугольной формы, вытянутой с юго-запада на северо-восток, причем в юго-западной половине погребальной ямы несколько суживалась (размеры 0,70—0,96×2,40 м, глубиной 0,20 м). Кости очень плохой сохранности. Захоронение было ориентировано головой на юго-запад. Никаких вещей не найдено (табл. СХV — 4).

Кроме погребальных ям на площади раскопа зафиксировано еще четыре ямы. Яма южнее погребения № 3 (размеры 1,52×1,96 м, глубина 0,72 м) имела

неправильную подчетыреугольную форму и была заполнена серым золистым песком с включением углей. Яма севернее погребения № 1 имела неправильную угловатую форму (размеры основной части 1,24×2,90 м, глубина 0,24 м; размеры юго-восточной узкой части 0,40×1,80 м, глубина 0,38 м). Заполнение ямы представляло собой гумусированный песок с включениями углей, углистых плах и многочисленных камней. Яма восточнее погребения № 5 имела овальную форму (размеры 0,88×1,24 м, глубина 0,43 м). В ее песчаном гумусированном заполнении встречались отдельные камни. Яма северо-восточнее погребения № 3 уходила в северную стенку раскопа. Исследованная часть имела размеры 0,88×1,40 м, глубину 0,35 м и была заполнена темно-серым гумусированным песком. На площади раскопа на уровне материка фиксировались разрозненные камни.

Раскоп II (44 кв. м). Заложен в 10,5 м севернее раскопа I. При нивелировке площади раскопа было зафиксировано небольшое всхолмление (высота до 0,2 м), возможно, остатки разрушенного кургана.

Погребение № 2 (в соответствии с нумерацией захоронений в обоих раскопах). После снятия слоя гумусированного песка (мощностью 0,20—0,40 м) в центральной части раскопа была обнаружена погребальная яма прямоугольной формы размерами 1,30×2,68 м, глубиной 0,40 м, вытянутая с запада на восток. Погребенный был положен на дно ямы головой на запад. Средняя часть костяка нарушена. При погребенном обнаружено простое кольцо и витой перстень с петлями на концах (табл. СХVI — А, Б, В — 3, 4).

УГЛУБЛЕННЫЕ В МАТЕРИК СООРУЖЕНИЯ И ЯМЫ НА ПЛОЩАДИ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

(табл. VI)

Яма 1 — овальной формы (0,75×0,96 м, глубина 0,25 м), заполнена серым гумусированным песком.

Яма 2 — круглая в плане (диаметр 0,58 м, глубина 0,10 м) с пологими стенками, заполнена черным углистым песком.

Яма 3 — округлой формы (0,65×0,79 м, глубина 0,46 м). Вдоль дна и стенок прослеживается слой серого песка, в центральной части заполнена углистым песком, в котором встречен нож (табл. L — 27).

Яма 4 — округлой формы (0,43×0,50 м, глубина 0,18 м), заполнена серым песком.

Яма 5 — овальной формы (0,94×1,15 м, глубина 0,15 м), вытянута с севера на юг. Заполнение — черный углистый песок.

Яма 6 — округлой формы (0,70×0,84 м, глубина 0,20 м), заполнена серым золистым песком с примесью угольков.

Яма 7 — округлой формы (0,40×0,50 м, глубина 0,21 м), заполнена серым золистым песком с примесями мелких угольков. При разборке ямы встречена массивная фибула с призматическими головками и бронзовая нагрудная булавка с обрывком цепочки. Фибула была зафиксирована уже при зачистке пятна ямы на уровне материка. Оба украшения несут на себе следы пребывания в огне (табл. L — 13, 24).

Яма 8 — округлой формы (0,52×0,60 м, глубина 0,38 м), заполнена темно-серым гумусированным песком.

Яма 9 — круглой формы (диаметр 0,54 м, глубина 0,45 м), заполнена серым гумусированным песком.

Яма 10 — овальной формы (1,50×1,42 м, глубина 0,49 м), вытянута с северо-запада на юго-восток. Заполнение — серый гумусированный песок с вкраплениями мелких угольков.

Яма 11 — овальной формы (0,68×0,90 м, глубина 0,22 м), вытянута с северо-востока на юго-запад. Заполнение — серый гумусированный песок с вкраплениями отдельных мелких угольков.

Яма 12 — округлой формы (1,45×1,60 м, глубина 0,70 м), заполнена серым гумусированным песком с примесью угольков. На глубине 0,30 м в юго-восточной части ямы обнаружено железное навершие (табл. L — 21).

Яма 13 — округлой формы (1,02×1,16 м, глубина 0,45 м), заполнена серым гумусированным песком. На глубине 0,20 м в восточной части ямы зафиксирован развал черепков от лепной подлощенной миски.

Яма 14 — округлой формы (1,16×1,25 м, глубина 0,40 м), заполнена серым гумусированным песком с примесью угольков.

Яма 15 — округлой формы (0,80×0,90 м, глубина 0,28 м), заполнена серым золистым песком.

Яма 16 — округлой формы (0,65×0,75 м, глубина 0,35 м), заполнена серым песком с вкраплениями угольков.

Яма 17 — овальной формы, вытянута с севера на юг. Северный край ямы уходит в стенку раскопа (размеры разобранный части 1,16×1,30 м, глубина 0,35 м). Основное заполнение ямы — розовый гумусированный песок, а вдоль стенок и дна прослежена прослойка черного углистого гумуса.

Яма 18 — удлинённой формы, вытянута с севера на юг. Северный край ямы уходит в стенку раскопа (размеры разобранный части 1,16×2,30 м, глубина 0,40 м). Заполнение — серый гумусированный песок с включениями угольков.

Ямы 19, 21, 22 — охарактеризованы при описании погребального сооружения № 125.

Яма 20 — округлой формы (0,65×0,68 м, глубина 0,23 м), заполнена серым песком с включениями угольков.

Яма 23 — круглой формы (диаметр 0,44 м, глубина 0,18 м), заполнена серым песком.

Яма 24 представляет собой ровик шириной от 1 м до 1,20 м, глубиной 0,10 — 0,25 м, заполненный серым гумусированным песком с включениями угольков. В юго-западной части ровика встречены обломки керамики и калачевидное кресало. Скорее всего, ровик относился к раскопанному в дореволюционное время кургану, по крайней мере, с северо-запада к нему примыкает площадь, носящая следы явных перекопов.

Яма 25 — овальной формы, вытянута с севера на юг. Часть ямы уходит в восточную стенку раскопа (длина разобранный части 1,05 м, глубина 0,20 м). Заполнение — бурый гумусированный песок.

Ямы 26, 27 — охарактеризованы при описании погребального сооружения № 158.

Ямы 28, 29, 30 — комплекс из трех ям. Яма 28 — овальной формы (1×1,64 м, глубина в северной части 0,44 м, в южной — 0,14 м), вытянута с севера на юг и заполнена серым гумусированным песком с примесью мелких угольков. К ней примыкали еще две ямки круглой формы: к северной стенке — небольшая ямка 29 (диаметр 0,28 м, глубина 0,23 м), заполненная тем же серым песком с угольками, а к юго-восточной — ямка 30 (диаметр 0,46, глубина 0,35 м), заполнение то же, но без угольков.

Яма 31 представляла собой ровик (длина 3,88 м, ширина 1,04 м, глубина 0,24—0,35 м), вытянутый с северо-запада на юго-восток. Заполнение — серый золистый песок. К северо-восточному краю ровика примыкало углистое пятно (0,70×1,10 м, толщина 0,08—0,09 м). При его разборке встречены мелкие кальцинированные кости и обломок сильно оплавленного бронзового предмета.

Яма 32 — ровикообразная яма, к которой с юга примыкала круглая яма, составляя с ней единый комплекс (размеры первой: длина 3,14 м, ширина 0,76 м, глубина 0,30 м; размеры второй: диаметр 1,22 м, глубина 0,65 м). Заполнение обеих ям — серый золистый песок. В круглой яме было найдено несколько мелких кальцинированных костей и желтая глазчатая бусина (табл. L — 11).

Яма 33 — овальной формы (0,92×1,26 м, глубина 0,35 м), вытянута с северо-востока на юго-запад. Заполнение — серый песок с примесью угольков. При разборке заполнения встречены фрагменты лепной миски (табл. L — 22).

Ямы 34, 35, 36, 37, 38 — охарактеризованы при описании погребения № 17.

Яма 39 — овальной формы (0,45×0,56 м, глубина 0,14 м), заполнена серым золистым песком.

Яма 40 — овальной формы (0,61×0,86 м, глубина 0,18 м), заполнена темно-серым песком с включением мелких угольков.

Ямы 41, 42, 43, 44 — охарактеризованы при описании погребального сооружения № 122.

Яма 45 — круглой формы (диаметр 0,32 м, глубина 0,40 м), с северо-востока вплотную примыкала к грунтовому погребению № 19, была заполнена серым песком с примесью угольков.

Яма 46 — округлой формы (0,24×0,30 м, глубина 0,23 м) располагалась в 0,3 м к западу от угла погребальной ямы захоронения № 19. Заполнение — серый песок с примесью угольков.

Яма 47 — ровикообразной формы (длина по дуге 3,86 м, ширина 0,47 м, глубина 0,38 м). Верхняя часть ямы была заполнена черным углистым песком мощностью до 0,10 м, нижняя — темно-серым гумусированным песком. При разборке ямы обнаружены фрагменты лепной керамики.

Яма 48 — овальной формы (0,62×0,86 м, глубина 0,10 м), вытянута с северо-запада на юго-восток. Заполнение — серый гумусированный песок.

Яма 49 — круглой формы (диаметр 0,38 м, глубина 0,25 м), заполнена серым песком.

Яма 50 — овальной формы (0,53×0,64 м, глубина северо-западной половины 0,60 м, а юго-восточной — 0,18 м), заполнена серым песком. В наиболее глубокой ее части встречены скопления углей.

Яма 51 — овальной формы (0,62×0,93 м, глубина 0,30 м), вытянута с северо-востока на юго-запад. Заполнение — серый песок.

Яма 52 — круглой формы (диаметр 0,42 м, глубина 0,40 м), заполнена серым песком с примесью мелких угольков.

Яма 53 — овальной формы (0,43×0,56 м, глубина 0,28 м), заполнена серым золистым песком.

Яма 54 — овальной формы (0,32×0,68 м, глубина 0,20—0,25 м), вытянута с северо-запада на юго-восток. Заполнение — серый песок с примесью мелких угольков.

Яма 55 — круглой формы (диаметр 0,41 м, глубина 0,35 м), заполнена серым песком.

Яма 56 — овальной формы (0,51×0,72 м, глубина 0,24 м), вытянута с запада на восток. Заполнение — серый золистый песок с примесью угольков.

Яма 57 — овальной формы (0,89×1,27 м, глубина 0,28 м), вытянута с запада на восток. Заполнение — гумусированный песок с примесью мелких угольков. В западной половине ямы зафиксирована линза красного прокаленного песка мощностью около 0,05 м.

Ямы 58, 59 — охарактеризованы при описании погребального сооружения № 163.

Яма 60 — округлой формы (диаметр 0,52×0,60 м, глубина 0,24 м), заполнена серым песком.

Яма 61 — овальной формы (1,47×2,46 м, глубина 0,40 м), вытянута с северо-востока на юго-запад. Заполнение — светло-серый гумусированный песок.

Яма 62 — круглой формы (диаметр 0,35 м, глубина 0,12 м), заполнена серым углистым песком.

Яма 63 — округлой формы (0,50×0,59 м, глубина 0,20 м), заполнена серым гумусированным песком с примесью угольков.

Яма 64 — овальной формы (0,72×1,30 м, глубина 0,12 м), вытянута с севера на юг. Заполнение — серый гумусированный песок.

Яма 65 — круглой формы (диаметр 0,42 м, глубина 0,26 м), заполнена темно-серым золистым песком.

Яма 66-а представляла собой ровик (длина по дуге около 5 м, ширина 0,78—1 м, глубина 0,55—0,75 м). Северо-западная стенка ровика была более крутая, чем юго-восточная. Ровик был заполнен серым гумусированным песком с примесью углей. В заполнении ровика найдена бронзовая подковообразная фибула со спиральными головками (табл. L — 10).

Ямы 66, 68 — составляли единый комплекс. Яма 66 имела овальную в плане форму (0,86×1,78 м, глубина 0,61 м) и была вытянута с запада на восток. Заполнение — серый гумусированный песок. С юго-востока к ней примыкала яма 68, имеющая неправильную в плане форму и вытянутая с севера на юг. Яма состояла из основной центральной части (1,02×1,66 м, глубина 0,61 м), от которой в свою очередь отходили два углубления, одно — в юго-западном направлении (0,36×0,44 м, глубина 0,26 м), другое — в юго-восточном (0,38×0,92 м, глубина 0,22 м). В целом все сооружение было заполнено серым гумусированным песком с вкраплениями отдельных угольков. При разборке заполнения основной части ямы на глубине 0,32—0,34 м зафиксированы углистые плашки, фрагменты лепного сосуда, семь весовых гирек, нож, кремешок, оплавленные бусы, обломок перстня с волотами и часть поясной бляшки. Среди вещей несколько мелких

кальцинированных костей, которые нельзя признать остатками захоронения. На дне юго-западного углубления встречен наконечник стрелы (табл. L).

Яма 67 — круглой формы (диаметр 0,30 м, глубина 0,19 м), заполнена темно-серым гумусированным песком. При ее разборке обнаружен бронзовый оплавленный перстень (табл. L — 8).

Яма 69 — неправильной формы (размеры основной части: длина 1,75 м, ширина 0,65—0,80 м, глубина 0,29—0,31 м), вытянута с запада на восток, частично уходя в южную стенку раскопа. С северо-запада к основной части ямы примыкала небольшая круглая в плане ямка (диаметр 0,25 м, глубина 0,13 м). Все сооружение было заполнено темно-серым гумусированным песком. На дне ямы обнаружены черепки от лепного сосуда (табл. L — 29).

Яма 70 — ровикообразной формы (длина 2,30 м, ширина северо-восточной части 1,15 м, а юго-западной — 1,02 м, глубина 0,37—0,43 м), вытянута с северо-востока на юго-запад. Яма имела чрезвычайно пологие стенки и была заполнена серым песком.

Ямы 72, 73, 74 — разновременные ямы, связанные в единый комплекс. Яма № 72 представляла собой траншею (длина 2,28 м, ширина 1,80 м, глубина 0,46 м), заполненную рыхлым гумусированным песком и ориентированную с севера на юг. Она, несомненно, относится к дореволуционным исследованиям кургана, содержавшего погребение в грунтовой яме. Подкурганная яма (74), повторно разобранный нами, имела прямоугольную форму (1,68×3,24 м, глубину 0,88 м) и была вытянута с запада на восток. На дне ямы ближе к юго-восточному углу обнаружены разрозненные кости скелета, а в западной части, не добранной предшествующими исследователями, — гвоздь. При сооружении данного кургана было нарушено грунтовое погребение № 23 и северная часть ямы 73. Последняя имела ровикообразную изогнутую форму (длина по дуге 2 м, ширина 0,44—0,83 м, глубина 0,27 м) и была заполнена серым гумусированным песком.

Яма 76 — прямоугольной формы (1,62×2,46 м, глубина 0,56 м), вытянута с северо-востока на юго-запад. Заполнение — серый гумусированный песок. Ее юго-западная половина была нарушена поздним перекопом.

Яма 77 — неправильной формы, вытянута с северо-востока на юго-запад и состояла из двух частей (общая длина 2,10 м, северо-восточная часть имела ширину 0,68 м и глубину 0,18 м, а юго-западная — соответственно 1,33 м и 0,38 м). Заполнение — темно-серый гумусированный песок с примесью отдельных угольков.

Яма 78 — круглой формы (диаметр 0,45 м, глубина 0,41 м), имела крутые стенки и была заполнена серым песком с примесью мелких угольков.

Яма 79 — круглой формы (диаметр 0,31 м, глубина 0,26 м), заполнена темно-серым гумусированным песком.

Яма 80 — округлой формы (0,80×0,86 м, глубина 0,25 м), заполнена серым песком.

Яма 81 — круглой формы (диаметр 0,39 м, глубина 0,14 м), заполнена серым песком.

Ямы 82, 83 — остатки исследованного в дореволуционное время кургана. Яма 82 представляла собой ровик (длина по дуге 6 м, ширина 1 м, глубина 0,44 м), окружавший курган с северо-востока. Ровик имел двухслойное запол-

нение. Вдоль стенок и дна прослеживался слой серого гумусированного песка мощностью 0,18 м, а в верхней части — слой черного углистого песка мощностью 0,26 м. Яма 83 являлась подкурганной погребальной ямой прямоугольной формы (1,68×3,24 м, глубина 0,88 м), была вытянута с запада на восток и заполнена рыхлым гумусированным песком. На дне, ближе к ее юго-восточному углу, зафиксированы разрозненные кости человека. С юго-востока к погребальной яме углом примыкали две поздние траншеи. Одна была вытянута в южном направлении (длина 1,98 м, ширина 0,28 м, глубина 0,76 м), другая — в восточном (длина 1,60 м, ширина 0,30 м, глубина 0,72 м). Траншеи, как и яма, были заполнены рыхлым гумусированным песком.

Часть II

Материалы раскопок С. Г. Попова 1988 г.³

Курган № 231

Песчаная насыпь имела подпрямоугольную форму (размерами 10,4—11,2×16 м, высотой 0,3—0,5 м) и была вытянута с северо-запада на юго-восток. Северо-западная пола кургана была нарушена ямой от столба линии электропередачи (размерами 0,46×1,52 м, глубиной 0,96—1,40 м).

Первоначально на сравнительно ровной поверхности в материке была вырезана прямоугольная в плане площадка (8,30—8,80×10 м), ориентированная углами по сторонам света. Она была окружена кольцевым ровиком шириной от 0,96 до 1,80 м, имеющим разную глубину от 0,19 до 0,84 м. В северо-восточной части в ровик была впущена поздняя углежогная яма. На территории площадки были разобраны 23 грунтовые ямки круглой формы. Ямки были расположены бессистемно, и о их назначении можно только догадываться (подробнее см. отчет С. Г. Попова). Площадка достаточно долго не была перекрыта насыпью, так как на ней успел образоваться дерн. Затем с северо-западной стороны она была засыпана слоем желтого песка мощностью 0,08 м и слоем гумусированного песка с углистыми включениями мощностью 0,12—0,2 м, а на следующем этапе желтым мешанным песком была перекрыта и юго-восточная часть площадки. Таким образом, в результате над площадкой был сооружен плоский курган, который успел задерноваться перед тем как он был досыпан вверх и удлинен в северо-западном направлении на 1,70 м. Северо-западная присыпка была оконтурена ровиком, который соединился с кольцевым ровиком первоначальной площадки. В насыпи более древнего ровика была вырыта небольшая круглая ямка. Еще две ямки встречены на краю полукруглой площадки второго этапа. В центр окончательно оформленного кургана была впущена погребальная ямка (диаметр 0,66 м, глубина 0,10 м). Ямка имела пологие стенки и уплощенное дно. Верхняя часть была заполнена серым слабогумусированным песком (мощность 0,06 м), а нижняя — линзой углистого гумуса с отдельными угольками и небольшим количеством мелких кальцинированных костей. Судя по структуре костей, впускное погребение принадлежало ребенку.

³ Описание дано на основе отчета С. Г. Попова (Отчет о работах Гдовского отряда ЛОИА АН СССР в 1988 г. // Архив ИИМК РАН).

Часть III

Материалы раскопок К. В. Кудряшова 1911 года⁴

Группа здешних курганов, число которых доходит до нескольких десятков, находится в 1 версте от д. Залахтовье, на берегу Чудского озера, в сосновом лесу казенной Залахтовской дачи. Курганы расположены по обеим сторонам дороги, идущей из с. Ремды в г. Гдов. В этой группе есть и длинные курганы валообразной формы, и круглые. Последние различных размеров, с высокой и низкой насыпью. Благодаря тому, что земля принадлежит казне, грабительских раскопок заметно очень мало. Курганы были уже исследуемы К. Д. Трофимовым и А. А. Спицыным. Мною раскопано 7 курганов, из которых один оказался с трупосожжением (№ 19), остальные дали погребения с костяками.

Что касается самих приемов работы, то чаще применялся способ раскопки траншеями или секторами, с сохранением вертикальных стенок для более удобного изучения профиля. Работа велась при помощи 4 человек, причем одновременно производилась раскопка 2-х курганов, с таким расчетом, чтобы раскопка одного начиналась в то время, когда в другом работа подходила к концу. Это делалось в интересах лучшего контроля, а также для того, чтобы возможно было окончить разбор костяка в одном кургане раньше, чем обнаружится такое погребение в другом.

Курганы, заключавшие погребения с костяком, дали богатые находки. Раскопанные курганы были размеров в диаметре 7 арш. 2 верш. — $12\frac{3}{4}$ арш., в высоту $\frac{3}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ арш. Все окружены рвами. Найденные в могилах костяки обращены головой на восток, за исключением одного случая (кург. № 21), где было принято противоположное направление. Все погребения впускные, на глубину 10—12 верш.

При большинстве погребений в ногах найден глиняный горшок, или черепки от него, с орнаментом параллельным и волнистым. Браслеты имелись и при мужских, и при женских костяках. У некоторых из последних были находимы серпы, у иных копья. Из находок следует отметить особую ткань (кольчужная) с вплетенными в нее медными спиральками.

Курган № 16 (табл. CXVII — 1—14)

Круглый, размеров $12 \times 1\frac{1}{4}$ арш. Насыпь песчаная, окружена ровиком; размеры старого рва 3 верш. \times 1 арш. В насыпи заметен тонкий угольный слой, который, начинаясь почти от самых рвов, повышается к середине насыпи. Размеры могилы 3 арш. \times 15 верш. \times 12 верш. Длина костяка до плеч 2 арш. 2 верш. Он лежит головою на С—В, 65°, сохранился удовлетворительно. На шее ожерелье из бус: одна большая с глазками, четыре бусы типа Глаз. XXV, 57,⁵ мелкие бусы

⁴ Отчет К. В. Кудряшова воспроизводится по тексту, опубликованному в Записках отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества (Т. IX. СПб., 1913. С. 255—263). Нумерация курганов от № 16 до № 22 продолжает общую нумерацию погребальных насыпей, исследованных К. В. Кудряшовым в Гдовском уезде в 1911 г. в разных могильниках.

⁵ Здесь и далее К. В. Кудряшов при описании вещей ссылается на таблицы книги К. Д. Трофимова и некоторых томов Материалов по археологии России, расшифровку которых

типа Глаз. XXV, 44. На шее, а также у левой стороны глаза 9 бус: одна большая с глазками, серебряная с пояском из зернчатых зубцов, четыре бусы (зеленая, желтая, коричневая, белая) типа Глаз. XXII, 49, серебряная темная с глазками, две янтарного цвета с выпуклостями (типа Глаз. XXII, 55). На плечах остатки кольчужной ткани со спиральками; такая же ткань на руках и у пояса. На руках браслеты, один массивный медный типа Бранд. IV, 14, другой тонкий типа Иван. III, 2. У правого бедра железный серп типа Иван. XIX, 24. В ногах железные ножи, один, по-видимому, серповидный типа Люц. XIV, 2; железное орудие в виде лопаточки; железные ножницы.

Курган № 17 (табл. CXVII — 15—41; CXVIII)

Курган круглый по форме, размером $12\frac{1}{2}$ арш.×1 арш. 6 верш.. Насыпь песчаная, окружена рвом (размерами $1\frac{1}{4}$ арш.×4 верш.). В насыпи заметно чередование нескольких слоев; сначала идет тонкий угольный слой, который, начинаясь от самого рва, повышается к середине насыпи; выше расположен слой розового песка, наибольшая толщина которого 5 верш., причем этот слой делается тоньше по мере приближения ко рвам; выше розоватого слоя темный, который имеет толщину до 4 верш. по середине насыпи и тоньше у ее краев, где сливается с дерном; выше темного слоя обыкновенный желтый песок.

Размеры могилы 3 арш.×1 арш.×11 верш. Костяк, длиною 2 арш., лежит головой на С—В, 50° руки сложены на груди, сохранности средней. У черепа медная шпилька с двумя спиральными завитками, типа Троф. табл. IX, курган № 57. На шее бусы: пять желтых с пестрыми глазками, разной величины, типа Глаз. XXII, 17; две стеклянных светло-голубых типа Глаз. XXII, 65; две таких же темно-синих меньшего размера; одна сапфирного цвета типа Глаз. XXII, 57; двойная желтая типа Бранд. XIV, 43; одна коричневая круглая типа Глаз. XXII, 44; синяя буса типа Бранд. XIV, 30, но уже, медная; гранчатая сапфирного цвета. У шеи четыре медных бубенчика типа Глаз. XXIII, 8. На груди медный гребешок, висящий на четырех железных костыльках, обвитых медной проволокой и прикрепленных к колечку; медная нагрудная цепь из 6 рядов тонких цепочек, прикрепленных к 2 бляхам, под которыми по крестообразной булавке типа Троф. табл. X; круглая медная пряжка типа Глаз. XXII, 4; две подвески-дирхема Мансура бен Нуха 971 г. и Нассра сына Ахмета 997 г. У правого плеча медный перстень типа Иван. XIII, 8, почти одинакового орнамента, на правой руке 8 медных браслетов, на левой семь. На кистях рук перстни: один спиральный в 14 оборотов типа Люц. X, 6; другой с 2-мя завитками типа Иван. XIII, 27, но кольцо уже; третий спиральный в 9 оборотов типа Люц. X, 6. У таза нож в медных ножнах с орнаментом, с 2-мя кольцами для привязывания и ремень типа Троф. табл. X. У правого бедра железный серп типа Иван. XIX, 24. В ногах черепки (причем заметны были два угольных пятна), железный серповидный нож типа Люц. XIV, 2; железное острие в деревянной рукоятке, железный гвоздь. По всему костяку найдены остатки кольчужной ткани и спиральки.

мы прилагаем после текста отчета. В тех случаях, когда автор дает непосредственные указания на вещи, публикуемые им в статье, мы делаем ссылки на соответствующие наши таблицы, в которых эти предметы, зарисованные нами в Эрмитаже, присутствуют.

Курган № 18 (табл. СХІХ)

Круглый, размеров $12\frac{3}{4} \times 3\frac{1}{4}$ арш. Насыпь песчаная, окружена рвом; размеры старого рва $1\frac{1}{4}$ арш. 4 верш. В насыпи заметен тонкий угольный слой, который, начинаясь почти от самых рвов, повышается к середине насыпи. Погребений два, оба с костяком. Размеры могилы первого погребения 2 арш. 14 верш. \times \times 1 арш. 3 верш. \times 12 верш. Костяк лежит головой на С—В, 70° , плохой сохранности, череп обращен лицом кверху; длина костяка приблизительно 1 арш. 1 верш. На шее бусы: одна неопределенного цвета, продолговатая гранчатая типа Глаз. XXII, 44; 17 бус коричневых с выступами типа Глаз. XXII, 55; три синих бочонкообразных типа Глаз. XXII, 74; три коричневых типа Глаз. XXII, 57; одна черная типа Глаз. XXII, 60; синяя цилиндрическая типа Глаз. XXII, 63; две рубчатые синие типа Иван. XV, 16; три синих типа Глаз. XXII, 65; три черные типа Глаз. XXII, 67; двойная синяя; затем здесь же дирхем Нуха сына Нассра (половины X в.), шейная гривна типа Глаз. XXIII, 9, орнамент почти тот же; около гривны медная пряжка типа Глаз. XXII, 4, но меньшего размера, и остаток кольчужной ткани. У правого плеча 7 бубенчиков типа Глаз. XXIII, 8. У кисти правой руки медный перстень типа Глаз. XXII, 36 и другой типа Иван. XIII, 8, но меньшего размера, медное колечко типа Иван. IV, 8. На кисти левой руки медный перстень типа Иван. XIII, 8. На правой руке три медных браслета. На левой два медных браслета, из них один пластинчатый, другой спиральный в 9 оборотов типа Люц. IX, 9, как верхняя половина, но с орнаментом; у браслета снят остаток ткани; пониже таза, у правой ноги медное колечко типа Люц. X, 2, но пластинчатое и меньшего размера; такое же колечко найдено в ногах, рядом с черепками от горшка.

Погребение 2-ое. Размеры могилы 3 арш. \times 1 арш. 2 верш. \times 12 верш. Костяк, длиною приблизительно $1\frac{1}{4}$ арш., лежит головой на С—В, 80° ; он почти не сохранился. Направление лица невозможно определить. Найдены: медная гривна типа Глаз. XXIII, 7, но концы не обмотаны проволокой. У правого плеча железная полоска длиной 4 дюйм., шириною $\frac{3}{8}$ дюйм., толщиной $\frac{1}{8}$ дюйм., согнутая в скобу диаметром $1\frac{1}{4}$ дюйм., отчасти зажимавшая дерево. На груди клык животного с отверстием для подвешивания, медная подвеска с тремя бубенчиками. остаток кольчужной ткани, обломок ножа в деревянной рукояти. На кисти левой руки медный сломанный спиральный перстень типа Люц. X, 6. На той же руке два медных браслета типа Иван. IV, 22, но с орнаментом типа Иван. III, 2. На правой руке медный пластинчатый браслет типа Люц. III, 7 с неопределенным орнаментом и массивный браслет типа Иван. IV, 22 с орнаментом типа Иван. III, 2; у таза остаток ткани, у правой ноги железный топор типа Иван. XIX, 12, на язычке у втулки нет. В ногах глиняный горшок с волнистым орнаментом на стенках; рядом детский медный спиральный перстень в 6 оборотов типа Люц. X, 6, но тоньше, перстень с двумя завитками типа Иван. XIII, 27, спиральный перстень типа Люц. X, 6.

Курган № 19

Круглый, размеров $11\frac{1}{2}$ арш. \times 1 арш. 7 верш. Насыпь песчаная, рва нельзя проследить, благодаря деформации кургана с одной стороны насыпи и дереву, мешавшему вести траншею с другой. Линию материка тоже не удалось проследить всю; в одном месте она как будто прерывается. Угольно-пепельный слой

(толщиною 0—1 верш.) угольной прослойки не имеет. В самой насыпи выше угольно-пепельного слоя две ямы (на одной высоте с пережженными костями); размеры их 6×3 верш. и 5×2 верш. Находок нет.

Курган № 20 (табл. СХХ — 1—19, 24—27)

Круглый, размеров 9¹/₂ арш.×13 верш. Насыпь песчаная; в ней такое же чередование слоев с угольной прослойкой, как в кургане № 17; угольный слой идет не сплошь, а отдельными пятнами. Насыпь окружена заплывшим рвом; размеры старого рва 3 верш.×1¹/₂ арш. По-видимому, в кургане двойное погребение в одной могиле, размер которой 3×¹/₂ арш. Костей почти нет; у восточного края могилы сохранился череп, да посередине могилы несколько зубов, рассыпавшихся около шейной гривны. У черепа шейная гривна; у левого плеча железное копьё типа Троф. табл. V, кург. № 15, но пошире. На руках по медному браслету. На груди остатки ткани и медная пряжка типа Глаз. XXII, 3. С левой стороны таза железный нож с деревянной рукояткой, обломок железной пряжки диам. 1¹/₂ дм., железное огниво типа Иван. XVII, 27. Посередине могилы бронзовая гривна с умеренными пластинчатыми концами, с круглой подвеской бляхой и бубенчиками; около этой гривки бусы, пять синих (типа Глаз. XXII, 57), пять желтых с глазками (типа Глаз. XXII, 41 и 45), две желтых (типа приблизительно Глаз. XXII, 77), семь темно-синих зубчатых (типа Иван. XVII, 6), коричневая с глазками (типа Глаз. XXII, 86), черная с глазками и белыми разводами (типа Иван. XIV, 21), две синие пронизки в две и четыре бусы (типа Иван. XIII, 17), одна буса пестро-пепельных оттенков, обломок раковинки каури; остатки ткани, прядка волос. Пониже этой гривны с двух сторон по спиральному браслету, один в 6, другой в 7 оборотов (типа Иван. IV, 11); между браслетами медная пряжка (с тканью) и перстень с завитками типа Иван. XIII, 27. В ногах два гончарных горшка, от которых уцелели черепки, украшенные волнистым и параллельным орнаментом.

Курган № 21 (табл. СХХ — 20—23, 28)

Круглый, размеров 7 арш. 2 верш.×15 верш. Насыпь песчаная с такой же угольной прослойкой, как в кург. № 16; окружена рвами. Размеры могилы 2 арш. 14 верш.×1 арш. 1 верш.×11 верш. Костяк длиной 1¹/₂ арш., головой лежит на запад; костей от него почти не сохранилось. На груди медная пряжка с тканью (типа Глаз. XXII, 3), точильный камень четырехгранный, бубенчик с витым перстнем (типа Глаз. XXIII, 8), сломанное спиральное колечко (типа Глаз. XXII, 36). В ногах глиняный горшок с волнистым орнаментом.

Курган № 22 (табл. СХХI)

Круглый, размеров 11¹/₂×1¹/₂ арш. Насыпь из песка с примесью глины; окружена рвом, имеет такую же угольную прослойку, как в предыдущем кургане; эта угольная прослойка однако не повышается к центру насыпи, а скорее несколько понижается и, по-видимому, идет по материку. Грунт насыпи твердый. Размеры могилы 2 арш. 10 верш.×1 арш. 1 верш.×15 верш. Никаких следов костяка не найдено. Вещи оказались лежащими в беспорядке. У восточного края могилы крученая медная гривна; рядом черепки, медный перстень (типа Иван. XIII, 8), железные стрелки с древком (реконструкция на табл. СХХ — 15), желез-

ная набойка цилиндрической формы, железная заклепка, железная круглая гирька в медной оболочке, остатки ткани и медные спиральки. На руках браслеты: один широкий (типа Иван. III, 2), другой крученный медный, медный тонкий браслет (типа Глаз. XXII, 20), медный перстень с завитками (типа Иван. XIII, 27). Посередине могилы найдены черепки от глиняного горшка (с типичным орнаментом). Ниже таза ремешки с медными наконечниками и кольцом, железное огниво (типа Иван. XVII, 27), железный нож, медные спиральки.

Пояснения к ссылкам К. В. Кудряшова

- Бранд. (Бранденбург) — *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. МАР. Т. 18. СПб., 1985.
- Глаз. (Глазов) — *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР. Т. 29. СПб., 1903.
- Иван. (Ивановский) — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР. Т. 20. СПб., 1896.
- Люц. (Люцинский могильник). — Люцинский могильник. МАР. Т. 14. СПб., 1893.
- Троф. (Трофимов) — *Трофимов К. Д.* Раскопки курганов при д. Залахтовье-Кувшиново Санкт-Петербургской губернии Гдовского уезда. М., 1909.

Часть IV

Материалы раскопок А. А. Спицына 1911 года

Отчет о раскопках А. А. Спицына в 1911 г. в Архиве Археологической комиссии отсутствует. В деле № 89 за 1911 г. имеются различные документы, связанные с организацией летних раскопок, а также черновая опись находок. Опись насчитывает 114 номеров, под которыми часто значится по несколько предметов. Она заполнена рукой самого А. А. Спицына и содержит многочисленные исправления. Краткая информация, которую мы считаем необходимой здесь привести, о проведенных исследованиях 10 курганов была опубликована в Отчете Археологической комиссии за 1911 год. Составить представление об отдельных изученных комплексах по тексту в ОАК и черновой описи практически невозможно. Дело в том, что в черновой описи ясно выделены предметы из трех курганов, а значительная часть находок (№№ 80—114) отнесены к некоему № 4, и не ясно, что под этим подразумевал А. А. Спицын.

Основным источником информации для нас являются коллекция вещей № 721, хранящаяся в Эрмитаже, и ее опись. Вещи поступили в музей 18.02.1932 г. из Ленинградского историко-лингвистического института, где, кстати, имелась кафедра музееведения. Опись насчитывает 190 номеров. Находки распределены по девяти курганам и различным траншеям, а в ее конце перечислены вещи без какой-либо конкретизации (№№ 164—190). Совершенно очевидно, что вся эта коллекция действительно была получена при раскопках А. А. Спицына в Залахтовье, но полной уверенности, что она точно отражает состав изначальных комплексов, у нас нет. Дело не только в том, что часть находок не имеет атрибуции, а некоторые отнесены в описи в состав курганов предположительно, но и в том, что сам набор вещей, объединенных вместе, порой вызывает просто недоумение, поскольку сейчас мы достаточно всесторонне представляем этот

памятник. Например, вещи из сожжений иногда «собраны» в одни комплексы с предметами из явных трупоположений, а в ряде случаев комплексы состоят из двух—трех вещей (№ 3 — игла фибулы и копье; № 5 — два оселка и фрагмент венчика). Описание архивного дела помочь в атрибуции материала по отдельным курганам не может, в определенной степени сопоставимы наборы инвентаря из первых трех курганов (такая попытка сопоставления описей, судя по примечаниям в эрмитажном экземпляре, проводилась при приемке вещей на хранение).

Тем не менее, мы считаем необходимым опубликовать зарисованный в Эрмитаже материал из коллекции А. А. Спицына, поскольку, при всех своих информационных изъянах, он дополняет характеристику материальной культуры Залахтовья. Публикуем также описание эрмитажной коллекции, опуская некоторые ее разделы (размер, вес, степень сохранности, информация о проведенной реставрации и т. д.). Реставрация предметов проводилась в 1950—60 гг., и в количественные характеристики описи вносились изменения. В публикуемой описи мы приводим первоначальный вариант.

Текст, опубликованный в ОАК⁶

Близ д. Залахтовье в большой группе курганов раскопан был длинный курган значительных размеров (длина более 27 м, ширина 10,65 м, высота 1,75 м), окруженный канавкой. Он состоит из невысокого естественного дюнного возвышения, присыпанного насыпью, которая от времени осела до вышины в 1,05 м и сильно прикрыла канавку. Для погребения или погребений вырезана была из дюнного возвышения площадка в виде стола, с крутыми боками, на которой было устроено и сожжено несколько кострищ, в том числе и погребальные, давшие много угля, который отчасти преднамеренно, отчасти ветром рассеян был по всему возвышению, на скаты и местами кругом основания. Пережженные косточки собраны и помещены в разных местах кургана в насыпи. Курган исследован не целиком, восемью отдельными траншеями, перерезавшими почти всю продольную середину его и бока одной половины. На этом пространстве найдены два кострища со следами пережженных косточек и 4 ямки с пережженными человеческими костями; среди них найдена лишь железная игла.

В той же группе раскопано 9 курганов X—XI в., принадлежавших местному полурусскому населению. Насыпи невелики, до 5,50 м ширины и 0,35—0,70 м высоты, состоят из рыхлого песка, обведены канавками. В пяти насыпях оказались сожжения на месте, с вещами X и отчасти XI в. (бусы, дирхемы, подвески к ожерелью, медные и железные пряжки, подвески-уточки, костыльки, спиральные наручники, железные шилья, спиральки, топоры, копья); для вещей чаще выкапывалась ямка. В трех курганах с сожжением оказались впускные погребения несожженных костяков, почти того же времени, и в одном — погребение скелета несожженного. Костяки головой лежали на восток. При них найдено много вещей; почти все они — обычных типов гдовских курганов XI и отчасти XII в.; любопытнее других остатки ткани с кольчужками и медные гребешки с птичками, на цепочках.

⁶ ОАК за 1911 год. Пг., 1914. С. 67—68

В насыпи трех курганов найдены в небольшом количестве гладкие с орнаментом черепки иной культуры, более ранней, напр., местной времени Дьяковых городищ, или еще раньше. Один из курганов, имевший основное погребение с кострищем, заключал еще впускное погребение и сверх того был раскопан кладоискателем. Раскопка его заняла много внимания.

Местность очень удачна для поселения, так как представляет бухту, защищенную от волнений озера.

*Опись находок коллекции № 721, хранящейся в фондах Государственного Эрмитажа
(табл. СХХII—СХХV)*

№	Описание предмета	Материал	Место находки
1	Крюк железный прямоугольный в сечении с острием на конце; один	Железо	Курган № 1
2	Низка бус стеклянных и пастовых, из них: одна желтая шаровидная с выступающими закраинками, стеклянная, одна цилиндрическая с полушариками на поверхности, стеклянная, одна бочковидная пастовая, девять пастовых глазчатых в форме сплющенного шара, две пастовых призматических, инкрустированных желтым и красным тоном; четырнадцать	Стекло, стекловидная паста	Курган № 1
3	Бубенчик звенящий, пирамидальный в верхней части и округлый в нижней, с крестовидною прорезью, орнаментирован у прорезов нарезками, с кольцевидным ушком для подвешивания; один	Бронза	Курган № 1
4	Подвеска-монета	Серебро, ушко — бронза	Курган № 1
5	Подвеска-монета	Серебро, ушко — бронза	Курган № 1
6	Подвеска-монета	Серебро, ушко — бронза	Курган № 1
7	Фрагменты мелкие пластинчатого браслета, из них один на кусочке сплавленного железа; двенадцать	Бронза	Курган № 1
8	Фрагмент браслета, полукруглого в сечении с продольным желобком на внешней стороне, конец уплощен; один	Бронза	Курган № 1
9	Браслет несомкнутый, выпуклый с внешней стороны и вогнутый с внутренней, уплощенные концы расширены, на внешней стороне выпуклый орнамент; один	Бронза	Курган № 1

10	Браслет несомкнутый с вогнутой внутренней и выпуклой внешней стороной, покрытый нарезками, пунктирным, точечным и линейным орнаментом, скомпонованным в виде плетения; один	Бронза	Курган № 1
11	Браслет подобный № 9; один	Бронза	Курган № 1
12	Кольцо спиральное из проволоки, свернутой в шесть оборотов; одно	Бронза	Курган № 1
13	Кольцо спиральное из проволоки, свернутой в одиннадцать оборотов; одно в двух кусках	Бронза	Курган № 1
14	Перстень с широким пластинчатым щитком, покрытым мелким пунктирным орнаментом, концы из уплощенной проволоки закручены спиралью; один	Бронза	Курган № 1
15	Перстень с широким пластинчатым щитком, покрытым пунктирным орнаментом, щиток переходит в узкие, треугольные в сечении концы, свернутые в один оборот; один	Бронза	Курган № 1
16	Кольцо спиральное из тонкой проволоки, свернутой в шесть оборотов; одно	Бронза	Курган № 1
17	Часть плетения из шерстяного шнура, перевитого миниатюрными колечками и спиральками из тонкой проволочки; три	Шерсть	Курган № 1
18	Обрывок шерстяной ткани с прикрепленным к ней плетением из шнура, обвитого мелкими спиральками из тонкой проволоки и миниатюрными колечками; один	Шерсть	Курган № 1
19	Обрывки темной шерстяной ткани; два	Шерсть	Курган № 1
20	Кусочки меха с приставшими к ним обрывками шерстяной ткани и кусочками дерева; четыре	Мех, шерсть, дерево	Курган № 1
21	Обрывки темной шерстяной ткани, при них обрывки шерстяного шнура, миниатюрные бронзовые колечки и спиральки из тонкой проволочки; четыре	Шерсть, бронза	Курган № 1
22	Кусок грубой шерстяной ткани, слезавшейся в несколько рядов, с приставшей к ней древесной корой; один	Шерсть	Курган № 1

23	Кусок слежавшейся в несколько рядов шерстяной ткани с приставшим к ней куском меха и древесной коры; один	Шерсть, мех	Курган № 1
24	Кусок слежавшейся шерстяной ткани с плетением из мелких бронзовых спиралек и колец и приставшим куском бересты; один	Шерсть, бронза	Курган № 1
25	Кусок меха, приставший к тонкому кусочку дерева; один	Мех	Курган № 1
26	Куски ткани и меха, слежавшиеся в несколько рядов с лежащим на них плетением из спиралек и мелких бронзовых колец; четыре	Шерсть, мех, бронза	Курган № 1
27	Обломки березовой коры; три	Кора	Курган № 1
28	Кусочки меха со следами лежавших на них бронзовых спиралек; пять	Мех	Курган № 1
29	Куски слежавшейся темной шерстяной ткани, при них остатки шерстяного шнура и бронзовые спиральки из тонкой проволоочки; шесть	Шерсть, бронза	Курган № 1
30	Кусок слежавшейся с обрывками меха шерстяной ткани и бронзовых спиралек, лежавший на кусочке древесной коры; один	Шерсть, бронза	Курган № 1
31	Кусочки слежавшейся шерстяной ткани с продетыми в нее проволоочными спиральками и колечками и плетением из шерстяного шнура, обвитого спиральками; три	Шерсть, бронза	Курган № 1
32	Обрывки шерстяной ткани с продетыми в нее проволоочными спиральками; два	Шерсть, бронза	Курган № 1
33	Обрывки слежавшейся шерстяной ткани; четыре	Шерсть	Курган № 1
34	Кусок оплавленной пластинки, возможно, фрагмент браслета; один	Бронза	Курган № 1
35	Обрывок шерстяной ткани с продетыми в нее бронзовыми спиральками; один	Шерсть, бронза	Курган № 1
36	Обрывки плетения из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тонкой проволоочки, при них миниатюрные колечки и спиральки из тонкой и более толстой проволоки; семь	Шерсть, бронза	Курган № 1
37	Бусина в виде сплющенного шара, светлая; одна	Стекло	Курган № 1

38	Обрывки темной шерстяной ткани, лежавшие на кусочке дерева; два	Шерсть	Курган № 1
39	Обрывки шерстяного шнура и тесьмы со следами бронзовой окиси от лежавших на ней предметов; три	Шерсть	Курган № 1
40	Обрывки шерстяного шнура; два	Шерсть	Курган № 1
41	Обрывок меха, приставший к кусочку древесной коры; один	Мех	Курган № 1
42	Колечко миниатюрное из проволоки, свернутой в полтора оборота; одно	Бронза	Курган № 1
43	Колечко миниатюрное проволочное со сведенными концами; одно	Бронза	Курган № 1
44	Кусок меха с лежащим на нем плетением из бронзовых проволочных спиралек разного размера, приставший к куску дерева; один	Мех, бронза	Предположительно курган № 1
45	Обломки мелкие глиняного горшка желтоватого цвета, без орнамента; десять	Глина	Курган № 2
46	Бусина оплавленная; одна	Стекло	Курган № 2
47	Кольцо височное проволочное; одно	Бронза	Курган № 2
48	Кольцо подобное № 47; одно	Бронза	Курган № 2
49	Обломок бубенчика; один	Бронза	Курган № 2
50	Обломки ребер с приставшими к ним кусочками шерстяной ткани и кусочками дерева; десять	Шерсть	Находились вместе с вещами кургана № 2, предположительно курган № 1
51	Горшок плоскодонный с отогнутым наружу краем, желтоватого цвета, сделанный на гончарном круге, покрыт линейным орнаментом с внешней стороны; в обломках, пятьдесят два	Глина	Курган № 2
52	Обрывок ткани с продетыми в нее спиральками из узкой пластинки; один	Шерсть, бронза	Предположительно курган № 2
53	Обрывки шерстяного шнура с надетыми на них проволочными спиральками, часть обрывков с приставшими к ним кусочками дерева, при них мелкие обломки дерева и коры; восемь	Шерсть, бронза	Предположительно курган № 2
54	Предмет неизвестного назначения в виде дугообразно изогнутой иглы, у основания полукруглая пластинка	Бронза	Курган № 3

	с зубчиками по краю, острие слегка отогнуто; один		
55	Наконечник копья кругловтульчатый с узким длинным пером с выступающей гранью посередине; один	Железо	Курган № 3
56	Фрагменты пластинчатых браслетов со следами орнамента на внешней стороне, из них два оплавленные спеклись	Бронза	Курган № 4
57	Бусы оплавленные стеклянные и пастовые, при них мелкие фрагменты стеклянных и пастовых бус; пятнадцать	Стекловидная паста	Курган № 4
58	Фрагменты мелкие пластинчатых браслетов со следами орнамента; четырнадцать	Бронза	Курган № 4
59	Кусочки оплавленной бронзы; четыре	Бронза	Курган № 4
60	Фрагменты жгута проволочного, свитого из трех тонких проволок; два	Бронза	Курган № 4
61	Фрагменты пластинчатых браслетов оплавленные; девять	Бронза	Курган № 4
62	Обломок точильного бруска прямоугольного в сечении, заглаженного от работы со всех сторон, с круглым отверстием у конца; один	Камень	Курган № 5
63	Обломки точилок каменных; два	Камень	Предположительно курган № 5
64	Обломок верха сосуда с высокой шейкой и отогнутым наружу краем, розоватого цвета, сделанный на гончарном круге, с линейным орнаментом и насечками у края на внешней поверхности; один	Глина	Предположительно курган № 5
65	Обломок массивного дугообразного изогнутого и оплавленного стержня; один	Железо	Курган № 6
66	Обрывки плетения из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тонкой проволочки с продетыми в него миниатюрными колечками; три	Бронза	Курган № 6
67	Обломки железные оплавленные; два	Железо	Курган № 6
68	Топор округлопроушный с расширенным обухом и широким лезвием, верхний край слегка изогнут, ниж-	Железо	Курган № 6

	ний — круто изогнутый, заканчивается прямолинейным отрезком; один		
69	Топорик круглопроушный, с выступающими с двух сторон обуха закраинками, верхний край изогнут слегка, нижний — круто изогнут, лезвие расширено; один	Железо	Курган № 6
70	Наконечник копья кругловтульчатый с узким длинным пером, посередине проступающая грань; один	Железо	Курган № 6
71	Коса с утолщенным обухом, у основания конец отогнут под прямым углом; одна	Железо	Курган № 6
72	Пряжка плоская подпрямоугольная; одна	Железо	Курган № 6
73	Пластинка узкая прямоугольная; одна	Железо	Курган № 6
74	Наконечник копья кругловтульчатый с узким длинным пером, в сечении ромбический, в отверстии у края втулки сохранился гвоздь; один	Железо	Курган № 7
75	Топор овальнопроушный, по нижнему краю обуха две выступающие закраинки, верхний край прямой, нижний — круто изогнутый, заканчивается прямолинейным отрезком; один	Железо	Курган № 7
76	Обломки мелкие глиняного сосуда желтоватого цвета; три	Глина	Курган № 7
77	Топор округлопроушный с выступающими по нижнему краю обуха двумя закраинками, верхний край прямой, нижний — круто изогнутый, заканчивается прямолинейным отрезком; один	Бронза	Курган № 8
78	Обломки двух пластинчатых перстней с волютами; тринадцать	Бронза	Курган № 8
79	Обломки мелкие оплавленные; семь	Бронза	Курган № 8
80	Обломки сосуда со слегка отогнутым краем желтоватого цвета, сделанного на гончарном круге, без орнамента; восемь	Глина	Курган № 8
81	Бусы стеклянные и пастовые, из них: две пастовых шаровидных светло-серого цвета, одна пастовая шаровидная глазчатая, две стеклянных кольцевидных зеленого цвета, одна бочон-	Стекло, стекловидная паста	Курган № 9

	ковидная синяя, одна кольцевидная темно-зеленая; семь		
82	Обломок шейной гривны из тонкой проволоки с нанизанной на нее крупной кольцевидной бусиной розового цвета; один	Бронза	Курган № 9
83	Браслет миниатюрный пластинчатый с заходящими один за другой закругленными концами, без орнамента; один	Бронза	Курган № 9
84	Браслет миниатюрный из узкой пластинки, треугольной в сечении, свернутой в три оборота, один конец со следами круглого отверстия, на поверхности елочный орнамент; один	Бронза	Курган № 9
85	Браслет миниатюрный витой из двух толстых проволок, с обрубленными, заходящими один за другой концами; один	Бронза	Курган № 9
86	Обломки тонкостенных сосудов сероватого цвета, сделанных на гончарном круге, из них один с линейным орнаментом на внешней стороне; два	Глина	Курган № 9
87	Застежка круглая со свободной пластинчатой у основания иглой, круглая в сечении, с загнутыми вверх спиралью концами; одна	Бронза	Курган № 9
88	Бубенчик с крестовидным прорезом, пирамидальный в верхней части и округлый в нижней, орнаментирован у прорезов нарезками, с пластинчатым ушком для подвешивания; один	Бронза	Курган № 9
89	Перстень пластинчатый с двумя волютами, ободок покрыт с внешней стороны мелким пунктирным орнаментом, по краю волют мелкие насечки; один	Бронза	Курган № 9
90	Кольцо из уплощенной проволоки, свернутой в пять оборотов; одно	Бронза	Курган № 9
91	Застежка круглая из уплощенного дрота, покрытого с внешней стороны чеканным орнаментом из мелких треугольников и точек; на концах загнутые вверх почковидные головки, игла свободная, у основания пластинчатая; одна	Бронза	Курган № 9

92	Обрывки шерстяной ткани с прикрепленным к ней плетением из шерстяного шнура, обвитого мелкими проволочными спиральками, при них миниатюрные колечки, обрывки плетения; два	Шерсть, бронза	Курган № 9
93	Браслет массивный несомкнутый, прямоугольный в сечении, орнаментирован с внешней стороны нарезным геометрическим узором в средней части и насечками у концов; один	Бронза	Курган № 9
94	Кольцо миниатюрное спиральное из тонкой проволоки, свернутой в десять оборотов; одно	Бронза	Курган № 9
95	Часть кресала в виде дугообразно изогнутого массивного стержня, деформированного, покрытого окисью железа; одна	Железо	Курган № 9
96	Обломки железные, из них один в виде пластинки с уплощением на одном конце; три	Железо	Курган № 9
97	Обломки в виде стержней, округлых в сечении и уплощенных к одному концу; два	Железо	Курган № 9
98	Наконечник стрелы кругловтульчатый с двумя шипами; один	Железо	Курган № 9
99	Наконечник копья кругловтульчатый с плоским листовидным пером; один	Железо	Курган № 9
100	Обломок стержня, прямоугольного в сечении, один	Железо	Курган № 9
101	Гвоздь из уплощенного стержня с округлой шляпкой, при нем четыре обломка; один	Железо	Курган № 9
102	Браслет несомкнутый, овальный в сечении, орнаментирован в средней части узором из пунктирных линий и насечками у концов; один	Бронза	Курган № 9
103	Браслет подобный № 102	Бронза	Курган № 9
104	Обломок кремня без следов обработки с приставшей к нему окисью железа; один	Кремень	Курган № 9
105	Кусок слежавшейся темной шерстяной ткани, обернутый вокруг кости; один	Шерсть	Курган № 9
106	Кусок шерстяной ткани, приставший к кости, с отпечатками лежавшего на ней плетения; один	Шерсть	Курган № 9

107	Кусок слежавшейся шерстяной ткани с плетением из шерстяного шнура, обмотанного спиральками, лежащий на кусочке меха с приставшим к нему кусочком дерева; один	Шерсть, мех, бронза	Курган № 9
108	Кусок меха с отпечатками бронзового предмета, лежащий на кусочке дерева; один	Мех	Курган № 9
109	Куски слежавшейся темной шерстяной ткани с приставшим к ним кусочком коры дерева; один	Шерсть	Курган № 9
110	Обрывок темной шерстяной ткани с прикрепленным к ней плетением из шерстяного шнура, обвитого проволочными спиральками и кольцами; один	Шерсть, бронза	Курган № 9
111	Обрывки темной шерстяной ткани с продетыми в нее миниатюрными бронзовыми колечками, при них остатки плетения из шерстяного шнура, обвитого мелкими проволочными спиральками; пять	Шерсть, бронза	Курган № 9
112	Обрывки плетения из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тонкой проволочки, при них обломки спиралек и миниатюрных бронзовых колец; четыре	Шерсть, бронза	Курган № 9
113	Обрывки темной шерстяной ткани с приставшей к ним древесной корой и лежащим на них плетением из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тонкой проволочки; пять	Шерсть, бронза	Курган № 9
114	Обрывки темной шерстяной ткани, приставшие к кусочкам дерева; двенадцать	Шерсть	Курган № 9
115	Обломок пластинки, оплавленный и изогнутый; один	Бронза	Курган № 9
116	Обрывки шерстяной ткани, приставшие к кусочкам дерева; три	Шерсть	Курган № 9
117	Обрывки темной шерстяной ткани и тесьмы с остатками плетения из шнура, обвитого спиральками, слежавшиеся с кусочками березовой коры и дерева; восемь	Шерсть, бронза	Курган № 9
118	Обрывки шерстяной ткани, слежавшейся с плетением из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тон-	Шерсть, бронза	Курган № 9

	кой проволоочки; в плетение продеты миниатюрные колечки; ткань обернута вокруг кости, приставшей к обломку дерева; один		
119	Обрывки слежавшейся в несколько рядов шерстяной ткани с остатками прикрепленного к ней плетения из шнура, обвитого спиральками из тонкой проволоочки; семь	Шерсть, бронза	Курган № 9
120	Обрывки темной шерстяной ткани; два	Шерсть	Курган № 9
121	Обрывки узкой шерстяной тесьмы; шесть	Шерсть	Курган № 9
122	Обрывок плетения из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тонкой проволоочки; в плетение продеты миниатюрные колечки, при них мелкие обломки спиралек и кольца; два	Шерсть, бронза	Курган № 9
123	Кусок слежавшейся шерстяной ткани, обернутый вокруг кости; один	Шерсть	Курган № 9
124	Кусок слежавшейся в несколько рядов шерстяной ткани с плетением из шерстяного шнура, обвитого миниатюрными спиральками и кольцами; один	Шерсть, бронза	Предположительно курган № 9
125	Обрывки слежавшейся ткани и плетения из шнура, обвитого спиральками из тонкой проволоочки, приставшие к кусочкам дерева; три	Шерсть, бронза	Предположительно курган № 9
126	Кусок шерстяной ткани с прикрепленным к ней плетением из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тонкой проволоочки; в плетение и ткань продеты миниатюрные колечки; один	Шерсть, бронза	Предположительно курган № 9
127	Обрывки плетения из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тонкой проволоочки, при них несколько миниатюрных колец и спиралек; три	Шерсть, бронза	Предположительно курган № 9
128	Обломок бересты, прошитый нитками у края; один	Береста	Предположительно курган № 9
129	Куски коричневой шерстяной ткани; два	Шерсть	Предположительно курган № 9
130	Обрывок плетения из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тонкой проволоочки; при них два обломка спиралек; один	Шерсть, бронза	Находились вместе с вещами кургана № 9

131	Кусок слежавшейся в несколько рядов шерстяной ткани с продетыми в нее миниатюрными кольцами и плетением из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тонкой проволочки; один (ткань лежит на кусочках бересты и дерева)	Шерсть, бронза	Предположительно курган № 9
132	Куски слежавшейся шерстяной ткани с лежащим на них плетением из шерстяного шнура, обвитого спиральками из тонкой проволочки; два	Шерсть, бронза	Предположительно курган № 9
133	Обрывок меха с отпечатками лежавших на нем бронзовых спиралек и приставшим кусочком древесной коры; один	Мех	Предположительно курган № 9
134	Обломок стенки сосуда сероватого цвета, сделанного на гончарном круге, без орнамента; один	Глина	Находился вместе с вещами кургана № 9
135	Обломки сосуда со слегка отогнутым краем, плоскодонного, желтоватого цвета, сделанного на гончарном круге, с линейным орнаментом на внешней поверхности; пятьдесят семь	Глина	Курган № 9
136	Обломок стенки сосуда сероватого цвета, сделанного на гончарном круге, без орнамента; один	Глина	Находился вместе с № 135
137	Бусина глазчатая оплавленная; одна	Стекловидная паста	Курган № 9
138	Обломок верха сосуда розоватого цвета, сделанного на гончарном круге, с линейным и волнистым орнаментом на внешней поверхности; один	Глина	Курган № 9
139	Обломки стенок сосудов желтоватого цвета, сделанных на гончарном круге, без орнамента; два	Глина	Курган № 9
140	Часть сосуда желтоватого цвета с прямым краем, ручной лепки, без орнамента, из глины с дресвой; один	Глина	Из рва
141	Обломки стенок сосудов розоватого цвета, ручной лепки, без орнамента, из глины с дресвой; шесть	Глина	Из рва
142	Обломок низа плоскодонного сосуда с частью доньшка розоватого цвета, ручной лепки, без орнамента, из глины с дресвой; один	Глина	Из рва
143	Обломок верха сосуда со слегка отогнутым краем и слабо выраженной шейкой сероватого цвета, ручной леп-	Глина	Из траншеи WO

	ки, без орнамента, из глины с дресвой; один		
144	Обломки стенок сосудов сероватого цвета, ручной лепки, без орнамента, из глины с дресвой; тринадцать	Глина	Из траншеи WO
145	Обломки верха сосудов с прямым краем желтоватого цвета, ручной лепки, без орнамента, из глины с дресвой; два	Глина	Из траншеи WO
146	Обломки стенок сосудов розоватого цвета, ручной лепки, без орнамента, из глины с дресвой; семь	Глина	Из траншеи WO
147	Обломки низа сосудов плоскодонных, желтоватого цвета, ручной лепки, без орнамента, из глины с дресвой; четыре	Глина	Из траншеи WO
148	Обломки днищ плоскодонных сосудов желтоватого цвета, ручной лепки, из глины с дресвой; три	Глина	Из траншеи WO
149	Нож черенковый узколезвийный; один	Железо	Из рва
150	Ножичек черенковый узколезвийный в обломках	Железо	Из траншеи WO
151	Обломки узких пластинчатых браслетов; два	Бронза	Из траншеи WO
152	Обломок верха сосуда с прямым краем и утолщенным венчиком, желтоватого цвета, ручной лепки, без орнамента, из глины с дресвой; один	Глина	Из траншеи SN
153	Поделка в виде тонкого железного стержня, обвитого спиралью из бронзовой проволоки, стержень заканчивается кольцами с продетыми в них обоймочками из тонкой бронзовой пластинки; в обломках, четыре	Железо, бронза	Из траншеи SN
154	Обоймы пластинчатые с параллельными нарезками на внешней стороне, из них одна со штифтиками на конце; две	Бронза	Из траншеи SN
155	Обойма миниатюрная из узкой пластинки, скреплена штифтиком, внутри обоймы остатки железного стержня; одна	Бронза	Из траншеи SN
156	Обломки мелких стеклянных оплавленных бус	Стекло	Из траншеи SN
157	Обломки сосудов желтоватого цвета, от стенок, ручной лепки, без орнамента, из глины с дресвой; семь	Глина	Над костяком в центре

158	Пластинка оплавленная, со следами орнамента, возможно фрагмент браслета; одна	Бронза	Из ямы близ рва
159	Обломки стеклянных и пастовых бус, девять	Стекло, стекловидная паста	Находились с вещами кургана № 6
160	Кольцо из тонкой проволоки; одно	Бронза	Находилось с вещами кургана № 8
161	Пряслице биконическое с усеченными верхушками; одно	Шифер	Находилось с вещами кургана № 8
162	Обломок пластинки с заостренным концом; один	Железо	Находился с вещами кургана № 8
163	Обломок сосуда желтоватого цвета, от стенки, сделанного на гончарном круге, с линейным орнаментом на внешней стороне; один	Глина	Находился с вещами кургана № 8
164	Бусина бочонковидная голубая; одна	Стекло	
165	Обломки глазчатой темной бусины; три	Стекловидная паста	
166	Низка бус цилиндрических, светлых, из непрозрачного стекла; тридцать три	Стекло	
167	Спиральи малого диаметра из тонкой проволоки с остатками шнура в них; двадцать две	Бронза	
168	Браслет детский из толстой проволоки со сведенными концами; один	Бронза	
169	Кусок слежавшейся в несколько рядов темной шерстяной ткани с частью плетения из шерстяного шнура, обвитого спиральками и кольцами; на ткани небольшое углубление от лежащей на ней рукоятки из дерева; один	Шерсть	
170	Обрывки слежавшейся темной шерстяной ткани с отпечатками лежавших на ней спиралек	Шерсть	
171	Кусок грубой шерстяной ткани темного цвета с приставшим к ней обломком бересты; один	Шерсть, береста	
172	Часть трубки с прямоугольным отверстием на одном конце, у другого конца приставший железный обломок	Железо	

173	Обломки мелкие пластинчатые; четыре	Железо	
174	Половина бусины светлой с зеленоватым глазком; одна	Стекловидная паста	
175	Обломок предмета в виде пластинки неправильной овальной формы, с загнутыми краями; один	Железо	
176	Обломок железной пластинки; один	Железо	
177	Обломок ножа с кольцевым выступом у основания; один	Железо	
178	Обломок черенка с сохранившейся частью деревянной рукоятки; один	Железо, дерево	
179	Обломки мелкие от сосудов сероватого цвета, ручной лепки, из глины с дресвой, из них один со следами чеканного орнамента на внешней стороне; двадцать семь	Глина	
180	Обломки мелкие сосудов сероватого цвета, ручной лепки, из глины с дресвой, из них один со следами орнамента на внешней стороне; одиннадцать	Глина	
181	Обломок верха сосуда с прямым краем и частью выпуклых плечиков, желтоватого цвета, без орнамента, ручной лепки; один	Глина	
182	Обломки стенок сосудов сероватого цвета без орнамента, ручной лепки; двенадцать	Глина	
183	Обломки доньшек плоскодонных сосудов, из них три с частью стенок, сероватого цвета, ручной лепки; пять	Глина	
184	Обломок верха сосуда со слегка отогнутым краем, с насечками по срезу венчика, сероватого цвета, ручной лепки; один	Глина	
185	Обломки стенок сосудов сероватого цвета, с орнаментом из насечек на внешней стороне, ручной лепки	Глина	
186	Обломки стенок сосудов сероватого цвета, без орнамента, ручной лепки, из глины с дресвой; четыре	Глина	
187	Обломок верха сосуда с прямым краем розоватого цвета, с линейным орнаментом на внешней стороне, сделанного на гончарном круге; один	Глина	

188	Обломок верха тонкостенного сосуда желтоватого цвета, без орнамента, со слегка отогнутым краем, ручной лепки; один	Глина	
189	Обломки верха сосудов сероватого цвета, из них один от края, без орнамента, ручной лепки; три	Глина	
190	Трубка полая с остатками дерева внутри; одна	Железо	

Часть V

Материалы раскопок К. Д. Трофимова 1908—1909 гг.⁷

Курган № 1

Насыпь кургана из желтого песка с попадающимися в нем изредка угольками. Высота его 2 аршина, диаметр 12 аршинов. В основании насыпи очень тонкий слой серого песка без углей. В центре кургана на пепельном слое коническая кучка пережженных и размельченных, по-видимому человеческих, костей. Вещей среди них, а также и вообще в кургане, не встречено. На высоте 0,5 аршин, от пережженных костей, оказался череп лошади и кости, разбросанные в беспорядке вокруг черепа.

Курган № 2 (табл. СХХVI)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота 1,25 аршина, диаметр 7 аршин. Скелет на горизонте земли, и сохранность его довольно слабая. Голова обращена на восток, с лицом, обращенным вверх. Руки сложены на животе, ноги протянуты прямо. На шее ожерелье из бус из сердолика, хрусталя, стекла и композиции; при ожерелье же оказались подвески из монет и их подделок. У плеч две литые булавки с крестообразными головками. К ним прикреплялись подвески, найденные на груди и состоящие из цепей с треугольными бляхами. На правой стороне, на средней цепи — бронзовый конек; с левой стороны у груди — треугольная с прорезами бляха. На обеих руках по четыре браслета: крайние гладкие и средние витые. На пальце левой руки оказался серебряный перстень розеткой; у правой руки сбоку серп с лезвием, обращенным к костяку. На ножных костях сохранились остатки ткани, прошитой узорами из медных спиралек. Костяк женский; сверху он покрыт лубом.

Курган № 3 (табл. СХХХ)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 8 аршин. Скелет находится на горизонте земли с головою, направленною на восток,

⁷ Описание курганов воспроизводится по отчету К. Д. Трофимова (Раскопки курганов при д. Залахтовье-Кувшиново Санкт-Петербургской губернии Гдовского уезда. М., 1909), а также по его материалам к отчету, хранящимся в делах Археологической комиссии (Архив ИИМК, фонд 1, 1908: дело 32, листы 9—20 и дело 233 (листы не пронумерованы).

и лицом, обращенным влево. Длина его 2 аршина 8 вершков. Руки протянуты вдоль туловища и между правой рукой и тазом — огниво и точильный камень рядом с ним. Костяк мужской; сохранились кости черепа, рук, таза и ног.

Курган № 4

Насыпь кургана из желтого песка с темными прослойками. Высота его 1,25 аршин, диаметр 6 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленною на восток, обращенною влево. Длина скелета 2 аршина 6 вершков. Руки сложены на животе. Сохранились кости: верхняя черепная и ножные. На месте остальных костей темные прослойки. Вещей не найдено.

Курган № 5

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 6 аршин. Скелет лежит на спине, на горизонте земли, с головою, направленною на восток и обращенною вверх. Длина скелета 2 аршина 8 вершков. Руки протянуты вдоль туловища, в ногах осколки горшка выпуклой формы с орнаментом — концентрическими дорожками по наружным плечам. У правой руки следы железной вещи. Из костей сохранились: верхняя часть черепа, кости рук, ног и таза. Погребение мужчины.

Курган № 6

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на спине, на горизонте земли. Голова направлена на восток и обернута влево. Средние кости перевернуты корнями. Приблизительная длина скелета равна 2 аршинам 5 вершкам. Сохранность костей слабая. Уцелели кости: верхняя часть черепа, кости ног и одна ручная кость. Вещей никаких не найдено.

Курган № 7 (табл. СХХVIII)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 6 аршин. Скелет лежит на спине, на горизонте земли, с головою, направленною на восток и обращенною лицом кверху. Длина скелета 2 аршина 6 вершков. Руки сложены на животе. На правой руке гладкий браслет, а у правой ноги сбоку, у ступни, серп (железный), обращенный лезвием к ногам. У ступни левой ноги — тесло, лезвие которого обращено вкось по направлению к ступне. Сохранились кости: черепные, рук и ног. Костяк был покрыт сверху и с боков лубом.

Курган № 8 (табл. СХХVIII)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 6 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине; голова направлена на восток и лицо обращено вверх. Длина скелета 2 аршина 7 вершков. На руке бронзовое кольцо и у правой ноги боевой топор, обращенный лезвием в сторону. В ногах глиняный горшок выпуклой формы с орнаментом — концентрическими дорожками по плечам горшка. Сохранились кости черепная и ножная.

Курган № 9

Насыпь кургана из желтого песка с темными прослойками. Высота его 1,5 аршин, диаметр 4 аршина. Курган был обложен камнями по окружности у подо-

швы; от этих камней остались лишь следы. Сам курган находился около дороги, обсыпался. Череп не найден. Сохранились только кости ног и таза. Погребение мужское. Вещей не найдено.

Курган № 10

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 7 аршин. По всему основанию кургана тонкий пепельный слой, и на нем, в центре кургана, кучка пережженных костей, размельченных на мелкие части. Вещей никаких не найдено.

Курган № 11 (табл. СХХVII)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обернута вправо. Приблизительная длина скелета 2 аршина 6 вершков. Между левой рукой и тазом — неизвестная железная вещь, представляющая железный стержень с кольцом. У левой ноги боевой топор, обращенный лезвием наружу, и копьё. В ногах глиняный горшок с орнаментом концентрическими дорожками. Сохранность костей очень слабая. Уцелела только черепная крышка. На местах же недостающих костей черные прослойки.

Курган № 12

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обернута влево. Длина скелета 2 аршина 4 вершка. Руки сложены на животе. Сохранились кости: черепа, рук, таза и ног. Сверху костяк покрыт лубом. Вещей не найдено.

Курган № 13

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 6 аршин. В основании кургана едва заметный пепельный слой. На нем в центре коническая кучка пережженных костей, по-видимому, человека; высота кучки 0,25 вершка. Вещей никаких не найдено.

Курган № 14

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленною на восток и обращенною влево. Руки протянуты вдоль туловища. Длина скелета 2 аршина 4 вершка. Сохранились кости: верхняя часть черепа, кости рук и ног. Череп оказался пробитым каким-то острым орудием слева, наискось от темени к виску. Костяк сверху и с боков покрыт берестой. Вещей не найдено.

Курган № 15 (табл. СХХVII)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова обращена на восток и обернута влево. Длина скелета 2 аршина 9 вершков. Левая рука протянута вдоль туловища, а правая положена на живот. На левой руке у кисти гладкий браслет и кольцо с завитками. У левой ноги, у колена, боевой топор лезвием наружу.

У правой ноги, у ступни, копьё с серебряным украшением на туле. В ногах глиняный горшок с орнаментом концентрическими дорожками. Сохранились кости: верхняя часть черепа, кости рук, таза и ног. Костяк мужской.

Курган № 16 (табл. СХХVIII)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 4 аршина. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, обращенной на восток и обернутой влево. Длина скелета 2 аршина 5 вершков. Руки протянуты вдоль туловища. На левой руке браслет и кольцо. У ступни правой ноги боевой топор и копьё. В ногах глиняный горшок с орнаментом концентрическими дорожками. Сохранились кости: черепа, локтевые и ножные. Костяк был покрыт сверху и с боков досками.

Курган № 17

Насыпь кургана из желтого песка с темными прослойками. Высота его 1,5 аршин, диаметр 7 аршин. В основании кургана очень тонкий слой пепла, и на нем, в центре кургана, кучка пепла и кальцинированных костей человека. Вещей никаких не найдено.

Курган № 18

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Все кости перевернуты корнями. Вещей не найдено.

Курган № 19

Насыпь кургана из желтого песка с темными прослойками. Высота его 1,25 аршин, диаметр 6 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленною на восток и обернутой влево. Руки сложены на животе. Сохранились кости: верхняя часть черепа, таза, рук и ног. Костяк сверху и с боков покрыт берестой. Вещей не найдено.

Курган № 20 (табл. СХХIX)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 4 аршина. Скелет лежит на спине, на горизонте земли; голова обращена на восток и обернута влево. Длина скелета 2 аршина 5 вершков. Сохранились кости: черепа, рук и ног. На местах недостающих костей темные прослойки. Левая рука на животе, правая вдоль туловища. На шее стеклянные золоченые бусы. На правой части таза пряжка. В ногах оказалась коса, а у левой ноги, у ступни, тесло, обращенное лезвием вверх. Череп был весь покрыт медной окисью. Костяк обложен кругом деревом.

Курган № 21 (табл. СХХIX)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 7 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленной на восток и обращенной влево. Руки протянуты вдоль туловища. На животе найдена ткань, расшитая медными спиральками. У правой ноги тесло и коса, обращенная лезвием к скелету. В ногах черепки горшка из красной глины с волнистым орнаментом. Сохранились кости: черепа, рук, и ног.

Курган № 22

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Положение костяка не определено, так как он сохранился весьма плохо и перевернут корнями. Заметны следы бересты, покрывавшей скелет. Вещей не найдено.

Курган № 23 (табл. СХХIX)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 0,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обращена кверху. Длина скелета 2 аршина 5 вершков. Руки сложены на животе. На шее стеклянные золоченые бусы, а также подвеска из монет. У правой ноги тесло, обращенное лезвием к ступне. На костях ног остатки ткани, расшитой медными спиральками. У черепа найдены волосы каштанового цвета. Сохранились кости: верхней части черепа, рук, таза и ног. Скелет был покрыт берестой. Погребение женское.

Курган № 24

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 6 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленной на восток и обращенной влево. Приблизительная длина костяка 2 аршина 7 вершков. Сохранились кости: черепа и голеней; от остальных не осталось ничего вследствие большого количества корней. Вещей не найдено.

Курган № 25 (табл. СХХХ)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленной на восток и обернутой влево. Длина скелета 2 аршина 9 вершков. Руки сложены на животе. У левой руки кольцо. У правой ноги копье, направленное острием к следу. В ногах горшок глиняный с орнаментом концентрическими дорожками. С левой стороны черепа серьга. Сохранились кости: верхней части черепа, рук, таза и ног. Костяк мужской.

Курган № 26 (табл. СХХХ)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 7 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обращена влево. Длина скелета 2 аршина 4 вершка. Руки сложены на животе. У правого бока найдена пряжка. Сохранились кости: черепа, рук и ног. Скелет с боков и сверху был обложен лубом.

Курган № 27

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Не найдено ничего.

Курган № 28

Насыпь кургана из желтого песка с темными прослойками. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет положен на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обернута вправо. Длина скелета 2 аршина 6 вер-

шков. У правой ноги следы железной вещи. Сохранились кости: черепа, рук, таза и ног. Костяк был покрыт берестой. Погребение мужское.

Курган № 29 (табл. СХХХ)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 7 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленной на восток и обращенной влево. Длина костяка 2 аршина 5 вершков. Руки сложены на животе. На левой — гладкий браслет; у правой ноги топор, обращенный лезвием наружу. В ногах глиняный горшок с орнаментом концентрическими дорожками. Сохранились кости: черепа, локтевые, таза и ног. Костяк с боков и сверху покрыт берестой.

Курган № 30 (табл. СХХХ)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 6 аршин. От скелета найдены только кости ног; остальные же не могли быть исследованы из-за корней. С правой стороны найдена пряжка.

Курган № 31

Насыпь кургана из желтого песка с изредка попадающимися угольками. Высота его 2 аршина, диаметр 12 аршин. В основании кургана слой пепла 0,5 вершка толщиной, и на нем в центре кучка пережженных костей, пепла и углей. Над этой кучкой кости животного и, судя по черепу, лошади, разбросанные в беспорядке. Вещей никаких не найдено.

Курган № 32 (табл. СХХХ)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленной на восток и обращенной вправо. Длина скелета 2 аршина 6 вершков. Руки сложены на животе. На левой руке гладкий браслет. На животе пряжка, а на груди цепочка с булавками. У правой ноги следы железной вещи. На ногах остатки ткани, расшитой медными спиральками. Сохранились кости: черепа, рук и ног. Скелет был покрыт лубом.

Курган № 33

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Не найдено ничего.

Курган № 34

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обращена влево. Длина скелета 2 аршина 7 вершков. Руки сложены на животе. Сохранились кости: черепа, рук, таза и ног. Вещей не найдено.

Курган № 35 (табл. СХХХ)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленной на восток и обращенной влево. Длина скелета 2 аршина 4 вершка. Руки протянуты вдоль

туловища. У правой ноги острием к ступне — копые. В ногах осколки глиняного горшка. Сохранились кости: черепа, таза, рук и ног. Костяк мужской.

Курган № 36

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Вещей не найдено. Все кости перевернуты корнями. Сохранился череп и кости ног.

Курган № 37 (табл. СХХХI; СХХХII)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Погребение женское. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток, лицо обращено вверх. Длина костяка 2 аршина 6 вершков. Сохранились кости: верхняя часть головы, кости таза, рук и ног. Руки сложены на животе. На груди найдены подвески с двумя цепями и у плеч булавки литые с крестообразными головками. На каждой руке по два браслета, по широкому и узкому. На левой руке, выше локтя, браслет спиральный. На шее витая бронзовая шейная гривна. Кроме того, на шее же найдены бусы и около них подвеска. На груди фибула и около нее булавка с двойной цепочкой. На пальцах обеих рук по спиральному кольцу. У левого бока ножны без ножа. Ножные кости покрыты остатками ткани, изукрашенной проволочными спиральками. Костяк сверху и с боков обложен досками. В ногах положен серп, обращенный лезвием к костяку.

Курган № 38

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 4 аршина. По всему основанию кургана едва заметный слой пепла. В центре кургана на пепле кучка пережженных костей. Вещей никаких не найдено.

Курган № 39

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Костяк лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обращена вверх. Длина костяка 2 аршина 6 вершков. Сохранились кости: черепа и ног. На местах недостающих костей черные прослойки. Костяк был покрыт берестой. Вещей не найдено.

Курган № 40

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 6 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обращена влево. Длина скелета 2 аршина 5 вершков. Руки протянуты вдоль туловища. У правой ноги маленький боевой топор, а у левой неизвестная железная вещь, состоящая из железного стержня с железным же кольцом. В ногах глиняный горшок с орнаментом концентрическими дорожками. Сохранились кости: черепа, рук и ног.

Курган № 41

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 4 аршина. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова обращена на восток и повер-

нута влево. Длина скелета 2 аршина 6 вершков. Руки сложены на животе. Сохранились кости: черепа, таза, рук и ног. Костяк мужской. Вещей не найдено.

Курган № 42

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 6 аршин. Не найдено ничего.

Курган № 43

Насыпь кургана из желтого песка с темными прослойками. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленной на восток и повернутой влево. Длина скелета 2 аршина 7 вершков. Руки сложены на животе. Сохранились кости: черепа, рук и ног. Вещей не найдено.

Курган № 44 (табл. СXXXIV)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 4 аршина. Скелет положен на горизонте земли, но положение его определено быть не могло, так как все кости перевернуты корнями. Найдены три витых браслета.

Курган № 45

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Длина скелета 2 аршина 7 вершков. Руки сложены на животе. Сохранились кости: черепа, таза, рук и ног. Костяк мужской, сверху и с боков он покрыт берестой. Вещей не найдено.

Курган № 46 (табл. СXXXIV)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 6 аршин. Скелет лежит на спине, на горизонте земли. Голова направлена на восток и обращена вверх. Обнаружена только верхняя часть костяка, остальное не могло быть исследовано по причине большого количества корней. На груди найдена пряжка, подвеска в виде колокольчика, булавка с цепочкой и пряслице.

Курган № 47 (табл. СXXXIV)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 6 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленной на восток и обращенной вверх. Длина скелета 2 аршина 5 вершков. Руки сложены на животе. На правой руке гладкий браслет. В ногах глиняный горшок (осколки). Сохранились кости: черепа, рук и ног.

Курган № 48

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Найдены только кости ног, так как на кургане растет дерево и до остальных костей не было возможности добраться.

Курган № 49 (табл. СXXXIV)

Насыпь кургана из желтого песка с темными прослойками. Высота его 1,5 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет на горизонте земли, на спине. Голова направлена

на восток и обращена вправо. Руки протянуты вдоль туловища. Длина скелета 2 аршина 6 вершков. На груди пряжка. Сохранились остатки ткани, расшитой медными спиральками. Сохранились кости: черепа, локтей и ног. Костяк покрыт берестой.

Курган № 50 (табл. СXXX)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 6 аршин. Найдены два браслета. Положение костяка не могло быть определено из-за растущих на кургане деревьев.

Курган № 51

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 6 аршин. Ничего не найдено. Положение костяка не могло быть определено из-за растущих на кургане деревьев.

Курган № 52

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 4 аршина. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и влево. Руки сложены на животе. Длина костяка 2 аршина 6 вершков. Сохранились кости: черепа, таза, рук и ног. Костяк мужской, сверху покрыт берестой. Вещей не найдено.

Курган № 53 (табл. СXXXIII)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обращена влево. Руки сложены на животе. Длина скелета 2 аршина 5 вершков. На груди найдены 2 бляхи с цепями. Там же — булавка с крестообразной головкой. На животе пряжка. У левого бока ножны. На шее оказались подвески из монет. С левой стороны костяка — игольник. На ногах и под ними оказалась ткань — толстая и тонкая; как та, так и другая прошиты медными спиральками. Сохранились кости: черепа, рук и ног. Сверху и с боков костяк был обложен деревом.

Курган № 54

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 7 аршин. По всему основанию кургана тонкий слой пепла, а на нем в центре кучка пережженных костей. Вещей нет.

Курган № 55

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 4 аршина. Не найдено ничего.

Курган № 56

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине, с головою, направленной на восток и обращенной вверх. Длина скелета 2 аршина 6 вершков. Руки сложены на животе. У левой ноги следы железа; в ногах глиняный горшок. Сохранились кости: черепа, рук и ног.

Курган № 57 (табл. СXXXII)

Насыпь кургана из желтого песка с темными прослойками. Высота его 1,5 аршин, диаметр 5 аршин. Костяк лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обращена вверх. Длина скелета 2 аршина 4 вершка. Руки сложены на животе. На груди цепь. На руках — по гладкому и витому браслету. Около груди пряжка. На пальце правой руки кольцо. На груди булавка. Сохранились кости: черепа, рук и ног.

Курган № 58

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 6 аршин. Положение скелета определено быть не могло, так как кости перевернуты корнями. Вещей не найдено.

Курган № 59 (табл. СXXXIV)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 4 аршина. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Длина скелета 2 аршина 5 вершков. Голова направлена на восток и повернута вправо. Руки протянуты вдоль туловища. На правой руке найден браслет. Сохранились кости: черепа, рук и ног.

Курган № 60

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. В насыпи попадались угольки и кусочки пережженных костей. Пепельного слоя нет. Вещей не найдено.

Курган № 61

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Положение костяка определено быть не могло, так как кости перевернуты корнями. Вещей не найдено.

Курган № 62

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 4 аршина. Положение костяка определено быть не могло, так как кости перевернуты корнями. Вещей не найдено.

Курган № 63

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обращена вправо. Длина скелета 2 аршина 6 вершков. Руки протянуты вдоль туловища. В ногах глиняный горшок. Сохранились кости: черепа, рук и ног. Костяк покрыт лубом.

Курган № 64 (табл. СXXXIV)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 7 аршин. Положение костяка не определено, так как кости перевернуты корнями. Найдено 2 витых браслета.

Курган № 65

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. По всему основанию кургана тонкий слой пепла, а в центре кургана, на пепельном слое, кучка пережженных костей. В насыпи кургана заметны темные прослойки. Вещей никаких не найдено.

Курган № 66

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,25 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, на спине. Голова направлена на восток и обращена вверх. Руки сложены на животе. Сохранились кости: черепа, рук и ног. Вещей не найдено.

Курган № 67 (табл. СХХVIII)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 6 аршин. Положение скелета определено быть не могло, так как на кургане растут деревья. Найдены 2 гладких кольца.

Курган № 68

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Сохранность костяка очень слабая. Лежит на грунте головой на восток. Вещей не найдено.

Курган № 69

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1 аршин, диаметр 5 аршин. Сохранность костяка очень слабая. Лежит на грунте головой на восток. Вещей не найдено.

Курган № 70 (табл. СХХХIV)

Насыпь кургана из желтого песка. Высота его 1,5 аршин, диаметр 5 аршин. Скелет лежит на горизонте земли, с головою, обращенной на восток и повернутой вправо. Длина скелета 2 аршина 6 вершков. Руки сложены на животе. На правой руке браслет. На груди булавка со спиральными завитками. Сохранились кости: черепа, рук и ног.

Курган № 71

Насыпь из желтого песка диаметром 5 аршин, высотой 0,5 аршин. На горизонте земли, на спине, костяк головой на восток, лицом вверх, руки сложены в плоскости живота. На правой руке браслет. С левого бока найдена небольшая пряжка с медным проволочным колечком на ней. В ногах горшок из глины с орнаментом параллельными дорожками.

Курган № 72

Насыпь из желтого песка, высота 0,75 аршин, диаметр 6 аршин. Положение костяка то же, что и в кургане № 71. На пальцах рук найдены 2 широких перстня со спиральными завитками на концах. На груди пряжка также со спиральными завитками на концах. В ногах поставлен горшок из глины с орна-

ментом параллельными линиями. На животе остатки ткани с проволочными спиральками. В горшке было небольшое количество мелкого угля и какие-то органические прослойки. Кругом костяка заметны следы истлевшего гробовища из досок.

Курган № 73

Насыпь из желтого песка, высота 0,75 аршин, диаметр 5 аршин. Положение костяка то же, что и в кургане № 71. С правого бока у голени железный топор, у бедра огниво с бубенчиком, прикрепленным к проволочкам, и в ногах глиняный горшок с орнаментом параллельными дорожками.

Курган № 74

Насыпь из желтого песка, высота 0,75 аршин, диаметр 6 аршин. Положение костяка, как и в кургане № 71. На левой руке широкий браслет с расширенными концами и с орнаментом. С правого бока пряслице (у бедра); на груди пряжка бронзовая с четырехгранными утолщениями на концах и звенья от проволочной цепи. На пальцах левой руки кольцо со спиральными завитками. С правого бока обделанная медью кожа, вероятно от ножен, и медная орнаментированная пластинка с двумя круглыми отверстиями по краям.

Курган № 75

Насыпь из желтого песка, высота 0,75 аршин, диаметр 6 аршин. Положение костяка то же, что и в кургане № 71. У правой голени топор. На правой руке у кисти браслет, а на пальце спиральное кольцо из медной проволоки. 2 круглых спаянных кольца лежали сбоку костяка.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин, Пушкина 1989 — *Авдусин Д. А., Пушкина Т. А.* Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 190—205.
- Айбабин 1998 — *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. 1998.
- Аксенов, Бабенко 1998 — *Аксенов В. С., Бабенко Л. И.* Погребение VI—VII веков н. э. у села Мохнач // РА № 3: 111—122.
- Аристэ 1947 — *Аристэ П. А.* Происхождение водского языка // Ученые записки Тартуского гос. университета. Филологические науки. [Вып] 4. Тарту, 1947. С. 35 и сл.
- Артемьев 1991 — *Артемьев А. Р.* О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М., 1991. С. 183—197.
- Артемьев 1998 — *Артемьев А. Р.* Скрамасакс из Псковского некрополя X — начала XI в. // Археологические вести. № 5: СПб., 1998. С. 228—232.
- Археология 1985 — Археология Украинской ССР. Т. I. Киев, 1985.
- Арциховский — *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
- Асотское городище 1961 — Асотское городище. Рига, 1961.
- Аун 1975 — *Аун М. Э.* Селище Кививаре в Валгаском районе // Известия АН ЭССР. № 24/1. Таллин, 1975. С. 81—84.
- Аун 1976 — *Аун М. Э.* Лепная керамика городищ и селищ юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. // Известия АН ЭССР. № 25/4. Таллин, 1976. С. 343—361.
- Аун 1980 — *Аун М. Э.* Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. Таллин, 1980.
- Аун 1992 — *Аун М. Э.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в юго-восточной Эстонии. Таллин, 1992.
- Ахмеров 1955 — *Ахмеров Р. Б.* Могильник близ г. Стерлитамака // СА. Т. XXII. 1955. С. 153—176.
- Бажан, Кагапольцев 1986 — *Бажан И. А., Кагапольцев С. Ю.* Хронология В-образных рифленых пряжек в Европе (К проблеме нижней датировки длинных курганов) // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 129—135.
- Бажан, Кагапольцев 1989 — *Бажан И. А., Кагапольцев С. Ю.* В-образные рифленые пряжки в Европе как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198. 1989. С. 28—35.
- Башенькин 1985 — *Башенькин А. Н.* Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 77—81.
- Башенькин 1988 — *Башенькин А. Н.* Работы Северорусской экспедиции // Археологические открытия 1986 года. М., 1988. С. 10—12.

- Башенькин 1990 — *Башенькин А. Н.* К вопросу о сложении погребального обряда культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. [Вып.] 3. Новгород, 1990. С. 48—50.
- Башенькин 1992 — *Башенькин А. Н.* Сопки и длинные курганы в юго-западном Белозерье // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура / Материалы по археологии России. Вып. 1. М., 1990. С. 11—15.
- Башенькин 1995 — *Башенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995. С. 3—29.
- Башенькин 1996 — *Башенькин А. Н.* Работы Северорусской экспедиции // АО—1995. М., 1996. С. 27—28.
- Беленькая 1976 — *Беленькая Д. А.* Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4. 1976. С. 88—99.
- Белецкий 1977 — *Белецкий С. В.* Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 150. 1977. С. 92—95.
- Белецкий 1983 — *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 46—80.
- Бессарабова 1973 — *Бессарабова З. Д.* Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 15. 1973. С. 65—82.
- Богуславский 1995 — *Богуславский О. И.* Раскопки могильника Яглино // Археологические открытия 1994 года. М., 1995. С. 22—23.
- Бранденбург 1985 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья // МАР. № 18. СПб., 1985.
- Булкин, Дубов, Лебедев 1978 — *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978.
- Вайткусене 1980 — *Вайткусене Л.* К вопросу о балто-славянских культурных отношениях в IX—XIII веках // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. T. 2. Bratislava, 1980. P. 461—469.
- Висковатов 1891 — *Висковатов П. А.* Тюрсельские раскопки (Неосновательность теории о «корабельных могилах» в прибалтийском крае) // Труды VII археологического съезда в Ярославле. Т. 2. М., 1891. С. 199—207.
- Висковатов 1894 — *Висковатов П. А.* Пюхтецкое древнее кладбище // Труды Эстляндского губернского статистического комитета IX. «Временник Эстляндской губернии». Кн. 1. Ревель, 1893. С. 237—244.
- Волкайте-Куликаусене 1966 — *Волкайте-Куликаусене Р.* О весах и весовой системе в Литве в эпоху раннего феодализма // Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn, 1966. S. 216—222.
- Гаген-Торн 1960 — *Гаген-Торн Н.* Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.
- Генинг 1977 — *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. № 4. 1977. С. 53—73.
- Голдина, Королева 1983 — *Голдина Р. Д., Королева О. П.* Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 40—71.
- Голубева 1965 — *Голубева Л. А.* К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 257—260.
- Голубева 1971 — *Голубева Л. А.* Назначение железных игл с кольцами // СА. № 4. 1971. С. 114—126.
- Голубева 1973 — *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973.

- Голубева 1997 — *Голубева Л. А.* Поволжские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. 1997. С. 67—92, 97—107.
- Горюнова, Овсянников 2002 — *Горюнова В. М., Овсянников О. В.* Клад конца X — начала XIII в. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского п-ова) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 211—220.
- Горюнова 1954 — *Горюнова Е. И.* Мерянский могильник на Рыбинском море // КСИИМК. 54. 1954. С. 153—163.
- Горюнова 1961 — *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. 94. 1961.
- Гроздилов 1965 — *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 7. Л., 1965. С. 65—88.
- Давидан 1962 — *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 4. Л., 1962. С. 94—108.
- Давидан 1987 — *Давидан О. И.* Весовые гири Старой Ладоги // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 28. Л., 1987. С. 119—126.
- Дубынин 1974 — *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974. С. 198—281.
- Ефимова 1966 — *Ефимова Л. В.* Ткани из финно-угорских могильников I тысячелетия н. э. // КСИА. 107. 1966. С. 127—134.
- Жиганов 1963 — *Жиганов М. Ф.* Из истории хозяйства мордвы в XIII—XVI вв. // Исследования по материальной культуре мордовского народа. Т. II. Труды института этнографии 86. М., 1963. С. 5—76.
- Журжалина 1961 — *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. № 2. 1961. С. 122—140.
- Зайцева 1999 — *Зайцева И. Е.* Наборный пояс из могильника Минино II на Кубенском озере // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1999. С. 277—287.
- Зайцева 2001 — *Зайцева И. Е.* Цветной металл. Украшения. Ювелирные мастерские // Кубенское озеро: Взгляд сквозь тысячелетия. Вологда: «Древности». 2001. С. 23—28.
- Зариня 1959 — *Зариня А. Э.* Одежда латгалов по материалам археологических раскопок последних лет // Вопросы этнической истории народов Прибалтики I. М., 1959. С. 510—522.
- Зариня 1960 — *Зариня А. Э.* Виллайне латгалов VII—XIII вв. // СА. № 3. 1960. С. 203—216.
- Зариня 1980 — *Зариня А. Э.* Некоторые общие с ливами элементы украшения одежды латгалов и селов XII—XIII вв. // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980. С. 125—131.
- Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Иванов 1998 — *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: Конец V — первая половина XIII вв. Ижевск, 1998.
- Ильинская, Тереножкин 1983 — *Ильинская В. А. Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983.
- Исланова 1989 — *Исланова И. В.* Субстратные традиции в элементах погребального обряда Федовского могильника // КСИА. 198. 1989. С. 84—89.
- Исланова 1997 — *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.
- История Эстонской ССР. Т. 1. Таллин, 1961.
- Казаков 2000 — *Казаков Е. П.* Измери — главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X—XI вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории (11—14 мая 1999 г. Пушкинские горы). СПб., 2000. С. 87—99.
- Казанский 1999 — *Казанский М. М.* О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // Археологические вести 6. СПб., 1999. С. 404—419.

- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие // САИ, вып. Е 1—36, т. 1. М.; Л., 1966.
- Кирпичников 1966-а — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие // САИ, вып. Е 1—36, т. 2. М.; Л., 1966.
- Кирпичников 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие // САИ, вып. Е 1—36, т. 3. Л., 1971.
- Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ, вып. Е 1—36. Л., 1973.
- Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189—291.
- Киселев 1949 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.; Л., 1949.
- Колчин 1959 — *Колчин Б. А.* Железнообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959. С. 7—120.
- Колчин 1963 — *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода // МИА. № 117. М., 1959. С. 5—103.
- Колчин 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156—177.
- Колчин 1985 — *Колчин Б. А.* Ремесло // Археология СССР. Древняя Русь (город, замок, село). М., 1985. С. 243—297.
- Колчин, Черных 1977 — *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.
- Конечкий 1982 — *Конечкий В. Я.* Об ориентировке погребенных в Федовском могильнике // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 74—77.
- Конечкий 1984 — *Конечкий В. Я.* Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- Конечкий 1989 — *Конечкий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Вып 3 (13). Л., 1989. С. 1—19.
- Конечкий 1990 — *Конечкий В. Я.* О роли христианства в эволюции погребального обряда населения Новгородской земли в эпоху средневековья (по данным археологии) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 76—78.
- Конечкий, Носов 1995 — *Конечкий В. Я., Носов Е. Н.* К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Проблемы истории северо-запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. 1995. С. 29—54.
- Конечкий, Носов, Хвоцинская 1984 — *Конечкий В. Я., Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 161—167.
- Корзухина, Давидан 1969 — *Корзухина Г. Ф., Давидан О. И.* Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладogi // АО—1968. М., 1969. С. 16—17.
- Косарев 1987 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. 1987. С. 248—314.
- Кочуркина 1973 — *Кочуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.
- Кочуркина 1982 — *Кочуркина С. И.* Древняя Корея. Л., 1982.
- Кравченко 1974 — *Кравченко Т. А.* Шатришенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 116—183.
- Краснов Ю., Краснов Н. 1978 — *Краснов Ю. А., Краснов Н. А.* Погребальные сооружения на городищах «дыякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 152—156.

- Кудряшов 1913 — *Кудряшов К. В.* Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // ЗОРСА. Т. IX. СПб., 1913. С. 255—263.
- Куза 1968 — *Куза А. В.* Кто был наследником Остромира в Новгороде? // Славяне и Русь. М., 1968. С. 298—304.
- Кустин 1967 — *Кустин А. Э.* Археологические памятники начала II тысячелетия н. э. на островах Сааремаа и Муху // СА. № 1. 1967. С. 176—186.
- Лави 1978 — *Лави А.* Исследование погребальных памятников в Лакепера // АО—1977. М., 1978. С. 458—459.
- Лави 1983 — *Лави А.* О раскопках в Раатвере // АО—1981. М., 1983. С. 392.
- Лави 1984 — *Лави А.* Об исследованиях в Раатвере // АО—1982. М., 1984. С. 406.
- Лаул 1971 — *Лаул С. К.* Об этнической принадлежности длинных и круглых курганов в юго-восточной Эстонии // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки 3. Таллин, 1971. С. 319—329.
- Лаул 1978 — *Лаул С. К.* Раскопки Линдораского курганного могильника // АО—1977. М., 1978. С. 459.
- Лаул 1978-а — *Лаул С. К.* Исследования курганов позднего железного века в Линдора // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки 4. Таллин, 1978. С. 344—349.
- Лаул 1981 — *Лаул С. К.* Раскопки курганного могильника у д. Сиксяли // АО—1980. М., 1981. С. 380.
- Лаул 1985 — *Лаул С. К.* Раскопки поселения и могильника в Сиксали // АО—1983. М., 1985. С. 450.
- Лаул 1986 — *Лаул С. К.* Одежда эстонцев I—XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 190—207.
- Лебедев 1977 — *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.
- Левашева 1956 — *Левашева В. П.* Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 32. М., 1956. С. 19—105.
- Левашева 1967 — *Левашева В. П.* Браслеты // Очерки русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 207—252.
- Левинсон-Нечаева 1959 — *Левинсон-Нечаева М. Н.* Ткачество // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 9—37.
- Леонтьев 1996 — *Леонтьев А. Е.* Археология мери (К предыстории Северо-Восточной Руси). М., 1996.
- Лесман 1981 — *Лесман Ю. М.* О сидячих погребениях в древнерусских могильниках // КСИА. Вып. 164. 1981. С. 52—58.
- Лесман 1981-а — *Лесман Ю. М.* К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА. Вып. 166. 1981. С. 98—103.
- Лесман 1984 — *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгорода (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С. 118—133.
- Лиги 1982 — *Лиги П. Х.* Об исследовании водских курганов в Йьуга // Известия АН ЭССР 31/4. Таллин, 1982. С. 384—387..
- Лиги 1987 — *Лиги П. Х.* Водский этнический элемент на территории Эстонии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Лехтосало-Хиландер 1992 — *Лехтосало-Хиландер П.-Л.* Погребения по обряду ингумации в Финляндии // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16—22 мая 1986 г. СПб., 1992. С. 95—100.
- Люцинский могильник 1893 — Люцинский могильник. МАР № 14. СПб., 1983.
- Ляпушкин 1968 — *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. МИА. № 152. Л.

- Львова 1968 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладogi // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 10. Л., 1968. С. 64—94.
- Макаров 1990 — *Макаров Н. А.* Население русского Севера в XI—XII вв. М., 1990.
- Макаров 1991 — *Макаров Н. А.* К оценке христианизации древнерусской деревни в XI—XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. Вып. 205. 1991. С. 11—21.
- Макаров 1997 — *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII вв. (По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья). М., 1997.
- Макаров, Захаров, Бужилова 2001 — *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
- Макушников 2002 — *Макушников О. А.* Восточнославянский горизонт селища Нисимковичи II в Посожье // Гістарычна-археалагічны зборник № 17. Мінск, 2002. С. 165—174.
- Мальм 1956 — *Мальм В. А.* Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 32. М., 1956. С. 106—138.
- Мальм 1967 — *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застезки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 149—208.
- Мальм, Фехнер 1967 — *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 133—148.
- Милюков 1995 — *Милюков В. В.* Нетипичные элементы в средневековой погребальной обрядности Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 82—91.
- Минасян 1980 — *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья (К вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 21. Л., 1980. С. 68—74.
- Михайлов 1996 — *Михайлов К. А.* Южноскандинавские черты в погребальном обряде плаунского могильника // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 52—60.
- Михайлов, Соболев 2000 — *Михайлов К. А., Соболев В. Ю.* Новгородские набортные пояса XI—XII вв. // Археологические вести 7. СПб., 2000. С. 222—228.
- Медведев 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959. С. 121—191.
- Мельник 1901 — *Мельник Е. Н.* Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг. // Труды XI Археологического съезда. Т. 1. 1901. С. 479—576.
- Мельников-Печерский 1876 — *Мельников-Печерский П. И.* Очерки мордвы. М., 1876.
- Моора 1956 — *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 49—141.
- Моора 1960 — *Моора Х. А.* Из истории развития эстонской народной одежды // Эстонская народная одежда XIX и начала XX века. Таллин, 1960.
- Моця 1987 — *Моця А. П.* Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. Киев, 1987.
- Моця 1993 — *Моця О. П.* Населення південно-руських земель IX—XIII ст. Київ, 1993.
- Мугуревич 1965 — *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.
- Мурашева 1998 — *Мурашева В. В.* Наборные пояса Гнездова (проблемы реконструкции) // VI Международный конгресс славянской археологии. Новгород 26—31 августа 1998 г. М., 1998. С. 252—257.
- Мусин 1997 — *Мусин А. Е.* Христианские древности средневековой Руси IX—XIII вв. (По материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

- Мусин 2001 — *Мусин А. Е.* Становление церкви на Руси в IX—XIV веках. Средневековая русская христианская культура. Историко-археологическое исследование. Серия: Российские исследования в гуманитарных науках, т. 17. Lewiston-Queenston-Lampeter. 2001.
- Назаренко 1979 — *Назаренко В. А.* Об этнической принадлежности Приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Л., 1979. С. 152—156.
- Назаренко 1985 — *Назаренко В. А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 156—169.
- Назаренко 1987 — *Назаренко В. А.* Находка «домика мертвых» в Приладожье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль, 1987). М., 1987. С. 181.
- Назаренко В., Назаренко Ю. 1988 — *Назаренко В. А., Назаренко Ю. А.* «Домики мертвых» и погребальная обрядность Приладожской чуди (Некоторые аспекты ее представлений о загробном мире) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1988. С. 38—41.
- Назаренко, Овсянников, Рябинин 1990 — *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Чудь Заволочская // Финны в Европе. VI—XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2. 1990. С. 93—101.
- Назарова 2001 — *Назарова Е. Л.* Заметки к истории похода на Чудь 1054 г. // Нормы и источника Судьбы. М., 2001. С. 282—288.
- Насонов 1951 — *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Нахлик 1963 — *Нахлик А.* Ткани Новгорода // МИА. № 123. 1951. С. 228—312.
- Недошивина 1963 — *Недошивина Н. Г.* Торговый инвентарь // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 71—74.
- Недошивина 1963-а — *Недошивина Н. Г.* Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 51—54.
- Недошивина 1967 — *Недошивина Н. Г.* Перстни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., С. 253—274.
- Нидерле 1956 — *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
- Носов 1981 — *Носов Е. Н.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 66. 1981. С. 66—68.
- Носов 1981-а — *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. № 1. 1981. С. 42—56.
- Носов 1984 — *Носов Е. Н.* К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. Вып. 179. 1984. С. 11—17.
- Носов 1992 — *Носов Е. Н.* Новгородская земля IX—XI вв. (Историко-археологический очерк). Автореф. дис. ... док. ист. наук. Л., 1992.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.- Л., 1950.
- Нукшинский могильник 1957 — Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, I. Рига, 1957.
- Овсянников 1985 — *Овсянников О. В.* Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада. Л., 1985. С. 84—88.
- Орлов 1968 — *Орлов С. Н.* Археологические исследования в низовьях реки Мсты // СА. № 2. 1968. С. 166—167.
- Павлова 1969 — *Павлова К. В.* Об одном типе височных колец древнего Новогрудка // КСИА. Вып. 120. 1969. С. 120—121.
- Павлова 1974 — *Павлова К. В.* Могильники у деревень Мольнич и Сулятичи // КСИА. Вып. 139. 1974. С. 59—68.

- Пашуто 1965 — *Пашуто В. Т.* Особенности структуры Древнерусского государства // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черетин Л. В., Шушарин В. П., Щанов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 77—127.
- Пашуто 1972 — *Пашуто В. Т.* Страны Прибалтийского региона // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черетин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 252—301.
- Петренко 1994 — *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.
- Попов 1973 — *Попов А. И.* Названия народов СССР. Введение в этноимику. Л., 1973.
- ПСРЛ, т. 1 — Полное собр. русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926.
- ПСРЛ, т. 2 — Полное собр. русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908. (М., 1962.).
- ПСРЛ, т. 4, ч. 1 — Полное собр. русских летописей. Т. 4, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Петроград, 1915.
- ПСРЛ, т. 4, ч. 2 — Полное собр. русских летописей. Т. 4, ч. 2. Новгородская пятая летопись. Вып. 1. Петроград, 1917.
- ПСРЛ, т. 5 — Полное собр. русских летописей. Т. 5. Софийская первая летопись. Вып. 1. Л., 1925.
- ПСРЛ, т. 7 — Полное собр. русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
- Попов 1989 — *Попов С. Г.* Городище Сторожинец // КСИА. Вып. 198. 1989. С. 45—56.
- Путешествие 1938 — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Перевод и комментарии под редакцией И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1938.
- Равдоникас 1934 — *Равдоникас В. И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. Известия ГАИМК. Вып. 94. 1934.
- Радиньш 1987 — *Радиньш А. А.* Новые данные о курганном обряде на территории латгалов в первой половине II тысячелетия н. э. (По материалам Резекненского р-на) // КСИА. Вып. 190. 1987. С. 80—83.
- Рафалович 1986 — *Рафалович И. А.* Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. Кишинев, 1986.
- Розенфельд 1974 — *Розенфельд И. Р.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 90—197.
- Розенфельд 1960 — *Розенфельд Р. Л.* О конструкции и назначении некоторых железных изделий // СА. № 2. 1960. С. 276—279.
- Розенфельд 1987 — *Розенфельд Р. Л.* Прикамские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. 1987. С. 116—153.
- Рыбакоў 1932 — *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы. Минск, 1932.
- Рыбаков 1987 — *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Рябинин — *Рябинин Е. А.* Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли // КСИА. Вып. 139. С. 23—26.
- Рябинин 1981 — *Рябинин Е. А.* Раскопки могильника у д. Теглицы // Археологические открытия за 1980. М., 1981. С. 28—29.
- Рябинин 1981-а — *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. // САИ, вып. Е 1—60. Л., 1981.
- Рябинин 1983 — *Рябинин Е. А.* О развитии погребального обряда на северо-западе Новгородской земли // КСИА. Вып. 175. Л., 1983.
- Рябинин 1987 — *Рябинин Е. А.* Об исследовании средневековых могильников воды в Ленинградской области // Известия АН Эстонской ССР. Вып. 36. Таллин, 1987. С. 408—410.
- Рябинин 1990 — *Рябинин Е. А.* Водь // Финны в Европе. VI—XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2. М., 1990. С. 15—31.

- Рябинин 1997 — *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997.
- Рябинин 2001 — *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001.
- Сабурова 1988 — *Сабурова М. А.* Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // *Древности славян и Руси.* М., 1988. С. 266—271.
- Сакса, Тюленев — *Сакса А. И., Тюленев В. А.* Корела // *Финны в Европе. VI—XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования.* Вып. 2. М., 1990. С. 68—82.
- Свердлов 1972 — *Свердлов М. Б.* К изучению древнерусских топонимов как исторических источников // *Вспомогательные исторические дисциплины XIII.* 1972. С. 109—131.
- Седакова 1990 — *Седакова О. А.* Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южно-славянский материал) // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд.* М., 1990. С. 54—63.
- Седов 1953 — *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.) // *СА. Т. XVIII.* 1953. С. 190—229.
- Седов 1961 — *Седов В. В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // *СА. № 2.* 1961. С. 103—121.
- Седов 1962 — *Седов В. В.* Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа // *Acta Baltica-Slavica V.* 1962. С. 129—145.
- Седов 1966 — *Седов В. В.* Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // *Культура Древней Руси.* М., 1966. С. 246—251.
- Седов 1970 — *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- Седов 1974 — *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. САИ, вып. Е1—8. М., 1974.
- Седов 1978 — *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища // *КСИА.* 155. 1974. С. 63—67.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. 1982.
- Седов 1984 — *Седов В. В.* Водь // *Новое в археологии СССР и Финляндии.* Л., 1984. С. 112—117.
- Седов 1987 — *Седов В. В.* Прибалтийские финны // *Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР.* 1987. С. 12—44.
- Седов 1988 — *Седов В. В.* Восточнославянское язычество накануне «крещения Руси» (Погребальный обряд) // *Археология и история Пскова и Псковской земли.* Псков, 1988. С. 48—50.
- Седов 1993 — *Седов В. В.* Распространение христианства в Древней Руси // *КСИА.* Вып. 208. 1993. С. 3—11.
- Седов 1995 — *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов 1999 — *Седов В. В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.
- Седов 2002 — *Седов В. В.* Изборск — протогород. М., 2002.
- Седова 1959 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.) // *МИА. № 65.* 1959. С. 223—261.
- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
- Селиранд 1966 — *Селиранд Ю. Я.* Могильные памятники XI—XIII вв. в материковой Эстонии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Таллин, 1966.
- Сизов 1902 — *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. МАР 28. СПб., 1902.
- Смирнов 1964 — *Смирнов К. Ф.* Савроматы (Ранняя история и культура савроматов). М., 1964.
- Смирнов 1970 — *Смирнов К. А.* Железные изделия Троицкого городища // *Древнее поселение в Подмосковье.* М., 1970. С. 170—178.

- Смирнов 1974 — *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 7—89.
- Соловьева 1956 — *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология XXV. 1956. С. 138—170.
- Спиридонова 2001 — *Спиридонова Е. В.* К вопросу о погребальном обряде у финно-угров // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 2. Тверь, 2001. С. 120—124.
- Спицын 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР 20. СПб., 1896.
- Спицын 1896-а — *Спицын А. А.* Вещи из раскопок П. М. Еременко в курганах Ново-зыбского и Суржского уездов // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1. 1896. С. 95—102.
- Спицын 1899 — *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. № 8. 1899. С. 301—340.
- Спицын 1902 — *Спицын А. А.* Древности Камской чуды по коллекции Теплоуховых. МАР 26. СПб., 1902.
- Спицын 1903 — *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР 29. СПб., 1903.
- Спицын 1914 — *Спицын А. А.* Производство археологических раскопок. С.-Петербургская губерния // ОАК за 1911 г. Петроград, 1914. С. 67—68.
- Тауавичюс 1959 — *Тауавичюс А. З.* Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 128—153.
- Токарев 1964 — *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
- Третьяков 1941 — *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА. № 5. 1994.
- Третьяков 1941-а — *Третьяков П. Н.* Северные восточно-славянские племена // МИА. № 6. 1941. С. 9—55.
- Третьяков, Шмидт 1963 — *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963.
- Трофимов 1909 — *Трофимов К. Д.* Раскопки курганов при д. Залахтовье-Кувшиново Санкт-Петербургской губернии Гдовского уезда. М., 1909.
- Трумал 1971 — *Трумал В. К.* Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г. // СА. № 2. 1971. С. 265—271.
- Тухтина 1971 — *Тухтина Н. В.* Этническая принадлежность погребенных в курганах юго-восточного Приладожья // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 162—181.
- Тыниссон 1984 — *Тыниссон Э. Ю.* Некоторые вопросы идеологии и этнические традиции в Эстонии в XI—XIII вв. (По материалам городища Лыхаваре) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 181—193.
- Успенская 1953 — *Успенская А. В.* Курганы южной Белоруссии X—XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 22. М., 1953. С. 97—124.
- Успенская 1967 — *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 88—132.
- Успенский 1994 — *Успенский Б. А.* Антиповедение в культуре Древней Руси // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 320—332.
- Фехнер 1959 — *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 149—224.
- Фехнер 1963 — *Фехнер М. В.* Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников // Ярославское Поволжье XI—XII вв. М., 1963. С. 75—85.
- Фехнер 1963-а — *Фехнер М. В.* Изделия косторезного производства // Ярославское Поволжье XI—XII вв. М., 1963. С. 39—42.
- Фехнер 1967 — *Фехнер М. В.* Шейные гривны // Очерки русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 55—87.

- Хайрединова 1999 — *Хайрединова Э. А.* Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-западного Крыма // Херсонесский сборник. № 10. Севастополь, 1999. С. 334—348.
- Хайрединова 2000 — *Хайрединова Э. А.* Женский костюм с южнокрымскими орлино-головыми пряжками // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии VII. Симферополь, 2000. С. 91—133.
- Хвошинская 1977 — *Хвошинская Н. В.* О новом типе курганов в могильнике у дер. Залахтовые // КСИА. Вып. 150. 1977. С. 62—68.
- Хвошинская 1979 — *Хвошинская Н. В.* Исследование погребальных памятников на восточном берегу Чудского озера // АО—1978. М., 1979. С. 42—43.
- Хвошинская 1981 — *Хвошинская Н. В.* О некоторых различиях курганов северо-запада Новгородской земли // КСИА. Вып. 166. 1981. С. 34—39.
- Хвошинская 1983 — *Хвошинская Н. В.* Новые данные о погребальных памятниках западных районов Новгородской земли // АО—1981. М., 1983. С. 42—43.
- Хвошинская 1984 — *Хвошинская Н. В.* Новые данные о погребальном комплексе у д. Залахтовые // АО-1983. М., 1984. С. 35—36.
- Хвошинская 1985 — *Хвошинская Н. В.* Погребальные памятники северного и северо-восточного побережья Чудского озера начала II тыс. н. э. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985. С. 168—177.
- Хвошинская 1985-а — *Хвошинская Н. В.* О работе Гдовского отряда // АО—1983. М., 1985. С. 36—37.
- Хвошинская 1985-б — *Хвошинская Н. В.* Новые данные о длинных курганах восточного побережья Чудского озера // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 28—33.
- Хвошинская 1986 — *Хвошинская Н. В.* Раскопки на берегу Чудского озера и разведки в бассейне Плюссы // АО—1984. М., 1986. С. 31—32.
- Хвошинская 1993 — *Хвошинская Н. В.* Об особенностях костюма населения восточно-балтийского региона // Древности Северо-Запада России (Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 157—166.
- Хвошинская 1994 — *Хвошинская Н. В.* Новые данные о типологии широких ленточных браслетов // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 250—256.
- Хвошинская 1997 — *Хвошинская Н. В.* К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли (по материалам могильника Безьва) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб., 1997. С. 123—138.
- Хвошинская 1999 — *Хвошинская Н. В.* Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 39—50.
- Хвошинская 2000 — *Хвошинская Н. В.* Об этнической атрибуции подвесок с изображением быка // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 246—253.
- Хвошинская, Прудько 1974 — *Хвошинская Н. В., Прудько О. М.* Раскопки курганов у д. Залахтовые // АО-1973. М., 1974. С. 33—34.
- Хвошинская, Прудько, Тюленев, Тюленева 1975 — *Хвошинская Н. В., Прудько О. М., Тюленев В. А., Тюленева О. И.* Раскопки курганов у дер. Залахтовые // АО—1974. М., 1975. С. 42—43.
- Хвошинская, Фридберг 1976 — *Хвошинская Н. В., Фридберг Е. Л.* Раскопки могильника у деревни Залахтовые // АО—1975 г. М., 1976. С. 46—47.
- Цимермане 1980 — *Цимермане И. Р.* Керамика I тыс. н. э. как источник для исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Латвии // Из древнейшей истории балтских народов (По данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 70—79.

- Чернецов, Куза, Кирьянова 1985 — *Чернецов А. В., Куза А. В., Кирьянова Н. А.* Земледелие и промыслы // Археология СССР. Древняя Русь (город, замок, село). М., 1985. С. 219—242.
- Шаскольский 1965 — *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965.
- Ширинский-Шихматов 1906 — *Ширинский-Шихматов А. А.* Федовский могильник // Труды областного археологического съезда. Тверь, 1906.
- Шмидехельм 1959 — *Шмидехельм М. Х.* Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959.
- Шмидт 1957 — *Шмидт Е. А.* Курганы XI—XIII веков у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье // МИСО. Вып. 2. Смоленск, 1957. С. 184—280.
- Шмидт 1971 — *Шмидт Е. А.* Особенности формирования восточно-славянского племени кривичей // Actes du VII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques 2. Praha, 1971.
- Щапова 1956 — *Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. М., 1956. С. 164—179.
- Щапова, Дайга 1961 — *Щапова Ю. Л., Дайга И. В.* Стекланные бусы и браслеты Асотского городища // Асотское городище. Рига, 1961.
- Янин 1956 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Andersen 1951 — *Andersen H.* Tomme høje // KUML, Årbok for jysk arhæologisk selskab: 9—22. Aarhus. 1951.
- Appelgren-Kivalo 1897 — *Appelgren-Kivalo H.* De runda djurspännena i Finland // Finskt Museum. Helsingfors, 1897.
- Appelgren-Kivalo 1907 — *Appelgren-Kivalo H.* Finnische Trachten aus der jüngeren Eisenzeit. Helsingfors, 1907.
- Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka I. Lie Gräber. Tafeln. Stockholm, 1940.
- Arbman 1955 — *Arbman H.* Svear i österviking. Stockholm, 1955.
- Arbman 1961 — *Arbman H.* The Vikings. London, 1961.
- Arne 1914 — *Arne T. J.* La Suède et l'Orient. Upsale, 1914.
- Arne 1931 — *Arne T. J.* Scandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine // Acta Archaeologica 2/3. København, 1931. S. 285—302.
- Atlasas 1978 — Lietuvos TSR Archeologijos. Atlasas IV (I—XIII a. radiniai). Vilnius, 1978.
- Bähr 1850 — *Bähr J. K.* Gräber der Iven. Dresden, 1850.
- Boehm, Goerz 1897 — *Boehm M., Goerz L.* Die Skeletgräber von Allatzkiwwi, ausgegraben am 5. und 6. Juni 1895 von M. Boehm und L. Goerz // Sb. GEG. Dorpat, 1897. S. 53—57.
- Brīvkalne 1974 — *Brīvkalne E.* Tērvetes saktas // Arheologija un etnogrāfija. XI. Rīga, 1974. S. 121—140.
- Callmer 1977 — *Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800—1000 A. D. // Acta Archaeologica Lundensia 4:0 / 11. Bonn; Lund, 1977.
- Carlsson 1988 — *Carlsson A.* Vikingatida ringspännan från Gotland. Text och katalog. Stockholm, 1988.
- Eisenschmidt 1994 — *Eisenschmidt S.* Kammergräber der Wikingerzeit in Altdänemark. Universitätsforschungen prähistorischen zur Archäologie. Bd. 25. Bonn.
- Geijer 1938 — *Geijer A.* 1938. Birka III. Die Textifunde aus den Gräbern. Uppsala, 1938.
- Graudonis 1987 — *Graudonis J.* Ikšķiles Rumuļu kapulauks // Arheologija un etnogrāfija. XV. Rīga, 1987. S. 82—92.
- Hald 1980 — *Hald M.* Ancient Danish Textiles from Bogs and Burials. Copenhagen, 1980.
- Hausmann 1898 — *Hausmann R.* Allatzkiwwi, Skeletgrab VIII // Sb. GEG. Jurjev, 1898. S. 144—151.

- Hirviluoto 1973 — *Hirviluoto A.-L.* Raison Ihalan «vaskivaipat» // SMYA 75. Helsinki, . S. 60—67.
- Karnups 1929 — *Karnups A.* Die Haupttypen der lettischen Halsringe in der jüngeren Eisenzeit // Sb. GEG 1928. Dorpat (Tartu), 1929. S. 116—140.
- Katalog 1896 — Katalog der Ausstellung zum X. Archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga.
- Kivikoski 1961 — *Kivikoski E.* Suomen esihistoria. Suomen historia I. Porvoo — Helsinki, 1961.
- Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnland. Helsinki, 1973.
- Kostrewski 1970 — *Kostrewski J.* Pradzieje Śląska. Warszawa, 1970.
- Kustin 1958 — *Kustin A.* Kalmistu XIII—XIV sajandist Karjas, Saaremaal // Eesti NSV teaduste Akadeemia Toimetised VII/1. Tallinn, 1958. S. 47—57.
- Kruse 1842 — *Kruse Fr.* Necrolivonica. Dorpat, 1842.
- LA 1974 — Latvijas PSR Arheoloģija. Rīga, 1974.
- Laul 1990 — *Laul S.* Einige gemeinsame Züge in den vorgeschichtlichen Trachten der Ostseefinnenn // Finno-Ugric Studies in Archaeology, Anthropology and Ethnography. Tallinn, 1990. S. 29—43.
- Laul 1996 — *Laul S.* Über die Frühgeschichtlichen Elemente in den estnischen volkstrachten // Historia Fenno-Ugrica I: 1. Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae. Oulu, 1996. S. 733—753.
- Laul 2001 — *Laul S.* Ranaaja kultuuri kujunemine eesti kaguosas (500 e. Kr. — 500 p. Kr.). Tallinn, 2001.
- Lavi 1978 — *Lavi A.* Die Gräberfelder von Lahepera // Eesti NSV teaduste Akadeemia Toimetised. 27/4. Tallinn, 1978. S. 334—336.
- Lavi 1980 — *Lavi S.* Über die archäologischen Untersuchungen in Lahepera im Jahre 1978 // Eesti NSV teaduste Akadeemia Toimetised. 29/4. Tallinn, 1980. S. 361—368.
- Lavi 1988 — *Lavi A.* Gruftgräberfeld und Opferlinde von Vedu // Eesti NSV teaduste Akadeemia Toimetised. 37/4. Tallinn, 1988. S. 360—364.
- Lavi, Peets 1985 — *Lavi A., Peets J.* Zur archäologischen Forchung Ostestlands // Eesti NSV teaduste Akadeemia Toimetised. 34/4. Tallinn, 1985. S. 358—366.
- Lehtosalo-Hilander 1980 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Common characteristic features of dress-expressions of kinship or cutureal contacts // Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980. S. 243—260.
- Lehtosalo-Hilander 1982 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari II. The artefacts. Helsinki, 1982.
- Lehtosalo-Hilander 1984 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Ancient finnish costumes. Helsinki, 1984.
- Lehtosalo-Hilander 2000 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari — A History of Weapons and Ornaments. (Luistari IV). Helsinki, 2000.
- Lehtosalo-Hilander 2001 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Euran puku ja muut muinasvaatteet. Eura, 2001.
- Lehtosalo-Hilander, Sarkki, Tomanterä 1982 — *Lehtosalo-Hilander P.-L., Sarkki S., Tomanterä L.* Eura puku ja sen edentäjät. Eura, 1982.
- Lietuviu 1958 — Lietuviu liaudies menas. II. Vilnius, 1958.
- Liversage 1983 — *Liversage D.* Træbyggede grave fra den ældste bondestenalder Udgravninger ved Lindebjerg // Nationalmuseets Arbejdsmark 1983. Herning, 1983. S. 5—16.
- Ligi 1983 — *Ligi P.* Über die Bestattungsart im Hügelgräberfeld von Jõuga // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. 4. Tallinn, 1983. S. 364—366.
- Ligi 1988 — *Ligi P.* Kirde-Eesti vadjaräaste kalmete uurimise tulemusi // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. 37/3. Tallinn, 1988. S. 267—281.
- Ligi 1993 — *Ligi P.* Vadjaräased kalmed Kirde-Eestis (9.—16. sajand) // Muinasa ja teadus 2. Tallinn, 1993. S. 7—175.

- Lõugas, Selirand 1977 — *Lõugas V., Selirand J.* Archeoloogiga Eestimaa teedel. Tallinn, 1977.
- Mägi-Lõugas 1994 — *Mägi-Lõugas M.* Eesti viikingiaegsed hoburaudsõled ja nende ornament // Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. 43/4. Tallinn, 1994. S. 465—484.
- Mägi-Lõugas 1995 — *Mägi-Lõugas M.* Eesti viikingiaegsed käevõrud ja nende ornament // Muinasaja teadus 3. Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte. Tallinn, 1995. S. 271—325.
- Mägi 1999 — *Mägi M.* Viking age inhumations in Estonia — new interpretations // Fenno-Ugri et Slavi 1997. Cultural contacts in the area of the gulf of Finland in the 9th — 13th centuries. Helsinki, 1999. S. 29—42.
- Mägi 2002 — *Mägi M.* At the crossroads of space and time. Tallinn, 2002.
- Mandel 1986 — *Mandel M.* Die Steingräber von Maidla // Eesti NSV teaduste Akadeemia Toimetised. 35/4. Tallinn, 1986. S. 358—360.
- Moor 1964 — *Moor A.* Pepsimaa etnilisest ajaloost. Tallinn, 1964.
- Moor 1929 — *Moor H.* Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit I // Sb. GEG 1928. Dorpat (Tartu), 1929. S. 141—170.
- Moor 1931 — *Moor H.* Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit II // Sb. GEG 1929. Dorpat (Tartu), 1931. S. 25—44.
- Mugurēvičs 1974 — *Mugurēvičs E.* Krustiņveida piekariņi Latvijā laikā no 11. līdz 15. Gs. // Arheoloģija un etnogrāfija XI. Rīga, 1974. S. 220—237.
- Mugurēvičs 1977 — *Mugurēvičs E.* Oliņkalna un Lokstenes pilsnovadi. Rīga, 1977.
- Nazarenko 1990 — *Nazarenko N. V.* The “home of the dead” in the South-Eastern Ladoga region // ISKOS 9. Helsinki, 1990. S. 137—140.
- Pälsi 1938 — *Pälsi S.* Om gravar med obrända lik // Finkst Museum. S. 29—36.
- Petersen 1919 — *Petersen J.* De norske vikingesverd. En tylogisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Videnskapselskapet skrifter II. Kristiania, 1919.
- Petersen 1951 — *Petersen J.* Vikingetidens Redskaper. Oslo, 1951.
- Price 2002 — *Price N. S.* The Viking Way. Religion and War in Late Iron Age Scandinavia. AUN 31. Uppsala, 2002.
- Radiņš, Zemītis 1988 — *Radiņš A., Zemītis G.* Izrakumi Daugmales arheogiskajā kompleksā // Materiāliāli par arheologu un etnogrāfu 1986. Un 1987. gada. Rīga, 1988.
- Radiņš 1994 — *Radiņš A.* Daugmales piskalnā atrastā 12. Gs. Bronzas lejamvedne // Arheoloģija un etnogrāfija XVII. Rīga, 1994. S. 92—95.
- Randsborg 1980 — *Randsborg K.* The viking age in Denmark. London, 1980.
- Raudonikas 1930 — *Raudonikas W. I.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladoga-gebiet. Stockholm, 1930.
- Salmo 1938 — *Salmo H.* Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland // SMYA. XLII/1. Helsinki, 1938.
- Salmo 1956 — *Salmo H.* Finnische Hufeisenfibeln // SMYA. 56. Helsinki, 1956.
- Selirand 1966 — *Selirand J.* Prillspiraalpäiste nõeltega linikukeed // Pronksiajast varase feodalismiini. Uurimusi Baltimaade ja naaberalade arheoloogiast. Tallinn, 1966. S. 150—155.
- Selirand 1970 — *Selirand J.* Eesti naiste noatuped // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970. S. 172—175.
- Selirand 1974 — *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.—13. sajand). Tallinn, 1974.
- Selirand 1980 — *Selirand J.* Über die Entwicklung der Esten zu einer Völkerschaft (aufgrund der Gräbermaterialien aus dem Anfang des 11. Jahrtausends) // Fenno-Ugri et Slavi 1978. Helsinki, 1980. S. 170—187.
- Selirand, Tõnisson 1984 — *Selirand J., Tõnisson E.* Through Past Millennia. Archaeological Discoveries in Estonia. Tallinn, 1984.
- Sitzung 1895 — Sitzung der Gelehrten estnischen Gesellschaft am 7. (19) Dezember 1894 // Sb. GEG. Dorpat, 1895. S. 157—158.

- Schvindt 1893 — *Schvindt T.* Tietoja Karjalan rautakaudesta. Ja sitä seuraavilta ajoilta // SMYA. XIII. Helsinki, 1983.
- Sedov 1990 — *Sedov V. V.* The orientation of the dead in the Finno-Ugrian cemeteries of the early Middle Ages // ISKOS 9. Helsinki, 1990. S. 141—149.
- Stenberger 1947 — *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Lund, 1947.
- Tallgren 1925 — *Tallgren A. M.* Zur Archäologie Eestis. Bd. II. Acta et commentationes Universitatis Dorpatensis, VIII. Dorpat, 1925.
- Tõnisson 1974 — *Tõnisson E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. — Anfang 13. Jhs.). Tallinn, 1974.
- Thunmark-Nylén 1995 — *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands I. Abbildungen der Grabfunde. Stockholm, 1995.
- Thunmark-Nylén 1998 — *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands II. Typentafeln. Stockholm, 1998.
- Urbanavičius 1978 — *Urbanavičius V.* Jakstaičių — Meškiu (Šiauliy raji) kapinyna tyrjimai 1974 metais // Archeologiniai tyrinejimai Lietuvoje 1974 ir 1975 metais. Vilnius, 1978. S. 130—131.
- Urtāns 1977 — *Urtāns V.* Senākie depoziiti Latvijā (līdz 1200. g.). Rīga, 1997.
- Vahter 1928 — *Vahter T.* Pronssikierukkakoristelun teknillisistä menetelmistä // Suomen Museo 35. Helsingfors, 1928.
- Vahter 1945 — *Vahter. T.* Varsinais-Suomen esihistorialliset palmikkonauhat // SMYA XLX. Helsingfors, 1945.
- Viking 1966 — The Viking. Gothenburg, 1966.
- Volkaite-Kulikauskiene 1970 — *Volkaite-Kulikauskiene R.* Lietuviai IX—XII amžiais. Vilnius, 1970.
- Zariņa 1970 — *Zariņa A.* Seno latgaļu apgērbs 7.—13. gs. Rīga, 1970.
- Zariņa 1974 — *Zariņa A.* Dažu Mārtiņsalas kapsētas kapu senlietu kompleksi ar stilizētu dzīvnieku figūru piekariniem // Arheoloģija un etnogrāfija XI. Rīga, 1974. S. 242—256.
- Zariņa 1987 — *Zariņa A.* Salaspils vējstūru kapulaki // Arheoloģija un etnogrāfija XV. Rīga, 1987. S. 19—44.
- Zariņa 1988 — *Zariņa A.* Lībiešu apgērbs 10.—13. gs. Rīga, 1988.
- Zolk 1982 — *Zolk M.* Hantide kultusehitised // Eesti NSV teaduste Akadeemia Toimetised (kõide ühiskonnateadused). 31/2. Tallinn, 1982. S. 156—162.
- Zoll-Adamikowa 1968 — *Zoll-Adamikowa H.* Czworokątne konstrukcje drewniane w kurhanach ciałopalnych z Kornatki, pow. Myśnice // Acta Arch. Carpat 10. 1968. S. 141—155.
- Zoll-Adamikowa 1975 — *Zoll-Adamikowa H.* Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Cz. I. Źródła. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975.
- Zoll-Adamikowa 1979 — *Zoll-Adamikowa H.* Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Cz. II. Analiza. Wnioski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979.
- Zoll-Adamikowa 1979-a — *Zoll-Adamikowa H.* Typy konstrukcji drewnianych w słowiańskich kurhanach ciałopalnych // Acta Arch. Carpat 17 (za 1977). 1979. S. 73—119.

Архивные материалы

- Горюнова А-1988 — *Горюнова В. М.* Городок на Ловати X—XII вв. (Проблема становления города Северной Руси). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 1988 // Архив ИИМК РАН, ф. 35, дд. 409, 410.
- Лиги А-1987 — *Лиги П. Х.* Водский этнический элемент на территории Эстонии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 1987 // Архив ИИМК РАН, ф. 35, дд. 375, 376.

- О раскопках 1909 — О раскопках Московского археологического института в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губернии // Архив ИИМК, фонд 1, 1909, дело 31, листы 50—51.
- О раскопках 1911 — О раскопках члена Комиссии А. А. Спицына в 1911 г. // Архив ИИМК, фонд 1, 1911, дело 89, листы 62—63, 197—200.
- Трофимов А-1908 — О раскопках К. Д. Трофимова в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // Архив ИИМК, фонд 1, 1908, дело 32, листы 9—20.
- Трофимов А-1908—1909 — Раскопки К. Д. Трофимова в Гдовском и Лужском уездах в 1908—1909 гг. (Подготовительный материал к отчету) // Архив ИИМК, фонд 1, 1908, дело 233 (листы не пронумерованы).
- Трофимов А-1909 — *Трофимов К. Д.* Отчеты о раскопках, произведенных в 1909 г. при д. Кятицы Спицинской волости, при дд. Жеребятино, Замежничье и Дуброшкино Полновской волости Гдовского уезда С.-Петербургской губернии // Архив ИИМК РАН, ф. 1, д. 31.
- Хвоцинская А-1973—1978, 1981—1984 — *Хвоцинская Н. В.* Отчеты о полевых исследованиях, проведенных Гдовским отрядом ЛОИА АН СССР в 1973—1978 и 1981—1984 гг. // Архив Института археологии РАН.
- Хвоцинская А-1978 — *Хвоцинская Н. В.* Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. (По материалам погребальных памятников). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 1978 // Архив ИИМК РАН, ф. 35, дд. 251, 252.
- Учетный каталог 1931 — Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области. Лужский округ // Архив ИИМК, фонд 2, 1931, дело 739, листы 64—104.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАР	— Материалы по археологии России. СПб.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК	— Отчет Археологической комиссии.
РА	— Российская археология.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
Sb. GEG	— Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Mitau.
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.

FINNS IN THE WEST OF THE NOVGOROD LAND

(on the basis of materials from the cemetery of Zalakhtovie)

SUMMARY

In the middle of the 11th century over the entire territory of the rising Novgorod Land, the formation of the common ancient Russian material culture was going. Three major factors influenced that process: 1 — the spread of the Slavic culture which reflected the dissemination of the Slavs throughout the forest zone of Eastern Europe; 2 — the development of urban handicrafts which determined the unification of the types of tools, objects of everyday use and weapons, and a common fashion of jewellery throughout the vast areas; 3 — adoption of Christianity by the population. However, all these happened in differing manner in particular regions and micro-regions of the area under consideration due to the differences in the extent of participation and roles of Slavs and the local Finno-Ugrian population in the processes mentioned above, the varying character of their interrelations, the proximity of some urban centres and geographical peculiarities of different regions.

At the western edge of the Novgorod Land existed a unique cultural phenomenon — the cemetery of Zalakhtovie situated on the shore of the Bay of Lakhta (or the Warm Bay) of Lake Peipus (Chudskoye Ozero; Figs. 1—3). Immediately after the first excavations had been carried out here in 1908—1909 by K. D. Trofimov (Figs. 5, 7, 35, 36; Tabs. CXXVI—CXXXV), this site attracted the attention of researchers by the distinctiveness of the material culture represented here and its peculiar difference from the antiquities of the Izhora Plateau (Ingermanland or Ingria) and the region north-east of Lake Peipus. After Trofimov, the cemetery was excavated in 1911 by A. A. Spitsyn and K. V. Kudryashov. A total of 92 burial mounds had been excavated before 1917. In 1972 the site was considerably disturbed (Fig. 6). Since 1972, in the course of ten field seasons, the cemetery was investigated by the archaeological expedition of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. During this period, 63 barrows, 20 structures made of wood and earth, 18 interred cremations, 8 inhumations, and 5 later earthen graves have been uncovered. Near the cemetery it was discovered an ancient settlement (Fig. 4). To date, the Zalakhtovian burial complex is the largest cemetery of the beginning of the 2nd millennium A. D. which originally amounted to at least 300 mounds (Tab. I).

Moreover, this cemetery is the most studied one among the burial sites on the eastern banks of Lake Peipus.

Burial rites

Mounds of the culture of the Long Barrows (the second half of the 1st millennium A. D.)

The most ancient nucleus of the cemetery of Zalakhtovie is composed of mounds of the culture of the Long Barrows. These include 11 bank-like, elongated mounds, as well as some of the hemispherical ones. Most of the bank-like mounds are concentrated in the south-eastern section of the cemetery. A total of 18 mounds of the culture of the Long Barrows have been excavated at the cemetery (Figs. 8—11; Tabs. II, IV — A, B). In terms of their structural features the excavated kurgans may be divided into two groups. The first group comprises the kurgans which originally were raised as the mounds over graves, and the second group is composed of the mounds which had been constructed before any interment took place and into which the graves were dug later. A special case was represented by kurgan No. 209 of conical shape (Fig. 12; Tab. V). It was constructed in four stages by successive additions of earth onto its top. In this kurgan only one grave was found and that was sunk from the mound surface of the third stage, all the subsequent additions of earth being in no way connected with any burials.

The cremations were carried out somewhere away from the cemetery. The distribution of the burials excavated by me according to the manner of burying the cremated bones in the mounds is shown in Table "A" (the columns from left to right: intrusive graves; in a small pit in the earth at the foundation of the mound; the rests are scattered over the surface of the earth at the foundation of the mound; lying in a pile at the foundation of the mound; on the surface of the mound). The identifications of the sex and age of the cremation bones from the long barrows are shown in Tables "B" and "B". In six of the burials some objects were found (Tab. III). In addition to the kurgans, belonging to the culture of the Long Barrows also is one unrounded grave which was located in the south-eastern section of the cemetery among the mounds of the second half of the 1st millennium A. D. (Tab. IV — B).

Burial structures of the 11th century

Among the burial structures of the 11th century, three major types of interment are distinguished: 1 — ground graves with remains of cremations, 2 — wood-and-earth structures containing cremations, and 3 — ground graves with inhumations. All these were concentrated in the central part of the cemetery, the ground graves having been in no way discernible on the surface and discovered only in the course of overall excavations of large areas.

Ground graves with the remains of cremations (Tabs. VI, VII, VIII—XVI)

In total, 18 small pits dug into the earth and containing cremation bones have been uncovered; 15 of them contained human remains and they may be divided into two groups. The first group included seven burials (Nos. 2, 3, 4, 7, 10, 22, 23).

In these graves, the remains of cremations were placed into small round pits (Fig. 13). Six burials belonged to the second group (Nos. 1, 5, 8, 11, 13, 16). The pits of these graves were composed of two parts: a depression of circular or square plan (0.05—0.12 m deep) and the burial pit proper which was dug in the centre of the first depression (Figs. 14—16). The shallow upper depressions once were the foundations of some light surface structures (Fig. 17), since alongside their edges it was possible to trace fairly large slabs containing charcoal. In some cases, circular holes were revealed in square depressions near the burial pits — evidently the rests of the bases of some poles. Graves No. 6 and No. 7 were distinguishable by their construction among the ground burials. The first was found in a pit of irregular shape (Tab. VII — 5), the second was a square structure surrounded by a set of pits (Tab. VII). Cremation of the dead was conducted elsewhere. The cremation bones were put into the graves in small bags or birchbark boxes. The anthropological identifications of the cremated remains from ground graves are presented in Table “Г”.

Timber-and-earth structures (Figs. 18—20; Tabs. XVII—XIX, XXII—XLI)

In the central area of the cemetery, ground graves were ranged alternately with some peculiar structures made of wood and earth. These looked like rather small, blurred elevations 4—6 m in diameter and 0.2—0.3 m high. The total of twenty such structures have been excavated. Their typical feature was that in the centre of burial platforms of differing sizes, discernible was a black charcoal-containing layer up to 0.06—0.10 m thick and rich with fine fragments of cremation bones, separate fragments of some melt or burnt objects and handmade potsherds. At the edges of such charred layers, individual large pieces and blocks of charcoal were usually registered — the remains of some wooden structures which once surrounded the platforms. In particular structures these remains were preserved to a different extent. In the places where it was possible to register the plan of the wooden structures, certain square constructions made of logs or planks (2×2 m) with their corners oriented as a rule on the cardinal points were clearly seen (Fig. 21). Under the charcoal-containing layers in the centre of the burial platforms there were small grave pits. The bones were piled there in compact accumulations because they were put in birchbark boxes or bags. The finds from the excavations of the wood-and-earth structures indicate that a ritual of damaging some of the objects of the grave goods and sticking them into the burial pit was widespread among the population of Zalakhovie. The anthropological identifications of the remains from the burial structures under consideration are presented in Table “Д”.

Barrow with the remains of a cremation (Tabs. XX, XXI)

Among the burial complexes with cremations, barrow No. 121 was distinguishable from the others, belonging to the material culture close to that of the timber-and-earth structures. It was raised similarly to ordinary barrows but in two stages. With its first stage was related a burial located in the centre of the barrow area on a special densely rammed platform and covered over with a small mound. At the second stage, one more layer of earth was added over the mound. Into the upper layer of the mound, another grave was sunk. The anthropological data are presented in Table “Е”.

The burials with the cremation rite in the light of the anthropological and archaeological evidence

The consideration of the character of cremation bones from burials of the 11th century shows that a certain tendency may be guessed in the correspondence between the type of the burial structure and the sex/age characteristics of the dead. Thus in the timber-and-earth structures, burials of adult individuals predominated and the remains of adolescents also were found. By contrast, in small ground pits with the remains of cremations there are numerous children's burials including those of infants, and represented as well are male burials, while the female ones are totally absent. In addition, animal bones were found along with human ones in eight graves. Two of the ground graves contained only dog's bones (Nos. 15 and 18).

Inhumations in ground graves (Figs. 23—25; Tabs. XLII—XLIX)

In the central area of the cemetery, eight inhumations in ground graves have been registered arranged rather separately from each other than in any compact group. These burials characterise the adoption of the rite of inhumation instead of cremation by the population of Zalakhtovie. The principal information (dimensions of the pits, orientation, and sex/age definitions) is summarised in Table "Ж". As can be seen from the table the burials of this type show no regularity in the orientation either of the pits or the interred themselves, the dimensions of the pits being also fairly diverse. Their common features are only their considerable depth and fairly large dimensions as compared with the areas occupied by the interments proper. In grave No. 9, an unusual, probably sitting, position of the skeleton was registered (Fig. 25; Tab. XLII).

Pits within the limits of the central part of the cemetery (Tab. VI)

In addition to the graves, 83 miscellaneous other pits of various shapes and dimensions have been revealed in the central part of the cemetery. In eight of them, different objects were found, mostly burnt in a funerary fire (Tab. L). At present it is difficult to say, the remains of what kind of constructions these pits represented, though it is clear that we are dealing here with a fairly complicated burial complex which was functioning both during funeral ceremonies and in certain other 'memorial' days. It is quite probable also that some buildings and idols once stood here, fire was burnt in small hearths and other ritual proceedings took place at the cemetery.

Barrows of the 11th and 12th centuries

Mounds with ground graves (Figs. 26—34; Tabs. LI—CVI, CXVII—CXXV)

The total of 48 mounds covering over graves in ground pits have been excavated. The mounds were of circular or oval plan, demarcated by small ditches round their periphery. In the centre of the barrow areas, beneath the mounds, there were pits dug in the earth (two pits found in three barrows) containing burials. The dimensions of pits changed with the period of their construction. The earlier pits (11th century) were of a considerable size and more than 0.7 m deep, while the pits of the 12th century were shallower. The series of the barrows of the 11th century has yielded the information necessary for reconstruction of the character of the burial rite during the period of its

greatest development. A grave dug in the centre of the area of the barrow was planked from inside. Its bottom was bedded with straw, and occasionally the interred lay on a fur bedding. The deceased was wrapped up in bark and laid into the grave (Fig. 30). In this group of barrows, the burials oriented to the east predominated. On top, the pit was covered over with a timbered roof which later decayed and collapsed inside the grave (Fig. 32). After this the people made the mound higher again. In a number of cases, no traces of roofing have been registered in sections of the grave pits. The latter were as a rule of an inconsiderable depth which were covered at once with earth.

Two barrows (Nos. 165 and 194) contained bi-ritual burials: along with an inhumated skeleton we found a number of pits with cremated remains within the areas of the barrows (Tabs. LXVI, LXXXVIII). Moreover, under the mound No. 136, several burials varying in the manner of the interment were uncovered (Tabs. LXII—LXIII).

Mounds with inhumation burials on the ground surface (Figs. 35—38; Tabs. CVII—CXIII, CXXVI—CXXXV)

The barrows with burials placed on the surface of the earth were concentrated in the north-western section of the cemetery. In total, 76 barrows of this type have been excavated. The barrows were of circular plan. The interred wrapped in bark or in plank boxes were set directly on the surface of the burial areas. The orientation 'head to the east' predominated. Generally, as compared with the cremation burials and barrows with graves dug into the earth, this group of interments differed in a fairly small number of grave goods, as well as the appearance of a considerable group of burials totally devoid of them.

The final stage of the functioning of the cemetery (Tabs. CXIV—CXVI)

Forty five metres to the north from the main accumulation of barrows, five burials in ground graves with skeletons oriented with the head to the west were excavated. The scanty grave goods in three of the graves allows us to date these burials to the period not later than the 13th century.

The material culture

The chapter about the material culture of Zalakhtovie is dedicated entirely to characterisation of the material culture of a population of the Baltic-Finnic type of the 11th—12th centuries. The scanty grave goods from burials of the culture of the Long Barrows and its parallels are discussed in another chapter devoted to the description of the burial rite concerned with these mounds (chapter 2).

The source for discussion of a material culture on the basis of consideration of ancient burials is the grave inventory associated with the latter. The specificity of such complexes is in the fact that in them we study only those objects which according to beliefs of ancient people were to accompany their deceased tribesmen to the other world. These categories of finds include, in particular, various elements of clothes and personal adornments which were on the deceased during interment. These objects make it possible to reconstruct the cut of the clothes and the elements

of their decoration. For each sex/age group, a strictly determined set was typical. Thus children's burials often were accompanied by some adornments made perhaps specially for the interment and different objects remade from those of the adult members of the community. The most luxurious grave goods are found in the graves of individuals of middle age. In turn, a very small number adornments are registered in the graves of aged persons. Along with the details of decoration of clothes, in Zalakhtovian burials are widely represented various domestic utensils, agricultural tools, weapons and clay pottery. To a certain degree, these objects allow us to form an idea about diverse occupations of the population.

Summarising the results of the analysis of the grave goods represented in Zalakhtovie we may state that since the turn of the 10th and 11th centuries the formation of a common material culture could be seen here. This is confirmed by the fact that many of the elements typical of the culture under discussion and imparting to it a peculiar colouring are registered in all types of the burials in Zalakhtovie — from the early cremations buried in the earth till the latest mounds with graves on the surface. For a long period the Zalakhtovians used such types of adornments as hair and breast decorations consisting of a set of pins, neck rings, various types of penannular fibulae, bracelets of diverse types (spiral, narrow massive, band-like, and lamellate), spiral finger-rings with a central bezel and finger-rings with double-spiral ends, zoomorphic pendants-amulets, small pear-shaped bells, *etc.* In burials with differing rites were found massive knife sheaths of a common shape, lyre-shaped firesteels, and diverse bronze and iron chains. Decoration of textiles by fine bronze spiral ornaments should also be attributed to a certain stable tradition (Figs. 42—44, 46). The fact that such cloths must have been not only in graves with the inhumation rite but also in the earlier cremations is confirmed by numerous scattered fragments of small spirals and rings found in the latter.

At the same time, on the basis of the materials from Zalakhtovie we are able to trace the changes which occurred in the grave goods and were connected with the chronology of individual groups of artefacts. Mainly this is expressed in the replacement of certain categories of objects by other types. Especially considerable changes in the quantitative and qualitative composition of the grave goods took place in the course of the transition from burying in sub-kurgan pits to interment on the surface of the ground. Burials without of any grave goods appeared. Most of the objects belonged to the common Ancient Russian culture. This is explained undoubtedly by the loss of the originality of the Zalakhtovians under the influence of the surrounding ancient Russian population.

In the finds from Zalakhtovie, typological changes of individual types of adornments may be traced chronologically. Such typological chains may be established for the broad lamellate bracelets, breast pins, and fibulae.

As it is mentioned above, by the end of the 11th century the burial rite had become universal for all the sex/age groups of the population of Zalakhtovie. At the same time, the composition of the associated grave goods also had been stabilised. The finds from barrows with burials in ground pits allow us to make interesting observations concerning the character of the grave goods of different sex/age groups of the population of Zalakhtovie.

The main feature of the male burials was the presence of weapons (an axe or a spearhead, or more frequently both) and fibulae. All of the male burials contained

pottery. Only one burial in barrow No. 176 stands out slightly from the general context: its grave goods comprised only a fibula and a vessel. According to the anthropological identifications the interred here was a man aged 50—60.

In the analysis of the evidence from male burials, noteworthy is that predominant at the cemetery were rich burials accompanied by an axe and a spearhead or with a single spearhead. More uncommon were male burials distinguished by very poor grave goods and containing only axes of universal types. Generally, this community appears to have been a fairly uniform one in terms of its social composition, with each of its men armed. Reliably distinguishable are only two burials with battle-axes — symbols of power (Nos. 186 and 197/1; Tabs. LXXX, LXXXI, XCIII, XCIV — 1—12). Possibly, here we are dealing with the graves of some leaders of the local community — elders or the heads of tribal groups. The attire of one of them was embroidered with small bronze spirals (Figs. 41, 45, 46, 48).

The basic set of the associated goods in female burials comprised elements of clothes and adornments. It is the materials from these burials that allow us to judge about the features of the ethnographic dress of the Zalakhtovians (Fig. 49; Tab. XCVIII — Б). In all of the female burials, were found massive pins put on the breast on two sides. In some cases they were linked by small chains. Another important part of the female garment, registered practically in all burials, were small pins for the head shawl. The female set of grave goods included also beads, neck rings, usually a few bracelets and finger-rings, and various pendants. Fibulae were not such an indispensable element of dress as it was in the case of men. In four graves, massive knife-sheathes were found suspended onto the belt (Tab. XCVIII — Б). Of working implements, mostly sickles were laid into the burials. Every grave without exception contained a clay vessel. Thus, in the grave goods of female burials we can trace the same stability of the principal set of the accompanying grave goods as in the male ones. Some rare female burials stood out from the general mass by their greater variety of the breast chain adornments and a preponderance of certain elements while preserving the general appearance of the attire (burials Nos. K-17 and 208).

Burial No. 71 stands out distinctly from the cultural context of the series of female burials uncovered in barrows with ground pits (Tab. LIII — А, Б, В: 1—5). Here, the set of adornments traditional for the Zalakhtovians was absent. Instead, there was such an important ethnical feature of an attire as temple-rings — an element absolutely alien to the Zalakhtovian material culture, but fairly characteristic of the ancient Russian population. This grave, in contrast to most of the others at the cemetery, was oriented to the west. Here we are dealing with a burial of a woman from a Slavic community. According to the anthropological data she was aged 30—45. The very appearance of such a burial in a tribal graveyard suggests a probability of including some Slavic women into the composition of the Zalakhtovian community and the diversity of contacts of the local population.

A fairly stable set of grave goods is characteristic also of the children's burials. Indispensable elements of a child's set of grave goods were a neck-ring, a fibula, pendants (mostly small bells, occasionally with beasts' fangs — amulets), a vessel, often bracelets and finger-rings, and beads (on girls). By an outstanding richness of its grave goods among the children's graves was distinguished only the burial of a girl seven years old in kurgan No. 197 (Tabs. XCIV—13, XCV). It differed from

adults' graves only by the absence of any chain arrangements and hair pins. The unusual magnificence of this burial must undoubtedly have been connected directly with a special character of the initial grave in the same barrow — a man with a battle-axe.

The chronology of the cemetery

Objects represented in Zalakhtovie are peculiar both for the population of the Baltic area, in particular Estonia, and for that of Novgorod Land. Traditionally, for dating these groups of finds various chronological schemes based on differing principles are used. Dating of antiquities from Novgorod Land employs the chronological scheme of Novgorod itself based on the stratigraphical distribution of finds in the urban layers, a dendrochronological scale of absolute dates being available for the latter. The Baltic chronological scale is based exclusively on the typology of individual categories of finds. A simple mechanical comparison of these two scales occasionally leads to certain discrepancies, which, in my opinion, are due to the absolute application of these chronological systems for very large territories and underestimation of the differences in chronology between various centres and their peripheral regions. In this work, while using the absolute dates established for Novgorod, I attempted to compare them in every case with the evidence from Baltic, Finnish and Swedish sites, taking into account to the maximum also the relative chronology of individual complexes from Zalakhtovie. By such a procedure I tried to avoid errors caused by one-sided analysis.

The mounds of the culture of the Long Barrows. On the basis of the generally accepted dates for this culture, the Zalakhtovian mounds may be dated to the second half of the 1st millennium A. D. The materials from our excavations yielded no grounds for more precise definitions.

The cremations buried in ground pits and timber-and-earth structures. These two groups of antiquities are synchronous and may be dated to the period from the beginning of the 11th century to the beginning of the 12th century.

The inhumations in ground graves. These burials are dated to the period within the 11th century. It is possible to trace the tendency of gradual replacement of the rite of cremation by that of inhumation. Thus, in the course of inhumation in two flat graves of the 11th century, the cremated remains previously buried here were disturbed.

The barrows with burials in ground pits. The barrows of this type are dated to a fairly narrow period spanning the end of the 11th to the middle of the 12th centuries, though a few burials may have occurred somewhat later.

The barrows with burials on the surface of the ground. These mounds appeared already during the period of raising barrows with ground grave pits and existed the entire second half of the 12th century. Some of the burials are possibly dated to the beginning of the 13th century.

The ground graves in the northern section of the cemetery. There are grounds to suggest that they belong to the latest burials at the cemetery, however the evidence available is insufficient to date them reliably.

The place of Zalakhtovie among the ancient sites of the forest zone of Eastern Europe

The earliest group of antiquities in the Zalakhtovian burial complex is represented by the mounds of the culture of the Long Barrows which are related with its Pskov-Novgorod group. Zalakhtovie is one of the northernmost cemeteries of this culture and the largest on the eastern banks of Lake Peipus. The question regarding the ethnical composition of the population which left the long barrows should be resolved with a consideration of the entire territory where similar sites are found. This area spreads from south-eastern Estonia in the west as far as the basin of the Mologa River in the east, and from the basins of the Luga and Mologa rivers in the north as far as the basin of the Western Dvina in the south. Within the main area of their distribution, the long barrows of the Pskov-Novgorod type precede the cemeteries of the ancient Russian culture. In some micro-regions, a certain continuity of the mounds of the culture of the Long Barrows and the antiquities of the Ancient Rus may be discerned. The fact that the Long barrows are in many respects unrelated with the local Finno-Ugrian population is suggested also by their comparison with still earlier antiquities, especially at the boundaries of the area where these barrows are found.

The mounds of various shapes of the culture of the Long Barrows excavated in Zalakhtovie are in no way predecessors of the subsequent barrow culture of the ancient Russian period — neither in their burial rite, nor in the grave goods, nor in the character of the handmade pottery. The mounds of the 11th—12th century at the cemetery under consideration were left by some other group of population. This group appeared in Zalakhtovie at the turn of the 11th and 12th centuries. It is the material culture of precisely this population that determined the peculiarities of the Zalakhtovian burial complex.

The new population initially buried their dead according to cremation rites, either in ground pits or in special wood-and-earth structures. During the first half of the 11th century the transition of the inhabitants of Zalakhtovie to the rite of inhumation in ground graves took place, which later was replaced by the barrow burial rite: first in pits under the mounds, then the mounds with burials on the ground surface. Thus, during a period of two centuries (11th—12th centuries) a complete change and subsequent gradual evolution of the burial rite occurred in Zalakhtovie, indicating the occurrence of constant changes in the world view of the Zalakhtovians as regards the departure of members of that ancient community to the other world. The change of the burial rite was a fairly complicated process and at least three differing types of funerary ritual may have existed synchronously in Zalakhtovie. The choice of the rite was determined first and foremost by the status of the deceased in the given society and by his or her belonging to a particular sex/age group. The materials from the cemetery of Zalakhtovie give us good grounds to suppose that the adoption of the rite of inhumation by this group of population was in no way connected with any influence of Christianity.

Various peculiarities of the funerary rite of the inhabitants of Zalakhtovie and the dynamics of its evolution since the turn of the 10th/11th centuries until the turn of the 12th and 13th centuries distinguished this site from the neighbouring ones. Some closeness is suggested only at the level of certain similarity of individual elements of the burial rite, which, though, were fairly widespread throughout the entire forest zone of Eastern Europe.

In short, the burial rite and the material culture of Zalakhtovie have nothing in common with the culture of the ancient Russian population which inhabited the neighbouring regions of the eastern shores of Lake Peipus. It is also clear, that the Zalakhtovian antiquities did not 'grow' from the culture of the Long Barrows. From all mentioned above it follows that the origins of the material culture of Zalakhtovie must be sought in quite another region.

Thus the most important features of the burial rite at the earlier stage of the formation of the cemetery of Zalakhtovie, namely cremations buried in ground pits and ground inhumations with diverse orientation, have direct parallels on the opposite bank of Lake Peipus — in Kodavere. These are the cemeteries of Lahepera, Raatvere and Vedu. In this connection, of special significance is the analysis of the ethnical traits of the material culture of Zalakhtovians. Such traits include the technique and the character of the patterns on textiles, the shape of breast and hair pins and sheaths in female burials, massive fibulae with prismatic heads, sickle-shaped neck rings, band-like bracelets with broadening ends, some types of narrow massive bracelets, *etc.* A general analysis of the material culture of Zalakhtovie clearly indicates that its distinctive ethnic features have parallels in the territory of Estonia (Fig. 52), and the ground burials outside the limits of stone cemeteries revealed in Kodavere strengthen our opinion still more. I suppose that the population which replaced at the turn of the 10th and 11th centuries the inhabitants who left the long barrows in Zalakhtovie were the Ests. They could easily cross Lake Peipus not only in boats but also in sledges in winter.

The Zalakhtovians have proved unable to retain forever the ethnical purity in their funerary rite, having borrowed from their ancient Russian neighbours the custom of raising mounds. By the 13th century the material culture of the Zalakhtovians had gradually lost its typical features under the influence of the surrounding population, and the barrows with remarkable inventory of the Finno-Ugrian type had been replaced by the ground burials with the orientation to the west and practically devoid of associated goods. The latter burials differed already in nothing from ancient Russian ones of the western regions of the Novgorod Land. The evolution of burial rites in Kodavere proceeded in another way. No barrow cemeteries have appeared there. The inhabitants of the region continued to bury their dead in ground grave pits without stone structures until the late Medieval period.

The demographic calculations, which I have carried out using two differing methods (the results are presented in Tables "И" and "K"), demonstrate that the numbers of the Zalakhtovian community dwelling at the settlement contemporaneously most probably might have been not less than 50 and not more than 70 individuals. If we assume that each family had 3—4 children, then possibly 7—9 families lived on the shore of Lake Peipus in respectively the same number of houses. Taking into account the possibilities and specifics of the economic activities in the forest zone, this was a fairly considerable collective. Undoubtedly, its life was based not only on agriculture but to a considerable extent was determined by the profitable situation near such a large lake. It is via the lake that the trade contacts of the population were realised, the lake supported the subsistence of the settlement by its rich fish resources and numerous waterfowl which it was easy to hunt, while the continuous reeds and canes in the areas of shallow water were of a valuable help as forage for the cattle during lean winters.

The grave goods associated with the burials (scales, scale weights, various imports, gaffs, a fishing troll, scythes, sickles, and arrowheads) confirm in full measure the described character of the economic activities of the local population.

The settlers from Estonia came to a micro-region already developed in the second half of the 1st millennium A. D. by the Long-Barrow population. Undoubtedly, some woods had been cut away, there existed some arable plots, and roads had been laid, *i.e.* we are dealing here with the same situation of the continuity of a cultural landscape which was characteristic of many other territories in the forest zone of Eastern Europe.

In terms of its natural peculiarities the landscape on the banks of the Warm Bay matched completely the habitual natural environments of the region on the western shore of Lake Peipus from which the Zalakhtovians arrived. It is difficult to say whether the area of Zalakhtovie was unoccupied at the moment of the resettlement, or the newcomers had to drive out the descendants of the Long-Barrow population. However, judging by the neighbouring burial sites, in the 11th century the territory of the eastern shore of Lake Peipus was extremely sparsely settled by ancient Russian population, and it is this fact that possibly is the clue for explaining why the Zalakhtovians for such a long period had been able to preserve the originality of their culture. Besides, the Finnic community settled on the eastern shore undoubtedly continued its connections with the kindred groups in the territory of Estonia and might have had certain 'make-up', at least as a result of marriages. The community undoubtedly was replenished also by the ancient Russian population as is suggested by two graves where women in a traditional Slavic attire with temple-rings were buried in the tribal graveyard.

The picture described above allows us to explain that social equality of the ancient collective which is observed in the grave goods accompanying the deceased. All differences in the sets of grave goods of individual burials are connected mostly with the sex and age of the interred, and hence it is these characteristics that did determine the status of the deceased in the ancient community. In general, on the basis of the composition and character of the grave goods it is impossible to trace any social differentiation in this Finnic community. For each sex/age group there was its own strictly determined set of grave goods. Only in few male burials, it included certain rare objects which most probably must be considered as some symbols of authority rather than any signs of richness.

Of special interest is the fact that the Estonian community settled down on the eastern shore of Lake Peipus precisely in the period of the violent historical and war events in the area of the Novgorod-Estonian boundary. However, it is quite clear that during the period of constant conflicts between Novgorod and Ests the life at the settlement of Zalakhtovie continued in its usual way without any interruptions and particular disturbances. Neither there are any grounds to consider the Zalakhtovians as captives settled perforce. Judging by the objects which accompanied the deceased, the Zalakhtovians were occupied with agriculture, hunting, fishing, handicrafts, and trade. All the male population was armed. In some cases, the character of the grave goods (battle-axes, a sword, certain ornaments on clothes) suggests the possibility that the corresponding graves contained burials of the leaders of that community. It is difficult to explain what were the circumstances of the appearance of this small community on the eastern shore of Lake Peipus, but there are no doubts that without some interrelations with the Novgorodian state it hardly could have found here any living niche.

ТАБЛИЦЫ

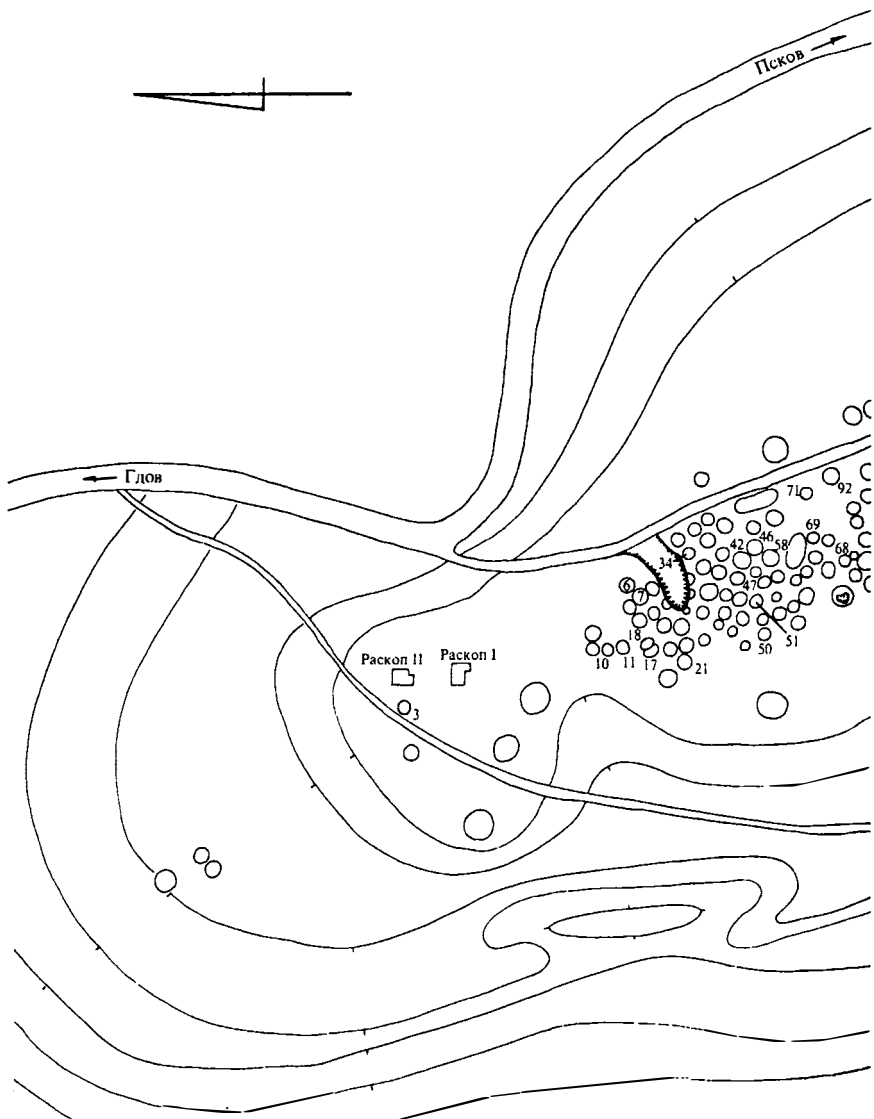
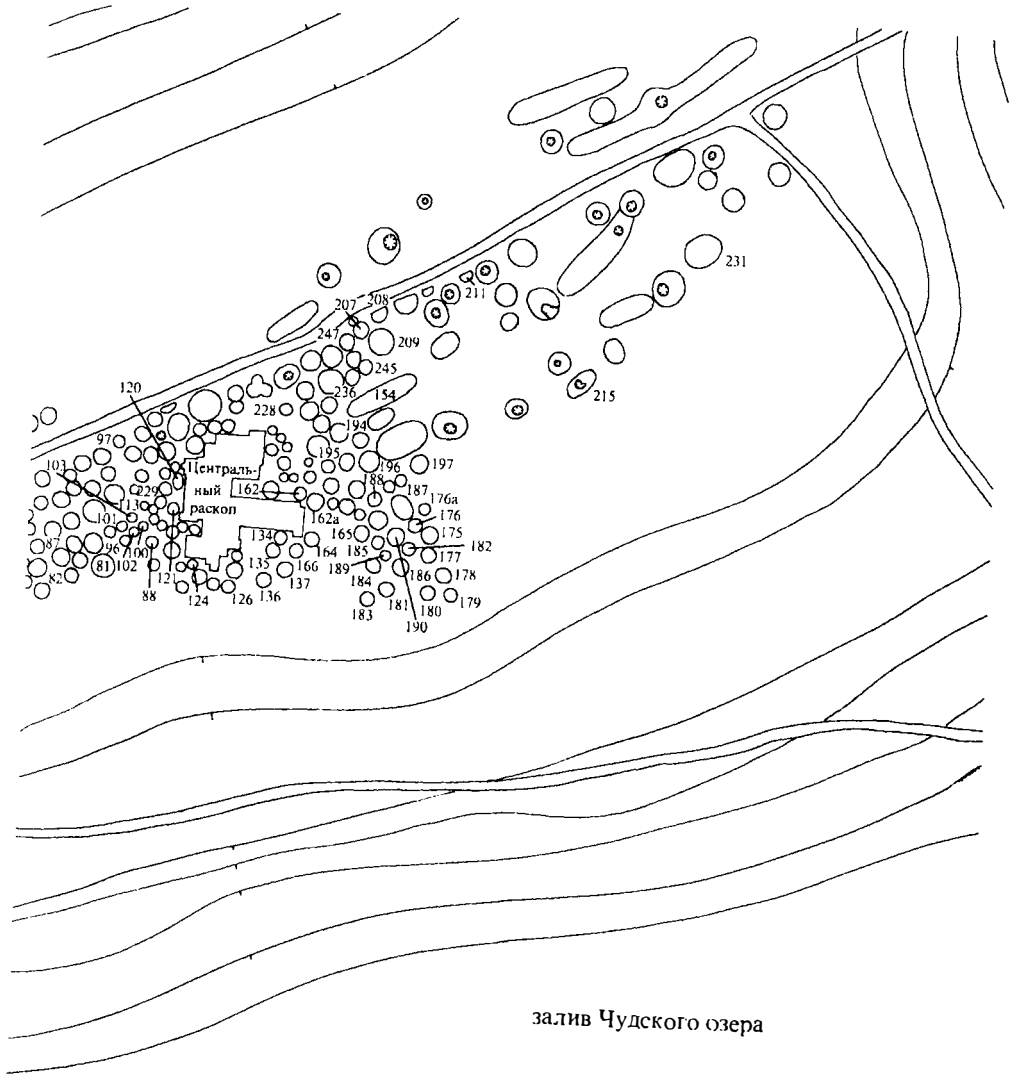

Таблица I. Общий план могильника Залхотвье (цифрами обозначены раскопанные курганы)

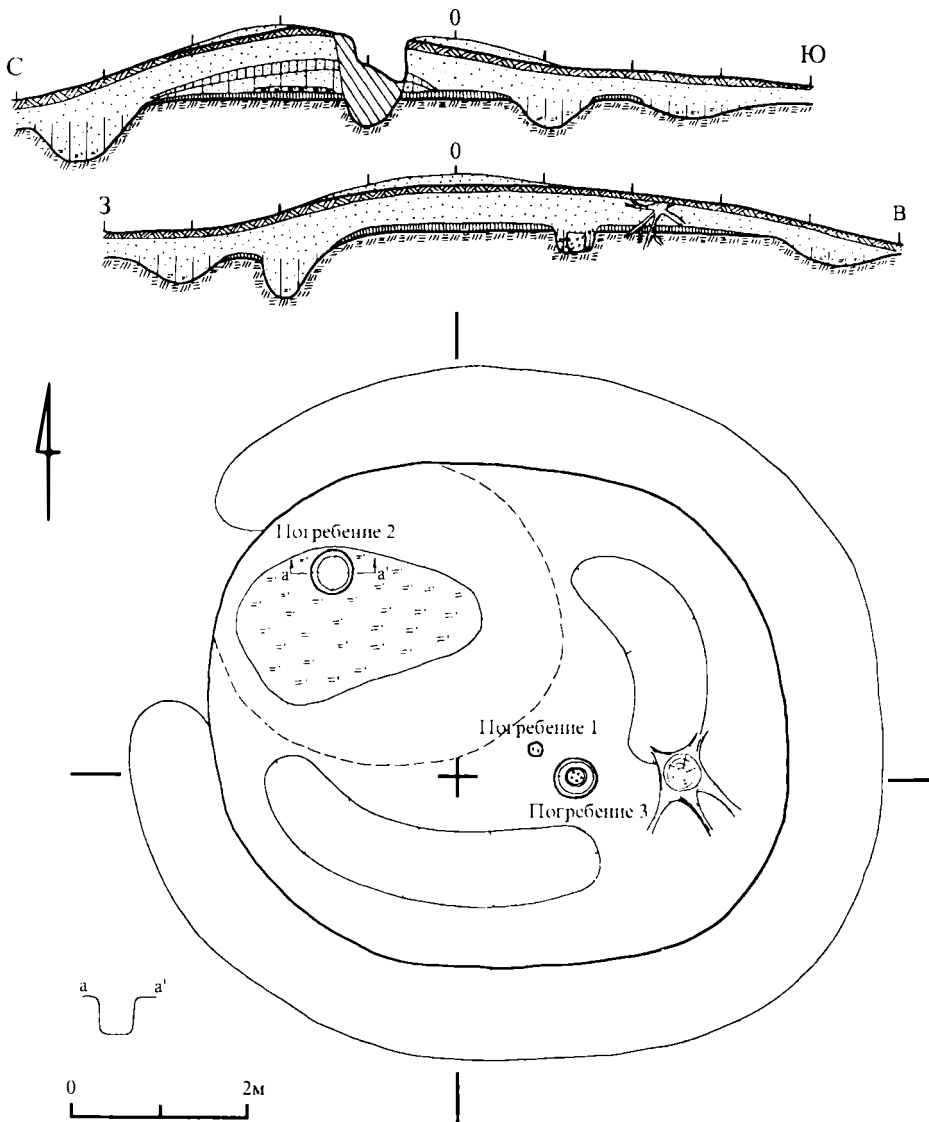

Таблица II. Курган № 81. План и разрезы.

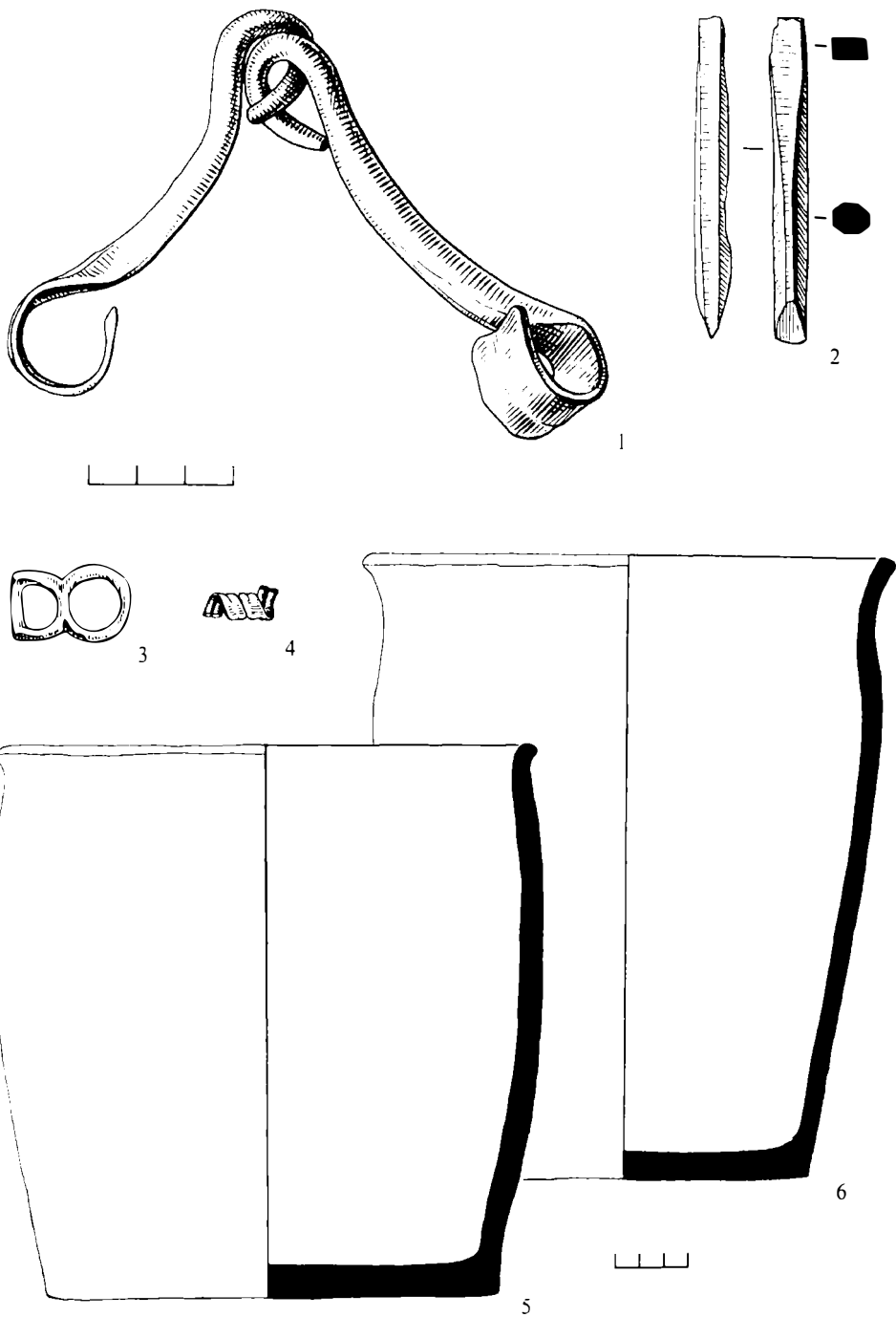

Таблица III. Вещи из погребений насыпей культуры длинных курганов. 1, 3 — курган № 154/10; 2 — курган № 154/6; 4 — курган № 154/1; 5 — курган № 81/3; 6 — курган № 81/1 (1, 2 — железо; 3, 4 — цветной металл; 5, 6 — керамика).

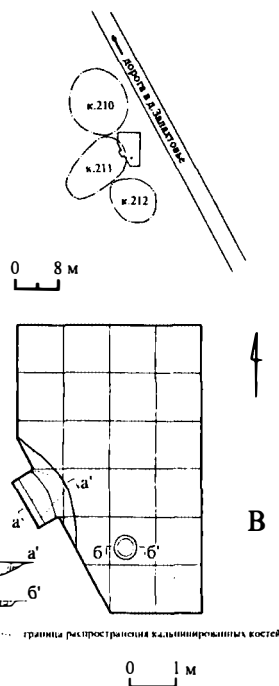
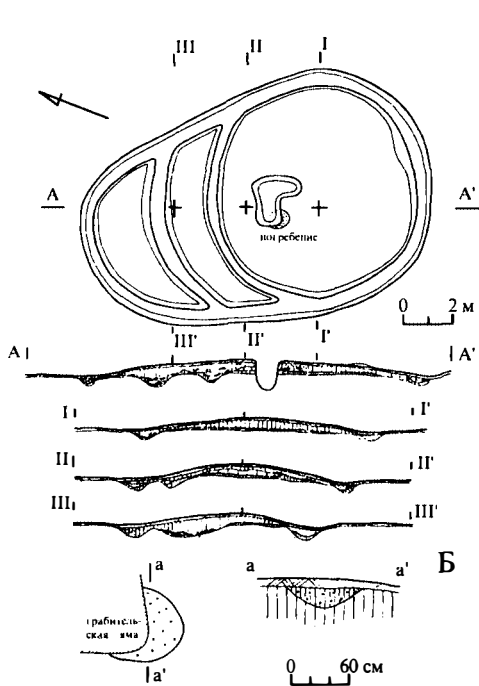
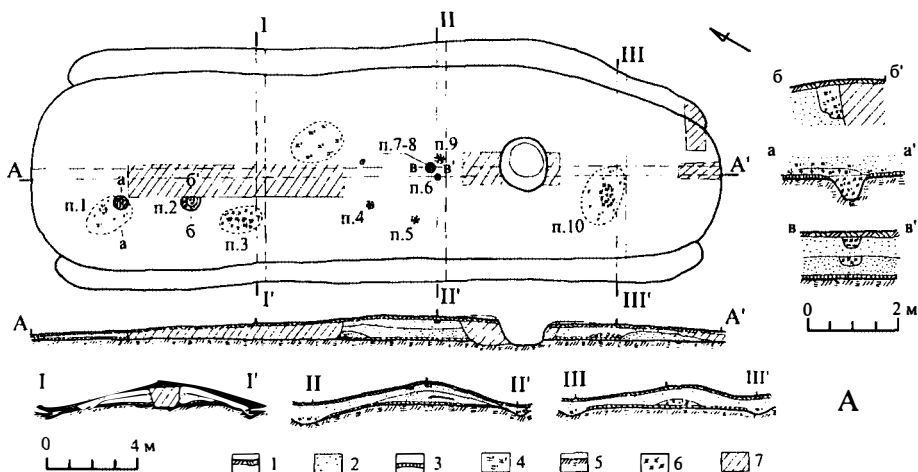

Таблица IV. А — план и разрезы кургана № 154 (1 — дерн; 2 — песок; 3 — погребенная почва; 4 — угли; 5 — материк; 6 — кальцинированные кости; 7 — траншеи от раскопок А. А. Спицына); Б — план и разрезы кургана № 215; В — место расположения и план грунтового погребения, относящегося к культуре длинных курганов.

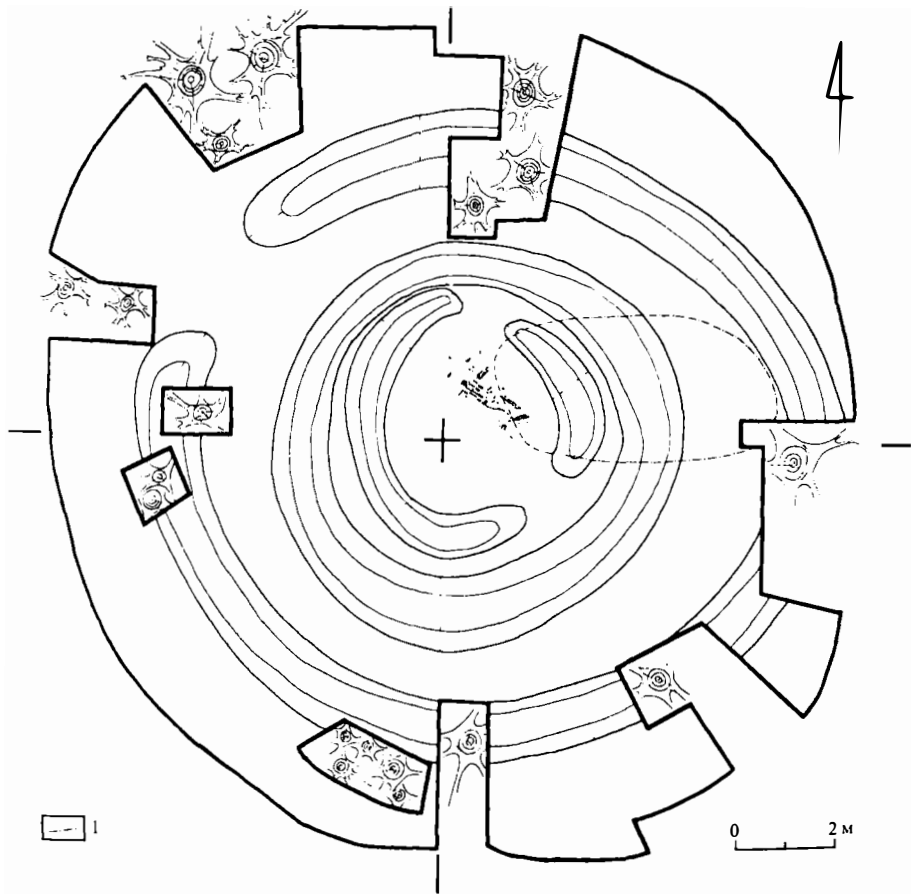
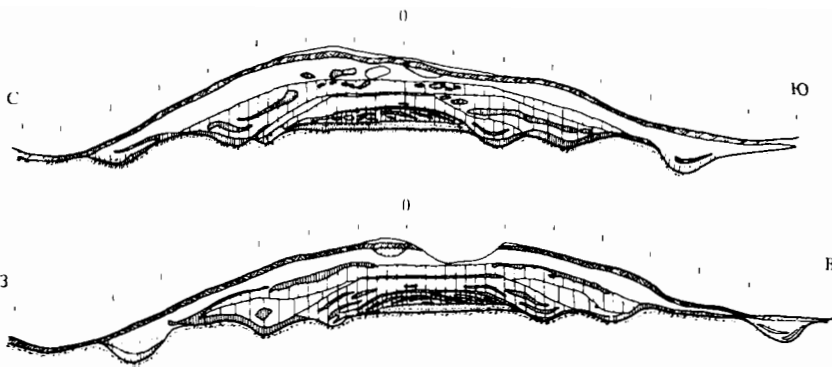

Таблица V. Курган № 209. План и разрезы.

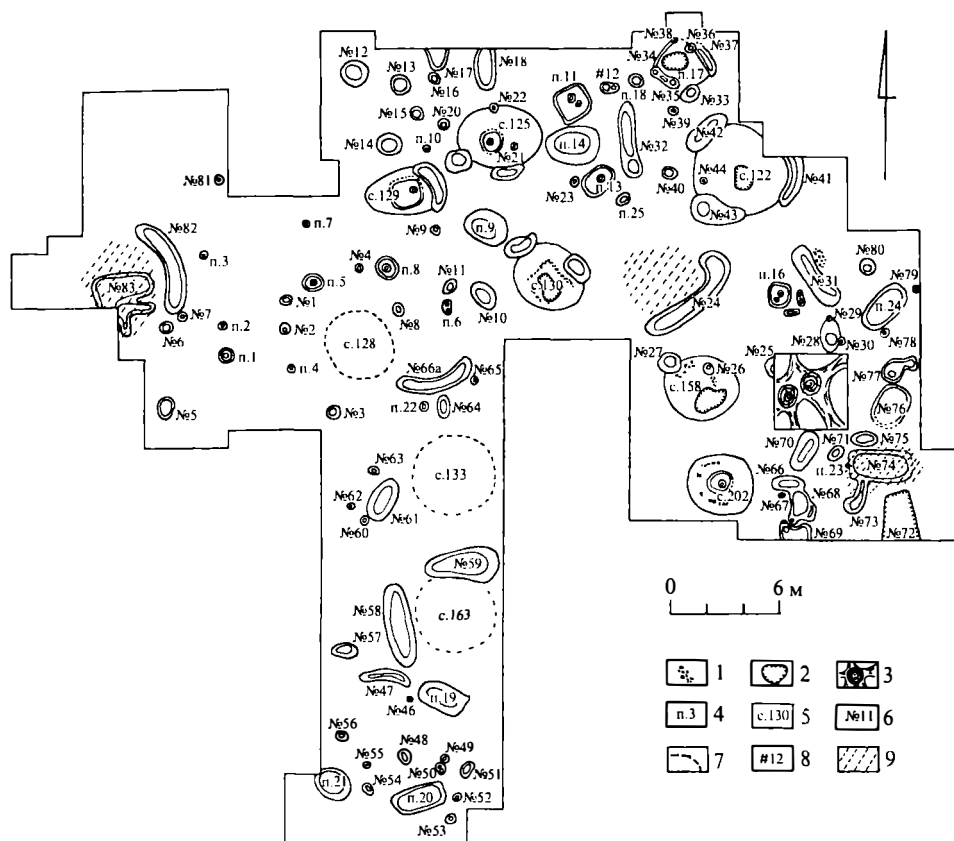

Таблица VI. Общий план раскопа в центральной части могильника с грунтовыми погребениями и деревоземляными сооружениями (1 — уголь и угольные плашки; 2 — границы поздних перекопов; 3 — деревья; 4 — номера грунтовых погребений; 5 — номера деревоземляных сооружений; 6 — номера ям; 7 — место расположения ранее раскопанных сооружений; 8 — условное «погребение № 12»; 9 — места дореволюционных раскопок).

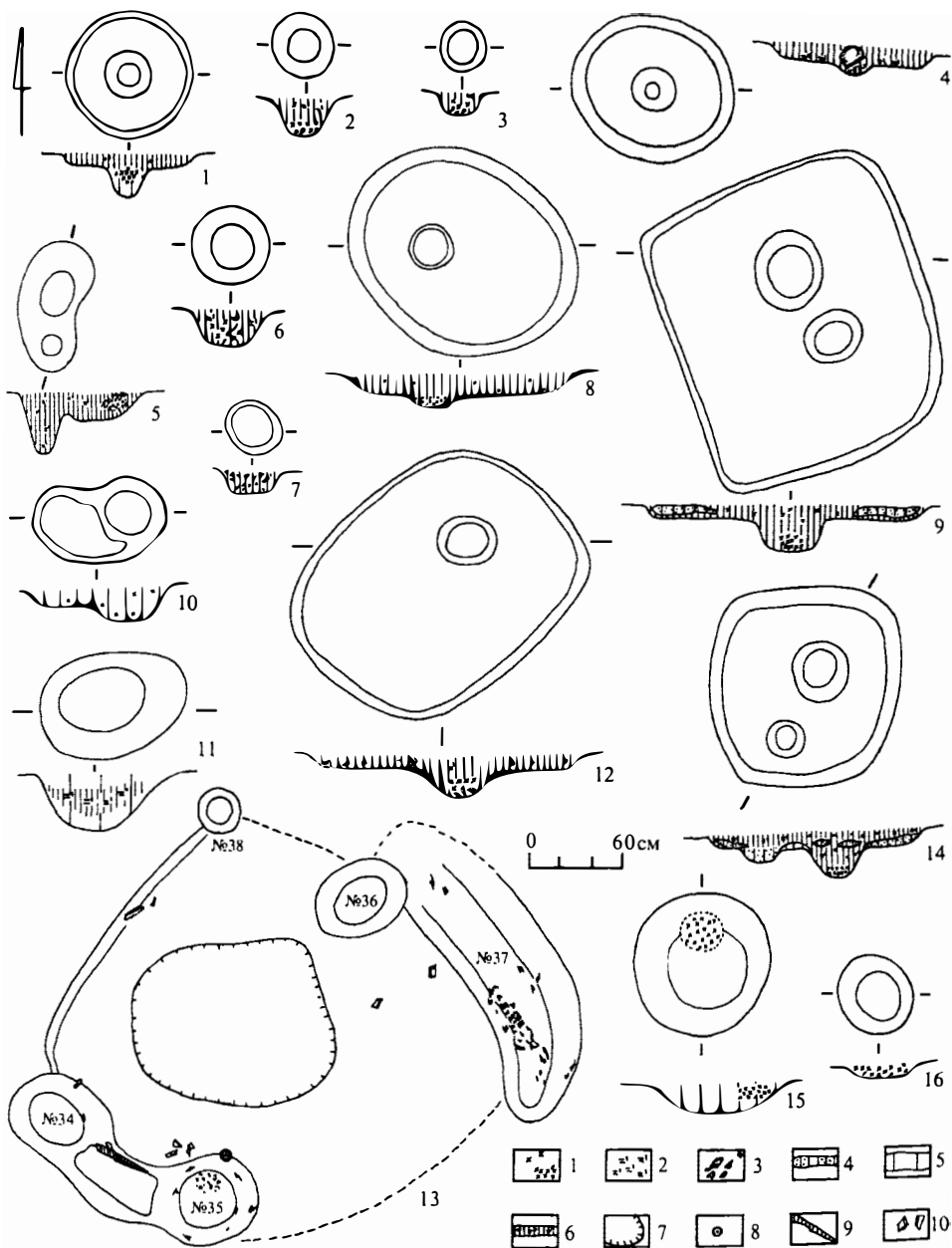

Таблица VII. Грунтовые погребения с остатками кремации. Планы и разрезы. 1 — погребение № 1; 2 — погребение № 2; 3 — погребение № 4; 4 — погребение № 5; 5 — погребение № 6; 6 — погребение № 3; 7 — погребение № 7; 8 — погребение № 8; 9 — погребение № 11; 10 — условное «погребение № 12»; 11 — погребение № 15; 12 — погребение № 13; 13 — погребение № 17; 14 — погребение № 16; 15 — погребение № 18; 16 — погребение № 22 (1 — кальцинированные кости и их скопления; 2 — уголь; 3 — угольные плашки; 4 — гумусированный желтый песок; 5 — серый песок; 6 — песчаный углистый слой; 7 — перекоп; 8 — место находки кресала на цепочке в погребении № 17; 9 — железное орудие (однолезвийный нож) из погребения № 17; 10 — обломки керамики).

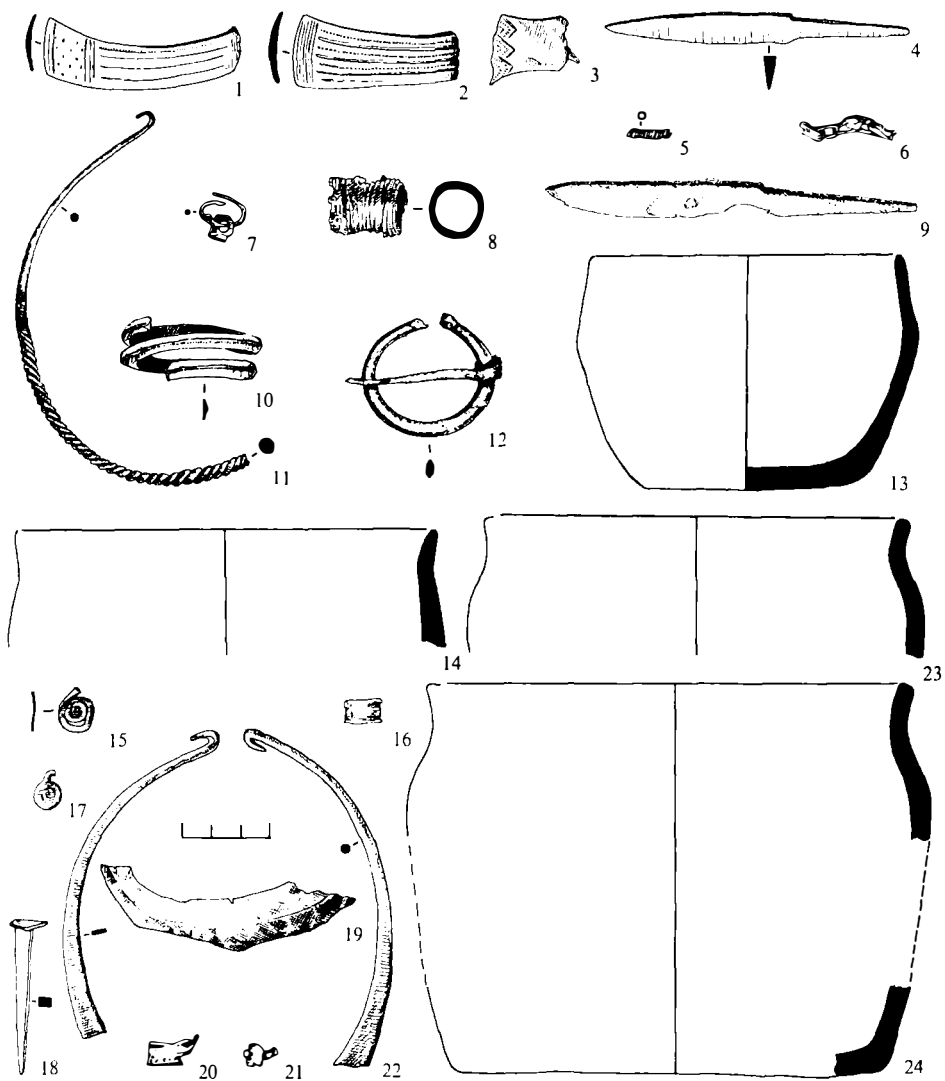

Таблица VIII. Находки из грунтовых погребений № 1, 4, 5, 6. 1—7 — погребение № 1; 8—9 — погребение № 4; 10—14 — погребение № 5; 15—24 — погребение № 6 (1—3, 5—7, 10—12, 15—17, 19—20, 22 — цветной металл; 4, 8, 9, 18, 21 — железо; 13, 14, 23, 24 — керамика).

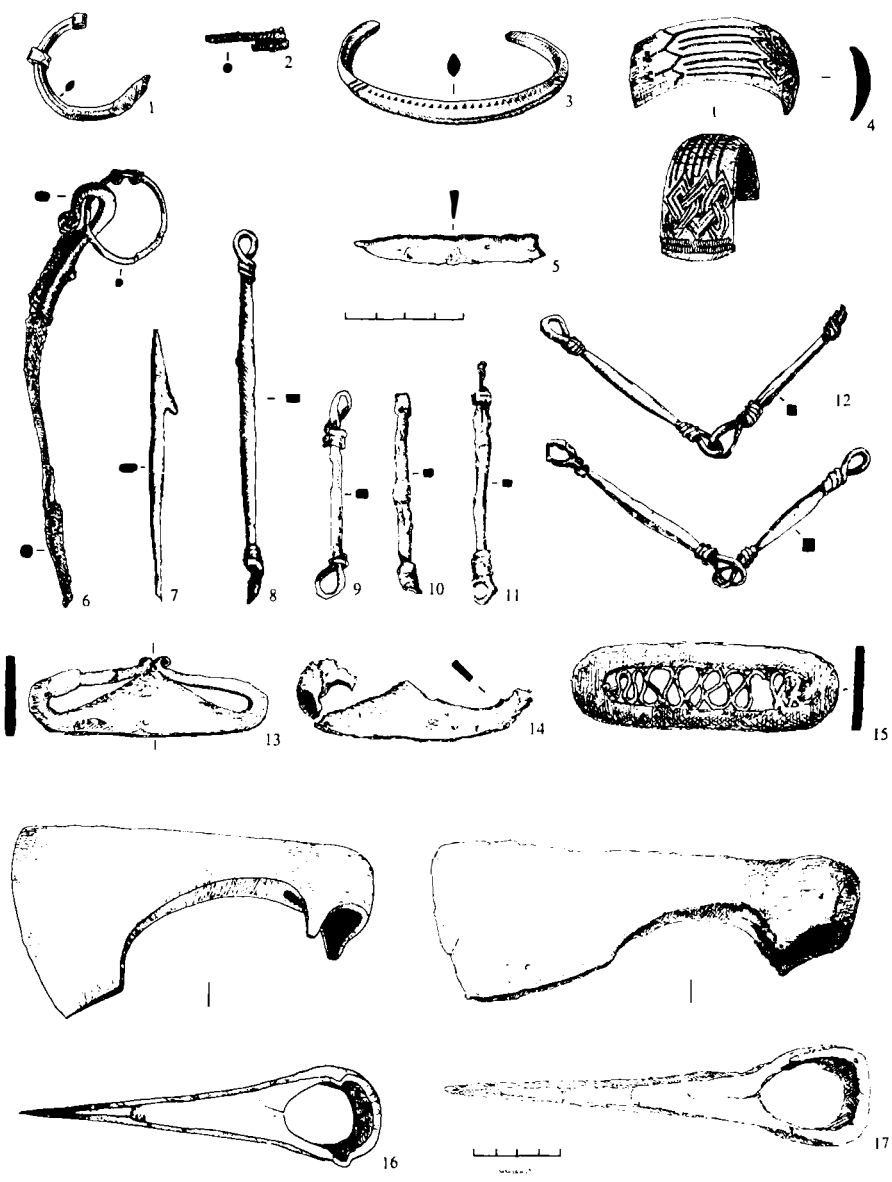

Таблица IX. Находки из грунтовых погребений № 2 и 3. 1, 2, 4, 6, 9, 15, 16 — погребение № 3; 5, 7, 8, 10—14, 17 — погребение № 2 (1—4 — цветной металл; 6—17 — железо).

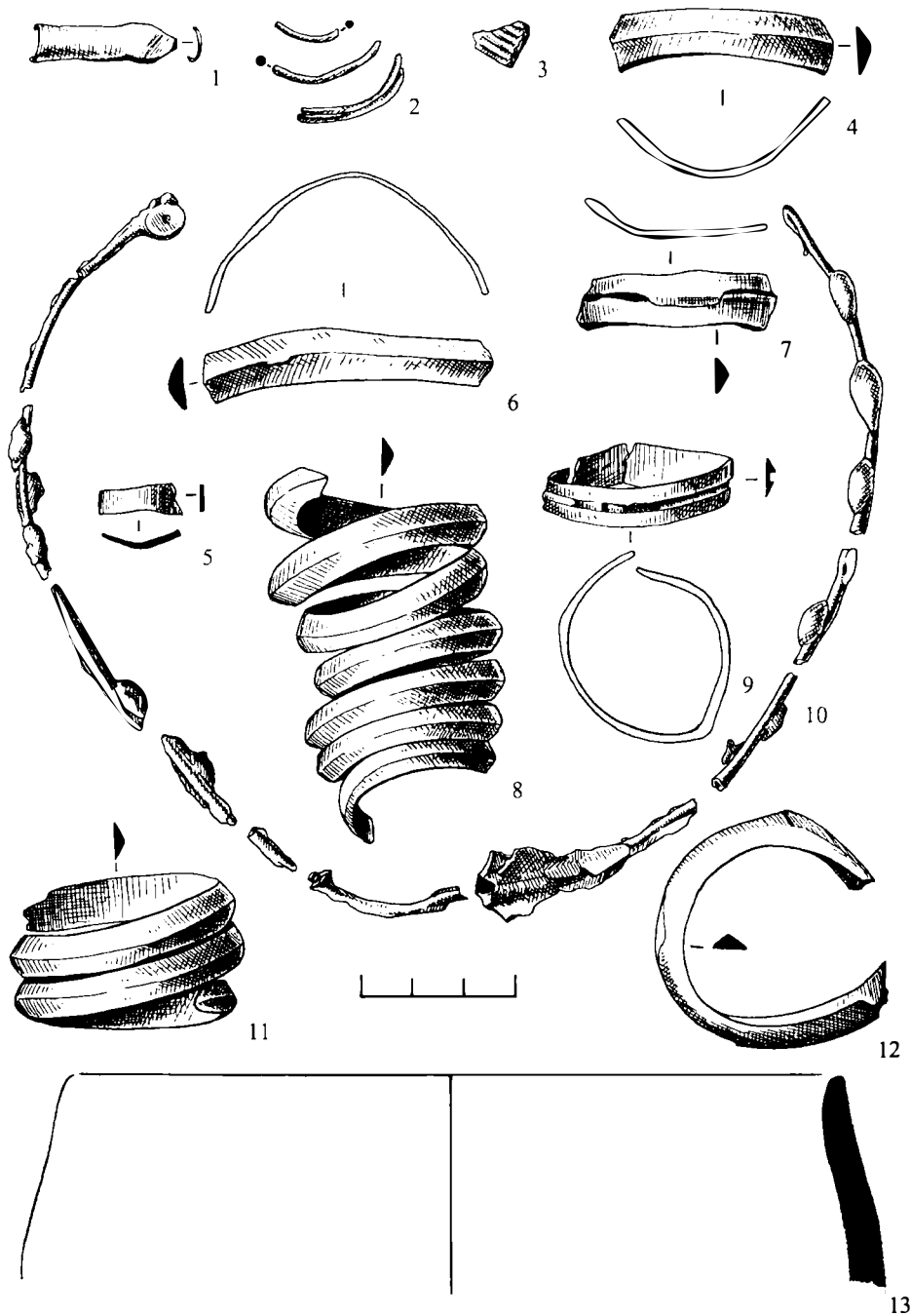

Таблица X. Находки из грунтовых погребений № 7, 8, 10. 1 — погребение № 7; 2—3 — погребение № 10; 4—13 — погребение № 8 (1—9, 11, 12 — цветной металл; 10 — железная гривна с расплавившимися стеклянными бусами, 13 — керамика).

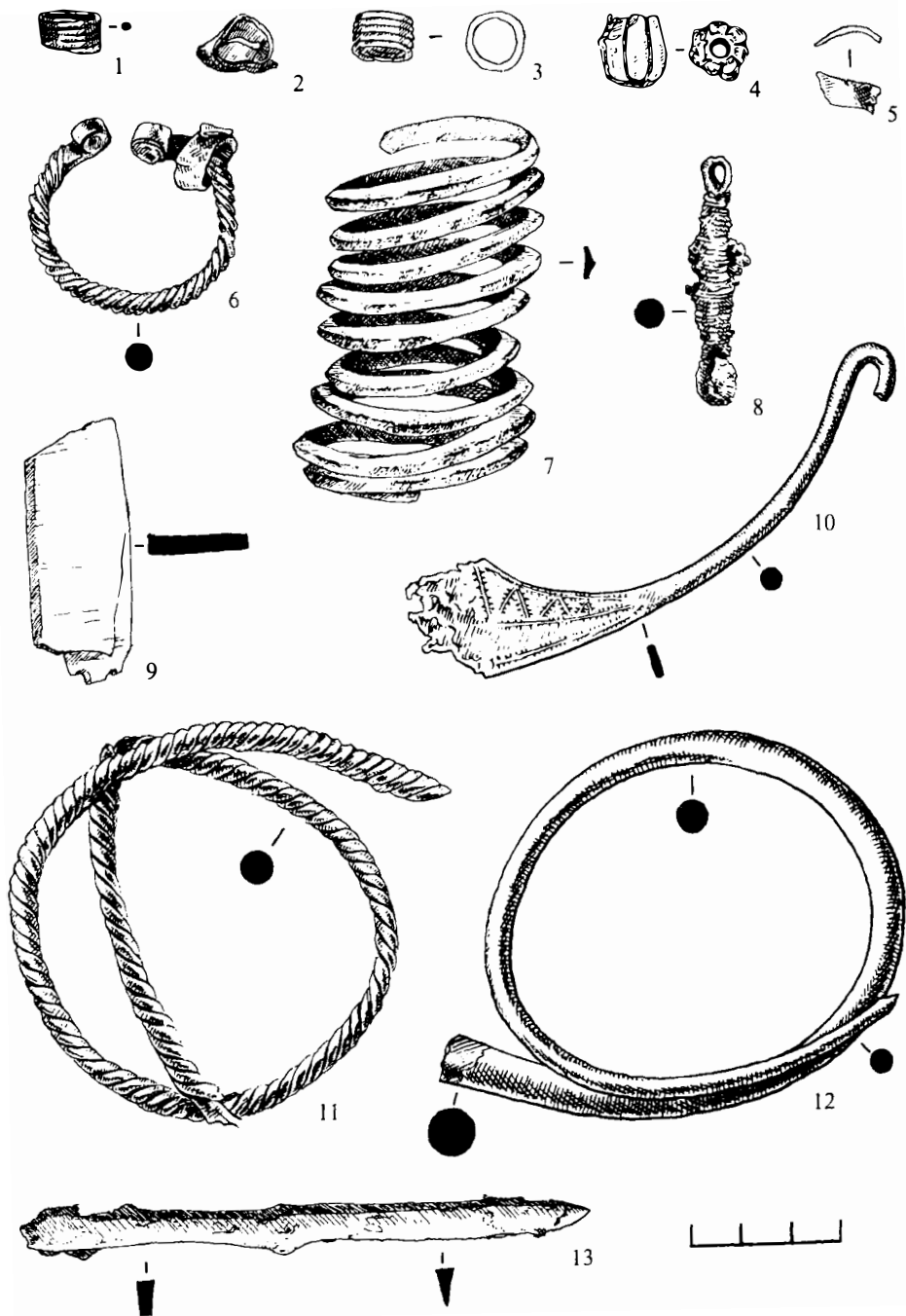

Таблица XI. Находки из грунтового погребения № 11 (1—3, 5—7, 10—12 — цветной металл; 4 — стекло; 8, 13 — железо; 9 — камень).

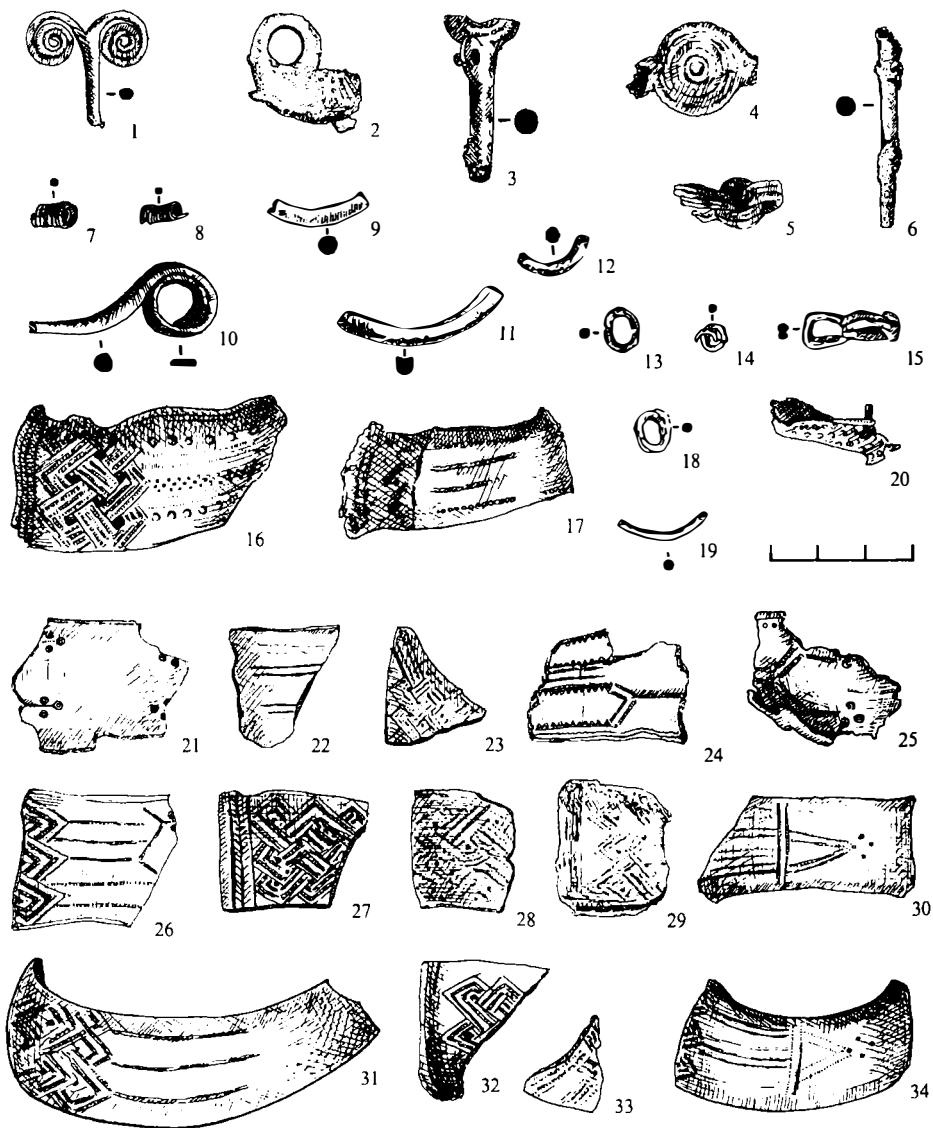

Таблица XII. Находки из условного «погребения» № 12 (1—34 — цветной металл).

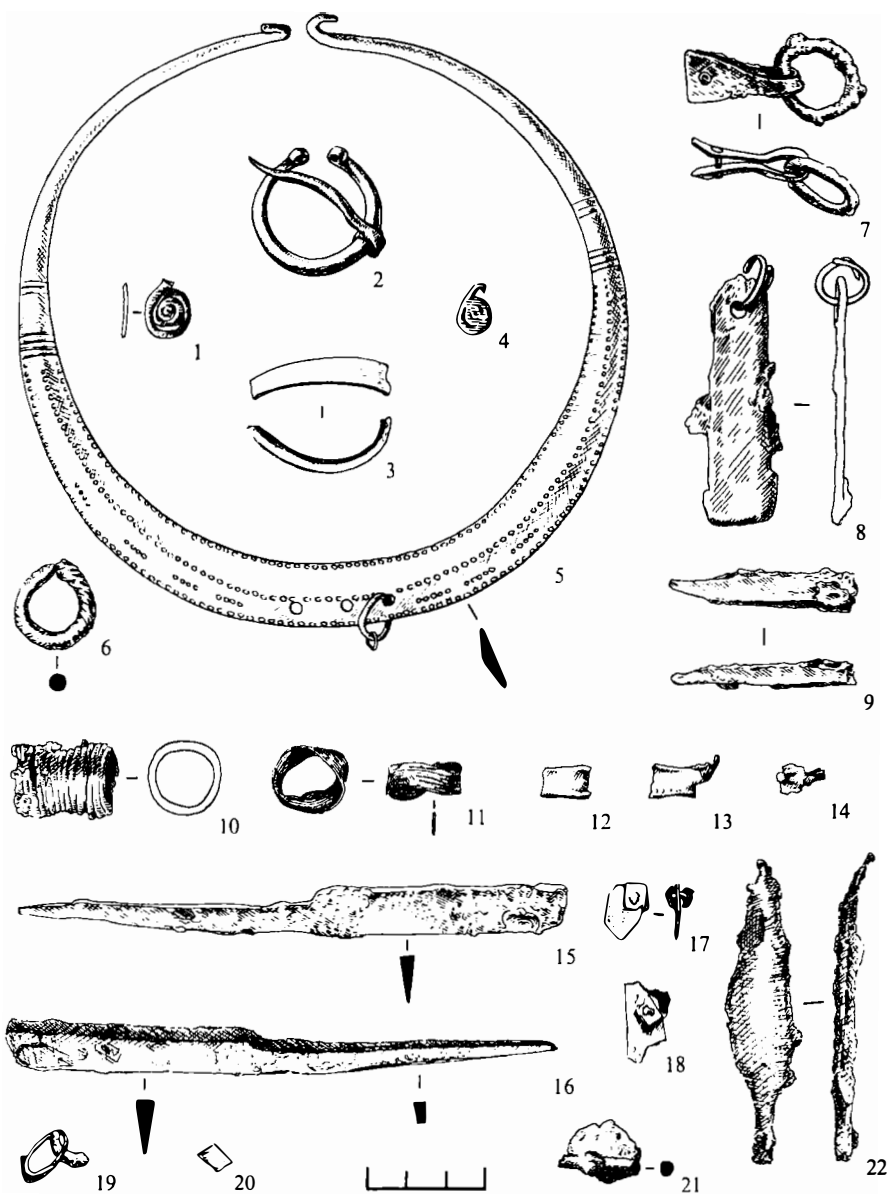

Таблица XIII. Находки из грунтового погребения № 13. 1—11 — из погребальной ямки; 12—22 — из углистого слоя (1—6, 11—13, 20 — цветной металл; 7—10, 14—19, 21—22 — железо).

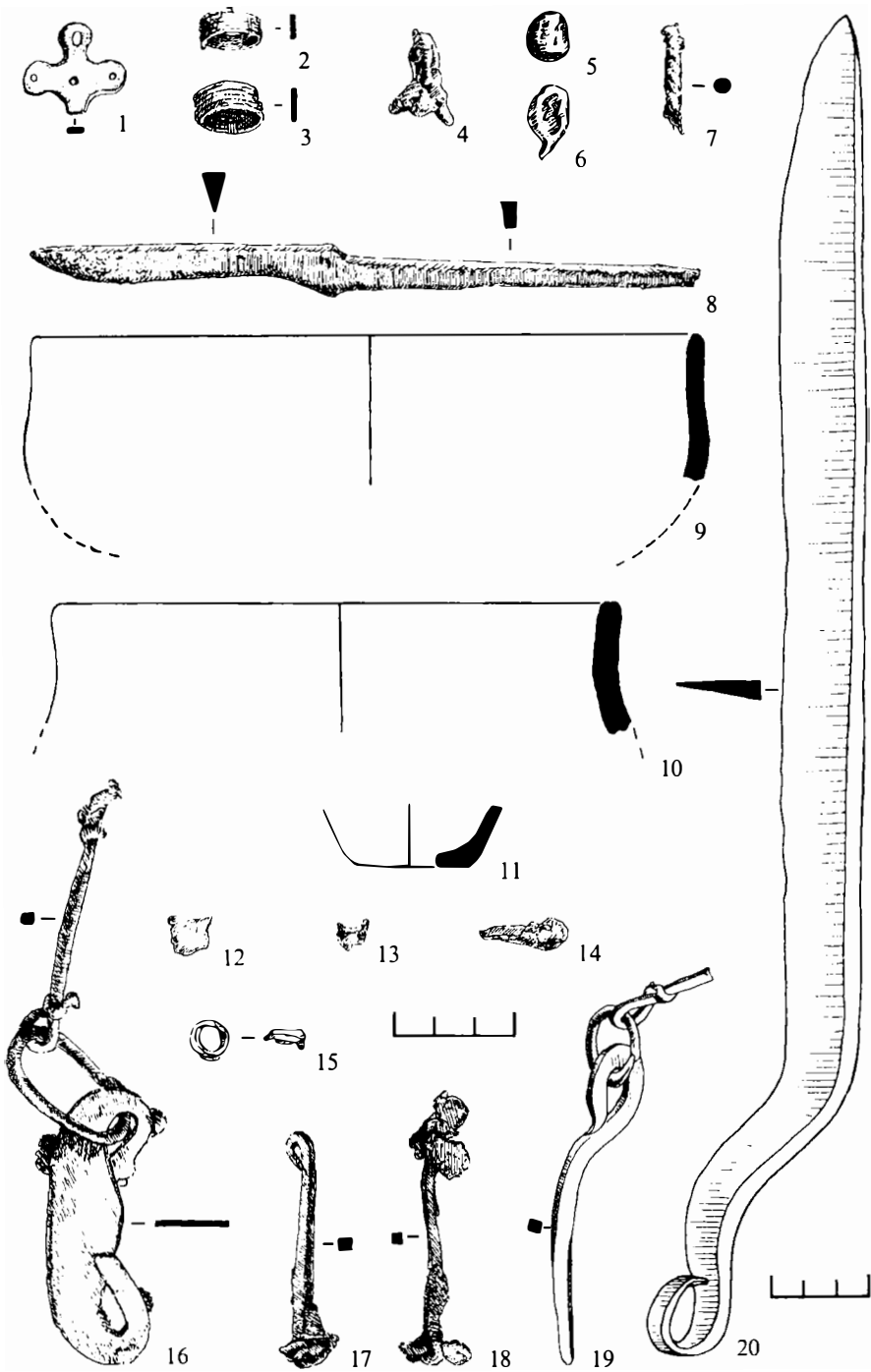

Таблица XIV. Находки из грунтовых погребений № 16 и 17. 1—9 — погребение № 16; 10—20 — погребение № 17 (1—7, 12—15 — цветной металл; 8, 16—20 — железо; 9—11 — керамика).

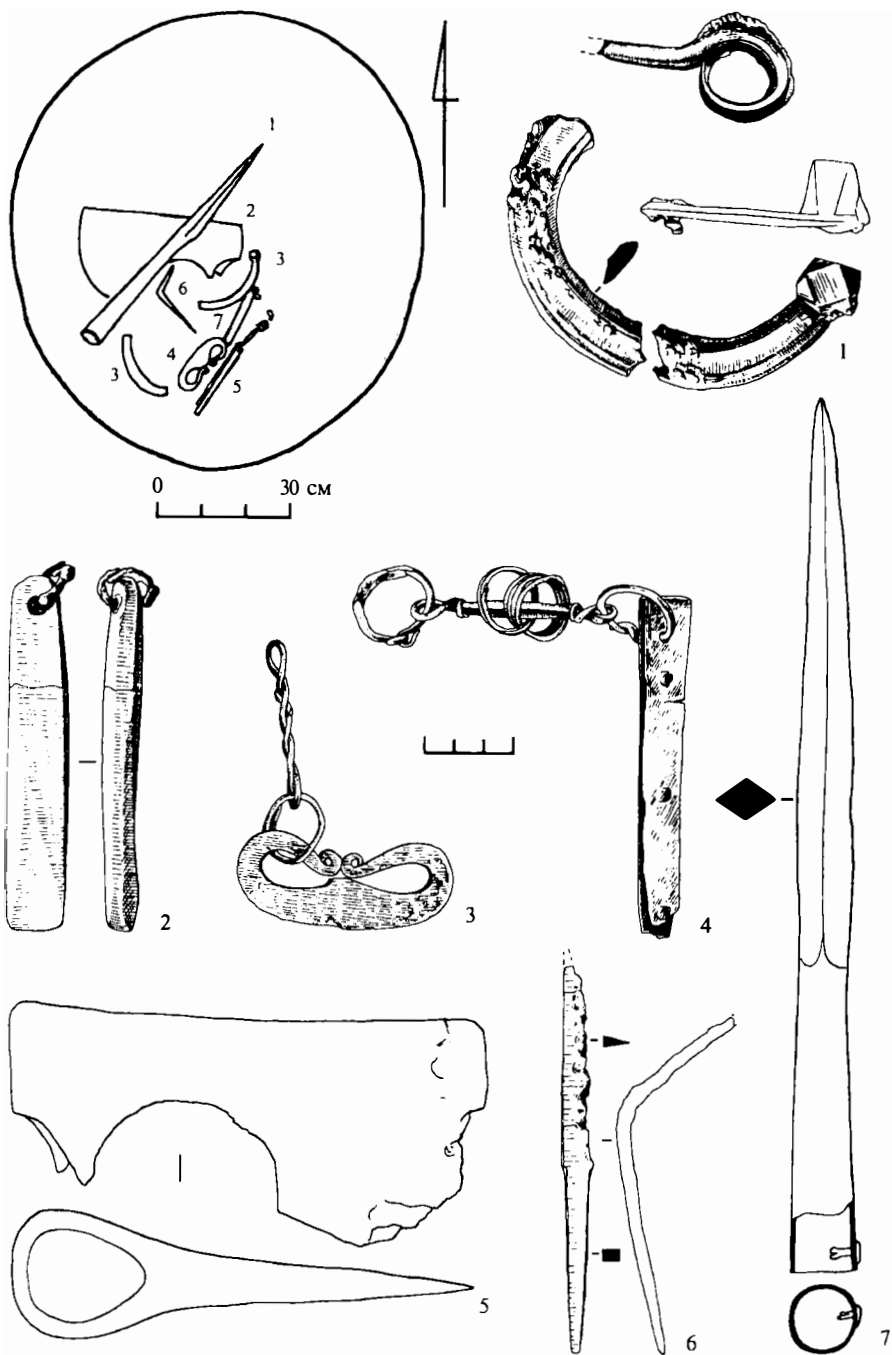

Таблица XV. Грунтовое погребение № 22. Схема расположения вещей на дне погребальной ямки (1 — копьё; 2 — топор; 3 — обломки фибулы; 4 — кресало; 5 — пластина для крепления ремня; 6 — нож; 7 — оселок). Находки: 1 — цветной металл; 2 — каменный оселок с железным кольцом; 3—7 — железо).

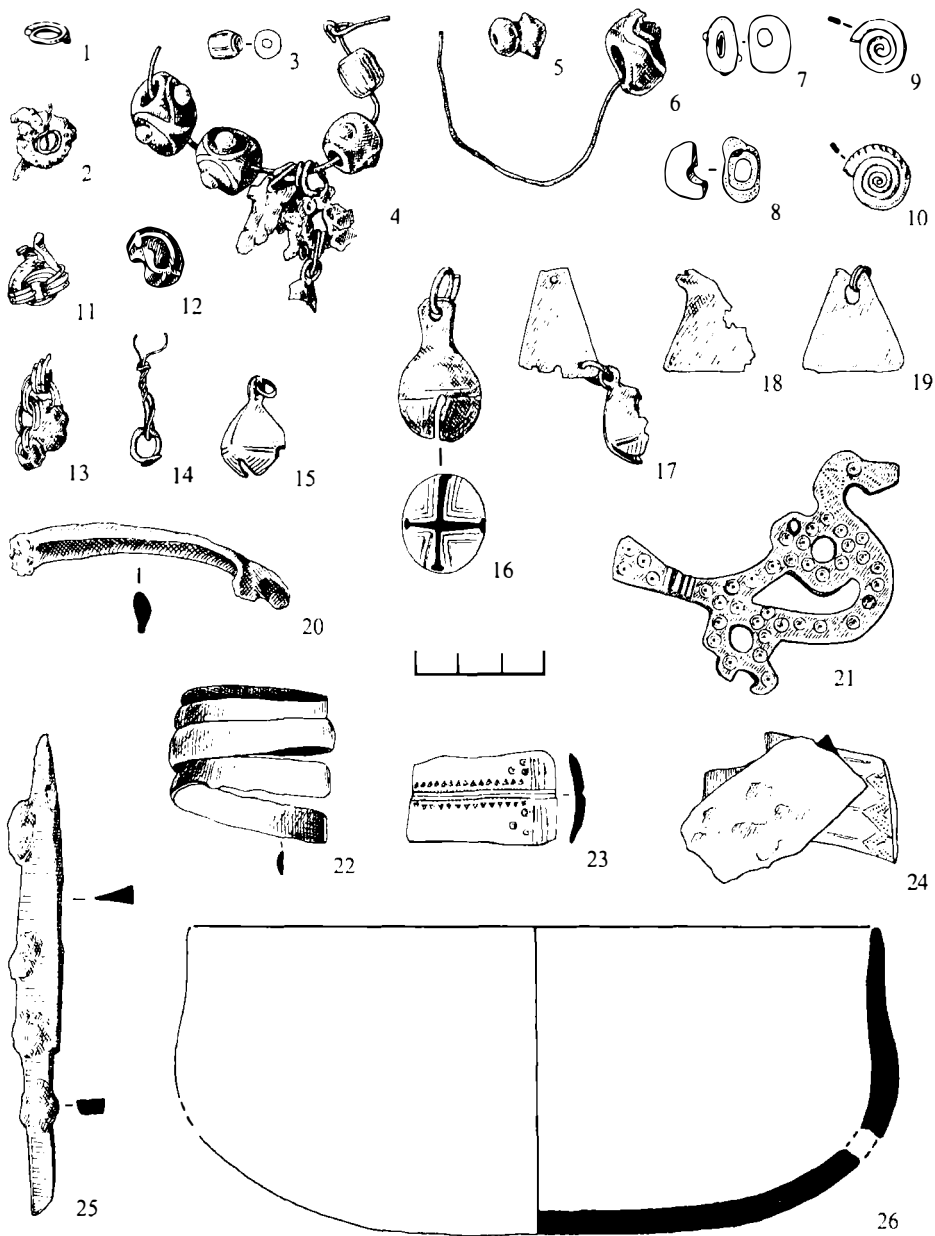

Таблица XVI. Находки из грунтового погребения № 23 (1, 9—11, 13—24 — цветной малахит; 2, 4, 6 — стеклянные бусы, нанизанные на бронзовую проволоку; 3, 5, 7, 8, 12 — стекло; 25 — железо; 26 — керамика).

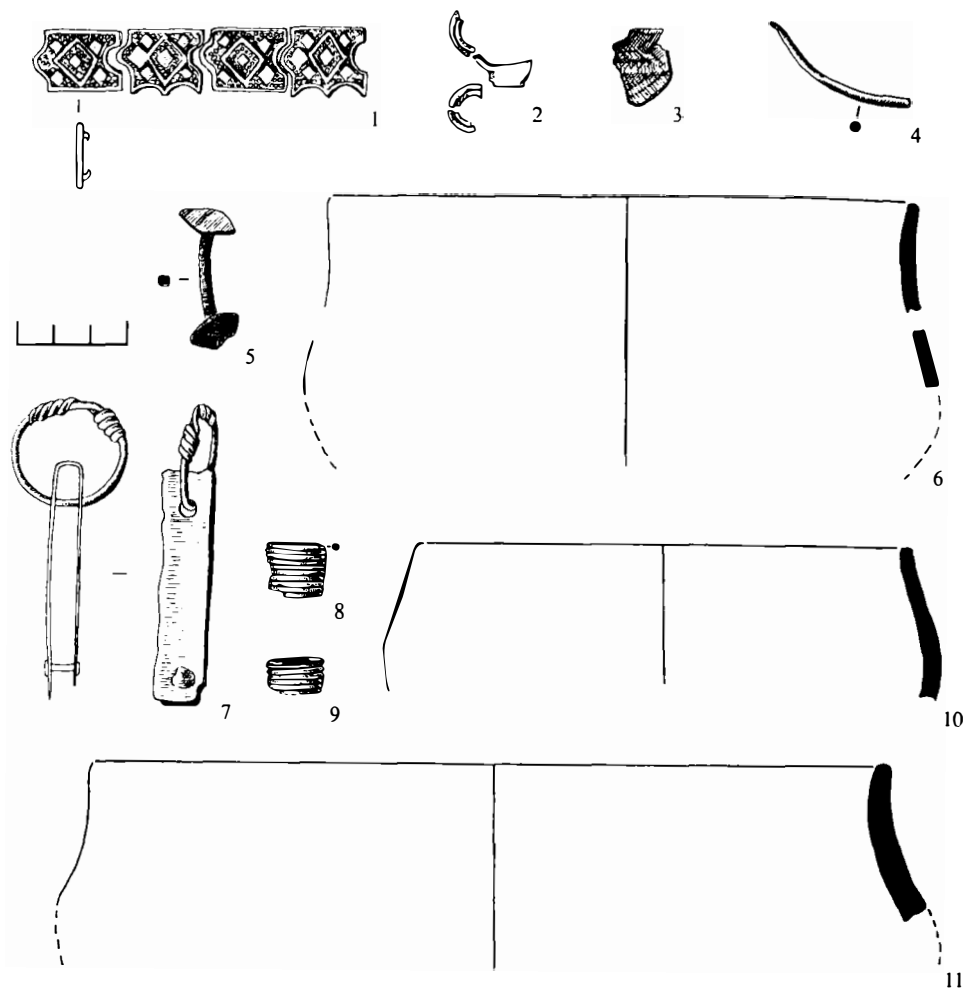

Таблица XVII. Находки из курганов № 100 и 113. 1—6 — курган № 100; 7—11 — курган № 113 (1—4, 8, 9 — цветной металл; 5, 7 — железо; 6, 10, 11 — керамика).

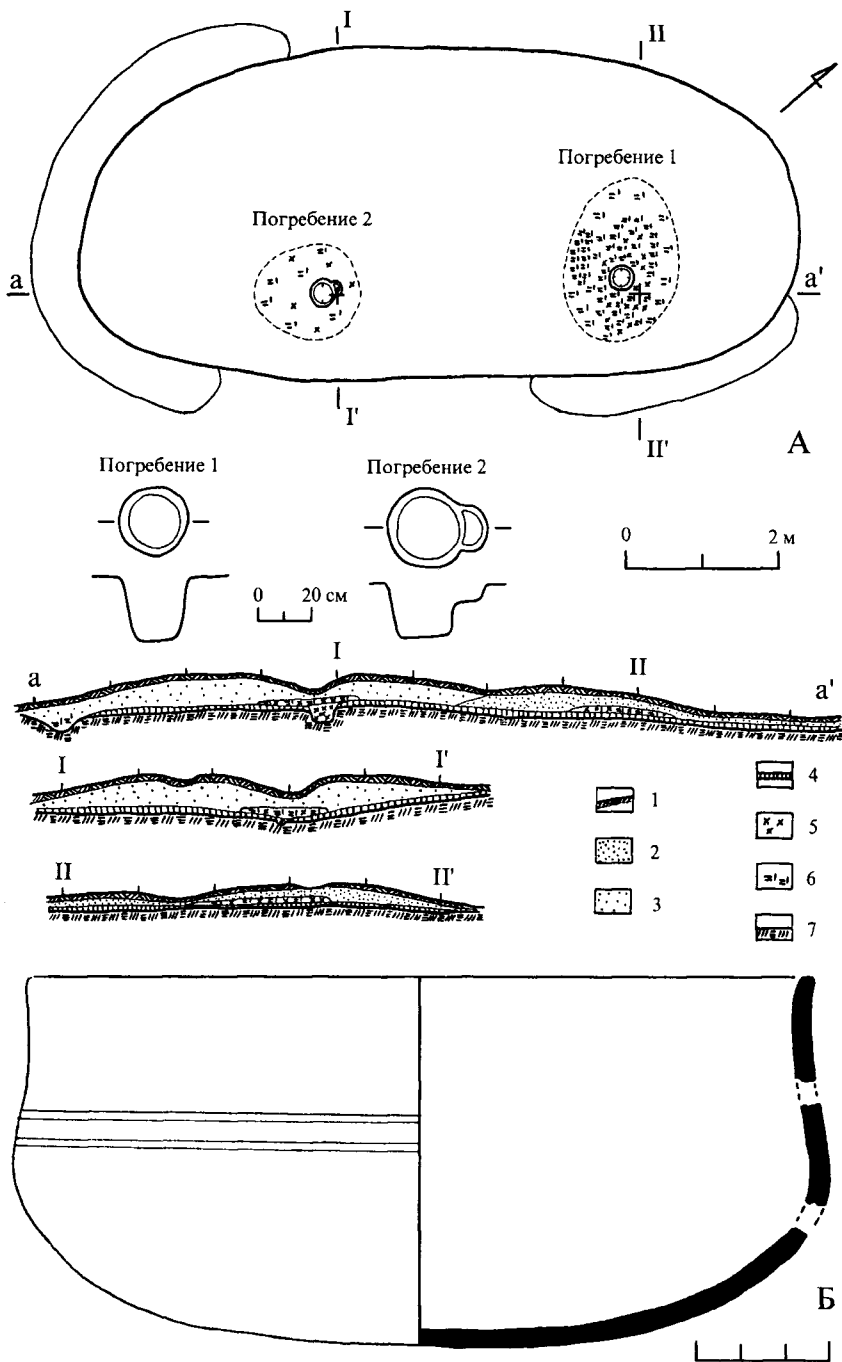

Таблица XVIII. Курган № 120. А — планы и разрезы (1 — дерн; 2 — темно-желтый песок; 3 — светло-желтый песок; 4 — погребенная почва; 5 — кальцинированные кости; 6 — уголь; 7 — материк); Б — лепная миска.

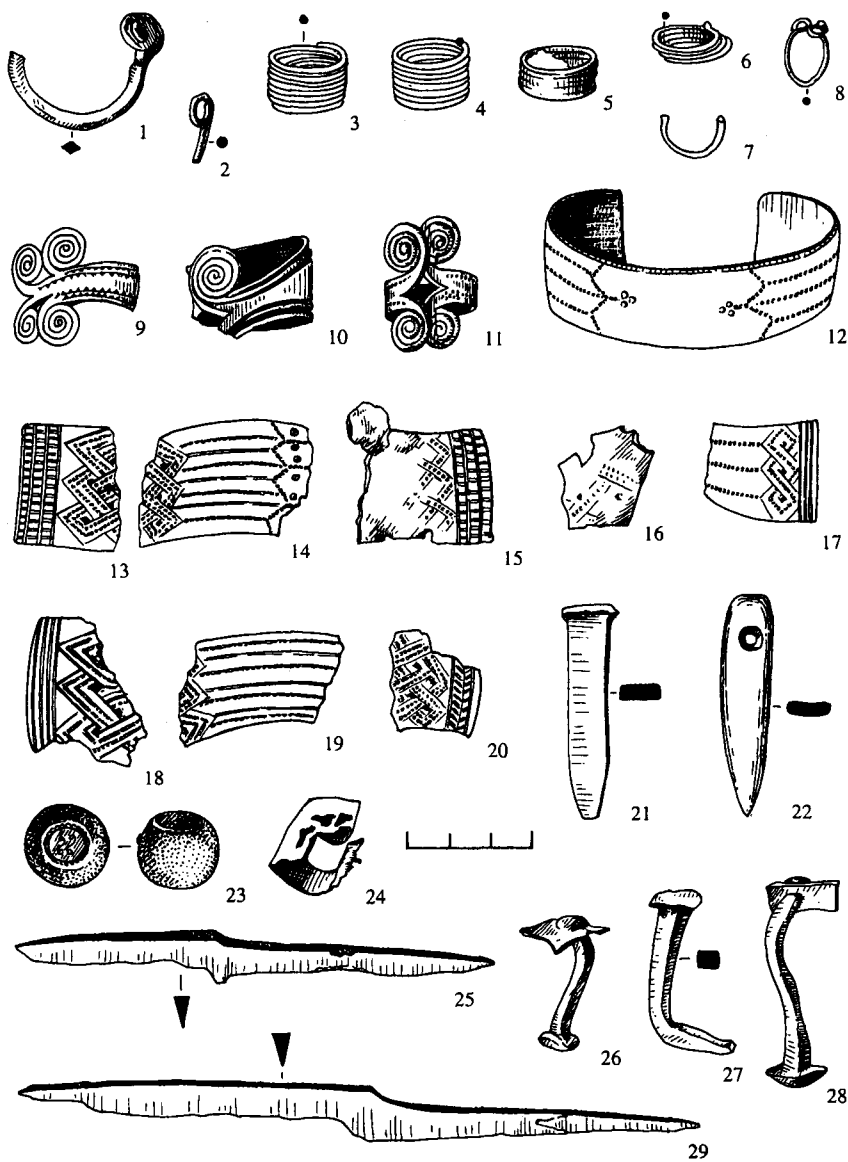

Таблица XIX. Находки из погребений кургана № 120. 1—8, 11, 13—17, 21, 24 — погребение № 1; 9, 10, 12, 18—20, 22, 23, 25—29 — погребение № 2 (1—20, 24 — цветной металл; 21, 25—29 — железо; 22 — камень; 23 — железная гирилка в бронзовой оболочке).

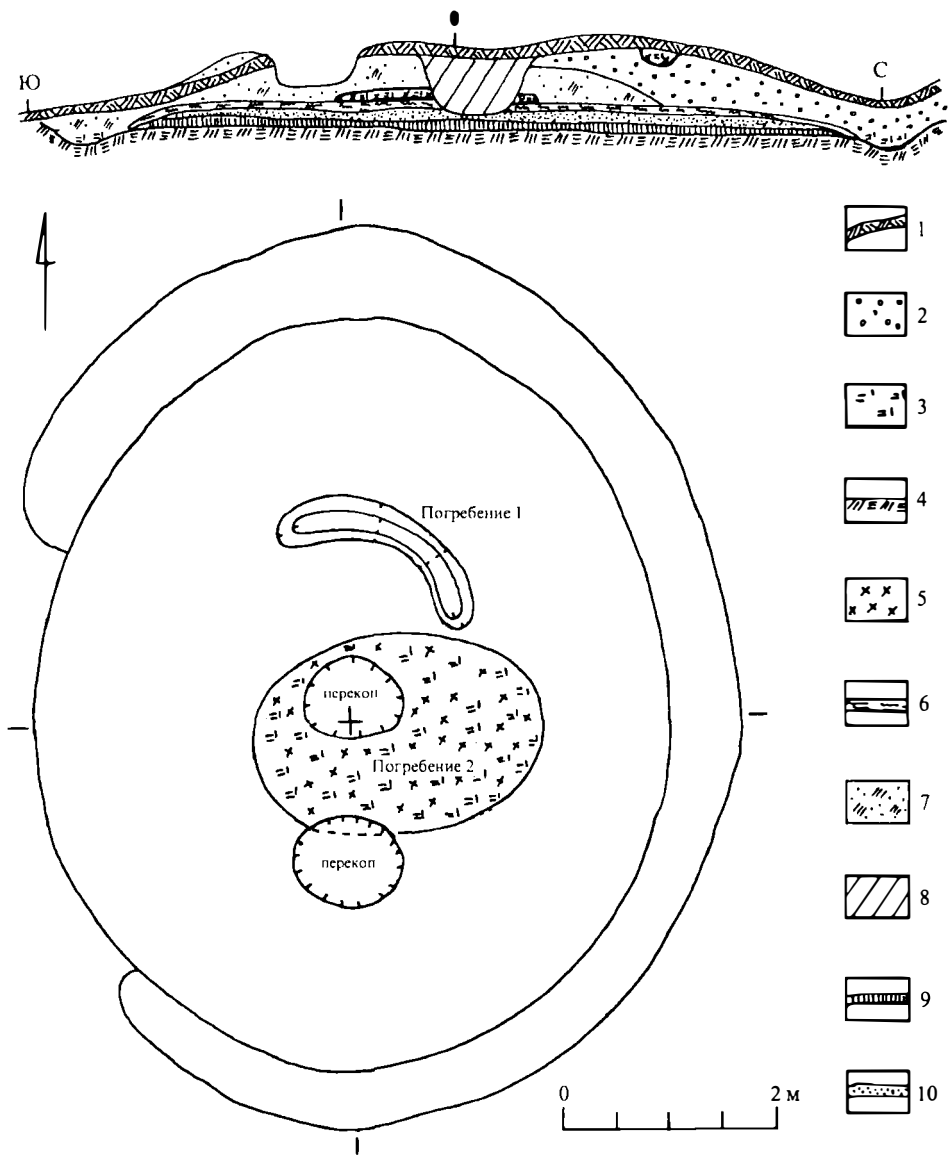

Таблица XX. План и разрез кургана № 121 (1 — дерн; 2 — рыхлый желтый песок; 3 — угли; 4 — материк; 5 — кальцинированные кости; 6 — зольно-пепельный слой; 7 — плотный песок с вкраплениями гумуса; 8 — перекоп; 9 — погребенная почва; 10 — подсыпка из плотного желтого песка).

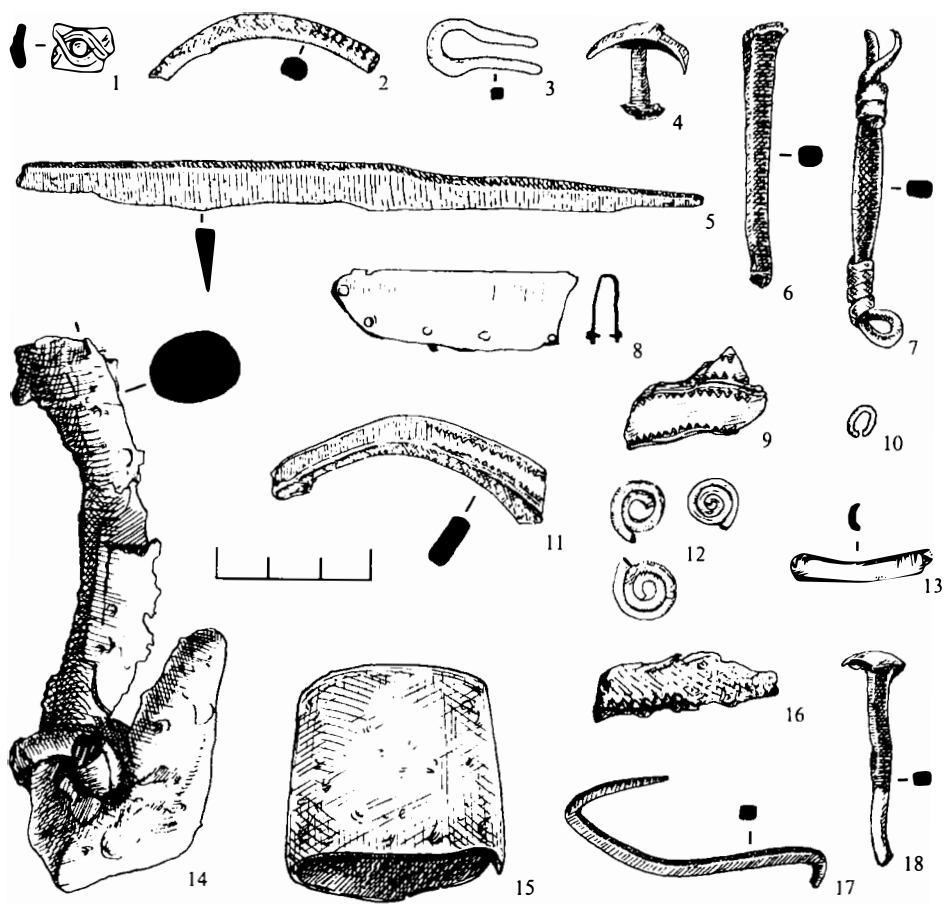

Таблица XXI. Находки из погребений кургана № 121. 1—7 — погребение № 1; 8—18 — погребение № 2 (1—3, 8—13, 16 — цветной металл; 4—7, 14, 15, 17, 18 — железо).

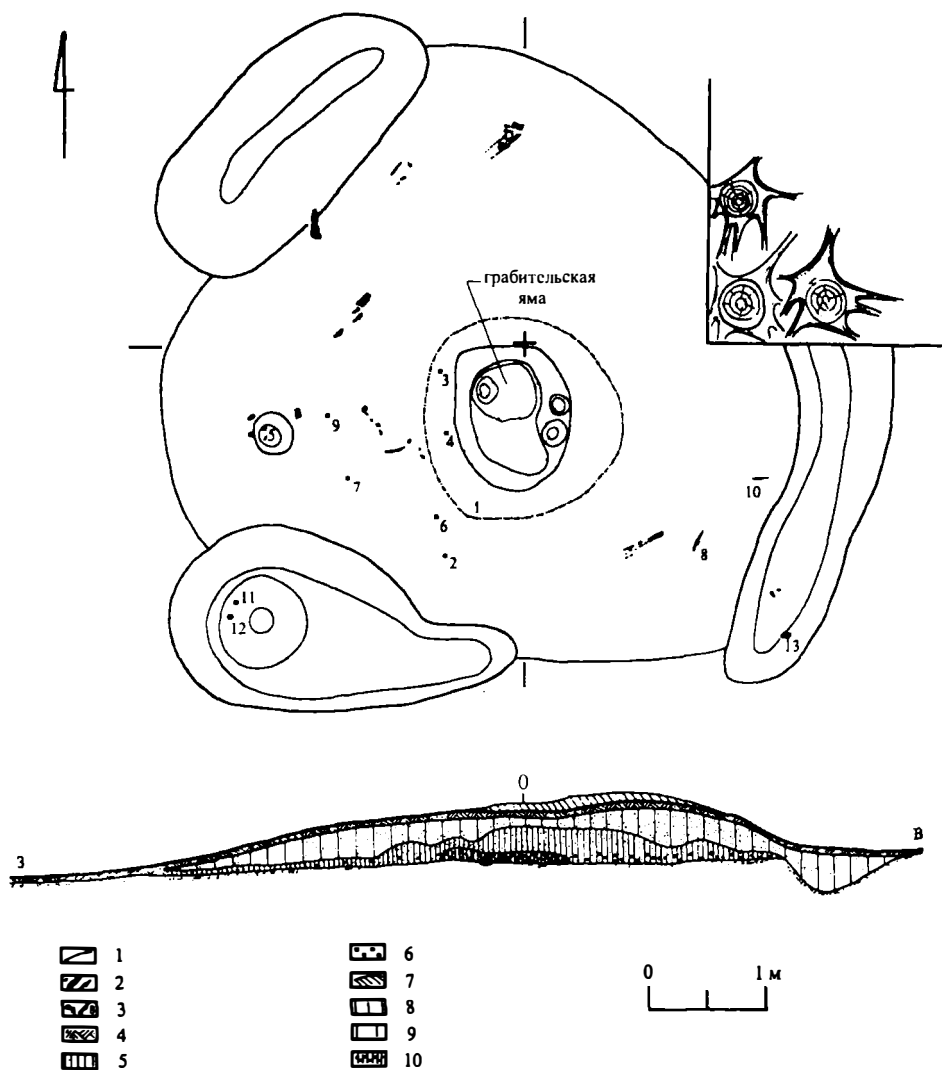

Таблица XXII. Курган № 122. План и разрез (1 — граница углистого слоя; 2 — угольные плашки; 3 — места находок; 4 — дерн; 5 — темно-серый золистый гумусированный песок; 6 — угли; 7 — отвал грабительской ямы; 8 — розовый песок; 9 — желтый гумусированный песок; 10 — углистый слой). Находки на погребальной площадке и в ровике: 1 — бубенчик со спекшимися бусами; 2, 3 — бубенчики; 4 — обломок ножа; 5 — фрагмент бронзового предмета; 6 — оплавленная бусина; 7 — фрагмент перстня с волютами; 8 — наконечник копья; 9, 12 — оплавленные бронзовые предметы; 10 — нож; 11 — наконечник стрелы; 13 — фрагменты керамики.

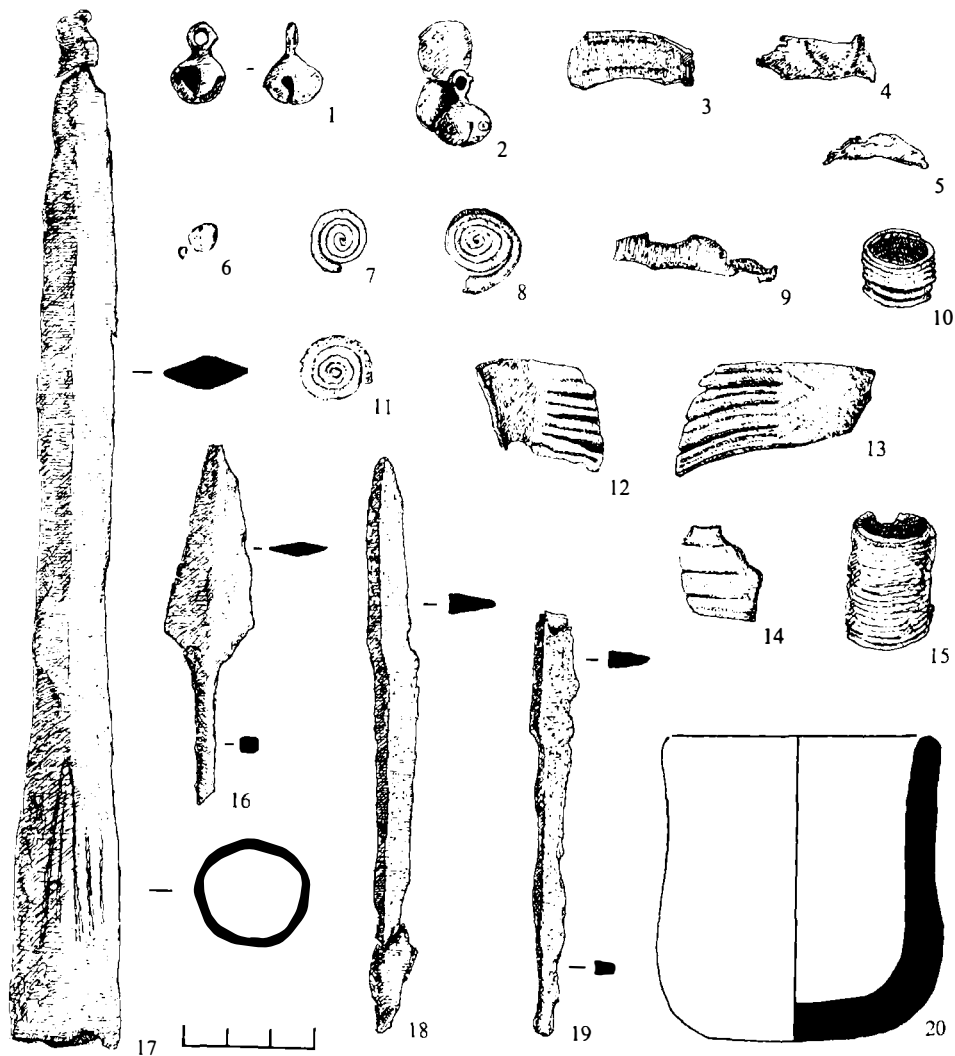

Таблица XXIII. Находки из кургана № 122 (1—14 — цветной металл; 15—19 — железо; 20 — керамика).

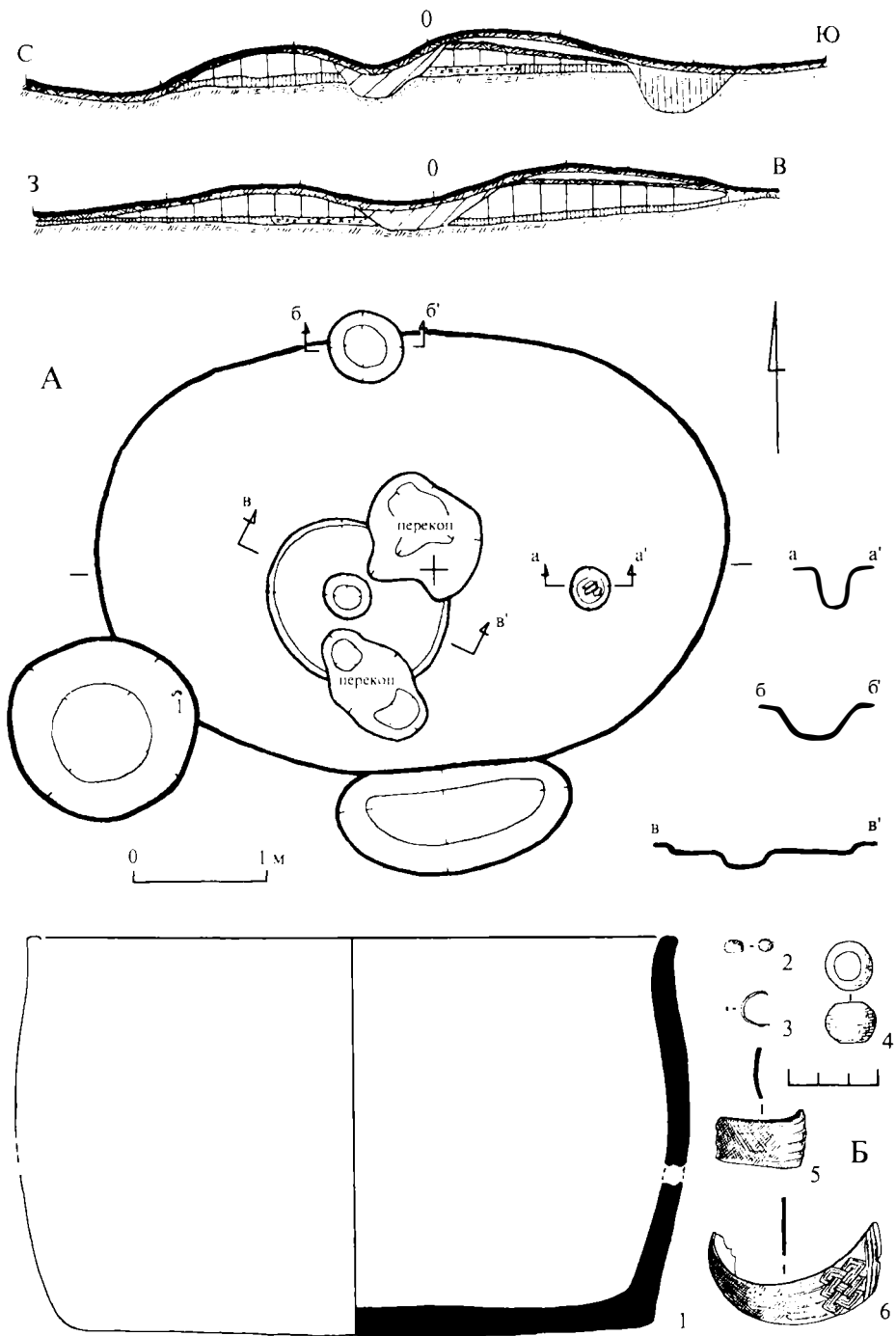

Таблица XXIV. Курган № 125. План и разрезы. находки (1 — керамика; 2, 3, 5, 6 — цветной металл; 4 — железная гирька в бронзовой оболочке).

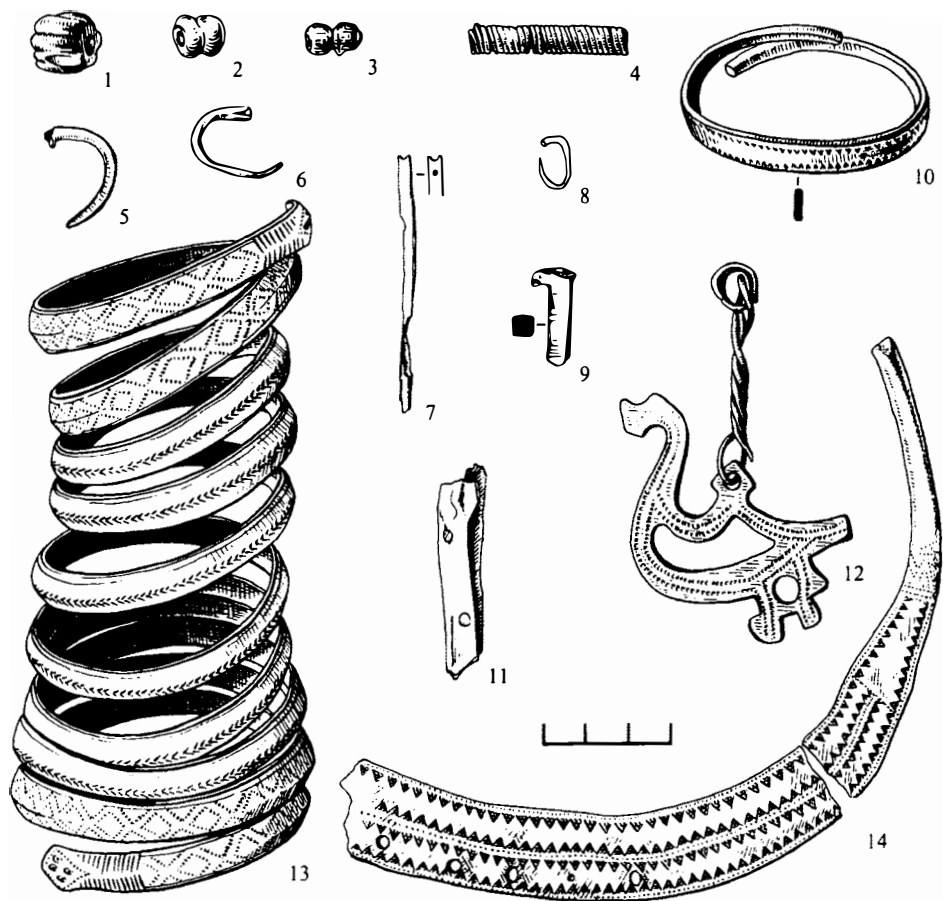

Таблица XXV. Находки из кургана № 128 (1—3 — стекло; 4—14 — цветной металл).

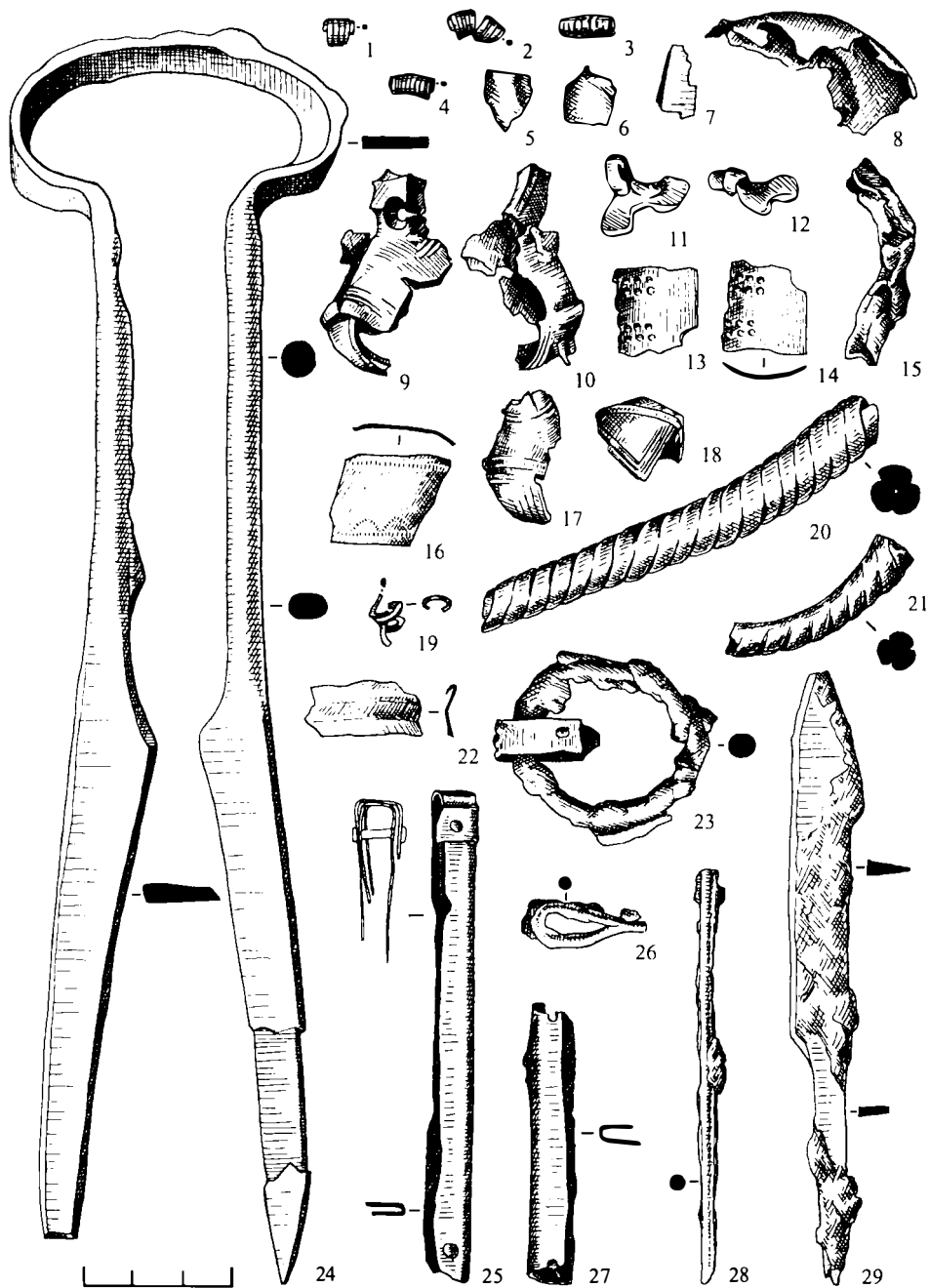

Таблица XXVI. Находки из кургана № 129 (1—22, 25, 27 — цветной металл; 24, 26, 28, 29 — железо; 23 — железное кольцо с бронзовой обоймочкой).

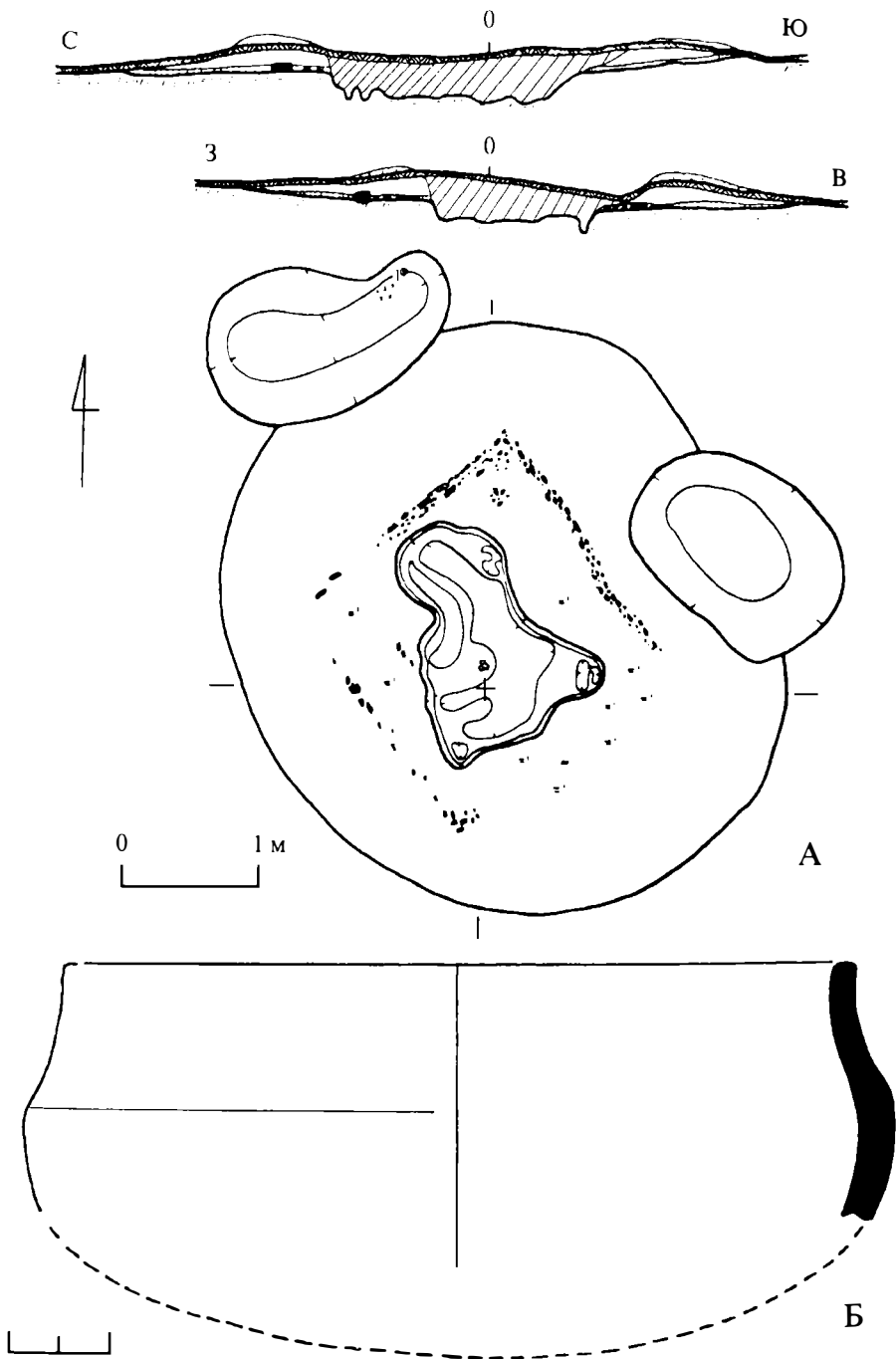

Таблица XXVII. Курган № 130. А — план и разрезы; Б — лепная миска.

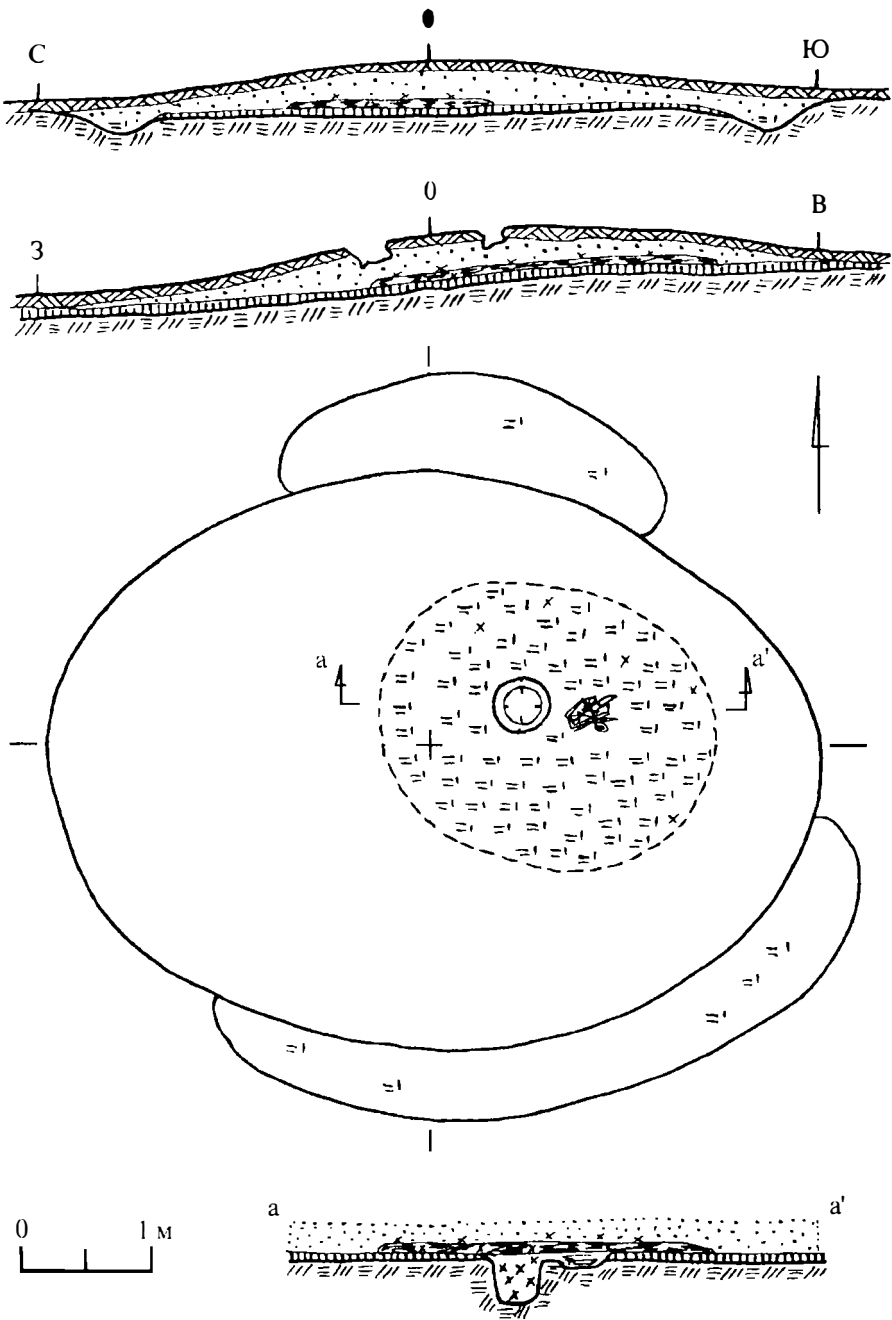

Таблица XXVIII. План и разрезы кургана № 131.

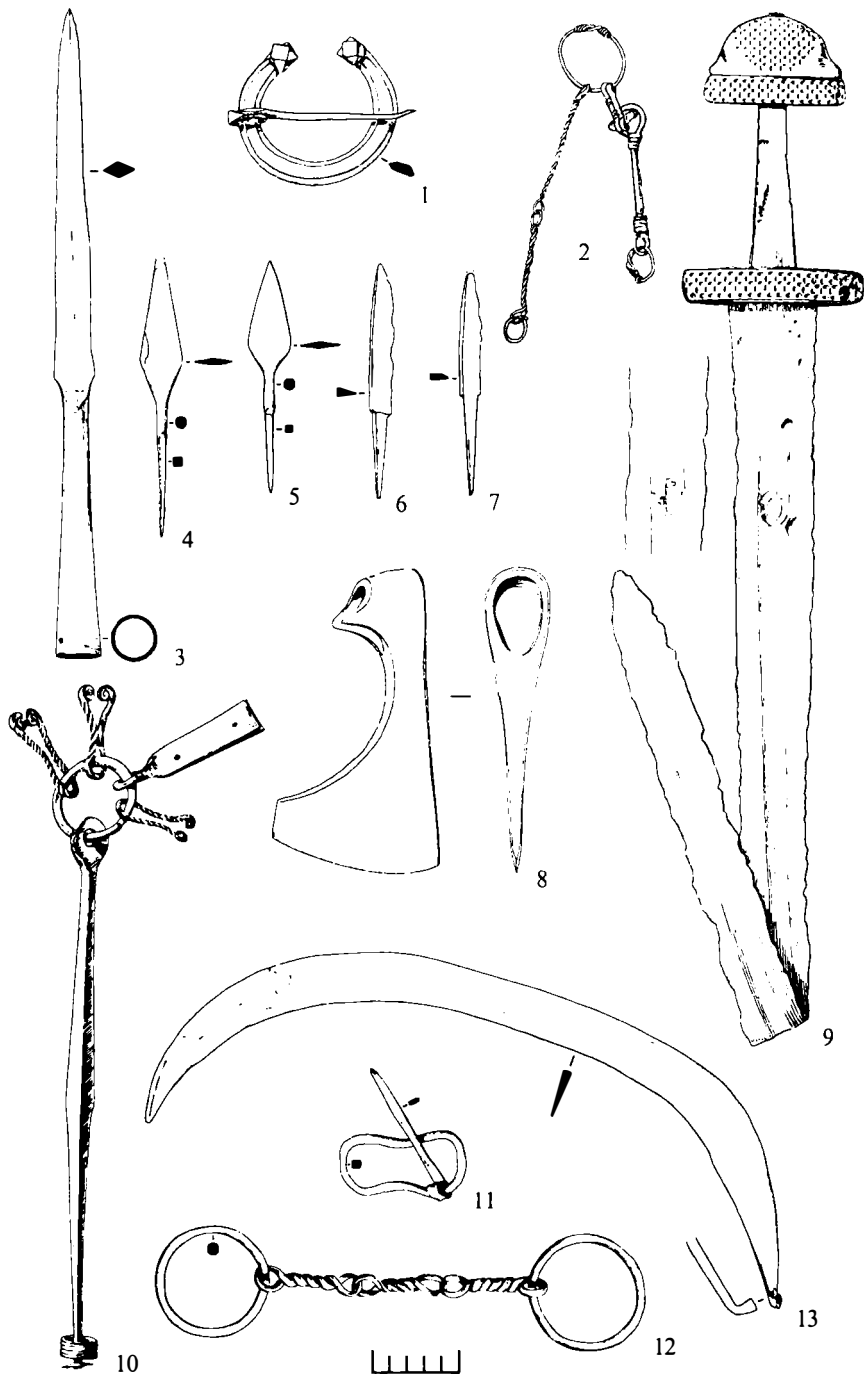

Таблица XXIX. Комплекс вещей, помещенных рядом с погребальной ямкой кургана № 131 (1 — цветной металл; 2—13 — железо).

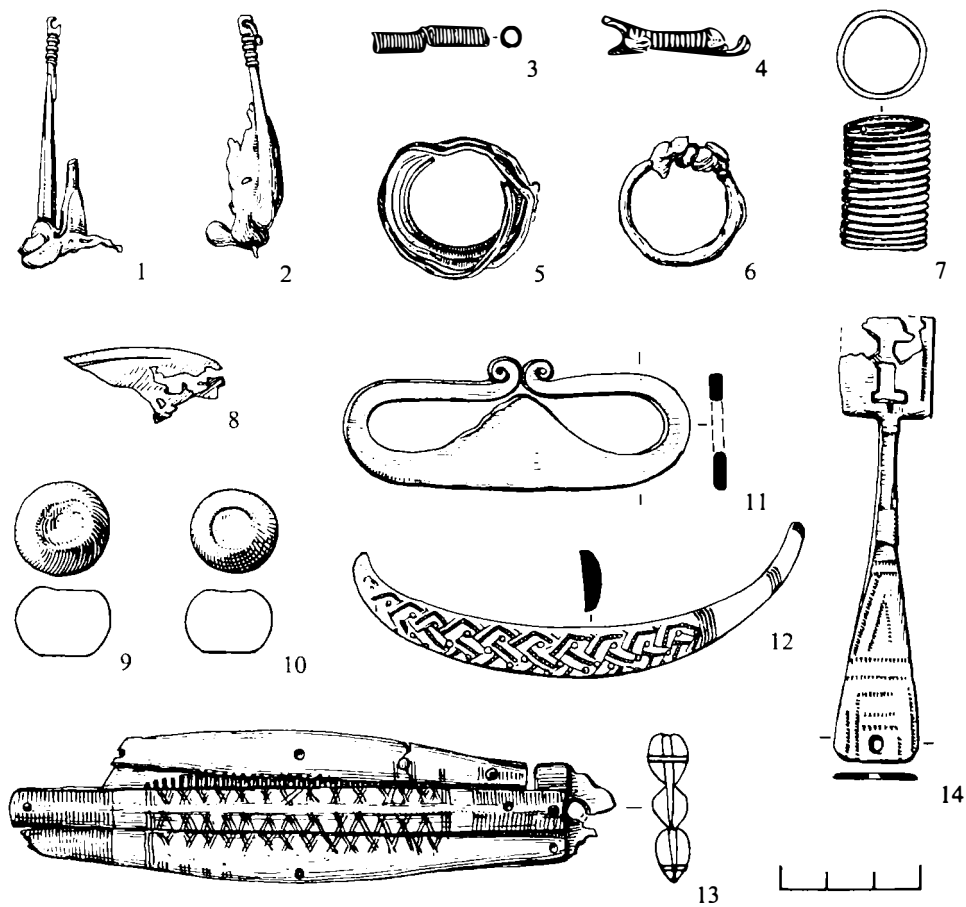

Таблица XXX. Находки из погребения кургана № 131 (3, 5, 8, 12 — цветной металл; 1, 2, 4, 6, 7, 11, 14 — железо; 9, 10 — железные гирички в бронзовой оболочке; 13 — кость).

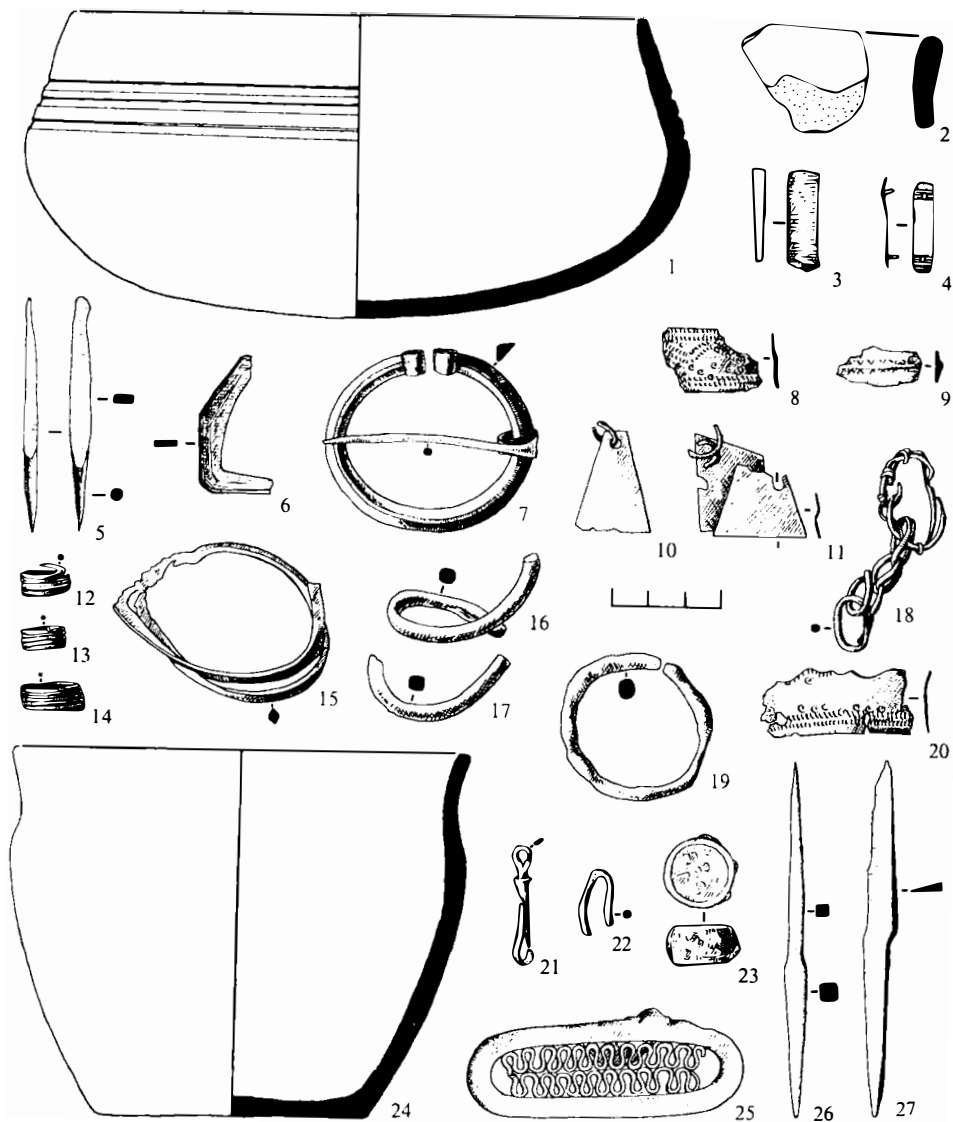

Таблица XXXI. Находки из курганов № 133 и 134. 1—6 — курган № 133; 7—27 — курган № 134 (1, 2, 24 — керамика; 3, 5, 18, 19, 23, 25—27 — железо; 4, 6—17, 20—22 — цветной металл).

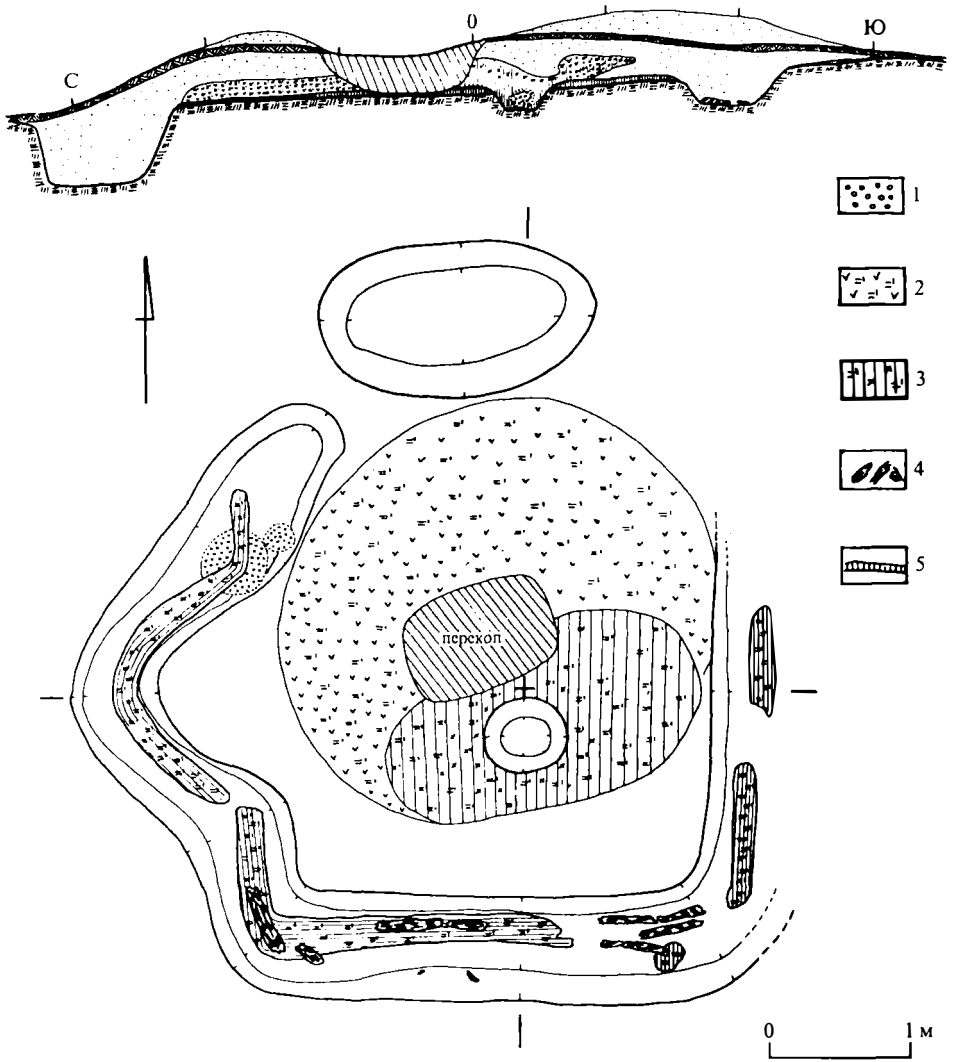

Таблица XXXII. План и разрез кургана № 135 (1 — прокаленный красный песок; 2 — зольно-угольный слой; 3 — углистый слой с кальцинированными костями; 4 — угольные плахи; 5 — погребенная почва).

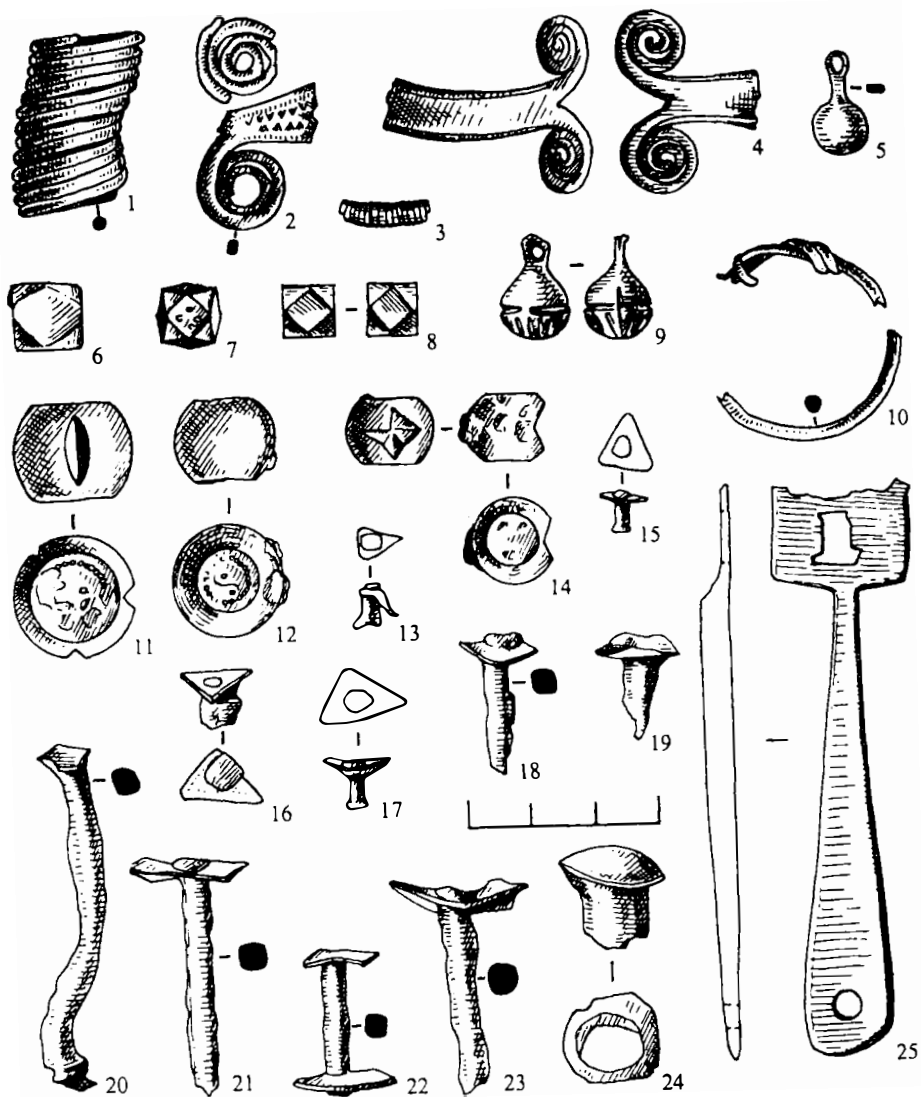

Таблица XXXIII. Находки из кургана № 135 (1, 10, 13, 15—25 — железо; 9 — цветной металл; 6—8, 11, 12, 14 — железные гирьки в бронзовой оболочке).

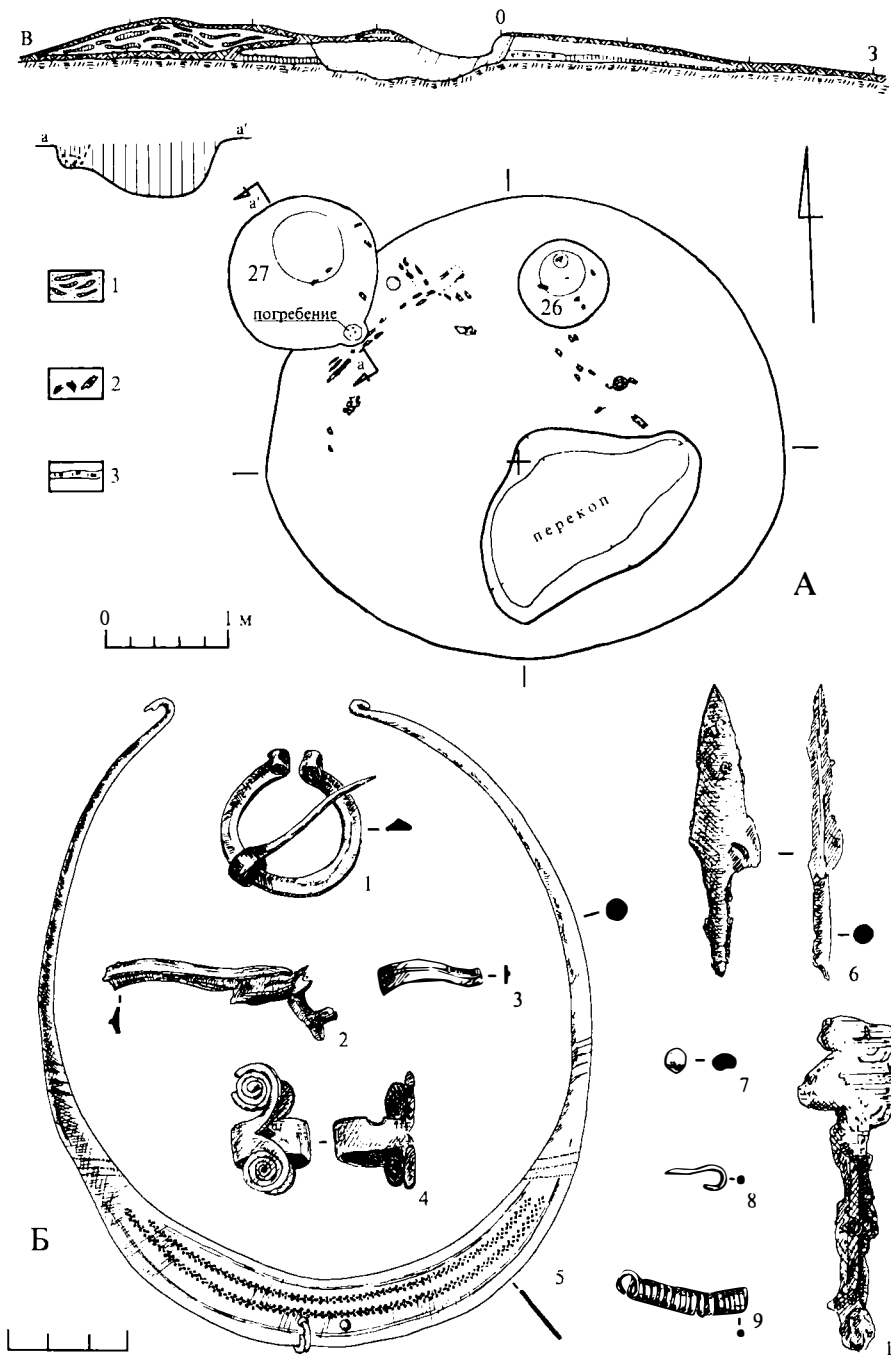

Таблица XXXIV. Курган № 158. А — план и разрез (1 — выброс грабительской ямы; 2 — угольные плахи; 3 — углистый слой); Б — находки: 1—5 — вещи из погребения в яме № 27; 6—10 — вещи из углистого слоя (1—5, 7—9 — цветной металл; 6, 10 — железо).

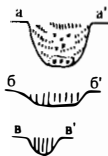
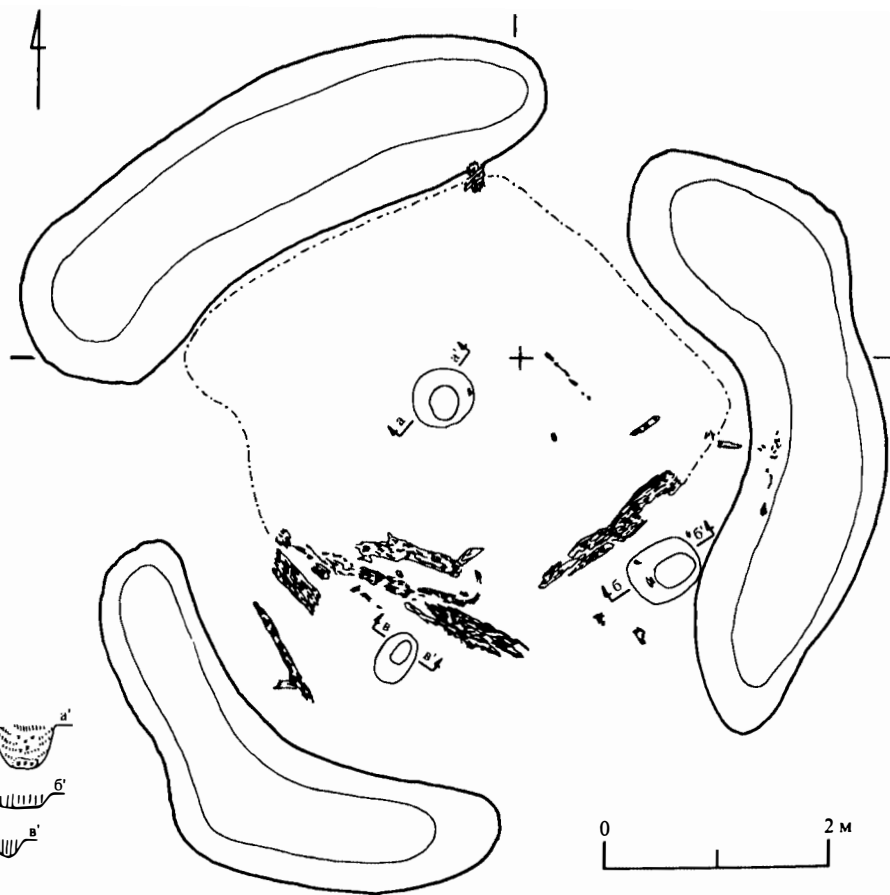
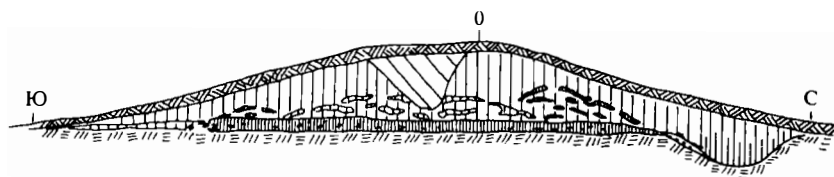

Таблица XXXV. План и разрез кургана № 162а.

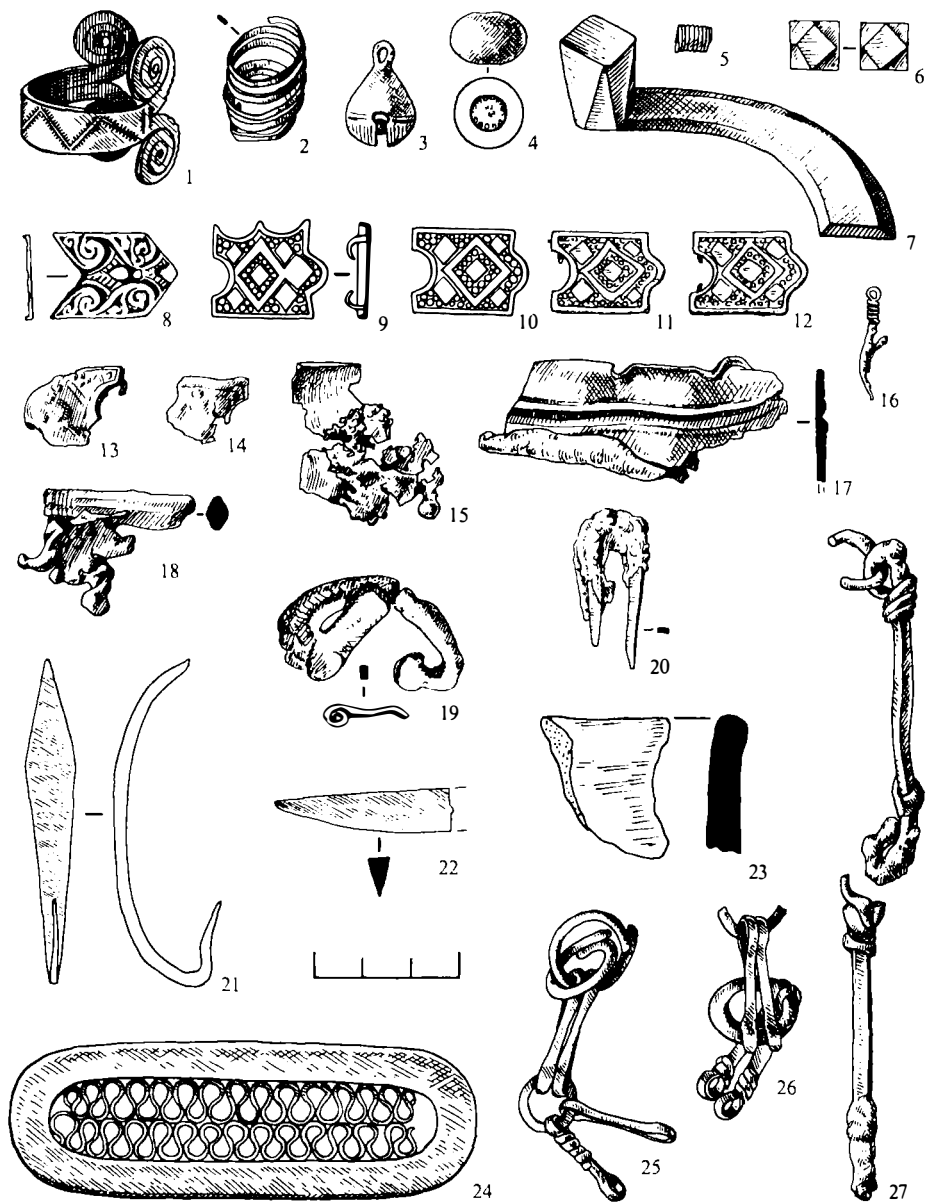

Таблица XXXVI. Находки из кургана № 162а (1—3, 5, 7—19, 25, 26 — цветной металл; 20—22, 24, 27 — железо; 4, 6 — железные гирьки в бронзовой оболочке; 23 — керамика).

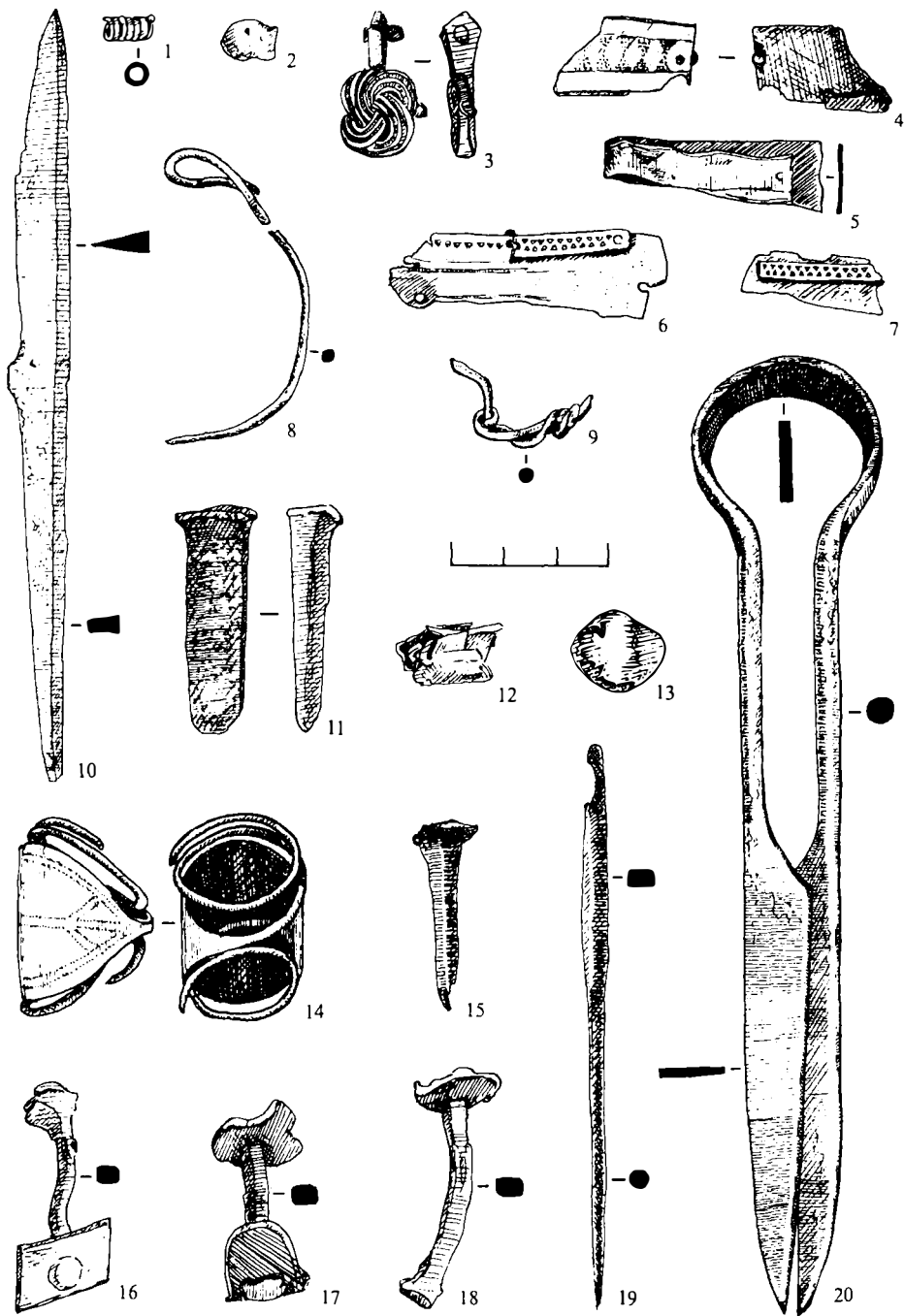

Таблица XXXVII. Находки из курганов № 163, 166. 1—11 — курган № 163; 12—20 — курган № 164 (1—9, 12, 14 — цветной металл; 10, 11, 15—20 — железо; 13 — стекло).

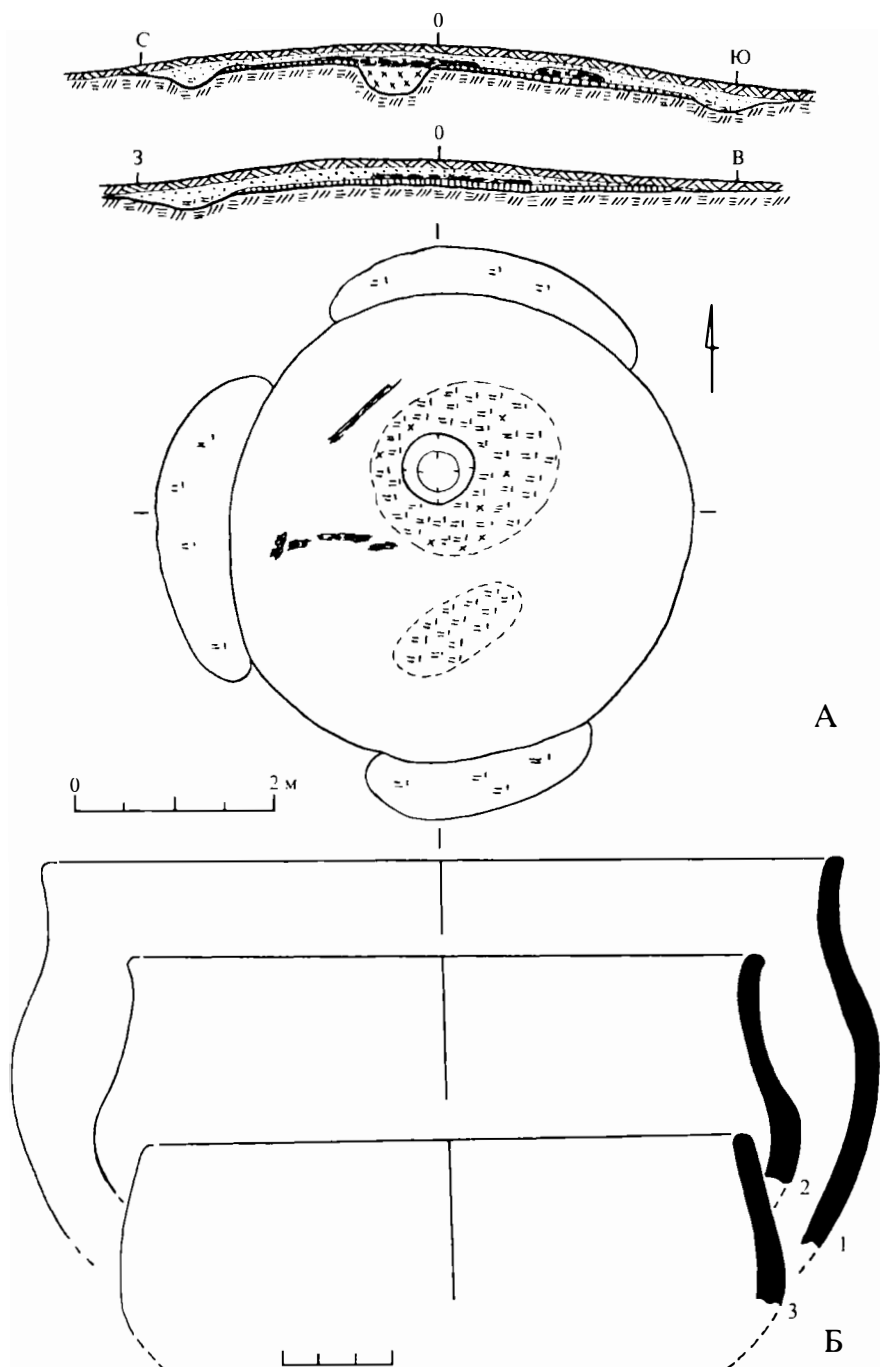

Таблица XXXVIII. Курган № 164. А — план и разрезы; Б — лепные сосуды.

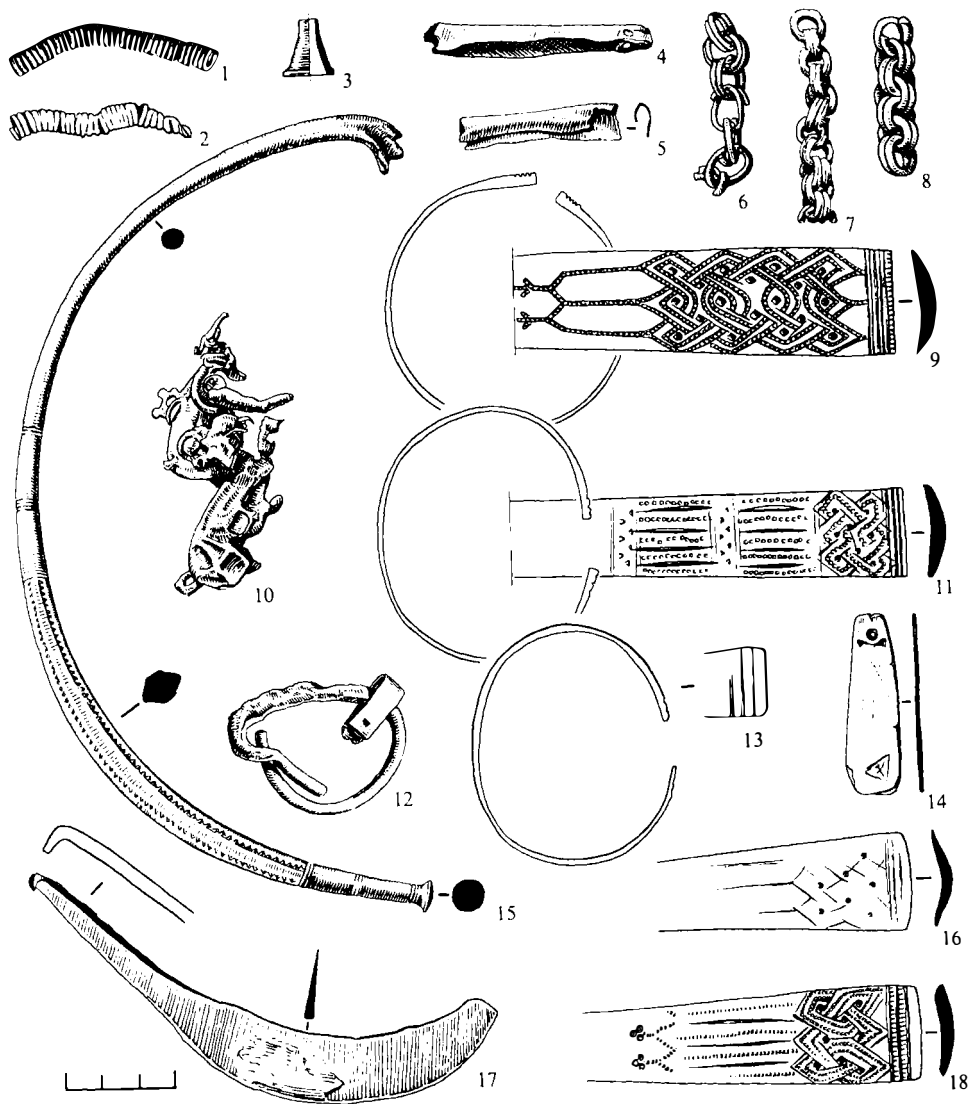

Таблица XXXIX. Находки из кургана № 164 (1—13, 15, 16, 18 — цветной металл; 14 — камень; 17 — железо).

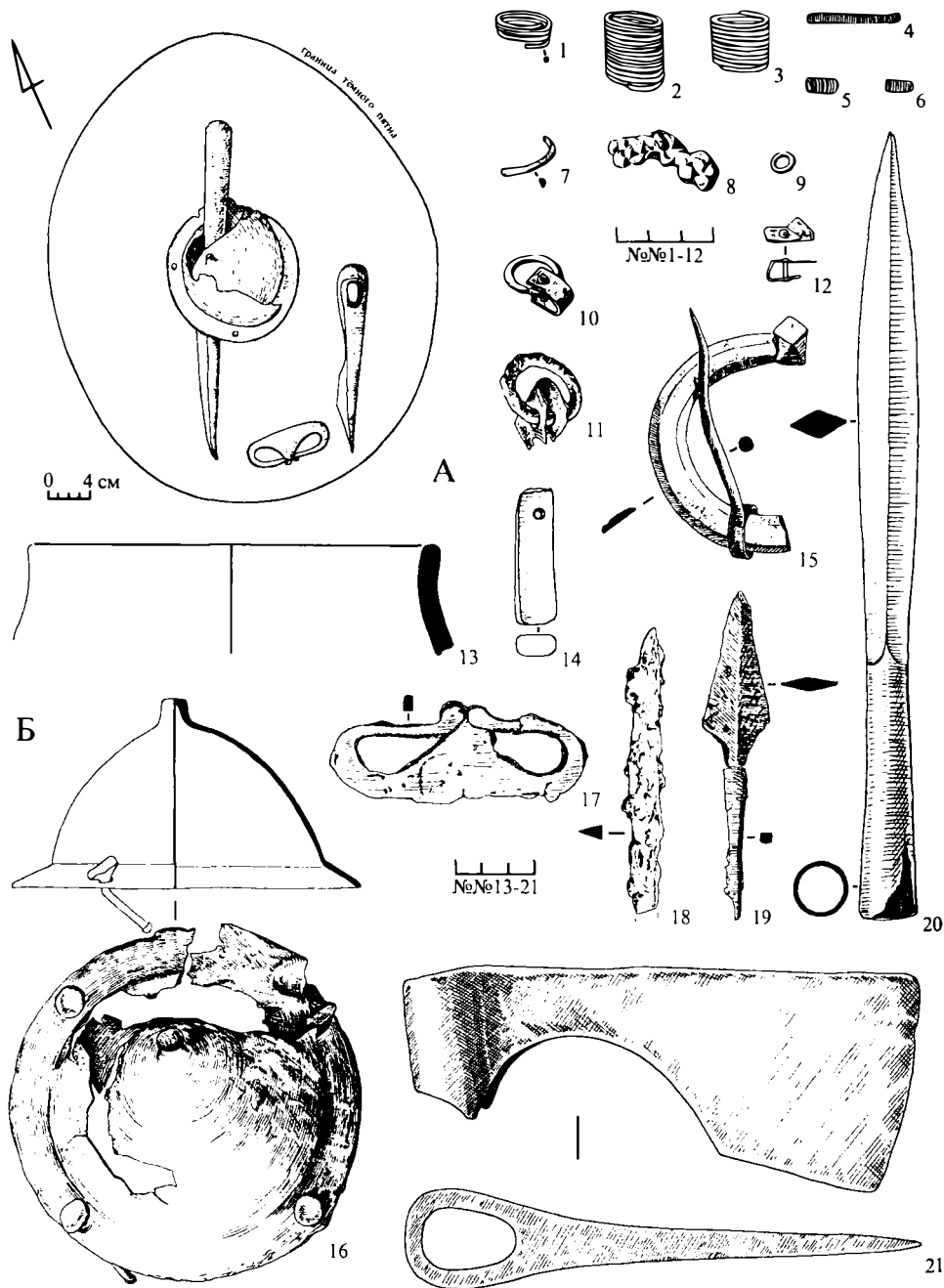

Таблица XL. Курган № 202. А — план расположения вещей над погребальной ямкой; Б — находки (1, 3—9, 15 — цветной металл; 2, 10—12, 16—21 — железо; 13 — керамика; 14 — камень).

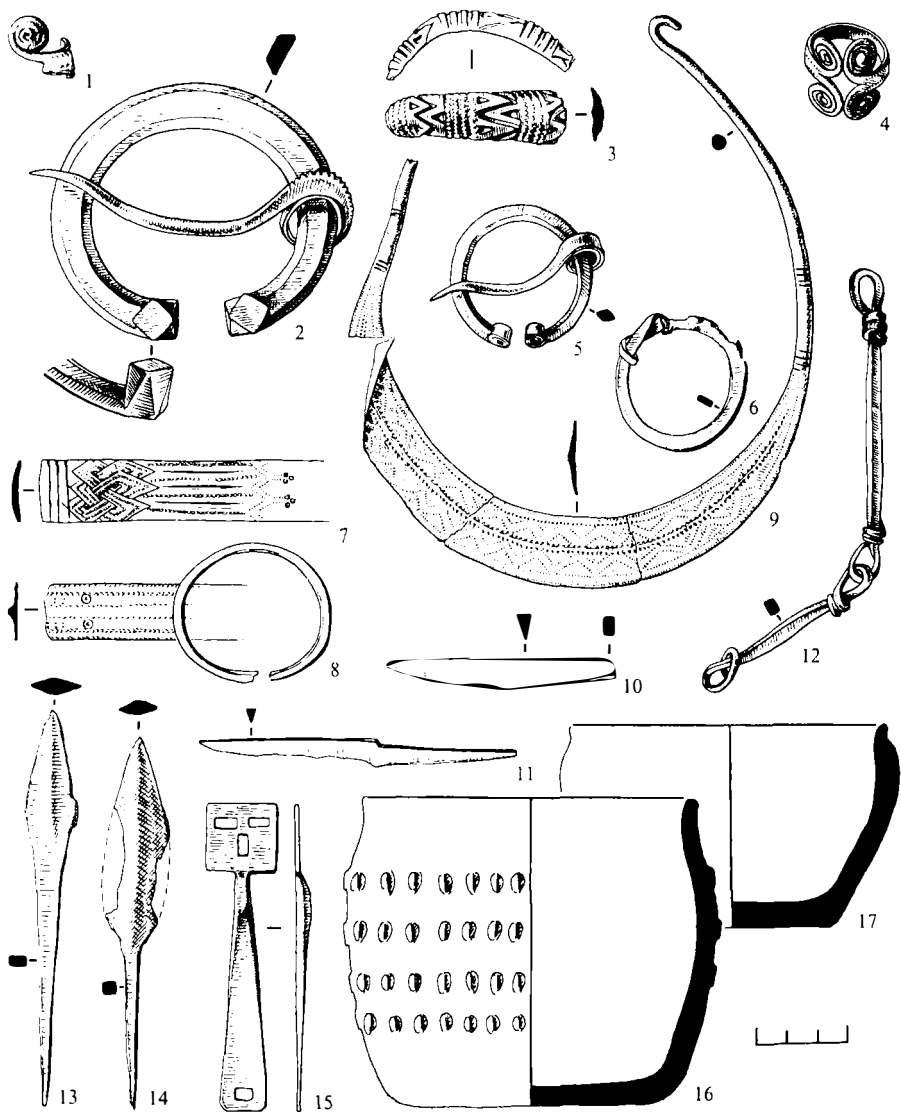

Таблица XL I. Находки из кургана № 228 (1—5, 7—9 — цветной металл; 6, 10—15 — железо; 16—17 — керамика).

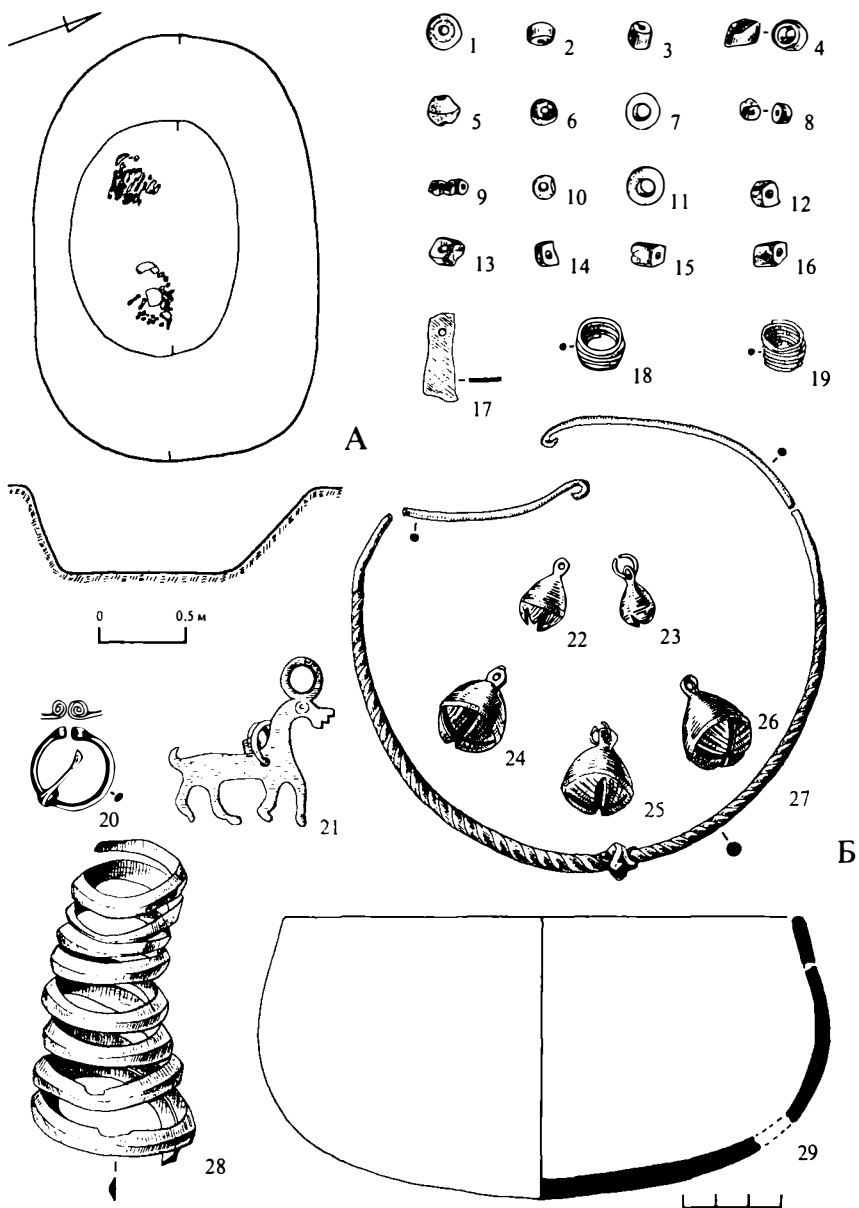

Таблица XLII. Грунтовое погребение № 9. А — план и профиль; Б — находки (1—16 — стекло; 17—28 — цветной металл; 29 — керамика).

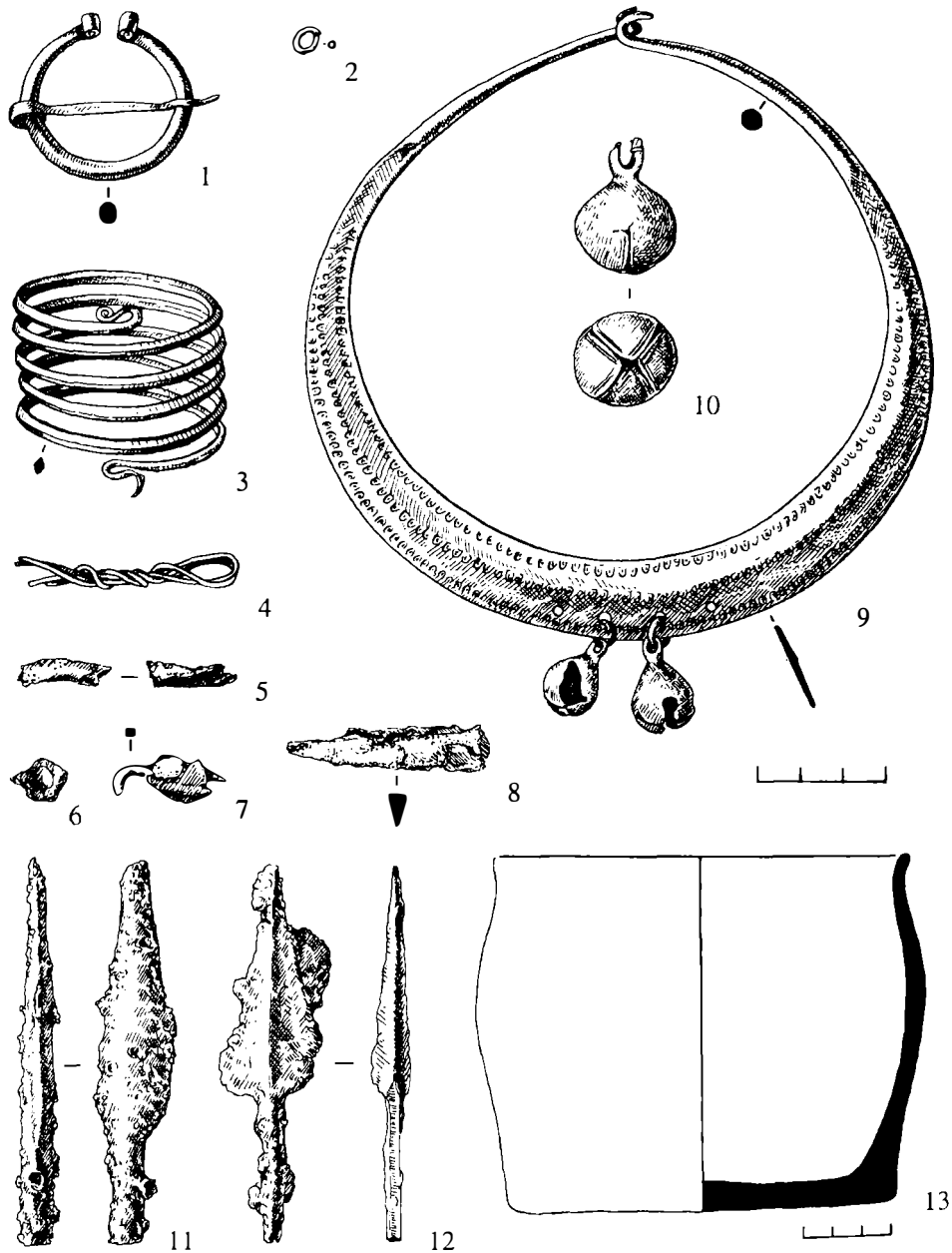

Таблица XLIII. Находки из грунтового погребения № 14 (1—5, 9, 10 — цветной металл; 6—8, 11, 12 — железо, 13 — керамика).

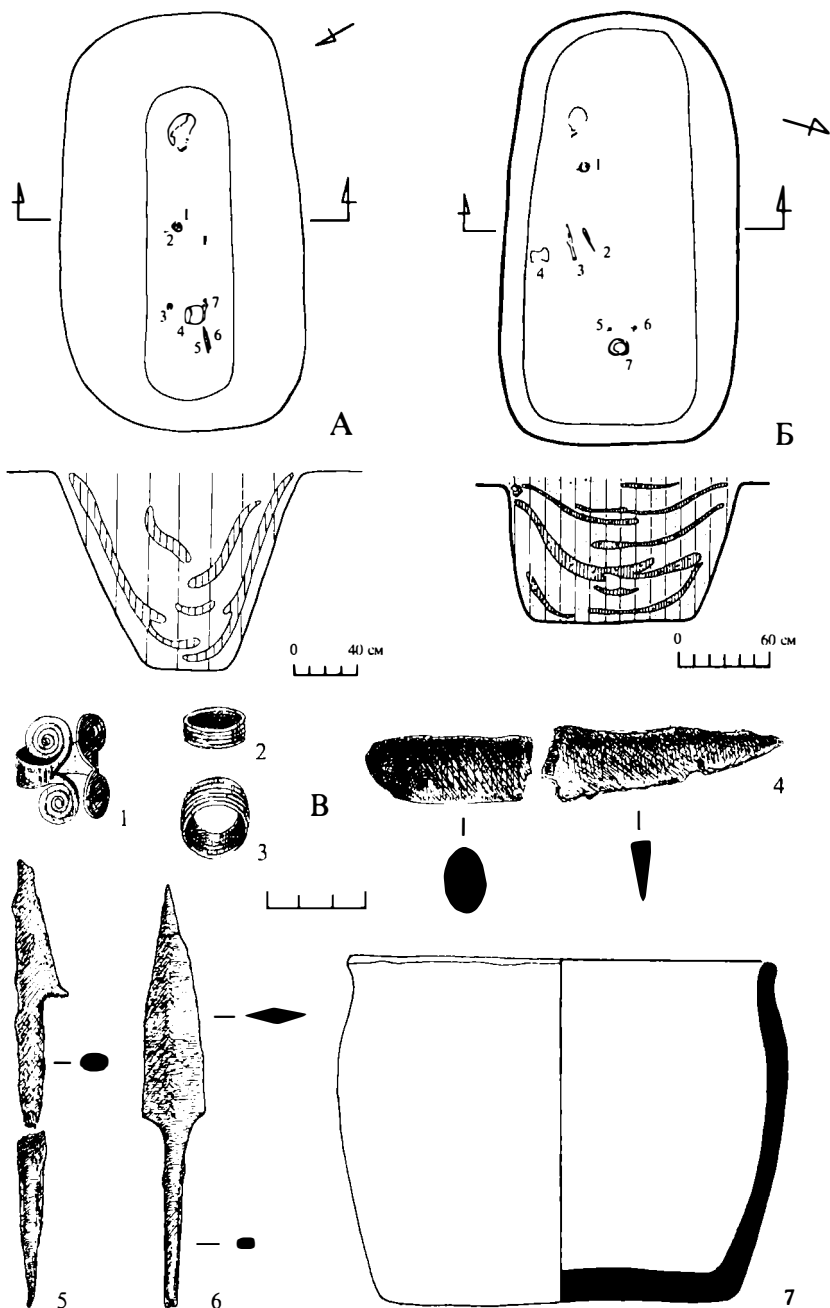

Таблица XLIV. Планы и разрезы грунтовых погребений. А — захоронение № 19 (расположение вещей: 1 — перстень; 2 — нож; 3, 7 — кольца от онучей; 4 — сосуд; 5 — наконечник стрелы; 6 — острога); Б — захоронение № 20 (расположение вещей: 1 — фибула; 2 — нож; 3 — наконечник стрелы; 4 — топор; 5, 6 — кольца от онучей; 7 — сосуд); В — находки из погребения № 19 (1—3 — цветной металл; 4 — железный нож с деревянной рукоятью; 5, 6 — железо; 7 — керамика).

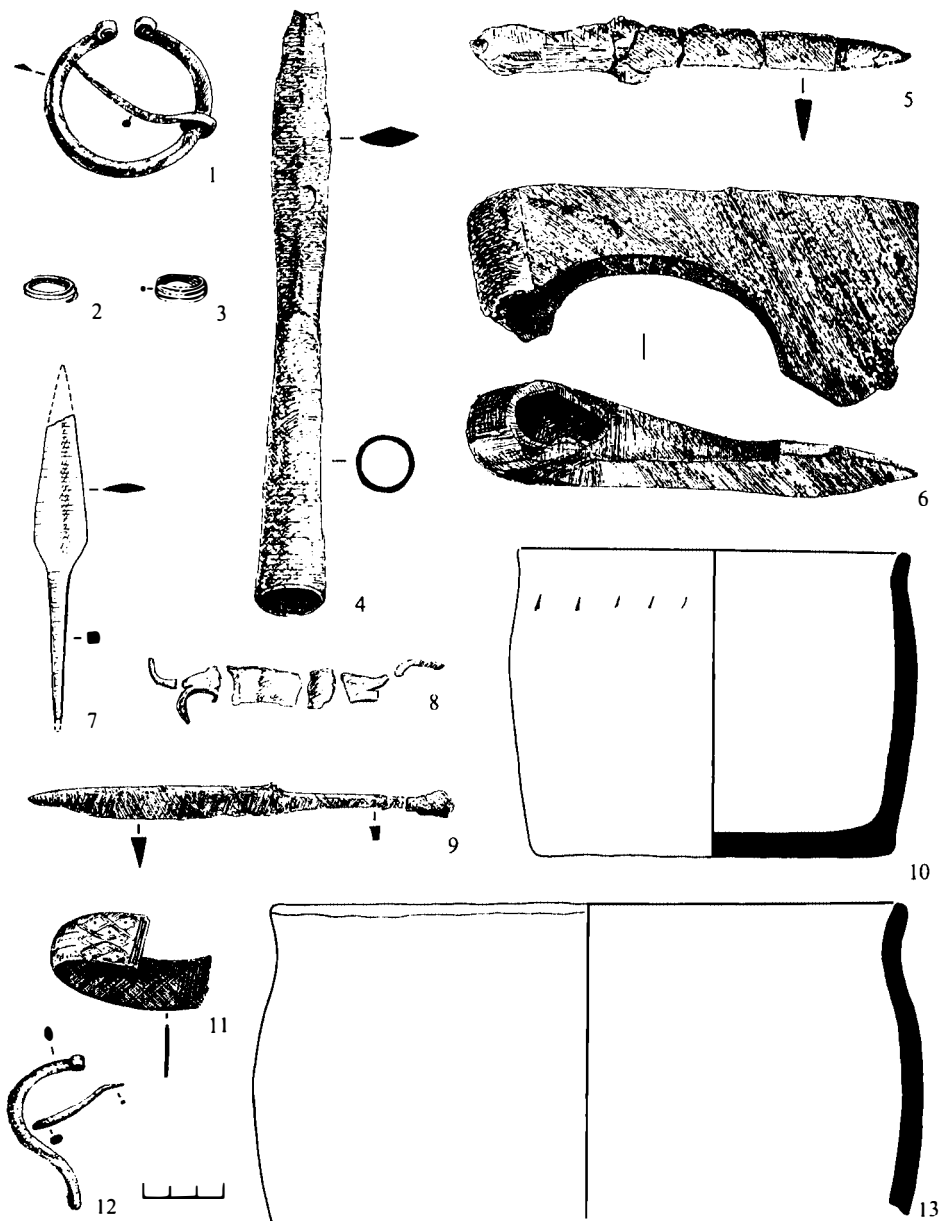

Таблица XLV. Находки из грунтового захоронения № 20 (1—6, 10) и из заполнения погребальной ямы (7—9, 11—13) от разрушенного трупосожжения (1—3, 8, 11, 12 — цветной металл; 4—7, 9 — железо; 10, 13 — керамика).

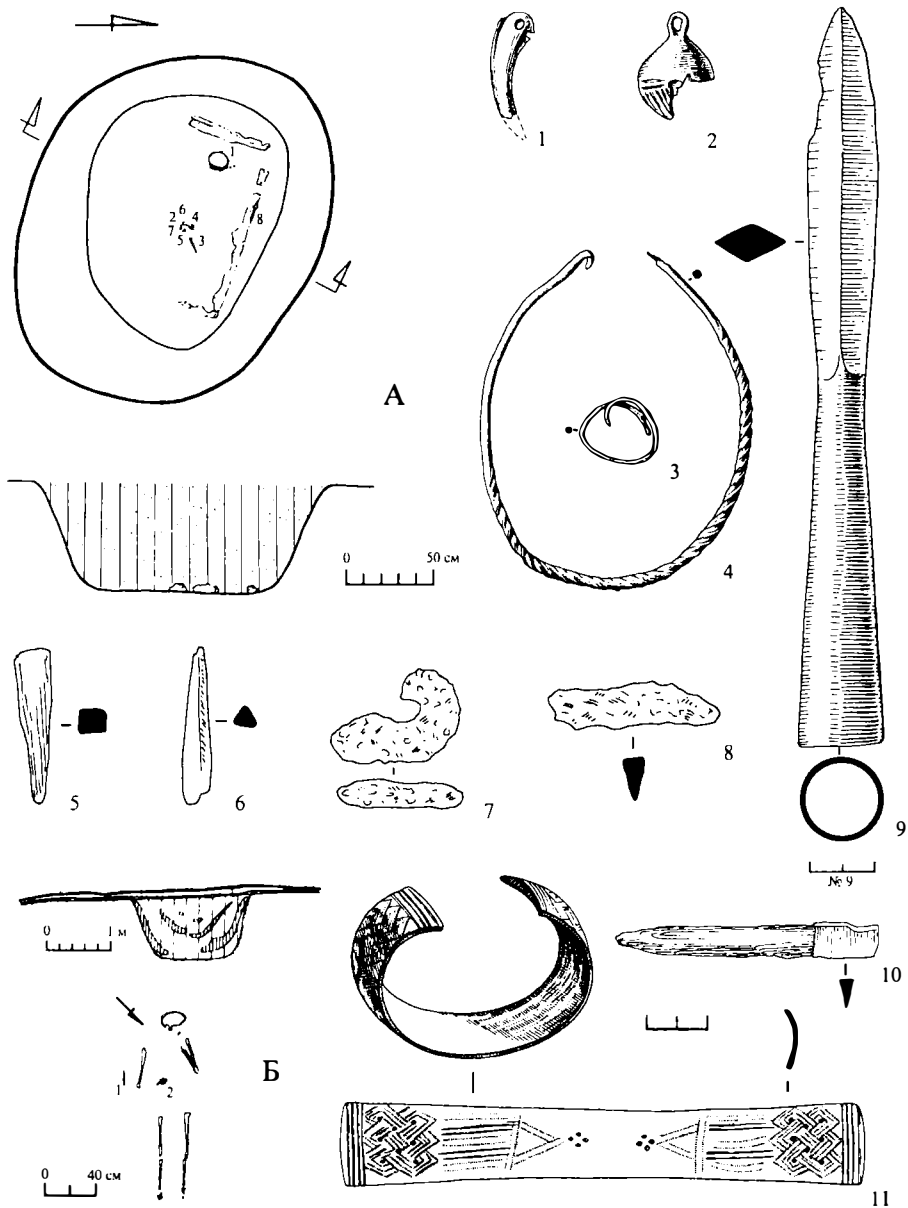

Таблица XLVI. Грунтовые погребения № 21 и 24. А — погребение № 21: план погребения (расположение вещей: 1 — гривна; 2 — кресало; 3 — нож; 4 — перстень; 5 — бубенчик; 6 — фрагмент железного предмета; 7 — клык; 8 — наконечник копья); 1—8 — находки из погребения № 21 (1 — кость; 2—4 — цветной металл; 5 — железо с остатками дерева; 6—8 — железо); Б — погребение № 24: план и разрез (расположение вещей: 1 — нож, 2 — браслет); 9—10 — находки из погребения № 24 (9 — железо; 10 — цветной металл).

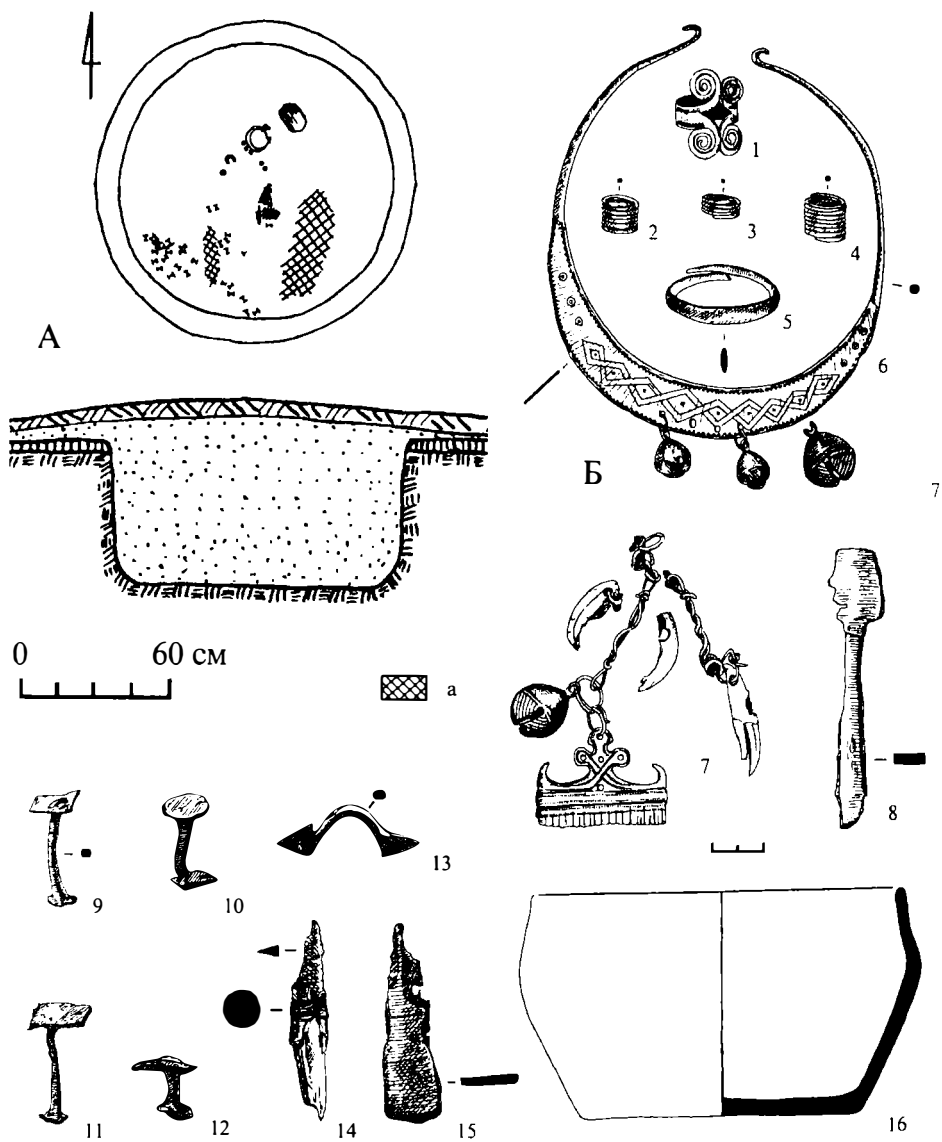

Таблица XLVII. Грунтовое погребение № 103. А — план и разрез (а — тлен от тканей); Б — находки из погребения (1—6 — цветной амулет; 7 — бронзовый амулет с привешенными к нему клыками; 8—13, 15 — железо; 14 — железный нож с остатками деревянной рукояти, обмотанной бронзовой проволокой; 16 — керамика).

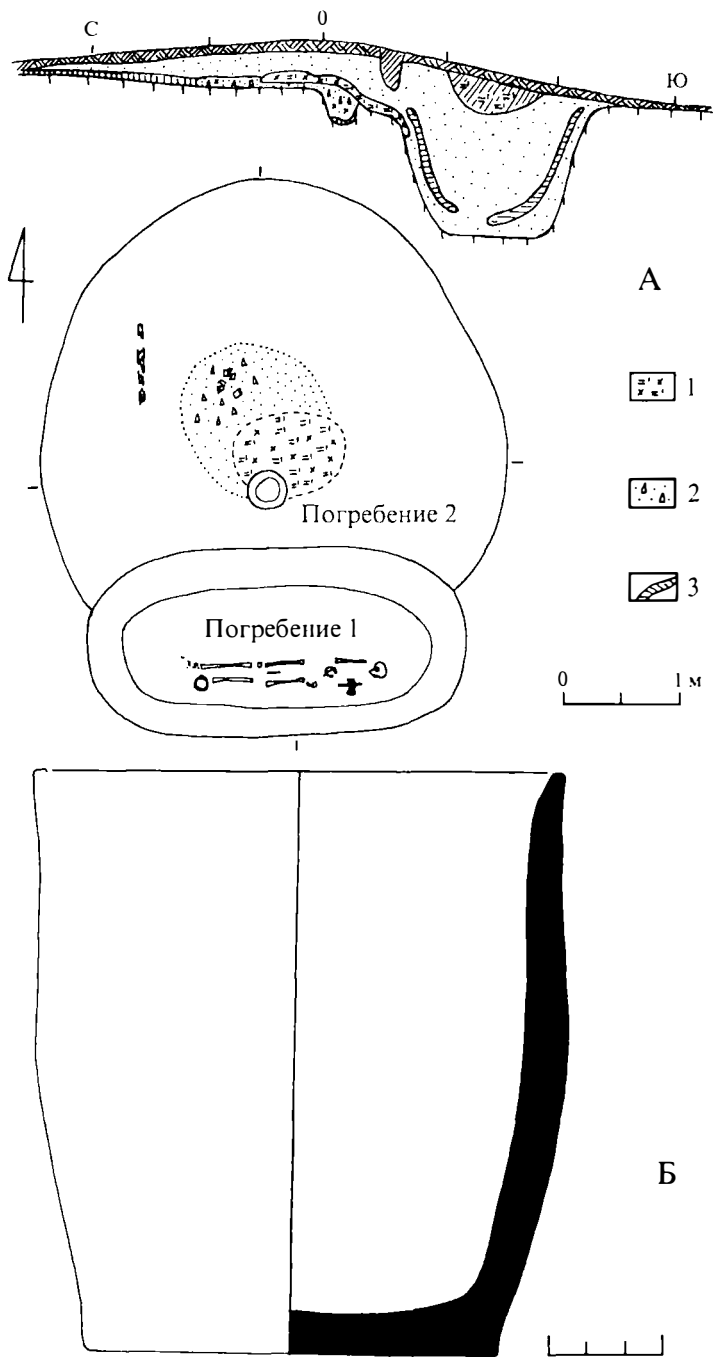

Таблица XLVIII. Грунтовое погребение, впущенное в полу кургана № 162. А — план и разрез (1 — углистый слой с кальцинированными костями; 2 — прокаленный песок с включениями обожженной глины; 3 — темно-серые гумусированные прослойки); Б — лепной сосуд из погребения № 1.

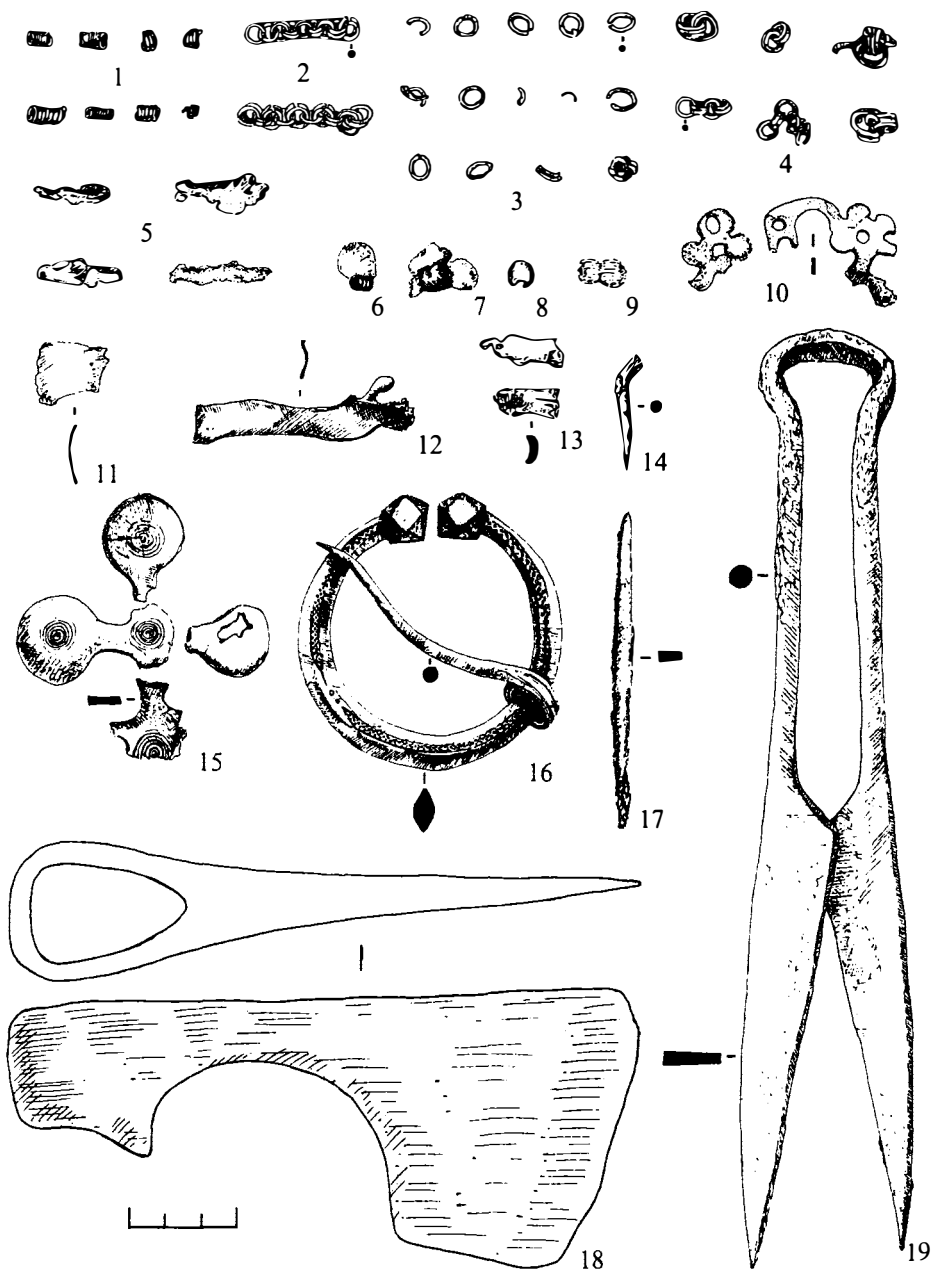

Таблица XLIX. Находки из кургана № 162 и грунтового погребения, впушенного в полу насыпи: 1—15, 17, 19 — из погребения № 2; 16, 18 — из погребения № 1 (1—5, 10—16 — цветной металл; 6—9 — стекло; 17—19 — железо).

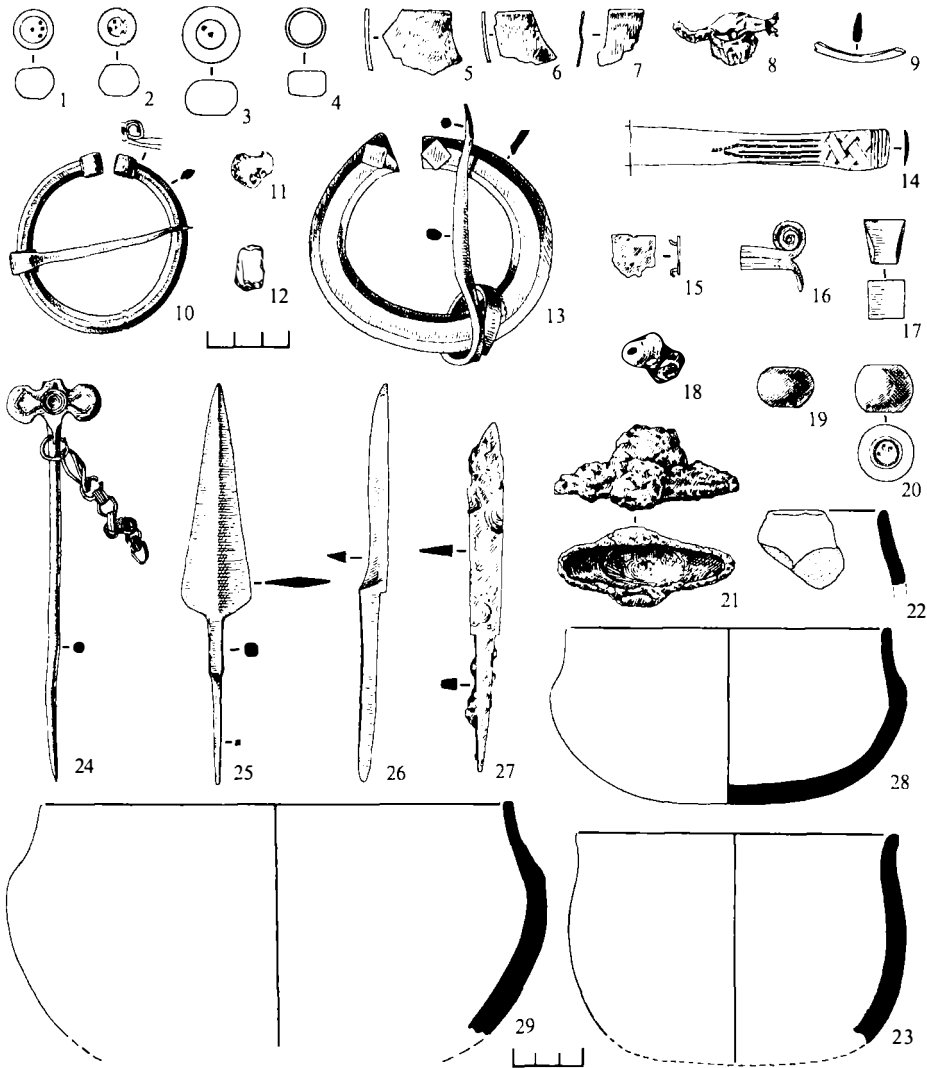

Таблица L. Находки из различных углублений и ям на площади грунтового могильника: 1—7, 12, 15—20, 25, 26 — из ямы № 68; 8 — из ямы № 67; 10 — из ямы № 66а; 11 — из ямы № 32; 13, 24 — из ямы № 7; 14 — из ямы № 59; 21 — из ямы № 12; 22 — из ямы № 33; 27 — из ямы № 3; 28 — из ямы № 58; 29 — из ямы № 69; 9, 23 — при зачистке материка между ямами № 70 и 71 (1—4, 19, 20 — железные гирьки в бронзовой оболочке; 5—7, 22, 23, 28—29 — керамика; 8—10, 13—16, 24 — цветной металл; 11, 18 — стекло; 12 — кремнь; 17, 21, 24—26 — железо).

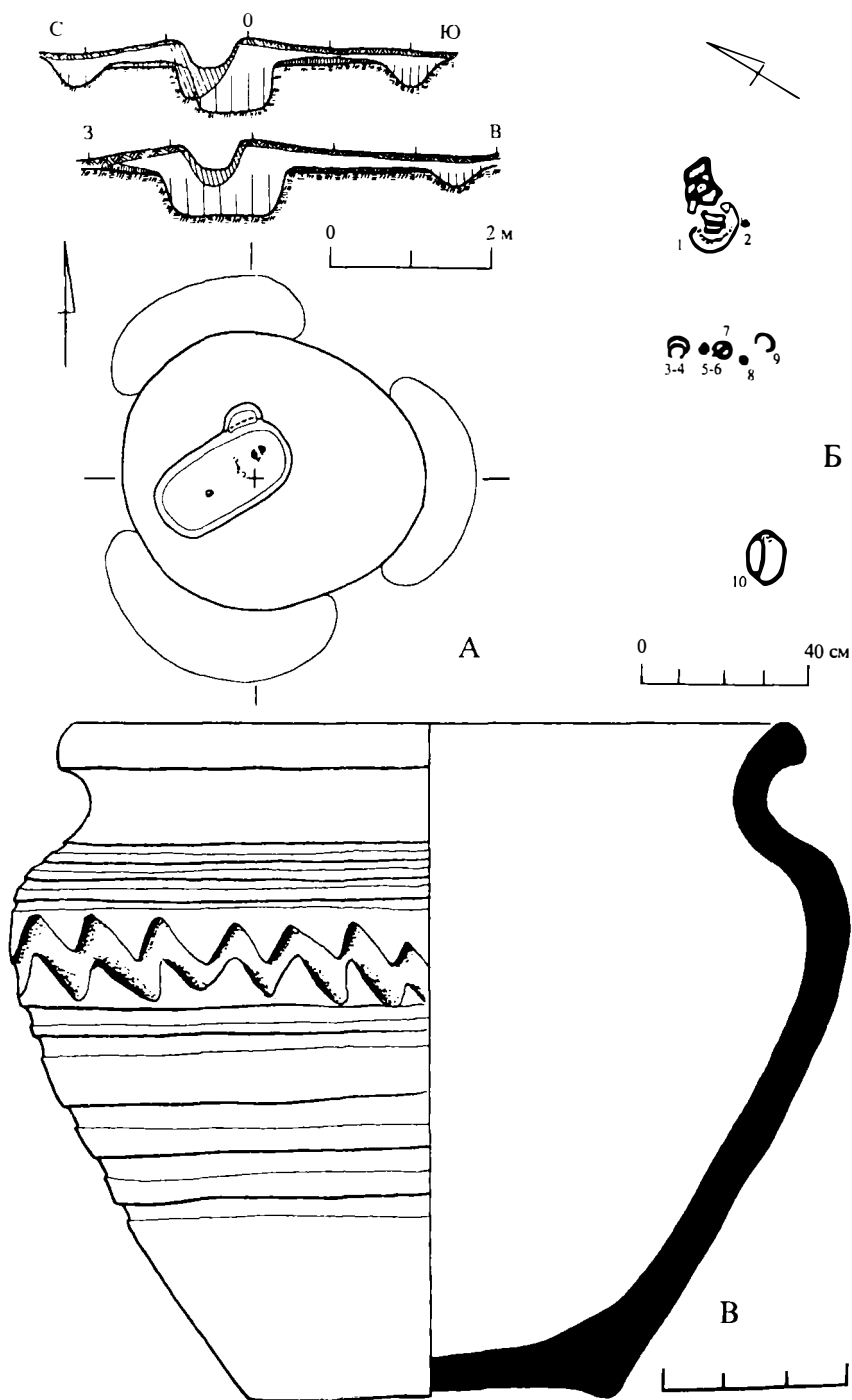

Таблица LI. Курган № 69. А — план и разрезы, Б — план погребения (расположение вещей: 1 — гривна; 2 — ожерелье из бус и бубенчиков; 3, 4, 9, — браслеты; 5, 6, 8 — перстни; 7 — фибула; 10 — сосуд), В — гончарный горшок.

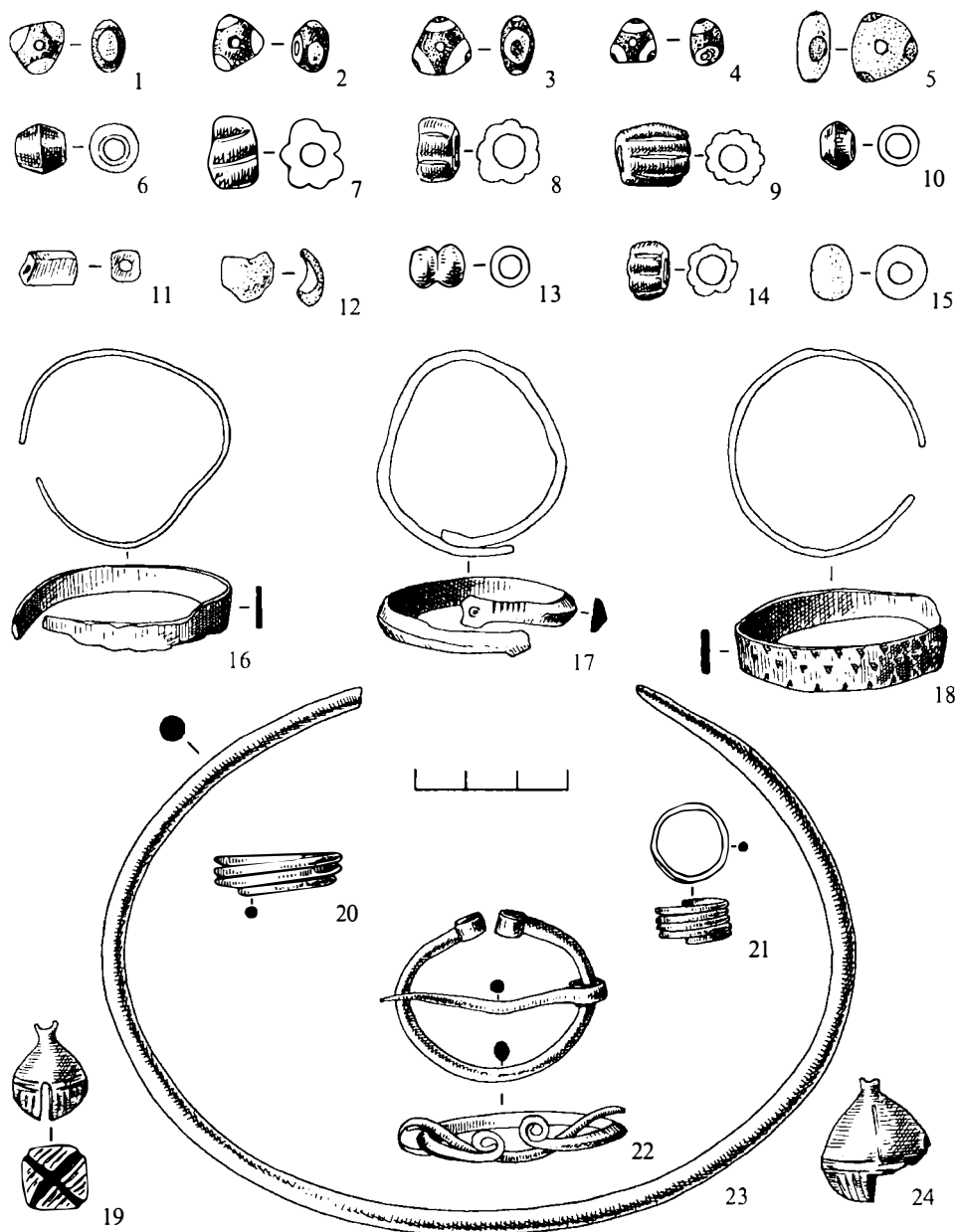

Таблица LII. Находки из кургана № 69 (1—15 — стекло; 16—24 — цветной металл).

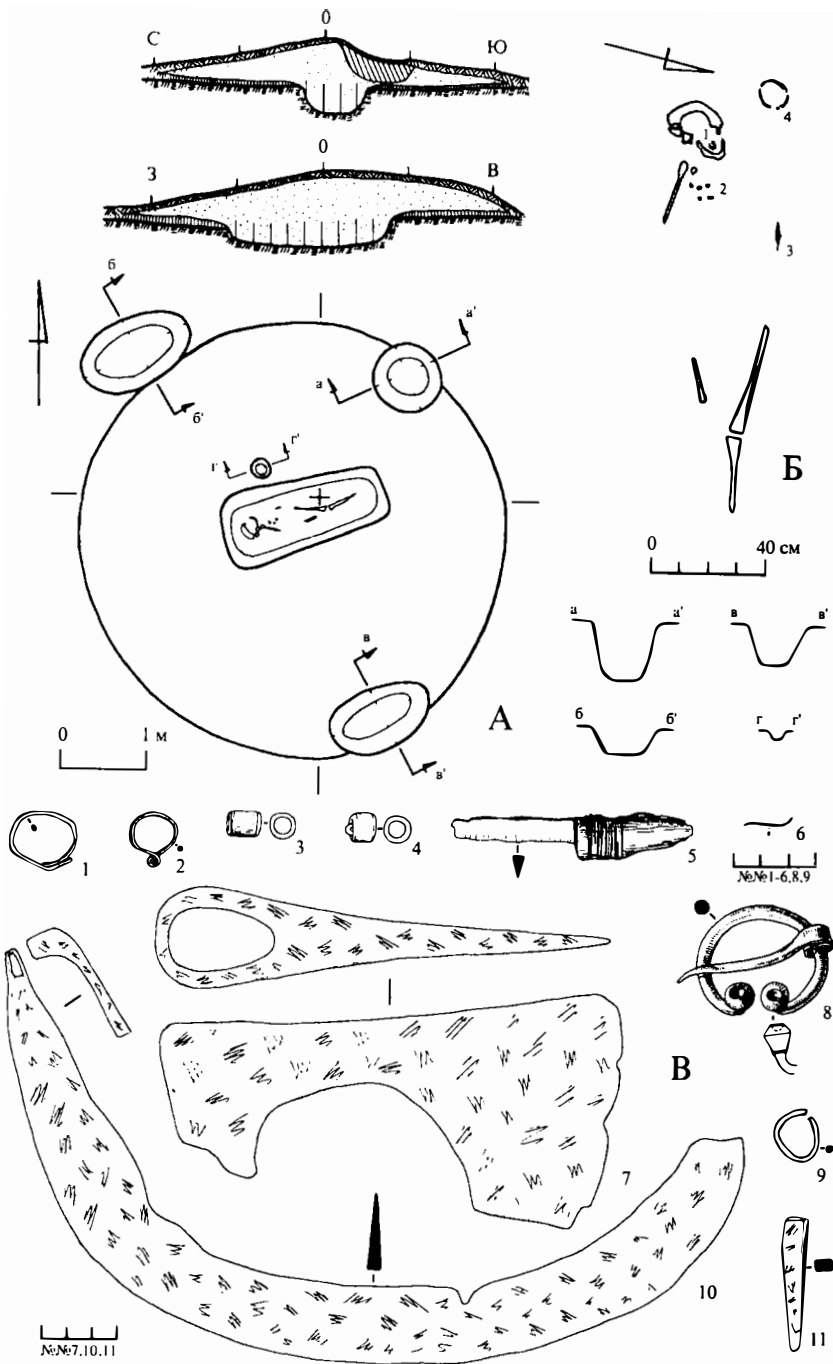

Таблица LIII. Курган № 71 и находки из кургана № 88. А — план и разрезы кургана № 71; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — височное кольцо; 2 — бусы; 3 — нож; 4 — тлен от бересты); В — находки: 1—6 — из кургана № 71; 7—11 — из кургана № 88 (1, 2, 6, 8, 9 — цветной металл; 3, 4 — стекло; 5 — железный нож с остатками деревянной рукоятки, обмотанной бронзовой проволокой; 7, 10, 11 — железо).

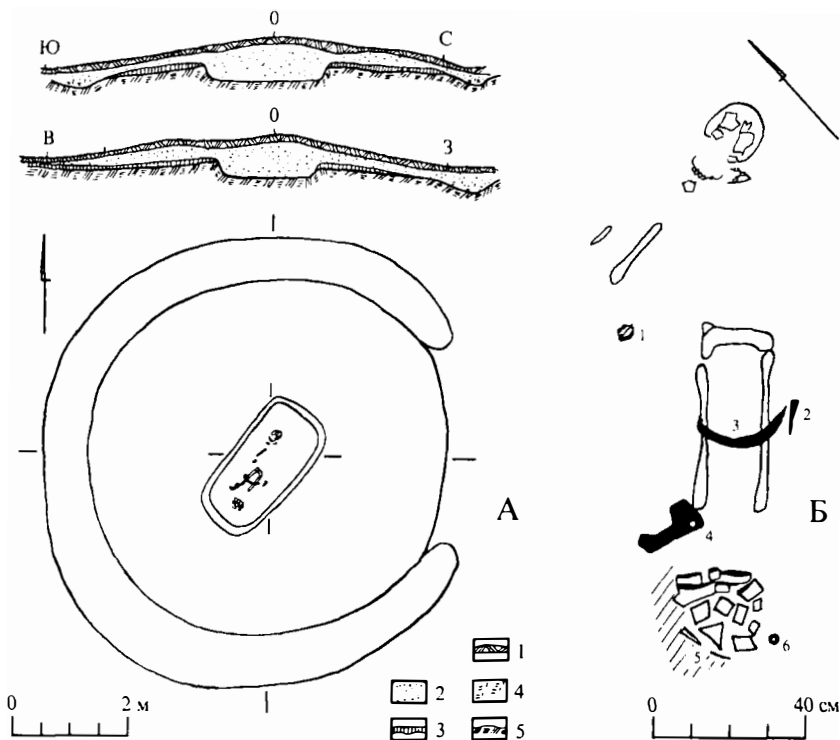

Таблица LIV. Курган № 88. А — план и разрезы (1 — дерн; 2 — гумусированный песок; 3 — погребенная почва; 4 — угли; 5 — материк); Б — план погребения (расположение вещей: 1 — фибула; 2 — нож; 3 — коса; 4 — топор; 5 — шерстяные ткани; 6 — кольцо от онучей; 7 — раздавленный сосуд); В — гончарный горшок.

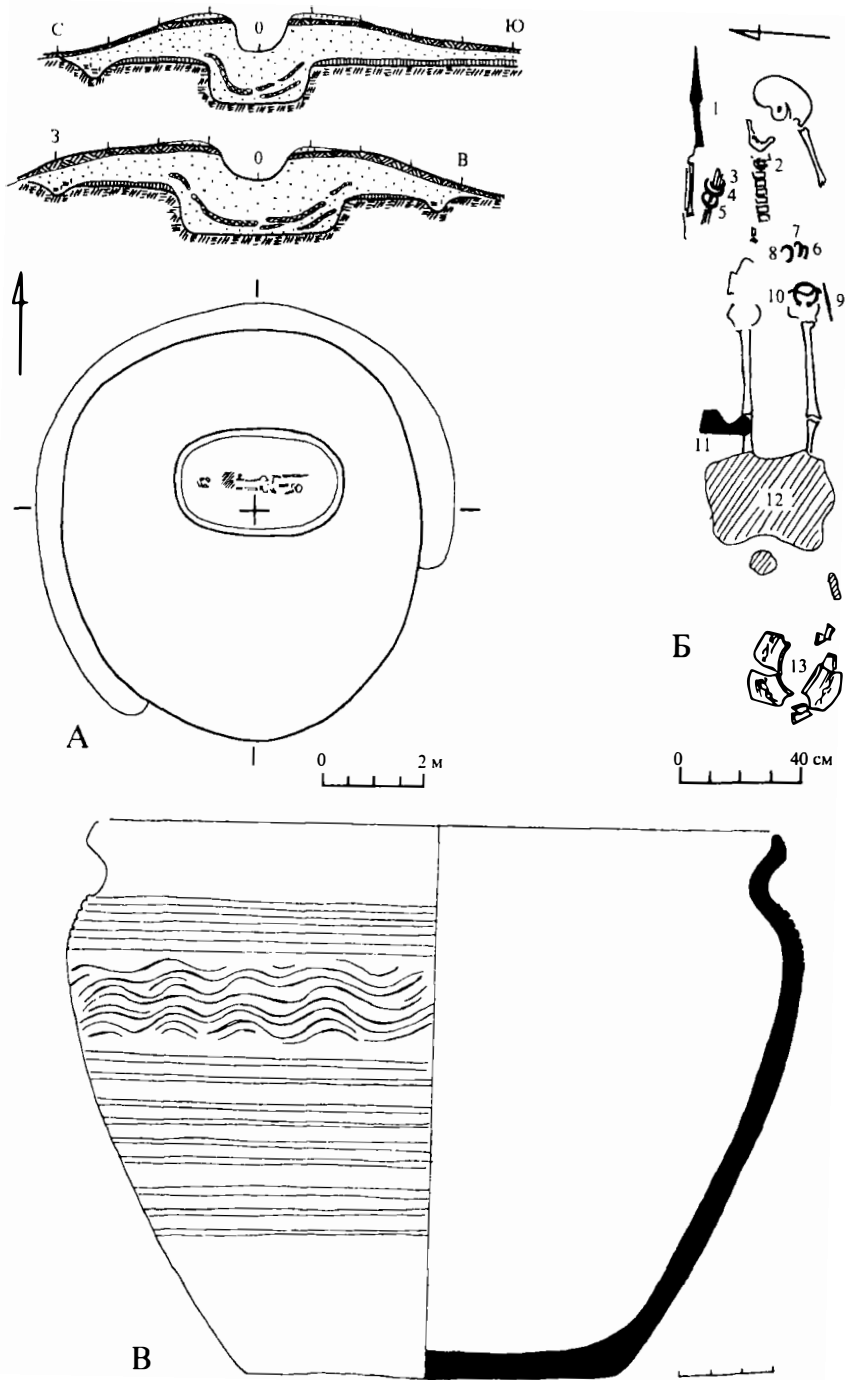

Таблица LV. Курган № 96. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — наконечник копья; 2 — перстень; 3—8 — браслеты; 9 — нож; 10 — фибула; 11 — топор; 12 — шерстяные ткани; 13 — раздавленный сосуд); В — гончарный горшок.

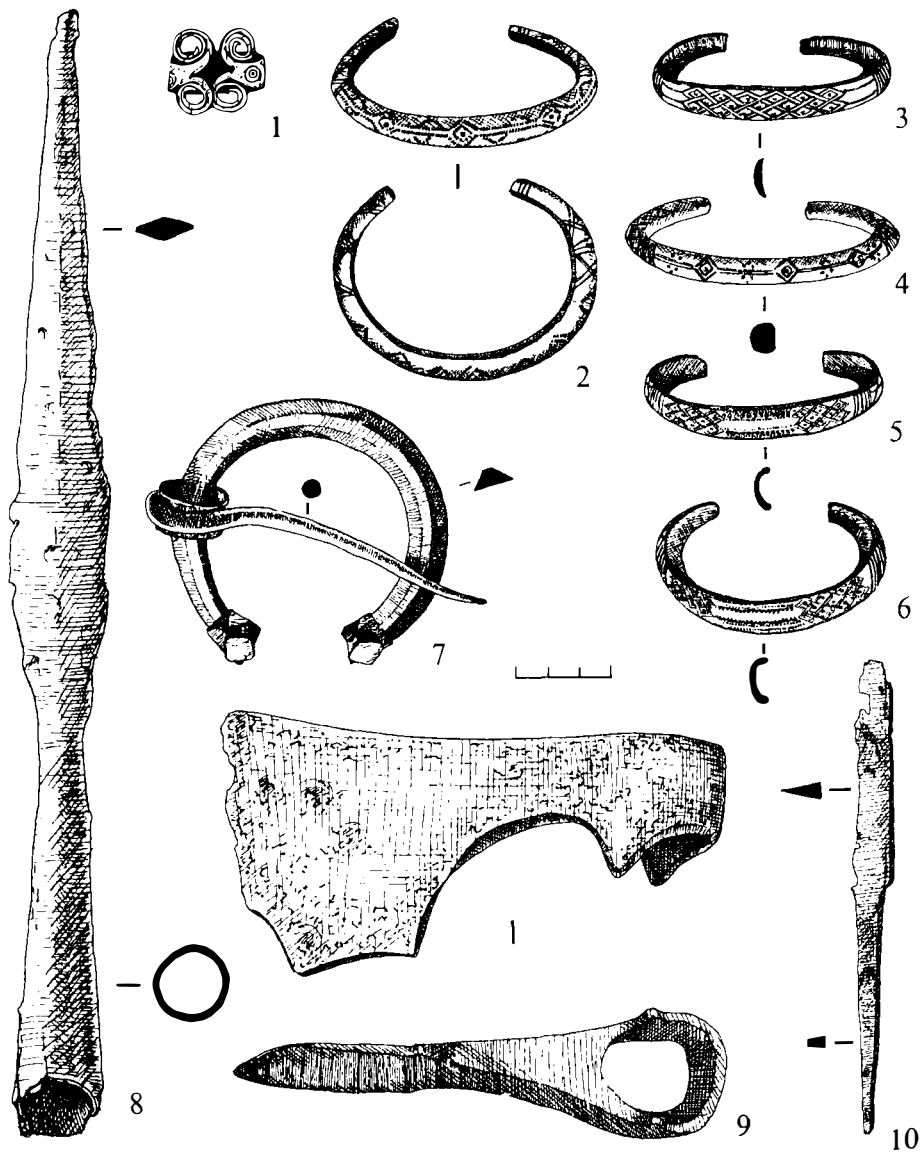

Таблица LVI. Находки из кургана № 96 (1—7 — цветной металл; 8—10 — железо).

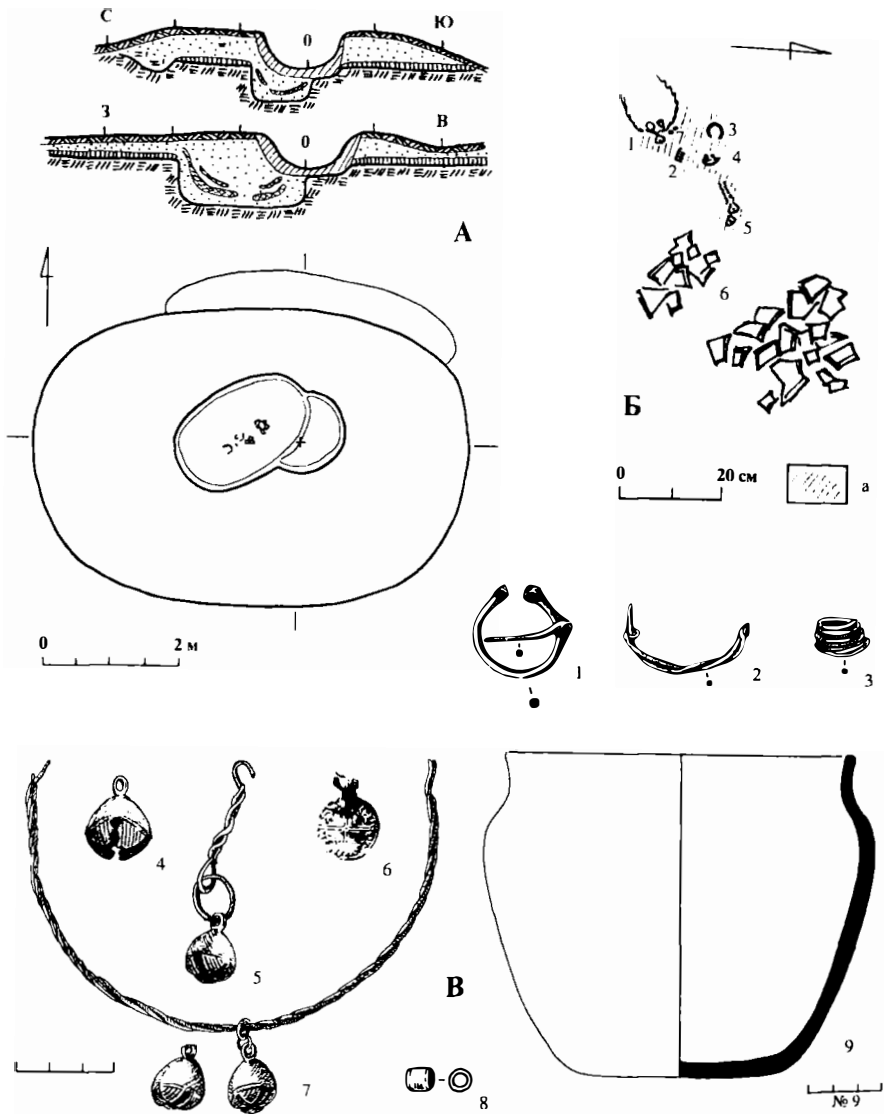

Таблица LVII. Курган № 101. А — план и разрезы; Б — план погребения (а — органический тлен; расположение вещей: 1 — гривна с бубенчиками и монетой; 2 — перстень; 3 — браслет; 4 — фибула; 5 — бубенчик на цепочке; 6 — раздавленный сосуд; 7 — две бусины); В — находки из погребения (1—7 — цветной металл; 8 — стекло; 9 — керамика).

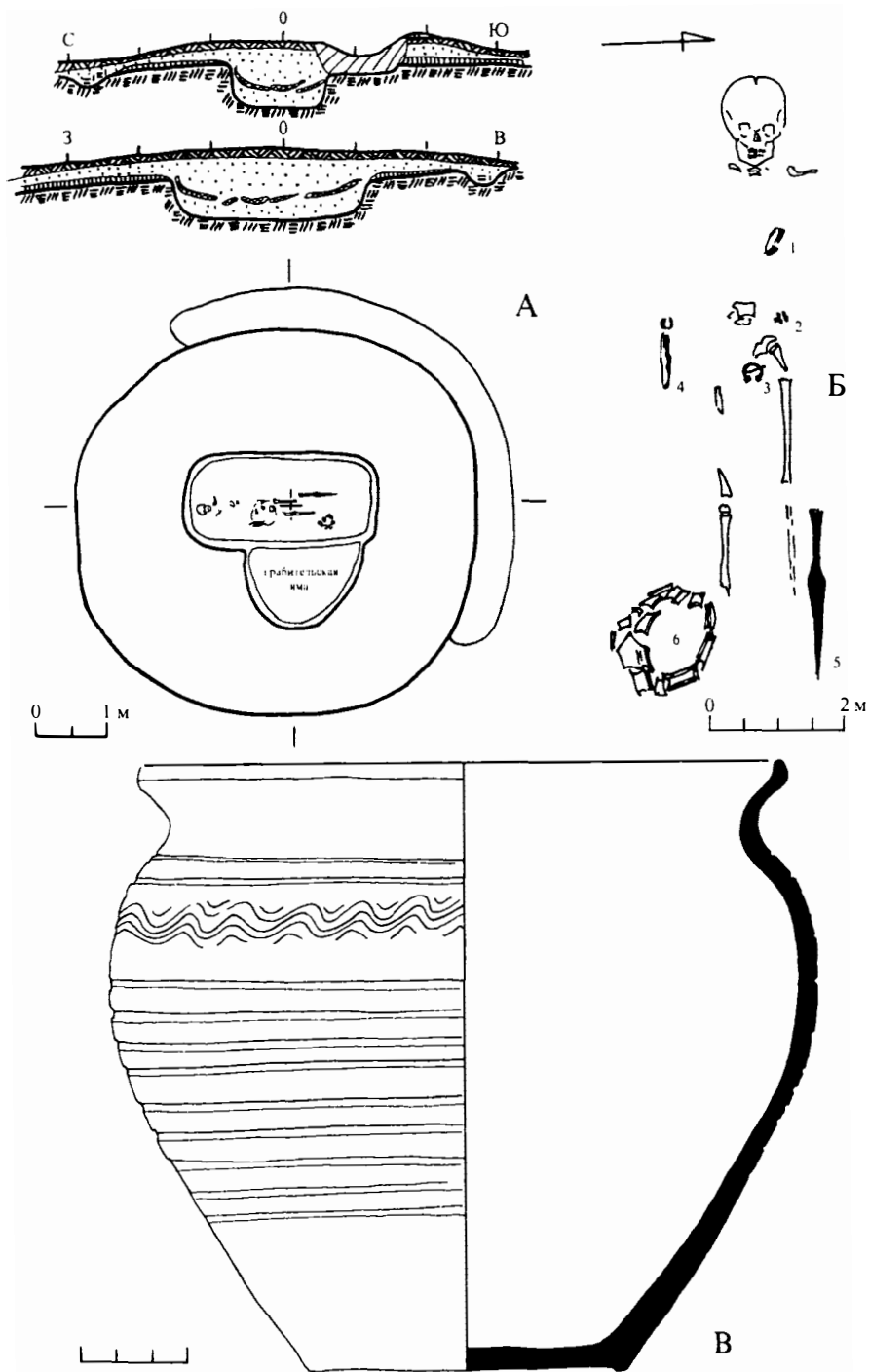

Таблица LVIII. Курган № 102. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — браслет; 2 — перстень; 3 — фибула; 4 — нож в кожаном чехле; 5 — наконечник копья; 6 — раздавленный сосуд); В — гончарный горшок.

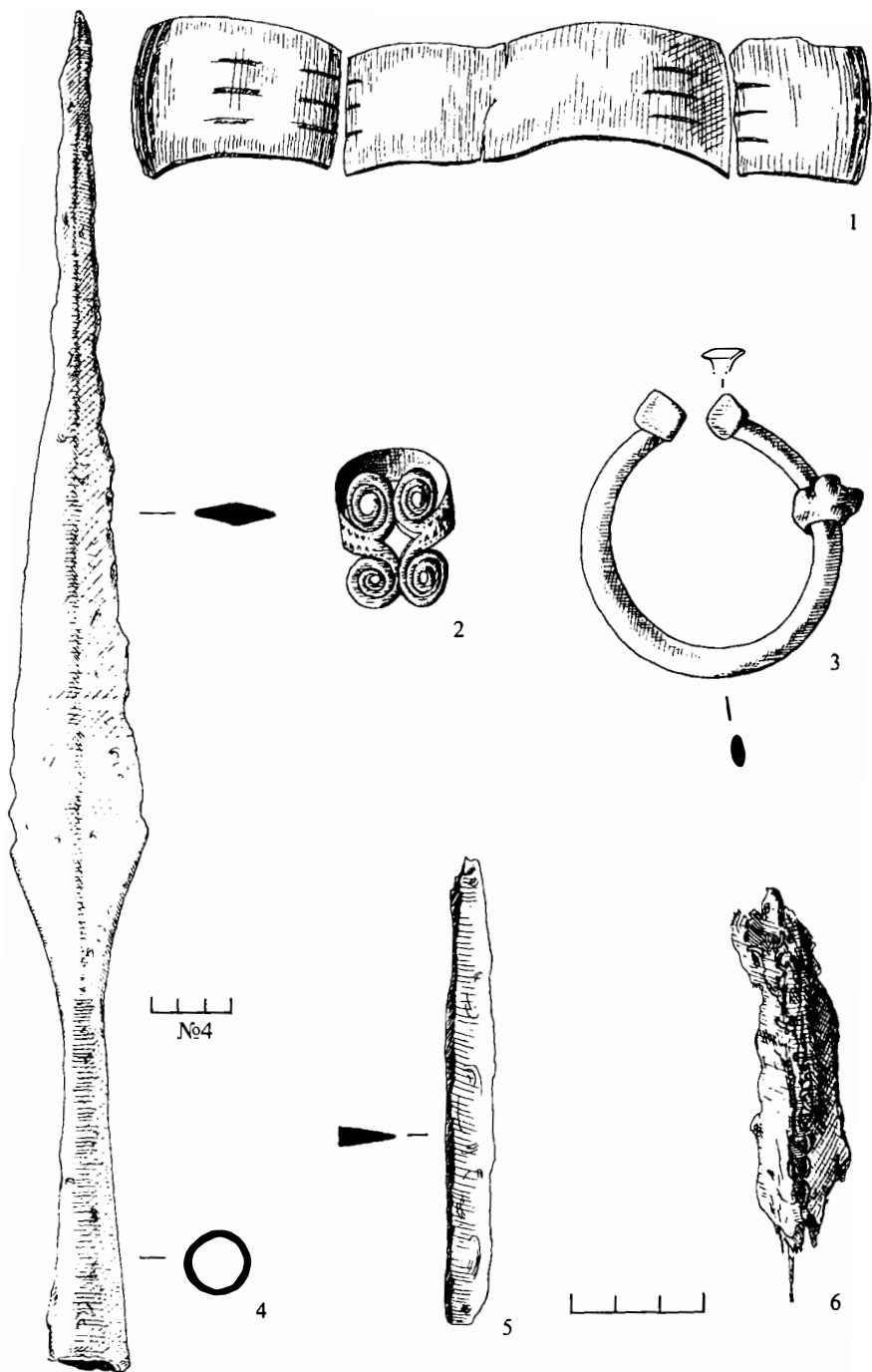

Таблица LIX. Находки из кургана № 102 (1—3 — цветной металл; 4, 5 — железо; 6 — кожа).

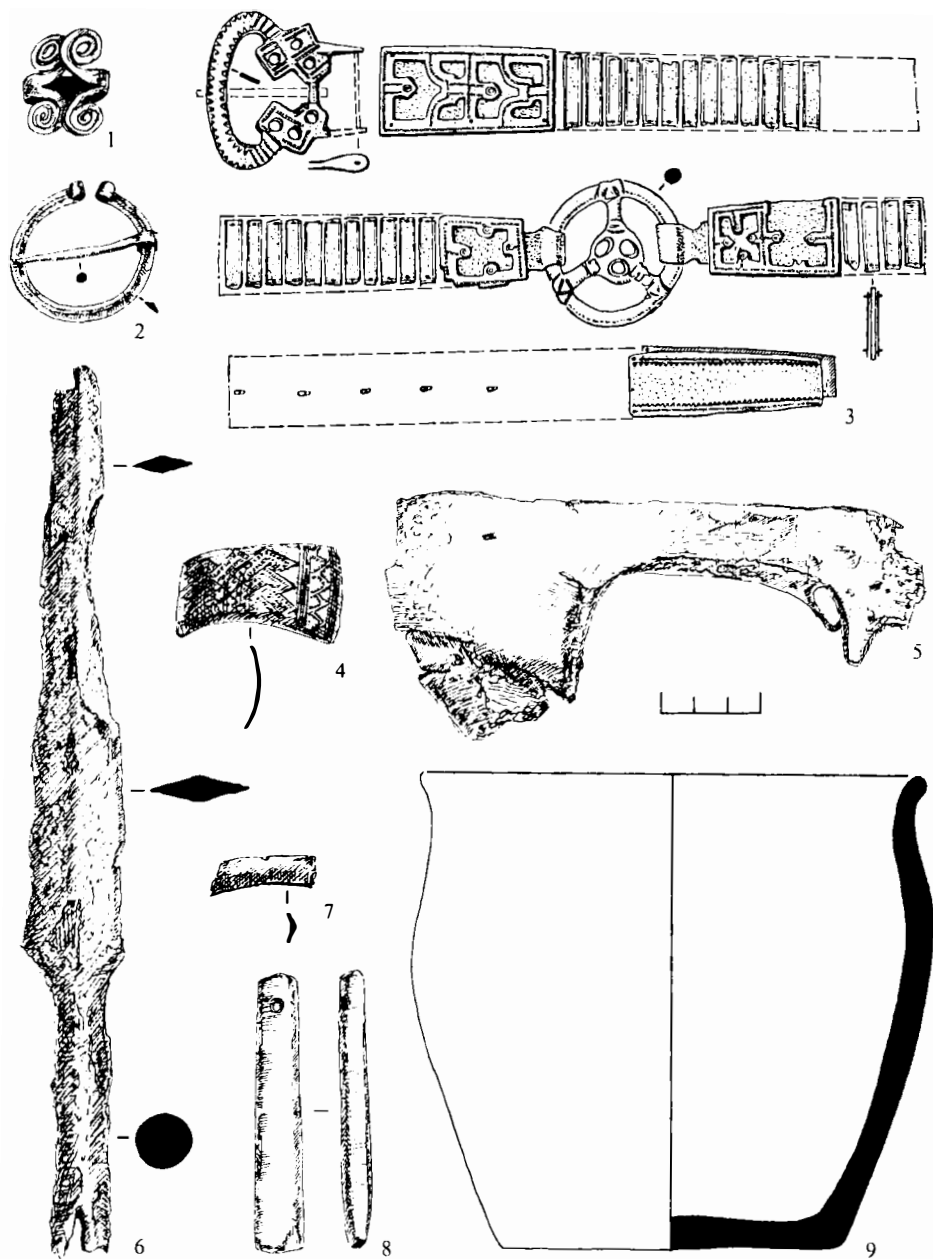

Таблица LX. Находки из кургана № 124 (1—4, 7 — цветной металл; 5, 6 — железо; 8 — камень; 9 — керамика).

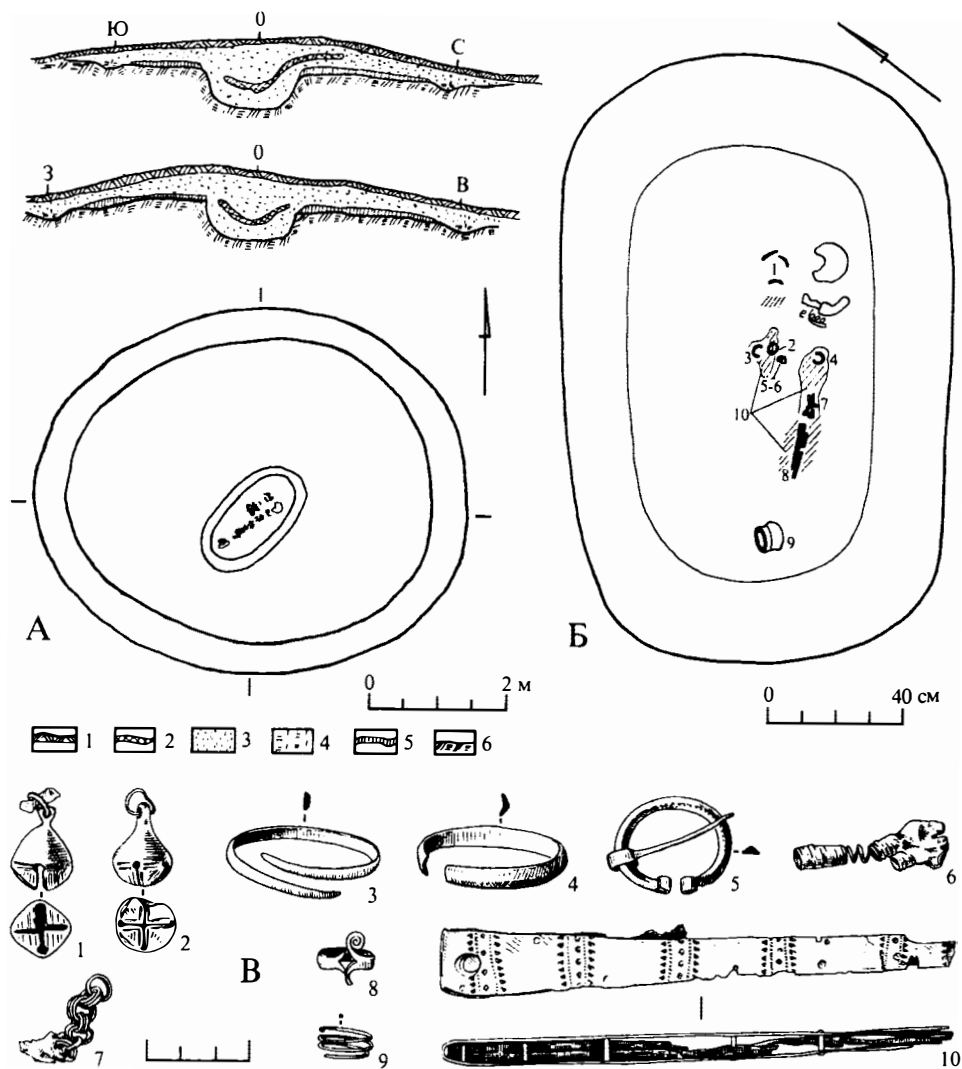

Таблица LXI. Курган № 126. А — план и разрезы (1 — дерн; 2 — темно-серые прослойки от перекрытий; 3 — песок; 4 — угли; 5 — погребенная почва; 6 — материк); Б — план погребения (расположение вещей: 1 — обломки железного предмета; 2 — фибула; 3, 4 — браслеты; 5, 6 — перстни; 7 — бубенчики; 8 — накладка от ножен и нож; 9 — сосуд; 10 — шерстяные ткани); В — находки (1— 9 — цветной металл; 10 — бронза с остатками кожи).

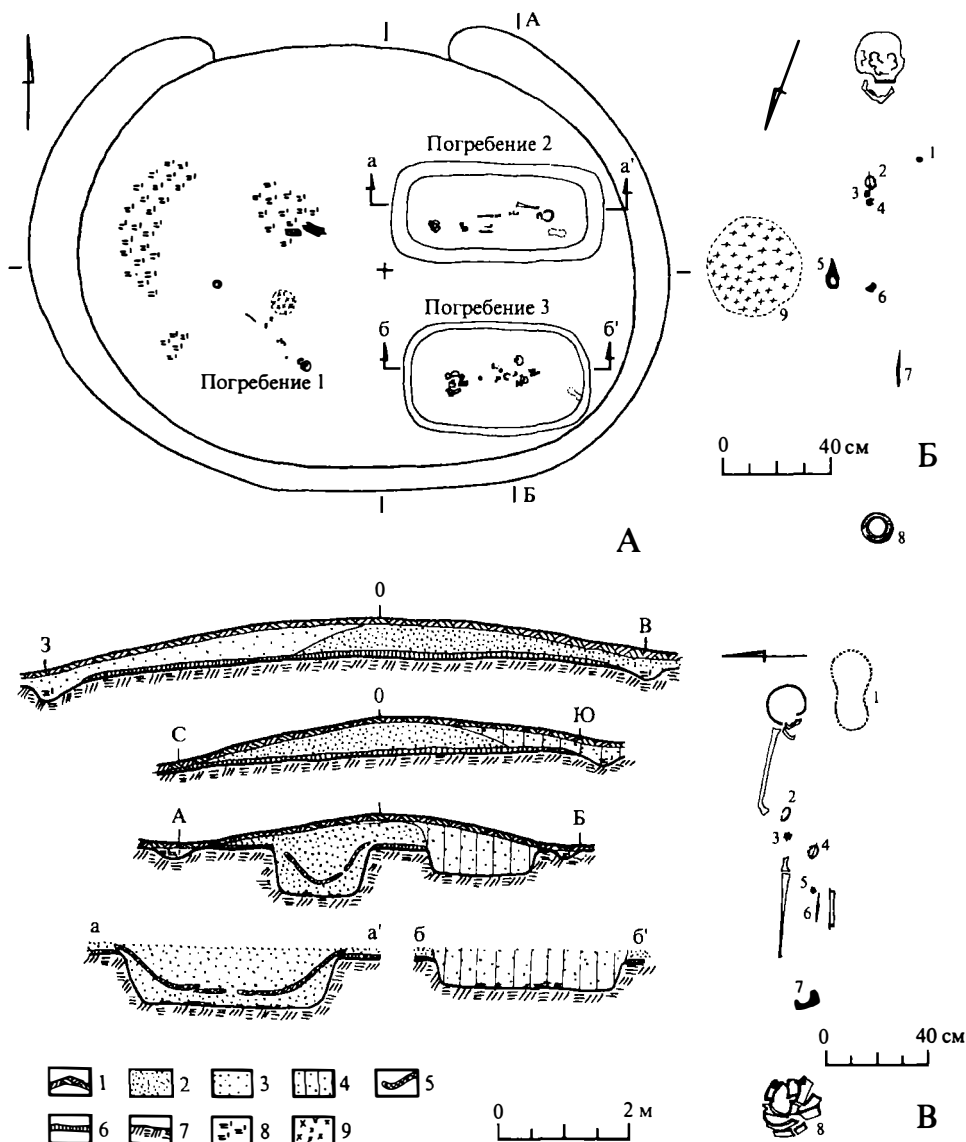

Таблица LXII. Курган № 136. А — план и разрезы (1 — дерн; 2 — желтый гумусированный песок; 3 — светло-серый песок; 4 — серый рыхлый песок; 5 — темно-серые прослойки от перекрытий; 6 — погребенная почва; 7 — материк; 8 — угли; 9 — кальцинированные кости); Б — план погребения № 1 (расположение вещей: 1 — кольцо; 2 — фибула; 3, 4 — перстни; 5 — топор; 6 — железный предмет; 7 — нож; 8 — сосуд; 9 — скопление кальцинированных костей); В — план погребения № 2 (расположение вещей: 1 — тлен от бересты; 2 — браслет; 3 — перстень; 4 — фибула; 5 — пряжка; 6 — нож; 7 — топор; 8 — раздавленный сосуд).

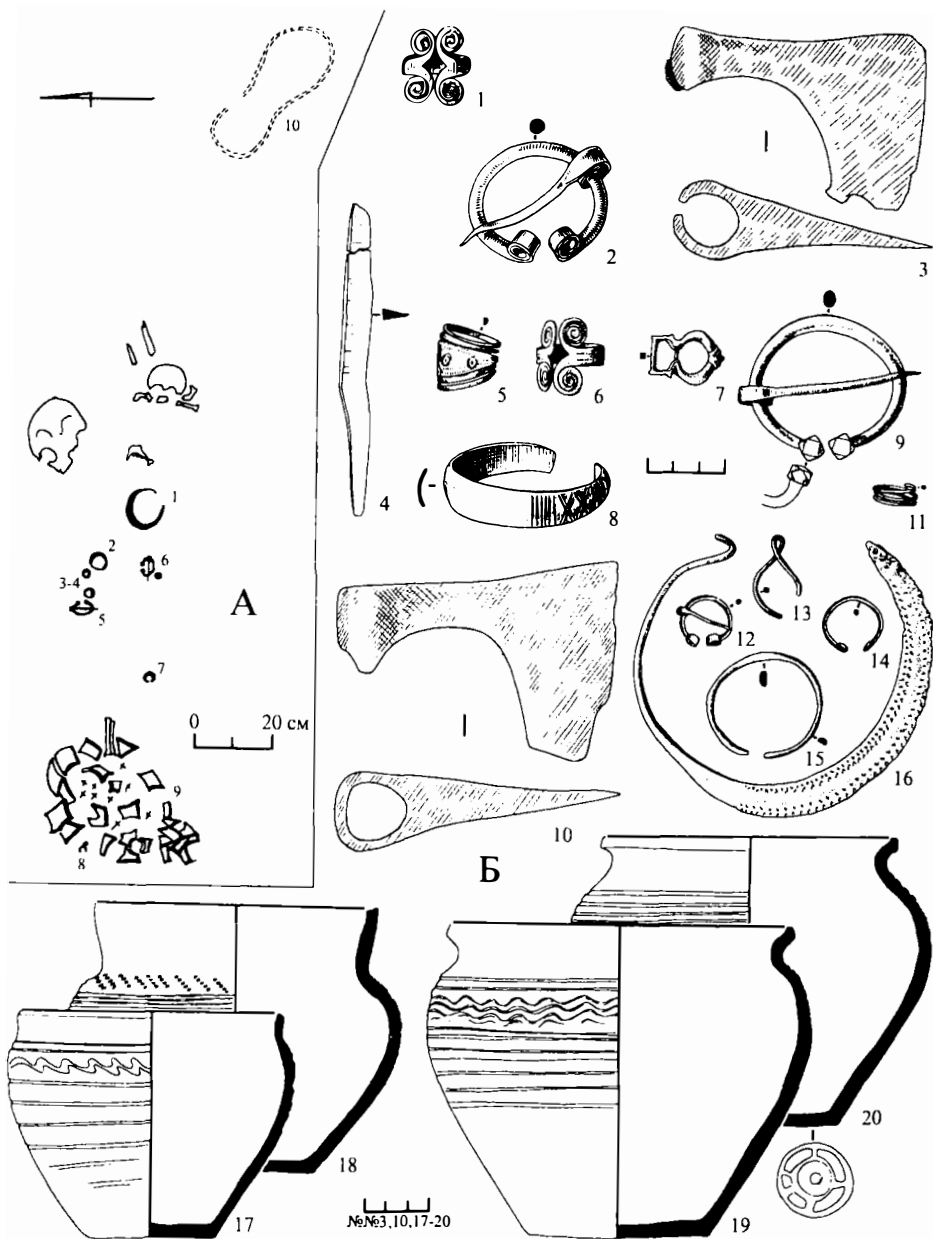

Таблица LXIII. Курган № 136. А — план погребения № 3 (расположение вещей: 1 — гривна; 2 — браслет; 3, 4, 7 — перстни; 5, 6 — фибулы; 8 — фрагмент проволоки; 9 — раздавленные сосуды; 10 — тлен от бересты); Б — находки: 1—4, 18 — погребение № 1; 5—10, 19 — погребение № 2; 11—17, 20 — погребение № 3 (1, 2, 5—9, 11—16 — цветной металл; 3, 4, 10 — железо; 17—20 — керамика).

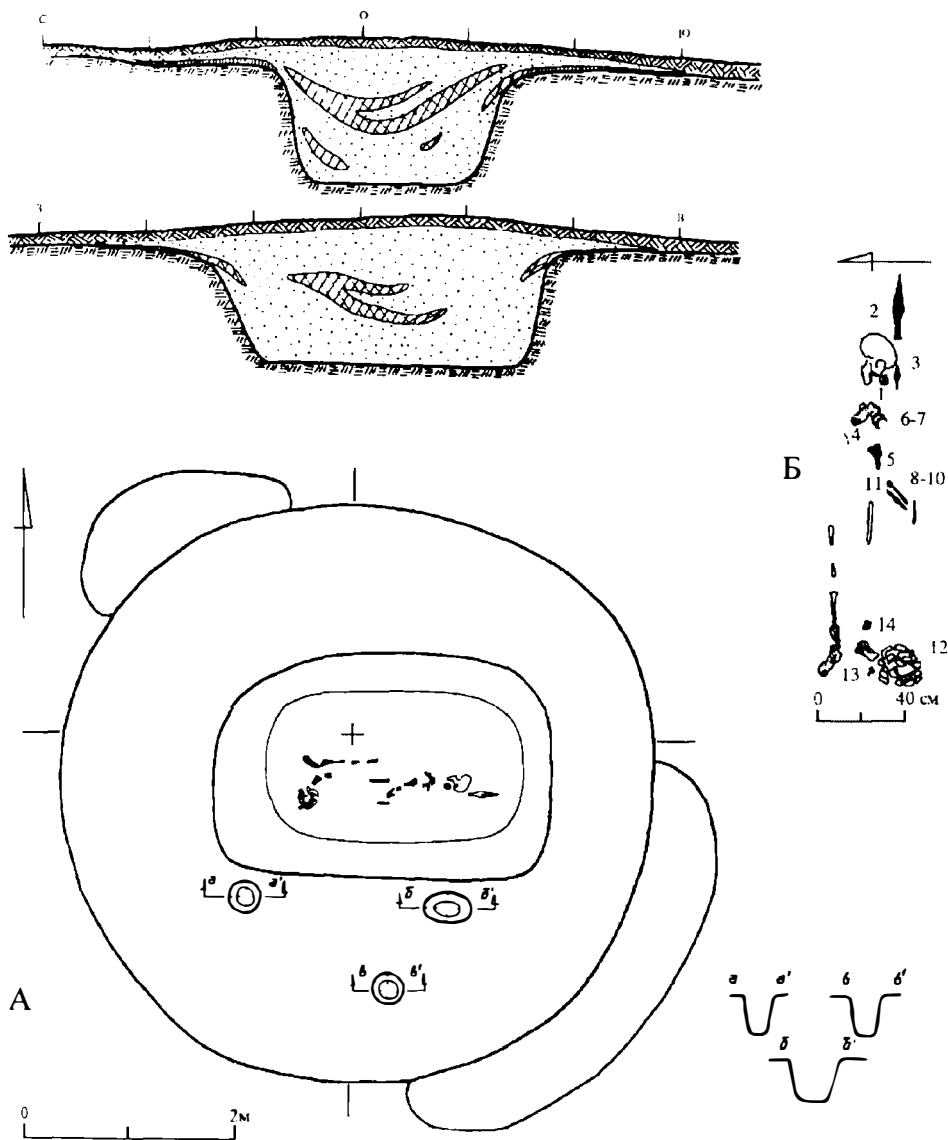

Таблица LXIV. Курган № 137. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — фибула; 2 — наконечник копья; 3 — наконечник стрелы; 4 — перстень; 5 — острога; 6—7 — браслеты; 8—10 — нож, ключ, кресало; 11 — кусочек кремня; 12 — раздавленный сосуд; 13 — шерстяные ткани; 14 — железный предмет).

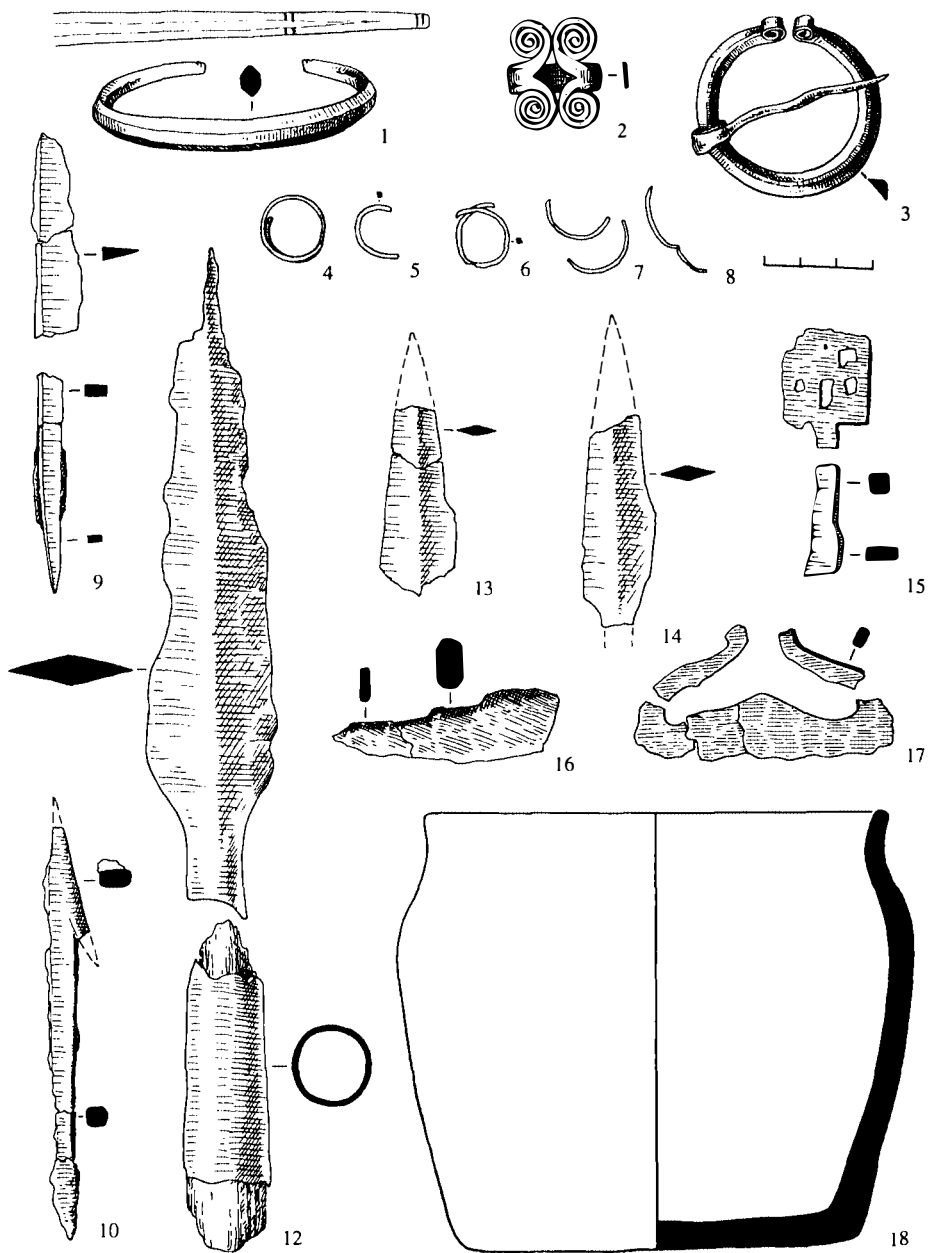

Таблица LXV. Находки из кургана № 137 (1—8 — цветной металл; 9—17 — железо; 18 — керамика).

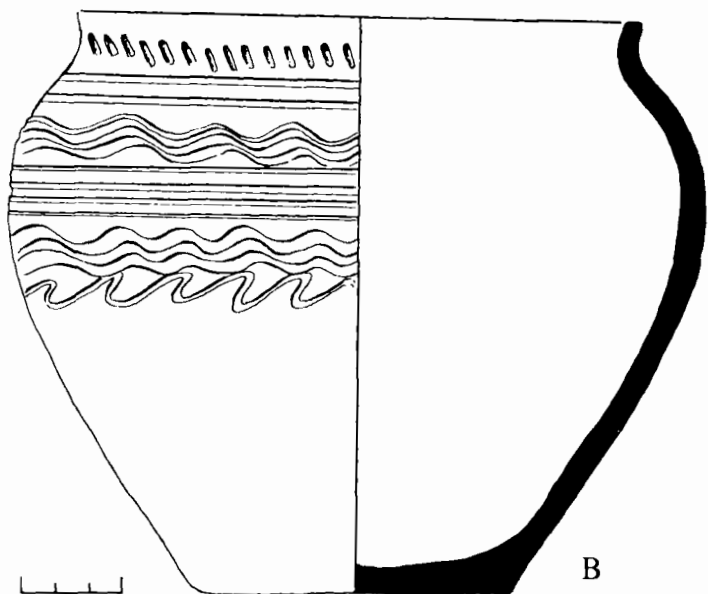
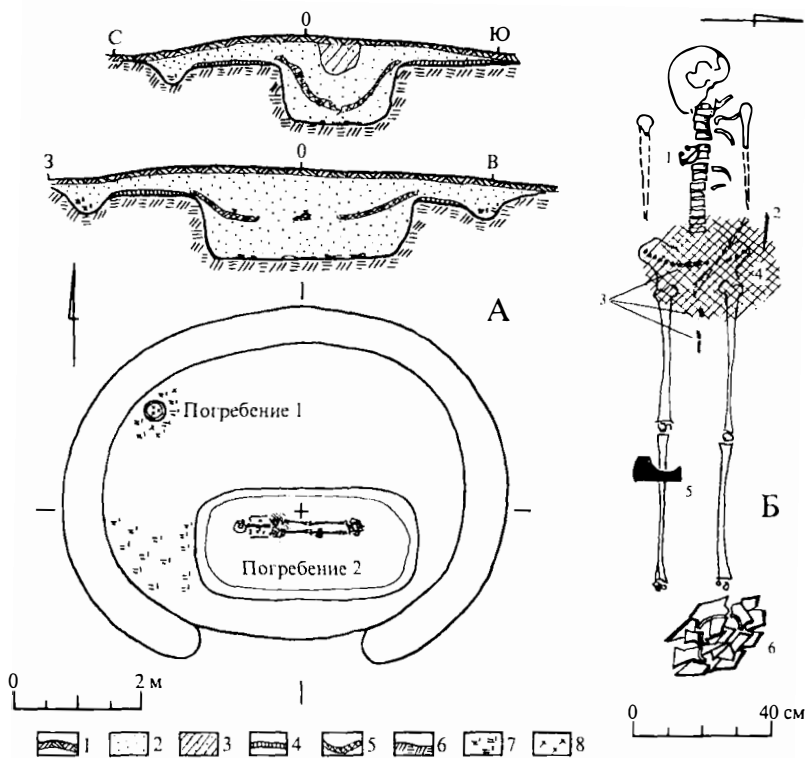

Таблица LXVI. Курган № 165. А — план и разрезы (1 — дерн; 2 — песок; 3 — перекоп; 4 — погребенная почва; 5 — темно-серые прослойки от перекрытий; 6 — материк; 7 — угли; 8 — кальцинированные кости); Б — план погребения (расположение вещей: 1 — фибула; 2 — нож; 3 — поясной набор; 4 — остатки кожи от штанов; 5 — топор; 6 — раздавленный сосуд); В — гончарный горшок.

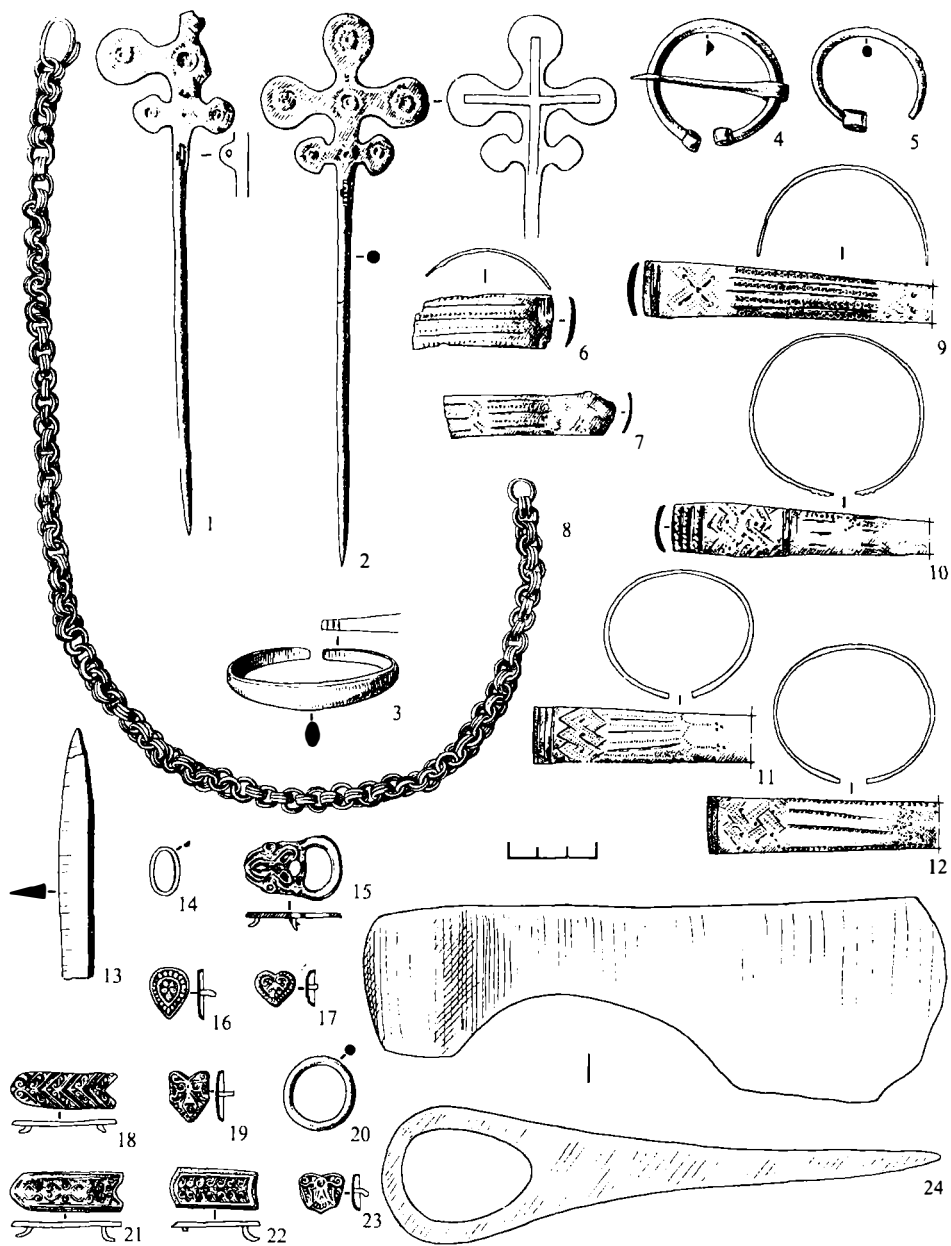

Таблица LXVII. Находки из кургана № 165: 1—3, 5—12 — погребение № 1; 4, 13—24 — погребение № 2 (1—12, 14—23 — цветной металл; 13, 24 — железо).

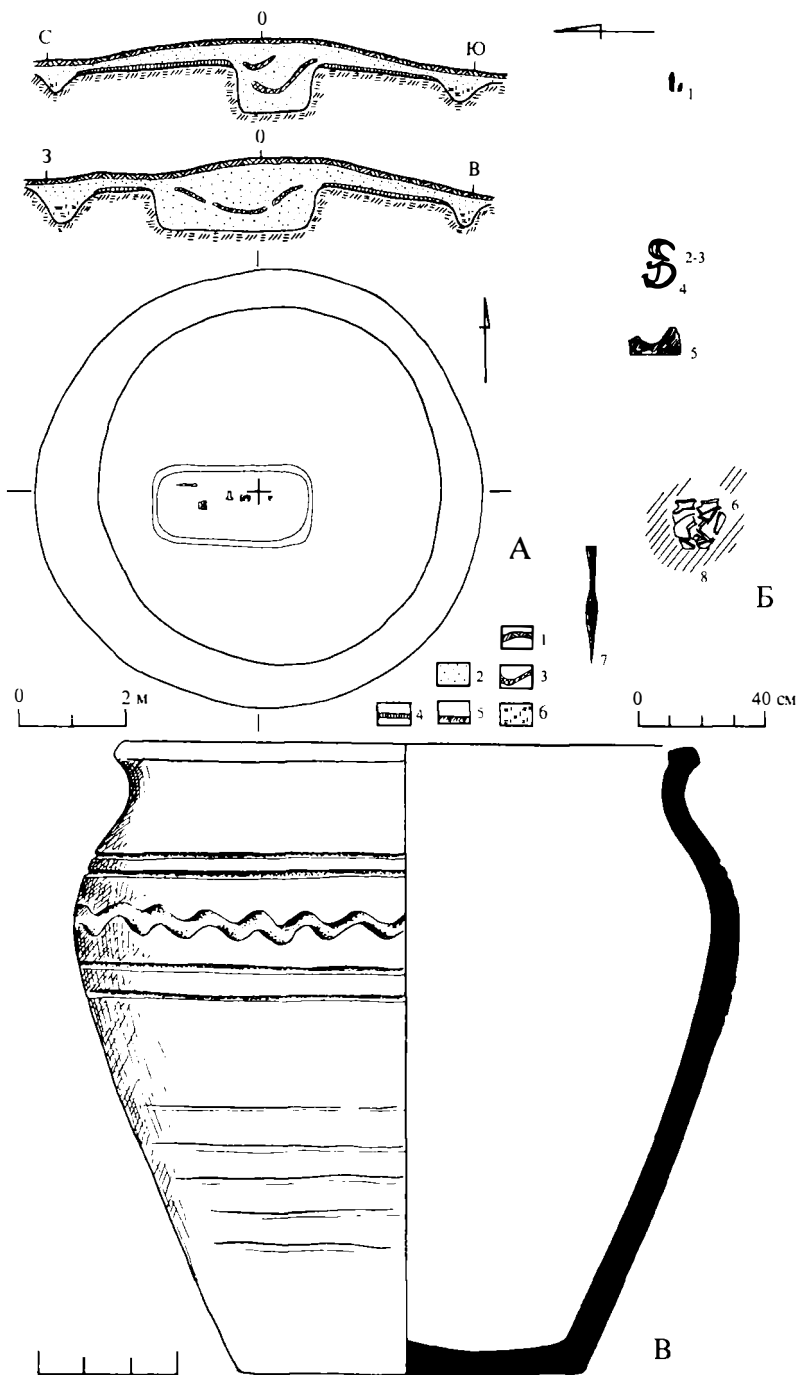

Таблица LXVIII. Курган № 175. А — план и разрезы (1 — дерн; 2 — песок; 3 — темно-серые прослойки от перекрытий; 4 — погребенная почва; 5 — материк; 6 — угли); Б — план погребения (расположение вещей: 1 — железные предметы; 2—3 — браслеты; 4 — фибула; 5 — топор; 6 — раздавленный сосуд; 7 — наконечник копья; 8 — ткани); В — гончарный горшок.

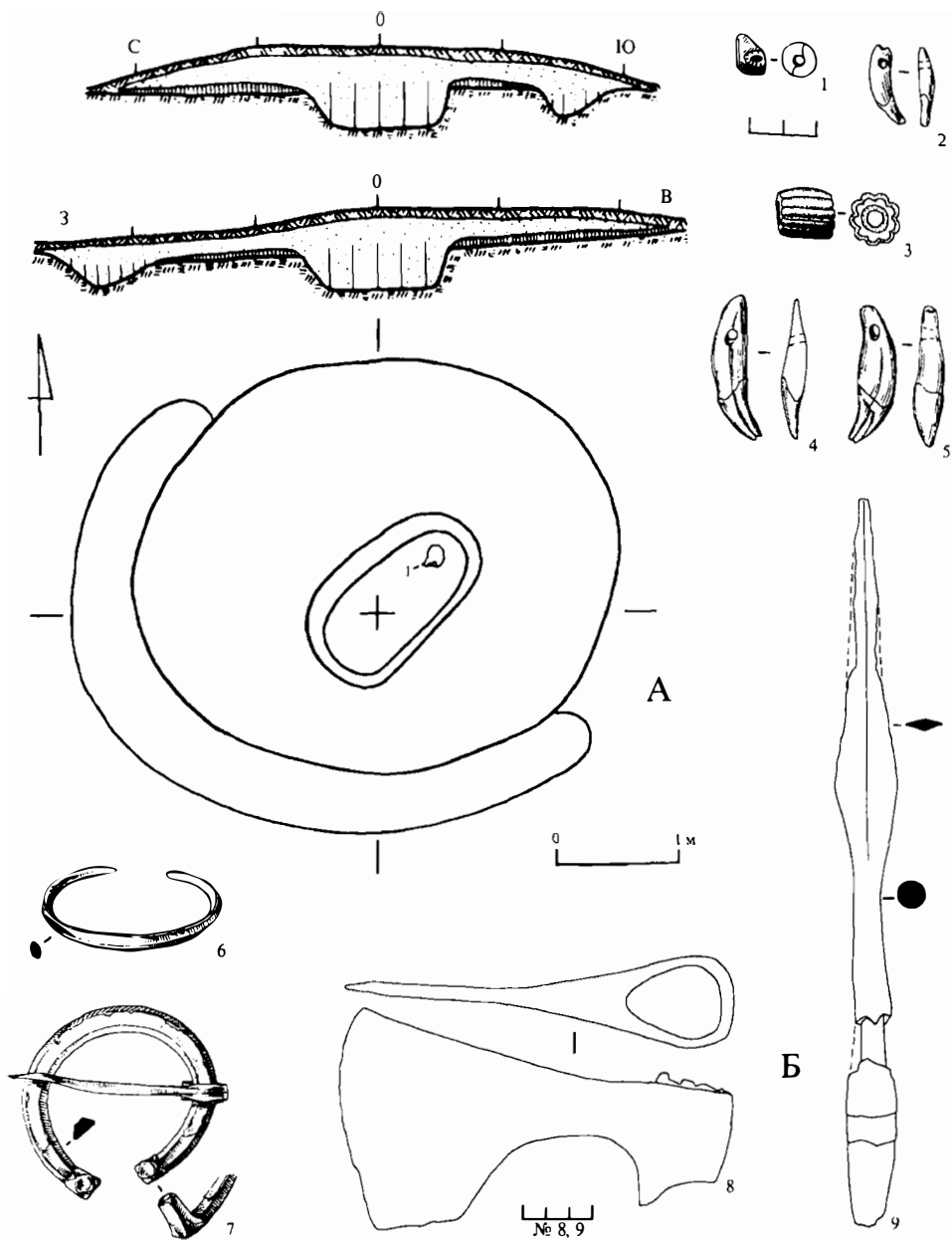

Таблица LXIX. Курган № 176а и находки из кургана № 175. А — план и разрезы кургана № 176а; Б — находки: 1—5 — из кургана № 176а, 6—9 — из кургана № 175 (1, 3 — стекло; 2, 4, 5 — кость; 6, 7 — цветной металл; 8—9 — железо).

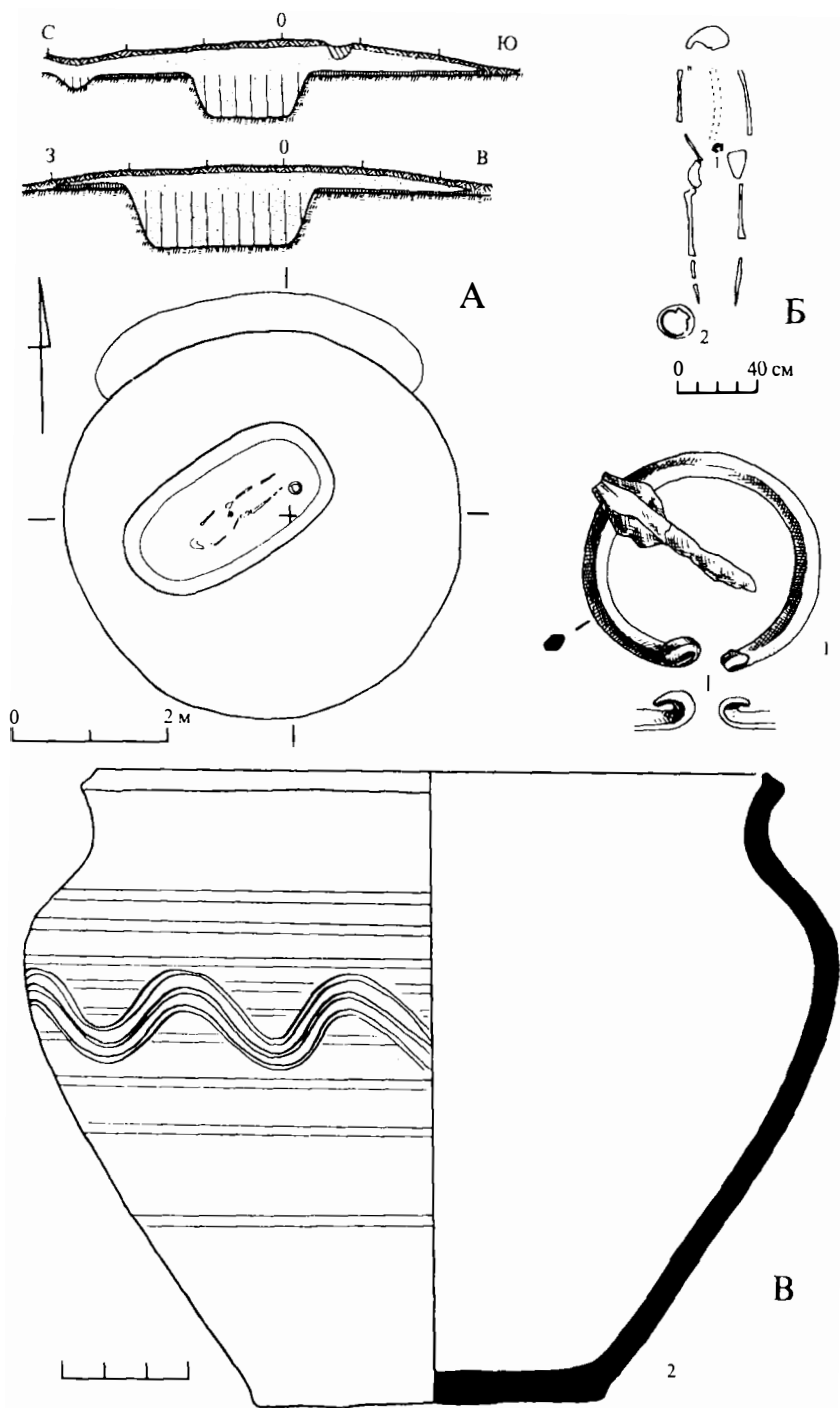

Таблица LXX. Курган № 176. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — фибула; 2 — сосуд); В — гончарный горшок.

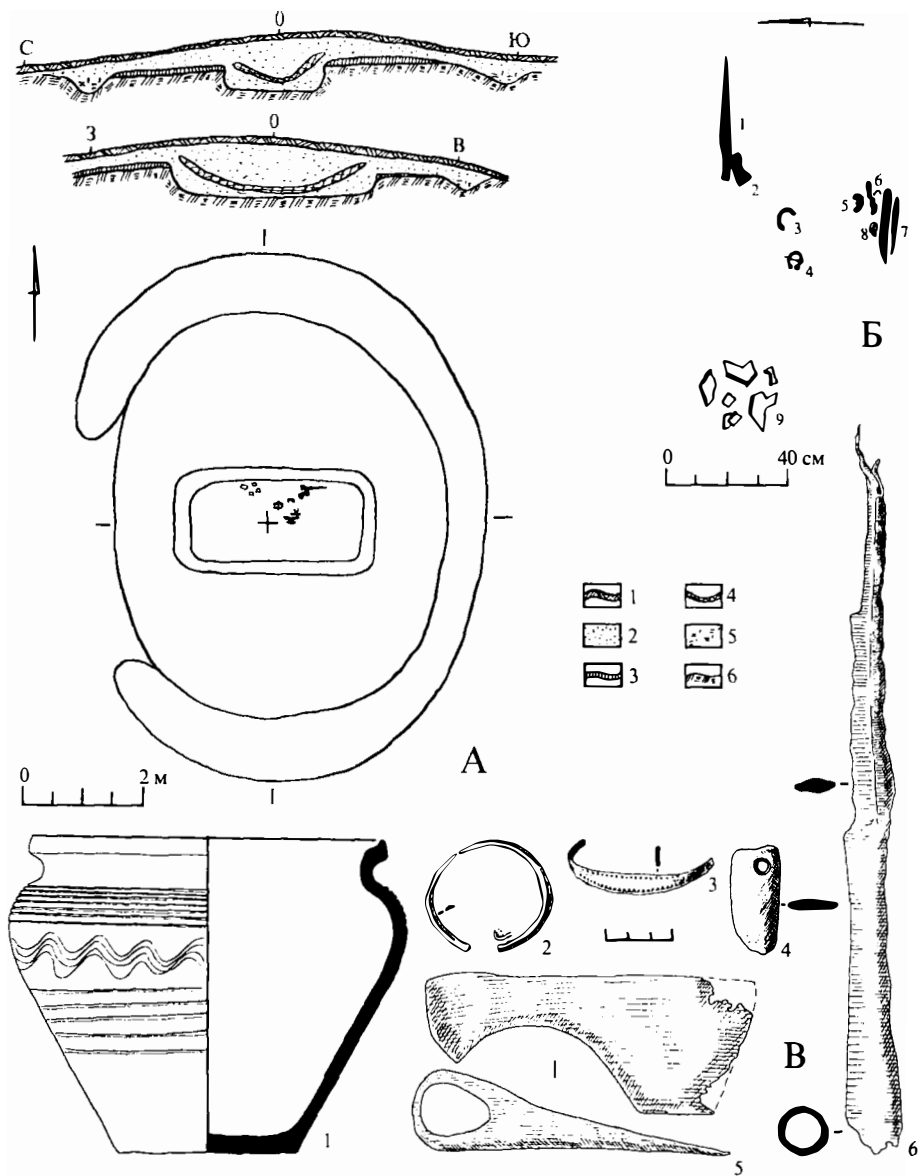

Таблица LXXI. Курган № 177. А — план и разрезы (1 — дерн; 2 — песок; 3 — погребенная почва; 4 — темно-серые прослойки от перекрытий; 5 — уголь; 6 — материк); Б — план погребения (расположение вещей: 1 — наконечник копья; 2 — топор; 3 — браслет; 4 — фибула; 5 — кресало; 6 — железные предметы; 7 — нож; 8 — оселок; 9 — раздавленный сосуд); В — находки (1 — керамика; 2, 3 — цветной металл; 4 — камень; 5, 6 — железо).

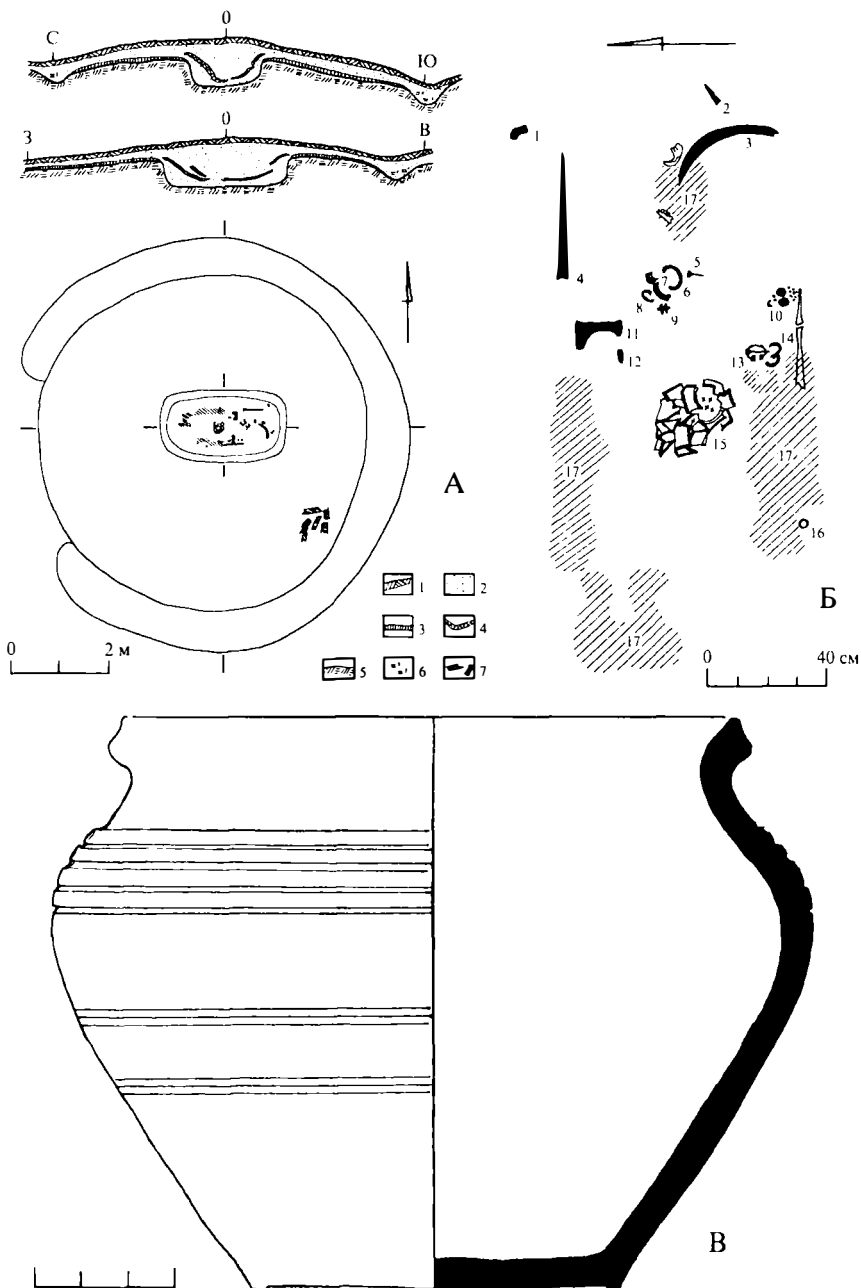

Таблица LXXII. Курган № 178. А — план и разрезы (1 — дерн; 2 — песок; 3 — погребенная почва; 4 — темно-серые прослойки от перекрытий; 5 — материк; 6 — уголь; 7 — угольные плахи); Б — план погребения (расположение вещей: 1—2 — обломки железных предметов; 3 — коса; 4 — наконечник копья; 5 — железный предмет; 6—8 — браслеты; 9 — перстень; 10 — вишневые косточки с железными предметами; 11 — топор; 12 — железный предмет; 13 — фибула; 14 — два браслета; 15 — раздавленный сосуд; 16 — кольцо от онучей; 17 — ткани); В — гончарный горшок.

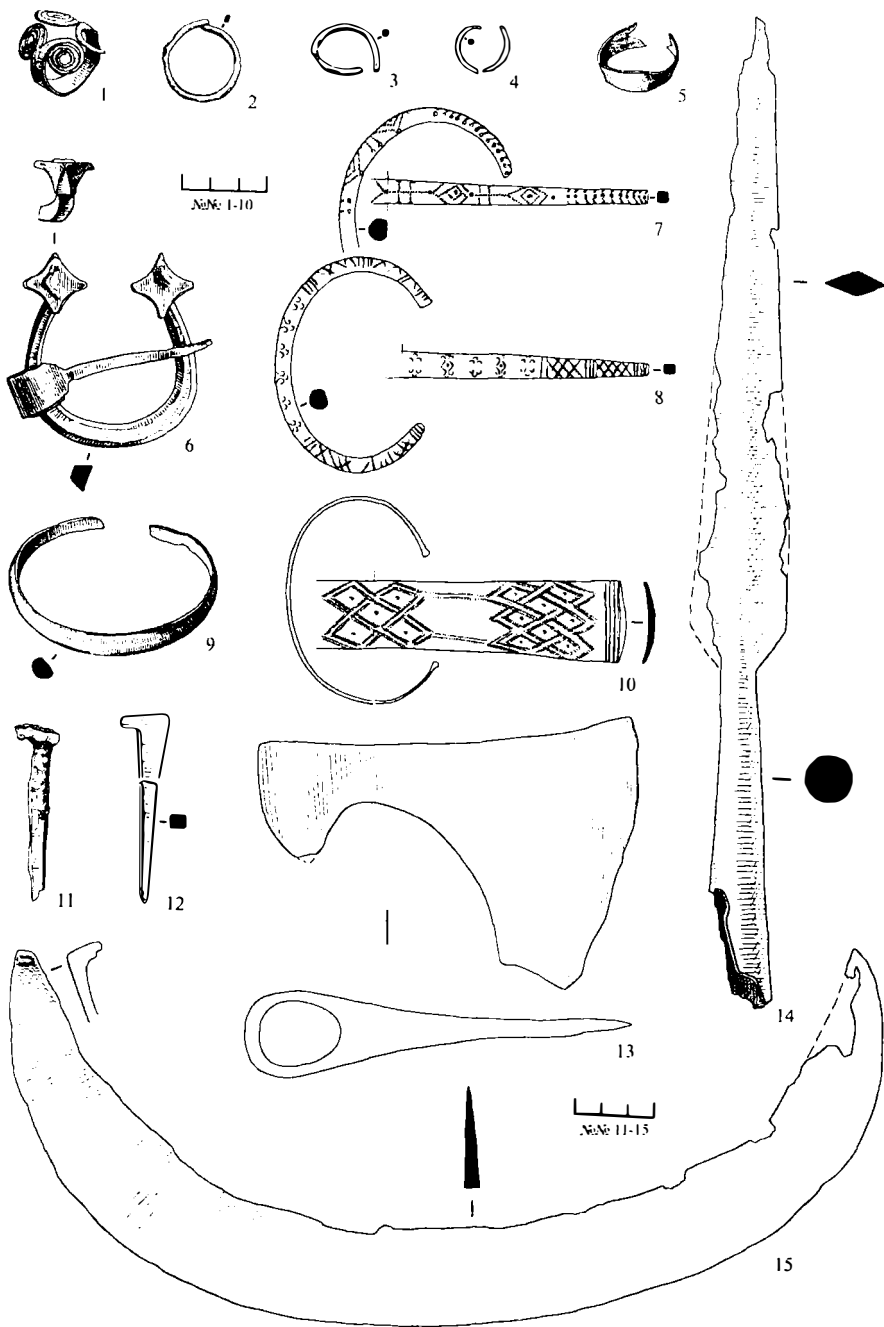

Таблица LXXIII. Находки из кургана № 178 (1—10 — цветной металл; 11—15 — железо).

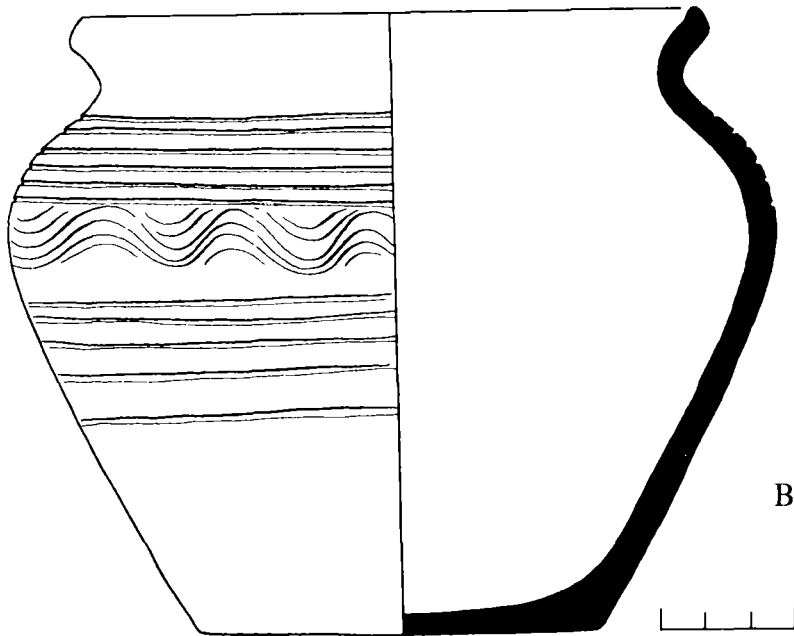
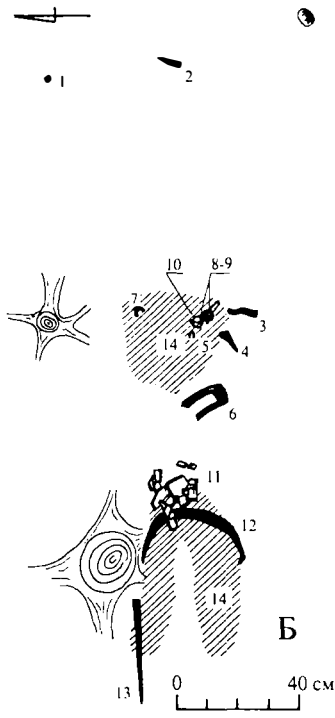
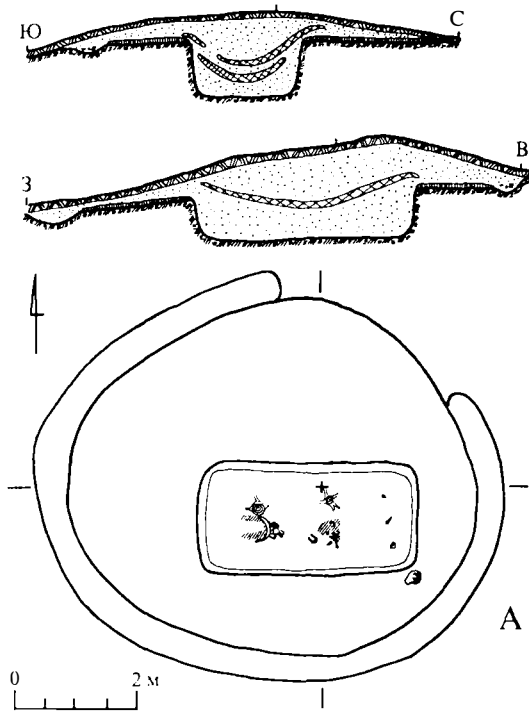

Таблица LXXIV. Курган № 180. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1—3 — железные предметы; 4 — нож; 5 — перстень; 6 — скобель; 7—9 — браслеты; 10 — фибула; 11 — раздавленный сосуд; 12 — коса; 13 — наконечник копья; 14 — ткани); В — гончарный горшок.

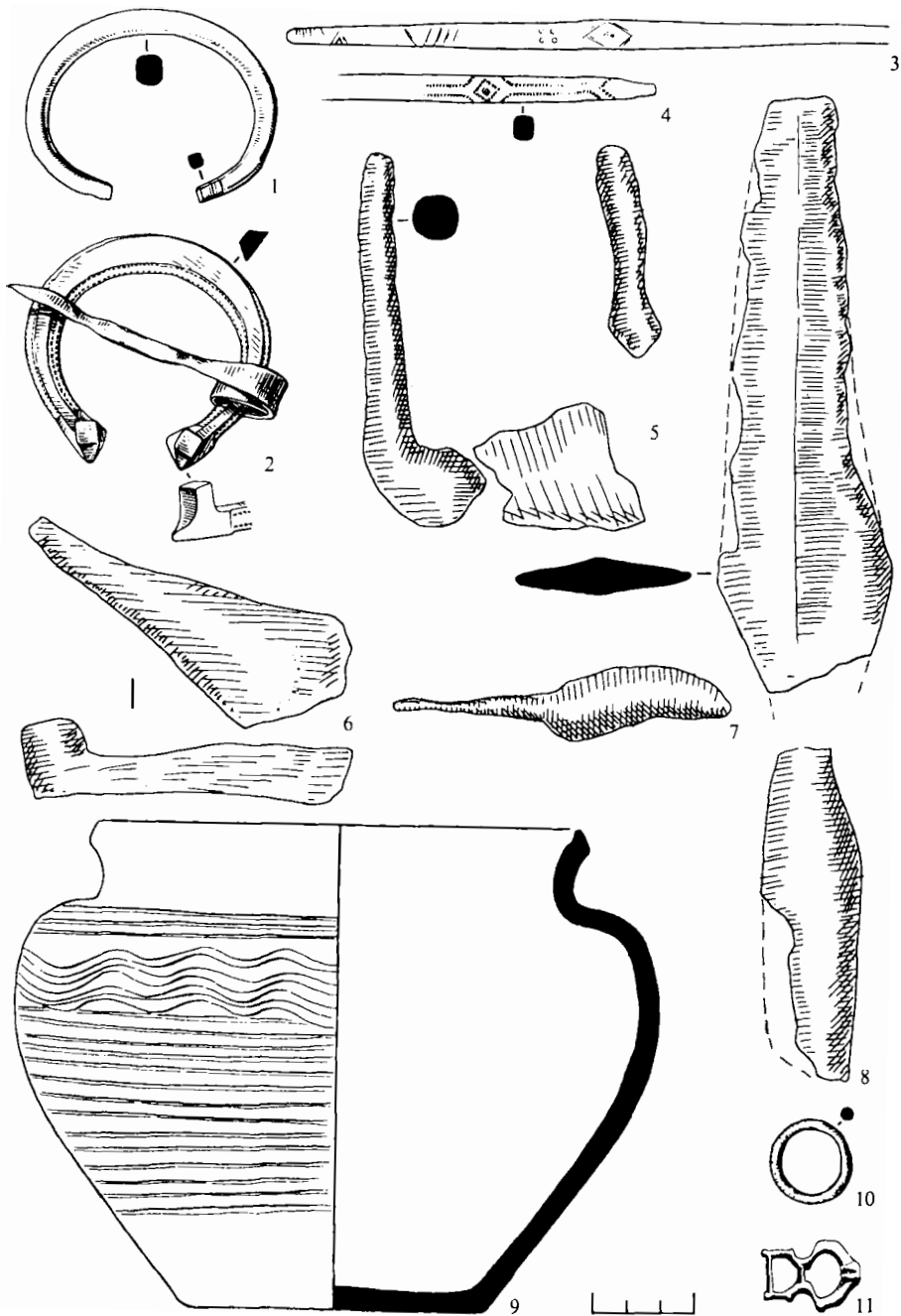

Таблица LXXV. Находки из курганов: 1—8 — из кургана № 180; 9—11 — из кургана № 182 (1—4, 10, 11 — цветной металл; 5—8 — железо; 9 — керамика)

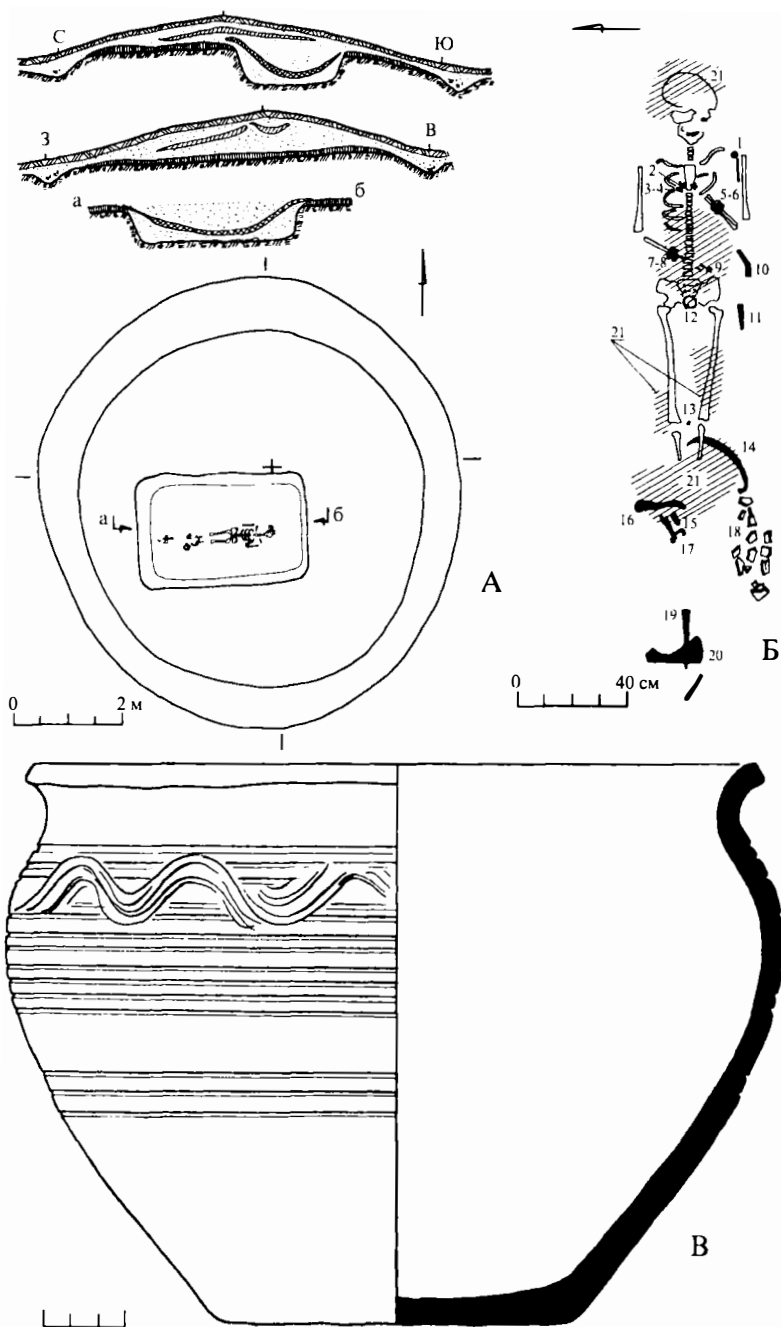

Таблица LXXVI. Курган № 181. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — посоховидная булава; 2—4, 9 — перстни; 5—8 — браслеты; 10 — ложка; 11 — нож; 12 — фибула; 13 — железный предмет; 14 — коса; 15 — оселок; 16 — тесло; 17 — скобель; 18 — раздавленный сосуд; 19 — наконечник копья; 20 — топор; 21 — ткани); В — гончарный горшок.

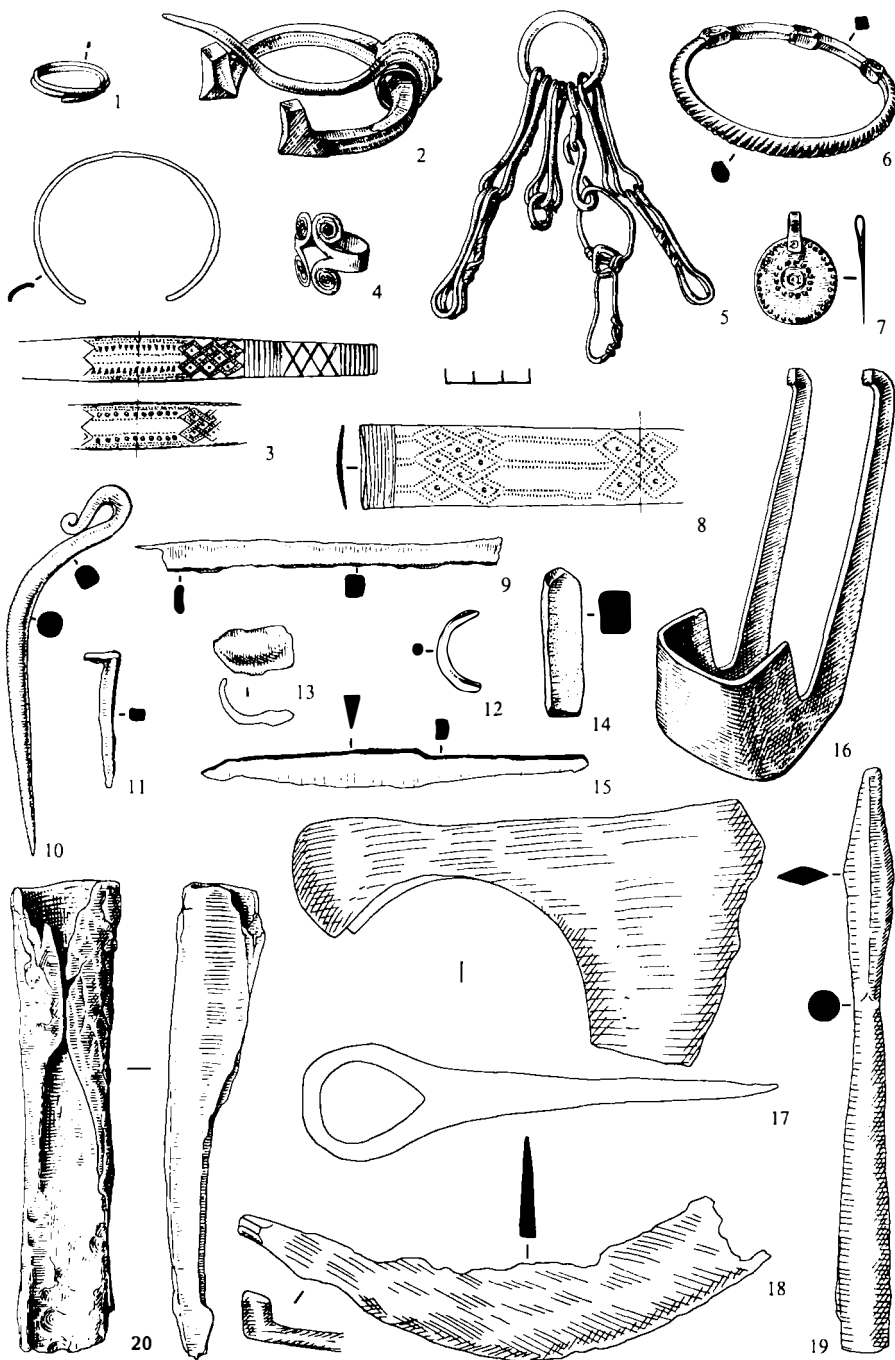

Таблица LXXVII. Находки из кургана № 181: 1—4, 6, 8—19 — из захоронения; 5, 7 — подъемный материал около полы кургана (1—8 — цветной металл; 9—13, 15—20 — железо; 14 — камень).

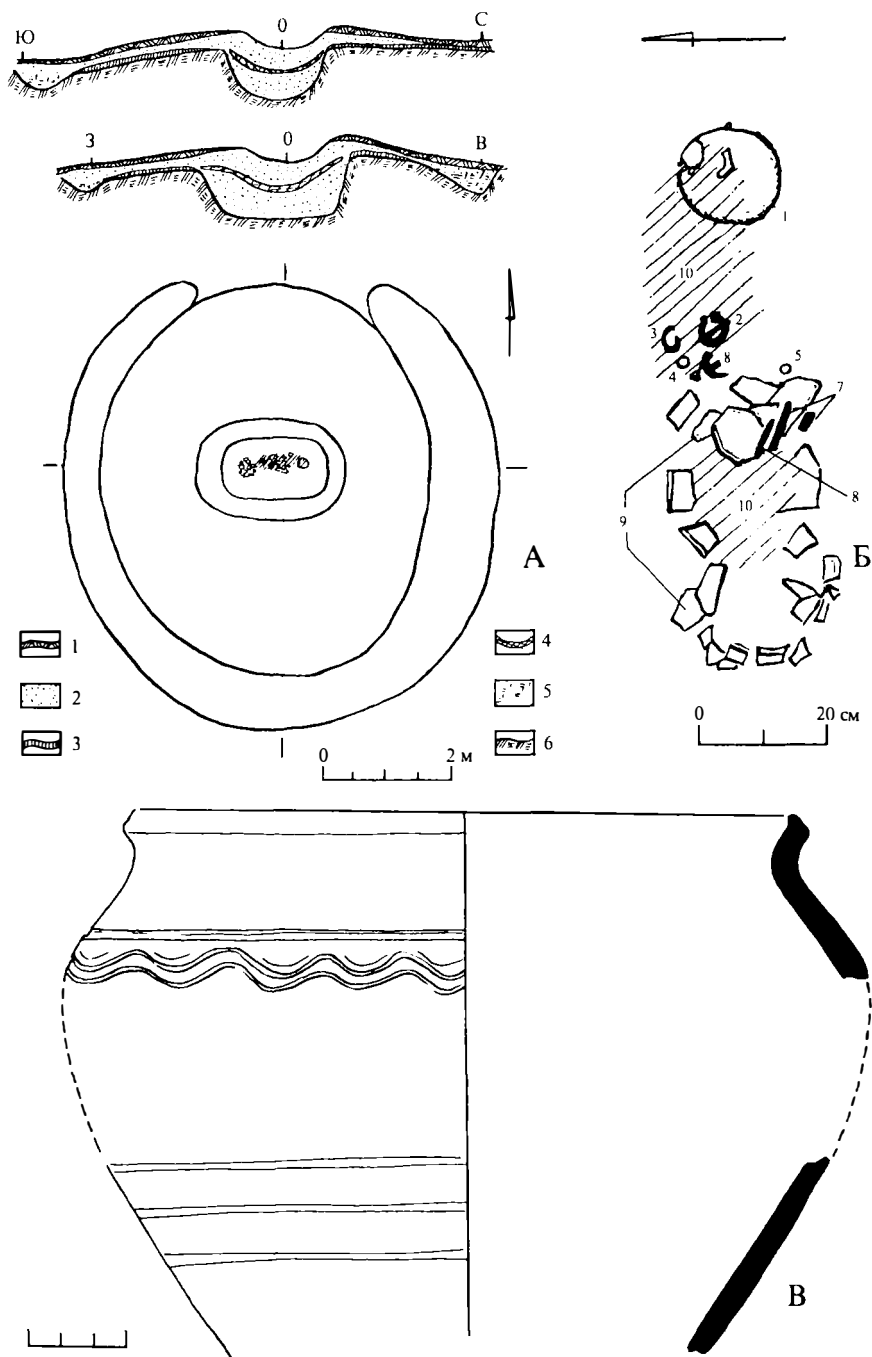

Таблица LXXVIII. Курган № 185. А — план и разрезы (1 — дерн; 2 — песок; 3 — погребенная почва; 4 — древесный тлен от перекрытий; 5 — уголь; 6 — материк); Б — план погребения (расположение вещей: 1 — гривна; 2 — фибула; 3 — браслет; 4 — кольцо; 5 — перстень; 6 — клык кабана с бубенчиками; 7 — железный стержень; 8 — нож; 9 — раздавленный сосуд; 10 — ткани); В — гончарный горшок.

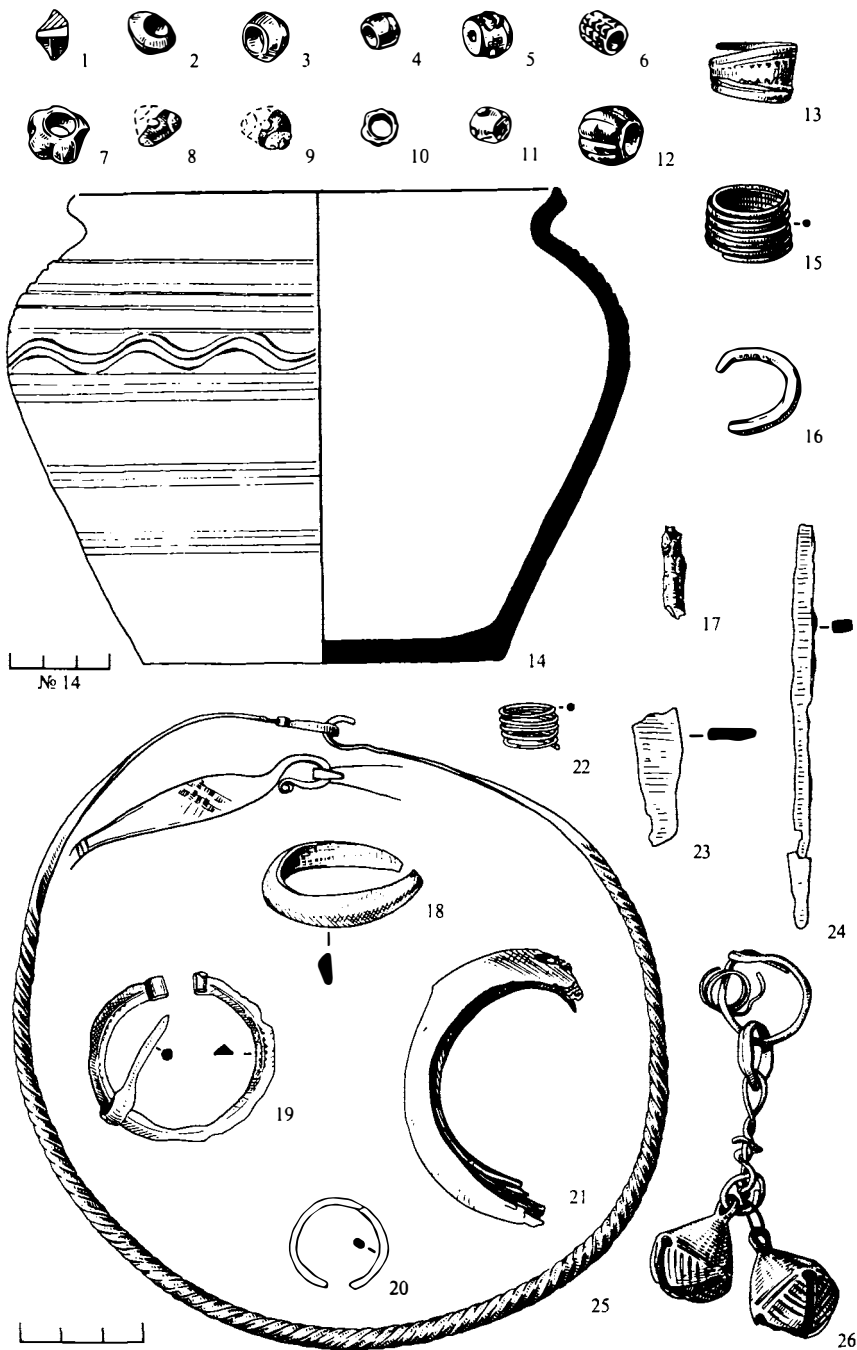

Таблица LXXIX. Находки из курганов: 1—17 — из кургана № 184; 18—26 — из кургана № 185 (1—12 — стекло; 13, 15, 16, 18—20, 22, 25, 26 — цветной металл; 14 — керамика; 17, 23, 24 — железо; 21 — кость).

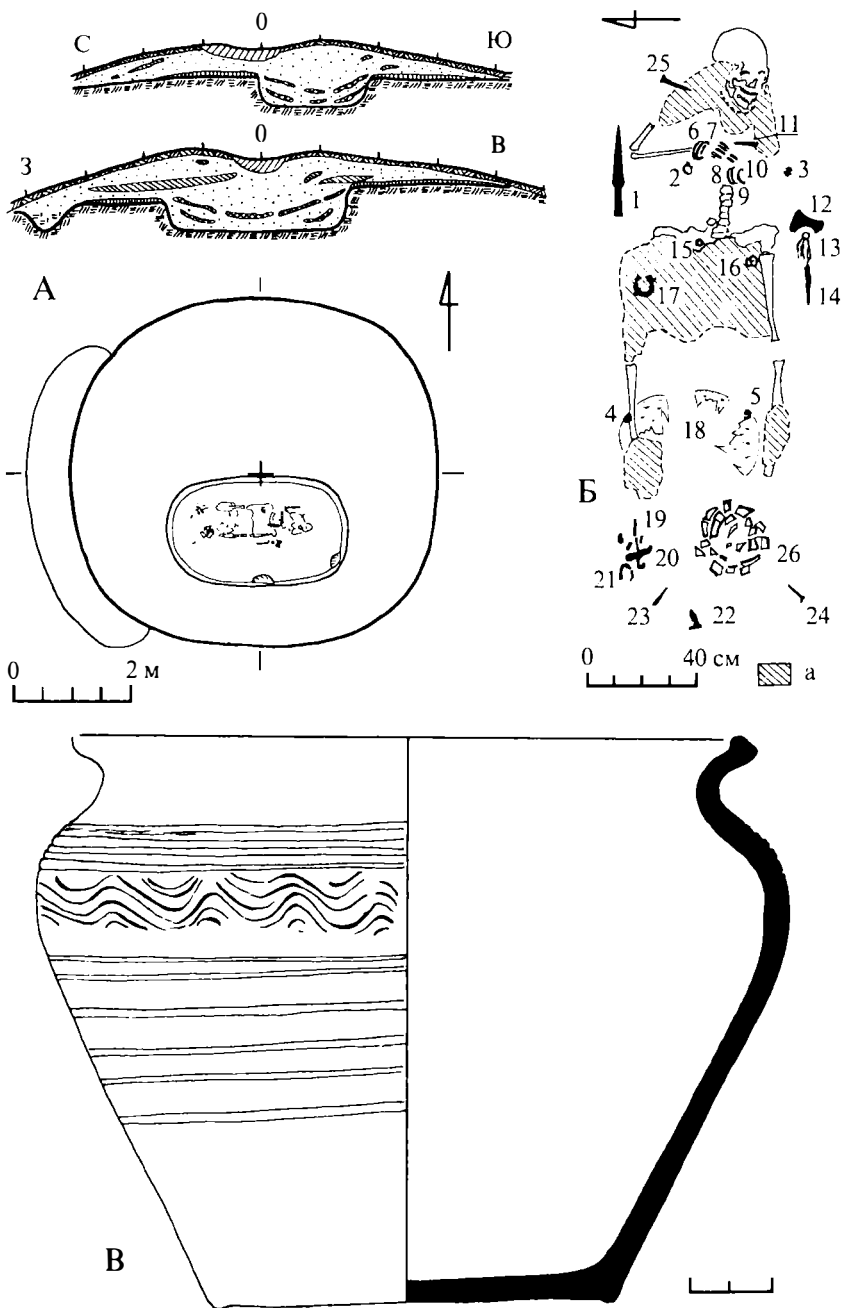

Таблица LXXX. Курган № 186. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — наконечник копья; 2—5 — перстни; 6—10 — браслеты; 11 — железный предмет; 12 — топор; 13 — поясное кольцо с цепочками; 14 — нож в кожаном чехле; 15 — поясное кольцо; 16 — пряжка; 17 — фибула; 18 — остатки берестяного короба; 19 — ложжарь; 20 — тесло; 21 — скобель; 22 — железный предмет; 23—25 — гвозди; 26 — раздавленный сосуд); В — гончарный горшок.

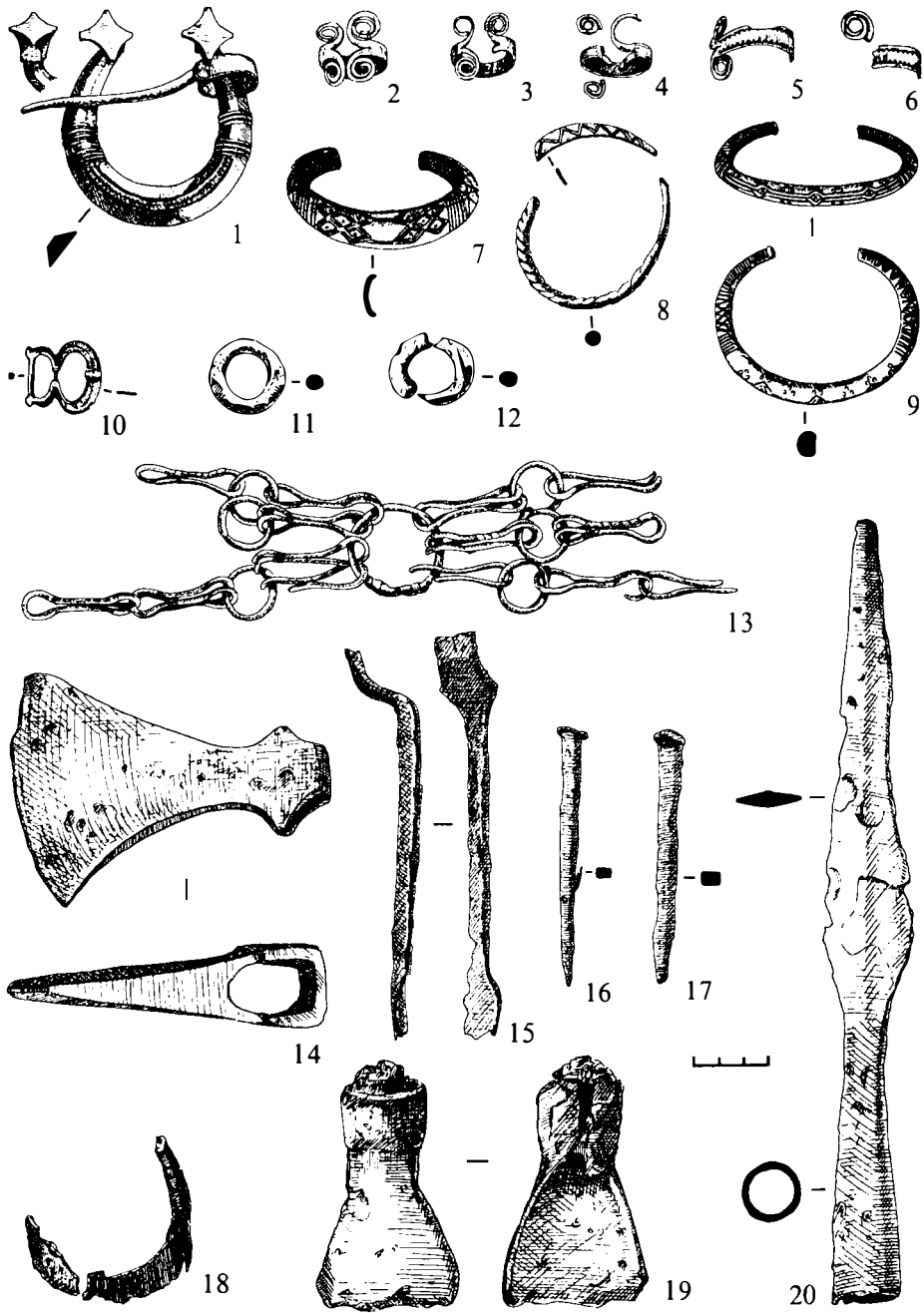

Таблица LXXXI. Находки из кургана № 186 (1—13 — цветной металл; 14—20 — железо).

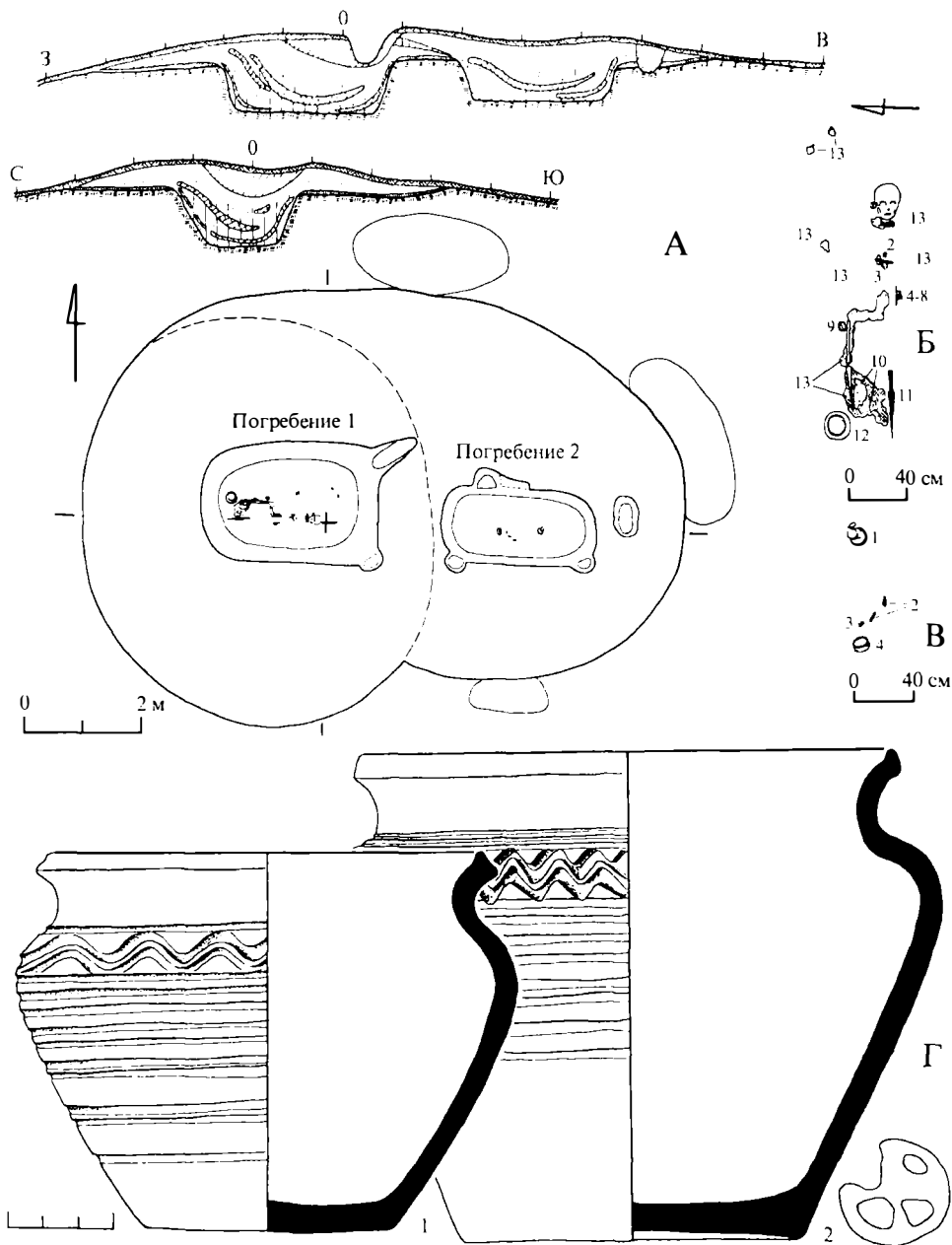

Таблица LXXXII. Курган № 187. А — план и разрезы; Б — план погребения № 1 (расположение вещей: 1 — фибула; 2 — пряжка; 3 — браслет; 4—8 — нож, бубенчик, две бусины, обломок монеты, железная петелька, точильный камень; 9 — фибула; 10 — берестяной короб; 11 — наконечник копья; 12 — сосуд; 13 — ткани); В — план погребения № 2 (расположение вещей: 1 — гривна; 2 — железные предметы; 3 — бубенчики; 4 — сосуд); Г — гончарные горшки (1 — из погребения № 2; 2 — из погребения № 1).

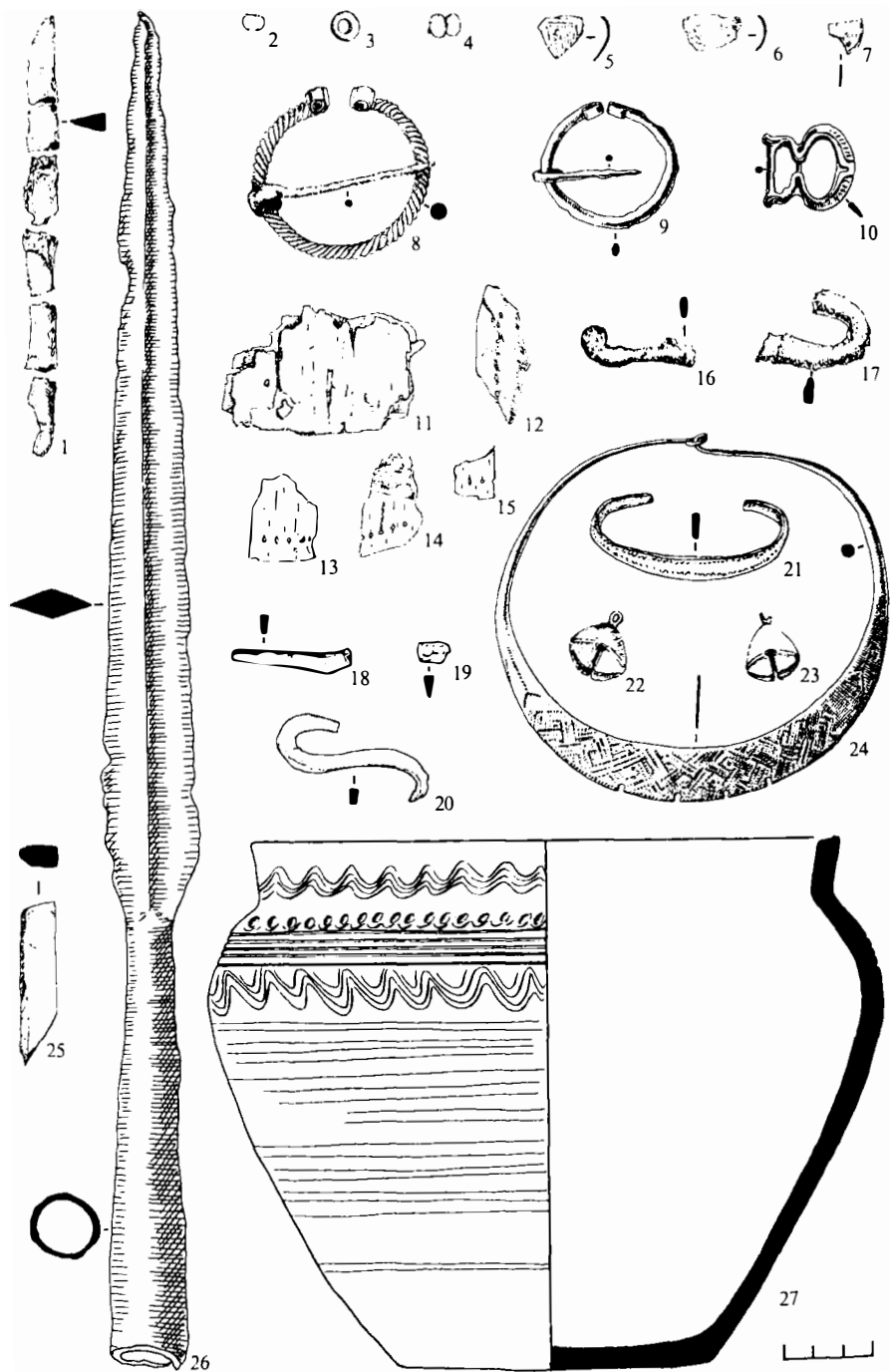

Таблица LXXXIII. Находки из кургана № 187 (1—17, 21, 25, 26 — из погребения № 1; 18—20, 22—24 — из погребения № 2) и сосуд (27) из кургана № 188 (1, 16—20, 26 — железо; 2—4 — стекло; 5—10, 21—24 — цветной металл; 11—15 — береста; 25 — камень; 27 — керамика).

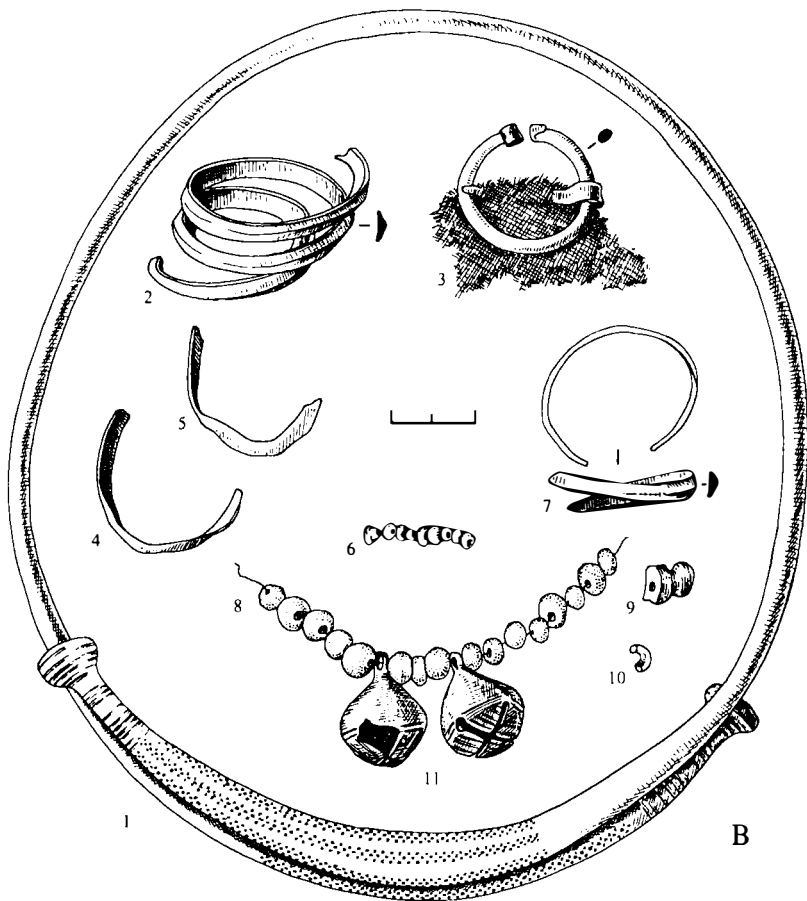
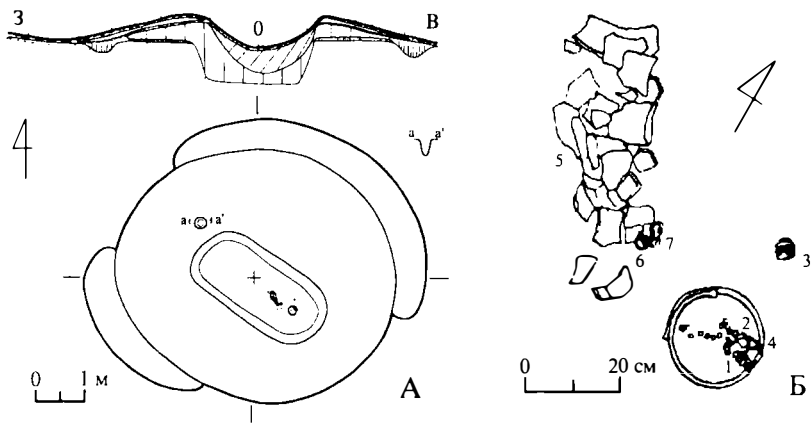

Таблица LXXXIV. Курган № 188. А — план и разрез; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — бубенчики; 2 — бусы; 4 — гривна; 3, 7 — браслеты; 5 — раздавленный сосуд; 6 — фибула); В — находки из погребения (1—5, 7, 11 — цветной металл; 6, 8—10 — стекло).

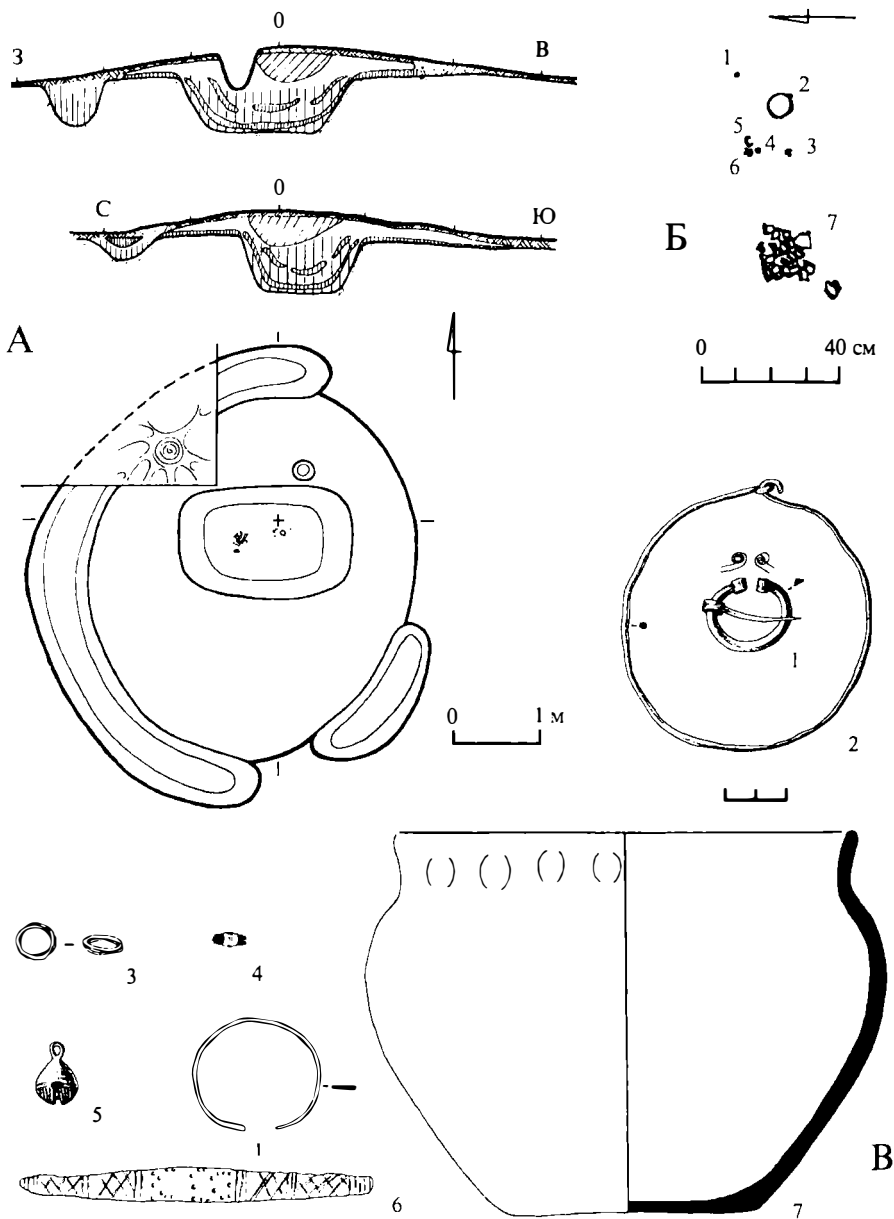

Таблица LXXXV. Курган № 189. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — колечко на шнурке; 2 — гривна; 3 — бубенчик; 4 — спиральный перстень; 5 — браслет; 6 — фибула; 7 — раздавленный лепной сосуд); В — находки из погребения (1—6 — цветной металл; 7 — керамика).

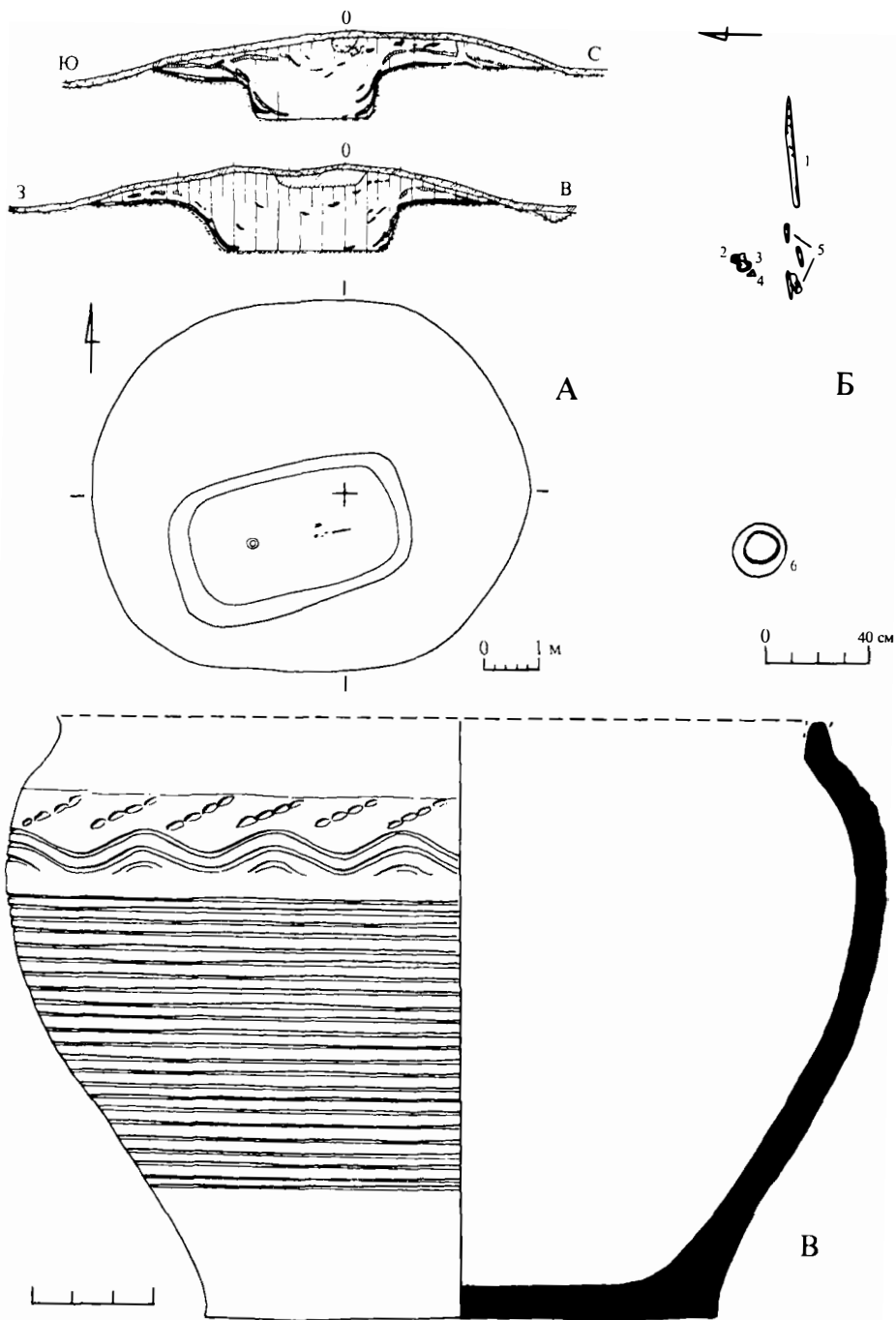

Таблица LXXXVI. Курган № 190. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — наконечник копья; 2 — фибула; 3 — браслет; 4 — перстень; 5 — железные предметы; 6 — гончарный сосуд; В — гончарный горшок.

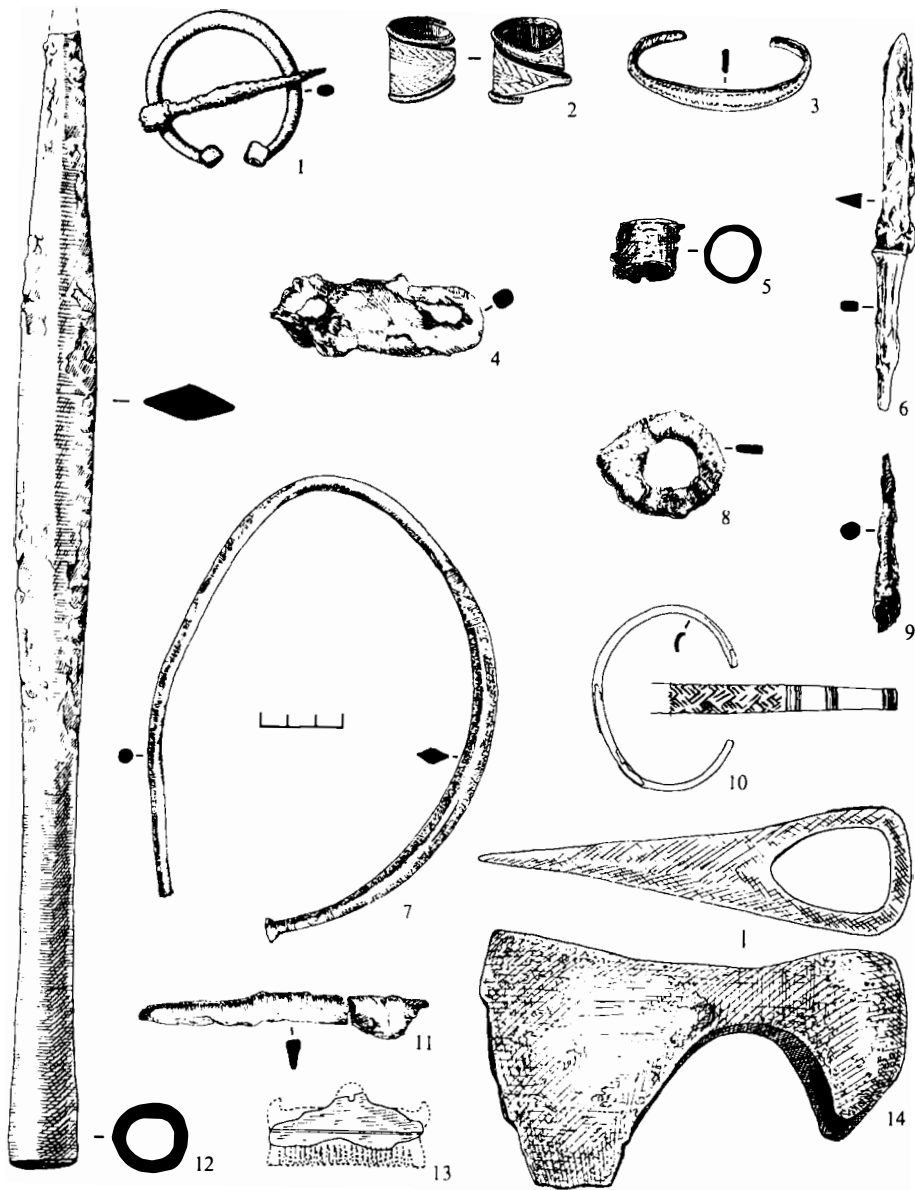

Таблица LXXXVII. Находки из курганов № 190 и 194: 1—3, 6, 12 — из погребения в кургане № 190; 7 — из позднего перекопа в кургане № 194; 4, 5, 8—11, 13, 14 — из погребения в кургане № 194 (1—3, 7, 10, 13 — цветной металл; 4—6, 8, 9, 11, 12, 14 — железо).

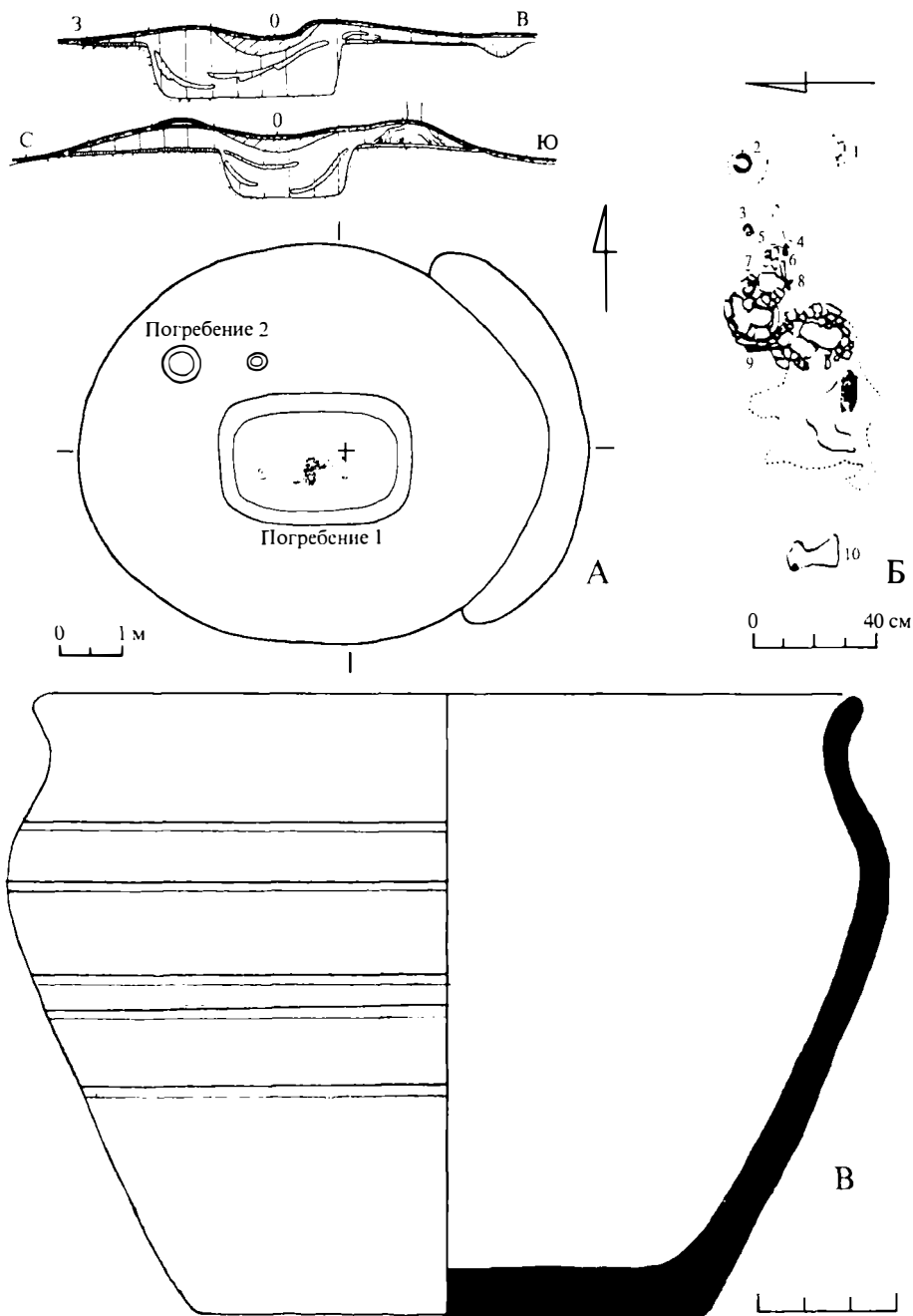

Таблица LXXXVIII. Курган № 194. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — железный предмет; 2 — браслет; 3 — перстни; 4 — спираль от ручки; 5 — поясное кольцо; 6 — нож; 7 — подвеска-амулет; 8 — кресало; 9 — раздавленный сосуд; 10 — топор; В — гончарный сосуд.

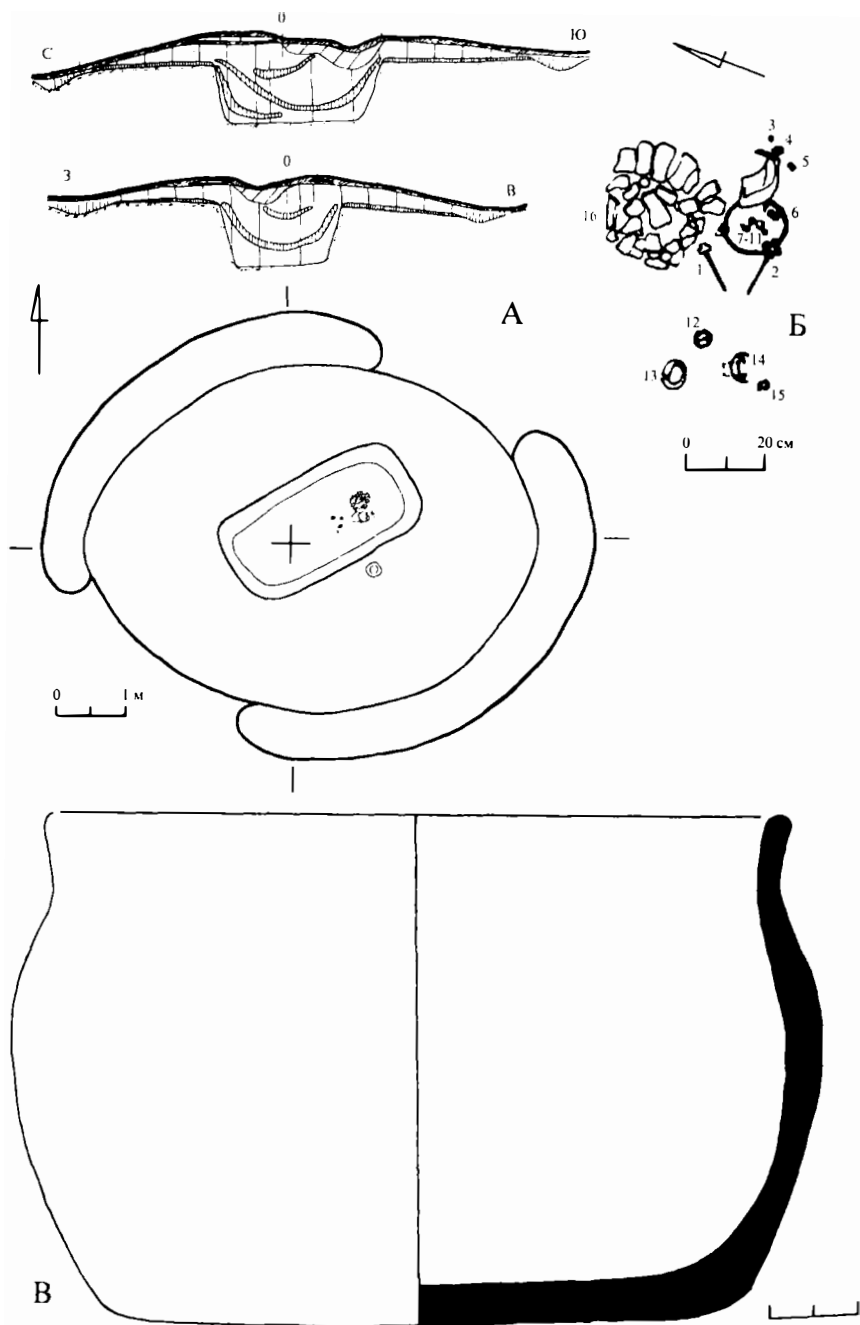

Таблица LXXXIX. Курган № 195. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1—2 — булавки; 3—5 — булавка и спиральки от украшения головного покрывала; 6 — гривна; 7—11 — бусы; 12 — фибула; 13—14 — браслеты; 15 — перстень; 16 — раздавленный сосуд; В — лепной горшок.

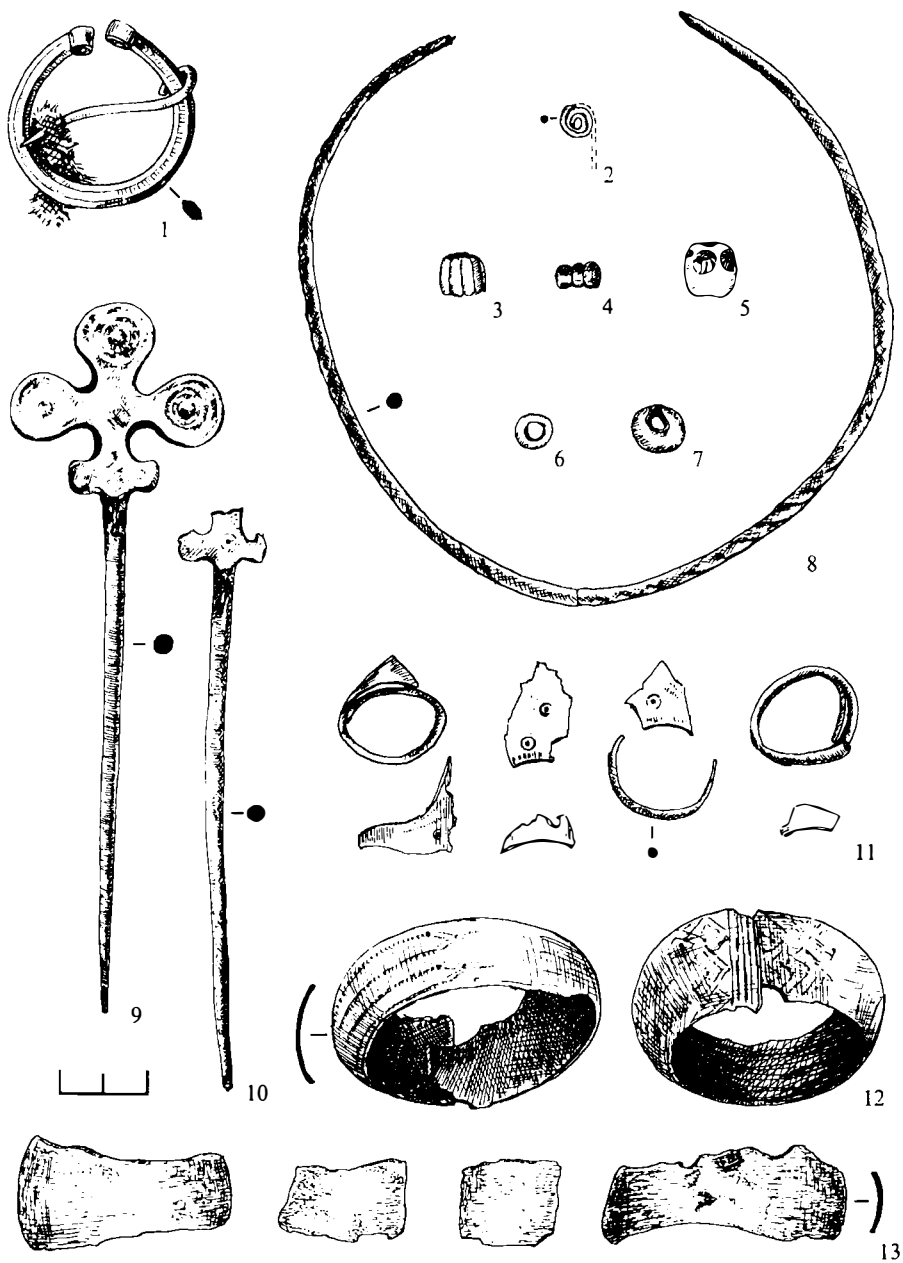

Таблица XC. Находки из кургана № 195 (1—2, 8—13 — цветной металл; 3—7 стекло).

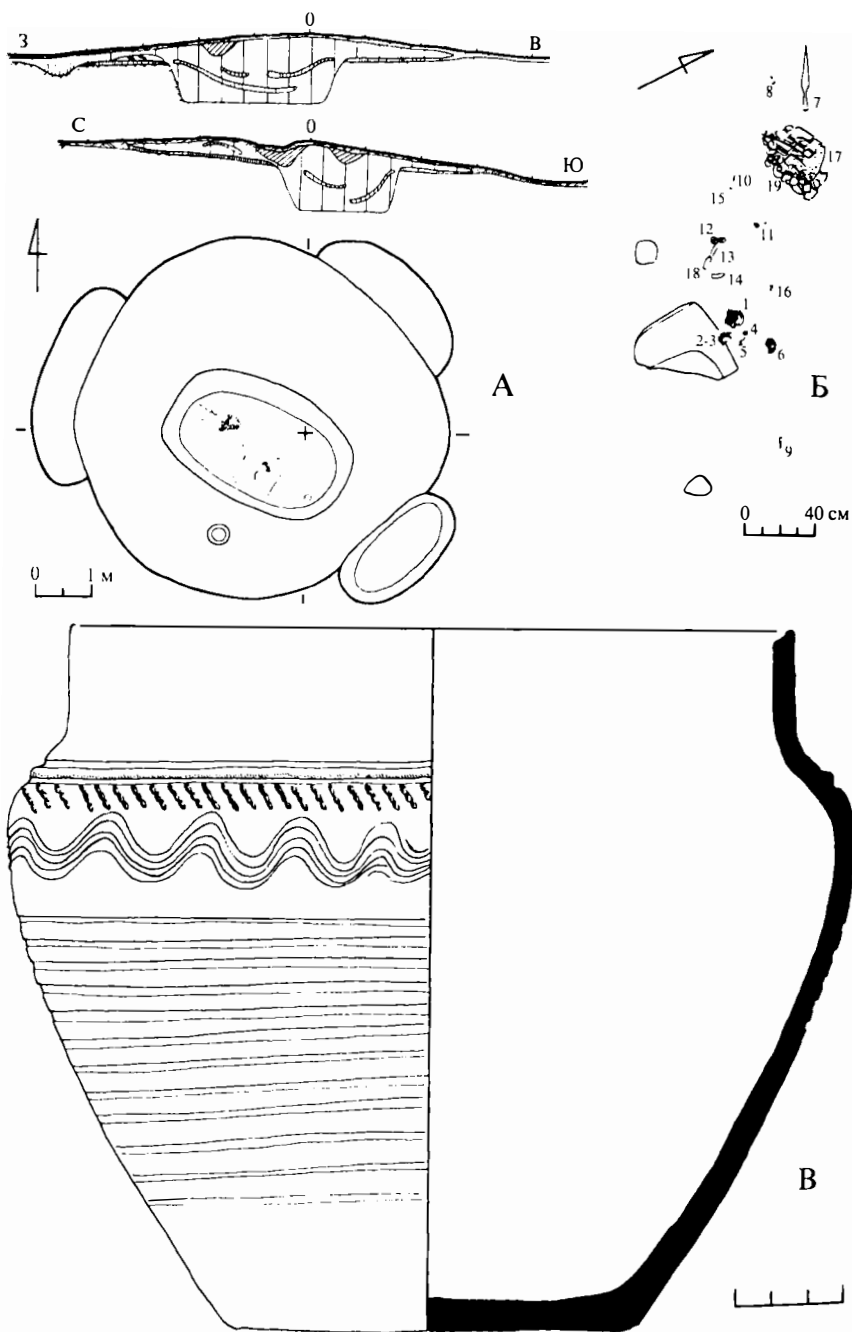

Таблица ХСІ. Курган № 196. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — фибула; 2—3, 6 — браслеты; 4—5 — перстни; 7 — наконечник копья; 8—9 — гвозди; 10, 14, 15, 18 — железные предметы; 11 — железная спираль; 12 — кресало; 13 — нож; 16 — поясное кольцо; 17 — топор; 19 — раздавленный сосуд); В — гончарный горшок.

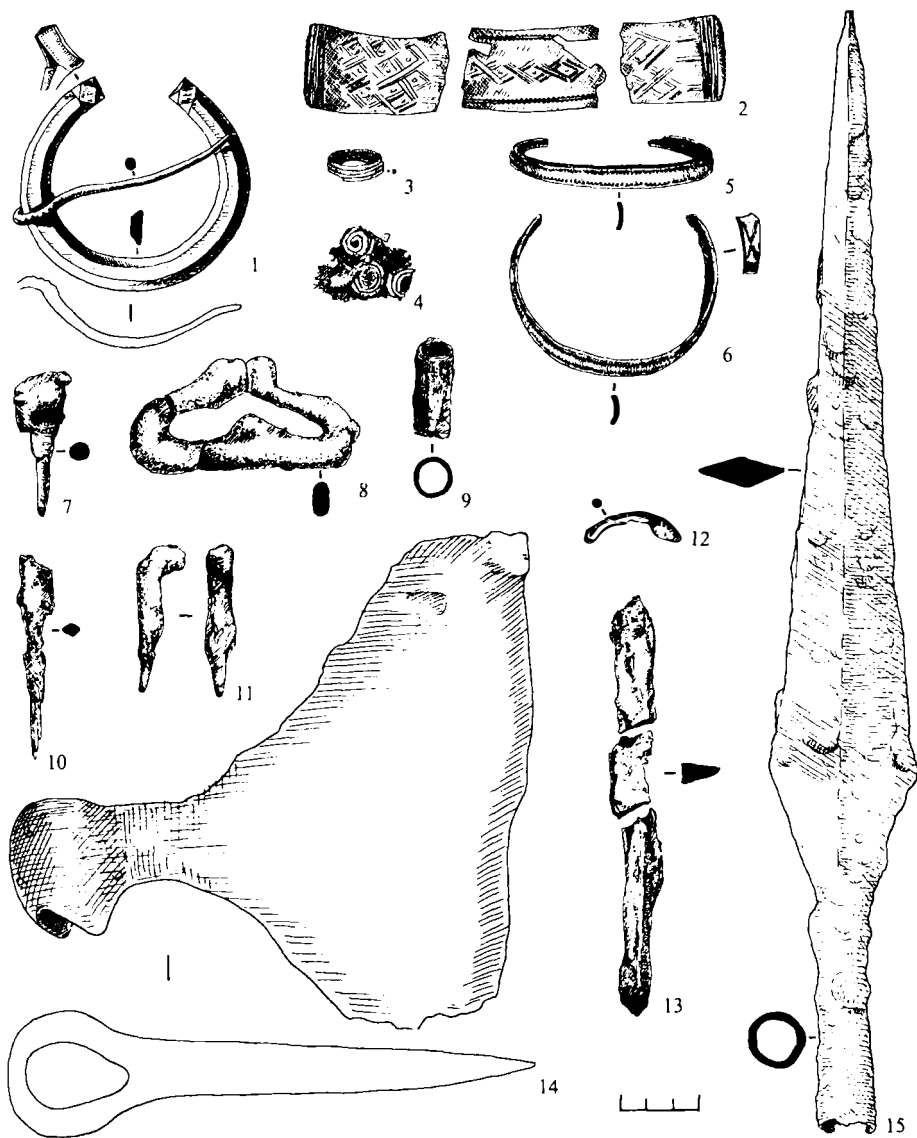

Таблица ХСII. Находки из кургана № 196 (1—6 — цветной металл; 7—15 — железо).

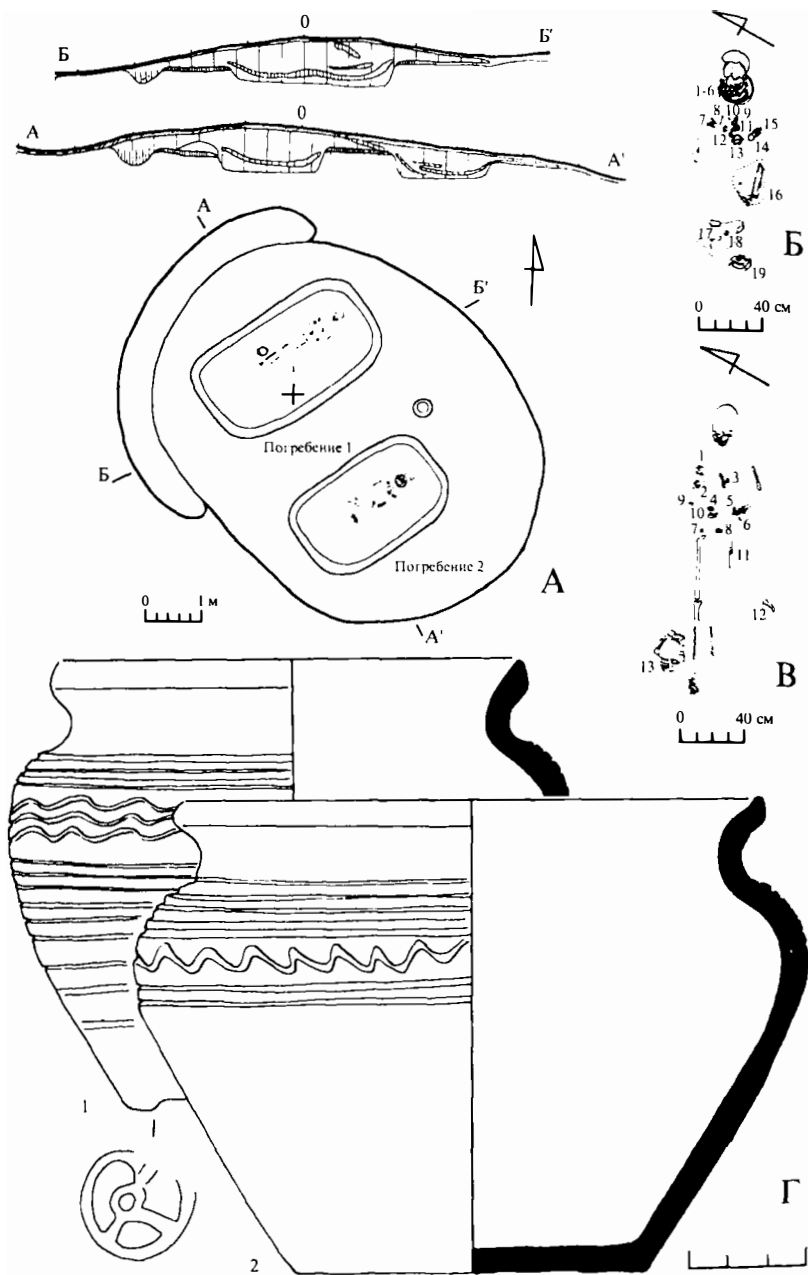

Таблица ХСШ. Курган № 197. А — план и разрезы; Б — план погребения № 2 (расположение вещей: 1—6 — низки бус, гривна и маленькая фибула; 7—8, 14, 15 — браслеты; 9—12 — перстни; 13 — большая фибула; 16 — ножны с ножом; 17 — ткани; 18 — пряслице; 19 — раздавленный сосуд); В — план погребения № 1 (расположение вещей: 1 — фибула; 2, 4 — перстни; 3, 5, 6 — браслеты; 7, 9 — поясные кольца; 8 — пряжка; 10 — трубочка; 11 — нож; 12 — топорик-кельт; 13 — раздавленный сосуд); Г — гончарные сосуды (1 — погребение № 2; 2 — погребение № 1).

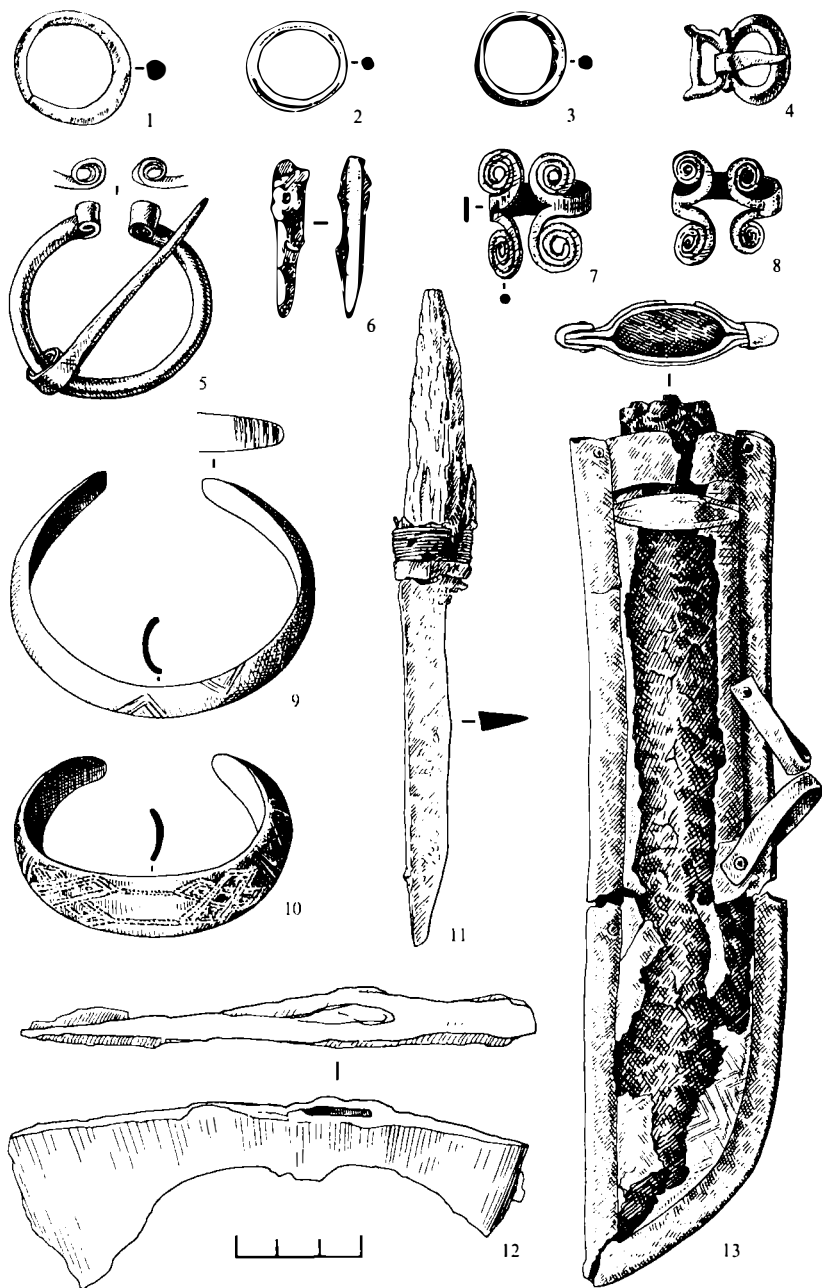

Таблица XCIV. Находки из погребений кургана № 197: 1—12 — из погребения № 1; 13 — из погребения № 2 (1—5, 7—10 — цветной металл; 6—12 — железо; 11 — железный нож с остатками деревянной рукояти, обмотанной бронзовой проволокой; 13 — кожаные ножи с бронзовыми оковками).

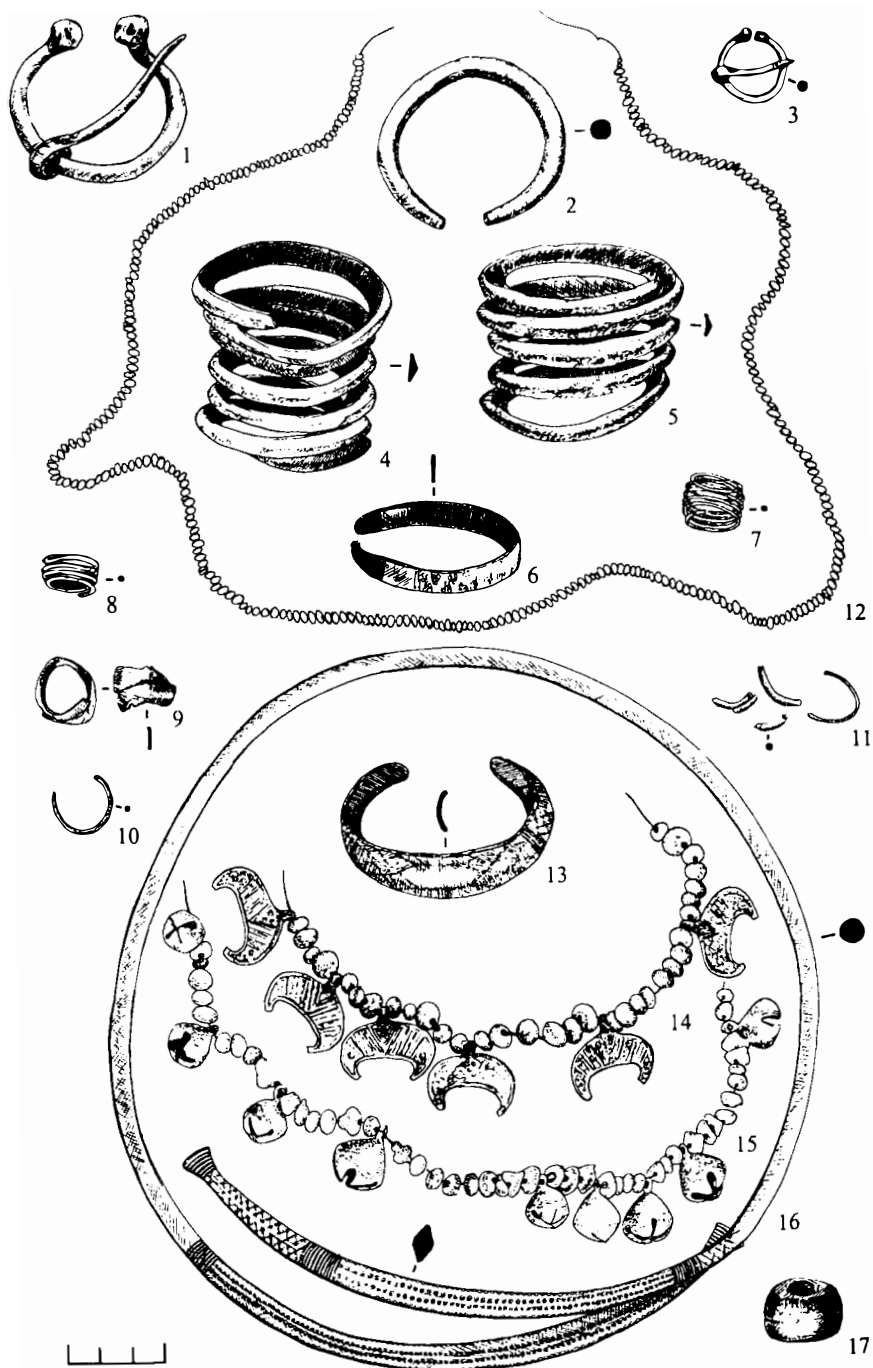

Таблица XCV. Находки из погребений кургана № 197: 1—9, 12—17 — из погребения № 2; 10—11 — из погребения № 1 (1—11, 13, 16 — цветной металл; 12 — стекло; 14, 15 — стеклянные бусы с бронзовыми подвесками; 17 — камень).

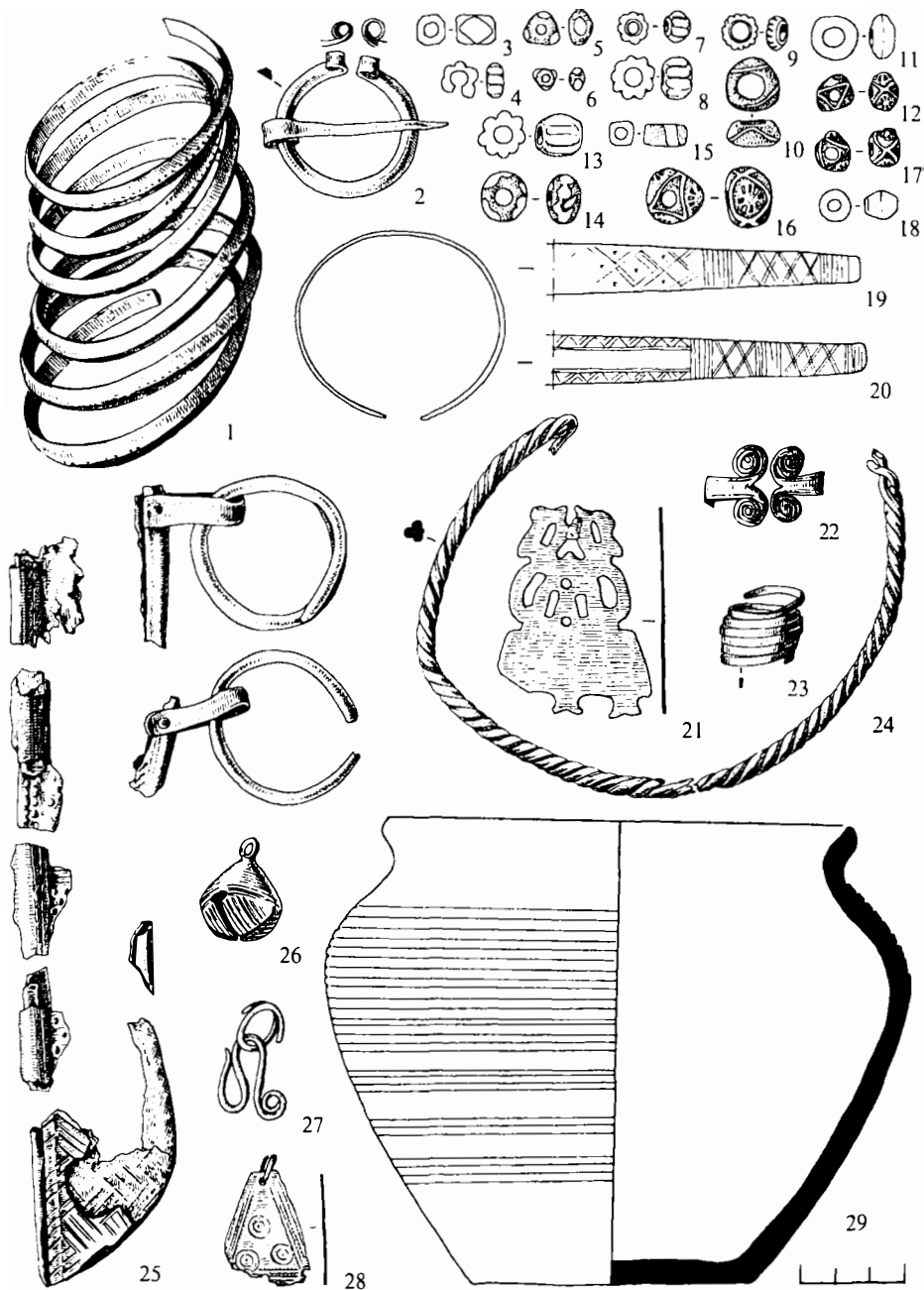

Таблица ХСVI. Находки из кургана № 207 (1, 2, 19—28 — цветной металл; 3—18 — стекло; 29 — керамика).

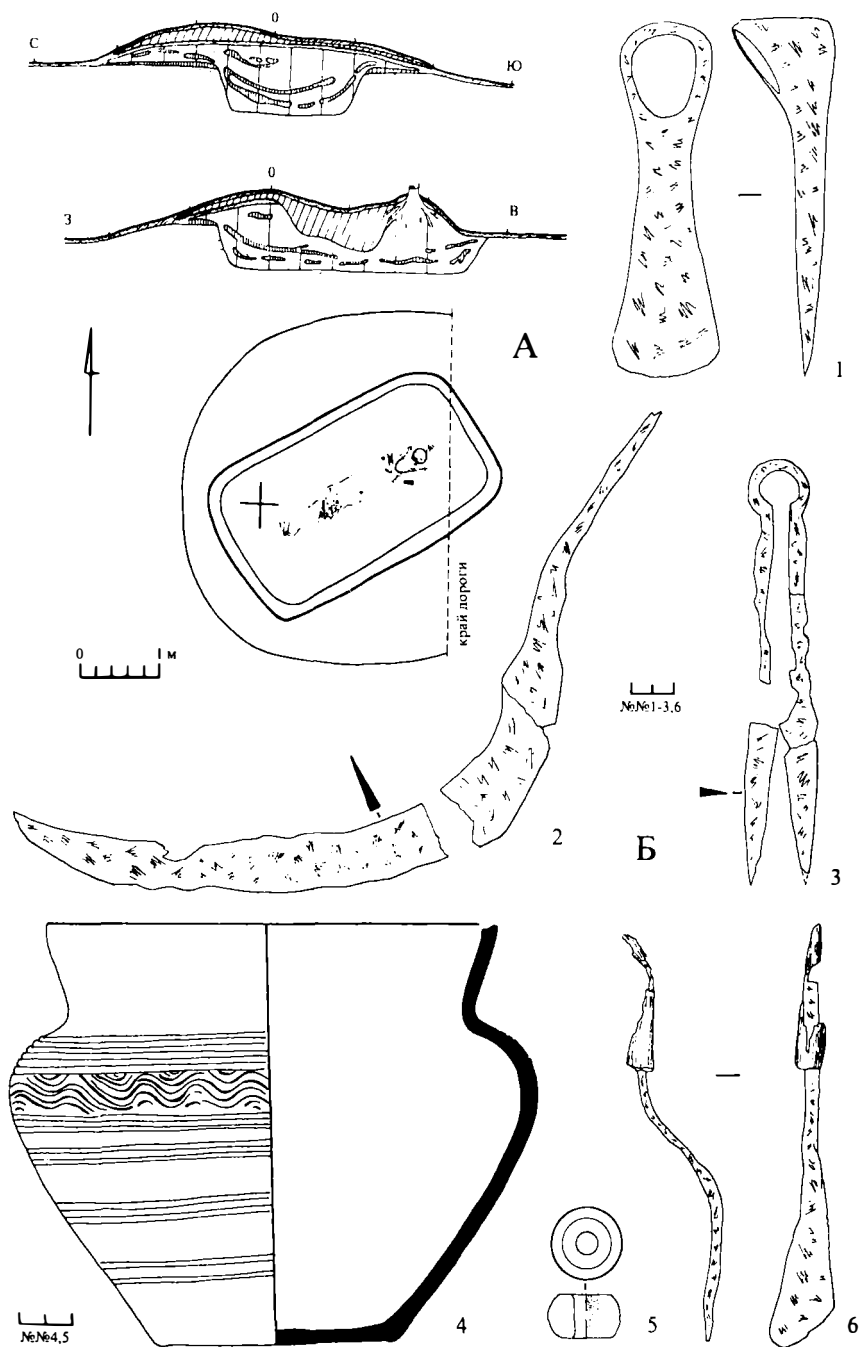

Таблица ХСVII. Кургan № 208. А — план и разрезы; Б — находки (1—3, 6 железо; 4 — керамика; 5 — камень).

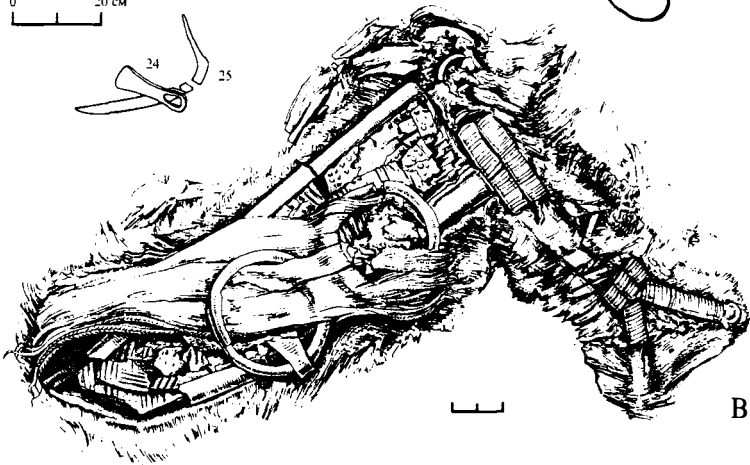
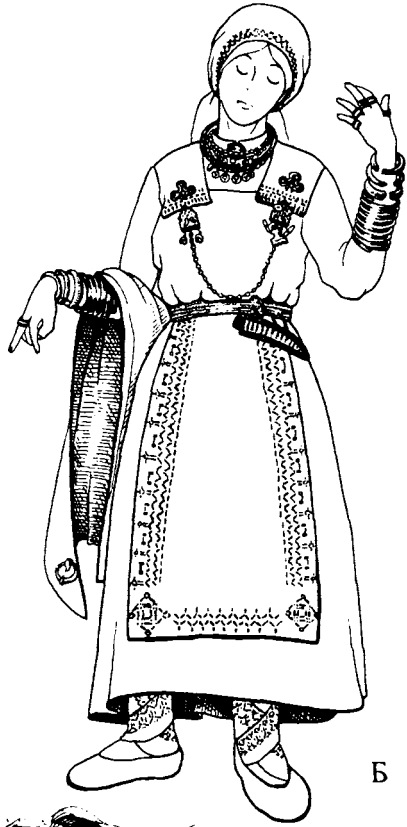
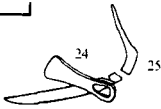
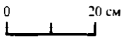
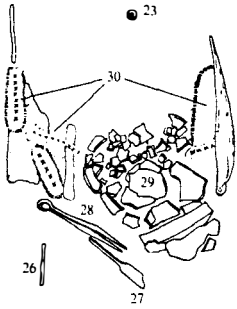
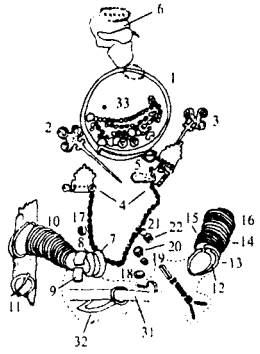

Таблица ХСVIII. Курган № 208. А — план погребения (расположение вещей: 1 — гривна; 2, 3 — булавки; 4 — нагрудная цепочка, прикрепленная к двум цепедержателям, /на правом цепедержателе подвешены два бубенчика, на левом — подвеска-гребешок и бубенчик/; 5 — фибула, 6 — остатки головного убора (ткань, булавочки); 7—10, 12—16 — браслеты; 11 — фибула; 17—22 — перстни; 23 — пряслице; 24 — мотыга; 25 — серп; 26 железный предмет; 27 — лопаточка; 28 — ножницы; 29 — раздавленный сосуд; 30 — ткани; 31 — тканый пояс; 32 — ножны; 33 — ожерелья из бус с подвесками); Б — реконструкция костюма; В — тканый пояс с ножнами.

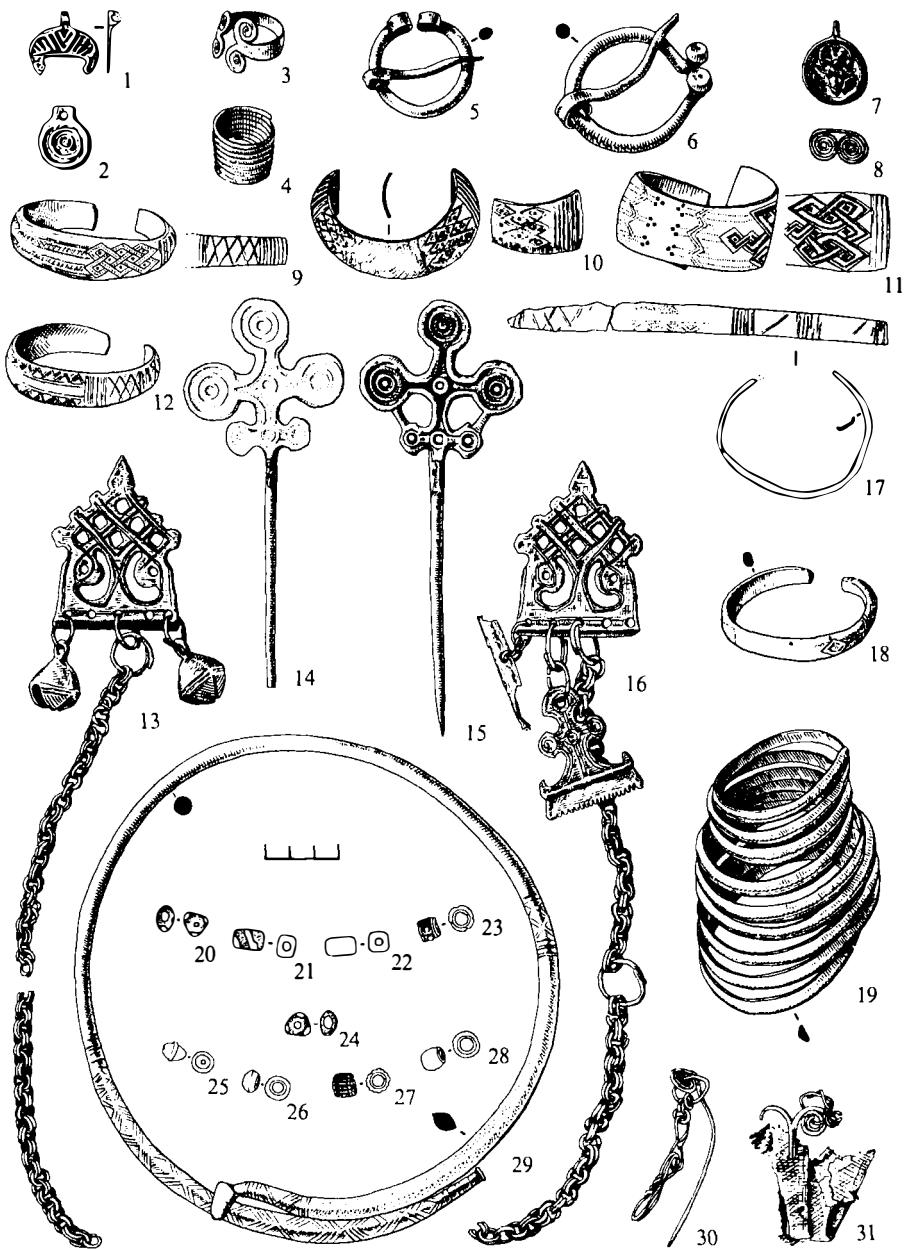

Таблица ХСІХ. Находки из кургана № 208. (1—19, 29, 30 — цветной металл; 20—28 — стекло; 31 — ткань и бронза).

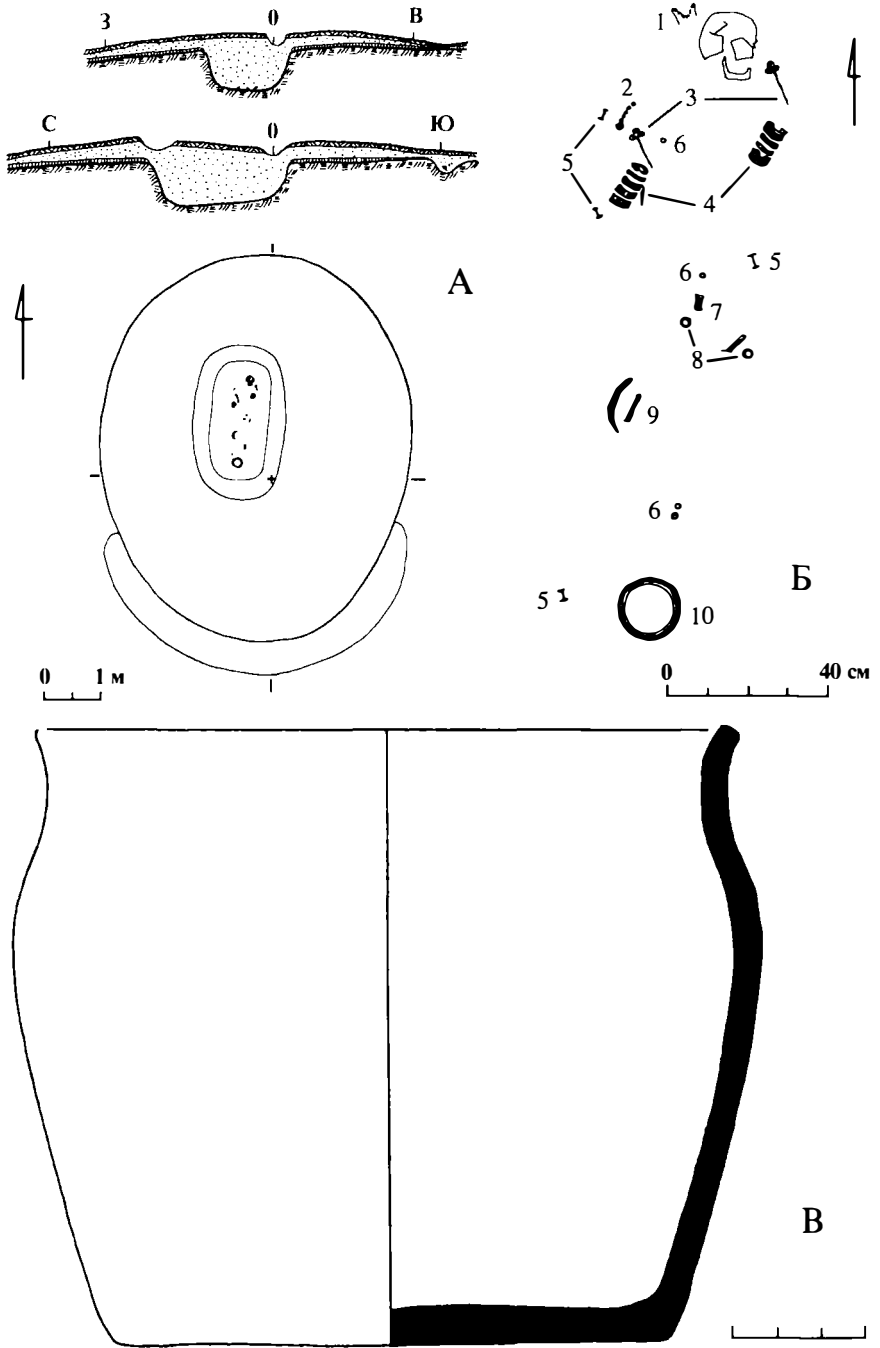

Таблица С. Курган № 229. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — головные булавочки; 2 — бубенчик на цепочке; 3 — нагрудные булавки; 4 — браслеты; 5 — заклепки; 6 — бусы; 7 — перстень; 8 — кольца и обоймочки от ножен; 9 — нож и серп; 10 — сосуд); В — лещный горшок.

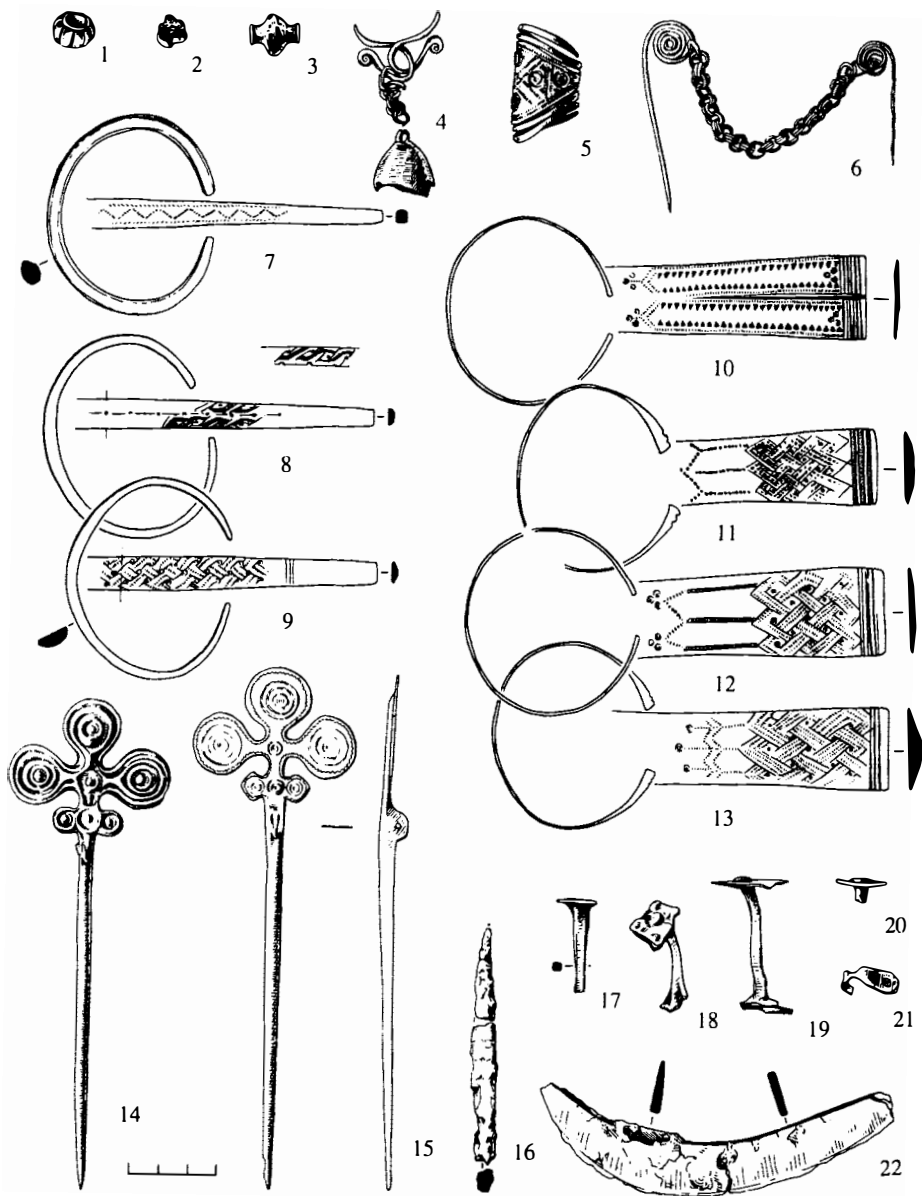

Таблица СІ. Находки из кургана № 229 (1, 2 — стекло; 3—15, 21 — цветной металл; 16—20 — железо).

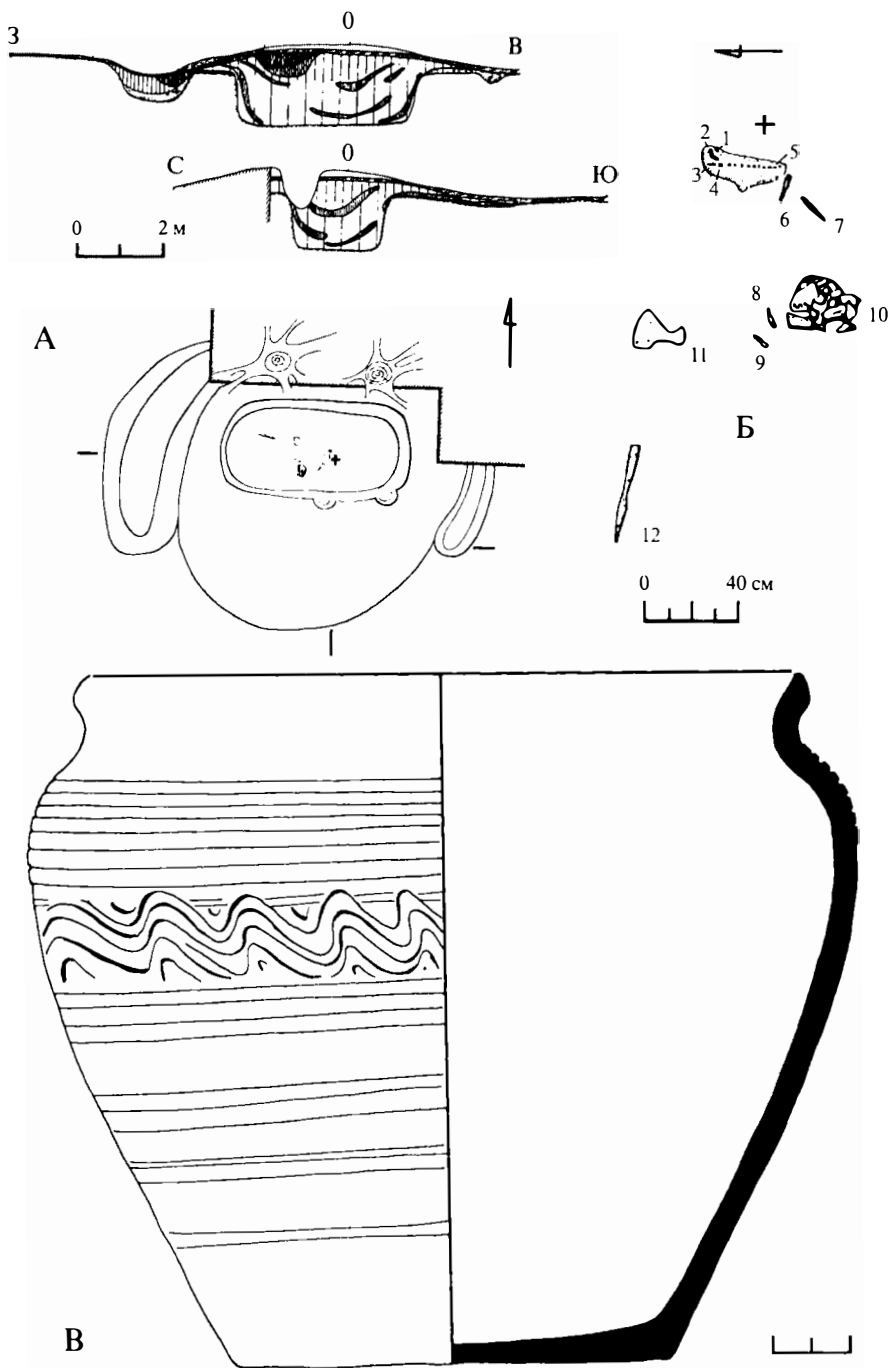

Таблица СII. Курган № 236. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1, 2 — браслеты; 3 — наконечник пояса; 4 — поясное кольцо; 5 — бляшки от поясного набора; 6—9 — железные предметы; 10 — раздавленный сосуд; 11 — топор; 12 — наконечник копья; В — гончарный горшок.

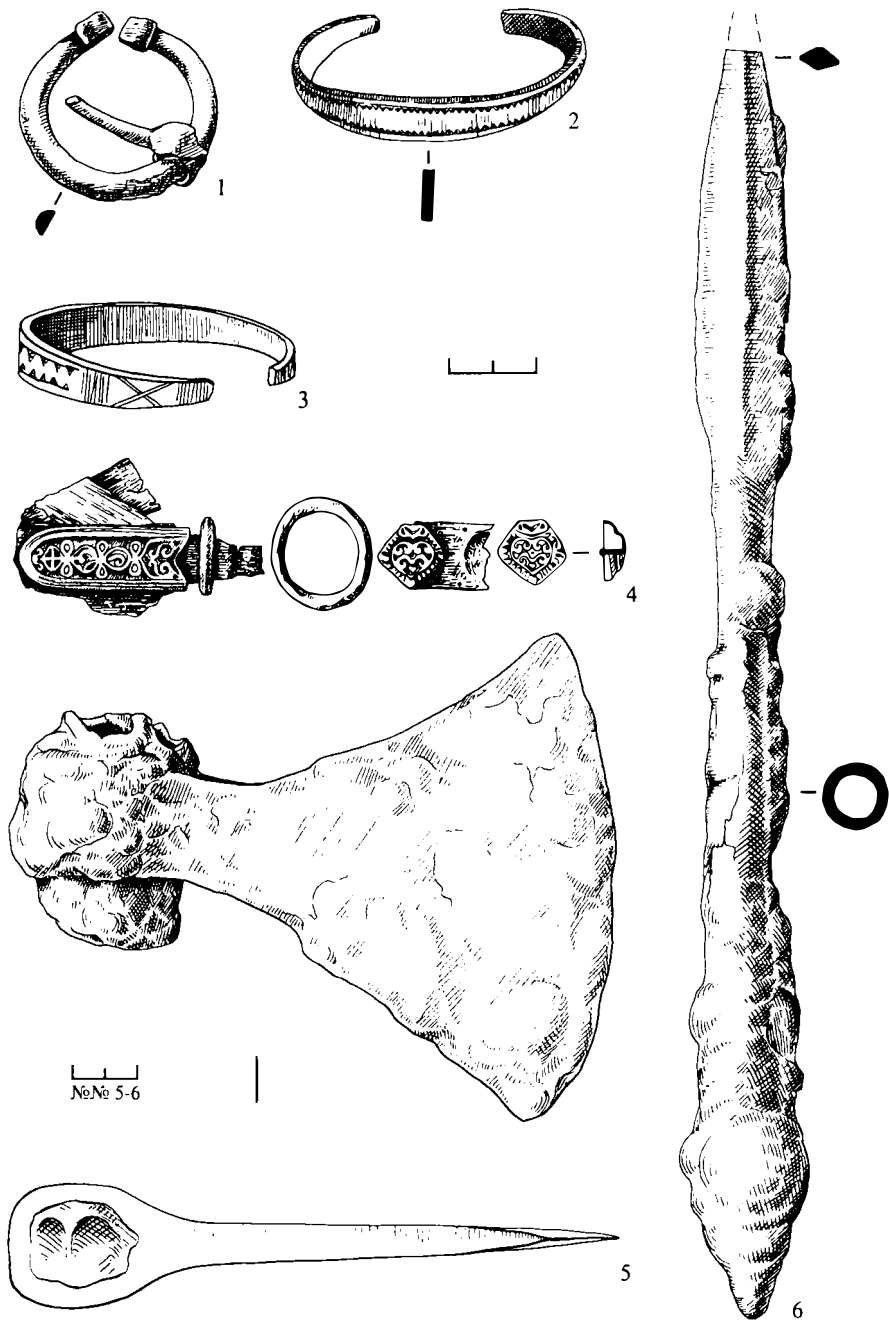

Таблица СIII. Находки из кургана № 236 (1—3 — цветной металл; 4 — бронзовые элементы пояса на коже; 5, 6 — железо).

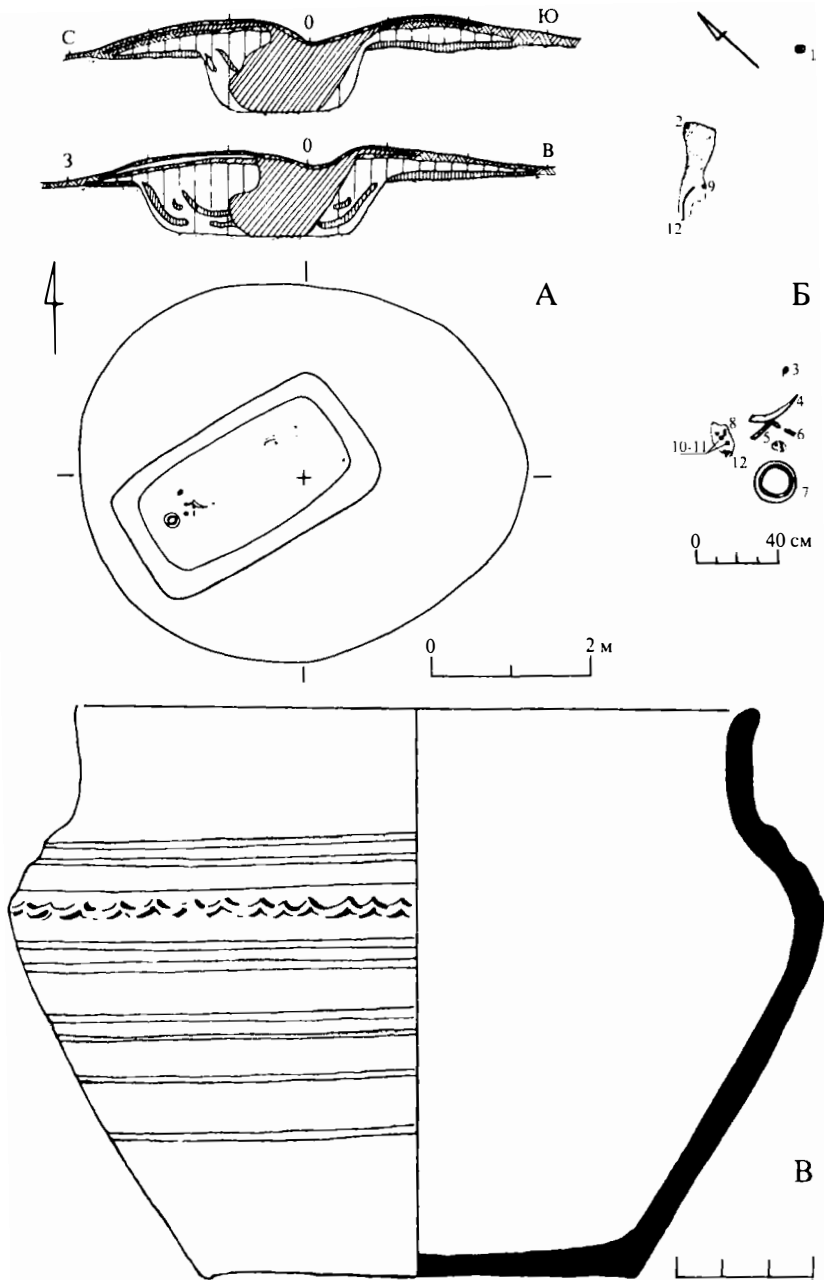

Таблица CIV. Курган № 245. А — план и разрезы; Б — план погребения (расположение вещей: 1 — бубенчик; 2, 9 — бусины; 3 — обломки монеты; 4 — коса; 5 — железная лопатка; 6, 8 — железные предметы; 7 — горшок; 10, 11 — спиральные перстни; 12 — шерстяные ткани); В — гончарный горшок.

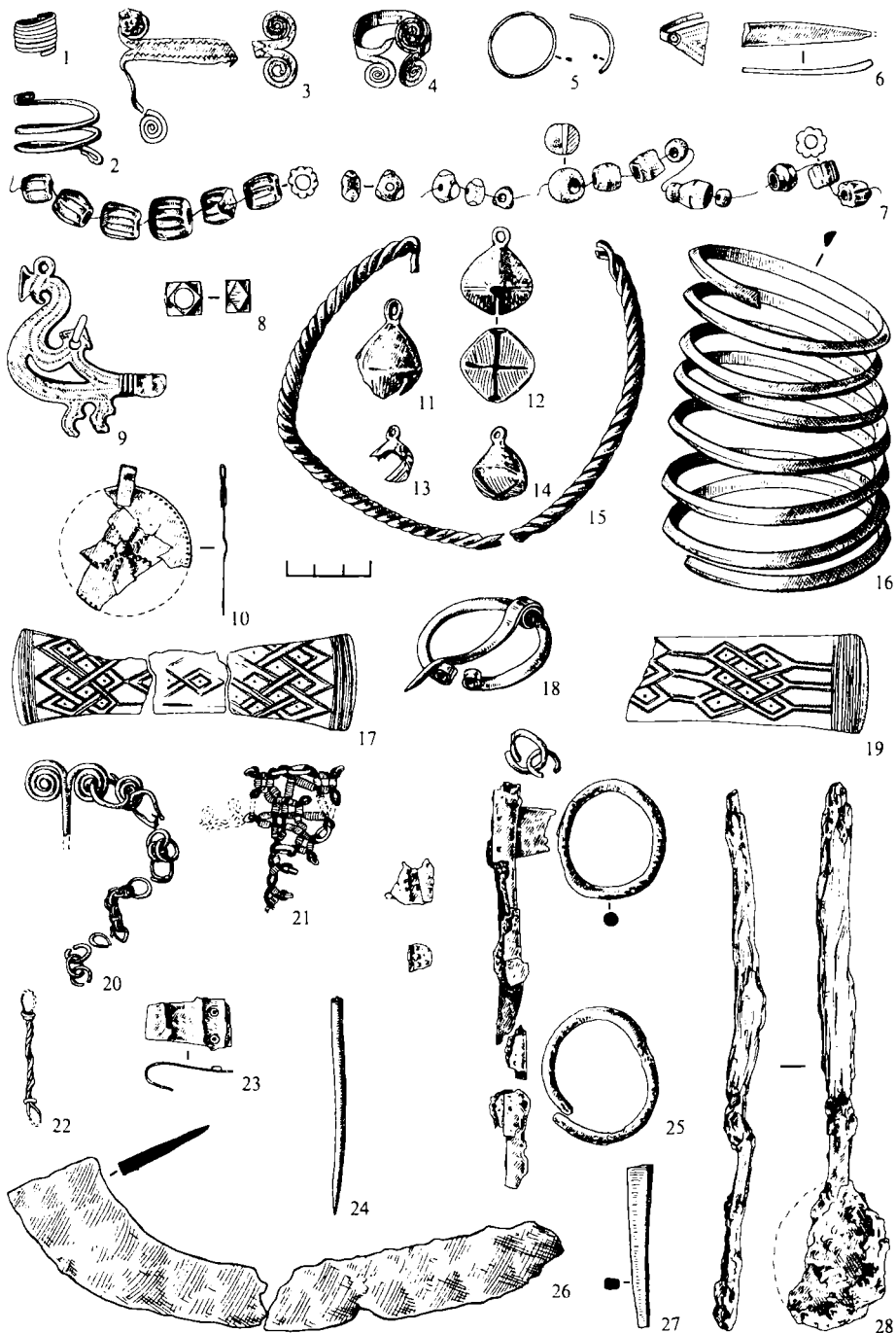

Таблица CV. Находки из кургана № 245 (1—6, 8—20, 22—25 — цветной металл; 7 — стекло; 21 — шерстяной шнурок с бронзовыми спиральками; 26—28 — железо).

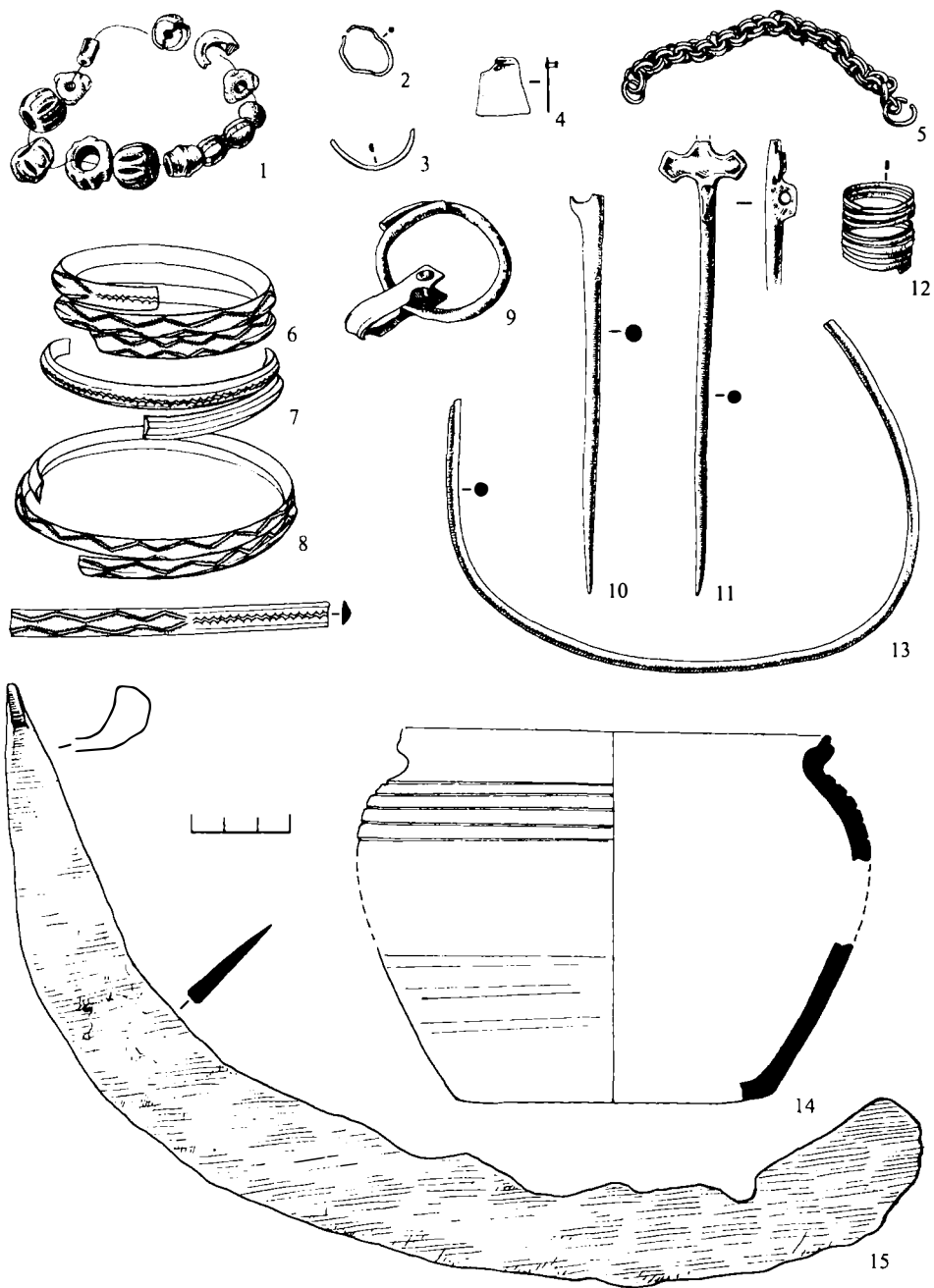

Таблица CVI. Находки из кургана № 247 (1 — стекло; 2—13 — цветной металл; 14 — керамика; 15 — железо).

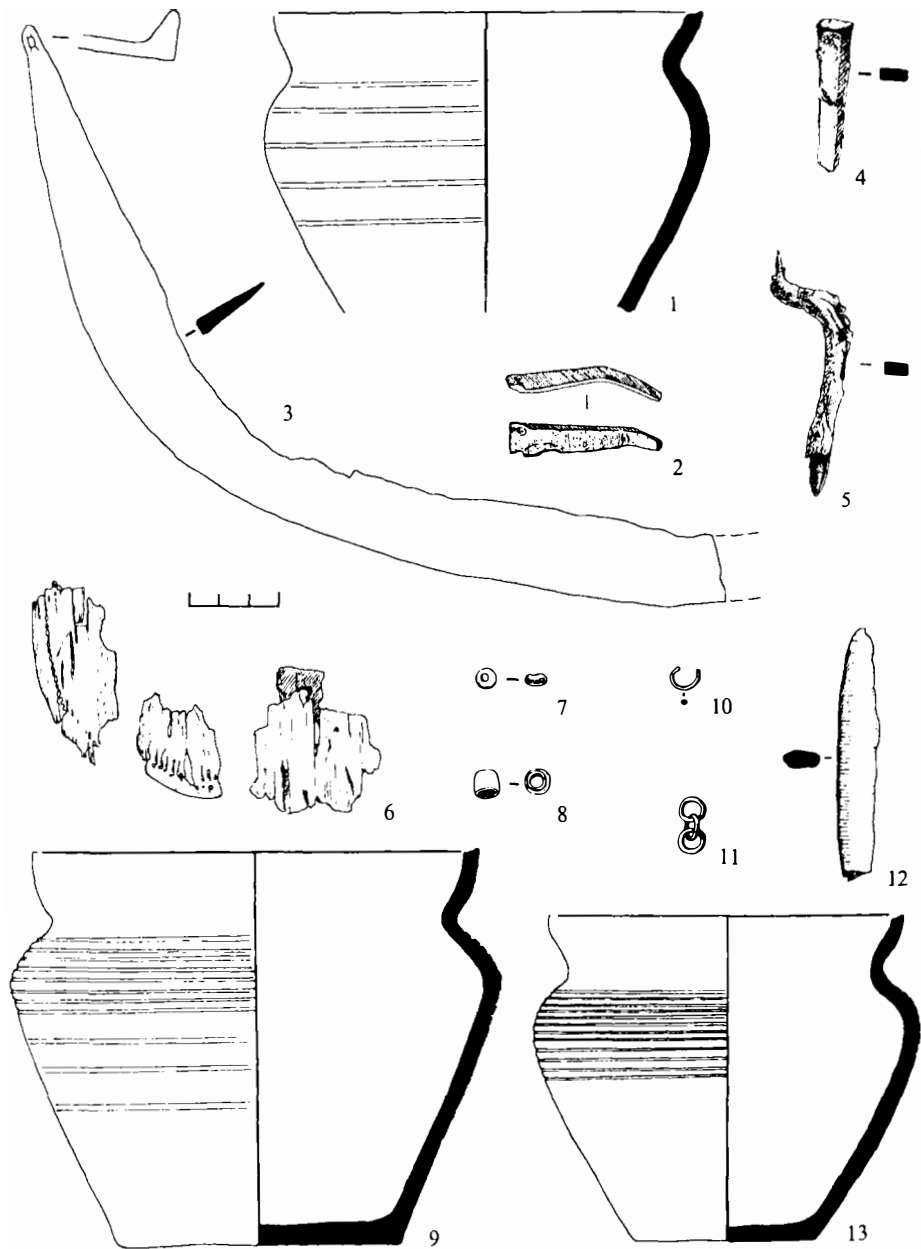

Таблица CVII. Находки из курганов с погребениями на горизонте земли: 1—3 — из кургана № 6; 4—9 — из кургана № 7; 10—13 — из кургана № 10 (1, 9, 13 — керамика; 2—5, 12 — железо; 6 — береста; 7, 8 — стекло; 10, 11 — бронза).

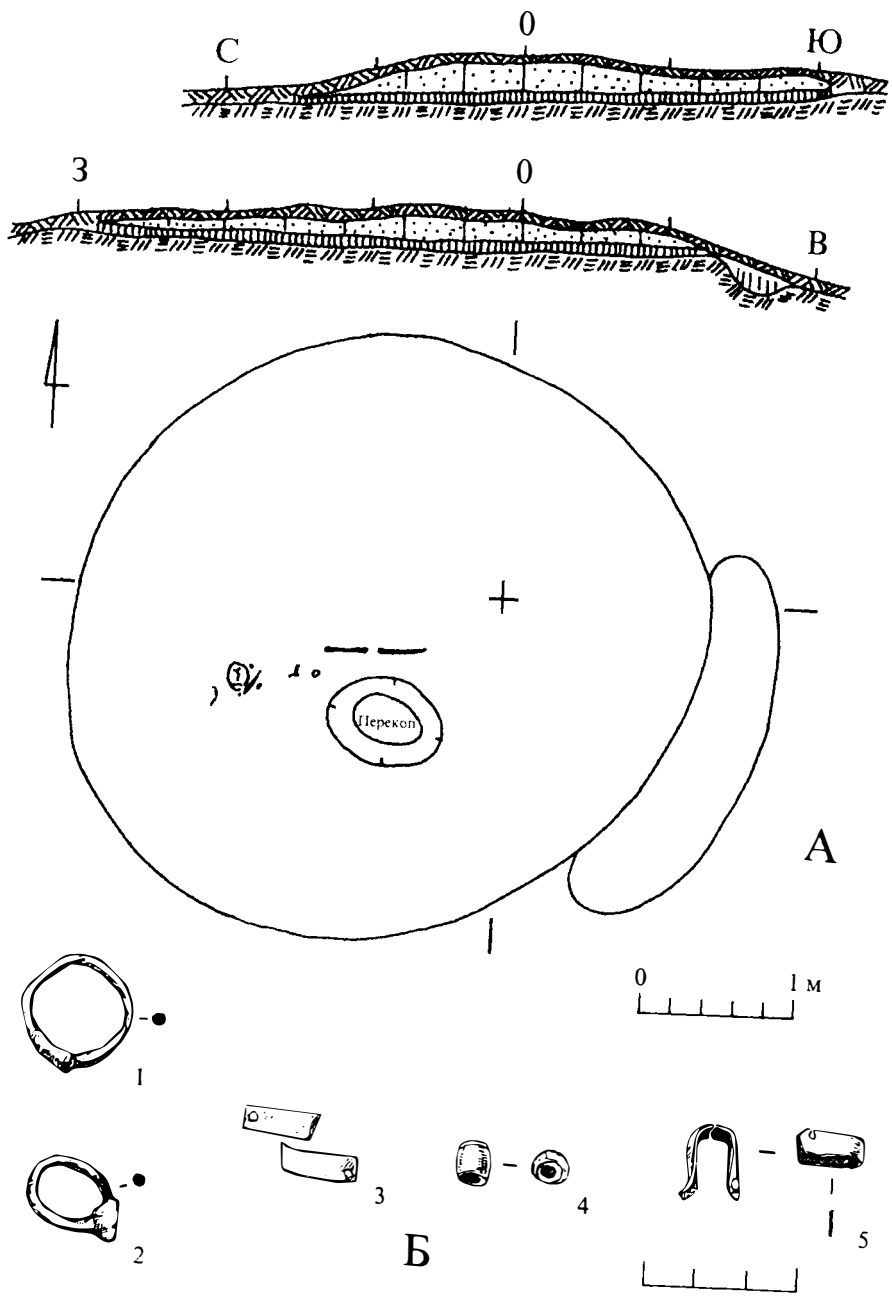

Таблица CVIII. Курган № 11. А — план и разрезы; Б — находки (1—3, 5 — цветной металл; 4 — стекло).

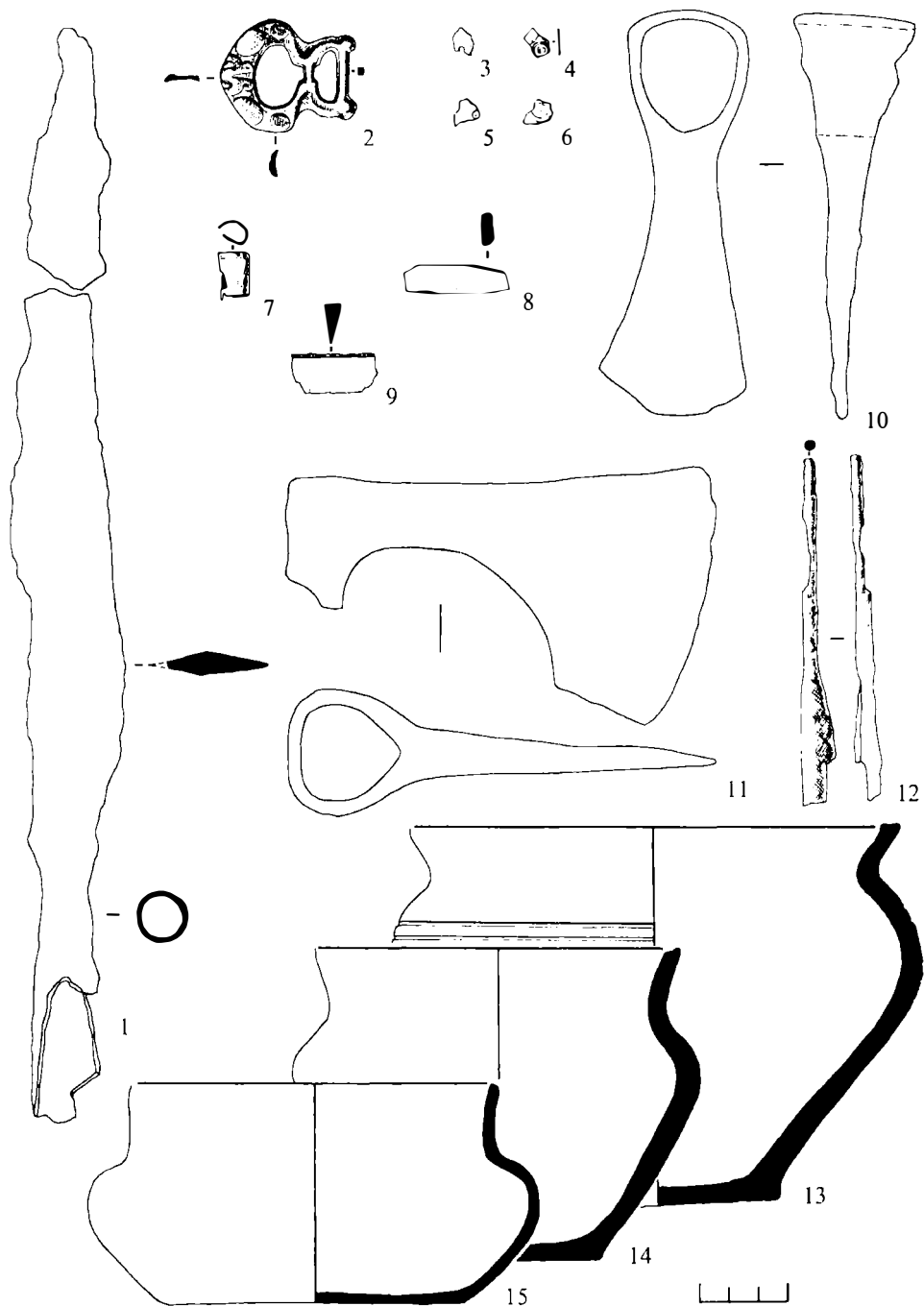

Таблица СІХ. Находки из курганов с погребениями на горизонте земли: 1—13 — из кургана № 17; 14—15 — из кургана № 18 (1, 8—12 — железо; 2—7 — цветной металл; 13—15 — керамика).

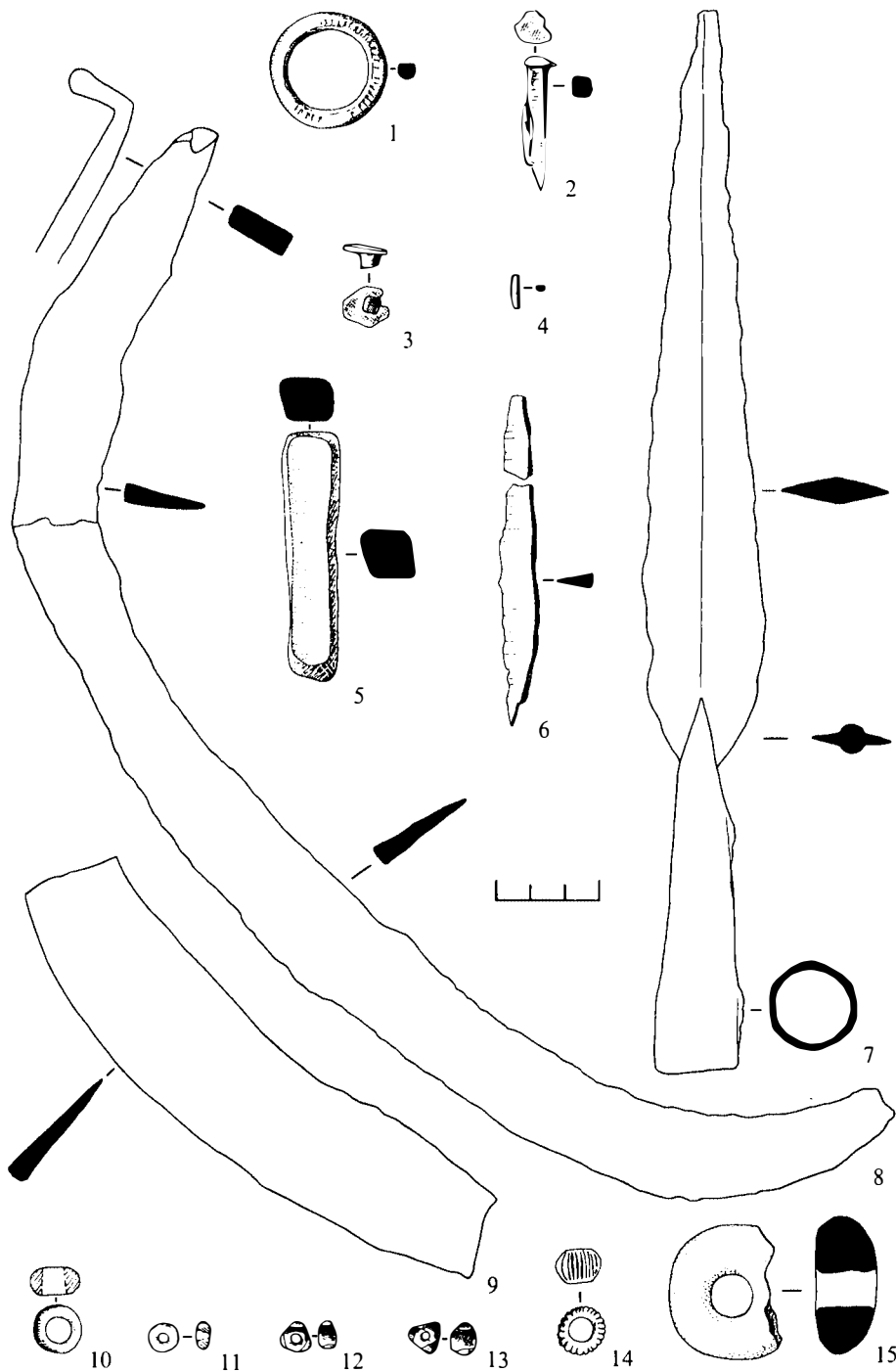

Таблица СХ. Находки из курганов с погребениями на горизонте земли: 1—8 — из кургана № 18; 9—15 — из кургана № 42 (1, 4 — цветной металл; 2, 3, 6—9 — железо; 5 — камень; 10—14 — стекло; 15 — глина).

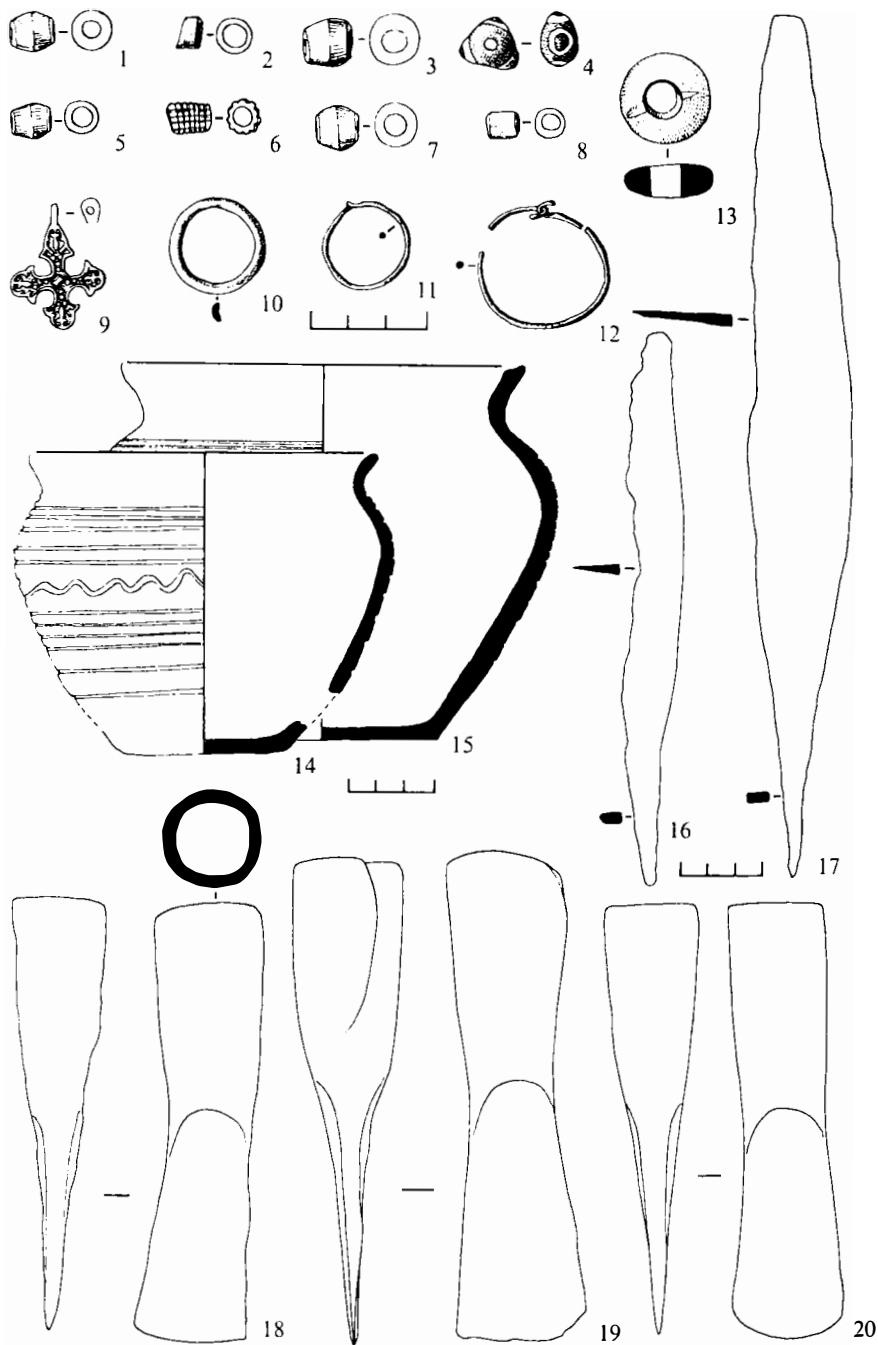

Таблица СХІ. Находки из курганов с погребениями на горизонте земли: 1—14, 16—20 — из кургана № 46; 15 — из кургана № 42 (1—8 — стекло; 9—12 — цветной металл; 13 — камень; 14, 15 — керамика; 16—20 — железо).

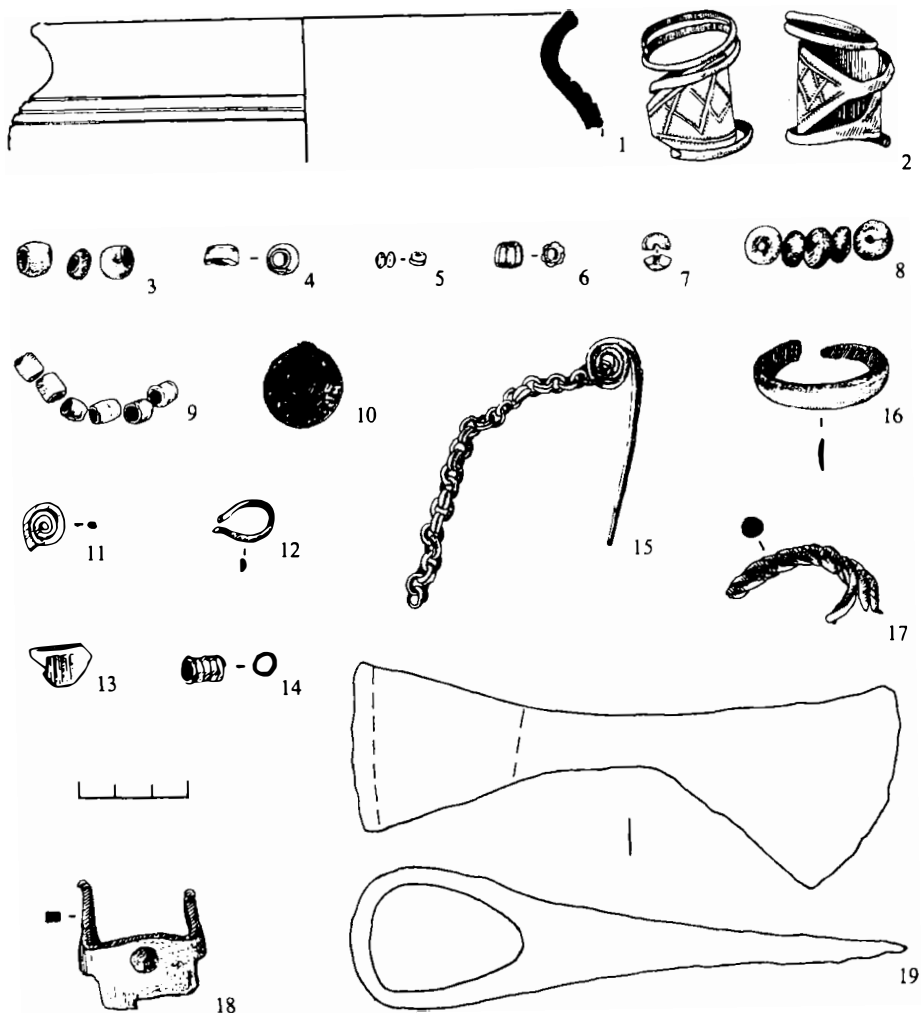

Таблица СХII. Находки из курганов с погребениями на горизонте земли: 1, 2 — из кургана № 50; 3—18 — из кургана № 68; 19 — из кургана № 87 (1 — керамика; 2, 10—17 — цветной металл; 3—9 стекло; 18, 19 — железо).

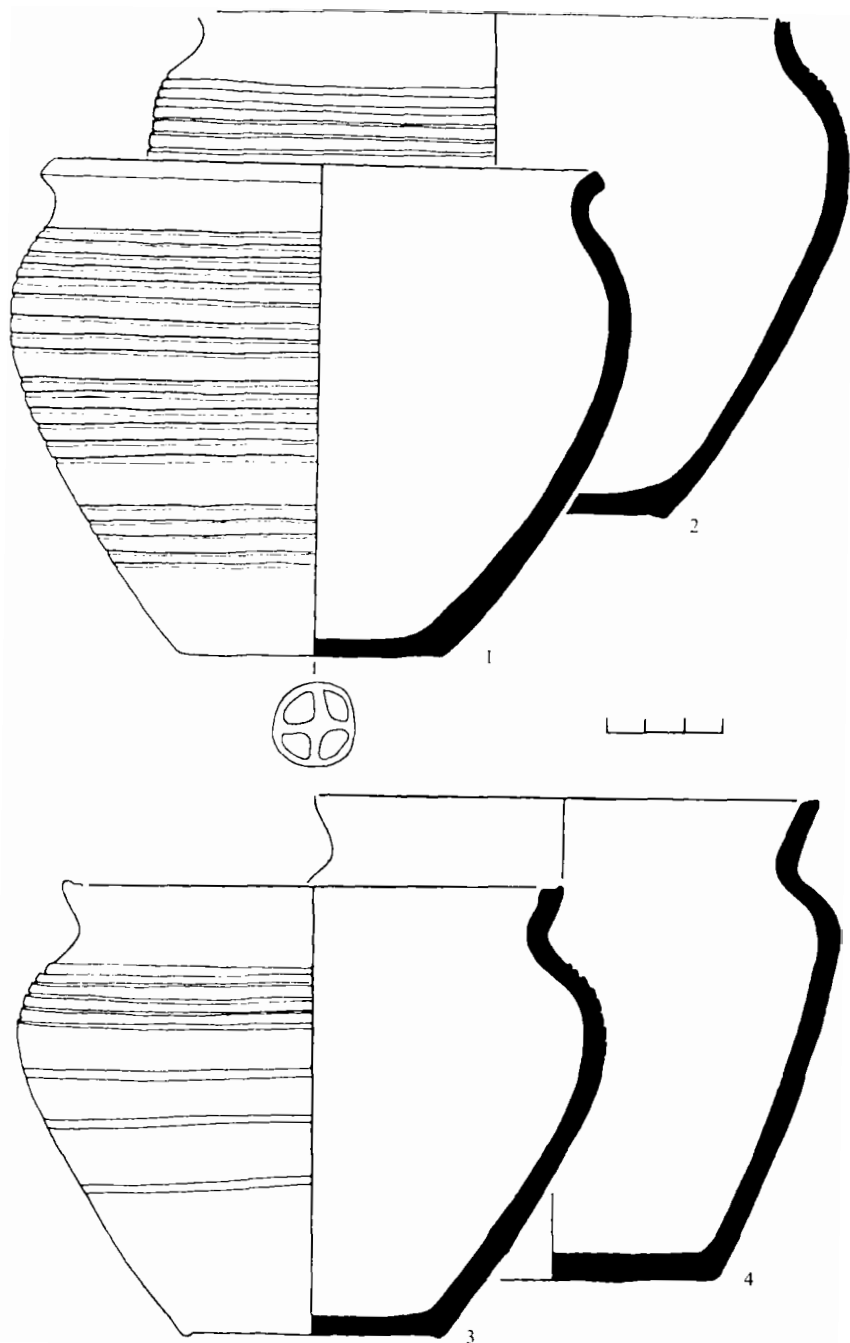

Таблица СХІІІ. Гончарные сосуды (1 — из кургана № 87; 2 — из кургана № 179; 3 — из кургана № 183; 4 — из кургана № 68).

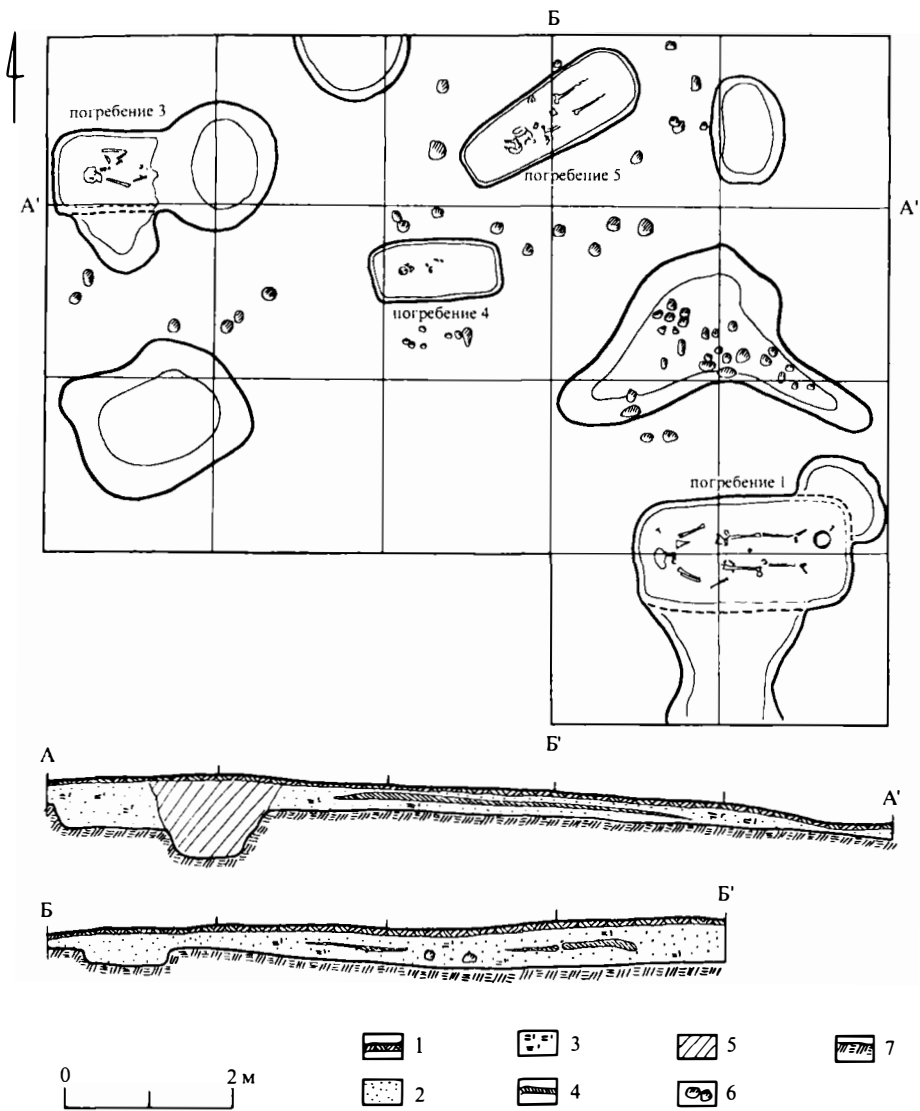

Таблица СХІV. План и разрезы раскопа I с поздними грунтовыми захоронениями (1 — дерн; 2 — песок; 3 — угли; 4 — темно-серые прослойки; 5 — перекоп; 6 — камни; 7 — материк).

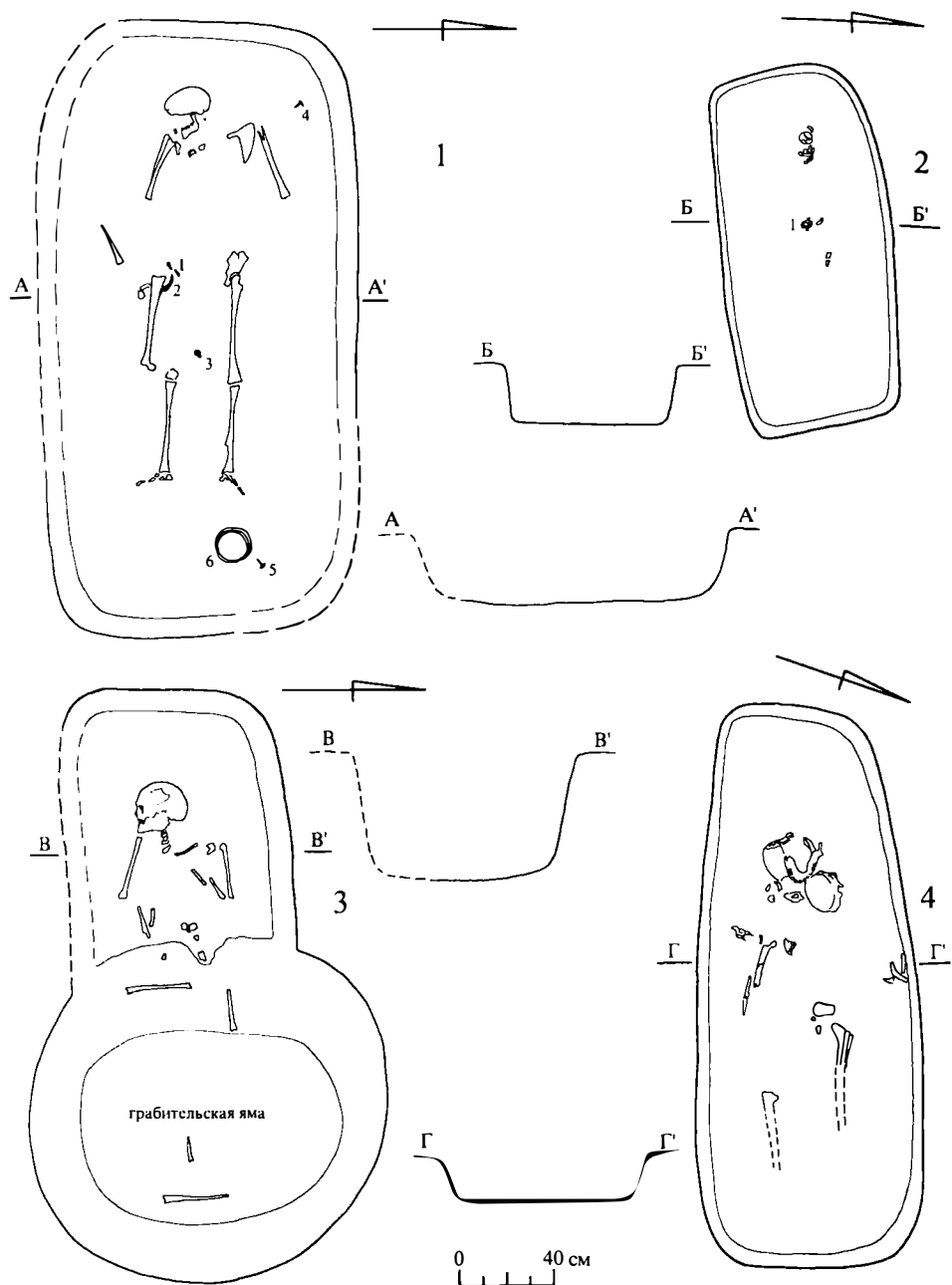

Таблица СХV. Планы и профили грунтовых захоронений: 1 — погребение № 1 (расположение вещей: 1 — железный предмет; 2 — серповидный нож; 3 — подвеска-дирхем; 4, 5 — гвозди; 6 — горшок); 2 — погребение № 4 (расположение вещей: 1 — браслет); 3 — погребение № 3; 4 — погребение № 5.

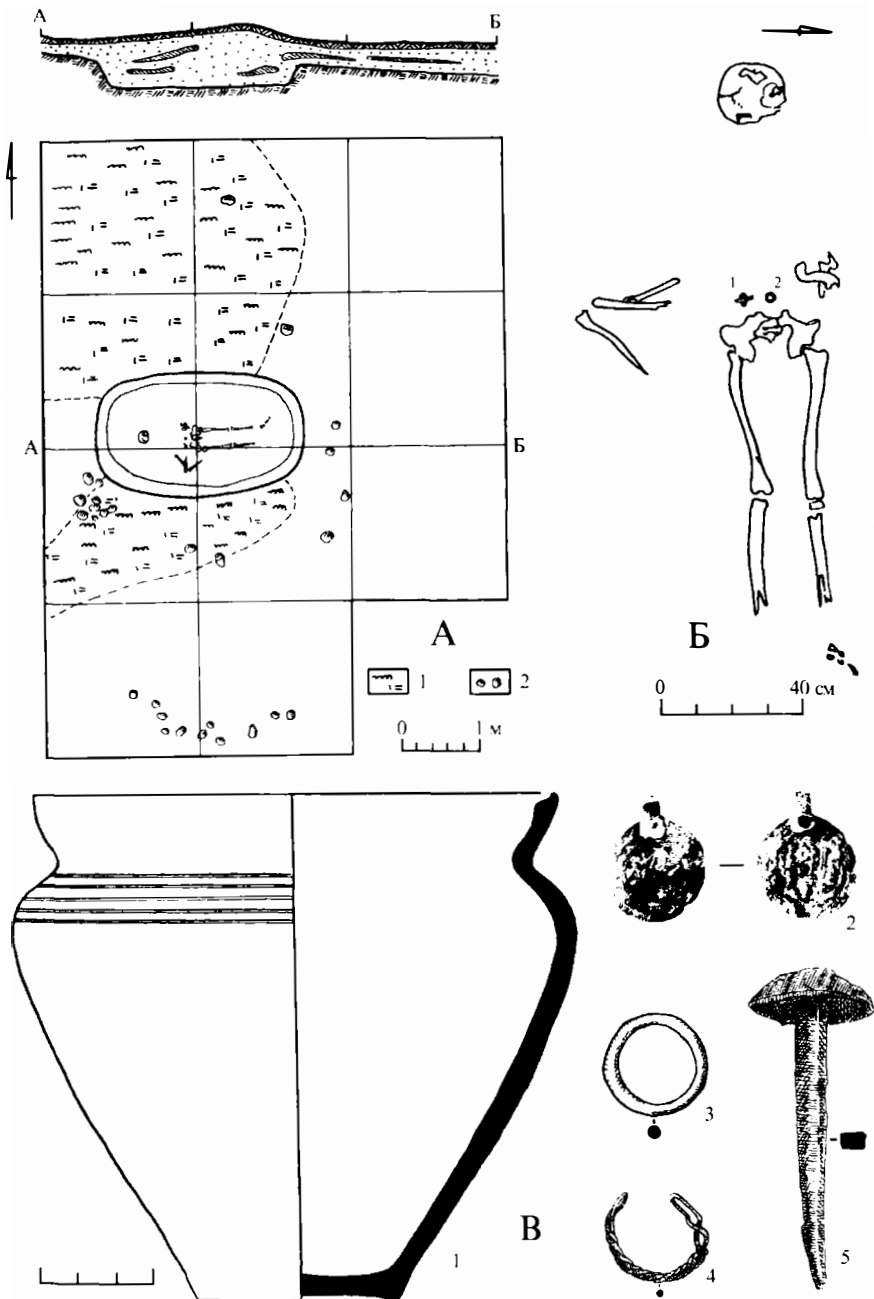

Таблица СХVI. Грунтовый могильник. А — план и разрез раскопа П (1 — зольно-угольный слой; 2 — камни); Б — план погребения № 2 (расположение вещей: 1 — перстень; 2 — поясное кольцо); В — находки из грунтовых захоронений: 1, 2, 5 — из погребения № 1; 3, 4 — из погребения № 2 (1 — керамика; 2—4 — цветной металл; 5 — железо).

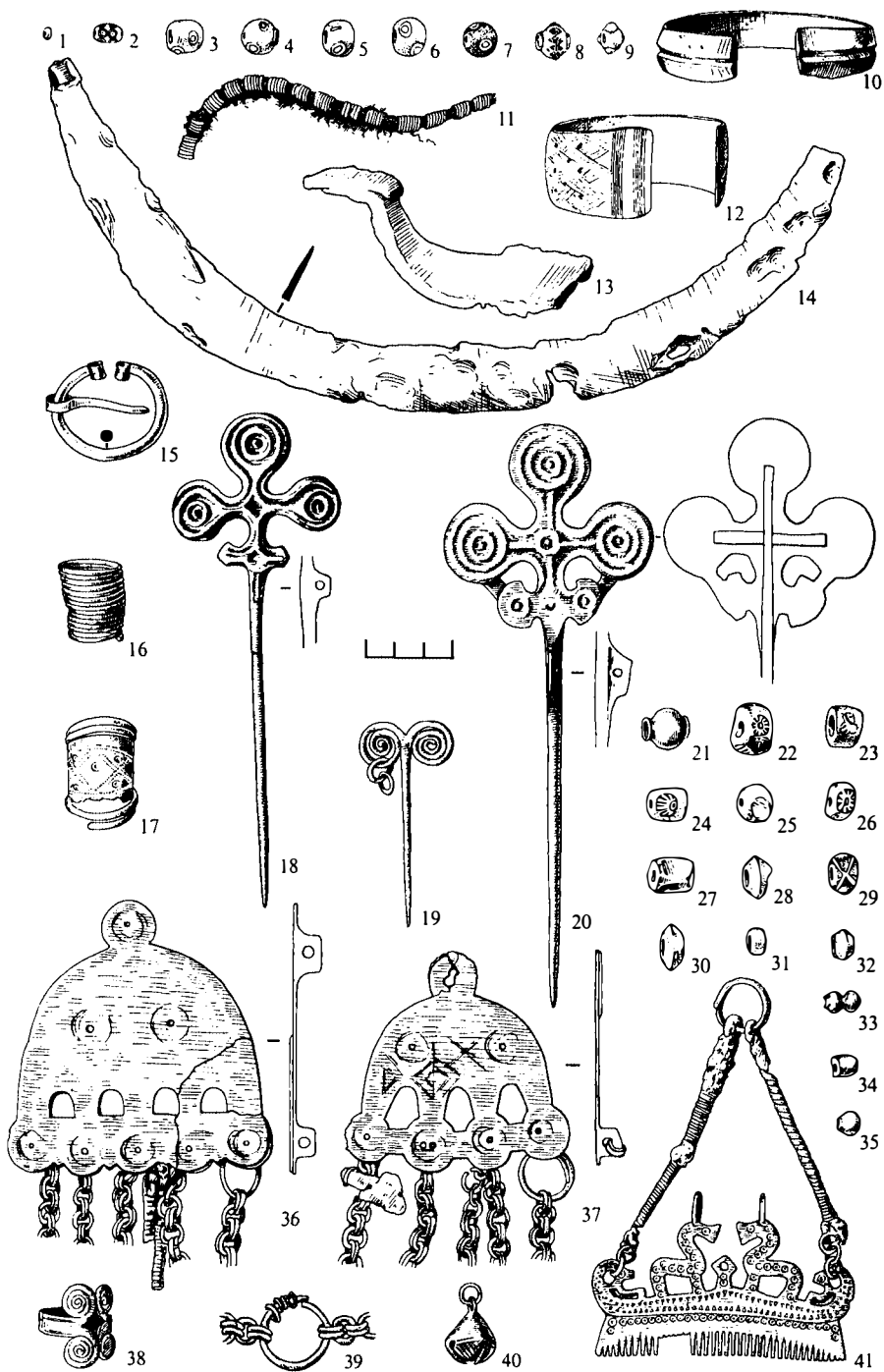

Таблица CXVII. Находки из курганов, исследованных К. В. Кудряшовым: 1—14 — из кургана № 16; 15—41 — из кургана № 17 (1, 3—7, 9, 22—35 — стекло; 2, 8, 10, 12, 15—20, 36—41 — цветной металл; 11 — край ткани с бронзовыми спиральками; 13, 14 — железо).

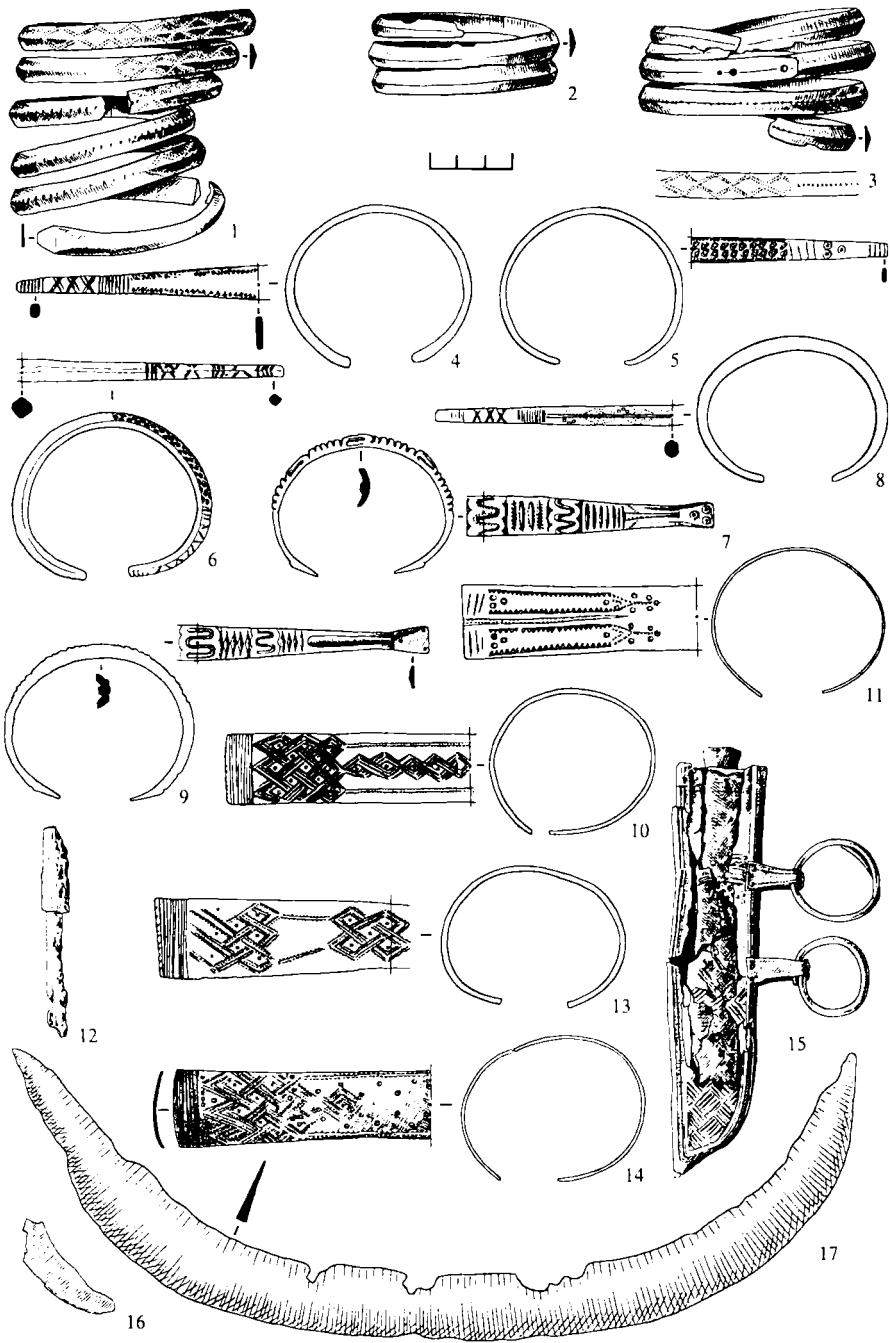

Таблица СХVIII. Находки из кургана № 17, исследованного К. В. Кудряшовым, (1—11, 13, 14 — цветной металл; 12, 16, 17 — железо; 15 — кожа с бронзовыми обжимочками и накладками).

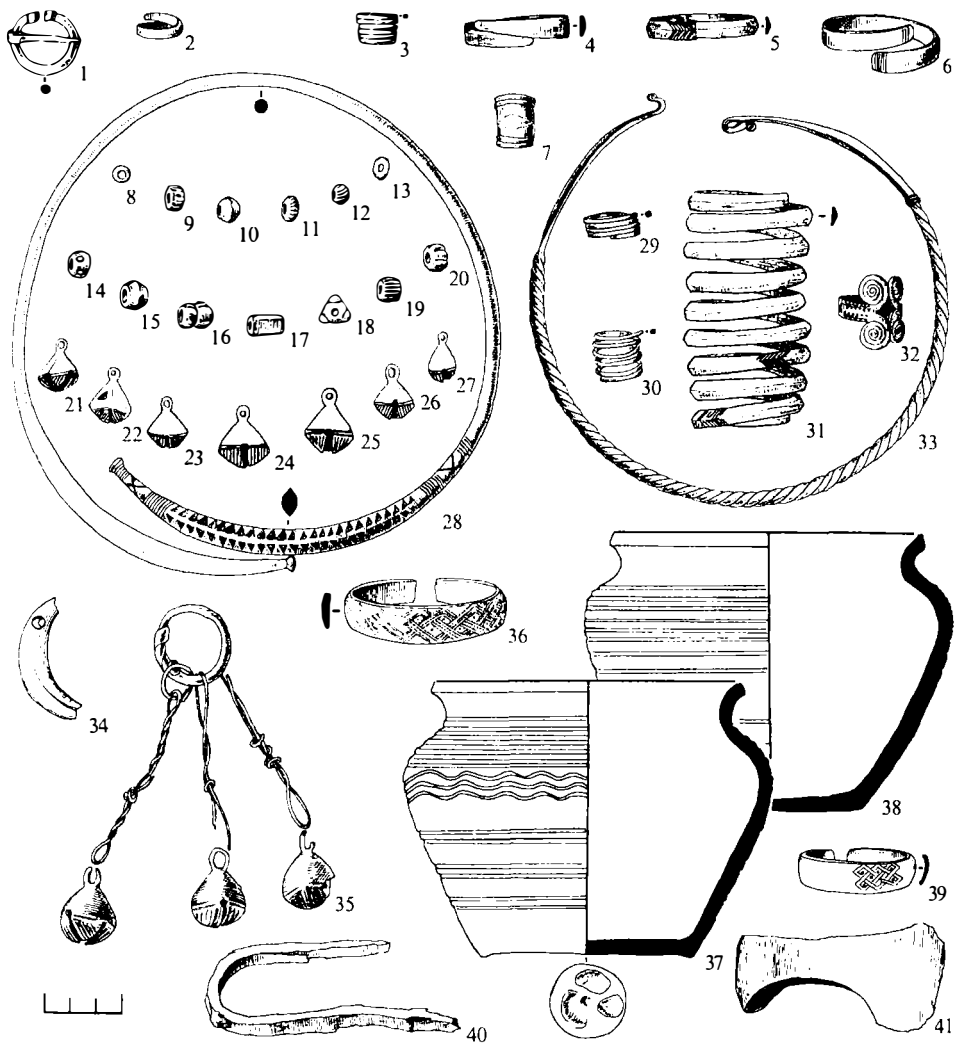

Таблица СХІХ. Находки из кургана № 18, исследованного К. В. Кудряшовым: 1—28, 31, 38 — погребение № 1; 29, 30, 32—37, 39—41 — погребение № 2 (1—7, 21—33, 35, 36, 39 — цветной металл; 8—20 — стекло; 34 — кость; 37, 38 — керамика; 40, 41 — железо).

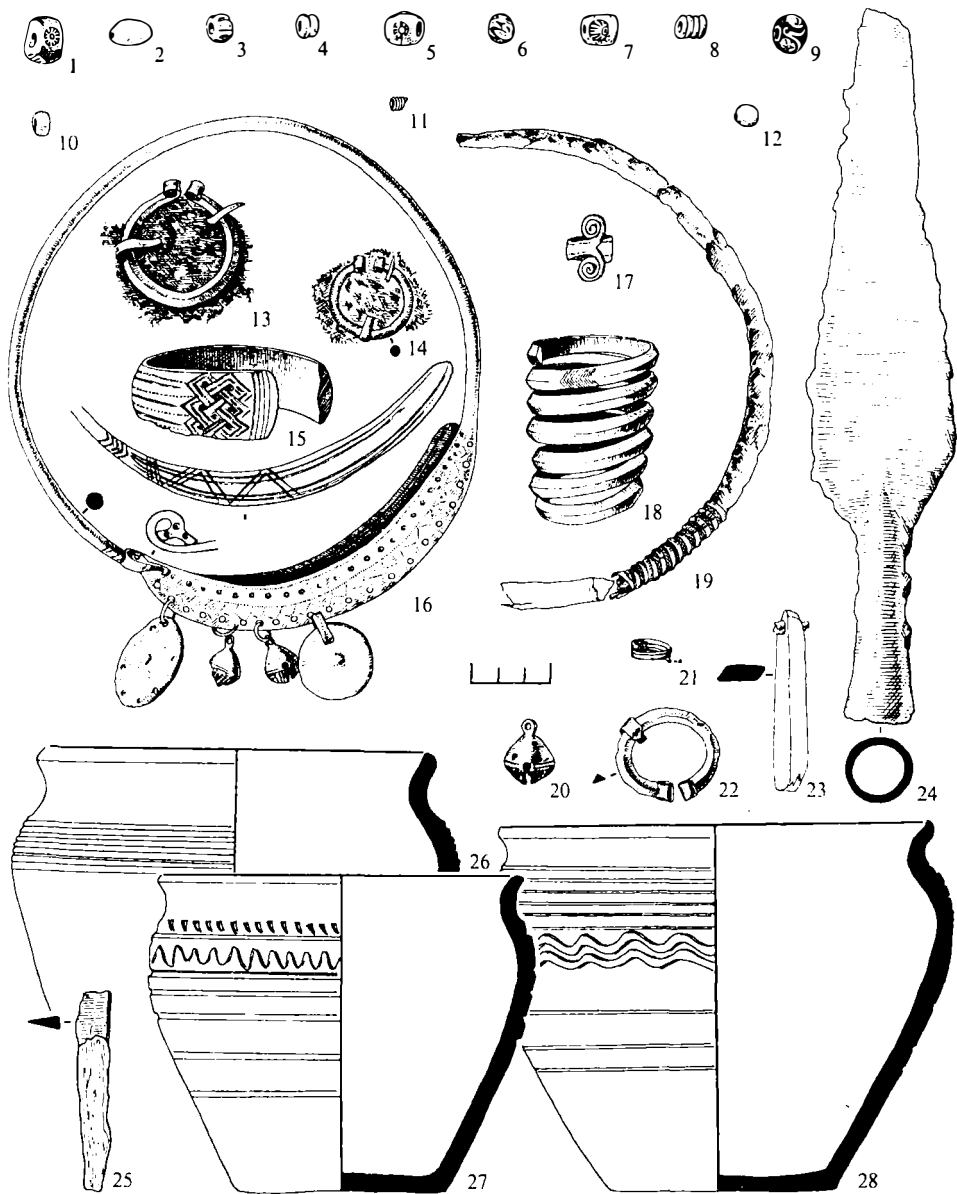

Таблица СХХ. Находки из курганов, исследованных К. В. Кудряшовым: 1—19, 24—27 — из кургана № 20 (13, 15, 19, 25, 26 — погребение № 1; 1—12, 14, 16—18, 27 — погребение № 2); 20—23, 28 — из кургана № 21 (1—10, 12 — стекло; 11, 15—18, 20—22 — цветной металл; 13, 14 — бронзовые фибулы на ткани; 19 — железный обруч, обвитый бронзой; 23 — камень; 24—25 — железо; 26—28 — керамика).

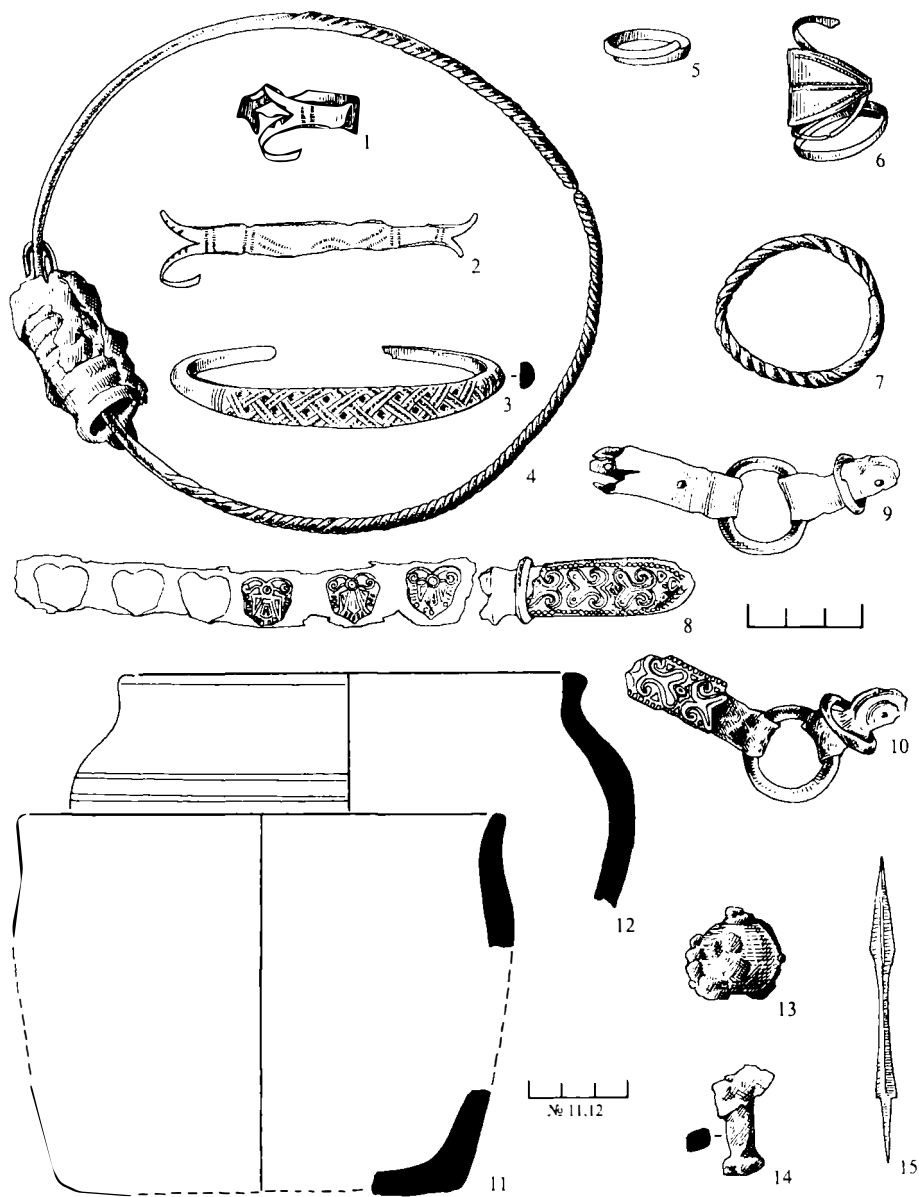

Таблица СХХI. Находки из кургана № 22, исследованного К. В. Кудряшовым (1—3, 5—7 — цветной металл, 4 — бронзовая гривна с железной спиралью на замке; 8—10 — бронзовые элементы пояса с кожаным ремнем; 11—12 — керамика; 13 — железная гирька в бронзовой оболочке; 14—15 — железо).

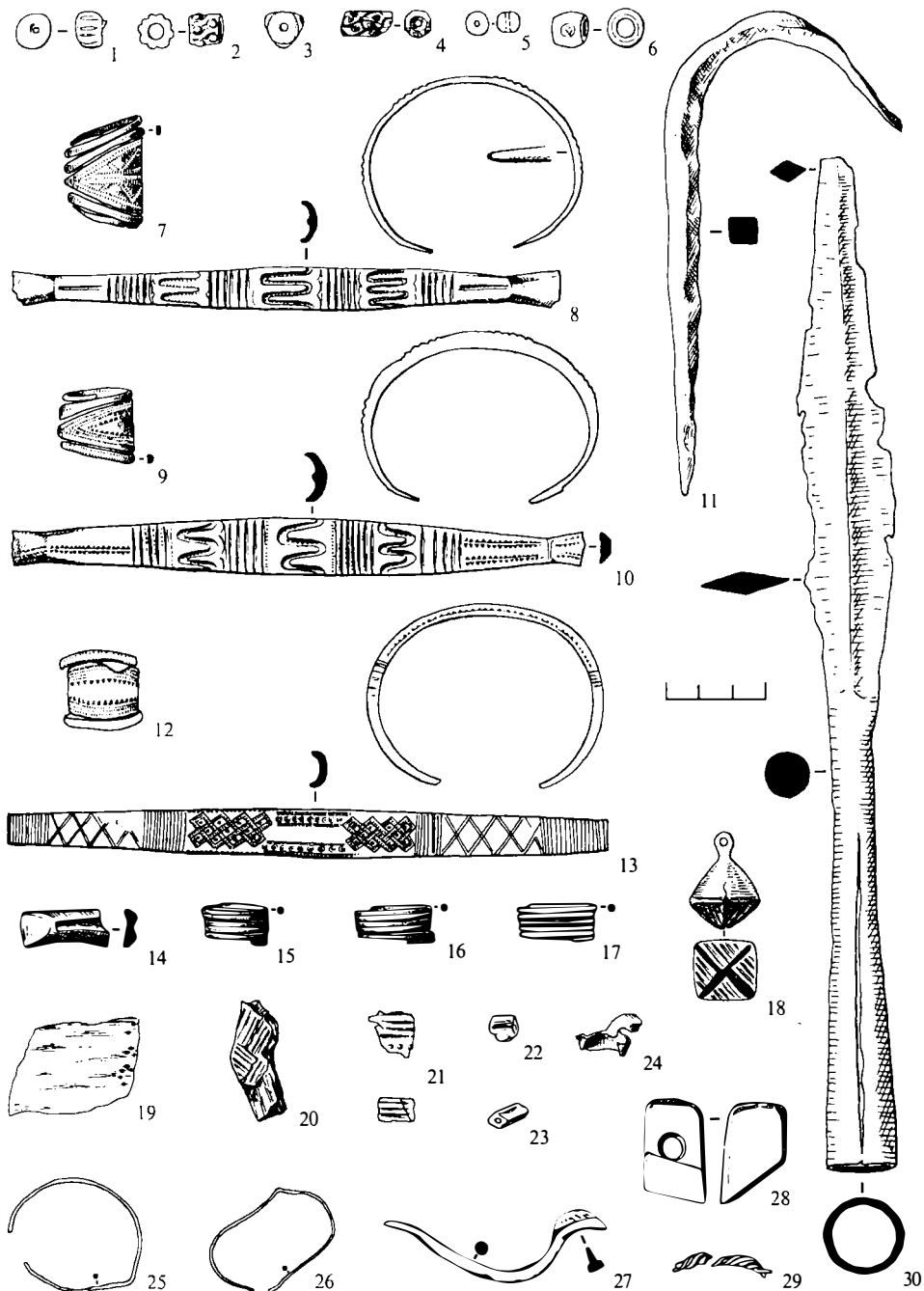

Таблица СХХII. Находки из курганов, исследованных А. А. Спицыным: 1—21 — из кургана № 1; 22—26 — из кургана № 2; 27, 30 — из кургана № 3; 28, 29 — из кургана № 4 (1—6, 22, 23 — стекло; 7—10, 12—18, 20, 21, 24—27, 29 — цветной металл; 11, 30 — железо; 19 — береста; 28 — камень).

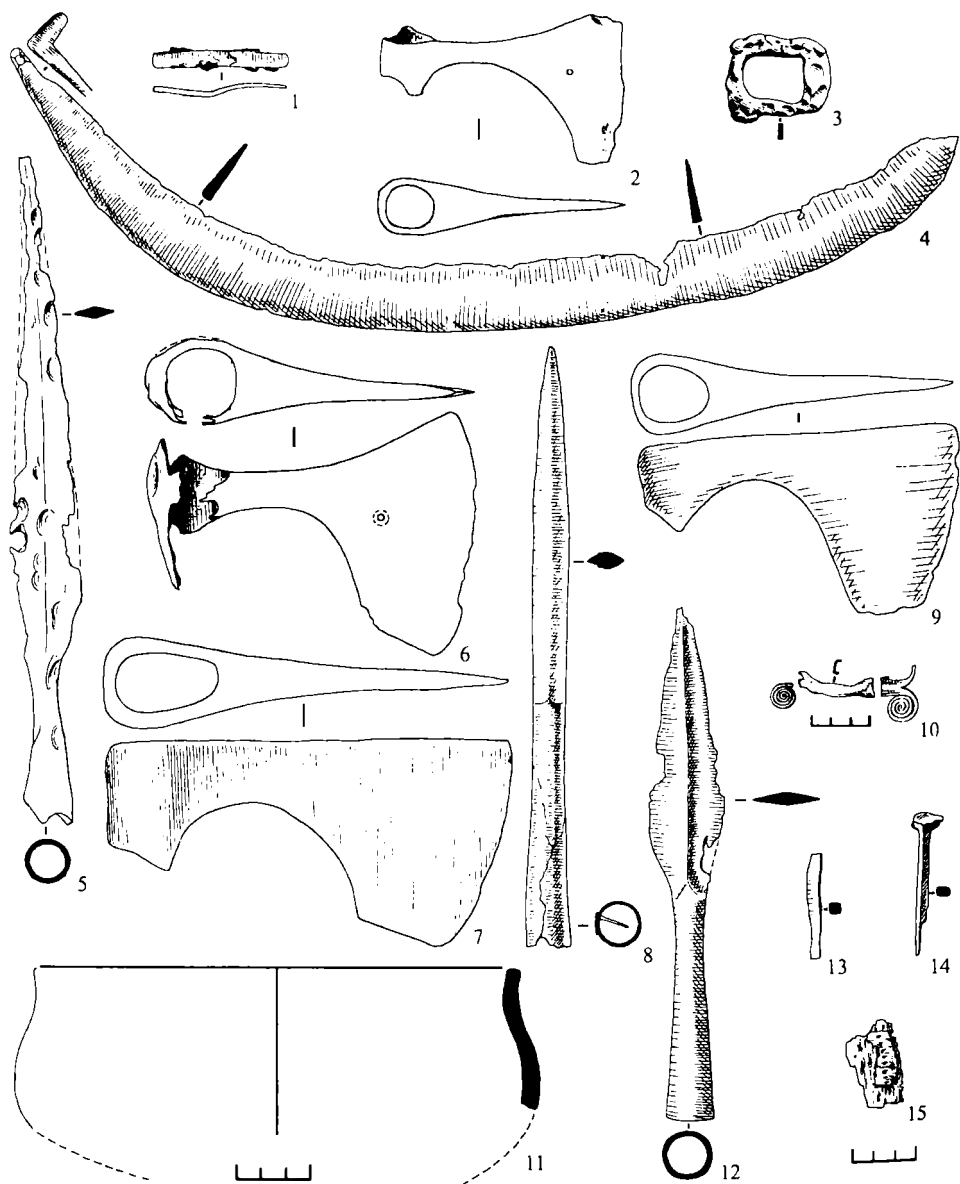

Таблица СХХІІІ. Находки из курганов, исследованных А. А. Спицыным: 1—6 — из кургана № 6; 7, 8 — из кургана № 7; 9—11 — из кургана № 8; 12—15 — из кургана № 9 (1—9, 12—14 — железо; 11 — керамика; 15 — береста).

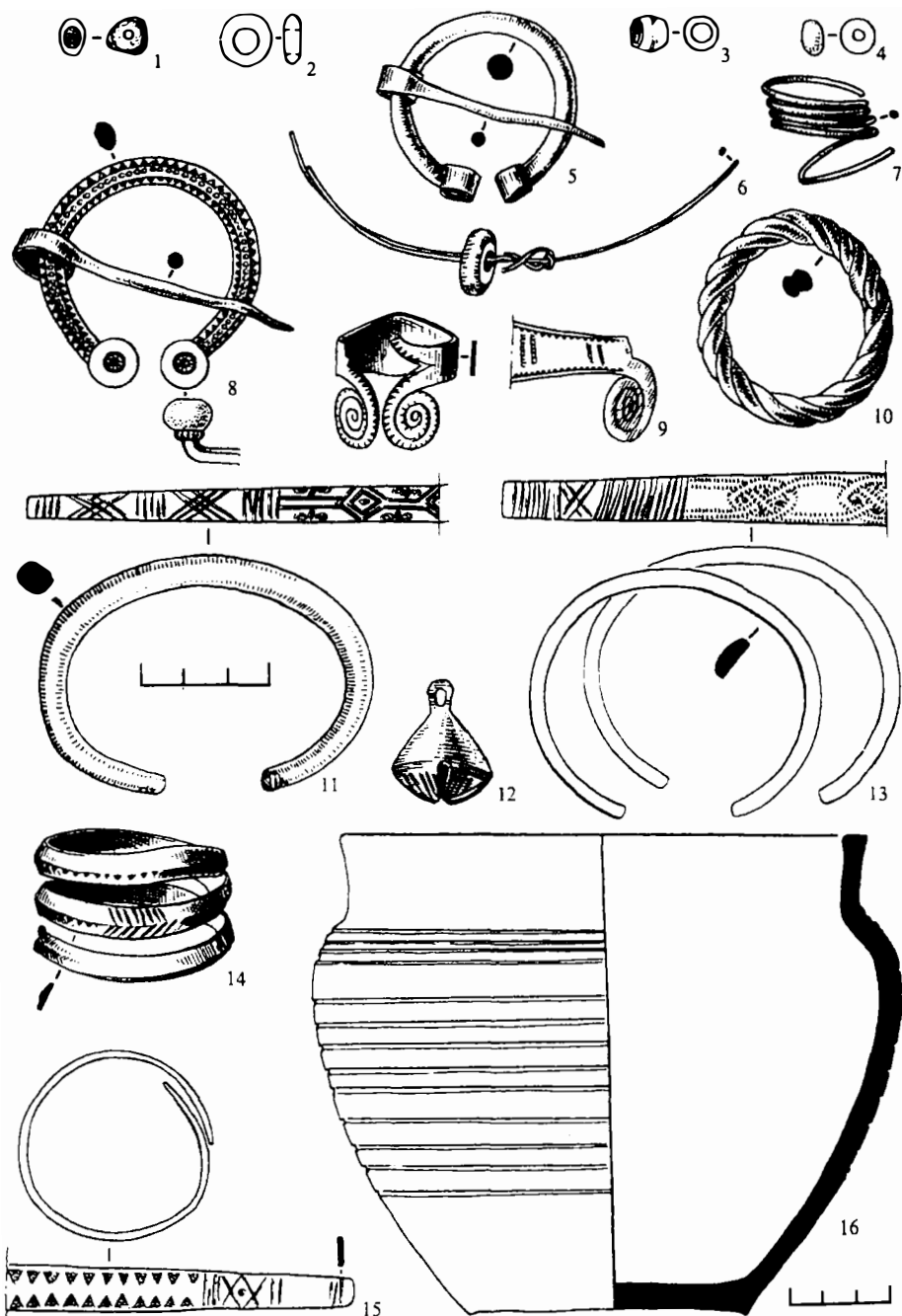
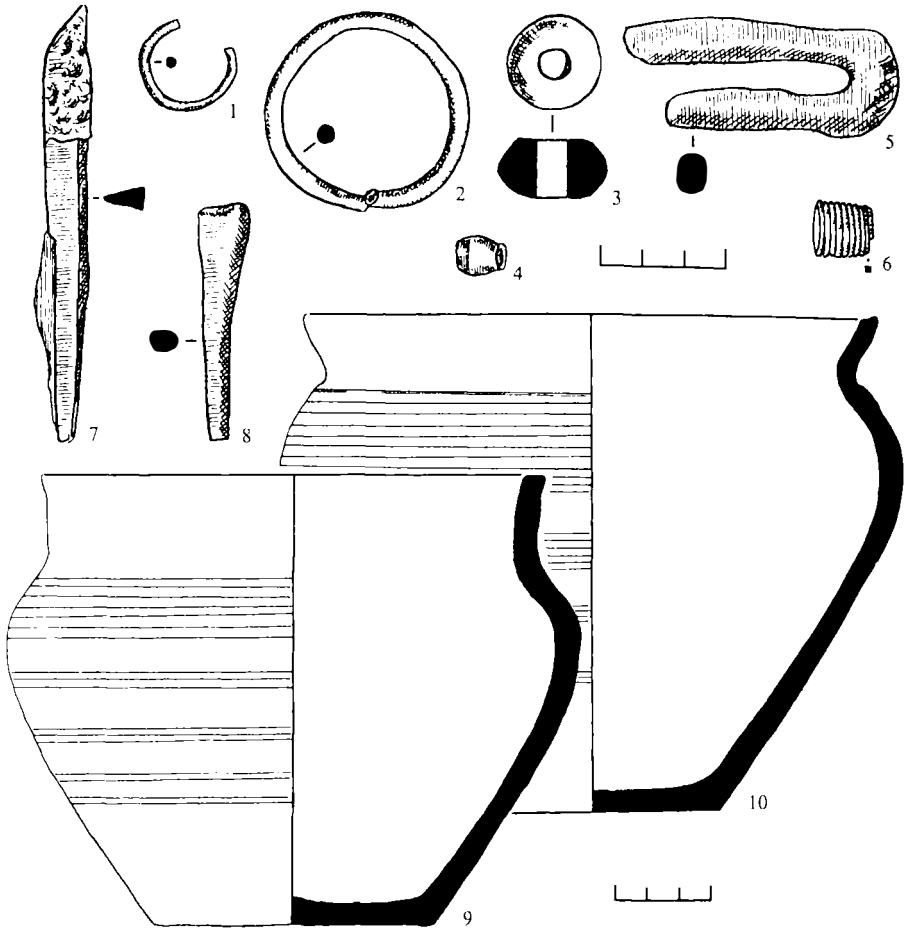

Таблица СХХIV. Находки из кургана № 9, исследованного А. А. Спицыным (1—4 — стекло; 5, 7—15 — цветной металл; 6 — бронза с янтарной бусиной; 16 — керамика).

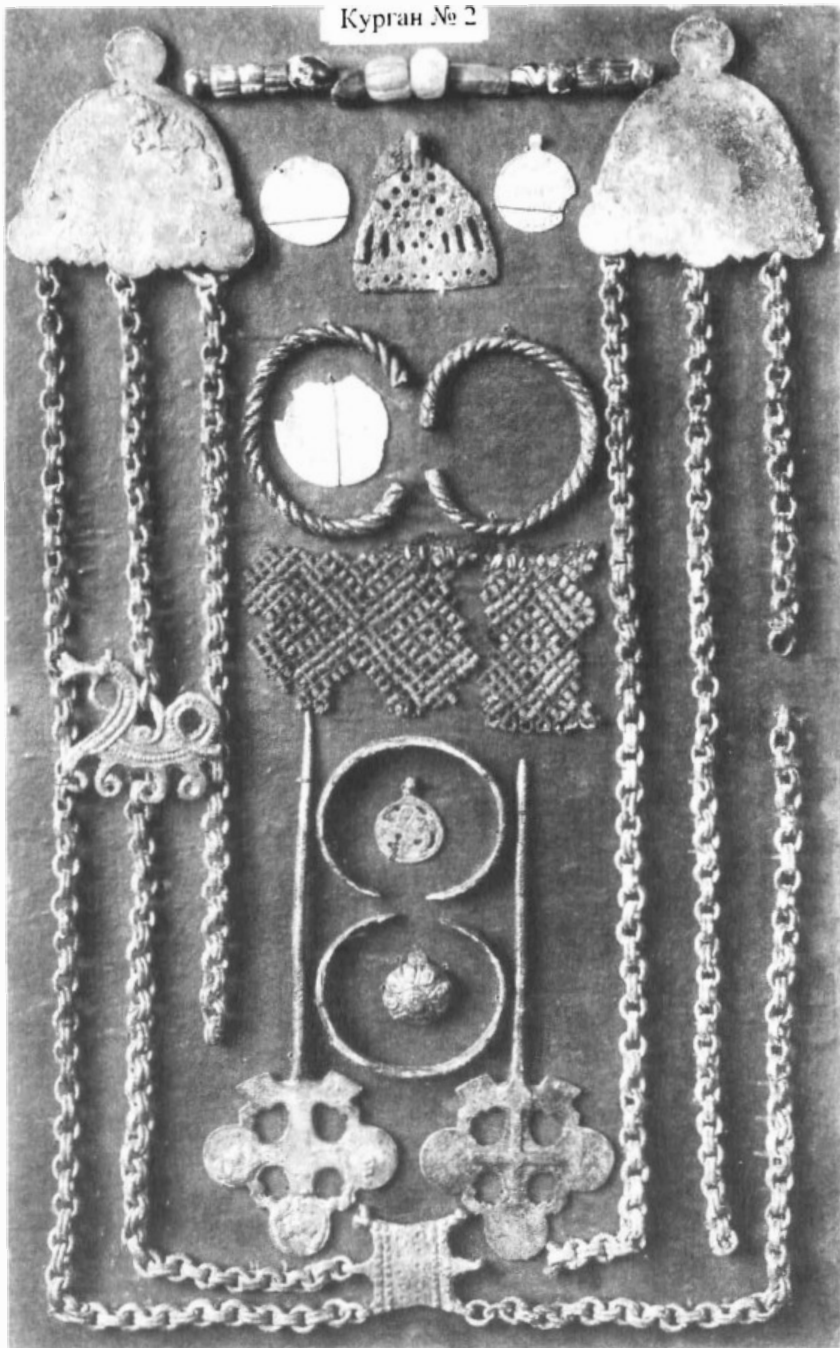
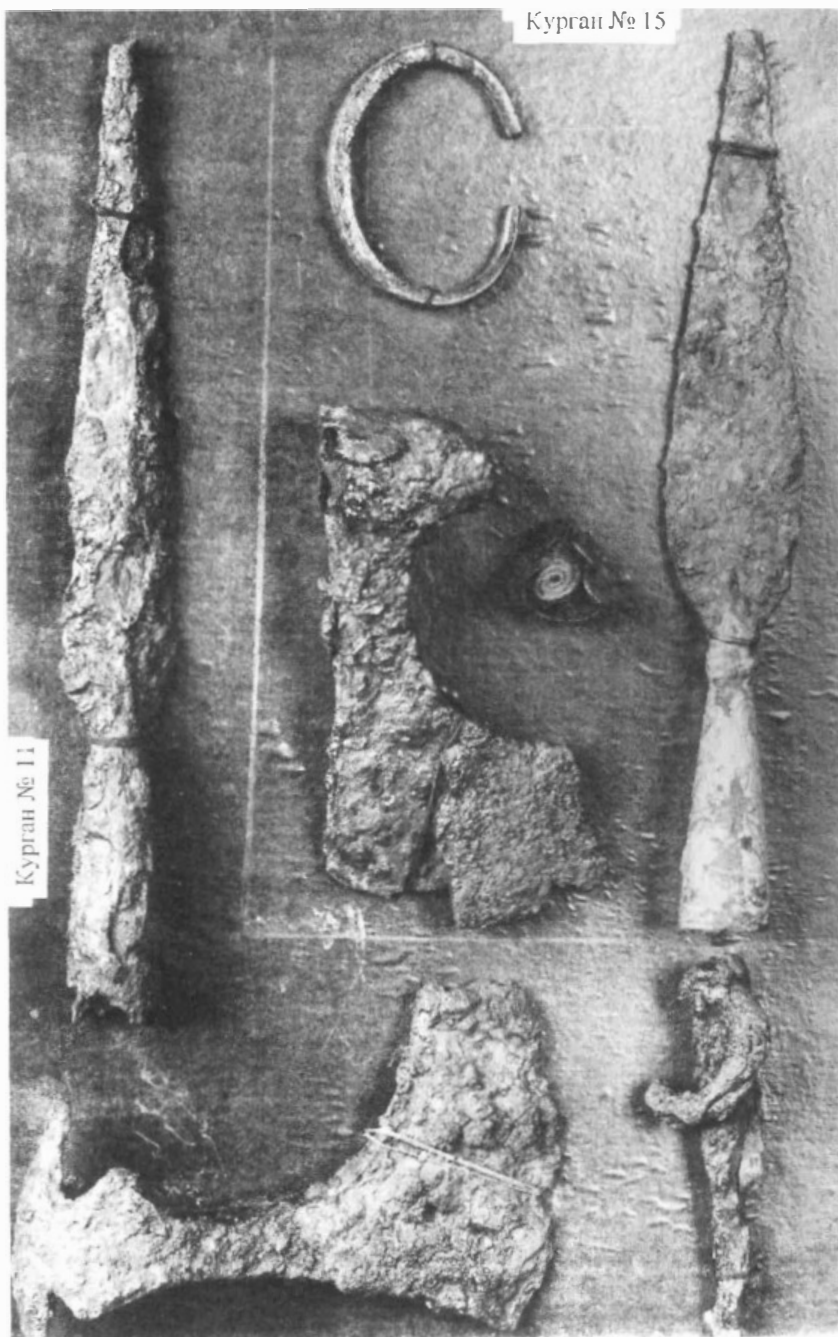

Таблица СХХVI. Находки из кургана № 2, исследованного К. Д. Трофимовым (фотоархив ИИМК РАН. Инвентарный номер 9807).

Таблица, СХХVII. Находки из курганов №№ 11, 15, исследованных К. Д. Трофимовым (фото-архив ИИМК РАН. Инвентарный номер 9808).

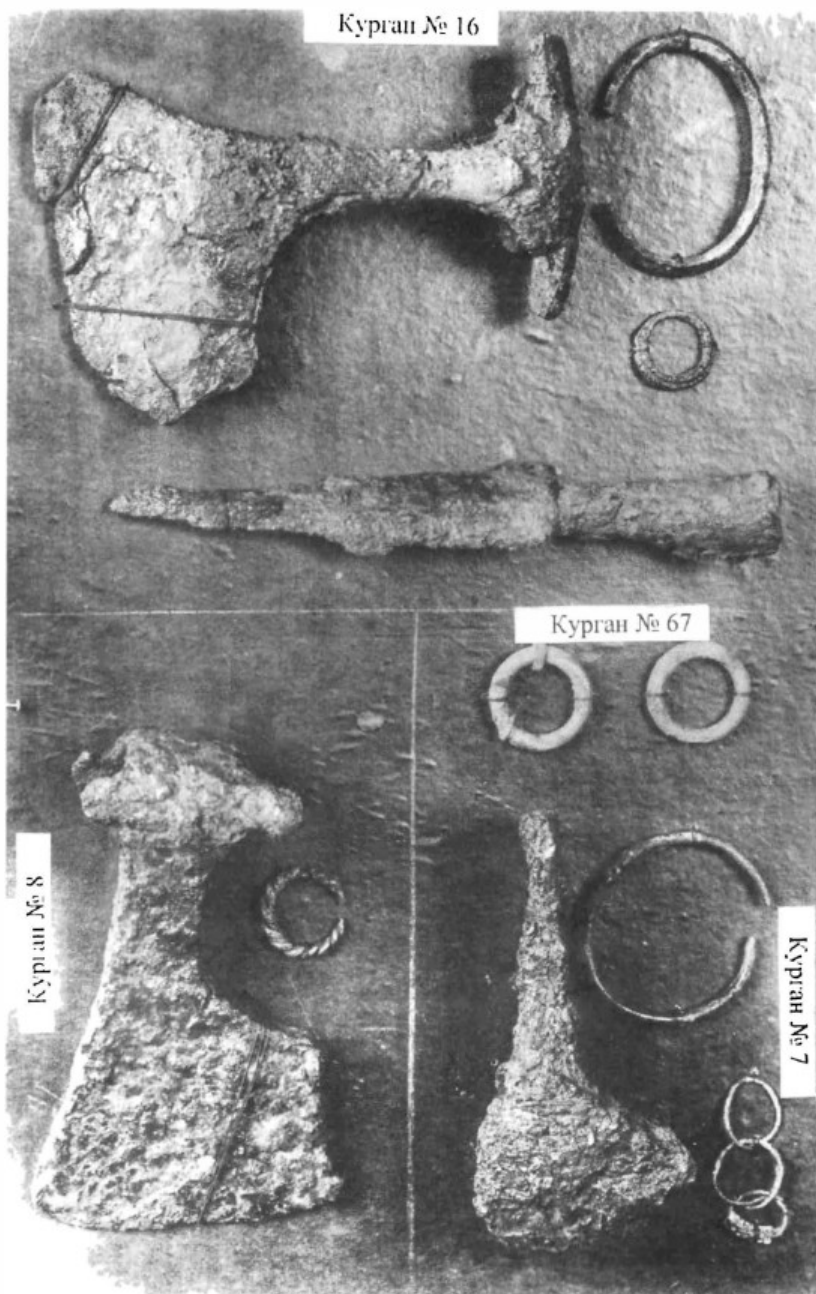

Таблица СХХVIII. Находки из курганов № 7, 8, 16, 67, исследованных К. Д. Трофимовым (фотоархив ИИМК РАН. Инвентарный номер 9806).

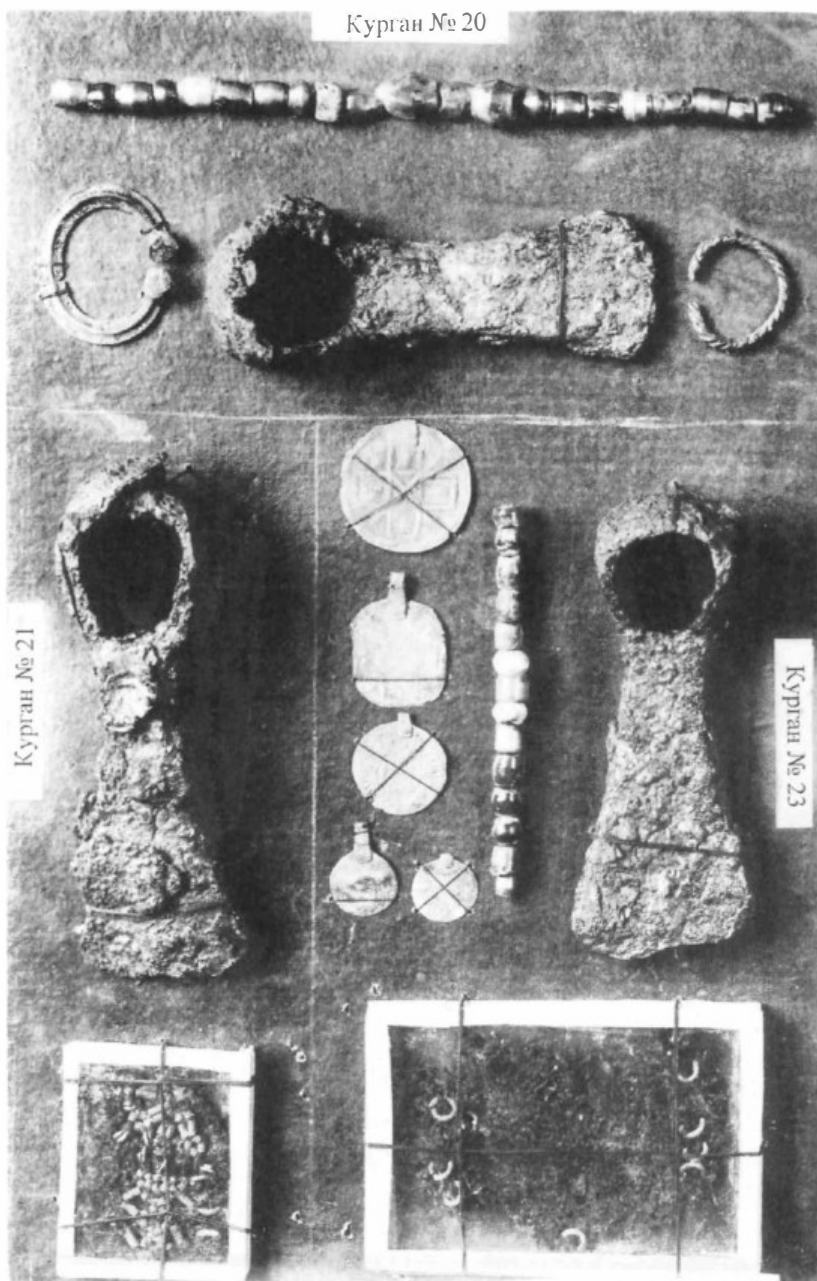

Таблица СХХІХ. Находки из курганов № 20, 21, 23, исследованных К. Д. Трофимовым (фотоархив ИИМК РАН. Инвентарный номер 9806).

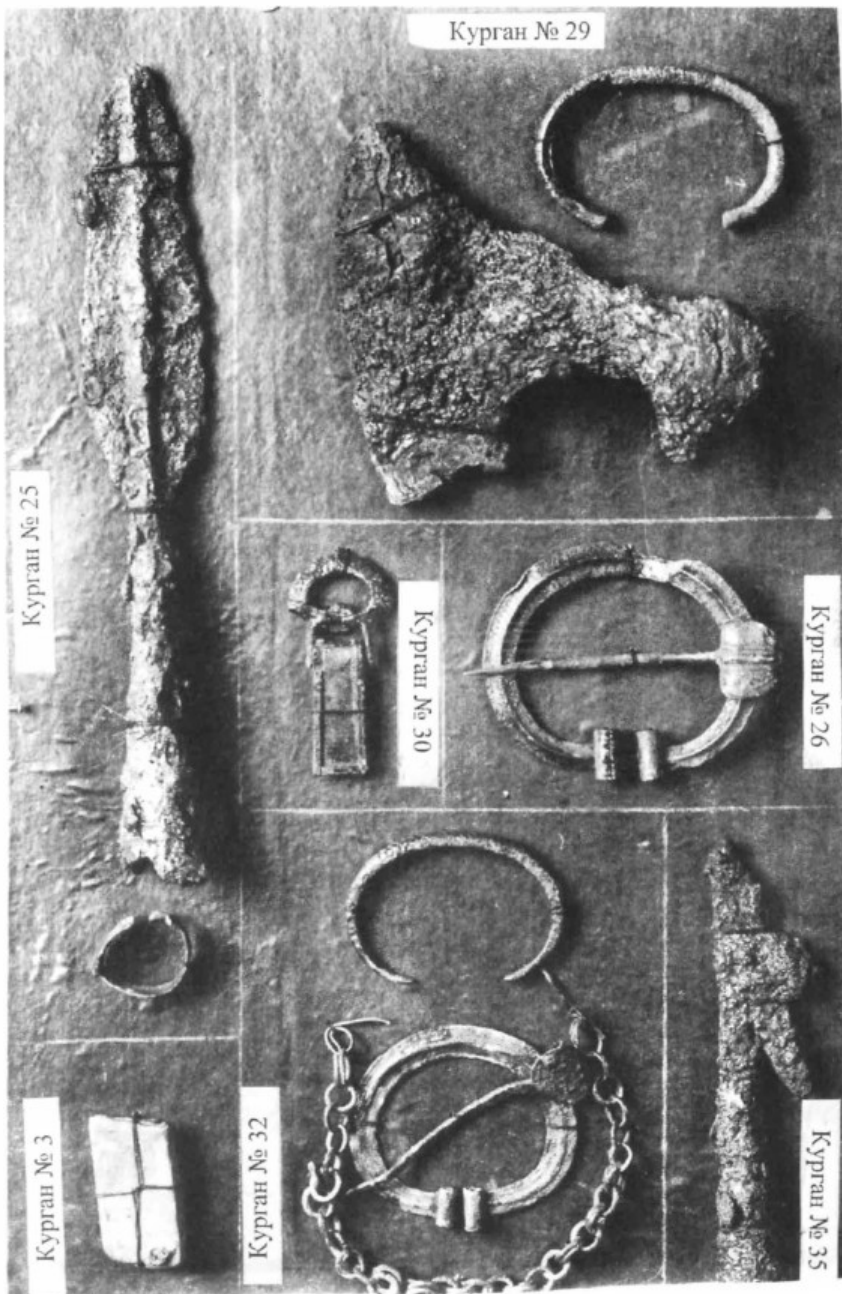
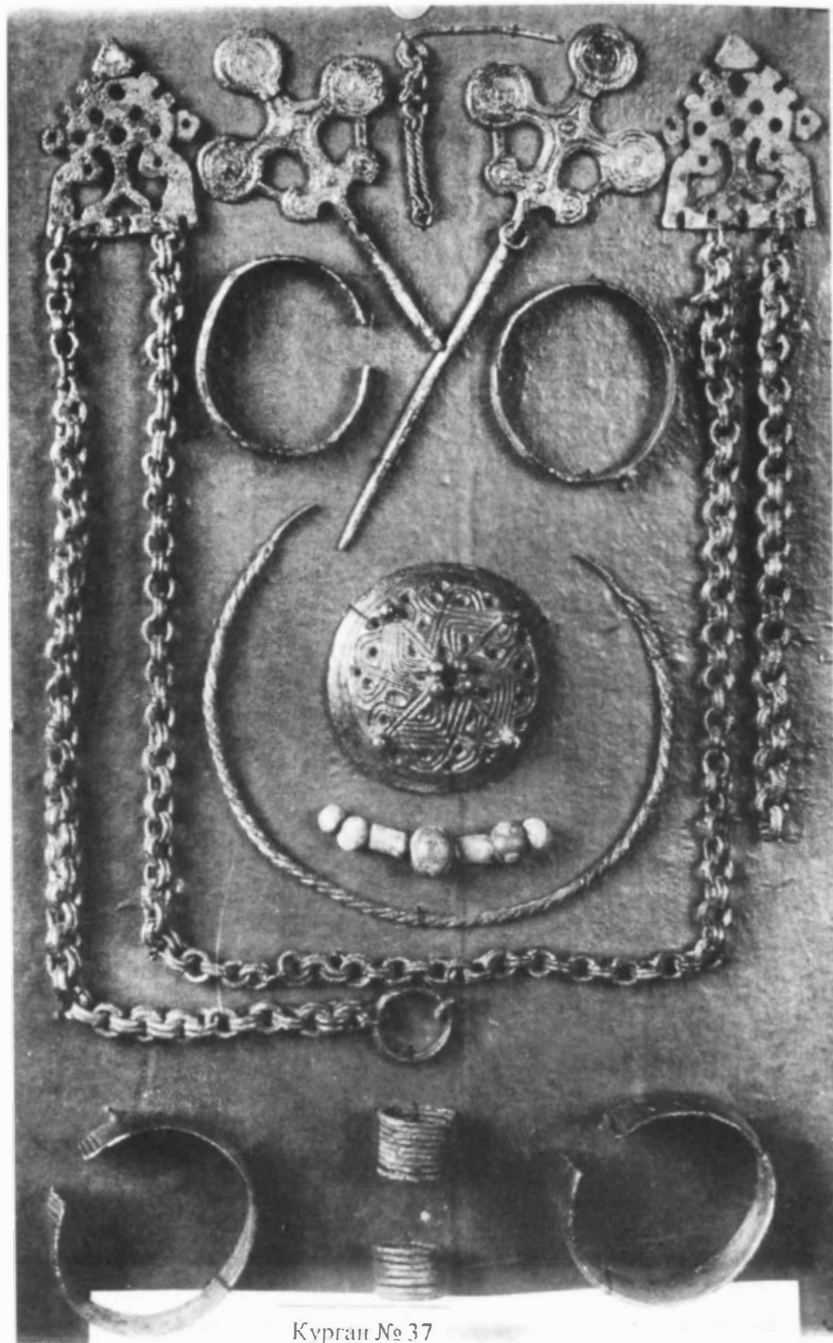

Таблица СXXX. Находки из курганов № 3, 25, 26, 29, 30, 32, 35, исследованных К. Д. Трофимовым (фотоархив ИИМК РАН. Инвентарный номер 9808).

Курган № 37

Таблица СXXXI. Находки из кургана № 37, исследованного К. Д. Трофимовым (фотоархив ИИМК РАН. Инвентарный номер 9809).

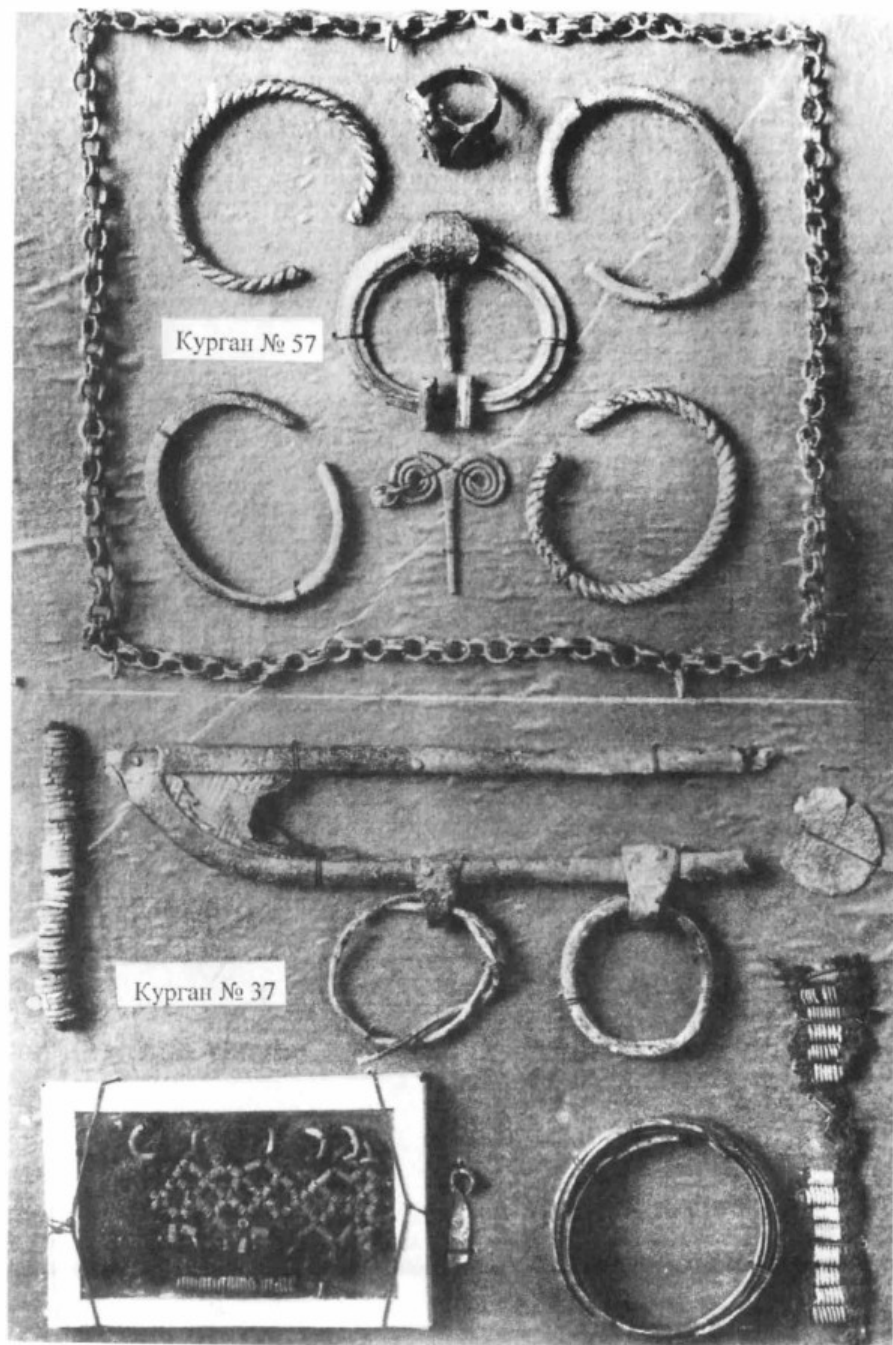

Таблица СXXXII. Находки из курганов № 37 и 57, исследованных К. Д. Трофимовым (фотоархив ИИМК РАН. Инвентарный номер 9809).

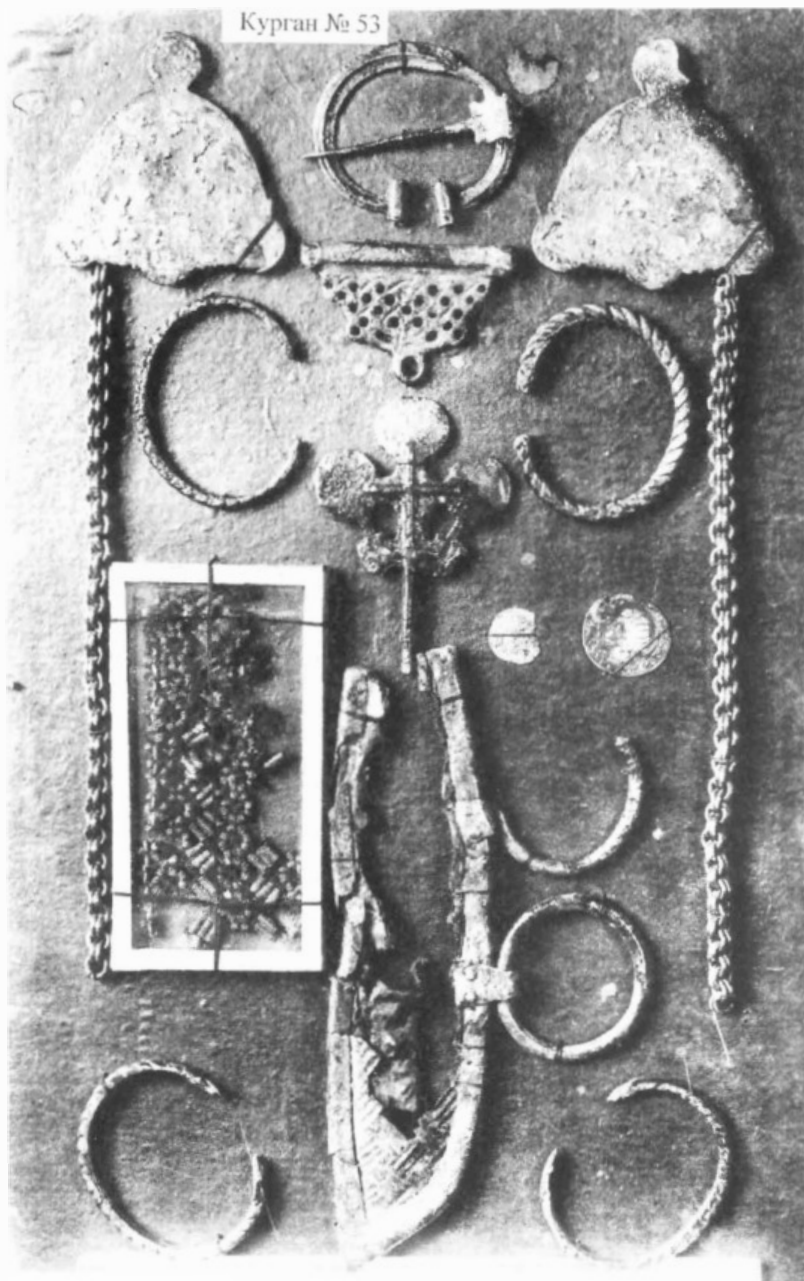

Таблица СXXXIII. Находки из кургана № 53, исследованного К. Д. Трофимовым (фотоархив ИИМК РАН. Инвентарный номер 9805).

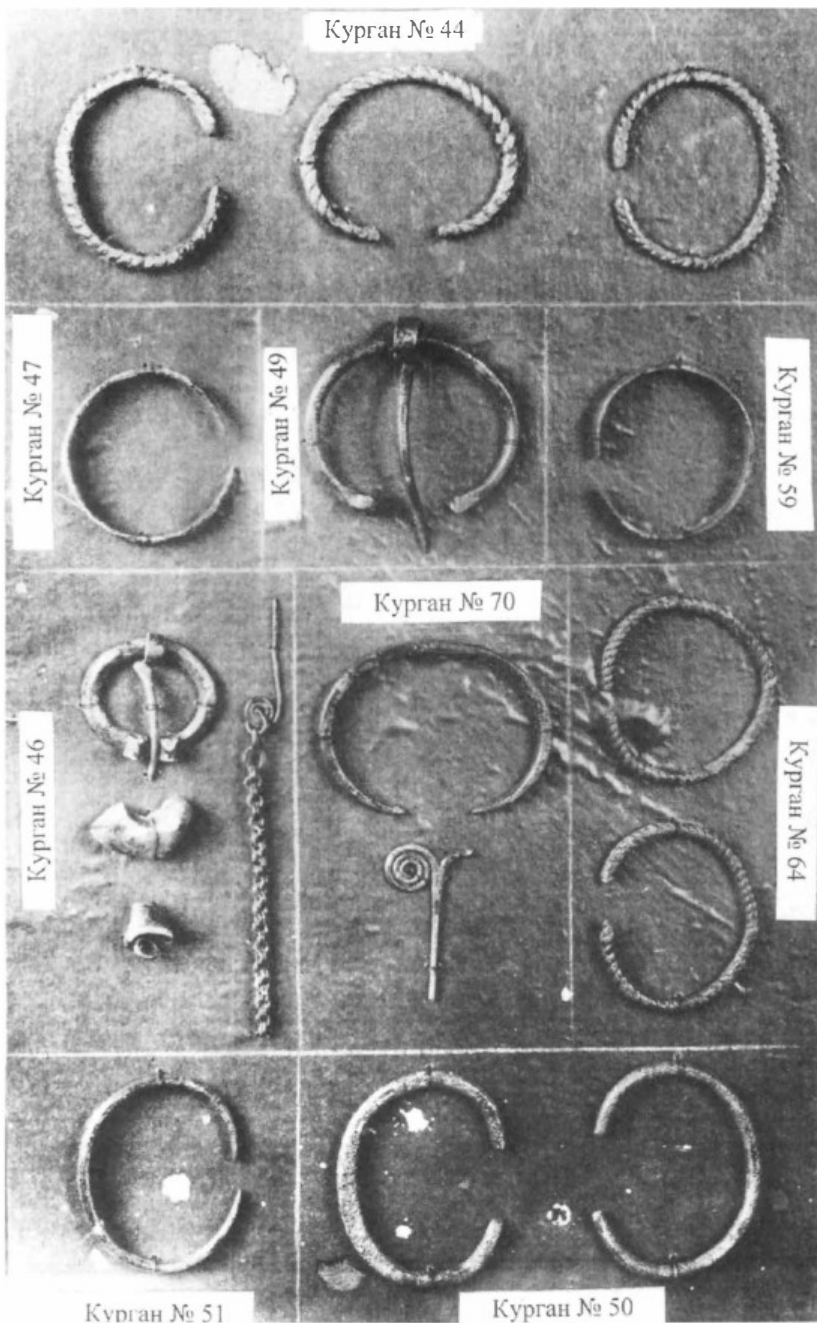

Таблица СXXXIV. Находки из курганов № 44, 46, 47, 49, 50, 51, 59, 64, 70, исследованных К. Д. Трофимовым (фотоархив ИИМК РАН. Инвентарный номер 9805).

1/8

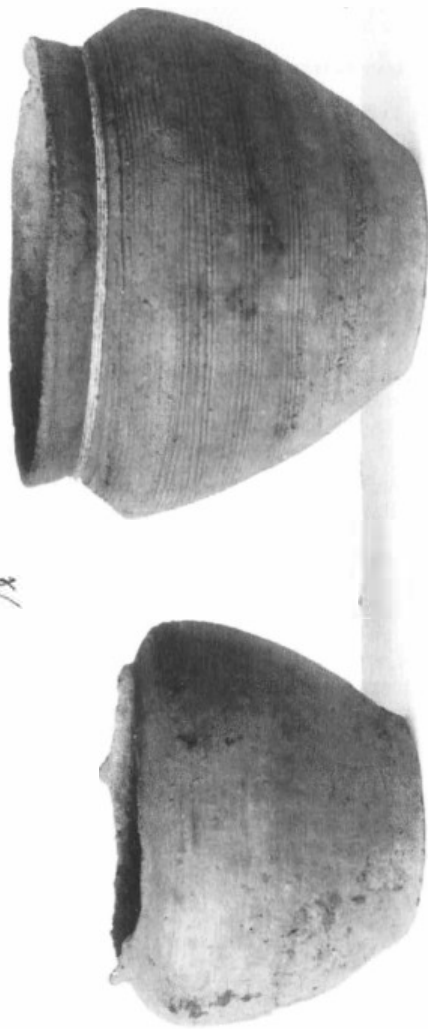

Таблица XXXV. Керамика из курганов, исследованных К. Д. Трофимовым (фотоархив ИИМК РАН. Инвентарный номер 9810).

Наталья Вадимовна Хвощинская
ФИННЫ НА ЗАПАДЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

(По материалам могильника Залахтовье)

Том VI

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Российской Академии наук*

Редактор издательства *М. Е. Устинов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Компьютерная верстка *Г. А. Новиковой*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано к печати 14.10.03. Формат 70×100 1/16.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,83. Уч.-изд. л. 30.
Тираж 500 экз. Заказ № **574**

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Береста»
196006, С.-Петербург, ул. Коли Томчака, 28

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон / факс: (812) 235-15-86
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>